ВЕСТНИК

ФАКУЛЬТЕТА СОЦИАЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ
им. проф. М. А. БОНЧ-БРУЕВИЧА

Сборник научно-теоретических статей

XXIII Международный Балтийский
коммуникационный форум
3–4 декабря 2021 года

Санкт-Петербург
2021

Подготовлен
по материалам конференции преподавателей
на
XXIII Международном
Балтийском коммуникационном форуме

Редакционная коллегия:
А. С. Алёшин, *А. В. Кульназарова, О. А. Яковлев*

Ответственный редактор:
к.и.н., доцент, заведующий кафедрой истории и регионоведения СПбГУТ
А. Б. Гехт

Выпускающий редактор:
магистр, редактор редакционно-издательского отдела СПбГУТ
В. А. Соловьева

Председатель редакционной коллегии:
к.п.н., доцент, декан факультета Социальных цифровых технологий СПбГУТ
Д. В. Шутман

Печатается по решению
Ученого совета факультета Социальных цифровых технологий
Санкт-Петербургского государственного университета
телекоммуникаций

ISBN 978-5-89160-250-2

© Факультет Социальных цифровых технологий, 2021

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Белова Е. В., Еникеева Е. М. Определение стилей поведения в конфликте на основе уровней межличностного общения 9

Вельмякина С. С. Влияние коммуникации с сотрудниками на их мотивацию во время удаленной работы 13

Галиева Т. Р., Фомина Г. А., Яковлев А. А. Применение методологии Agile как способ эффективной коммуникации при разработке программного обеспечения 16

Землякова К. В., Кульназарова А. В. Цифровые медиа в профессиональной деятельности выпускников направления «реклама и связи с общественностью» 20

Кирьянова Н. В. Информационные технологии и образование: дистанционный режим 23

Котлярова А. А., Шутман Д. В. Связи с общественностью в органах государственной власти 27

Кузина О. Е. Влияние неолиберального подхода к понятию «сила» на неореалистическую и конструктивистскую теории международных отношений 32

Кузьмин А. Е. Investor Relations как элемент коммуникационной стратегии публичных компаний 37

Курганова Е. Б., Шерне А. С. Как вырастить своего сотрудника: реализация «стратегии фермера» в отношении зумеров госкорпорацией «Росатом» 40

Кутузова З. Д. Эффективное продвижение организации по продаже автозапчастей в социальных сетях 43

Мальчёнкова А. Е. Проблема публичности и интимности в киберпространстве 48

Наумов Д. И. Военно-историческая реконструкция как инструмент (де)конструирования исторической памяти молодежи 50

Содержание

Татарникова И. М. Наукометрические показатели, определяющие публикационную активность организации: противоречия в методах подсчета 54

Тихонова И. А. Особенности разработки коммуникационной стратегии продвижения первичной жилой недвижимости в социальных сетях..... 60

Фёдоров А. В., Киселёва Л. С. Геймификация как коммуникативная технология во внутрикорпоративной среде..... 63

Хаблак И. А. Роль рекламы в продвижении бренда APPLE..... 67

Хомич Н. К. Студенческие объединения в пространстве воспитания 70

Щетинина Д. А. Характеристика конкурентоспособности вуза..... 75

Юмашева И. А. Теоретико-методологические подходы к классификации медиакоммуникаций 78

РАЗДЕЛ II. СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Астафьева-Румянцева И. Е. Культурная апроприация в индустрии моды 85

Бекшаева Н. Э. Влияние пандемии COVID-19 на миграционную политику Германии..... 89

Белова Е. В. Пространственно-временные характеристики репрезентации управленческих ситуаций инновационными лидерами 94

Белова Е. В., Жадан Р. А. Информационно-психологические особенности восприятия искусства молодежью..... 98

Биктимирова Р. Р. Петроислам как экспортный продукт культурной политики стран персидского залива 102

Бусов С. В. Ценности и смыслы человеческого бытия: синергетический подход..... 105

Вязьмин А. Ю. Интерпретация фрагмента Гераклита 102 DK..... 109

Галиева Т. Р., Чижик П. А. Экология и общество: анализ экологических проблем и влияние на качество жизни населения (на примере Ленинградской области)..... 112

Гехт А. Б., Неровный А. В. Шпицберген: большие перспективы маленького архипелага..... 115

Гехт А. Б., Рязанцева Е. А., Эйдемиллер К. Ю. В стратегическом фокусе: Арктика во внешней политике Дании (1990–2000-е гг.) 120

Содержание

Иванова А. М. Перспективные направления сотрудничества европейского космического агентства (ESA) и японского агентства аэрокосмических исследований (JAXA)» 128

Измозик В. С. Сводки Советского информбюро в годы Великой Отечественной войны как инструмент политического воздействия. Рецензия на книгу «О. А. Баландина, А. Ю. Давыдов. Власть, информация и общество. Их взаимосвязи в деятельности советского информбюро в условиях великой отечественной войны. Спб.: Евразия, 2020. – 317 с.» 131

Кузнецова Е. И., Кузнецова Л. П. Деятельностный подход в освоении истории в рамках ФГОС 135

Кузнецова Е. И., Кузнецова Л. П. Теоретические аспекты построения политических наций на постсоветском пространстве 139

Кулик Д. А., Церковникова Н. Г. Проектирование профессионального самоопределения современных подростков 143

Львова О. Л., Потапенко Т. Г. Причины возникновения каталонского сепаратизма 146

Мальцева О. Л., Островерхий С. М. Внедрение опыта Советско-финляндской войны в планы и программы высшей вневойсковой подготовки студентов Ленинградского электротехнического института связи 150

Молчанова Т. В. Применение цифровых технологий в гуманитарной сфере 154

Овчинникова Е. Г., Овчинников Н. Н. К вопросу о национальной идее России 158

Перевозчикова В. А. Американо-израильские отношения в период президентства Барака Обамы 162

Селивёрстов В. Л. Заметки профессионального дилетанта 5.0: общество без(на)силия 164

Сиаппони Я. С., Измозик В. С. Финская политика нейтралитета. Советско-финские отношения 169

Скалацкий В. Ю. Финансирование социальных движений: современные практики и тенденции 171

Соловьёв К. А. Право и «цифровая личность»: проблемы эволюции простоты 175

Солянко Л. А., Терентьева Е. А. Креативная экономика Великобритании 178

Спиридонов А. А., Соболь Л. К. Эволюция цифровой дипломатии в США 182

Содержание

Терентьев В. О. Связисты первой мировой войны (на примере команды связи 199-го пехотного кронштадтского полка) 184

Терентьева Е. А., Черкасов Д. Г. Религиозные организации современной Швеции: социокультурные и политические аспекты деятельности 184

Тумаков Д. В. Антивоенное движение в период первой чеченской войны 1994–1996 гг. в российской провинции» (по материалам верхней волги) 193

Фатемэ Х. М. История иранской традиционной музыки: курдская музыка 196

Фаткина Е. И. Основы организации системы экспортного контроля в Швеции 200

Федоренко Е. Н. Роль программы Interreg в региональной политике Европейского союза 204

Цверианашвили И. А. Стэн Селандер (1891–1957): вехи жизни и творчества 209

Цыгоняева А. Ю. Подходы к определению понятия «современность» в контексте западноевропейской культурологической мысли 212

Шабалкин И. Р. Популизм в России в путинскую эпоху 216

Янишевская И. В. Экотопия как социальный проект 221

РАЗДЕЛ III. СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН СТУДЕНТАМ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ

Абыякая О. В. Землякова К. В. «Британские ученые»: от мема к фразеологизму 225

Алёшин А. С. Марина Цветаева и Карин Бойе в зеркале биографических и творческих параллелей 229

Алилова Д. Г. Мифологема дракона в «Триумфе Оуэна» Т. Грея 233

Булатова А. Б. К вопросу о ценностно-смысловых основах подготовки бакалавров зарубежного регионоведения 236

Горшкова Е. А. Некоторые проблемы перевода английского технического текста в группах студентов-математиков и студентов инженерных специальностей (из педагогической практики) 240

Желтова Е. П., Маршева Н. В. Модель смешанного обучения в преподавании иностранного языка магистрантам технических вузов 243

Иванова В. А. Опыт использования видеоресурсов при проведении дистанционных занятий 248

Кузьмина А. В. Сторителлинг эффективный метод заучивания лексики в технических вузах 252

Куликова М. Н. Фонографические средства изображения звукоподражательных единиц в аспекте перевода 255

Левина О. М. Межкультурное медиаобщение адресата с адресантом: особенности и трудности осуществления. 258

Левчук С. Ю. О повышении культурной грамотности студентов при изучении дисциплины «Мировая и отечественная литература» 262

Лейбенсон Ю. Т. Спасение утопающих среди античных древностей: изучение древнегреческого языка студентами-историками 266

Маринская А. П. Исследование мотивационно-целевой базы иноязычной самообразовательной деятельности в техническом вузе 270

Мирзоян И. Э. Семантика немецких фамилий в процессе изучения немецкого языка студентами неязыковых факультетов 275

Молчанов А. П., Желтова Е. П. Музыка как триггер в повышении академических успехов и интеллектуальных способностей студентов 279

Парамонова М. И. Семантические особенности англоязычных новостных хедлайнов (на материале веб-версий газет) 284

Руденко Ю. В. Экфрасис как конструктивный блок интертекста в творчестве А. Битова и Д. Фаулза 288

Сейтумеров Р. Р., Фролова Т. А. К вопросу о продолжительности изучения иностранного языка в техническом вузе 291

Серебрякова С. Г. QR-код – будущее цифрового повествования? 295

Танашев С. Р., Маршева Н. В. Применение концепции M2M в образовательной среде 298

Тенеряднова С. П. Активизация познавательного интереса студентов к изучению русского языка и культуры речи посредством инфографики 304

Токарева К. Д., Федорова О. М. Язык как средство формирования идентичности автора мемуарных текстов 308

Шаронова В. Б. Яшина О. С. Что такое digital-поэзия, и где она обитает? .. 312

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ИННОВАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ: ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ГРАЖДАНСКУЮ АКТИВНОСТЬ»

ROUND TABLE “POLITICAL GOVERNANCE INNOVATIONS: EFFECTS OF DIGITAL TRANSFORMATION ON CIVIC ENGAGEMENT”

Содержание

Галиева Т. Р., Михайлов В. Д. Коммуникационный сервис управления контентом на базе технологии ASP.NET Core Web API 315

Косоруков А. А., Осипов В. С. Механизмы цифровой мобилизации молодежи на примере российских, белорусских и гонконгских телеграм-каналов 318

Кульназарова А. В. Проблема электронного голосования в Европейском союзе 324

Кульназарова А. В., Нестерова М. В., Шутман Д. В. Электронное голосование в странах Европейского союза 327

Парфенов Д. Д., Иванова В. А. Технологии машинного обучения и обработка естественного языка в сфере защиты информации 331

Румянцева Е. В. Реализация цифровой трансформации в отраслях экономики: социокультурный аспект 335

Савельева А. А., Швидкий А. А. Исследование предпосылок создания и методов реализации цифрового суверенитета в России и ЕС 338

Савельева А. А., Швидкий А. А. Краткий обзор подходов и моделей управления интернетом 342

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 348

.

РАЗДЕЛ I

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 159.923

Е. В. Белова, Е. М. Еникеева

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТИЛЕЙ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ НА ОСНОВЕ УРОВНЕЙ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ

E. Belova, E. Enikeeva

CONFLICT BEHAVIORAL STYLES DESCRIPTION BASED ON INTERPERSONAL COMMUNICATION LEVELS

В статье дается определение стилей поведения в конфликте с учетом уровней межличностного общения и видов влияния. Анализируется модель Томаса-Килманна с учетом дополнительной шкалы ценности межличностного общения. Рассматриваются на примере динамики группы особенности различных систем межличностных отношений («субъект-субъект», «субъект-объект»). Определяет роль лидера группы в управлении конфликтом.

Ключевые слова: стили поведения в конфликте, психологическое влияние, межличностное общение, групповая динамика

The article provides a definition of style behavior in a conflict, taking into account the levels of interpersonal communication and types of psychological influence. The Thomas-Kilmann model is analyzed with the additional scale of the value of interpersonal communication. Examined the features of various systems of interpersonal relations («subject-subject», «subject-object») using the example of the dynamics of a group. Defined the role of the group leader in conflict management.

Keywords: styles of behavior in conflict, psychological influence, interpersonal communication, group dynamics

Проблема конструктивного разрешения конфликтов является ключевой для сфер делового общения, управления персоналом и межличностного общения. Именно в области изучения природы межличностного общения обсуждается психологическая сторона конфликта не только с внешней, формальной, стилевой стороны, но и с точки зрения механизмов психологического влияния и уровней межличностного общения.

Еще в 1970-х гг. Ральф Г. Килманн и Кеннет У. Томас на основе теоретических представлений Роберта Блейка и Джейн Моутон предложили методику измерения выраженности пяти основных типов стиля поведения в межличностном конфликте: соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание и приспособление. Модель Р. Блейка и Д. Моутон включает пять стилей управления, учитывающих интерес людей и интерес дела [5]: примитивное руководство, авторитарное руководство, социальное руководство, производственно-командное управление, командное управление.

В модели Томаса-Килманна учитываются следующие аспекты конфликтов [1]: какие формы поведения в конфликтных ситуациях характерны для людей; какие формы являются более продуктивными или деструктивными; как возможно стимулировать продуктивное поведение. Дается описание типов поведения людей в конфликтных ситуациях согласно двухмерной модели регулирования конфликтов, учитывающей интересы участников конфликта: 1) соревнование (конкуренция) как стремление добиться удовлетворения своих интересов в ущерб другому; 2)

приспособление, означающее в противоположность соперничеству, принесение в жертву собственных интересов ради другого; 3) компромисс (частичный учет интересов всех сторон); 4) избегание (отсутствие и стремления к кооперации, и тенденции к достижению собственных целей); 5) сотрудничество (совместная альтернатива, выработка общей новой стратегии, полностью удовлетворяющей интересы всех участников). В основе данной модели лежат ориентации участников конфликта на свои интересы и интересы противоположной стороны.

Однако, Е. М. Емельянов [3] дополняет двухмерную модель Томаса–Килманна третьим измерением – ценностью межличностных отношений. Тем не менее, даже учет третьего измерения не раскрывает в полной мере психологическую природу межличностных отношений в конфликте. Рассмотрим возможный вариант разрешения данной проблемы через уровни общения и виды психологического влияния. Выбор уровня общения основывается на ценностном выборе, особенностях мышления, личностных особенностях субъекта и определяет применяемые виды психологического влияния, которые, в свою очередь, задают внешний стиль решения конфликта.

Согласно А. Е. Доценко и А. Б. Добровичу существуют уровни межличностных отношений [1]. По шкале «другой-средство – другой-ценность» по А. Е. Доценко уровни общения распределяются следующим образом: доминирование, манипуляция, соперничество, партнерство, содружество. Только уровень содружества отвечает стилю сотрудничества, тогда как первые три уровня описывают стиль соперничества по Томасу-Килманну. Партнерство опирается на компромисс как основной стиль решения конфликтов. А. Б. Добрович выделяет уровни общения: примитивный, манипулятивный, стандартизированный, конвенциональный, игровой, деловой и духовный. Аналогично первой схеме, только уровень духовный отвечает стилю сотрудничества, тогда как первые два уровня описывают стиль соперничества по Томасу-Килманну. Стандартизированный, конвенциональный, игровой и деловой уровни ближе к стратегии компромисса.

Отметим, что обе модели уровней общения предлагают рассматривать отношения по схожему принципу: выделяются различные градации «субъект-объектных» и «субъект-субъектных» отношений. Хотя в схеме А. Е. Доценко основание для выделения уровней определено («другой-средство или другой-ценность»), обе модели не объясняют количество данных уровней и шаг, который лежит в основе их отличий. Не объясняется и «удельный вес» уровней в системе межличностных отношений. Сопоставляя уровни общения по А. Е. Доценко и А. Б. Добровичу со стилями поведения в конфликте, можно заметить, что стили соперничества, компромисса и сотрудничества вписываются в систему уровней, тогда как избегание и приспособление исключены из уровней, так как инициатива влияния переходит к оппоненту, т. е. происходит исключение инициатора влияния как субъекта («я-средство» или «объект-субъектные отношения»). Следовательно, стилевые характеристики поведения в конфликте отражают внешнюю схему взаимодействия, тогда как уровни общения показывают внутреннюю (для одного субъекта) схему.

Прежде чем уточнить описание стилей поведения в конфликте, отметим, что наиболее ярко природа конфликта через межличностные отношения и виды влияния проявляется в динамике становления команды. Именно в командной работе проявляется разрыв между личностной способностью и готовностью действовать в стиле сотрудничества. Л. Г. Почебут и В. А. Чикер [4] отмечают, что динамика группы – это социально-психологические процессы, приводящие группу в определенные состояния посредством различных групповых механизмов и обеспечивающие ее формирование, функционирование и развитие.

В отечественной социальной психологии представление о динамике группы предполагает рассмотрение целой серии вопросов [4]: групповых процессов, групповых состояний (относительно статический момент динамики группы,

характеризующийся устойчивостью, закрепленностью и повторяемостью действий и психических состояний членов группы, а также социально-психологических особенностей их взаимоотношений и взаимодействия), групповых эффектов, распределения ролей в группе и уровней развития группы. Типологии групп обсуждают исходя из степени подготовленности группы к совместной деятельности (от отсутствия подготовленности до подготовленности совместных действий в экстремальных условиях), общности целей совместной деятельности, четкости структуры группы. В самом общем виде группа проходит через этапы формирования принадлежности, становления, нормирования общности, исполнения и завершения. Отметим, что на этапе формирования принадлежности происходит ряд важных межличностных процессов: ориентация и знакомство, формулирование правил, принятие решения об участии в группе. Становление подразумевает расширение и присвоение ролей, межличностные и внутриличностные конфликты, сопротивление контролю, определение лидера. И только после стадии нормирования повышается сплоченность и идентификация себя с группой, распределяется ответственность, разрешаются конфликты и определяется лидер.

Рассмотрим субъектные особенности отношений в условиях соперничества, компромисса и сотрудничества, а также приспособления и избегания на примере становления команды организаторов БАФО, в состав которого на протяжении пяти лет (с 2017 по 2021 гг.) входит Еникеева Екатерина (в 2020 и 2021 гг. возглавляя студенческий организационный комитет). Форум является некоммерческим, подготовку и проведение осуществляет Оргкомитет, имеющий иерархическую структуру (рис. 1). На примере данного мероприятия можно наглядно описать некоторые специфические особенности становления команды и решения конфликтов. Особенность команды связана с тем, что в состав входят студенты, проявившие личную инициативу по участию в мероприятии: т. е. методы внешнего стимулирования в данном случае оказывают слабое воздействие, акцент идет именно на личности участников и их систему мотивации (ответственность, активность, заинтересованность в научной и организационной деятельности, получение новых навыков и связей и т. д.).

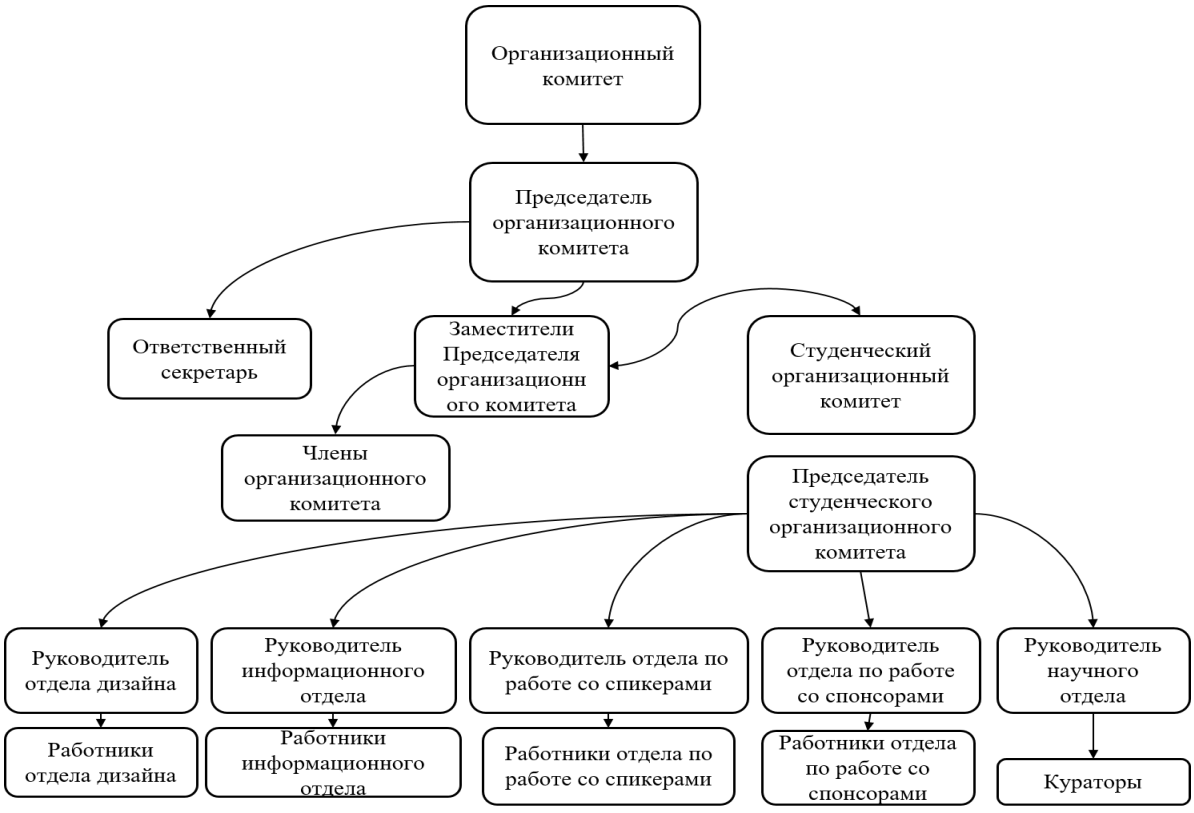


Рисунок 1. Структура организационного комитета БАФО

Чаще всего внутренние конфликты в группе связаны с временными ресурсами, т. е. неготовностью одного из отделов организационного комитета закончить задачу в указанный Председателем срок. Внешние конфликты связаны с качеством подготовки тезисов, т. е. соответствием их критериям, указанным в требованиях. Интересной особенностью работы в команде является трансформация формы избегания как стиля поведения в конфликте в отказ от взаимодействия или уход (как видов психологического контрвлияния по Е. В. Сидоренко), а также преобразование заданной извне формы соперничества в компромисс за счет личностных ресурсов лидеров (например, временных, энергетических, эмоциональных).

Отметим, что важную роль в управлении конфликтами отводится лидеру группы. Социальная чуткость лидеров по Д. Гоулману [2] как компонент эмоционального интеллекта включает сопереживание (умение прислушиваться к чувствам других людей, понимание их позиции и сочувствие), деловую осведомленность (понимание текущих событий, иерархии ответственности и политики), предупредительность (способность предвидеть потребности подчиненных, клиентов, покупателей). Управление отношениями включает воодушевление (умение вести за собой, рисуя захватывающую картину будущего), влияние (владение рядом тактик убеждения), помощь в самосовершенствовании (поощрение развития других людей с помощью отзывов и наставлений), содействие изменениям (способность инициировать преобразования, совершенствовать методы управления и вести работников в новом направлении), урегулирование конфликтов и укрепление личных взаимоотношений, командную работу и сотрудничество. Развитые навыки эмоционального интеллекта важны для реализации стиля сотрудничества.

Таким образом, классификация стилей поведения в конфликте должна включать не только формальную (внешнюю составляющую) интересов участников как принцип взаимодействиях двух субъектов. Стиль поведения в конфликте определяется, прежде всего, внутренними личностными особенностями лидера (мышлением, системой ценностей) и ценностью межличностных отношений. Исходя из этого даже соперничество может быть ценностно-ориентированным стилем высокоэффективного лидера, что хорошо согласуется с исследованиями Д. Гоулмана. Ценность межличностных отношений является отражением личности участников общения. При этом структура личности обеспечивает способность и готовность действовать в определенном стиле, но внешние условия (ресурсы) ограничивают возможности реализации стиля.

Диапазон межличностного общения в конфликте с субъектной точки зрения начинается от «субъект-объектных» отношений (собеседник воспринимается как обезличенный инструмент для достижения цели) до «субъект-субъектных» отношений (собеседник воспринимается как личность с самостоятельной системой мотивации). В случае «субъект-объектных» отношений применяется (с внешней, стилевой стороны) стиль соперничества и механизмы манипуляции или даже варварского влияния (деструктивные критика, констатация или советы). В случае «субъект-субъектных» отношений, в зависимости от наличия ресурсов (временных, управленческие и т. д.), возможны варианты сотрудничества, компромисса или приспособления. Приспособление при этом задействует личностный ресурс лидера и требует, как и ценностно-ориентированное соперничество, развитого эмоционального интеллекта и ассертивности.

В динамике становления группы (на примере команды организаторов БАФО) показана важность третьего этапа становления группы не только во внешнем (стилевом) плане разрешения конфликта, но и во внутреннем плане (ценностном), на котором закладывается вся система уровней межличностных отношений участников. В динамике команды на этапе становления также происходит выбор иерархии стилей взаимодействия («сотрудничество-компромисс-соперничество»). Особую роль занимает в решении конфликтов лидер, который «задает тон» всей ситуации и стилю ее управления. При этом именно мотивационная составляющая (стратегические цели

организации и ценности личности) являются ключевыми для выбора уровня межличностного общения, стиля поведения в конфликте и вида влияния.

Список использованных источников

1. *Белова Е. В.* Психология межличностного общения. Санкт-Петербург : Издательство СПбГУТ, 2019. 150 с.

2. *Гоулман, Д.* Эмоциональный интеллект в бизнесе. Москва : Издательство «Манн, Иванов и Фербер», 2013. 512 с.

3. *Емельянов, С. М.* Практикум по конфликтологии. Санкт-Петербург : Питер, 2004. 400 с.

4. *Почебут, Л. Г.,* Чикер В. А. Организационная социальная психология СПб. Санкт-Петербург : Речь, 2002. 298 с.

5. Психология менеджмента: Учебник для вузов / под ред. Г. С. Никифорова. Санкт-Петербург : Питер, 2004. 639 с.

Белова Елизавета Васильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, limax3@yandex.ru

Еникеева Екатерина Михайловна – магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, kat98@bk.ru

УДК 331.1

С. С. Вельмякина

ВЛИЯНИЕ КОММУНИКАЦИИ С СОТРУДНИКАМИ НА ИХ МОТИВАЦИЮ ВО ВРЕМЯ УДАЛЕННОЙ РАБОТЫ

S. Velmiakina

«THE IMPACT OF COMMUNICATION WITH EMPLOYEES ON THEIR MOTIVATION DURING REMOTE WORK»

В статье рассматривается влияние удаленного формата работы на мотивацию персонала. Анализируется специфика удаленной работы в рамках теории двухфакторной мотивации Ф. Херцберга. Изучается изменение гигиенических факторов удовлетворённости. Выделяется роль коммуникации как основного инструмента воздействия на гигиенические факторы.

Ключевые слова: мотивация персонала, цифровые коммуникации, удаленная работа, коммуникация.

The article examines the impact of the remote work format on an employee`s motivation. The specificity of remote work is analyzed within the range of Herzberg`s two-factor theory of motivation. Changes in the hygiene factors of satisfaction are studied. The role of communication as the main tool for influencing hygiene factors is highlighted.

Keywords: employee`s motivation, digital communications, remote work, communication.

Перемены, вызванные пандемией COVID-19, затронули почти все сферы жизни общества и внесли необходимость перехода к новым форматам работы. Большинство организаций смогли продолжить деятельность в 2020 году, переведя своих сотрудников на удаленный режим работы, только благодаря развитию сферы цифровых коммуникаций.

Смена привычного формата работы для сотрудников компании – это нелегкий процесс, который сопровождается снижением мотивации к работе. Особенно сложным переход стал для персонала тех компаний, в которых дистанционный формат работы не использовался ранее. Уровень мотивации сотрудников к работе подвергся изменению из-за возникновения рядя сложностей, которые являются особенностями удалённого формата работы.

Согласно теории двухфакторной мотивации Фредерика Херцберга [1] существуют гигиенические и мотивирующие факторы, влияющие на удовлетворенность работой, которые в совокупности могут оказать влияние на мотивацию. Положительные гигиенические факторы не направлены на то, чтобы вызвать чувство полного удовлетворения и повысить эффективность работы. Это возможно только с применением мотивирующих факторов, которые необходимы для получения полной отдачи со стороны работника, для максимальной производительности труда. Тем не менее без учета гигиенических факторов невозможно предупредить недовольство персонала, вызвать у сотрудника стремление заниматься работой. При неудовлетворённости сотрудника применение мотивирующих факторов будет неэффективно - отрицательные гигиенические факторы приведут к полной неудовлетворенности работой и изменить это будет сложно.

Если рассматривать специфику удаленного формата работы с точки зрения ее влияния на мотивацию согласно теории Ф. Херцберга, то при этом формате работы подвергаются изменению именно гигиенические факторы, удерживающие сотрудника на работе. Устранение причин, вызывающих неудовлетворённость работой в новом режиме, необходимый шаг для усиления мотивационного воздействия от применения мотивирующих факторов.

При переходе на удаленный формат работы компании и сотрудники столкнулись в первую очередь с необходимостью решать организационные вопросы по смене рабочего места на домашний офис. Привычные условия труда полностью подверглись изменению. Те компании, где использование современных средств коммуникации было активным до пандемии, сумели быстро наладить новый рабочий процесс, обеспечив необходимой техникой сотрудников, уделив время контролю за скоростью адаптации сотрудников к новому режиму. Развитость IT-инфраструктуры стала решающим фактором в вопросе скорости и удобстве перехода к новому формату. Доступ к рабочих файлам и документам, просмотр которых разрешён или возможен только с рабочего компьютера, ввиду их расположения на внутреннем сервере, стал другой проблемой работодателя и служб безопасности в компаниях. Из-за отсутствия времени на подготовку к переходу компании не успели разработать регламент для решения проблем с доступом и правами сотрудников.

Изменения в условиях труда затронули не только зону ответственности работодателя по части организации рабочего пространства, но и необходимость самостоятельной настройки домашнего офиса со стороны сотрудника. По данным исследования, проведенного «Superjob», респонденты называют отвлекающие факторы причиной неудовлетворенности удаленной работой: сложность сочетать домашние и рабочие обязанности (31 %), проблемы со связью (28 %), присутствие детей и домашних животных (26 %) [2]. Все эти проблемы мешают рабочему процессу, усложняя его и снижая вовлеченность сотрудника в работу. Изменились и условия труда по части продолжительности рабочего дня сотрудника: по данным ВЦИОМ 6 % респондентов согласились с этим утверждением [3]. Границы начала дня и окончания работы стали размыты, увеличилось количество переработок. Оказание поддержки сотрудникам при переходе на домашний офис, руководство рабочим процессом, выделение времени на адаптацию и обучение сотрудников, а также внедрение новых норм коммуникации в нерабочее время помогут снизить неудовлетворенность от этого гигиенического фактора.

Использование цифровых коммуникаций сделало возможным дистанционный формат работы, но повлияло на гигиенические факторы. Формат коммуникации особенно подвергся изменению в новых условиях. Необходимость внедрения в рабочий процесс новых средств коммуникации сложнее всего было воспринято теми сотрудниками, кто мало использует цифровые коммуникации в жизни. Возникла необходимость обучения работе в новом программном обеспечении, без которого полноценная коммуникация между сотрудниками невозможна. Процесс взаимодействия между персоналом усложнился, тем не менее использование разных средств коммуникации позволяет ускорить получение обратной связи по рабочим вопросам.

Работа в новом режиме оказалась трудна не только для сотрудников, но и для руководителей. Неумение перестроить систему оценки эффективности и ужесточение методов контроля за работой подчиненных со стороны руководителя только усложнило рабочий процесс и привело к снижению удовлетворенности и общей мотивации. Без очного присутствия персонала на рабочем месте стало труднее отследить как сотрудник использует рабочее время, в связи с чем компании вводили методы контроля по средствам цифровых коммуникаций. Возрос спрос на программы с общим названием «Bossware», которые позволяют руководству мониторить действия сотрудников на компьютере или цифровых устройствах. Такой метод контроля основывается только на том, что в тот или иной момент рабочего дня делает сотрудник, отвлекается ли он от рабочего процесса. В то же время при удалённом формате работы сотрудники вынуждены подстраивать свою домашнюю жизнь под наблюдение, что оказывает демотивирующее воздействие. Видеозвонки заменили не только рабочие совещания, которые практиковались до наступления пандемии, но и стали использоваться как инструмент контроля за присутствием на рабочем месте. Вместо визуального контроля и постановки задач в формате разовых поручений при удаленной работе более целесообразно использовать формат постановки целей и отчета об их выполнении согласно дедлайну, без привязки к определенному графику, позволяя сотруднику сосредоточиться на выполнении рабочей задачи, а не на отчете руководителю о своей занятости в течение дня. Внедрение новых схем отчётности о выполненной работе необходимо для формирования у сотрудника ориентиров, по которым его будут оценивать, и созданию положительного гигиенического фактора.

Для организации коммуникации между сотрудниками в команде и руководящим составом на время удаленной работы используется ряд средств цифровых коммуникаций: мессенджеры, чаты, программы для управления проектами, например, «Trello». Самым популярным инструментом стали видеоконференции, наиболее востребованными ВКС-сервисами являются «Zoom», «Skype» и «Discord». Несмотря на то, что использование видеосвязи призвано улучшить коммуникацию в команде, избавить сотрудника от чувства изоляции, оно приводит к усилению умственной нагрузки, обрабатывать поступающую информацию становится сложнее. Невербальные сигналы, такие как мимика, жесты, передают 93 % информации при живом разговоре [4]. Они не считываются при просмотре видео, что затрудняет процесс коммуникации, усложняет восприятие. Кроме того, во время видеоконференции собеседники больше внимания уделяют своему изображению, а не предмету беседы, вынуждены поддерживать долгий зрительный контакт с одним человеком. Все эти особенности являются частью нового социального явления, названного «усталость от Zoom» (Zoom Fatigue) [5]. Оно затрудняет коммуникацию, вызывает чрезмерную утомляемость, влияя на гигиенические факторы удовлетворенности.

С наступлением пандемии и переходе на дистанционный формат работы сотрудники оказались не только в социальной, но и в информационной изоляции. Доверие сотрудника к команде и руководству снизилось в условиях отсутствия новостей о состоянии дел в компании. Если ранее источниками являлись очные собрания, планерки или общение с коллегами, то в режиме домашнего офиса руководителю стало

необходимо информировать сотрудников о текущем положении дел в целях повышения доверия, использовать различные средства коммуникации для вовлечения команды. Вопрос неформального общения стал особенно важен, в первую очередь для компаний, где до удалённого формата оно являлось частью корпоративной культуры. От действий руководителя, от оперативности решения возникающих проблем по средствам правильно налаженной коммуникации стала зависеть последующая мотивация сотрудников.

Непредвиденный переход к удалённому формату работы вызвал активное использование в рабочем процессе цифровых коммуникаций. Особенности дистанционного формата работы неизбежно повлияли на мотивацию сотрудников, внесли изменения в ряд гигиенических факторов. Повлиять на ставшие негативными гигиенические факторы удовлетворённости работой стало возможно благодаря правильной организации процесса коммуникации со стороны руководителя. Это помогает упростить адаптацию сотрудников к новому формату работы, выстроить эффективную систему постановки целей и задач, искоренить недостаток информирования и общения во время удаленной работы. При наличии достаточного количества положительных гигиенических факторов возможно создать основу для повышения эффективности труда, повлиять на мотивацию сотрудников для достижения максимальной производительности труда в новом дистанционном формате работы.

Список использованных источников

1. *Херцберг Ф. Б. Моснер Б., Снидерман Б.* Мотивация к работе / пер. с англ. Д. А. Куликов. Москва: Вершина, 2007. 240 с.

2. Россияне назвали главные плюсы и минусы удаленной работы // Официальный сайт РБК. 2021. – URL: https://www.rbc.ru/society/13/12/2020/5fd3532f9a79472e98ef1431 (дата обращения: 04.11.2021).

3. Удаленная работа по-русски: плюсы и минусы // Официальный сайт ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/udalennaja-rabota-po-russki-pljusy-i-minusy (дата обращения: 04.11.2021).

4. *Бутовская М. Л.* Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). Москва : Научный мир, 2004. 440 с.

5. Nonverbal Overload: A Theoretical Argument for the Causes of Zoom Fatigue // Technology, Mind, and Behavior – URL: https://tmb.apaopen.org/pub/nonverbal-overload/release/2 (дата обращения: 04.11.2021).

Вельмякина Светлана Сергеевна – ассистент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, s.velmiakina@mail.ru

УДК 316.776.3

Т. Р. Галиева, Г. А. Фомина, А. А. Яковлев

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ AGILE КАК СПОСОБ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

T. Galieva, G. Fomina, A. Yakovlev

THE APPLICATION OF AGILE METHODOLOGY AS A WAY OF EFFECTIVE COMMUNICATION IN SOFTWARE DEVELOPMENT

В этой статье рассматривается методология Agile как способ эффективной коммуникации при разработке программного обеспечения. Описываются этапы непрерывной разработки и интеграции программного обеспечения. Представлены рекомендации по использованию

основных технических и профессиональных средств для повышения эффективности коммуникации в децентрализованных командах разработчиков.

Ключевые слова: коммуникация, методология, Agile, разработка программного обеспечения, CI/CD, автоматизация рабочих процессов.

This article discusses the Agile methodology as a way of effective communication in software development. The stages of continuous software development and integration are described. The recommendations for the usage of general technical and professional tools to improve the effectiveness of communication in decentralized development teams are presented.

Keywords: communication, methodology, Agile, software development, CI/CD, automation of working processes.

Programming is often viewed as a problem-solving activity. This may be true for an independent developer, but in a multi-user team environment, problem solving should be collaborative.

According to the Agile Manifesto [11], people and their interactions are the driving force behind successful software development. The teams organize themselves and must respond quickly to changes. This leads to the fact that good communication is an important component of successful software development [4].

In addition, with the development of technology, more and more companies are creating decentralized development teams, and it provides a higher level of competence within the team [2].

This trend involves the need for the formation of new methods of communication within the company. The peculiarity of such communication is that it should fit into the framework of flexible (Agile) development methods, which are already used in more than 80 % of software development companies [12].

To begin with, it is worth considering what Agile is. Agile (also Agile development methods) is a software development method in which the entire development process is divided into small iterations. This approach makes it possible not to implement the entire project as a whole, but to gradually implement individual functions, thereby refining the system already in operation [11].

Since the improvements are being made to an already operational system, development teams use the principles of CI/CD (Continuous Integration, Continuous Delivery). CI/CD breaks down the implementation of new functionality into the following stages: monitoring, planning, development, assembly, testing, publication, deployment, operation [5]. It shows on Figure 1.

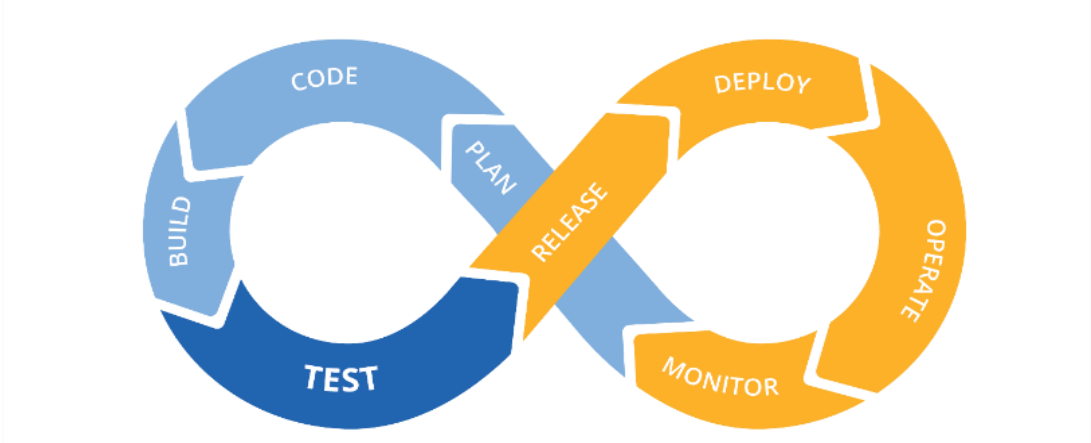


Figure 1. The stages of CI/CD methodology

At each stage illustrated, there is a different kind of communication. Various technical means can be used to increase the effectiveness of communication.

Firstly, it is worth concerning to employ the general technical tools.

At all stages, all participants use a task tracker, a knowledge base, corporate chats, video conferencing systems, screen capture tools and remote desktop management systems. Each of these tools increases the effectiveness of communication in its own way.

The task tracker brings all tasks to a formalized form, which allows you to achieve the integrity of information when setting a task. Examples of such formalization can be the criteria of DoR (Definition of Ready) and DoD (Definition of Done) [6], which formalize the process of taking the task to work and the process of completing the task. Task trackers also allow you to store all the information that may be required for its execution in one place. As an example of a task tracker system, Jira can be given [9].

The knowledge base allows you to store all information about the product being developed in one place, which saves the development team from repeating the same type of questions, reduces the number of questions that each team member receives, increases the reliability of information if the knowledge base is constantly updated, reduces the influence of the bus factor and allows employees not to be distracted from their direct duties by reducing incoming questions. The most famous examples of such systems are Confluence and Azure DevOps Wiki [10].

Corporate chats and video conferencing systems allow you to establish communication in decentralized teams, regardless of distance. Such systems also ensure transparency within the team by discussing work issues in a single communication space. The examples of such systems include Slack, Zoom, Microsoft teams, email, and many others.

Screen capture tools and remote desktop management systems ensure closer interaction of team members during solving a specific task, by rejecting a full verbal or textual description of the problem or solution. For this purpose, TeamViewer, Zoom and Quick Assistance are used [13].

The set of technical tools described above is mainly aimed at communication between employees with different competencies. For the interaction between specialists of the same profile, more specialized tools are used.

So, secondly, it is worth considering to implement the professional technical tools to improve the effectiveness of communication in software development.

Individual team members use professional tools to record the results of their professional activities. The same tools can provide joint project activities of employees of the same profile, thereby increasing the effectiveness of communication among themselves.

For example, information systems architects and analysts can employ systems to compile project documentation. These systems serve for the joint construction of diagrams, on the basis of which further development should be carried out. Miro [1] is known to be an example of such system.

While tracking product usage statistics, monitoring systems are applied. The product owner and analysts make a list of development tasks depending on that statistics. The use of such tools makes it possible to reduce communication between system users and the vendor, to increase the reliability of the data received. The most popular solution for these purposes is to implement Elasticsearch together with Kibana [7].

Designers can use vector graphics editors to design interfaces together when working on the interface. The application of systems with the possibility of joint editing allows not only to achieve uniformity in the interface elements used, but also to simplify communication between designers. So, to show the work to other designers, one need not to send a file with a layout, and making changes to the layout does not generate separate new versions of one file. Such systems also provide access to the current version of the layout for all designers. For this purpose, Figma [14] can be employed.

Development systems (Integrated Development Environment (IDE)) enable developers to track all changes put in the product code by other developers. This operation eliminates the need to describe the changes in detail, and version control systems (GIT) allow to add verbal

descriptions for each change. Different IDEs are used for different programming languages. The examples of multilingual development environments are Visual Studio, QT Creator. GitHub, Github and Bitbucket systems may be responsible for version control [15].

Testing systems can be divided into two large groups. Automated testing systems permit QA (Quality Assurance) engineers to make test plans, and it enables them to reduce communication with analysts and developers to drawing up test cases during the implementation or modernization of individual functions, without duplicating questions during testing. Systems for manual testing have less impact on communication, but they enable to export settings that were used during testing when errors were found. Exported settings are more effective in communication than a verbal description of the problem. As an example of automated testing systems, TestRail [3] can be used, and Postman can be applied for manual testing.

The software of assembling and publishing system allows to include various additional steps in the assembly process, such as conducting automatic vulnerability testing in system components (CVE (Common Vulnerabilities and Exposures) vulnerability testing), and the presented report can be automatically sent to interested parties. The automation of reporting permits to reduce communication between DevOps (Development and Operations) engineers, developers and other stakeholders, increasing the reliability of the transmitted information. Jenkins [8] is proposed to be an example of such system.

Deployment systems simplify the process of installing updates on client devices. The automation of this process is usually provided by the functionality of the application store or by means of a public repository, eliminating the need to create additional update instructions, which in turn reduces communication between the vendor and the end user of the system.

The automation of professional activity enables to clearly demonstrate the results of work, increasing the transparency of each stage of development both between employees of the same profile and as a whole within the team.

Having considered all types of general technical and professional tools described above that can directly impact on the software development process applying the Agile methodology, it is clearly that the workflow automation has a positive effect on communication within the team. The automation of the CI/CD process makes it possible to reduce the amount of communication between employees, increasing the reliability of the transmitted information and structuring the transmitted information by standardization at some stages.

The automation of work processes reduces time spent, which makes it possible to increase the efficiency of employees, thereby saving the company's budget, but the application of such automation leads to additional costs for maintaining this automated infrastructure. So, to set up and operate the systems presented above, additional specialists, computing power and licensing costs of the described systems are required, and the maintenance of information inside the systems requires additional work time of employees.

Based on the above, the conclusion is that the automation has a positive effect on communication within teams, but the feasibility of implementing automation systems to improve the effectiveness of communication in software development directly depends on the size of the development team and the complexity of the project.

Список использованных источников

1. *Bykovsky S. V., Gorbachev Y. G., Klyuchev A. O., Penskoy A. V., Platunov A. E.* Connected design of Embedded Systems (Hardware/Software Co-Design) // ITMO University. 2016. P. 105.

2. *Cervone F. H.* Effective communication for project success // European Journal of Marketing. 2014. № 30. P. 74–77.

3. *Crispin L., Gregory, J.* Agile Testing: A Practical Guide for Testers and Agile Teams // Addison Wesley Professional. 2009. P. 576.

4. *Todaro D.* The Epic Guide to Agile: More Business Value on a Predictable Schedule with Scrum Paperback // R9 Publishing LLC. 2019. P. 518.

5. A brief overview of the CI/CD methodology: principles, stages, pros and cons // SberCloud Advanced: Website of Package Solutions for Business.– URL: https://sbercloud.ru/ru/warp/cicd-about (дата обращения: 10.11.2021).

6. Checklists in Agile development: DoD, DoR, CoS (AC) & ToDo // https://bizzapps.ru/.– URL: https://bizzapps.ru/b/dev-checklists/ (дата обращения: 10.11.2021).

7. Elasticsearch. The search engine and analytical DBMS in Cloud // Yandex.Cloud: Website of Cloud Platform from Yandex company. – URL: https://cloud.yandex.ru/blog/posts/2021/08/managed-elasticsearch-overview (дата обращения: 10.11.2021).

8. Jenkins User Documentation // The official website of Jenkins. – URL: https://www.jenkins.io/doc/ (дата обращения: 10.11.2021).

9. Jira Software // The official website of the Atlassian company. – URL: https://www.atlassian.com/ru/software/jira (дата обращения: 10.11.2021).

10. How not to turn the corporate knowledge base into chaos: our experience of fighting Confluence // https://habr.com/ru/. – URL: https://habr.com/ru/post/430500/ (дата обращения: 10.11.2021).

11. Manifesto for Agile Software Development // The official website of the Agile Software Development Manifesto. – URL: https://agilemanifesto.org/ (дата обращения: 10.11.2021).

12. Overview of the IT labor market in early 2021 in Russia and St. Petersburg // The official website for searching jobs. – URL: https://spb.hh.ru/article/28685 (дата обращения: 10.11.2021).

13. Remote access to a computer and how to organize it: expanding business horizons // The official website of the Komsomol'skaya Pravda paper. – URL: https://www.kp.ru/guide/udalennyi-dostup-k-komp-juteru.html (дата обращения: 10.11.2021).

14. What is Figma and what is it for // The official website of the GeekBrains Educational Platform. – URL: https://gb.ru/posts/chto-takoe-figma-i-dlya-chego-ona-nuzhna (дата обращения: 10.11.2021).

15. What is Version Control? // The official website of the Atlassian company. – URL: https://www.atlassian.com/ru/git/tutorials/what-is-version-control (дата обращения: 10.11.2021).

Галиева Татьяна Ринатовна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, gtanyar@mail.ru

Фомина Галина Андреевна – магистрант 1-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, gbdrgf@gmail.com

Яковлев Александр Алексеевич – магистрант 1-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, push-1602@yandex.ru

УДК 378+659

К. В. Землякова, А. В. Кульназарова

ЦИФРОВЫЕ МЕДИА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ НАПРАВЛЕНИЯ «РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ»

K. Zemlyakova, **A. Kulnazarova**

DIGITAL MEDIA IN PROFESSIONAL CAREER OF GRADUATES OF ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS SPECIALITY

Современные процессы цифровизации оказывают влияние на развитие сферы рекламы и PR, возникают новые требования рынка труда к выпускникам направления. Как следствие, образовательные программы нуждаются в постоянной модернизации, в том числе путем внедрения новых дисциплин.

Ключевые слова: цифровые медиа, медиакоммуникации, компетенции, ФГОС 3++, магистратура, реклама и связи с общественностью

While modern processes of digitalization have impact on development of advertising and PR areas, new demands of the labour market are made of PR graduates. As a result, curricula need to be continually updated which includes implementing new courses and disciplines.

Keywords: digital media, media communications, competences, federal education standard, master program, Advertising and Public Relations

Современное общество находится на этапе цифровой трансформации, которая затрагивает его экономические, технологические, социокультурные основы. Цифровизация затрагивает и медиасферу: появляются новые каналы коммуникации и форматы контента, меняются особенности медиапотребления. Термин «новые медиа» появился еще в конце XX в. и применялся ко всем нетрадиционным медиа, которые на сегодняшний день давно являются обыденной частью реальности. С каждым годом, по мере развития технологий, под «новыми медиа» понимается все больше различных устройств или способов коммуникации, при этом сам термин, хотя и является устоявшимся, не отображает сущностных свойств медиа, которые описывает. По мнению авторов, более релевантным современным тенденциям является термин «цифровые медиа», поскольку в нем отражается общая база различающихся между собой медиа – цифровые технологии, то есть те, которые основаны на двоичном коде, электронной передаче и обработке данных. Цифровые медиа создаются и функционируют при помощи специальных устройств – компьютеры, смартфоны, гаджеты и т. д.

Важными свойствами цифрового медиаконтента являются:

- персонализация (подстройка под потребителя при помощи специальных алгоритмов);
- интерактивность (взаимодействие с потребителем контента, возможности зрителя влиять и определять поступающий цифровой контент);
- мультимедийность (использование одновременно нескольких форматов контента с приоритетом визуальной информации и геймификации);
- социальность (сбор личных данных, связь с соцсетями, легкость экспорта медиа в соцсети для распространения);
- ориентация на удобство использования (быстрый доступ к приложениям и каналам, интуитивно понятные интерфейсы).

М. Листер отмечает следующие возможности, которые открывают пользователям цифровых медиа:

- «новые текстовые опыты», которые включают в себя новые жанры, формы представления информации и шаблоны медиапотребления (в частности, компьютерные игры, симуляторы, спецэффекты);
- «новые способы представления мира» (например, обеспечивающие эффект присутствия виртуальные среды, интерактивные мультимедийные файлы);
- «новые взаимоотношения между субъектами (пользователями и потребителями) и медиатехнологиями», которые характеризуются усилением роли новых медиа в повседневной жизни данных субъектов [1].

Среди тенденций развития цифровых медиа важно отметить, что в производстве контента уже участвуют не только люди, но и искусственный интеллект (ИИ). Обрабатывая большие данные, ИИ учится создавать тексты, звук, изображения, видео. Можно прогнозировать, что в ближайшем будущем многие компании будут использовать ИИ вместо работы копирайтеров и дизайнеров для выполнения задач низкого и среднего уровня сложности.

Объем онлайн-контента, рынок интернет-рекламы и объемы медиапотребления в России и в мире ежегодно растут быстрыми темпами; коммерческие, некоммерческие и государственные структуры все более активно применяют интернет-технологии

для установления диалога с целевой аудиторией, продвижения своих идей, товаров и услуг, формирования и поддержания имиджа и репутации, в то время как роль традиционных СМИ неизбежно снижается – это значит, что рынок труда нуждается в профессионалах, способных создавать медийные продукты и осуществлять коммуникации с учетом всех особенностей цифрового пространства.

Динамика развития медиарынка и технологий требует и соответствующих компетенций от специалистов – как личностных, так и профессиональных, и в связи с этим возникает необходимость в разработке новых образовательных программ и применении технологизированных методов образования. Доступность и обилие информации в цифровую эпоху приводит к снижению социальной значимости знаний и, напротив, чрезвычайной важности умений, навыков, компетенций и критического анализа [2]. Несомненно, указанные тренды необходимо учитывать при разработке образовательных программ бакалавров и магистров коммуникативных направлений и организации образовательного процесса.

По федеральному стандарту [3] предполагается, что у выпускников бакалавриата направления «Реклама и связи с общественностью» должна быть сформирована готовность к профессиональной деятельности, заключающаяся в способности создавать и продвигать коммуникационный продукт с учетом специфики разных каналов коммуникации. Данная задача реализуется через следующие компетенции:

– **ОПК-4** (категория «Аудитория»): выпускник способен отвечать на запросы и потребности общества и аудитории, что предполагает, что он умеет пользоваться инструментами поиска информации о запросах и потребностях целевых аудиторий/групп общественности, а также учитывает основные характеристики целевой аудитории при создании коммуникационного продукта;

– **ОПК-5** (категория «Медиакоммуникационная система»): выпускник способен учитывать в профессиональной деятельности тенденции развития медиакоммуникационных систем региона, страны и мира. Согласно данной компетенции, PR-специалист готов учитывать специфику коммуникационных процессов и механизмов функционирования конкретной медиакоммуникационной системы;

– **ОПК-6** (категория «Технологии»): выпускник способен понимать принципы работы современных информационных технологий и использовать их для решения своих профессиональных задач. Эта компетенция предполагает применение современных цифровых устройств, платформ и программного обеспечения на всех этапах создания коммуникационных продуктов.

На ступени магистратуры данного направления [4] следующие компетенции готовят будущего практика к работе с цифровым контентом.

– **ОПК-4** (категория «Аудитория»): она предполагает, что PR-специалист анализирует потребности общества и интересы целевых групп в целях прогнозирования и удовлетворения спроса на создаваемые им коммуникационные продукты. Эта компетенция тесно связана со следующей, так как для ее формирования специалист должен иметь навыки работы с различными цифровыми площадками и платформами, выбирая наиболее эффективные для продвижения продукта;

– **ОПК-6** (категория «Технологии»): выпускник отбирает и внедряет в процесс медиапроизводства современные информационно-коммуникационные технологии.

Обобщая требования стандарта, можно сказать, что специалист может вести проект, под которым поднимается создание любого медиакоммуникационного продукта, на всех этапах его жизненного цикла. Знания об особенностях функционирования цифровых медиа позволяют выпускнику выстраивать логику работы над продуктом соответственно тому, через какие каналы и технологии он будет размещен. Этот фактор, как правило, определяется самим заказчиком, но PR-специалист, полагаясь на свои знания о новых медиа, способен подстраивать продукт под преимущества каждого из них, с целью наиболее эффективного достижения целевой аудитории.

Медиакоммуникационные продукты могут быть политического, рекламного, социального, информационного, образовательного, развлекательного характера. Каждый из жанров обладает определенными дискурсивными характеристиками и структурой предоставления информации, а также прагматической направленностью, что определяет его особенности на всех уровнях предъявляемого контента: текстовом, визуальном, звуковом. Текстовый уровень цифровых медиа претерпевает трансформацию, в нем на первый план выходят такие категории текста, как интертекстуальность, персуазивность, аргументативность, дискуссионность. В зависимости от жанровой направленности медиапродукта и той площадки, где он будет продвигаться, эти свойства текста подбираются и сочетаются в различной комбинации по мере того, какие медикоммуникационные решения принимает сам PR-специалист к поставленным перед ним задачам.

Список использованных источников

1. *Бирюков В. А., Шаронин П. Н.* Теоретические концепции новых медиа // Медиаэкономика 21 века. 2018. № 5. С. 5–8.

2. *Лисенкова А. А.* Новые медиа: от Web 1.0 к семантической паутине Web 4.0 // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 1 (81). С. 110–118.

3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 42.03.01 Реклама и связи с общественностью // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. Система ГАРАНТ. – URL: http://base.garant.ru/71708698/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#ixzz6dkniHZh8 (дата обращения: 03.11.2021).

4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – магистратура по направлению подготовки 42.04.01 Реклама и связи с общественностью // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. Система ГАРАНТ. – URL: http://base.garant.ru/71708736/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#ixzz6dkt4Y5rj (дата обращения: 02.11.2021).

Землякова Ксения Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, ksu-zemlyakova@mail.ru

Кульназарова Анастасия Витальевна – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, av-spn@ya.ru

УДК 378.147.227

Н. В. Кирьянова

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ОБРАЗОВАНИЕ: ДИСТАНЦИОННЫЙ РЕЖИМ

N. Kiryanova

INFORMATION TECHNOLOGY AND EDUCATION: DISTANCE MODE

В статье рассматриваются проблемы обучения в дистанционном режиме: сложности перевода в онлайн-формат учебных занятий, а также ставится вопрос о материально-техническом соответствии ВУЗов и дистанционного обучения. Кроме того, затрагивается проблема восприятия вербального текста.

Ключевые слова: образовательная платформа, COVID–19, дистанционное обучение F-паттерн, цифровой детокс.

The article examines the problems of distance learning: the difficulties of translating training sessions into an online format, and also raises the question of the material and technical compliance of universities and distance learning. In addition, the problem of the perception of the verbal text is touched upon.

Keywords: educational platform, COVID-19, distance learning F-pattern, digital detox.

Изобретение интернета можно сопоставить с глобальны событием – изобретением печатного станка, после чего скорость распространения информации увеличилась в разы и это привело к кардинальному изменению всех сторон жизни. Сейчас мы являемся свидетелями того, как информационные технологии бесповоротно и неумолимо набирает обороты. Изменение способа распространение информации порождает еще более глубокие и глубинные трансформации во многих сферах человеческой деятельности в человеческом сознании.

Безусловно, нельзя отрицать, положительные изменения вследствие компьютерных технологий. Выделим некоторые из них.

– Скорость размещения данных (научных, культурных, политических и т. п.), ее доступность гигантскому числу пользователей, что позволяет экономить время на поиски нужной информации.

– Возможность для общения.

Интересные факты, чтобы набрать аудиторию в 50 миллионов человек, радио понадобилось 38 лет, телевидению – 13 лет, Интернету – 4 года, iPod – 3 года, а социальной сети «Facebook» – всего 2 года. Что же так тянет молодежь к общению через Интернет - пространство? Опрос пользователей социальных сетей в возрасте от 14 лет до 21 года показал, что 36 % из них легче говорить о своих проблемах в онлайне [1]. Поэтому интернет - друзья знают о них больше, чем офлайновые знакомые.

– Возможность онлайн-путешествия: не выходя из дома можно познакомиться с достопримечательностями всего мира.

– Возможность удаленной работы, что заметно изменяет структуру бизнес-среды, да и образовательной тоже. Кроме того, в условиях пандемии это обстоятельство становиться становится неким «спасательным кругом».

– Возможность свободного выбора развлекательного контента для проведения досуга.

Всё, вышеперечисленное, безусловно, делает людей более осведомленными.

Однако, есть и обратная сторона медали. Именно больше количество информации, которая подчас является противоречивой, неглубокой, а иногда намеренно искаженной – причина деформации культурно ценностных ориентиров. Особенно этому риску подвергается молодежь, которая по мнению Зулькорнеевой Л. И. делает возможным «…превратиться в поколение «интеренет-идиотов», не способных к принятию разумных решений или слишком пассивных, чтобы воплощать их в жизнь» [2].

В последнее два года в связи с эпидемией COVID–19 для сферы образования особо остро стоит вопрос не только о формировании здоровых культурно-ценностных ориентиров у молодежи, но о месте интернет-коммуникаций и использования цифровых технологий в образовательном процессе.

На наш взгляд, в постановке этого вопроса есть два взаимосвязанных уровня:

1) качественный, а именно перевод оффлайн лекций и семинаров в онлайн-формат;

2) материально-техническая база подобного перехода.

При переводе учебного курса в онлайн-формат при использовании образовательных платформ таких как Moodle и другие есть возможность не только читать лекции опираясь на график учебного процесса в режиме реального времени, но и более активно использовать визуальный контент (презентации, иллюстрации, графики, диаграммы и т. п.). Однако, при переходе в онлайн-формат важным является сохранение взаимодействия преподавателя и студентов, так как здесь есть сложности, главная из которых отсутствие обратной связи от студентов.

В аудитории преподаватель видит реакцию студентов на содержание своей лекции, поэтому может регулировать темп изложения, сокращать изложение или более детализировать какие-то ее составляющие. В случае коммуникации через «экран» нет возможности визуально отследить реакцию аудитории на излагаемый вербальный текст и приходится тратить время на диалог со студентами для выяснения понятно ли изложение материала, успевают ли они конспектировать (хотя все больше и больше возникают сомнения по поводу самого факта конспектирования).

Еще сложнее обстоит дело с переводом в онлайн-формат семинаров.

Первая сложность – невозможность реального контроля присутствия всей группы, так как не редкость, что студенты подключаются к занятию, но на этом их участие в работе семинара заканчивается. Безусловно, даже в очном формате редко все студенты группы могли принять активное участие, но их присутствие на занятии давало надежду на усвоение материала и хоть пассивную проработку темы.

Кроме того, при дистанционном обучении и преподаватель и студенты в основном пользуются личной техникой и личным интернетом и это приводит к техническим сбоям: неустойчивый интернет, неполадки с микрофоном или веб-камерой, а это, в свою очередь, делает невозможным проведение занятий в принципе. К счастью, эти технические сложности бывают не всегда, но они есть.

Особую значимость при дистанционном обучении играют учебно-методические комплексы в электронном виде для самостоятельного изучения и самостоятельной работы. С одной стороны цифровые технологии предоставляют возможность использовать разнообразный видеоматериал, создавать задания и тесты для их проверки, но с другой стороны эта работа часто затруднительна для преподавателя (особенно гуманитарных специальностей), так как она требует серьезных технических знаний и умений, которыми преподаватель может обладать не в полной мере.

Есть еще одно побочное последствие цифровых технологий в общем и дистанционного обучения в частности – уменьшение времени концентрации внимания. Исследования, проведённые Microsoft в Канаде в 2015 г. (в нем приняли участие 200 добровольцев и сняты 112 электроэнцефалограмм), показывают, что «наша способность к удержанию внимания на одном объекте сократилась до 8 секунд (принято говорить, что это меньше, чем у золотых рыбок), что меньше на 4 секунды показателя зафиксированного в 2000 г. В итоге делается вывод, что мозг человека адаптируется к окружающим его технологиям, и снижение времени концентрации может быть побочным эффектом этой адаптации» [3].

Несмотря на некоторую «легковесность» проведенного исследования, по всей видимости, вывод сделан совершенно правильный. По личному опыту заметно, как меняется восприятие одной и той же лекционной темы из года в год: в прошлом году студенты не испытывали сложностей, а уже в этом году – требуется больше времени на объяснение даже простых и элементарных, казалось бы, понятий. Это сказывается на способе восприятия печатного текста, так называемый «F-паттерн», при котором внимание уделяется первым строкам, а последующие «сканируются», не читаются «от» и «до» [4].

Презентации, активно применяющиеся при дистанционном обучении, также могут играть двоякую роль: с одной стороны они могут сделать излагаемый материал значительно легче для восприятия студентов, но именно эта легкость в последствии приводит к нежеланию прилагать умственные усилия для понимания вербального текста как письменного, так и устного.

По всей видимости, именно F-паттерн лежит в основании не желания молодежи читать большие тексты, а предпочитать визуальный контент.

В результате современный человек получает возможность оперировать широкими представлениями о различных предметах, не обладая глубиной познания. Французский социопсихолог Абраам Моль еще в начале 70-х годов прошлого века

пришел к выводу, что под влиянием СМИ изменилась социокультурная ситуация (в настоящее время уже можно сказать, что не только на Западе, но и во всем мире). Случайная, хаотично воспринимаемая большинством субъектов разнородная информация не организуется сознанием в упорядоченные структуры, а, по словам Моля, состоит «из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей» [5].

У школьников и студентов с клиповым мышлением отсутствует способность к длительной концентрации, поэтому они просматривают материал крайне невнимательно, оставляя в памяти лишь обрывистые поверхностные знания, которые сохраняются не надолго. Так как учащиеся акцентируют внимание только на формулировках и общих понятиях, не утруждая себя пониманием и извлечением главного, у них снижается или совсем утрачивается способность к аналитическому мышлению. Поскольку информация воспринимается частями и отрывками, между которыми не проводится никакого синтетического анализа, то и выражение мысли сводится к очень тезисному изложению. Жестокость и насилие, которые люди ежедневно поглощают с экранов телевизоров и каналов на YouTube, постепенно повышает порог человеческой чувствительности к переживаниям других. Люди с клиповым мышлением больше податливы к манипуляции и влиянию. Эта проблема очень остро чувствуется и в семейной среде: усугубляется конфликт поколений. Дети, выросшие в эпоху высоких технологий, по-другому смотрят на мир, чем их родители, которые учились на книгах, имеют последовательное и текстовое восприятие и с трудом представляют себе как такое вообще возможно. Современные родители упускают главное - обычное живое общение с детьми, которого, к сожалению, новым детям особенно не хватает и они вынуждены подменять его виртуальным.

Таким образом, открытость и доступность информации в современном мире формируют новый тип мышления, который сказывается практически во всех областях жизни. Однако уже сейчас просматриваются, к счастью, и обратные тенденции – возврат к медленному потреблению (Slow TV), цифровой детокс. Всё это – реакция на слишком быстрое для человека развитие технологий. Вряд ли это станет мейнстримом, но поможет нам нащупать баланс между онлайном и офлайном и научит осознанному потреблению информации.

На каждом новом витке эволюции есть свои плюсы и минусы, но люди всегда находили способы приспосабливаться к меняющейся реальности. Это то самое качество, которое позволило нам эволюционировать от камней и палок до космических кораблей и расщепления атома. Тем интереснее наблюдать за тем, как нас меняет формируемая нами информационная среда.

Список использованных источников

1. *Макеев А. Э.* Исследование роли информационных технологий в формировании процесса социализации молодежи. – Москва, РАН Институт социологии, 2010. – URL: http://www.isras.ru/analytical_report. (дата обращения: 30.11.2021).

2. *Зулькорнеева Л. И.* Ценности современной молодежи и научно-технический прогресс / Л. И. Зулькорнеева // «Молодежный научный форум: общественные и экономические науки». Астрахань, Смена, 2014. № 1. С. 117–121.

3. Исследование Microsoft говорит о связи технологий и концентрации внимания. Компьютерный информационный портал. // Oszone.net. URL: http:// www.oszone.net/27336/Microsoft-study-about–human-attention. (дата обращения: 20.11.2021)

4. *Золотарёв Д.* Как технологии и интернет изменили наше восприятие информации – URL: https://lifehacker.ru/vospriyatie-informacii (дата обращения: 30.11.2021).

5. *Моль А.* Социодинамика культуры: Пер. с фр./ предисл. Б. В. Бирюкова. Изд. 3-е. Москва : Издательство ЛКИ, 2008. 416 с. – URL: http://kak.znate.ru/docs/index-65384.html (дата обращения: 30.11.2021).

Кирьянова Наталия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Связи с общественностью», Санкт-Петербургский Государственный электротехнический университет (ЛЭТИ), 10marta@inbox.ru

УДК 659.1

А. А. Котлярова, Д. В. Шутман

СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

A. Cotlyarova, D. Shutman

GOVERNMENT RELATIONS

В статье обосновывается актуальность исследования специфики связей с общественностью в органах государственной власти. Представлен анализ функций и задач осуществления деятельности по связям с общественностью в органах управления. Все рассмотренные аспекты коммуникативной составляющей процесса осуществления государственного управления должны быть органично учтены при разработке общей стратегии PR-деятельности.

Ключевые слова: связи с общественностью, коммуникация, органы государственной власти.

The article substantiates the relevance of the study of the specifics of public relations in government institutions. The analysis of the functions and tasks of government relations activities in government institutions is presented. All the considered aspects of the communicative component of the process of public administration should be organically incorporated in the developing a general strategy for PR activities.

Keywords: public relations, communication, government relations.

Современное понятие связей с общественностью применительно к органам государственной власти, в первую очередь, учитывает существующие реалии нашей жизнедеятельности – демократическое государственное управление, рыночная экономика, а также процессы глобализации мирового сообщества, и связанное с ними формирование постиндустриального, иначе говоря информационного общества, которое предусматривает создание и применение динамичных и эффективных информационно-коммуникационных технологий, интернет-коммуникаций, которые могут активно воздействовать на индивидуальное и массовое сознание и мнение. Все это существенно корректирует место и роль связей с общественностью в государственном управлении, а также предопределяет качественные изменения в их успешном функционировании.

На сегодняшний день можно выделить два основных подхода к определению PR государственных органов:

1) Public Relations – это разновидность менеджмента, в рамках которого осуществляется совокупность мероприятий по достижению доверия, взаимопонимания и сотрудничества между государственной властью и обществом;

2) Public Relations – искусство применения государственными органами средств убеждения, которые направлены на увеличение преимуществ определенных планов, идей и стратегий с целью получения общественной поддержки.

Связи с общественностью в государственных органах в России стали появляться в советский период нашей истории. Правда, в современном понимании эти связи выглядели достаточно усеченными и односторонними. Наличие таких контактов с обществом было обусловлено определенными причинами – внедрение коммунистической и социалистической идеологии, а также развитие и распространение средств массовой информации, которые необходимо было контролировать. Самостоятельных структур по связям

с общественность в Советском союзе не было, их функции выполняли чиновники партийных отделов – от райкома партии до Центрального комитета КПСС. Только в 70–80 гг. XX в. в некоторых государственных структурах стали появляться пресс-службы, подконтрольные партии. Это первые профессиональные институты для контактов с населением. Например, в 1984 г. в МВД СССР были сформированы политотделы, в которые вошли пресс-службы. Данные структурные подразделения выполняли две функции: дозированное информирование населения, которое было согласованно с вышестоящим руководством, о работе государственных органов или учреждений и информационное разъяснение действий органа власти и/или его нормативных документов. Тем не менее, пресс-службы внесли большой вклад в понимание населением деятельности государственных органов.

В 90-е гг. уже в Российской Федерации возникает отечественный институт связей с общественностью. Обстоятельствами, послужившими появлению в нашей стране Public Relations, стали: изменения взаимоотношений между государством и обществом и фактор научно-технической революции. Научно-техническая революция изменила информационную сферу, придав ей глобальный характер. Доступная компьютеризация и постоянно совершенствующиеся информационно-коммуникационные технологии создают практически всеобъемлющую доступность к информационному полю.

Процесс государственного управления – это последовательный процесс, который включает в себя: выработку и принятие решений, выполнение данных решений, координацию хода работ по выполнению и контроль их выполнения. Данные стадии невозможно выполнить без определенного информационного сопровождения.

Обеспечение органов власти статистической, аналитической и прогнозной информацией является важным условием эффективного государственного управления, а недостаток или избыток информации, или ее недостоверность, необъективность и несвоевременность могут привести к принятию нецелесообразных решений и негативным последствиям. В этом случае связи с общественностью выступают как поставщик, так и индикатор важной информации.

Стоит отметить, что государственные органы, опираясь на связи с общественностью, могут формировать необходимое или приемлемое общественное мнение о своей деятельности, или организовывать мониторинг общественного мнения, с целью выявления проблем и корректировки своей деятельности.

С помощью связей с общественностью государственные органы власти формируют положительный имидж конкретного органа власти, а в глобальном масштабе и формируют положительный имидж всех органов власти и государственного управления в целом.

Public Relations служит государственным органам для создания прозрачной модели бюрократической структуры, ее открытости и доступности, тем самым создавая положительный образ в глазах общественности.

Вне сомнения, основные цели связей с общественностью в органах власти направлены на достижение гласности, открытости, доступности и прозрачности работы госаппарата и обеспечение эффективной обратной связи с гражданами. Глобальными целями всех PR-программ на всех уровнях являются: информирование общественности о деятельности государственных органов; привлечение населения к участию в госпрограммах; обеспечение поддержки обществом избранных стратегий и программ.

Создавая институт связей с общественностью в структуре госоргана, главными целями ставят:

- формирование и реализация информационной политики организации;
- формирование и реализация имиджевой политики организации.

Вышеуказанные цели в совокупности представляют миссию связей с общественностью в органах госвласти. Под миссией связей с общественностью в органах власти мы

понимаем, как популяризацию государственного управления и отстаивание государственных интересов на уровне своих компетенций с помощью своей деятельности в конкретном органе власти.

Учитывая важность первой и второй цели, стоит отметить, что в жизнедеятельности организации та или иная цель может становиться доминирующей или вторичной.

Например, целью создания коммерческой структуры является получение прибыли в результате ее деятельности. Поэтому любая коммерческая организация обязана успешно позиционировать себя на рынке. А это означает постоянное не только улучшение своей продукции, но и совершенствование имиджа и бренда своей организации. На сегодняшний день потребитель при выборе товара или услуги учитывает и рекламу товаров и услуг, а также репутацию бренда производителя.

Бренд производителя в рыночных отношениях играет важную роль в определении стабильности организации и ее процветание. А бренд напрямую связан с имиджем организации. Поэтому, вопросы имиджевой политики являются основополагающими и требующими внимания. Стоит отметить, что любые «посягательства» на имидж, например, критика со стороны СМИ, необходимо рассматривать как серьезный удар не просто по репутации, но и как удар по деятельности в целом. Исходя из этого, стоит говорить, что для коммерческой организации цель формирования и реализации имиджевой политики является первоочередной.

В отличие от коммерческих, государственные структуры создаются не с целью получения прибыли, а в зависимости от государственных интересов. Они создаются по императивной воле государства, а не по воле учредителей, которые решили создать или ликвидировать бизнес. По этой же причине они и упраздняются, так как государство посчитало, что необходимости в этих органах больше нет.

Поэтому, вопрос имиджа конкретного государственного органа существенен, но не так явно выражен, как в коммерческих структурах. Например, некоторые государственные структуры имеют негативный имидж в глазах части общества. Однако, населению приходится взаимодействовать с ними, так как в лице данных госструктур регулируются важные вопросы жизнедеятельности общества. Такая ситуация невозможна с коммерческими структурами, к которым население не испытывает доверие.

В силу этого государственные структуры в своей работе делают акцент на реализацию информационной политики, ставя на второе место имиджевую политику. Поэтому реакция государственных органов на критическую информацию в СМИ не такая острая, как у коммерческих структур, так как данная информация не так явно скажется на жизнедеятельности госструктур.

Основу различий регулирования и управления в государственном секторе и в бизнесе ясно сформулировал политолог Дж. Гордон в книге «Государственное управление в Америке»: если в частном секторе эффективность управления измеряется прибылью или ее отсутствием, то в государственном управлении – поддержкой граждан или отсутствием таковой.

Деятельность служб по связям с общественностью в государственных органах стандартна и ее можно разбить на несколько последовательных направлений:

- участие в демократизации государственного управления;
- помощь в становлении гражданского общества установление, расширение и поддержание контактов с гражданами и организациями;
- полноценное и своевременное информирование граждан о сущности принимаемых решений органом власти;
- сбор и анализ реакции общества на принимаемые решения и действия должностных лиц и органов власти; прогнозирование социально-политических процессов и предоставление анализа этих прогнозов государственным органам;

• формирование позитивного имиджа органов власти и их должностных лиц. Данные направления видоизменяются от уровня отношений внутри и между органами власти.

Можно выделить микроуровень – отношения внутри независимых структур органов власти; мезауровень – отношения между различными структурами; и макроуровень – отношения органов государственной власти с институтами гражданского общества. Также, стоит отметить, что деятельность PR-служб может изменяться в зависимости от конкретного региона.

Деятельность связей с общественностью должна базироваться на основании определенных принципов.

1. Принцип открытости. Данный принцип взят из основы принципов государственной службы. Соблюдение законности данного принципа обязывает связи с общественностью предоставлять в установленном законе порядке необходимую информацию и обеспечивать к ней доступ. Нельзя использовать административное преимущество для отказа в информации, сокрытии ее или для односторонней интерпретации и т. д. Связи с общественностью в государственных органах должны соблюдать права журналистов, которые определены в законе «О средствах массовой информации». Необходимо понимать, что деятельность журналиста заключает в себе интересы общества на получение информации об органах власти.

2. Принцип оперативности. Суть принципа сводится к необходимости своевременного оповещения граждан о решениях и действиях органов власти. Особенно важно оперативно сообщать и давать комментарии о чрезвычайных ситуациях, социальных конфликтах и резонансных изменениях в системе государственного управления. В современных условиях быстрого распространения информации, любое промедление или замалчивание информации обществу, негативно скажется на деятельности связей с общественностью и на имидже власти.

3. Принцип конструктивности. Данный принцип утверждает, что деятельность связей с общественностью по выполнению имиджевой и информационной политики должна быть полной и разнообразной, использовать все каналы коммуникации – формальные и неформальные, СМИ, виртуальное пространство Интернета, электронные каналы, рекламные технологии, встречи с населением и т. п. Основа принципа говорит о гибком использовании коммуникационных каналов, бюрократических и креативных форм деятельности, применении и сочетании традиционных и новаторских методов работы.

4. Принцип системности. Данный принцип включает в себя целенаправленную плановую работу, основанную на полученной информации, которая позволяет исследовать общественное мнение по вопросам деятельности государственных органов. Системность упорядочивает деятельность связей с общественностью, сосредотачивает внимание на важных направлениях своей деятельности.

5. Принцип взаимного уважения. Принцип означает установление доверительных отношений и должного взаимодействия со всеми субъектами, с которыми работают связи с общественностью в государственных органах. Принцип предполагает искоренение таких проблем как пренебрежительность, высокомерие, необязательность и др. из деятельности PR-структуры.

Функции связей с общественностью в системе органов власти непосредственно связаны с характером и особенностью деятельности самих государственных органов. В зависимости от статуса и уровня конкретной госструктуры функции могут быть расширены или наоборот сужены. Существует прямая зависимость между уровнем управления и особенностями работы PR-служб, например, в региональных и муниципальных органах широко применяется коммуникативная функция и общение с гражданами постоянно и организованно. А в федеральных органах упор делается на информационную функцию, то есть взаимодействие со СМИ и аналитическую работу.

В целом деятельность PR-структур в органах государственной власти обеспечивает согласование общесоциальных, групповых и частных интересов.

Все функции Public Relations можно систематизировать и обобщить:

• информационная функция. Данная функция направлена на формирование и реализацию информационной политики, как одной из целей деятельности PR-отдела. Она осуществляется по определенным направлениям государственной деятельности и управления. Информационная функция включает в себя изучение внутренних и внешних процессов, анализ событий, возникших при проведении государственной политики, оценку формирующегося и сформированного общественного мнения, реакций на деятельность государственных структур и ее эффективность;

• аналитическая функция. Она включает в себя определение необходимости проведения определенного вида исследования. Аналитическая функция включает в себя этапы и алгоритм проведения исследования, анализ результатов и разработку заключения на основании этого исследования. Данная функция направлена на сближение интересов общества и государства, а такое сближение возможно только при наличии точных и объективных данных об обществе и его мнении о деятельности государственных органов;

• коммуникативная функция. Данная функция предусматривает распространение и тиражирование информации во время коммуникативных отношений с населением. Связи с общественностью являются главным звеном коммуникации государственного органа, поэтому они должны выстраивать различные формы и уровни взаимодействия общества и власти, формировать принципы такого взаимодействия, а также нести ответственность за оптимальность таких отношений. Кроме этого, коммуникативная функция может быть использована для создания надлежащего социально-психологического климата внутри государственного органа, соблюдения служебной этики и т. п. Таким образом коммуникационная функция формирует корпоративную культуру внутри государственного учреждения;

• интегративная функция. Данная функция включает в себя способность PR-структур объединять общественное мнение, общественные интересы по тем или иным решениям или действиям органов государственной власти в позитивном ключе. В демократическом обществе предполагается наличие различных точек зрения по решениям или действиям органов власти. Поэтому необходимо учитывать все срезы общественного мнения на определенные решения или действия для выстраивания правильной аргументации;

• консультативно-методическая функция. Данная функция заключается в консультировании по проблемам и вопросам организации отношений с общественностью. Также консультирование полезно и для взаимодействия различных структур и органов власти. Оно предполагает разработку моделей сотрудничества, организации и проведения соответствующих программ и акций, тем самым способствуя осуществлению имиджевой политики органа государственной власти. Кроме этого, данная функция включает в себя работу с населением по разъяснению принятых решений и действий государственных органов. Сюда можно включить ликбез о специфике, направлениях деятельности, полномочиях и пр. органа или учреждения государственной власти;

• организационная функция. В эту функцию включены определенные действия по подготовке и проведению PR-компаний, отвечающих интересам государственных органов – деловые встречи, выставки, презентации с привлечением СМИ. Данная функция предполагает объединение творческих и административных ресурсов государственного органа и PR-отдела;

• правовая функция. Данная функция определяет наличие знаний основ российского законодательства в сфере профессиональной деятельности связей с общественностью. Сюда относят Конституцию РФ, федеральные законы – «Об основах

Государственной Службы Российской Федерации», «О средствах массовой информации», «О рекламе», «Об информации, информационных технологиях и защите информации».

Говоря о задачах, которые решает отдел связей с общественностью надо понимать, что их объем и характер полностью зависит от того, в каком государственном органе находится данный отдел. Так, задачи, стоящие перед PR-отделом, входящим в аппарат Правительства Российской Федерации будут отличаться от задач PR-отдела, входящего в орган власти муниципального образования. Но перечень задач для большинства государственных структур одинаков.

Таким образом, связи с общественностью – это деятельность, которая направлена на формирование имиджа организации и создание, и поддержание благоприятных взаимоотношений с общественностью. Связи с общественностью организации направлены на формирование имиджа и установление доверительных отношений к нему общественности; на управление репутацией организации и ее восстановление в кризисных ситуациях. Связи с общественностью в органах власти представляют собой деятельность, направленную на достижение доверия, взаимопонимания и сотрудничества между государственной властью и обществом. Целями связей с общественностью в государственных органах являются достижение гласности, доступности, открытости и прозрачности работы госаппарата, и обеспечение эффективной обратной связи с гражданами.

Список использованных источников

1. *Почекаев Р. Ю.* История связей с общественностью: учеб. пособие для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2018. 223 с.

2. *Игнатьев Д. В.* Настольная энциклопедия PR. Москва : Альпина Бизнес Бук, 2006. 437 с.

Котлярова Анна Андреевна – старший преподаватель кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, cotlyarova.ania@yandex.ru

Шутман Денис Валерьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, denis_sh2@mail.ru

УДК 327.8

О. Е. Кузина

ВЛИЯНИЕ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО ПОДХОДА К ПОНЯТИЮ «СИЛА» НА НЕОРЕАЛИСТИЧЕСКУЮ И КОНСТРУКТИВИСТСКУЮ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

O. Kuzina

THE INFLUENCE OF THE NEOLIBERAL APPROACH TO THE CONCEPT OF "POWER" ON THE NEOREALIST AND CONSTRUCTIVIST THEORIES OF INTERNATIONAL RELATIONS

В статье рассматривается понятие «сила» в современных теориях международных отношений. Анализируются понимания силы в неолиберальной, неореалистической и конструктивистской традициях. В результате делается вывод, что неолиберальное понимание силы оказало теоретическое влияние как на неореализм, так и на конструктивизм. В случае неореалистического подхода ещё раз утвердилось доминирование ресурсов жёсткой силы государств при распределении силы на международной арене. В свою очередь, конструктивистский подход выработал собственное нарративное понимание мягкой силы.

Ключевые слова: сила, жёсткая сила, мягкая сила, публичная дипломатия, неолиберализм, неореализм, конструктивизм.

The article considers the concept of "power" in modern theories of international relations. The understanding of power in the neoliberal, neorealist and constructivist traditions is analyzed. As a result, it is concluded that the neoliberal understanding of power has had a theoretical impact on both neorealism and constructivism. In the case of the neorealist approach, the dominance of the resources of the hard power of states in the distribution of power in the international arena has once again been confirmed. In turn, the constructivist approach has developed its own narrative understanding of soft power.

Keywords: power, hard power, soft power, public diplomacy, neoliberalism, neorealism, constructivism

В условиях анархии сила является одной из ключевых категорий в международных отношениях. Традиционно сила рассматривалась исключительно как военная мощь государств. Прежде всего, такому представлению способствовала идея межгосударственной конфронтационности международной среды. Однако сила как инструмент регулирования взаимоотношений акторов на международной арене представляет собой многоаспектное явление, зависящее от тенденций и факторов, преобладающих в развитии мира. Для современных реалий характерен многогранный и многоуровневый процесс глобализации, включающий в себя демократизацию, информатизацию, интеграцию и экологизацию. В совокупности всё это формирует глобальную систему взаимозависимости и взаимодействия акторов на международной арене. Соответственно, трансформация силы, обусловленная новыми условиями глобализации, требует иные практики, которые должны учитываться при эффективной внешнеполитической деятельности государств.

В качестве одной из таких практик стало неолиберальное переосмысление понятия «силы», вызвавшее критику в зарубежном академическом сообществе [1]. Для представителей неолиберализма характерен особый интерес к изучению последствий перехода от примата национальных государств к транснациональным системам международных отношений. Так, классический либерализм (обеспечение свободы и прав человека, формирование гражданского общества и распространение демократических ценностей) был обогащен исследованиями о росте и значении негосударственных акторов в международных отношениях, об идеях отмирания суверенитета и создания глобального гражданского общества, о принципах нового интервенционизма и об усилении экономических связей. Всё это привело к идее комплексной взаимозависимости Р. Кохейна и Дж. Ная, согласно которой в современном мире происходит усиление взаимосвязей и взаимозависимости между обществами, следовательно, использование военной силы в межгосударственных отношениях становится невыгодным. Кроме того, традиционный баланс сил становится неактуальным в условиях многоакторности международной системы. Применение силы не исключается представителями неолиберализма, но предполагается в другом формате. Прежде всего, речь идёт о мягкой силе.

Выделению мягкой силы в качестве отдельного типа власти способствовали социально-экономические тенденции в современной информационной эпохе и преимущественно демократическое развитие государств. Так, в соответствии с неолиберальной парадигмой считается, что демократические государства менее склонны к использованию насилия. Кроме того, при помощи множественных каналов коммуникаций они воплощают близкие к превалирующим глобальным нормам ценности (либерализм, плюрализм, автономия), а также активно формируют международную «повестку дня». В совокупности это способствует восхищению и подражанию со стороны других государств, что обеспечивает актуальность и важность использования мягкого внешнеполитического влияния для решения государственных задач [2, с. 62–64, 79–80].

Согласно Дж. Наю, «мягкая сила» – это способность получить то, что вы хотите получить, через привлечение, а не через подавление или некие «проплаты» [3, с. 18]. Такое привлечение основывается на культуре, политических идеалах и политике государства. Их трансформация в необходимый результат происходит в соответствии со следующим механизмом: «ресурсы – инструменты политики (качества) – профессионализм в области превращений – ответная реакция объекта (позитивная/негативная) – результаты (конкретные или общие)». В результате, при помощи определённых ресурсов привлекательная власть убеждает, уговаривает и, в конце концов, влияет на граждан других государств, что позволяет достичь взаимопонимания и сотрудничества в межгосударственных отношениях, сокращая использование затратных методов жёсткой силы. При этом в качестве государственной политики, теоретической основой которой является концепция мягкой силы, Дж. Най рассматривает публичную дипломатию [4, с. 178–192]. Публичная дипломатия представляется важным средством для налаживания долговременных межгосударственных взаимоотношений при условии согласования стратегии общения и проводимой политикой. В случае же сведения публичной дипломатии к пропаганде и манипуляциям, мягкая сила уничтожается [5]. Кроме того, государства могут использовать публичную дипломатию для осуществления отрицательной мягкой силы, а именно атаки ценностей других стран с целью снижения их привлекательности и ослабления [6]. Как видим, ошибочно утверждать, что мягкая сила характеризуется большей гуманностью, нежели жёсткая сила: всё зависит от использованных средств и поставленных целей [7].

Соответственно, согласно Дж. Наю преимущественный уклон на жёсткую внешнеполитическую линию в ущерб мягкому влиянию обуславливает нарастание недоверия между государствами, не способствующего как улучшению межгосударственных отношений, так и кооперации для решения новых вызовов и угроз. В крайнем случае, такой экспорт страха вызывает упреждающие удары или рискованные действия со стороны других государств, а никак не прямой источник могущества [3, с. 176–184].

С точки зрения реализма международная политика представляет собой политику силы. При этом чётких определений понятий «сила», «мощь» и «власть» не существует, более того, указанные понятия обладают одними и теми же источниками. В соответствии с классическим реализмом Г. Моргентау деятельность государств подчинена наращиванию их мощи, которая имеет как материальные (например, география, природные ресурсы, население и другое), так и нематериальные факторы (например, национальный характер, качество дипломатии и другое). Понятие «мощь» развивает такие концепты реализма, как баланс сил, национальный интерес и дилемма безопасности [2, с. 78–79]. Неореалисты дополнили государственную мощь дополнительными инструментами: не только материальные, но и социально-экономические возможности для военной силы государств. Однако представители неореалистического подхода выдвигают наиболее критические замечания в отношении неолиберального понимания силы. Одним из таких последовательных критиков мягкой силы выступил К. Лейн, подробно разобравший слабые аспекты концепции Дж. Ная.

Американский исследователь К. Лейн является автором теории «свободного балансирования». Согласно его теории, внешней политике США присуще гегемонистские черты, способствующие изматыванию и опасности для государства. Прежде всего, это проявляется в осуществлении военных вмешательств в стратегически периферийных регионах для поддержания мирового порядка. Следовательно, переход к многополярной системе на условии ответственности мировых центров за жизненно важные регионы для их национальных интересов будет выгоднее для США, так как они смогут играть на противоречиях государств и сконцентрироваться на поддержании равновесия мировой системы и их лидерстве. Кроме того, идеи либерального мессианства мешают переходу к безопасному и спокойному лидерству государства, подпитывая имперские амбиции США. Более того, мировое распространение

американской демократии даже не является национальными интересами США, целесообразнее отказаться от этой идеи и вести себя как обычная великая держава, обладающая свободой действий [8, с. 53–72]. Соответственно, новое неолиберальное понимание силы было пристально изучено К. Лейн, по сути выступающего за осуществления скрытого гегемонизма в международных отношениях.

Критикуя концептуальные необоснованности концепции Дж. Ная и слабость её эмпирического подтверждения, автор называет мягкую силу либеральным интернационализмом, мифом превосходства США при сокращении их жёсткой силы. Однако, используя маркетинговые уловки, мягкая сила неспособна преодолеть разрыв между национальными интересами государств и не влияет на их внешнеполитические решения. Государства будут действовать в фарватере внешней политики США только при условиях совпадения национальных интересов или побуждения и принуждения. Также важно понимать, что гегемония США обеспечивается за счёт ресурсов жёсткой силы, потому что «легитимность – это просто дискурсивный термин, который гегемоны используют для рационализации своего привилегированного положения в международной системе, и который используют другие, когда им не хватает жёсткой силы для фактического ограничения политики гегемона». При этом К. Лейн видит тесную взаимосвязь между жёсткой и мягкой силой, проявляющуюся в способности гегемона предоставить военные и экономические общественные блага. В этом заключается парадокс гегемонии – часть государств боится усиления гегемона, других же привлекает выгодное потребление предоставленных общественных благ, нежели угроза гегемона [8].

В основе конструктивистского понимания силы находится идея о способности конструирования желаемой социальной структуры, влияющей на идентичность, мотивацию и поведение других акторов международных отношений. Сила выступает как вариативная переменная (а не атрибут), зависящая от социального контекста [9, с. 83–85].

Мягкая сила как нормативное и ценностное влияние соприкасается с конструктивистским понимаем силы. Однако представители конструктивистского подхода расширяют неолиберальную концепцию в соответствии с социальными конструктами, в частности американские и британские учёные Л. Роселл, А. Мискиммон и В. О'Лоулин, авторы теории «стратегического нарратива». Согласно теории, мягкой силой XXI в. является стратегический нарратив, под которым подразумевается «способность создавать консенсус вокруг общего смысла» [10, с. 72]. Возникновение новой теории обусловлено несколькими причинами: проблемами идентификации ресурсов мягкой силы, её процессов деятельности и условий для поддержки ресурсов мягкого влияния поставленных внешнеполитических задач. Кроме того, в отличие от рациональных теорий, стратегический нарратив объясняет окружающий мир в условиях хаоса и помогает его упорядочить.

В международной системе стратегический нарратив не только вписывается в личный нарратив актора, как культура, политические ценности и внешняя политика мягкой силы, но и формирует, проектирует, распространяет и принимает идеи. При стратегическом использовании нарратива важно следить за восприятием и интерпретацией (а не за его формированием и проекцией), так как именно здесь возникает смысл, влияющий на привлечение, вовлечение и убеждение других.

Структура стратегического нарратива строится в соответствии с ответами по поводу влиятельных акторов в современной системе международных отношений и их действиях, особенностях международной среды и вариантах решения международных проблем, объясняя мир, устанавливая его ограничения и формируя через восприятие интересы. Кроме того, существует три взаимосвязанных уровня нарративов: международный, национальный и проблемный. Международный нарратив описывает устройство мира (например, интерпретация современной международной реальности как война против терроризма). Национальный нарратив указывают ценности, цели и

историю государства (например, США как исторический приверженец свободы и демократии). Проблемный нарратив объясняет действия актора по решению определённой проблемы для легитимности политики. Соответственно, анализируя нарративы на этих уровнях можно понять действие коммуникации, убеждения и влияния в международных отношениях, так как нарративы как формируют акторов, так и формируются от них [10, с. 74–77].

По сути, в теории Л. Роселля и соавторов раскрывается значение коммуникации в международных отношениях. Распределение силы происходит в ходе «глобальной битвы идей», и нарративы играют важную роль при этом. Однако использование стратегических нарративов во внешней политике также сталкивается с рядом проблем: доверие циничной аудитории, преимущество политических действий и событий даже над сложносочинёнными стратегическими нарративами, а также отказ государства от контроля над формированием нарративов. Тем не менее, влияние стратегических нарративов на трансформацию современных международных отношений нельзя недооценивать [10, с. 78].

Таким образом, в современных условиях эффективная политика должна состоять не только из жёсткой силы, всё ещё являющейся важным элементом власти в международных отношениях, а иногда и полезной (использование военной силы для принуждения к миру и продвижения демократии), но и из мягкой силы, не означающей панацею от всех новых вызовов и угроз, однако способной содействовать выдающимся достижениям в обеспечении и продвижении национальных интересов через силу притягательности. При этом неолиберальное понимание силы получило также широкий отклик среди представителей неореализма и конструктивизма. Так, по мнению неореалистов, мягкая сила является отражением жёсткой силы. При этом эффективность инструментов мягкого внешнеполитического влияния зависит от военной и экономической мощи государств. Наконец, конструктивизм не отрицает влияние мягкой силы на международную систему. Однако в отличие от неолиберального понимания силы конструктивисты расширяют его, включая также объекты нарративов в формирование распределения сил на международной арене.

Список использованных источников

1. *Агеев В. Д.* Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: диссертация … кандидата политических наук: 23.00.04. Санкт-Петербург, 2016. 279 с.

2. *Лобанова Д.* Концептуальные подходы к определению понятия силы в международных отношениях // Международные процессы. 2017. Т. 15. №2 (49). С.77–88.

3. *Най Дж. С.* Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Перевод с англ. В. И. Супруна. – Новосибирск : Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. 206 с.

4. *Най Дж. С.* Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. / перевод с англ. В. Н. Верченко. – Москва : АСТ, 2014. 444 с.

5. *Nye J. S.* The New Public Diplomacy // Project Syndicate. – URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/the-new-public-diplomacy (дата обращения: 01.11.2021).

6. *Nye J. S.* Information Warfare Versus Soft Power // Project Syndicate. – URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/cyber-warfare-weakens-russia-soft-power-by-joseph-s--nye-2017-05 (дата обращения: 02.11.2021).

7. *Nye J. S.* Think Again: Soft Power // Foreign Policy. 23.02.2006. – URL: https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/ (дата обращения: 04.11.2021).

8. *Layne C.* The unbearable lightness of soft power // Soft Power and US Foreign Policy. Theoretical, historical and contemporary perspectives / ed.: I. Parmar, M. Cox. London; New York: Routledge Studies in US Foreign Policy. 2010. P. 51–82.

9. *Шаповалова А. И.* Концепция силы в международных отношениях: интерпретация с точки зрения социального конструктивизма // Дискурс-Пи. 2014. №1 (14). С. 83–88.

10. *Roselle L., Miskimmon A., O'Loughlin B.* Strategic Narrative: A New Means to Undestand Soft Power // Media, War & Conflict. 2014. Vol. 7(1). P. 70–84.

Кузина Оксана Евгеньевна – преподаватель, Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал, okkuzina93@rambler.ru

УДК 334.021.1, 65.011.1

А. Е. Кузьмин

INVESTOR RELATIONS КАК ЭЛЕМЕНТ КОММУНИКАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ПУБЛИЧНЫХ КОМПАНИЙ

A. Kuzmin

INVESTOR RELATIONS AS AN ELEMENT OF THE COMMUNICATION STRATEGY OF PUBLIC COMPANIES

Одним из приоритетных направлений в рамках отдельной компании, которая только планирует выход на IPO или уже свободно обращается на рынке ценных бумаг и капитала, является развитие направления Investor Relations. Грамотно выстроенная стратегия Investor Relations способствует созданию конкурентного преимущества компании, а также оказывает существенное влияние на стоимость ценных бумаг организации и помогает разрешать и преодолевать различные кризисные моменты, привлекать дополнительный капитал для проекты и обмениваться опытом, технологиями и знаниями.

Ключевые слова: Investor Relations, стратегия, коммуникация, IPO.

One of the priority directions within the framework of a single company that plans to enter an IPO or whose shares are already freely traded on the securities and capital market is the development of the Investor Relations direction. Since a well-structured strategy of relations with investors contributes to the creation of a competitive advantage of the company, as well as has a significant impact on the value of the organization's securities and helps to resolve and overcome various crisis moments, attract additional capital for projects and exchange experience, technology and knowledge.

Keywords: Investor Relations, strategy, communication, IPO.

One of the most popular and dynamically developing areas of consulting is the area of the capital and securities market. An increasing number of Russian organizations and startups are becoming public companies entering new markets and trying to attract foreign investment. This exacerbates the need of the Russian market for high-quality investment consulting services. Professional consulting in the field of Investor Relations (hereinafter referred to as IR) can help in the development and development of practical recommendations aimed at the interaction of priority investment market participants for the company, helps to solve problems with the understanding of the requirements of foreign investors by the management of Russian companies, and will also bring the work of Russian enterprises into compliance with generally recognized international standards of functioning.

Unfortunately, this area of counseling in Russia is extremely poorly developed. The Russian market economy is a fairly young phenomenon, as are all related areas, such as, for example, investor Relations. At the moment there are not enough qualified IR specialists and enterprises have to cultivate their own personnel, sending them for training and internships in foreign companies, therefore a competent specialist who has received foreign training is a unique most important personnel in the case when a company is aiming for an IPO or has faced problems and crises affecting the position and condition of the company on the stock market. The management of Russian companies developing the field of interaction with investors should pay attention to the practice of their foreign colleagues in relation to this issue, as well as adopt communication principles and IR tools for their

further adaptation and application in the conditions of the still developing Russian market.

The common understanding of investor relations is associated with providing shareholders with confidential information about the company's key financial indicators. However, in reality, investor relations has a much deeper content. So, under the term Investor Relations or IR, it is necessary to understand a long-term strategy of economic, marketing and communication components that allow investors to form the most objective perception of the company, its financial situation, as well as opportunities and prospects for its development [1, C. 23].

Investor Relations are a set of elements that make it possible to represent an organization and its shares on the market and contribute to the growth of its shareholder value in a prolonged period of time, subject to compliance with the requirements of regulatory authorities. Establishing high-quality interactions with investors has a significant impact on the value of the company's shares, and, consequently, the capitalization of the company on the stock market. Therefore, the creation and effective application of the developed strategy of interaction with investors is one of the priorities of the organization.

It should also be noted that interaction with investors is an interdisciplinary field that includes many different fields of knowledge: management, PR, finance, marketing, communication consulting, etc. In addition, anti-crisis management can be included in this list of disciplines, the tools of which are actively used by foreign specialists in investor relations, but it remains not reflected in the existing academic literature on investor relations to this day. According to the definition of NIRI (the National Institute for Investor Relations in the USA), which is a professional association of investor relations specialists, investor relations is one of the key strategically important management tasks that combine both finance and communications, marketing and corporate law to ensure effective interaction between the organization and its stakeholders in order to create an objective assessment of the capitalization of the company. The investor relations direction as an interdisciplinary field of knowledge is currently undergoing a stage of its formation and development in Russia, and therefore it is still significantly different from the investor relations of Western markets.

Exploring this area of communication, it is necessary to identify the subject and object of investor relations. The object of Investor Relations is the area of communications by key actors of the capital and securities market of the company. The subject of Investor Relations is building effective relationships with investors.

In the system of a large business entity, the IR division is engaged in the tasks of interaction with investors, whose competence and responsibilities include:

– development of communication programs aimed at interacting with key audiences in the field of investments (shareholders, expert community, regulatory authorities, stock exchange, etc.);

– providing the necessary information to investors about the processes taking place in the field of the company's activities;

– creation of the company's information disclosure policy;

– structuring and timely provision of the company's financial statements to the target audience;

– interaction with financial rating agencies;

– monitoring of the information field around the company;

– creation of a reliable system of trusting relationships with the investment community.

To the existing classical tasks of the specialists of the investor Relations division, you can also add relevant powers dictated by the current state of the market, for example, such as:

– development and creation of an anti-crisis communication IR strategy;

– prompt implementation of anti-crisis response with investors;

– overcoming communication crisis situations by interacting with participants of the capital and securities market.

The implementation of the above tasks of the IR division ensures the establishment of effective communication of the company with representatives of the investment community, and also contributes to the relevant information about the company's position in the market and positioning of the organization as a promising investment object for Russian and foreign investors.

The emphasis of the tasks of the investor relations department on the phenomenon of the crisis is due not only to the conditions of Russian reality, in which economic and political instability can have a significant impact on the value of the company's shares, as well as its relationship with investors, and the state in general, but also to the fact that global crisis processes can significantly affect the well-being of the organization. For example, the impact of the global pandemic crisis and the decision of OPEC countries on the value of shares of oil companies or on the value of shares of Russian metallurgical enterprises, which suffered significant losses due to falling demand for steel.

The creation of an effective Investor Relations system takes into account the opportunities and prospects for the development of the organization's industry, as well as the creation of high-quality corporate governance and ensuring transparency of its activities. Such a program can contribute to the establishment of trust on the part of investors, ensure an increase in the assessment of the company's market value, as well as reduce the cost of attracting investments and increase the profitability of the company.

The combination of Investor Relations with corporate relations, which means an organization's information flow management system aimed at creating a favorable perception of the company by its customers, partners, competitors, employees, the media, etc., can create an effective communication strategy of the enterprise and achieve many operational successes.

An effective communication strategy of an enterprise in the field of Investor Relations implies:

– work on the image of the company, implying the correction of the information field for the positioning of the company in terms of its investment prospects;

– study and analysis of the investor market in order to identify potential investors of the company;

– identification of channels and effective communication tools of the company with key audiences of the securities and capital market;

– implementation of the created image program on the stock market;

– evaluation of the results of activities;

– correction and improvement of the created program.

Thus, the main objectives of Investor Relations are:

– achieving a fair valuation of the company's shares on the market;

– creating a positive image and reputation of the company;

– increasing the confidence of capital and securities market participants in the company's top management;

– reduction of the cost of borrowed funds of the organization.

The competently planned work of the Investor Relations division ensures satisfaction of the interests and needs of both the company itself and its investors. At its core, Investor Relations is a communication bridge connecting a company with open markets. The information field created by the company's team of specialists in the field of IR contributes to the adoption of optimal balanced investment decisions by investors. If an organization fails to meet the financial expectations of its investors, its shares are exposed to a significant risk of collapse. That is why it is so important to provide investors with the most relevant information and manage their expectations.

Список использованных источников

1. *Коул Б. М.* Новые отношения с инвесторами / под ред. Б. М. Коула. Москва : Альпина Бизнес Букс, 2005.

Кузьмин Алексей Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении, Санкт-Петербургский государственный университет, a.e.kuzmin@spbu.ru

УДК 659.442

Е. Б. Курганова, А. С. Шерне

КАК ВЫРАСТИТЬ СВОЕГО СОТРУДНИКА: РЕАЛИЗАЦИЯ «СТРАТЕГИИ ФЕРМЕРА» В ОТНОШЕНИИ ЗУМЕРОВ ГОСКОРПОРАЦИЕЙ «РОСАТОМ»

E. Kurganova, A. Sherne

HOW TO GROW YOUR EMPLOYEE: IMPLEMENTATION OF THE "FARMER'S STRATEGY" REGARDING BUZZERS BY THE STATE CORPORATION "ROSATOM"

В фокусе внимания авторов проблема поиска оптимальных методов взаимодействия компаний с молодыми соискателями, представителями поколения Z. В статье содержится анализ коммуникационной активности с молодым поколением госкорпорации «Росатом» с авторскими комментариями.

Ключевые слова: поколение Z, зумеры, геймификация, кейс-стади, проектный метод, коммуникации с молодыми соискателями.

The author focuses on the problem of finding optimal methods of interaction between companies and young job seekers, representatives of generation Z. The article contains an analysis of communication activity with the young generation of the state corporation "Rosatom" with the author's comments.

Keywords: generation Z, buzzers, gamification, case studies, project method, communication with young applicants.

Если в маркетинге компании нацелены на выращивание своих потребителей, то в менеджменте – на выращивание будущих сотрудников. Сегодня вопрос «как вырастить будущего успешного сотрудника?» можно переформулировать так: «как оптимально выстроить коммуникацию с представителями поколения Z?».

Для многих компаний молодые специалисты – одна из ключевых категорий сотрудников. Современная молодежь по своей натуре динамичная и амбициозная, она рассчитывает обменять свое рабочее время и навыки на интересные развивающие задачи и возможности карьерного роста. И работодателю нужно учитывать эти особенности, уже сейчас нащупывая оптимальные методы взаимодействия с представителями поколения Z.

Поколение Z – самое многочисленное за время существования человечества. К концу 2020 г. в мире уже насчитывалось 2,6 млрд зумеров, что стимулирует высокую конкуренцию на рынке труда. К 2025 г. зеты будут занимать 27 % всех существующих должностей. Самые взрослые из них недавно закончили университеты и сейчас устраиваются на первую работу.

Известно, что зумеры разбираются в цифровых технологиях и предпочитают живому общению виртуальное. Среди их качеств: нетерпеливость, ориентация на

достижение краткосрочных целей, явная гиперактивность, которая выливается в потребность в регулярной подпитке новыми ощущениями и эмоциями. Они прямолинейны, прагматичны, эффективно справляются с большим потоком задач, при этом знают себе цену и тщательно выбирают будущего работодателя. Материальное (высокий доход) играет определенную роль для зумеров, но они менее меркантильны, чем представители предыдущих поколений. Зумеры готовы отказаться от высокооплачиваемой работы, если она не приносит им удовольствие. Вторым по приоритету становится увлечение профессией. Данные тезисы подтверждают результаты исследования Hays, согласно которым: 1) привлекательность работодателя для поколения Z определяется прежде всего тем, насколько интересна работа (72 %); гибкостью графика (41 %) и возможностью работать самостоятельно (35 %); 2) успешная карьера, помимо высокого дохода (66 %), предполагает удовлетворенность от деятельности (54 %) и возможность сочетать ее с личной жизнью (48 %) [1].

Чтобы понять, как коммуницировать с молодым поколением, работодателям стоит присмотреться к нему уже сейчас.

Достаточно успешный опыт взаимодействия с представителями поколения Z имеет «Росатом». Сегодня в корпорации всего работает 300 тыс. человек, из них в возрасте до 35 лет каждый третий сотрудник. Ежегодно на предприятия отрасли приходят 1–1,5 тыс. выпускников из 177 вузов, а в ближайшие годы корпорация ждет выхода на работу более 11 000 молодых специалистов. С 2017 г. средняя доля выпускников вузов в разных специальностях «Росатома», – 3,7 %. Каждый третий молодой сотрудник, поступающий на работу на предприятия и в организации Росатома, имеет красный диплом.

Руководство корпорации считает, что достижение глобального лидерства на рынке ядерных технологий невозможно без достижения лидерства на рынке труда. В современном мире не сырьевые ресурсы, не технологии, а именно качество человеческого капитала играет решающую роль и становится ключевым фактором эффективного развития корпорации в будущем. «Росатом» ориентирован на продуманную политику продвижения бренда как работодателя, в том числе и с помощью внедрения оптимальных инструментов привлечения и удержания молодых специалистов. В 2018 г. компания выпустила рекомендации по работе с молодежью для руководителей и наставников «Новое поколение Росатома», где содержатся полезные советы по взаимодействию с поколением Y. К сожалению, такое руководство по работе с поколением Z пока отсутствует.

Тем не менее, у компании есть опыт (пока не систематизированный) взаимодействия с зетами. Рассмотрим наиболее распространенные форматы коммуникации с молодыми соискателями вакансий в «Росатоме». Корпорация осуществляет диалог с молодежью через отраслевой карьерный портал для студентов и выпускников. А при выстраивании взаимодействия с представителями поколения Z использует следующие методы:

1) кейс-стади. Так, в формате решения кейсов реализуется первый научный кейс-чемпионат для студентов цифровых специальностей. Компания предлагает участие в проекте тем, кто хочет попробовать себя в реальных научных исследованиях, получить опыт работы в команде ведущих ученых атомной отрасли, совмещать учебу с работой по специальности. По итогам кейс-чемпионата победители получают возможность пройти оплачиваемую стажировку с последующим трудоустройством на предприятия Росатома с высоким уровнем заработной платы, индивидуальным гибким графиком и другими преимуществами, значимыми для поколения Z;

2) проектный метод является основным в ходе реализации Турнира молодых профессионалов «ТеМП», масштабного проекта по привлечению талантливой

молодёжи с потенциалом к разработке и внедрению инноваций. Турнир нацелен на то, чтобы помочь молодым талантам начать успешную карьеру в «Росатоме», предоставить инструменты для развития, ориентировать на выбор карьерной траектории, а также найти новые идеи по направлениям развития бизнеса. В рамках этапов турнира участники предлагают идеи проектов по актуальным бизнес-направлениям, проходят обучение и защищают проекты-финалисты перед руководством «Росатома». Стоит отметить, что в последствии победители турнира принимают участие в подготовке своих проектов к внедрению на предприятиях атомной отрасли.

Совмещает в себе метод решения кейсов и проектный подход марафон AtomProfi, предоставляющий возможность получить навыки, необходимые для работы в атомной отрасли, испытать себя в конкурсных мероприятиях, принять участие в молодежных мероприятиях атомной отрасли, а главное – стать частью единой команды корпорации. Проект предназначен для студентов технических и естественно-научных направлений, магистрантов, а также выпускников 2021 г. Проект реализуется в четырех направлениях: «Новые продукты», «Наука и технологии», «Международное молодежное ядерное сообщество» и «Цифровизация». Так, в рамках трека «Новые продукты» участники, нацеленные на освоение новых рынков для продвижения высоких технологий, работают над отраслевыми кейсами, дорабатывают решения совместно с экспертами атомной отрасли и представляют свои проекты руководству. Участники трека «Цифровизация» помимо знакомства с действующими специалистами цифровых направлений «Росатома», могут представить свои цифровые проекты профильным руководителям.

Стоит отметить, что проектный метод лежит и в основе взаимодействия с действующими молодыми сотрудниками корпорации. Так, в компании проводится молодежный конкурс «Инновационный лидер атомной отрасли». Участниками могут стать молодые работники атомной отрасли, проявившие активность в области разработки и внедрения инновационных проектов. Цель конкурса – внедрение проектной культуры в решение научных и инновационных задач;

3) геймификация. В 2018 г. Госкорпорация стала лидером в категории «Инжиниринг и производство» международного рейтинга лучших молодежных работодателей Universum (на основании ответов 22 тыс. опрошенных). По версии группы компаний HeadHunter, госкорпорация «Росатом» дважды за последние четыре года признавалась лучшим работодателем страны (по итогам 2018 и 2020 гг.). В 2020–2021 гг. компания решила закрепить успех за счет привлечения к голосованию не только действующих сотрудников, но и потенциальных молодых специалистов. Ориентируясь на то, что молодые соискатели нуждаются в регулярной эмоциональной подзарядке, компания запустила в последние два года несколько геймифицированных проектов. Среди них бесплатный детский экологический квест «Атомная лига» от «Росатома», посвященный важности разумного потребления, и игры с рандомным розыгрышем призов «Энергия будущего» и «Атомный рейс». «Росатом» уже второй год предлагает игрокам поддержать труд каждого сотрудника, проголосовав в рейтинге работодателей России. Если «Энергия Будущего» предполагала выполнение на время трех несложных заданий (запустить атомный ледокол, подключить к сети ветрогенератор и собрать ядерный реактор на атомной станции), то у «Атомного рейса» другой сценарий. Согласно его легенде, участники могут вписать себя в команду Росатома в роли матроса и помочь спасти судно с белыми медведями, застрявшее во льдах. Каждое решение, принятое в ходе многофинальной игры-симуляции, влияет на результат. То, что игра имеет несколько концовок, делает ее реиграбельной. Внутриигровой квест дает участнику возможность ощутить всю ответственность, которая ложится на плечи

сотрудника, а также знакомит с последствиями выбора, что развивает управленческие навыки. 30 самых успешных игроков получают шанс устроиться на работу в «Росатом» и принять участие в розыгрыше уникальных «атомных» призов, приуроченных к году науки и технологий в России.

Взаимодействие с молодыми кадрами – значимое направление в деятельности любой компании, нацеленной на развитие в будущем. Именно среди молодых соискателей очень много перспективных digital-специалистов, в которых сейчас очень заинтересован рынок. Сотрудничество с молодыми кадрами позволяет опытным специалистам развить управленческие навыки и оценить свой уровень экспертности, переосмыслить внутренние бизнес-процессы. Нанимая молодых специалистов, компании также снижают свои расходы. Несмотря на то, что молодых специалистов нужно обучать, эти затраты окупаются за счет их рвения и повышенной продуктивности. Кроме того, молодые сотрудники адаптивны, легко обучаемы и, как правило, обладают нестандартным мышлением и активно генерируют креативные идеи и свежие решения.

Список использованных источников

1. Исследование «Поколение Z и рынок труда в России». – URL: https://hays.ru/research/genz/ (дата обращения: 02.11.2021).

Курганова Екатерина Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна, Воронежский государственный университет, kurganova1979@mail.ru

Шерне Александра Сергеевна – студент 3-го курса, направление «Управления персоналом», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, sherne2001@mail.ru

УДК 659

З. Д. Кутузова

ЭФФЕКТИВНОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПО ПРОДАЖЕ АВТОЗАПЧАСТЕЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Z. Kutuzova

EFFECTIVE PROMOTION OF THE ORGANIZATION FOR THE SALE OF AUTO PARTS IN SOCIAL NETWORKS.

Целью данной статьи служит выявление современных тенденций эффективного продвижения организации по продаже автозапчастей в социальных сетях на примере ООО «ВСЕ ПОРОГИ». Тема является особенно актуальной, поскольку продвижение товаров и услуг посредством социальных сетей набирает все большую популярность.

В данной статье рассматриваются следующие аспекты: SNW-анализ организации по продаже кузовных порогов и арок на автомобиль. Рассмотрены и проанализированы достоинства и недостатки продвижения товаров и услуг в популярных социальных сетях в России. Выявлены наиболее подходящие рекламные площадки для продвижения автомобильных товаров. Перечислены современные тенденции продвижения бизнеса посредством социальных сетей. Проведено тестирование рекламных объявлений для организации ООО «ВСЕ ПОРОГИ».

Ключевые слова: социальная сеть, SMM, SNW-анализ, рекламный бюджет, современные тенденции продвижения в социальных сетях.

The purpose of this article is to identify current trends in the effective promotion of the organization for the sale of auto parts in social networks on the example of the LLC "VSE POROGI". The topic is especially relevant, since the promotion of goods and services through social networks is gaining more and more popularity.

This article discusses the following aspects: SNW-analysis of the organization for the sale of body sills and arches for a car. The advantages and disadvantages of promoting goods and services in popular social networks in Russia are considered and analyzed. The most suitable advertising platforms for the promotion of automotive products have been identified. The current trends of business promotion through social networks are listed. The testing of advertisements for the organization of LLC "VSE POROGI" was carried out.

Keywords: social network, SMM, SNW analysis, advertising budget, current trends of promotion in social networks.

Социальные сети теперь стали не только средством коммуникации между людьми, но и огромной площадкой для продвижения бизнеса.

SMM (Social Media Marketing) – вид интернет-маркетинга, используемый в социальных сетях для повышения узнаваемости бренда, увеличения притока новых клиентов и повышения объема продаж [1].

В условиях конкурентной борьбы за потребителя необходимо грамотно выстроить бизнес-план по эффективному продвижению бизнеса. В этом случае не обойтись без анализа сильных и слабых сторон компании, формирования портрета потенциальной целевой аудитории и поиске оптимального канала продвижения.

На примере организации по продаже автомобильных запчастей ООО «ВСЕ ПОРОГИ» проанализирует тактику выстраивания эффективного продвижения в социальных сетях. Данная компания продолжительное время занимается продажей, установкой и ремонтом кузовных порогов и арок на разные модели автомобилей [2].

Для более глубокого изучения внутренней среды компании, а именно сильных, нейтральных и слабых сторон был применен метод SNW-анализа [3].

Таблица 1

SNW-анализ коммерческой организации ООО «ВСЕ ПОРОГИ»

Значимые параметры в деятельности предприятия	S	N	W
Компетентность компании в данной сфере деятельности		+	
Условия труда	+		
Текучесть кадров		+	
Квалификация персонала		+	
Оценка качества работы персонала			+
Организация планирования		+	
Уровень технической оснащенности	+		
Информационное обеспечение		+	
Качество выпускаемой продукции		+	
Организация маркетинга на предприятии	+		
Организационная структура предприятия		+	
Ассортимент выпускаемой продукции	+		
Конкурентная позиция	+		
Имидж организации		+	
Финансовая устойчивость предприятия		+	
Территориальное расположение		+	
Ценовая политика		+	
Объемы продаж	+		
Зависимость от поставщиков	+		
Ориентация на потребителя	+		

Сильными сторонами организации ООО «ВСЕ ПОРОГИ» являются: условия труда, уровень технической оснащенности, организация маркетинга на предприятии, ассортимент выпускаемой продукции и конкурентная позиция. Помимо этого, также стоит отметить успешные: объемы продаж и ориентацию на потребителя. Поскольку у компании собственное производство в Санкт-Петербурге, проблем с поставщиками нет.

Из слабых сторон компании стоит отметить: оценку качества работы персонала. Это обуславливается недовольством пользователей от выполненных ремонтных работ по установке и ремонту порогов и арок.

При продвижении любого бизнеса необходима проанализировать свою целевую аудиторию. Потенциальным клиентом данной организации является мужчина от 20 лет со средним уровнем достатка, у которого есть автомобиль. Место жительства не имеет значения, поскольку компания доставляет товары по всей России.

С определением целевой аудитории необходимо выбрать площадку для более эффективного продвижения, а именно социальную сеть. По данным Mediascope можно выделить 7 самых популярных социальных сетей в России на 2021 г., достоинства и недостатки которых представлены в табл. 2 [4].

Таблица 2

Достоинства и недостатки продвижения товаров и услуг
в различных социальных сетях

Социальная сеть	Плюсы	Минусы
Facebook	1. Возможность для продвижения любого бизнеса. 2. Расширенный детальный таргетинг	1. Большая конкуренция. 2. Низкий органический охват. 3. Высокая стоимость рекламы. 4. Постоянная блокировка рекламных аккаунтов
Instagram	1. Большой уровень вовлеченности. 2. Возможность сотрудничества с лидерами мнений	1. Высокая конкуренция. 2. Не подойдет для B2B компаний. 3. Необходим значительный бюджет на рекламу
YouTube	1. Популярность видео формата. 2. Большой органический охват за качественный контент. 3. Использование стратегии вирусного маркетинга	1. Наличие специальных навыков и больших ресурсов. 2. Высокая конкуренция
ВКонтакте	1. Широкие возможности для таргетинга 2. Низкая стоимость 3. Удобный сервис статистики	1. Высокая конкуренция
TikTok	1. Популярность видео формата 2. Большой доступ к аудитории 3. Нет перенасыщенности рекламой 4. Умеренная конкуренция	1. Отсутствие платежеспособной аудитории
Одноклассники	1. Экономия на услугах подрядчика 2. Максимальный контроль над ходом рекламных кампаний	1. Значительные временные затраты на корректировку кампаний. 2. Ограничение в продвижении некоторых ниш

Проанализировав все достоинства и недостатки наиболее популярных социальных сетей в России, можно сделать вывод, что продвижение авто товаров посредством TikTok и YouTube будет наименее успешным вариантом. Создание качественных видеороликов отнимает значительное количество денежных средств и немалый ресурс времени.

По данным Mediascope – социальная сеть «Одноклассники» по численности аудитории занимает свое почетное седьмое место, что говорит нам о нецелесообразности продвижения через данный канал коммуникации [5].

Наиболее благоприятными площадками для ведения рекламных кампаний по автомобильной нише служат Instagram, ВКонтакте и Facebook. Однако стоит отметить, что Facebook не так сильно распространен среди среднестатистического пользователя и больше нацелен на бизнес-аудиторию.

Поскольку у компании ООО «ВСЕ ПОРОГИ» существуют активные аккаунты в ВКонтакте и Instagram, продвигать их товар будет гораздо проще именно в этих социальных сетях.

Множество исследований, посвященных изучению тенденций продвижения товаров и услуг через SMM (Social Media Marketing) отмечают их таковыми:

– продвижение аккаунта в социальных сетях (создание официальных сообществ организаций и ведение рекламы от «их» лица);

– персонализация в рекламе (нацеленность на определенную аудиторию);

– геотаргетинг (показ рекламы в пределах определенного региона/страны);

– диалог с аудиторией (реакция пользователя на продукт/услугу);

– пользовательский контент (использование фото и видео материалов клиентов с товаром/услугой);

– сотрудничество с лидерами мнений (привлечение медийных личностей);

– побуждение пользователя к действию (оставить заявку, купить, заказать и прочее) [6].

Для подтверждения эффективности продвижения бизнеса с использованием этих тенденций было запущено четыре рекламные кампании в сети «Instagram» и «ВКонтакте», результаты которых представлены ниже.

Для создания креативов были использованы изображения результата выполнения кузовных работ на определенных марках автомобилей (до/после), взятые с официальных сообществ организации ООО «ВСЕ ПОРОГИ». Все макеты были модифицированы посредством различных программ по типу Photoshop и Figma.

Само тестирование рекламных объявлений длилось с 01.09.2021 по 15.09.2021 при примерно равном потраченном бюджете в три/четыре тысячи рублей на каждую из кампаний.

В объявлениях на рекламной площадке «ВКонтакте» были использованы следующие приемы привлечения аудитории: [7]

– нацеленность на автовладельцев и их возможные проблемы с автомобилем;

– побуждение пользователя перейти в сообщество или отправить сообщение;

– обозначение цены товара в объявлении и на рекламном макете.

В табл. 3 продемонстрированы результаты двух рекламных кампаний в сети «ВКонтакте».

Таблица 3

Результаты проведения рекламных кампании
для ООО «ВСЕ ПОРОГИ» в сети «ВКонтакте»

	Потрачено, руб	Кол-во переходов	Стоимость перехода, руб	Количество вступлений в сообщество	Количество сообщений
Рекламная кампания №1	3213,92	252	12,75	41	14
Рекламная кампания №2	3968,84	375	10,58	54	7

Проанализировав данные из табл. 3, было выявлено, что несмотря на более дорогой переход по рекламе и меньшему количеству вступлений в сообщество у рекламной кампании №1 – конечный результат был выше. Об этом свидетельствует больший приток сообщений, полученных от новых пользователей. Эффективность первого рекламного макета имела лучший результат благодаря четко прописанной цене товара на самом изображении. Листая ленту новостей в социальной сети, пользователь сразу понимает какой продукт ему предлагают и сколько он за него должен заплатить. В случае же рекламной кампании №2 – цена указана только в тексте, который потенциальный покупатель может сначала и не заметить.

Далее рассмотрим результаты рекламных кампаний для ООО «ВСЕ ПОРОГИ», проведенных в сети «Instagram».

В данном случае анализ эффективности будет иметь немного другой формат. К сожалению, в Instagram не всегда удается отследить с какой рекламной кампании были получены обращения и новые пользователи. Для оценки эффективности рекламы будут использоваться такие показатели как: цена за переход, охват и количество переходов.

В этот раз в разработку макета для рекламных кампаний была выбрана одна и та же фотография кузовных порогов, но с использованием разных шрифтов и «побуждения к действию» пользователя.

В табл. 4 приведены результаты, полученные в ходе проведения рекламных кампаний для организации ООО «ВСЕ ПОРОГИ» в сети «Instagram»

Таблица 4

Результаты проведения рекламных кампании для ООО «ВСЕ ПОРОГИ» в сети «Instagram»

	Потрачено, руб	Кол-во переходов	Стоимость перехода, руб	Охват, чел.
Рекламная кампания №3	2993,67	271	11,05	30 494
Рекламная кампания №4	2249,81	451	4,99	39 177

Проанализировав статистику из табл. 4, стоит сказать, что рекламная кампания №4 показала лучшие результаты. При меньшем потраченном рекламном бюджете, было получено большее количество переходов. Стоимость перехода по объявлению у рекламной кампании №3 в два раза дороже, а число охваченных пользователей гораздо меньше.

Данная статистика показывает, что даже располагая одним и тем же рекламным макетом, можно продемонстрировать текст и «побуждение к действию» на картинке так, что результат будет кардинально отличаться.

Подводя итог, важно отметить, что при продвижении бренда посредством SMM не стоит забывать о современных тенденциях, ведь именно благодаря им существует вероятность получить наилучший результат по наименьшим вложениям в рекламу.

Список использованных источников

1. Что такое SMM?. – URL: https://vc.ru/marketing/82413-chto-takoe-smm (дата обращения: 10.10.2021)
2. Официальный сайт организации ООО «ВСЕ ПОРОГИ». – URL: https://vseporogi.com (дата обращения: 10.10.2021)
3. SNW-анализ: что это такое – примеры и методы исследования внутренней среды организации. – URL: https://www.cleverence.ru/articles/biznes/snw-analiz-chto-eto-takoe-primery-i-metody-issledovaniya-vnutrenney-sredy/ (дата обращения: 10.10.2021)
4. Odnoklassniki.ru «Mediascope». – URL: https://webindex.mediascope.net/report/dynamic?byDevice=3&byDevice=1&byDevice=2&byGeo=1&byMonth=202108&id=12808 (дата обращения: 13.10.2021)
5. Аудитория шести крупнейших соцсетей в России в 2020 году: изучаем инсайты. – URL: https://ppc.world/articles/auditoriya-shesti-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2020-godu-izuchaem-insayty/ (дата обращения: 15.10.2021)
6. Тренды СММ 2021 - персонализация в рекламе, диалог с аудиторией, геотаргетинг. – URL: https://martrending.ru/smm/trendy-smm-2021 (дата обращения: 15.10.21)
7. Ключевые тренды SMM в 2020 году. – URL:https://vc.ru/marketing/99105-klyuchevye-trendy-smm-v-2020-godu (дата обращения: 20.10.2021)

Статья представлена научным руководителем, кандидатом философских наук, доцентом кафедры социально-политических наук СПбГУТ Л. В. Володиной.

Кутузова Злата Дмитриевна – магистр, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, belovedanubis@yandex.ru

УДК 316

А. Е. Мальчёнкова

ПРОБЛЕМА ПУБЛИЧНОСТИ И ИНТИМНОСТИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

A. Malchenkova

THE PROBLEM OF PUBLICITY AND INTIMACY IN CYBERSPACE

В статье рассматриваются факторы, определяющие проблему публичности и интимности в киберпространстве. Определяются стратегии формирования самопрезентации и идентификации личности в виртуальном пространстве сети Интернет, особенности мотивации, а также целевых установок, определяющих этот процесс. Проблема публичности и интимности в киберпространстве рассматривается на основе использования феноменологических методов, разработанных в социологии.

Ключевые слова: публичность, интимность, виртуальное пространство, сеть Интернет, самопрезентация, идентификация, феноменология.

The article discusses the factors that determine the problem of publicity and intimacy in cyberspace. The strategies for the formation of self-presentation and identification of a person in the virtual space of the Internet are determined, the features of motivation, as well as target attitudes that determine this process. The problem of publicity and intimacy in cyberspace is considered based on the use of phenomenological methods developed in sociology.

Keywords: publicity, intimacy, virtual space, Internet, self-presentation, identification, phenomenology.

К проблеме частной и публичной сферы в киберпространстве обращались Ю. Хабермас, С. Бенхабиб, Р. Барт. С точки зрения Хабермаса, публичная сфера киберпространства – это сеть для обмена информацией, своего рода «публичный разговор»

множества публичных субъектов. Доступность к публичным дебатам в киберпространстве и высокий уровень анонимности участников приводит к включению в дебаты приватного содержания, стирая тем самым границы между интимностью и публичностью [1].

Понятие «публичность» предполагает открытые пониманию и вниманию различные виды деятельности, доступные наблюдению и контролю принятия решений. Публичность предполагает гласность дискуссий и образует сферу коллективности – пространство, в котором по разным основаниям группируются члены общества. Интимность предполагает глубоко личные отношения, которые чаще всего являются синонимом «половых отношений».

Проблема публичности и интимности в киберпространстве связана с пониманием идентичности в условиях информационного общества. Социальное взаимодействие социализированных личностей на основе сетевых структур киберпространства ставит проблему их персонификации под влиянием виртуальной среды. Появляется необходимость исследования поведения человека в информационном социуме и формирования его идентичности в новых условиях.

Становление культуры постмодернизма в социологии, рассматривающей потенциальность как отличительную черту человеческого существования, ставит социологов перед необходимостью изучать не только реальное, но и возможное бытие. Взаимодействие личностных субъектов в киберпространстве наиболее полно выражено в этой парадигме. Возможная множественность идентичностей личностей, взаимодействующих в сети Интернет, оказывается слабо связанной с социальной идентичностью, сформировавшейся в объективно существующем социуме.

В настоящее время сложились два подхода к изучению личности: структурно-функциональный и феноменологический. В структурно-функциональной парадигме личность рассматривается как носитель объективно присущих ей черт, ролей, статусов, потребностей, мотивов поведения и т. п. Феноменологическая традиция обращается, прежде всего, к исключительной экзистенциальной сущности личности.

С развитием взаимодействия социальных субъектов сети Интернет актуализировались исследования, связанные с активностью личности в формировании «образа Я», и различных способов формирования её идентичности в процессе самопрезентации. Пути самопрезентации человека в киберпространстве практически не ограничены, и даже если они опираются на объективно представленную идентичность – могут не совпадать с ней. При этом следует учитывать, что взаимодействия социальных субъектов в киберпространстве способно влиять на реальную идентичность различными способами. С одной стороны, существование в социальных сетях самых разных сообществ даёт возможность принадлежать к сообществам, отсутствующим в реальном социальном мире. С другой – взаимодействие в социальных сетях Интернета на основе полной анонимности, может создавать идентичность, значительно отличающуюся от идентичности в реальной жизни.

Существование различных сетевых сообществ может оказывать самое разное влияние на формирование личности [2]. Следует отметить и следующий важный момент. Виртуальная самопрезентация способна формировать социальную идентичность через противопоставление себя сообществу. Такое поведение обычно связано с существованием идентичности, толкающей её носителей самоопределяться через поведение, отличающееся протестным содержанием.

Стремление к анонимности в виртуальной коммуникации может вызываться разочарованием человека, его самоопределением в реальном мире, нежеланием принять реально сформировавшуюся идентичность. Прежде всего, это относится к членам группы, принадлежность к которой в виртуальном пространстве сети Интернет легко скрыть (возрастная, этническая принадлежность, пол и т. п.). Вместе с этим одним из важных факторов, объясняющих стремление к виртуальной коммуникации, часто является стремление убежать из собственного «Я» (менталитета, статуса и даже тела). Формирование в киберпространстве идентичности, отличной от уже имеющейся в реальности, часто связана с

неудовлетворённостью идентичностью, закреплённой за личностью в реальном мире. Самопрезентация в этом случае может быть связана со стремлением к обладанию более высоким статусом, привилегированным положением, невозможными в реальности.

Взаимодействие в киберпространстве на основе такой самопрезентации позволяет проявлять недопустимую в реальном обществе демонстрацию силы, осуществлять интимное самовыражение, практически невозможное в реальности, даже самому близкому окружению. В киберпространстве виртуальная самопрезентация часто применяется не только для демонстрации якобы высокого статуса своей личности и её значимости, но и для удовлетворения потребности в признании. Такая стратегия поведения может быть связана со стремлением человека создать такую идентичность, которая соответствует идеалу собственного «Я», и заменить реально существующее «Я», которым он обладает. Имеются и другие причины выбора подобной стратегии самопрезентации и самоидентификации.

Необходимо учитывать, что люди в реальной жизни не всегда могут выразить все имеющиеся стороны своей личности, тогда как в виртуальной среде достичь этого не сложно. Очень часто в ходе самопрезентации в киберпространстве происходит замена пола. Можно предположить, что это, чаще всего, связано с желанием получить новый опыт и новые ощущения.

На основании приведённых рассуждений следует сделать выводы о том, что стратегии формирования идентичности в киберпространстве не только отличаются от этого процесса в реальном бытии, но и отражают то, что невозможно выразить в реальной жизни. Сравнительный анализ реальной и виртуальной самопрезентации и идентификации раскрывает взаимное влияние их друг на друга, а появление Интернета создаёт новые пути и способы формирования идентичности.

Список использованных источников

1. *Benhabib S.* Models of public space // Habermas and the Public Sphere / ed. by C. Calhoun. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1992. P. 73–99.

2. *Абушенко В. Л.* Проблемы идентичностей: специфика культур-философского и культур-социологического видения // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 138.

Мальчёнкова Анна Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, palzu73@gmail.com

УДК 101.3: 37.017.7 (476)

Д. И. Наумов

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ (ДЕ)КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ

D. Naumov

MILITARY-HISTORICAL RECONSTRUCTION AS A TOOL FOR (DE)CONSTRUCTION OF THE HISTORICAL MEMORY OF YOUTH

Работа посвящена развитию белорусского движения военно-исторической реконструкции, рассматриваемого как совокупность социальных практик по изучению и достоверному воссозданию материальной и духовной культуры прошлого, определяется его место в системе агентов социализации, выявляется роль в формировании исторической памяти молодежи.

Ключевые слова: военно-историческая реконструкция, реконструкторское движение, молодежь, историческая память, коммеморация.

The work is devoted to the development of the Belarusian movement of military-historical reconstruction, considered as a set of social practices about the study and reliable recreation of the material and spiritual culture of the past, the place in the system of socialization agents is determined, and the role in the formation of the historical memory of young people is revealed.

Keywords: military-historical reconstruction, reenactment movement, youth, historical memory, commemoration.

Интернет в информационном обществе является универсальной информационно-коммуникационной площадкой, обеспечивающей поддержание, функционирование и развитие разнообразных социальных практик. В данном случае социальные практики рассматриваются как совокупность действий и взаимодействий акторов, которые «с одной стороны, воспроизводятся в соответствии с нормами, с другой – представляют непрерывный процесс преобразования социальных структур и социальной жизни» [1, с. 243]. Одним из наиболее социально активных акторов является молодежь, которая в идеальном плане аккумулирует в себе человеческий и социальный капитал и потенциал общества, тем самым определяя параметры его будущего развития.

Однако конструктивная роль молодежи в жизни современного общества не гарантирована детерминистской логикой социетальных процессов, а зависит от множества, как институциональных факторов, так и социокультурных феноменов. В качестве значимого в данном контексте феномена можно рассматривать историко-культурную преемственность поколений, сохранение которой во многом зависит от «сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции» [2, с. 32]. Функциональная полезность фактической инструментализации прошлого, в определенном смысле объективированной в исторической памяти, определяется необходимостью сохранения этнокультурной идентичности сообщества, регулирования индивидуального поведения и групповой деятельности. Именно историческая память обеспечивает непрерывность социального бытия сообщества во времени и пространстве, сохраняет представления о значимых событиях и процессах, об исторических травмах, героях и антигероях, о культурных достижениях народа в контексте его вклада в развитие мировой цивилизации.

В условиях информационного общества формирование исторической памяти становится сложным гетерогенным процессом, в котором принимают участие как институционализированные структуры (в первую очередь, система формального образования, средства массовой коммуникации, политические партии, религиозно-конфессиональные сообщества и т. д.), так и общественные движения, молодежные солидарности, субкультурные группы и т. д. Если для первых обращение к проблематике конструирования исторической памяти может определяться утилитарными мотивами политического или экономического свойства, то для вторых этот шаг обусловлен более экзистенциальными причинами, связанными с актуализацией групповой идентичности в условиях социокультурного нивелирования современного социума. Как представляется, это актуализирует обращение к исторической реконструкция в целом и военно-историческая реконструкция в частности, которые выступают в качестве эффективных форм формирования исторической памяти.

Соотношение понятий «историческая реконструкция» и «военно-историческая реконструкция» можно рассматривать сквозь призму взаимоотношений таких философских категорий, как общее и особенное. Так, историческую реконструкцию можно трактовать как совокупность социальных практик, направленных на воссоздание материальной и духовной культуры прошлого определенного региона, сообщества или профессиональной группы в целях сохранения и воспроизводства коллективной идентичности. Историческая реконструкция чаще всего является атрибутом социальной активности молодежи, что позволяет рассматривать её как специфическое молодежное движение и как специфичное социальное действие,

направленное именно на воссоздание материальной и духовной культуры прошлого [3]. При этом историческую реконструкцию отличает то, что это «наиболее «фиксированная» форма репрезентации прошлого, так как её участники обычно не интерпретируют общепринятые исторические факты» [4, с. 146]. Фактически она представляет собой эксплицитно комплементарное отношение практически к любым аспектам исторического прошлого, независимо от объективных оценок исторических фактов, процессов и персонажей в научной литературе профессиональными исследователями.

Определенная популярность данного движения в молодежной среде определяется тем, что оно в формате игровых практик позволяет молодым людям достаточно легко реализовать свои интеллектуальные запросы и духовные потребности в творчестве, самоидентификации и культурной социализации. Ведь восстановление внешнего облика и структуры какого-либо исторического объекта или моделирование какого-либо события прошлого, практикуемое в исторической реконструкции, не предполагает жесткого следования художественным канонам или исторической правде. Фактически для молодежи движение исторической реконструкции выступает как агент социализации, эксплицирующий морально-нравственные ориентиры групповой социальной деятельности. Интернет при этом позволяет существенно повысить эффективность реализации социализирующей функции исторической реконструкции, практически неограниченно транслируя как успешный опыт воплощения на практике представлений индивидов об историческом прошлом, так и менее успешные практики ревитализации каких-либо компонентов прошлого.

На постсоветском пространстве практика развития движения исторической реконструкции позволяет выделить два его основных направления, которые существенно различаются между собой: «живая история» (”Living History”) и военно-историческая реконструкция [5, с. 46].

В первом случае речь идет о практике воссоздания образа жизни и материальной культуры людей какой-либо местности в определенный исторический период, которая традиционно реализуется в формате культурных фестивалей, ремесленных ярмарок или неформальных музейных выставок под открытым небом. Основная задача реконструкторов в рамках формата «живой истории» (”Living History”), с одной стороны, заключается в создании достоверной ситуации погружения в конкретную историческую эпоху, используя для этого максимально аутентичные реплики предметов материальной культуры (костюмов, украшений, оружия, предметов быта и т. д.). С другой стороны, необходимо обеспечить ревитализацию аутентичных определенной исторической эпохе практик жизнедеятельности (воссоздание обрядов, приготовление пищи, создание артефактов и т. д.). Так, определенным свидетельством популярности в Беларуси движения «живой истории» (”Living History”) является деятельность мастерской «Зброевы фальварак» [6]. В социализационном аспекте такой формат выступает в качестве эффективного инструмента формирования исторической памяти молодых людей посредством передачи ощущения повседневной жизни определенного периода истории сообщества.

Во втором случае речь идет о социальном движении, предметом которого является возрождение культурно-исторических традиций прошлого, «сохранение исторической памяти, культурного наследия и следов военной культуры прошлого, популяризация знаний в области военной истории, а также воспитание на данной основе подрастающего поколения» [7, с. 31]. Соответственно, военно-историческая реконструкция «как оригинальный вид деятельности и как движение имеет дело с технологиями прошлого, связанными с воссозданием вооружения и других предметов материальной культуры» [7, с. 31]. В качестве наиболее популярных форматов реализации данного направления движения исторической реконструкции

выступают турниры и так называемые бугурты (массовые полевые сражения), проведение которых в период пандемии COVID-19 стало объективно невозможным. Следует отметить, что в Беларуси существуют достаточно современные варианты военно-исторической реконструкции, апеллирующие как к событиям современности, так и к военно-техническим аспектам развития человечества. Так, на территории историко-культурного комплекса «Линия Сталина», находящегося недалеко от Минска, проводятся Белорусская пейнтбольная игра «Операция Багратион» и военный праздник, традиционно организуемый силами Министерства обороны Республики Беларусь, ДОСААФ и фонда «Память Афгана». Подобные мероприятия с использованием военной техники и обмундирования периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., проводимые при активном медийном сопровождении, фактически выступают как «иммерсивные программы, предлагающие участникам полное погружение в прошлое» [8, с. 94].

О степени социальной востребованности военно-исторической реконструкции в современном мире свидетельствует факт институционализации и коммерциализации данного движения, свидетельством чего является деятельность таких известных общественных организаций реконструкторов, как Международная военно-историческая ассоциация (МВИА) и Международная ассоциация исторических средневековых боев (Historical Medieval Battle International Association, HMBIA) [9, 10].

Визитной карточкой Международной военно-исторической ассоциации (МВИА) является Международный военно-исторический фестиваль, традиционно проводимый в честь годовщины Бородинского сражения 1812 г. в Можайском районе Подмосковья. В данном фестивале, фактически организуемом в формате типичного шоу с соответствующим медийным сопровождением в электронных средствах массовой коммуникации и социальных сетях, принимают участие тысячи реконструкторов из разных стран мира (в первую очередь, из постсоветских). Подобные мемориальные мероприятия как актуализируют историческую память и обеспечивают ее инструментализацию в политическом контексте, так и получают прикладное значение в аспекте развития в стране военно-исторического туризма, когда места памяти становятся основой его инфраструктуры и прекрасно коммерциализируются посредством Интернета.

Международная ассоциация исторических средневековых боев со штаб-квартирой в Лихтенштейне активно занимается продвижением и популяризацией в масштабах всего мира исторического средневекового боя (ИСБ), которому с помощью соответствующих маркетинговых инструментов атрибутируются образы уникального вида спорта и эксклюзивного культурного движения. Поэтому задача сделать ИСБ-единоборства всемирно признанным видом спорта решается в связке с ревитализацией культурных традиций и практик эпохи средневековья. Естественно, что введение средневековых культурных практик в повседневность человека глобального и урбанизированного мира имеет огромный коммерческий потенциал.

В современном белорусском обществе движение военно-исторической реконструкции достаточно популярно среди различных групп молодежи, представители которой активно участвуют в работе различных клубов данного профиля (например, «Северный Вепрь», «Княжий Гуф», «Солдаты Победы», «Волат», «Люцерн», «Секерж» и др.). При этом представители белорусских клубов военно-исторической реконструкции чаще всего обеспечивают организацию и проведение военно-патриотических слетов и фестивалей, посвященных событиям Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Так, одной из самых известных является международная военно-историческая реконструкция, посвящённая годовщине героической обороны советскими пограничниками Брестской крепости летом 1941 г.

В аспекте оценки военно-исторической реконструкции как инструмента противоречивого формирования исторической памяти молодежи можно акцентировать следующие основные моменты. С одной стороны, актуализированная военно-историческая реконструкция генерирует универсальные для сообщества культурные значения и смыслы, позволяет преодолеть темпоральный разрыв в условиях нивелирующей в культурном аспекте глобализации, обеспечивает жизнеспособность коллективной идентичности и социальную солидарность на основе историко-культурной традиции. В контексте конституирования исторической памяти она формирует запрос на персонификацию и героизацию исторического процесса, на локальные формы военной коммеморации, на мемуарную литературу как историографическую основу движения. С другой стороны, военно-историческая реконструкция в определенной степени идеологизирует исторический процесс, содействует милитаризации исторического сознания, трансформирует публичные репрезентации исторических событий в продукт массовой культуры, отождествляемый с историческими фактами. В результате её коммодификации происходит замещение реальной исторической картины медийными репрезентациями, оцениваемыми с точки зрения аффективного или маркетингового эффектов в рамках сообщества.

Таким образом, военно-историческая реконструкция одновременно выступает как инструмент конструирования и деконструирования исторической памяти молодежи, характеризующийся противоречивым социализационным эффектом и несбалансированным воздействием на индивидуальное и групповое историческое сознание.

Список использованных источников

1. *Антонова Н. Л.* Проблема оснований в классификации социальных практик // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 1. С. 240–243.

2. *Романова К. С.* Дискурсы исторической памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 3–4 (24–25). С. 31–36.

3. *Божок Н. С.* Социологическое содержание понятия «Историческая реконструкция» // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2013. № 3 (72). С. 181–185.

4. *Гордин В. Э., Алушкин Л. М.* Историческая реконструкция как форма театрализации и материализации ностальгии // Международный журнал исследований культуры. 2019. № 3. С. 140–153.

5. *Демина А. В.* Движение исторической реконструкции: пути и решения // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 5. С. 45–48.

6. Мастерская «Зброевы фальварак». – URL: https://zbroevy-falvarak.by/. (дата обращения: 02.11.2021).

7. *Богданов С. В.*, *Волошинов А. В.* Инженерия духа: движение военно-исторической реконструкции и формирование ценностей современного общества // Обсерватория культуры. 2014. № 6. С. 30–35.

8. *Божок, Н. С.* Коммерческий императив как фактор трансформации коммеморации культурно-исторической реконструкции // Общество: философия, история, культура. 2021. № 9. С. 91–96.

9. Международная военно-историческая ассоциация (МВИА) группы. – URL: http://imha.ru/. (дата обращения: 23.10.2021).

10. Historical Medieval Battle International Association (HMBIA). – URL: https://hmbia.info/. (дата обращения: 20.10.2021).

Наумов Дмитрий Иванович – кандидат социологических наук, доцент, ученый секретарь, Белорусская государственная академия связи, cedrus2014@mail.ru

УДК 001.89

И. М. Татарникова

НАУКОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПУБЛИКАЦИОННУЮ АКТИВНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ В МЕТОДАХ ПОДСЧЕТА

I. Tatarnikova

SCIENTIFIC INDICATORS DEFINING PUBLICATION ACTIVITY OF INSTITUTIONS: CONTRADICTIONS IN CALCULATION METHODS

Публикационную активность и цитирование несомненно можно отнести к виду научной коммуникации, в ходе которой рождается новое знание. В статье рассматриваются базовые наукометрические показатели, оценивающие публикационную активность организации. На примере индексирования в базе данных РИНЦ научных работ авторов из Санкт-Петербургского государственного университета приводятся общие тенденции в научно-издательской деятельности. С использованием программного обеспечения CmapTools построена концептуальная модель системы наукометрических показателей, которая демонстрирует противоречия метода подсчета числа публикаций и числа ссылок при анализе публикационной активности организации.

Ключевые слова: наукометрические показатели, публикационная активность, библиографические базы данных, цитируемость.

Publication activity and citation can undoubtedly be attributed to the type of scientific communication, through which new knowledge is born. The article considers the basic scientometric indicators that assess the publication activity of an institution. General trends in scientific publishing are given by example of indexing in the RSCI database of scientific works by authors from St. Petersburg State University. Using the CmapTools software, a conceptual model of a system of scientometric indicators has been built. This model demonstrates the contradictions between the method of counting the number of publications and the number of references when analyzing the publication activity of an organization.

Keywords: scientometric indicators, publication activity, bibliographic databases, citations.

Система наукометрических показателей позволяет анализировать развитие науки как информационный процесс: вся наука основывается на результатах некоторого множества ранее выполненных работ. Таким образом, наукометрия изучает эволюцию науки [1] и представляет из себя синтез следующих подсистем: оценка публикации, оценка научного журнала, оценка автора, оценка научного коллектива (организации, страны). Наукометрические показатели формируются на порталах библиометрических[1] баз данных и связаны с цитируемостью научных публикаций. Базы данные представляют из себя коллекцию статей из научных журналов, сборников трудов конференций, книг или отдельных частей из них, патентов. Основной контент составляют научные журналы. Информация, которая хранится о каждой статье,

[1] Среди специалистов идет дискуссия, можно ли считать понятие *библиометрический* синонимом термина *наукометрический*. Полагаю, что применительно к базам данным и их деятельности (анализу) это допустимо.

представлена на схеме (рис. 1), а база данных выступает здесь как платформа для научной коммуникации.

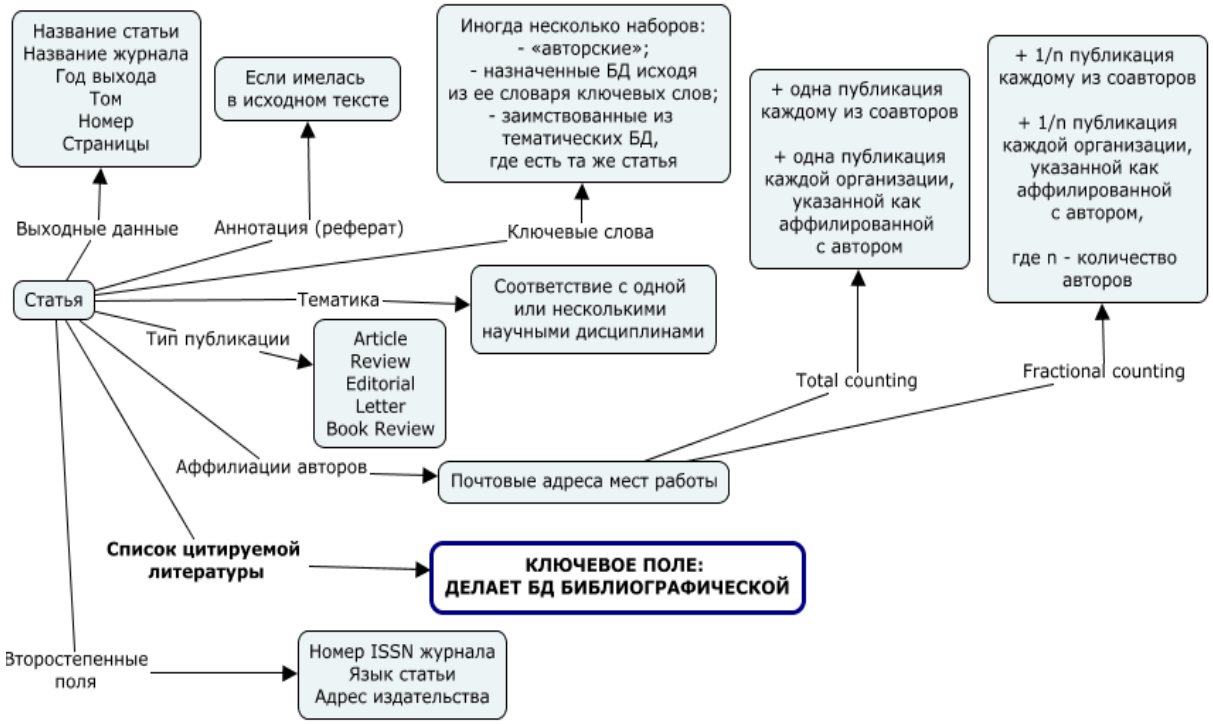


Рисунок 1. Библиографическая база данных – средство научной коммуникации

Цитируемость публикации зависит не только от научного уровня работы, но и от области науки, года издания, типа публикации. Традиции цитирования в различных научных областях неодинаковы. Например, вероятность получить ссылку в работах, связанных с математическими науками ниже, чем в статьях, относящихся к биологическим наукам, так как среднее количество источников в математических статьях значительно ниже. «Средний» возраст цитируемых источников в области медицинских наук значительно ниже, чем в области истории, то есть в медицине основной массив источников составляют работы, опубликованные за последние несколько лет. Чем раньше вышла в свет публикация, тем больше ссылок она может получить на момент измерения. Если же сравнивать цитируемость научных работ по типу публикации, то наблюдается очевидный перекос в сторону научных обзоров [2].

В системе наукометрических показателей при оценке объекта исследования наиболее широко используют метод подсчета числа публикаций, метод «цитат-индекса». Анализ публикационной активности организации производится на основании базовых наукометрических показателей [3]:

1) средняя цитируемость – показатель научной результативности;

2) самоцитирование;

3) количество публикаций – показатель научной производительности;

4) суммарная цитируемость – показатель научной влиятельности и авторитетности;

5) индекс Хирша – как и суммарная цитируемость, показатель научной влиятельности и авторитетности; показывает действительно важные публикации.

Успех достоверности наукометрического исследования зависит от того, насколько правильно выбраны показатели. И не все они могут оценивать публикационную активность организации неоднозначно. Например, ссылки можно разделить на одобрительные и негативные (если допустить, что последние справедливы, то,

очевидно, качество публикации не такое уж и высокое, а наукометрические показатели растут с каждой ссылкой, даже с негативной).

Самоцитирование также имеет два противоположных смысла. С одной стороны, самоцитирование свидетельствует о преемственности, упоминании необходимых для понимания ранее опубликованных работ. С другой стороны, это может быть способом повысить собственные показатели. Истинную оценку обоснованности самоцитирования может дать квалифицированный эксперт, основываясь на своих знаниях и опыте в заданной предметной области.

В системе оценки наукометрических показателей многие исследователи отмечают ограничения индекса Хирша [5–8]:

– не учитывает количество соавторов (этот параметр находится в прямой зависимости от показателя сомоцитирования);

– не может понижаться (прекращение научной деятельности, например, в связи с уходом на пенсию, не изменяет показатель, – значит, текущее состояние научных исследований такого ученого отражается некорректно);

– является целым числом (что снижает точность измерения);

– не учитывает тип документа (Article, Reviews, материалы конференции, редакционные материалы и пр.) и особенности цитирования в различных научных областях.

В целях структурирования и обобщения коллизии базовых наукометрических показателей, определяющих публикационную активность организации, с помощью программного обеспечения CmapTools была построена концептуальная модель (рис. 2).

Рисунок 2. Коллизии базовых наукометрических показателей

В системе научной коммуникации наблюдаются тенденция к росту в геометрической прогрессии количества публикаций, часто в ущерб качеству. Научные учреждения издают нормативные акты, устанавливающие нижний предела показателя научной результативности исследователя, научного коллектива. Эксперты формально походят к процессу рецензирования в связи с нехваткой времени: поток рукописей возрастает, рецензент, подтверждая свою конкурентоспособность, должен совмещать свою роль с ролью автора и, конечно, читателя (чтобы представлять объективную картину развития определенных научных направлений, научных идей) [4]. Так, анализ публикационной активности Санкт-Петербургского государственного университета (рис. 3) показал, что за последние 10 лет его научная результативность выросла вдвое[2]: с 8481 публикации до 16025. При этом количество публикаций, размещенных в наиболее авторитетных журналах (ядро РИНЦ) также возросло, но лишь в 1,48 раза. А рост публикационной активности и ускорение ее темпа способствует значительному увеличению количества периодических научных изданий, что отражается и в профиле Санкт-Петербургского государственного университета – количество опубликованных монографий сократилось почти в 1,5 раза (с 299 до 178). В то же время очевиден рост цитирования источников, опубликованных вузом: цитирование в РИНЦ увеличилось почти в 3 раза. Это можно объяснить, во-первых, все возрастающим числом публикаций (без ссылок на предшествующие исследования их создать невозможно); во-вторых, ужесточением требований к авторам, в том числе в отношении использованных источников (рецензенты указывают, что без цитат на определенные источники, обзор литературы неполный, научные журналы хотят повышать свой авторитет за счет цитат на статьи, опубликованные в их журналах и т. д.).

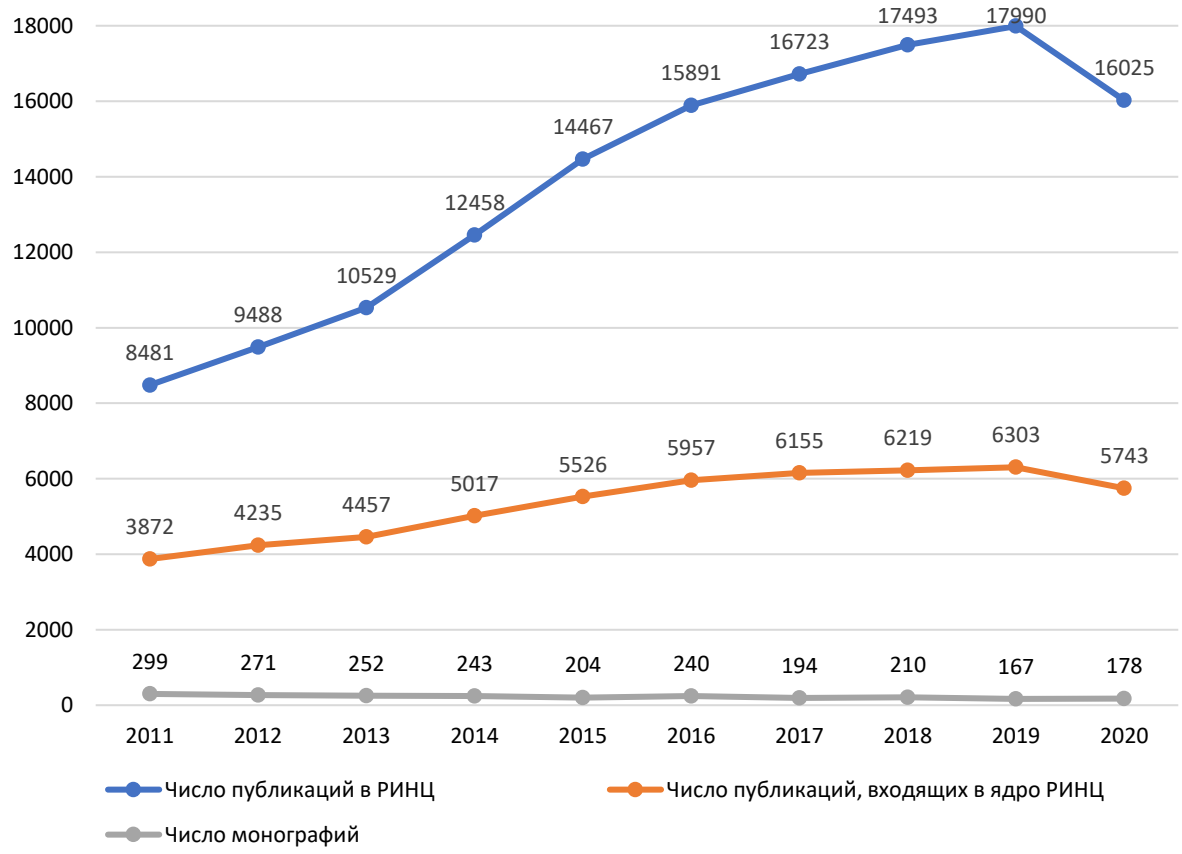


Рисунок 3. Публикационная активность СПбГУ (2011–2020 гг.)

[2] Рассматриваются показатели по годам за период с 2011 по 2020 гг. в БД РИНЦ

Система наукометрических показателей организации состоит из свойств объектов исследования (распределение публикации по областям знаний, количество публикаций, опубликованных в зарубежных журналах, количество авторов, цитирований и множество др.). Все эти компоненты связаны между собой и служат для оценки существующих и выявления новых направлений развития науки и технологий, их динамики, условий роста, экспертизы новых проектов, предлагаемых учеными. Они позволяют оценить эффективности деятельности научных работников, научных коллективов на национальном и международном уровнях, определить и дать прогноз успешности сотрудничества научных организаций, составить рейтинги научной деятельности, определить и обосновать объемов финансирования исследований научных коллективов, организаций, отраслей науки [1].

Рассматриваемым системам свойственна иерархичность. Они постоянно взаимодействуют между собой и средой и видоизменяются (пополняясь новыми данными и методами). Их можно делить на подсистемы (в зависимости от задач и наборов элементов). Таким образом, системы оценки наукометрических показателей можно считать открытыми системами. При оценке результатов научной деятельности используют метод подсчета числа публикаций, числа ссылок, вероятностно-статистический метод, а также метод экспертных оценок. Первые три метода не могут показать достоверный результат без участия квалифицированного эксперта, здесь следует учитывать Лейденский манифест для наукометрии, принятый на 19-й Международной конференции научно-технических индикаторов «Context Counts: Pathways to Master Big and Little Date» (3–5 сентября 2014 г. Лейден, Нидерланды) и опубликованном в журнале «Nature» в апреле 2015 г. [9].

Итак, публикационную активность и цитирование несомненно можно отнести к виду научной коммуникации, в ходе которой рождается новое знание. Система наукометрических показателей позволяет управлять наукой, формировать научную политику. Методология применения наукометрии на практике недостаточно хорошо разработана, результативность научной деятельности требует тщательного подбора объективных показателей. С использованием программного обеспечения CmapTools построена концептуальная модель системы базовых наукометрических показателей, которая демонстрирует противоречия в оценке научной деятельности методом подсчета числа публикаций и числа ссылок при анализе публикационной активности организации. Поиск комплексного решения, как оценить научную результативность, остается актуальным, и может быть применим не только в управлении наукой, но и в развитии научно-исследовательской деятельности в системе образования.

Список использованных источников

1. *Дадалко В. А., Дадалко С. В.* Наукометрия в контексте науковедения и современного образования // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 1. URL: https://doi.org/10.17805/zpu.2020.1.13 (дата обращения: 01.11.21).

2. *Bornmann L., Daniel H. D.* What do citation counts measure? A review of studies on citing behavior // Journal of Documentation. 2008. Iss. 1. P. 45–80. URL: https://doi.org/10.1108/00220410810844150 (дата обращения: 01.11.21).

3. *Касьянов П. Е.* Продвинутые наукометрические показатели // Информация и инновации. 2017. № S. С. 215–222.

4. *Татартникова И. М.* Проблемные вопросы о наукометрических показателях авторов научных работ: причинно-следственный анализ // X Международная научно-техническая и научно-методическая конференция «Актуальные проблемы инфотелекоммуникаций в науке и образовании» (Санкт-Петербург, 24–25 февраля 2021 г.). Санкт-Петербург : СПбГУТ, 2021.

5. *Karelin D. V., Glagolev M. V., Sabrekov A. F.* «Whither, then, are you speeding, o Russia of mine?»: What do scientists think about the new system of their labor evaluation in

Russia // Environmental Dynamics and Global Climate Change. 2020. Vol. 11. Iss. 2. URL: https://doi.org/10.17816/edgcc52983 (дата обращения: 01.11.21).

6. Игра в цыфирь, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). Москва : Изд-во МЦНМО, 2011. 72 с. – URL: https://mccme.ru/free-books/bibliometric.pdf (дата обращения: 01.11.21).

7. *Sugimoto C. R. Lariviére V.* Measuring Research: What Everyone Needs to Know – New York: Oxford University Press, 2018. 164 p.

8. *Vinkler P.* Evaluation of publications by the part-set method // Scientometrics. 2021. Vol. 126. Iss. 4. P. 2737–2757. URL: https://doi.org/10.1007/s11192-020-03841-7 (дата обращения: 01.11.21)

9. *Hicks D., Wouters P., Waltman L., de Rijcke S., Rafols I.* The Leiden Manifesto for research metrics // Nature. 2015. Vol. 520. Iss. 520. P. 429–443

Статья представлена научным руководителем доктором технических наук, профессором кафедры безопасности информационных систем СПбГУТ М. В. Буйневичем.

Татарникова Ирина Михайловна – аспирант кафедры безопасности информационных систем, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича.

УДК 659.441.12

И. А. Тихонова

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ КОММУНИКАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ ПЕРВИЧНОЙ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

I. Tikhonova

FEATURES OF A COMMUNICATION STRATEGY FOR THE PROMOTION OF PRIMARY RESIDENTIAL REAL ESTATE IN SOCIAL NETWORKS

Данная статья посвящена использованию социальных сетей при продвижении объектов первичной жилой недвижимости. По результатам проведенного анализа установлено, что при разработке коммуникационной стратегии для жилых комплексов стоит уделять внимание социальным сетям, использование которых становится все более популярным в сфере девелопмента и помогает оказывать значительное влияние на потенциального потребителя.

Ключевые слова: недвижимость, социальные сети, коммуникационная стратегия, коммуникации, продвижение.

This article is devoted to the use of social networks in the promotion of primary real estate. According to the results of the analysis, it is worth paying attention to social networks the use of which is becoming increasingly popular in the field of development and helps to have a significant impact on potential consumers.

Keywords: real estate, social networks, communication strategy, communications, promotion.

В последние годы коммуникационное продвижение приобретает все большее значение на рынке недвижимости. На рынке, для которого характерна высокая конкуренция, завышенные ожидания покупателей, девелоперы стремятся добиться лояльности клиентов [1].

На данный момент на рынке первичной жилой недвижимости наблюдается тренд на строительство жилых комплексов, которые позиционируются как проекты, которые предлагают недвижимость, которая соответствует культуре потребления и стилю жизни современных людей. Так, популярность набирают новостройки или

кварталы, которые представляют собой концепцию «город в городе», где есть вся необходимая образовательная, спортивная и коммерческая инфраструктура. Такие проекты имеют более высокую потребительскую ценность на протяжении всего жизненного цикла [2].

Долгое время реклама разных объектов практически не отличалась друг от друга, так как спрос на объекты недвижимости формировался только под влиянием ценовых факторов. Изменение предпочтений потребителей, развитие системы ипотечного кредитования, быстрые темпы строительства жилья, изменение уровня платежеспособности населения повлияли на ситуацию на рынке и поспособствовали реализации совершенно новых, современных строительных проектов [1].

Потребитель сейчас больше обращает внимание на дополнительные преимущества, которые он сможет получить, проживая в подобных жилых комплексах. Таким образом, с появлением новых трендов на рынке недвижимости происходят изменения в поведении потребителя, поэтому застройщики меняют подходы к продвижению и начинают использовать новые коммуникационные инструменты [2].

В настоящее время важную роль играет продвижение продуктов социальных сетях. Необходимость грамотного SMM – продвижения, в особенности использования механизмов вовлечения, растет с каждым годом. С помощью интерактивного контента становится возможным удержать аудиторию, а также повысить вовлеченность. Кроме того, пользователи оценивают то внимание, которое бренды могут уделить им, поэтому ответы в социальных сетях положительно влияют на восприятие бренда, в также формируют обратную связь и улучшают лояльность среди подписчиков.

При разработке коммуникационной стратегии продвижения в социальных сетях необходимо учитывать сегмент рынка недвижимости, целевую аудиторию, а также стадию строительства рассматриваемого объекта недвижимости. В этом случае коммуникация с потенциальными покупателями будет максимально эффективной [4]. При продвижении объектов первичной недвижимости главными целями коммуникативных действий являются максимальное соответствие объекта недвижимости потребностям целевой аудитории и построение долгосрочных взаимоотношений с ней с помощью продолжения коммуникативного воздействия после совершения покупки, то есть необходимо взаимодействовать с потенциальным потребителем и перед, и после совершения сделки [5]. Перед покупкой клиент должен понять личные потребности и желания, затем начинается поиск информации и оценка альтернатив. Потом следует решение о покупке и период действий после покупки [6]. На всех этих стадиях необходимо взаимодействовать с потребителями.

Продвижение продукта на рынке недвижимости– это многоуровневый процесс, включающий в себя все современные маркетинговые коммуникации [7]. В настоящее время в коммуникационной стратегии значительный объём инвестиций вкладывается в использование большого количества инструментов через социальные сети, а также в создание визуального и текстового контента [8]. Кроме того, использование креативных технологий, которые представляют объемный визуальный материал, играет важную роль в коммуникационных кампаниях, проводимых в секторе недвижимости [7].

Хорошо реализованная стратегия в социальных сетях может стать эффективным инструментом поиска потенциальных клиентов. Благодаря использованию контента, направленного на предоставление достоверной информации о продукте, в которой нуждаются клиенты, социальные сети обеспечивают основу общих интересов и взаимного доверия [9]. Благодаря социальным сетям можно охватить миллионы людей одновременно. Социальные сети обеспечивают мгновенное, быстрое и интерактивное участие большого числа пользователей. Кроме того, среди преимуществ социальных сетей - измеримость, низкая стоимость, широкий географический охват, возможность взаимодействия с целевой аудиторией, предоставление информации о компании и

возможность творческого подхода [10]. Обеспечение доступа к целевой аудитории при очень низких затратах очень важно с точки бизнес-целей компании.

Коммуникация в социальных сетях с потребителями играет важную роль. Она помогает повысить осведомленность о деятельность компании и влияет на покупательское поведение [11]. На данный момент компании включают социальные сети в свои стратегии продвижения, чтобы стимулировать взаимодействие и вовлеченность покупателя. Вовлеченность можно определить как интенсивность поведения в социальных сетях (например, подписки, лайки, участие в различных акциях) [12]. Одной из тенденций продвижения недвижимости является рост использования рекламных объявлений в лентах и группах различных социальных сетей.

Продвижение в социальных сетях бывает репутационное и коммерческое. Первое используется для улучшения имиджа строительной компании, а второе предоставляет информацию о стоимости недвижимости и привлекательных ипотечных решениях. В обоих случаях важно поддерживать баланс между полезным и развлекательным контентом. Среди рекомендуемых публикаций - советы дизайнеров и архитекторов, рассказы об уникальных домах, интересные международные архитектурные решения, информация об ипотечных кредитах и статьи о качестве используемых строительных материалов [9].

Социальные сети принесут пользу продажам недвижимости, потому что этот новый подход к коммуникации направлен на привлечение новых покупателей, влияние на взаимодействие в сфере недвижимости и установление связей. Для того чтобы начать ведение социальных сетей в сфере девелопмента, необходимо определить, как социальные сети могут помочь улучшить взаимодействие потенциальными покупателями. Цель здесь заключается в привлечении новых клиентов или стейкхолдеров. Следовательно, в постах в социальных сетях должна быть информация о том, в чем заинтересованы это две группы лиц (например, информация о продажах жилья, ипотечных программах, действующем законодательстве и др.) [9].

Среди популярных форматов рекламы недвижимости – баннеры и карусель, с помощью которой в одном посте можно рассказать о разных характеристиках продукта в объявлении в социальных сетях. Формат «Stories» в социальной сети Instagram позволяет продвигать недвижимость с помощью хэштегов и геотегов. Кроме того, возможно также использование прямых трансляций. Прямые трансляции привлекают интерес потенциальных клиентов. Каждый пользователь может задать соответствующие вопросы эксперту по недвижимости и получить ответы в режиме реального времени. Использование такого контента предоставляет потенциальным клиентам лучшую информацию и ускоряет процесс принятия решений [1]. В рекламе жилой недвижимости важно, среди прочего, подчеркнуть удобное расположение дома, близость к соответствующим инфраструктурным объектам и экологически чистому району [7]. В рекламе жилого комплекса потребитель тщательно оценивает свой будущий дом, принимая во внимание условия проживания, местоположение объекта (например, расстояние от центра города), виды, архитектурную концепцию, дизайн подъезда, технические характеристики, особенности проекта, репутацию и надежность строительной компании, условия покупки, экологическую среду (например, лес или парк по соседству), близость к магазинам и образовательной инфраструктуре [13].

Таким образом, в процессе формирования коммуникационной стратегии продвижения недвижимости необходимо воздействовать на целевую аудиторию как на стадии подготовки проекта жилого комплекса, так и после совершения сделки купли-продажи, то есть непрерывно. Продвижение через социальные сети имеет перспективы для развития. В условиях большего числа конкурентов и хорошо осведомленных покупателей специалистам по недвижимости необходимо использовать самые современные технологии и внедрять социальные сети, чтобы иметь возможность лучше определять потенциальных клиентов. Использование социальных сетей позволяет

специалистам создавать строить доверительные отношения с потенциальными покупателями. Строительные компании, которые демонстрируют достоверность информации через социальные сети, имеют большие перспективы, что может оказать значимое влияние на объем продаж.

Список использованных источников

1. *Chuon A., Hamzah H., Sarip A. G.* Conceptualising luxury residential property for marketing // Geografia-Malaysian Journal of Society and Space. 2017. Vol. 13, No. 2. P. 31–43.

2. *Попов В. Г., Анисимова Н. А., Смотрова Т. И.* Планирование и оценка эффективности мероприятий по рекламе и продвижению на рынке жилой недвижимости // Современная экономика: проблемы и решения. 2017. Т. 2. С. 96–106.

3. *Sangeetha J.* A study on advertising effect and its impact on real estate // Circulation in more than 70 countries. 2013. P. 29–31

4. *Савельева И. П., Ухова А. И.* Формирование комплекса маркетинговых коммуникаций при продвижении объектов первичной жилой недвижимости // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. №1. С. 93–102.

5. *Окольнишникова И. Ю., Ухова А. И.* Особенности маркетинговых коммуникаций на рынке первичной жилой недвижимости // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2016. №2. С. 71–79.

6. *Kankare J.* Market analysis of wooden frame home sales in Leningrad region: thesis. 2013.

7. *Sknarev D., Trubnikova N.* The nature of the advertising image using the example of residential real estate advertising // Revista Inclusiones. 2020. Vol. 7. P. 550–566.

8. *Курочкин М. Е.* Каналы и инструменты продвижения в интернете в контексте концепции маркетинговых коммуникаций // Инновации и инвестиции. 2020. №9.

9. *Rodriguez M.* Making social media effective in real estate //Keller Center. 2011.

10. *Gomez L. M., Soto I.* Social media as a strategic tool for corporate communication // Revista internacional de relaciones públicas. 2011. Т. 1. №. 2. С. 157–174.

11. *Sharma S., Singh S. Kujur F., Das G.* Social Media Activities and its Influence on Customer-Brand Relationship: An Empirical Study of Apparel Retailers' Activity in India // Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research. 2021. Т. 16. №. 4. С. 602–617.

12. *Voorveld H., van Noort G., Muntinga D., Bronner F.* Engagement with social media and social media advertising: The differentiating role of platform type // Journal of advertising. 2018. Т. 47. №. 1. С. 38–54.

13. *Robertson K., Doig A.* An empirical investigation of variations in real-estate marketing language over a market cycle // Housing, Theory and Society. 2010. Т. 27. №. 2. С. 178–189.

Тихонова Ирина Алексеевна – магистрант 2-го курса, факультет коммуникаций, медиа и дизайна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», iatikhonova@edu.hse.ru

УДК 316.477

А. В. Фёдоров, Л. С. Киселёва

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ВО ВНУТРИКОРПОРАТИВНОЙ СРЕДЕ

A. Fedorov, L. Kiseleva

GAMIFICATION AS A COMMUNICATIVE TECHNOLOGY IN THE INTERNAL CORPORATE ENVIRONMENT

В статье рассматриваются различные определения понятия «геймификация». Отмечается, что геймификация используется как метод внутрикорпоративной коммуникации. Все большее количество приемов геймификации находят применение в HR-менеджменте.

Приводятся несколько практических кейсов международных компаний, использующих геймификацию для рекрутинга и адаптации новых сотрудников.

Ключевые слова: игровые элементы, поколение Z, HR-менеджмент, игра, мотивация, внедрение.

The article discusses various definitions of the concept of "gamification". It is noted that gamification is used as a method of intracorporate communication. An increasing number of gamification techniques are being applied in HR management. Several practical cases of international companies using gami cation for recruiting and onboarding new employees are presented.

Keywords: game elements, generation Z, HR management, game, motivation, implementation.

На протяжении всей истории человечества, новейшие технологии всегда предопределяли вектор развития различных сфер деятельности. В информационном обществе, характеризующемся развитой медиасредой, мы можем наблюдать множество проявлений детерминизма, большую роль в котором занимают компьютерные технологии. Благодаря их появлению, стало возможным создание совершенно новых сфер деятельности и преобразование уже устоявшихся. К примеру, театральные постановки могли перевоплощаться в киноэкранизации, электронная музыка вставала в один ряд с классической, а отдельные игровые элементы, такие как стратегия, сюжет, мотивация к победе, становились неотъемлемой частью компьютерных игр.

Согласно данным исследования британского агентства OFCOM, количество геймеров постоянно растёт, а их общее число таких игроков в 2020 году увеличилось на 63 % (по сравнению с 2019), среди которых 92 % опрошенных – геймеры возрастом от 16 до 24 лет [2]. Данную возрастную категорию можно отнести к поколению Z или же центениалам, которые характеризуются высокой вовлеченностью в мультимедийные технологии, упором на краткосрочные цели, многозадачностью и ориентацией на потребление и индивидуализм [3]. По мнению ряда авторов, мышление нового поколения меняется и может зависеть от игры, в процессе которой, выполняя определённые задания, условные игроки будут нацелены на получение каких-либо достижений и бонусов [1]. В этой связи можно отметить, что современное общество всё чаще встречается с различными игровыми стратегиями, которые могут быть задействованы, в том числе и в бизнесе. Применение подобных игровых технологий в трудовой сфере является одним из проявлений геймификации. Данный термин подразумевает использование игрового мышления, элементов игры и дизайна, которые применяются в неигровом контексте для оптимизации выполнения поставленных задач. Сахнов К. подчеркивает, что геймификация – это применение подходов и методик компьютерных игр для привлечения и удержания пользователей и монетизации проекта, где за основу берется игра как успешный инструмент для привлечения людей. Детердинг С. определяет геймификацию как частичное включение игровых элементов в создание интерактивной системы взаимодействия без полноценной игры в качестве конечного продукта. Зикерманн Г. и Линдер Дж. придерживаются в оценке геймификации для бизнеса точки зрения по отношению к геймификации как инструменту, прежде всего, дополняющему и повышающему эффективность брендинга организации [1]. Вербах К. и Хантер Д. концентрируют внимание на развитии игрового мышления, считая, что геймификация представляет собой «игру мышления в практике», указывая, что современный процесс конструирования товаров, услуг, сервиса или внутренних систем организации становится элементом мира игрового дизайна. Они справедливо замечают, что геймифицированные системы не обязательно должны выглядеть как игры. Главная задача геймификации заключается в использовании психологии игры. Используя механизмы игры, игровые элементы и, прежде всего, формируя игровое мышление, можно добиться вовлеченности сотрудников, энтузиазма в выполнении работы, а также создать обучающую среду организации, формирующую новый опыт и новые способы решения проблемы

Существует достаточно много других подходов к определению понятия «геймификация» среди широкого круга исследователей, но всех их объединяет то, что геймификация не является процессом, в котором создаётся полноценная игра, она лишь задействует уже существующие игровые элементы. К ним можно отнести:

1) очки - ученик/сотрудник выполняет определенные сценарием действия, и получает либо не получает за это очки, которые он накапливает и позже может потратить на различные блага (заранее обозначенные в игре);

2) бейджи - выдаются за достижения определенных очков, уровней. В рабочем процессе награды выдаются за выполнение и перевыполнение плана, несение нелегкой доли наставника, привод в компанию новых сотрудников, организацию мероприятий, профессиональные сертификаты, находят в бейджах свое отражения звания "сотрудников года" и многое другое;

3) награды – заранее определены, исходя из возможностей компании, а также мотивов сотрудников;

4) уровни – за выполнение продуктивных действий сотрудник получает очки и новый уровень, что в свою очередь открывает новые возможности и блага;

6) аватары – графическое представление пользователя (образ сотрудника в игре);

7) квесты – интерактивная история с главным героем, управляемым игроком, ключевую роль в этом процессе играют решение головоломок и задач, требующих от игрока умственных усилий;

8) лидерборды – ранжирование пользователей по критериям, публичная демонстрация «доски результатов», рейтинги активности людей в игре.

Термин «геймификация» был предложен в 2002 году Н. Пеллингом, но до 2010 года практически не использовался в профессиональном бизнес-сообществе и не являлся предметом изучения в среде академических ученых. Однако с 2010 года данный термин стал применяться в практических целях (к ним можно отнести разработку систем мотивации, рекрутинг, повышение результативности инновационного процесса, повышение качества внутрикорпоративного менеджмента и др.) [5]. На данный момент геймификация стала широко используемой технологией усовершенствования и создания различных бизнес-решений. В сегодняшней практике можно классифицировать применение игровых элементов по внутренней и внешней среде организации. Так, внутренняя геймификация ориентирована на персонал. Цель ее применения – обеспечение вовлеченности и лояльности сотрудников, оптимизация коммуникационной и мотивационной систем (формирование, поддержание и развитие внутреннего HR-бренда). Внешняя геймификация направлена на развитие и поддержание внешнего бренда, где она служит средством выполнения нескольких маркетинговых целей: вовлеченность, лояльность к бренду и узнаваемость [7].

Как ранее упоминалось, сферы применения геймификации достаточно разнообразны и в каждой из них существуют как общие, так и уникальные технологии её применения. Прежде чем рассматривать геймификацию во внутрикорпоративной среде, стоит отметить, что в настоящее время социально-экономическое пространство динамично развивается, тем самым мотивируя различные организации использовать более новые технологии выполнения профессиональных задач. Несомненно, большую роль в этом играет кадровая политика, ведь от уровня квалификации сотрудников, степени их взаимодействия и мотивации зависит конкурентоспособность и успех организации. Наряду с уже устоявшимися принципами оптимизации внутрикорпоративной среды (обучение, карьерный рост, различного рода мотивации) выступают и более новые, к ним можно отнести формирование внутрикорпоративной культуры, философии и миссии организации. Но несмотря на это, устоявшиеся принципы всё же остаются фундаментом внутренней среды организации и также адаптируются под новые социальные явления. Как отмечает Козина Е. С., различные системы мотивации

становятся всё более ориентированы на адресность и индивидуальность, учитывая мировоззренческую, ценностную, социально-психологическую трансформацию поколений [4]. И действительно, подобная нацеленность на индивидуальные особенности персонала сможет обеспечить высокоэффективную коммуникацию в организации. Социальная среда всё чаще обращается к новым коммуникативным технологиям, например, таким как геймификация. Для геймификации внутри организации характерно аккумулирование бизнес-идей посредством игры, ее использование как оригинального метода мотивации и вовлеченности в работу, формирования сплоченности сотрудников и побуждение их к лучшему результату, возможность сотрудникам проявить себя, визуализировать их достижения посредством виртуальных отчетов и мобильных приложений, обеспечение отлаженной обратной связи персонала и HR-менеджеров, повышение результативности и производительности труда, расширение инструментов адаптации и обучения сотрудников, возможность использования электронных игровых платформ, которые позволяют разрабатывать увлекательные сценарии, симуляции, игровые тесты. В настоящий момент подобные методы внедряются в большинство организаций благодаря качественному HR-менеджменту самих сотрудников или же с помощью различных геймификационных агенств, возникших относительно недавно.

Говоря о внедрении геймификационных элементов во внутрикорпоративную среду, можно привести и классические примеры тех организаций, которые смогли успешно адаптировать игровые методы в своей деятельности. К ним можно отнести создание приложения «Активация» от Xerox, регистрируясь в котором, новые сотрудники выполняют цепочку квестов, применяя свои навыки на новом рабочем месте. Подобный метод позволил новичкам быстро адаптироваться к трудовым условиям и в процессе выполнения задач способствовал оптимизации коммуникации в коллективе. Бесспорно, подобное приложение сильно помогало в выполнении задач HR-менеджера, где адаптация новых сотрудников в трудовой среде занимает одну из главных ролей и напрямую влияет на успех в деятельности организации. Внедрение таких уже привычных игровых элементов как очки, значки, лидерборды, во внутреннюю среду колл-центра LiveOps привело к тому, что время найма и адаптации новых сотрудников сократилось с 160 до 14 часов. Новички колл-центра смогли превзойти своих коллег на 23 % по показателю среднего времени обработки вызовов, а показатель удовлетворенности клиентов вырос на 9 %. Данный пример также может свидетельствовать о том, что применение таких качественных методов адаптации персонала, как геймификация, способствует и закономерному приросту нематериальных активов организации, так как удовлетворенность клиентов услугами организации напрямую зависит от уровня подготовки её сотрудников.

Также элементы геймификации могут применяться в качестве рекрутинга. Бельгийская медицинская компания Sint-Truiden для оценки компетенции будущих сотрудников создала специальный тренажер, с помощью которого отбирались будущие кандидаты на вакансии. Тренажер представлял из себя комнату с игрушечным пациентом, в лечении которого были допущены все возможные ошибки. Задачей же претендентов на вакансию было обнаружение этих ошибок. Данная практика значительно уменьшила время рассмотрения заявок и, по словам людей, прошедших её, она служила хорошим опытом в проверке профессиональных компетенций. В силу того, что геймификация всё чаще применяется во внутреннем менеджменте различных организаций, существует большое количество иных примеров её внедрения, но вместе с тем, все эти примеры будет объединять то, что в настоящее время данный метод становится одним из наиболее востребованных и эффективных в практике HR-специалистов.

Список использованных источников

1. *Зикерманн Г., Линдер Дж.* Геймификация в бизнесе: как пробиться сквозь шум и завладеть вниманием сотрудников и клиентов. Москва : Манн, Иванов и Фарбер, 2014. 272 с.

2. Исследование: в 2020 году число геймеров в Великобритании выросло на 63 %. – URL: https://shazoo.ru/2021/06/10/111089/issledovanie-v-2020-godu-chislo-gejmerov-v-velikobritanii-vyroslo-na-63 (дата обращения: 23.10.2021)

3. *Киселева Л. С.* Геймификация в бизнесе: возможность или необходимость? // LABOUR AND LEISURE = ТРУД и ДОСУГ. Сборник тезисов VIII Международной конференции. 2019. С.46–47.

4. *Козина Е. С.* Геймификация профессиональной деятельности как эффективный инструмент мотивации персонала современной организации // Современные проблемы науки и образования. 2015. №2. С. 2.

5. *Маркеева А. В.* Геймификация как инструмент управления персоналом современной организации // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16. № 12. С. 1923–1936.

6. *Ольхова Л. А.* Особенности применения методов геймификации в системе мотивации персонала в организации // Вестник СГСЭУ. 2019. № 2. С 86–87.

7. *Штонда А. С.* Геймификация как инструмент успешного управления персоналом // Бизнес-образование в экономике знаний. 2017. № 2. С. 126–126.

Фёдоров Артём Владимирович – магистрант 1-го курса, Институт медиатехнологий Высшей школы печати и медиатехнологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, frostedgun@gmail.com

Киселева Людмила Сергеевна – доктор социологических наук, доцент кафедры полиграфического оборудования и управления, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, kiseleva-l@mail.ru

УДК 339.138

И. А. Хаблак

РОЛЬ РЕКЛАМЫ В ПРОДВИЖЕНИИ БРЕНДА APPLE

I. Hablak

ROLE OF ADVERTISING IN PROMOTING THE APPLE BRAND

В статье анализируется влияние рекламы на продвижение бренда и его успех в целом, на примере рекламных кампаний можно отследить насколько успешными или безуспешными могут быть результаты проведения рекламы для бренда.

Ключевые слова: роль рекламы, рекламная кампания, продвижение на рынке, фирма, маркетинг.

The article analyzes the influence of advertising on the promotion of a brand and its success in general, using the example of advertising campaigns, one can track how successful or unsuccessful the results of advertising for a brand can be.

Keywords: the role of advertising, advertising campaign, market promotion, firm, marketing.

Успех бренда во многом определяется тем, насколько он популярен среди населения. Ведь большую часть популярности бренд получает при помощи рекламных кампаний. Без нее любая корпорация потерпит крах. В наше время существует великое количество каналов для передачи информации: интернет (telegram, instagram, viber, WhatsApp и др.), газеты, глянцевые издания, телевидение, радио и пр. Реклама – это прежде всего направление в маркетинговых коммуникациях, в рамках которого производится распространение информации, для вовлечения внимания к самому рекламируемому объекту, с целью формирования или поддержания интереса аудитории. Реклама существует в любой из общественных сфер. В рамках маркетинга

реклама осуществляет следующие функции:

1) подготовка потребителя к позитивному восприятию товара;

2) поддержка спроса на высоком уровне на стадии массового товарного производства;

3) способствование расширению рынка сбыта.

Существует несколько видов рекламы:

1) информативная реклама. Существует для информирования аудитории о новом продукте, преследуя цель создания первоначального спроса;

2) побудительная реклама. Ее использование характерно для создания определенного сегмента потребителей спроса на определенный продукт путем внушения целевой аудитории, что рекламированный продукт считается лучшим на рынке;

3) сравнительная реклама. Имеет прямое или косвенное сравнение рекламируемого товара, с аналогом у другого бренда.

С термином «реклама» напрямую связан термин «рекламная кампания». К действиям кампании можно отнести: разработку рекламной кампании, проведение рекламной кампании и анализ на эффективность проведенной кампании, ее оценка и впоследствии коррекция. Успех рекламной кампании возможен лишь в том случае, если она будет распространена по разнообразным информационным каналам, чтобы в последствии о товаре смогла узнать разная целевая аудитория, из разных источников информации. Прежде чем создать рекламную компанию, в самом начале составляются ее элементы, а именно: выбор идеи и концепции рекламы в зависимости от товара, четкая конкретизация целевой аудитории, на которую впоследствии она и будет направлена, определение бюджета, а также выбор наилучшего времени для проведения рекламной кампании.

Наше время весьма трудно представить без рекламы, в любом из источников информации можно найти массу разнообразной рекламы. Большинство компаний-гигантов выделяют большой бюджет на построение и реализацию рекламных целей, большинство из которых покрывают свои затраты, но есть также компании, которые не реализуют потраченные на рекламу деньги. В данной статье мы рассмотрим компанию Apple и их успешные рекламные запуски, о которых знают далеко не все обыватели.

Один из самых успешных запусков от Apple – «Mac против PC», выпущенный в 2006 году. Это серия из 66 комедийных роликов, в которых принимали участие известные актеры-комики: Джон Хогман (играет всезнайку-трудоголика), а также Джастин Лонг, который имеет явное сходство со Стивом Джобсом, и олицетворяет фирменный раскрепощенный стиль Mac [3].

Эта рекламная кампания считается не только забавной, но и агрессивно конкурентно-ориентированной. TBWA удалось создать из Apple образ «хорошего парня» - добрый Mac всегда беседовал с грустным PC, уговаривая его, чтобы он перестал волноваться и винить себя, а также обратил внимание людей на скучную часть в использовании компьютеров. Безопасное использование компьютера, различные вирусы, перезагрузка и многое другое – стали обычной темой для диалогов возле кулера. Веселый юмор в совокупности с теми фактами, что конкурентно-ориентированная реклама всегда «проще», если ты «маленький парень», – данная концепция великолепно работала на Apple.

Позже, креативный директор Facebook Эндрю Келлер отметит, насколько сложно запускать конкурентно-ориентированную рекламу. В своих интервью он говорит, насколько в компании Apple было выбрано идеальное время для подобного вида рекламы: «Яблоко» терпеливо ждало столько лет, но с выходом операционной системы Windows Vista, пришло время для атаки. И начался обратный отсчет. Благодаря грамотно подобранной рекламной кампании они смогли выкачать из этого приема практически все. А также вдохновить компьютерных пользователей принять меры в

отношении далеко несовершенной операционной системы. Кампания Mac против PC в наши дни является культовым образцом в конкурентно-ориентированной рекламе [2].

Известные бизнесмены-основатели отмечают, что данная конкурентно-ориентированная реклама сильно повлияла на происходящие изменения рекламной культуры, поскольку она смогла скомпоновать все таким образом, чтобы ее стало интересно смотреть зрителям. В качестве подтверждающих фактов, насколько сильно реклама повлияла на массовую культуру, выступает тот факт, что трудно найти рекламную кампанию, более обросшую пародиями и мемами, чем кампания «Got Milk?», но «Get a Mac» это удалось с фееричным успехом.

После успешного запуска рекламной кампании от Apple, многие пытались повторить подобный успех, но «Яблоко» доказало, что формат не является ключевым составляющим фактором для успешных идей. Каждый аспект исполнения: культовые актеры-комики, остроумные диалоги, структура повествования и многое другое.

Компания Apple практически всегда грамотно использует интернет и телевидение для рекламы выпускаемой продукции. С развитием социальных сетей стало появляться больше рекламных кампаний в блогах, созданными почитателями известного бренда.

Сейчас стала активно использоваться геконтекстная реклама, когда пользователям продукции на другой платформе приходят сообщения об обновлениях, которые еще не были установлены на имеющихся устройствах, посредством электронной корреспонденции.

Искусственно созданный ажиотаж вокруг новых устройств (чаще всего такие утечки происходят в середине или конце августа), в сети появляются фотографии смартфонов, где, как правило, видно будущий корпус, центровку камер и прочие новшества. Спрос на «яблочную» продукцию обуславливается и ее основателем – Стивом Джобсом. Даже несмотря на то, что после его смерти прошло уже более 10 лет, его продолжают почитать по всей планете. Периодически размещаемые интервью с ним привлекают еще большее внимание к его жизни.

На данном этапе развития компании, «Яблоко» показывает в рекламе информацию не о количестве гигабайт или мегапикселей на том или ином устройстве, а повествует о стильном, лаконичном и простом дизайне, о нововведениях в фото и видеосъемке, о новых возможностях операционной системы. На это выделяется огромный бюджет, сумму которого Apple теперь не разглашает.

Apple регулярно участвует в так называемой «скрытой рекламе» своих смартфонов в фильмах и сериалах, которые так любят смотреть люди. И она действительно работает, ведь кинематографические герои оперативно находят нужное решение, благодаря высокой скорости техники.

Компания преимущественно использует экономическую и маркетинговую функцию рекламы. Экономическая состоит из предоставлений целевой аудитории информации об имеющихся на рынке предложениях, стимулируя при этом рыночные отношения: влияние на конкуренцию, создание брендов, развитие тенденции расширения производства и прочее.

Маркетинговая функция, в свою очередь, состоит из организации ответной реакции на товар, что в разы повышает эффективность рекламных кампаний. Это выражается в потребности у потребителя к покупке того или иного товара [1].

Из этого можно сделать вывод, что компания Apple получила максимальную популярность своих товаров посредством интернета. На данный момент, люди приобретают «яблочную» продукцию благодаря высокому качеству, надежности, долгому сроку эксплуатации. Тем самым доверяясь компании, чья долгая история была полна взлетами и падениями. iOS или MacOS привлекает пользователей прежде всего тем, что обеспечивает защиту от вредоносных вирусов, являясь самой безопасной из ныне

существующих. Несмотря на неоспоримое лидерство, далеко не все могут понять достоинства выпускаемой продукции. Для этого «Яблоко» создает живую и красочную рекламу, побуждающее людей остановиться на выборе устройств из линейки компании. А такое средство распространения информации, как интернет ресурсы, способствует быстрому распространению случайных «утечек», делая акцент на человеческом любопытстве.

Список использованных источников

1. *Мазилкина Е. И., Паничкина Г. Г., Ольхова Л. А.* Основы рекламы: учебное пособие. Москва : Альфа-М, НИЦ ИНФРА-М, 2016. 240 с.

2. Реклама Apple: как компании удается не тратить на нее деньги. – URL: https://www.bfm.ru/news/202305. (дата обращения: 01.11.2021)

3. Mac vs. PC: Легендарная реклама Apple. – URL: https://appleinsider.ru/video/mac-vs-pc-legendarnaya-reklama- apple.html. (дата обращения: 01.11.2021)

Статья представлена научным руководителем, кандидатом социологических наук, старшим преподавателем кафедры социально-политических наук СПбГУТ Т. В. Стрельниковой.

Хаблак Ирина Александровна – магистрант 2-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, ira6032@yandex.ru

УДК [37.011.3-052:37+379.81]:37

Н. К. Хомич

СТУДЕНЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ВОСПИТАНИЯ

N. Khomich

STUDENT ASSOCIATIONS IN THE SPASE OF EDUCATOIN

В статье рассматривается научно-образовательный, культурный, воспитательный потенциал внеучебной деятельности в системе высшего образования на современном этапе. Дано определение студенческих объединений. В статье представлены молодежные общественные и студенческие объединения, функционирующие на базе Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка.

Ключевые слова: студенческие объединения, высшее образование, воспитательное пространство, внеучебная деятельность, профессиональные компетенции.

The article examines the scientific, educational, cultural, educational potential of extracurricular activities in the higher education system at the present stage. The definition of student associations is given. The article presents youth public and student associations operating on the basis of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank.

Keywords: student associations, higher education, educational space, extracurricular activities, professional competencies.

Деятельность учреждений высшего образования на протяжении столетий несет важную миссию развития общества. В сложных условиях информационного общества, университеты играют значительную роль в формировании научно-образовательного, культурного и воспитательного пространства. Сохранение и трансляция культурного наследия от поколения к поколению, формирование общей культуры, профессиональных этических принципов и норм нравственности, не менее важны для общества чем образовательные и научные функции.

Цель высшего образования – подготовка конкурентоспособного специалиста, способного к адаптации в условиях нестабильного рынка труда. Востребованный специалист обладает критическим мышлением, широким кругозором, постоянно занят саморазвитием и самообразованием, готов к инновационной деятельности.

Реализация воспитательной функции Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (далее – БГПУ) взаимосвязана с образовательным процессом. Формирование открытого информационно-образовательного, социокультурного и воспитательного пространства нацелено на воспитание гармонично развитой личности, обладающей высокими профессиональными и духовно-нравственными качествами.

Создание благоприятных условий для профессионального и личностного совершенствования студентов, развивающих информационную и коммуникативную культуру, активную гражданскую позицию, творческое самовыражение, индивидуальное своеобразие – основа воспитательной работы в вузе.

Активно участвуя во внеучебной деятельности, студенты оказывают влияние на значимые вузовский процессы, что, в свою очередь, формирует ощущение социальной значимости у студентов. В системе студенческих объединений студентам предоставляется возможность генерировать и воплощать идеи, коммуницировать со всеми участниками объединения, развивать навыки самоуправления и командной работы, развивать профессиональные и общекультурные компетенции, а также компетенции конструктивного поведения в нетипичных условиях. В современных вузах действует разнообразный спектр студенческих объединений: есть коллективы с многолетней историей и молодые коллективы.

В БГПУ осуществляют свою деятельность:

1) молодежные общественные организации и объединения – включены в республиканский реестр молодежных и детских объединений, пользующихся государственной поддержкой. В их число входят ПО ОО «Белорусский республиканский союз молодежи» (далее – БРСМ), первичная профсоюзная организация студентов (далее – Профсоюз), ПО ОО «Красный Крест»;

2) студенческие объединения – внутривузовские объединения, руководство которыми обеспечивается сотрудниками университета и студентами. В их число входят общественные, научно-исследовательские, профессиональные, волонтерские, творческие, информационные, спортивные объединения.

По принадлежности к структурам вуза студенческие объединения бывают:

1) общеуниверситетские – в состав объединения входят студенты разных факультетов университета, возможно участие студентов из других вузов;

2) факультетские – в состав объединения входят студенты одного факультета.

Студенческие объединения – это добровольные объединения студентов вуза на основе общности интересов. Участие в студенческих объединениях формирует комплекс профессиональных и общекультурных компетенций, что позволяет студентам более успешно адаптироваться во внутренней среде вуза и внешнего социума. Развитие разносторонних познавательных интересов в процессе внеучебной деятельности является основой для конкурентоспособности выпускников вуза.

Студенты БГПУ имеют возможность участвовать в любых общественных организациях и студенческих объединениях.

Молодежные общественные организации и объединения в БГПУ представлены БРСМ и Профсоюзом. Участие в общественных организациях воспитывает в студентах целеустремленность, настойчивость в достижении целей, активность, формируют лидерские качества, коллективизм, взаимопомощь, коммуникационные навыки, активность в публичном и информационном поле, включенность в массовую культуру.

В составе БРСМ более 3,5 тыс. студентов, что составляет 81 % студентов дневной формы получения образования [3, с. 90]. Основные направления работы БРСМ:

– гражданско-патриотическое воспитание студенческой молодежи;
– организация деятельности волонтерского движения «Доброе сердце»;
– организация вторичной занятости студенческой молодежи;
– организация культурно-массовой работы с молодежью;
– информирование молодежи о деятельности БРСМ в интернет пространстве;
– «100 столичных идей для Беларуси»;
– МООП – молодёжные отряды охраны правопорядка [1].

В составе Профсоюза более 5 тыс. студентов, что составляет 93 % от количества студентов дневной формы получения образования [3].

Основные направления работы Профсоюза:

1) защита социально-экономических прав студентов;

2) юридическая поддержка;

3) представительство студентов в переговорах с администрацией вуза по всем вопросам организации учебной деятельности;

4) бесплатная консультация по правовым и социально-правовым вопросам;

5) охрана труда и здоровья, общественный контроль за условиями учебы и проживания, организация питания и медицинского обслуживания;

6) профсоюзная проработка всех вопросов организации учебного процесса и обеспечения прав студентов и выпускников;

7) работа с определенными социальными категориями студентов (дети-сироты, инвалиды, семейные студенты и др.);

8) организация отдыха и оздоровления студентов;

9) финансирование студенческих программ и проектов;

10) финансовая помощь;

11) совместное решение жилищных вопросов с администрацией и деканатами [5];

Научно-исследовательские студенческие объединения представлены студенческими научно-исследовательскими лабораториями (далее – СНИЛ), основной целью СНИЛ является привлечение студентов к научной и инновационной деятельности, обеспечивающей непрерывное участие в научно-исследовательской работе вуза, а также формирование и усиление творческих способностей студентов. Участие в СНИЛ развивает профессиональные и исследовательские компетенции, критическое мышление.

В настоящее время в БГПУ работают 43 СНИЛ. Участниками СНИЛ являются свыше 600 студентов, аспирантов, магистрантов, учащихся гимназий и школ. Участники СНИЛ под руководством научных руководителей работают над научными проблемами, участвуют в конгрессах, конференциях, семинарах, симпозиумах, круглых столах и иных научных мероприятиях, приобретают навыки написания научных работ [3].

Волонтерские объединения в БГПУ занимают лидирующее положение в волонтерском движении вузов страны. Готовность участвовать в волонтерских объединениях формирует такие морально-нравственные качества как эмпатия, желание помочь, ответственность, инициативность, помогает студентам находить ресурсы собственного личностного совершенствования, самореализации. На базе БГПУ осуществляют свою деятельность 14 общеуниверситетских и факультетских волонтёрских клубов и объединений. В составе волонтерских объединений свыше 1,5 тыс. студентов. Волонтеры БГПУ сотрудничают с более 130 учреждениями и организациями г. Минска и других городов Беларуси [3]. Основные направления деятельности:

1) оказание социально-психологической и социально-педагогической поддержки различным нуждающимся группам населения.

2) психолого-педагогическое сопровождение детей и подростков девиантного поведения; организация досуговой и творческой деятельности детей и подростков.

3) пропаганда здорового образа жизни и профилактика асоциальных явлений среди студенческой молодежи.

4) спортивное волонтерство.

5) экологическое волонтерство.

6) сбор добровольных пожертвований в денежной или иной форме [2].

Формирование профессиональных компетенций будущих педагогов происходит в деятельности педагогических студенческих объединений: студенческих педагогических отрядов, студенческом клубе выпускников педагогических классов «ПРОФиль+». В процессе деятельности студенты расширяют круг профессиональных контактов, совершенствуют спектр коммуникативных, психолого-педагогических навыков.

В летний период в БГПУ формируется порядка 27 студенческих педагогических отрядов, общей численностью 350 студентов. Студенты проходят педагогическую практику в студенческих педагогических отрядах, работают на базе детских оздоровительных лагерей, спортивно- и туристско-оздоровительных комплексов, центров реабилитации инвалидов и НДЦ «Зубренок» и др. [3].

Студенческий клуб «ПРОФиль+» создан с целью популяризации педагогической профессии в современном обществе. Студенты консультируют учащихся педагогических классов по вопросам формирования имиджа будущего педагога, поступления на педагогические специальности, делятся с учителями современными методиками проведения факультативных занятий и профориентационной деятельности, взаимодействуют со студентами БГПУ по вопросам адаптации к студенческой жизни [4].

Студенческие общественные объединения представлены Студенческим советом БГПУ, который является высшим органом студенческого самоуправления. В структуре Студенческого совета БГПУ представлены студенческие советы на всех факультетах и институтах. Тьюторская поддержка студентов и работа с иностранными студентами – одни из приоритетных направлений деятельности Студенческого совета [3]. Участие в студенческих общественных объединениях формирует у студентов желание и умение трудиться, динамичность, мобильность, восприимчивость к новому, ответственность, самостоятельность, творческую любознательность.

Основные направления деятельности:

1) продвижение и администрирование студенческих проектов.

2) формирование здорового образа жизни студентов.

3) развитие студенческой науки.

4) поддержка волонтерского движения.

5) расширение возможностей для творческой самореализации студенческой молодежи.

6) раскрытие лидерского потенциала и организация корпоративного обучения [7].

Участие в творческих объединениях стимулирует творческую активность студентов, потенцирует развитие хореографических, вокальных, театральных, инструментальных и иных навыков и умений. В БГПУ 84 общеуниверситетских и факультетских творческих объединений, в которых принимают участие более 1,5 тыс. студентов. 6 творческих коллективов имеют звание «народный» [3]. Формы творческих объединений разнообразны и отвечают актуальным запросам студентов: группа, студия, ансамбль, театр, школа, команда, проект и др.

Участие в информационных объединениях (далее – студенческие СМИ) расширяют возможности студентов в профессиональной самореализации, формируют информационные, медийные, коммуникационные компетенции, навыки работы в видеопроизводстве. С каждым годом деятельность студенческих СМИ становится всё более актуальной и востребованной.

Студенческое СМИ в БГПУ зарегистрировано как творческое объединение студенческого телевидения «СтудТВ» [6]. Основной целью деятельности «СтудТВ» является информационная поддержка важных событий университета – видеосъемка научно-

образовательных, культурно-массовых, спортивных мероприятий с последующим созданием репортажей, а также создание роликов, промороликов, короткометражных фильмов, видеоуроков по учебным дисциплинам, анимационных фильмов и др.

Участие в спортивных объединениях способствует физическому развитию студентов, создаёт благоприятную основу для занятий физической культурой и спортом, популяризации здорового образа жизни, удовлетворяет потребности в физической активности, осваивании новых видов спорта и повышения спортивного мастерства. В БГПУ создана оптимальная среда для проведения спортивно-массовых мероприятий и физкультурно-оздоровительной работы. В инфраструктуре университета: стадион, водно-спортивные сооружения, спортивные залы – всего 30 спортивных объектов.

В БГПУ функционирует 21 спортивная секция для студентов – профессиональных спортсменов. На базе студенческого городка работает 19 спортивных секций, в которых занимается более 1 тыс. студентов – спортсменов любителей, руководителями большей части любительских секций являются студенты старших курсов факультета физического воспитания [3].

Разнообразие общественных организаций и студенческих объединений позволяет привлекать в них значительное число студенческой молодежи. Участие в объединениях позволяет проявлять студентам свою индивидуальность, приобретать новые знания и навыки, реализовывать творческие способности, получать возможность общественного признания, формировать профессиональные и культурные компетенции, информационно-коммуникативные навыки, формировать активную гражданскую позицию, обмениваться профессиональным опытом в процессе взаимодействия с участниками объединений.

Список использованных источников

1. БРСМ // Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка. – URL: https://bspu.by/studentu/studencheskie-organizacii/brsm (дата обращения: 15.10.2021).

2. Волонтерское движение // Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка. – URL: https://bspu.by/upravleniya-i-podrazdeleniya/upravlenie-vospitatelnoi-raboty-s-molodezhyu/volonterskoe-dvizhenie (дата обращения: 15.10.2021).

3. Ежегодник: Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка – 2019/2020 учебный год / под общ. ред. д-ра пед. наук, проф., ректора БГПУ А. И. Жука. Минск: БГПУ, 2020. – 320 с.

4. Клуб «ПРОФильПлюс» // Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка. – URL: https://bspu.by/studentu/studencheskie-organizacii/klub-profilplyus (дата обращения: 15.10.2021).

5. Профсоюз студентов БГПУ // Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка. – URL: https://bspu.by/studentu/studencheskie-organizacii/profkom-studentov-bgpu (дата обращения: 15.10.2021).

6. Студенческие организации // Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка. – URL: https://bspu.by/studentu/studencheskie-organizacii (дата обращения: 15.10.2021).

7. Студенческий совет // Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка. – URL: https://bspu.by/studentu/studencheskie-organizacii/studencheskii-sovet (дата обращения: 15.10.2021).

Хомич Нина Кондратьевна – магистр психологических наук, аспирант, Белорусский государственный университет культуры и искусств, khomich.nina.science@gmail.com

УДК 378

Д. А. Щетинина

ХАРАКТЕРИСТИКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВУЗА

D. Shchetinina

CHARACTERISTICS OF THE COMPETITIVENESS OF A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

В условиях динамичной среды изменяются требования к высшему образованию. В работе проанализированы основные характеристики конкурентоспособности вузов в связи с запросами контрагентов высших учебных заведений.

Ключевые слова: конкурентоспособность, рынок образовательных услуг, вуз, качество образовательных услуг, имидж, потребители, работодатели.

In a dynamic environment, the requirements for higher education are changing. The paper analyzes the main characteristics of the competitiveness of universities in connection with the requests of counterparties of higher educational institutions.

Keywords: competitiveness, educational services market, university, quality of educational services, image, consumers, employers.

Образование находится в тесной связи со всеми областями общественной жизни и определяет перспективы экономического развития. Одним из направлений государственной политики в России последнее десятилетие является повышение конкурентоспособности вузов на международном рынке образовательных услуг. Так в 2013 году начал реализовывался «Проект 5–100», целью которого было вхождение пяти лучших российских вузов в международный рейтинг. В 2016 году – программа развития опорных вузов, предполагающая объединение научных баз региональных вузов для создания сильных высших учебных заведений. В 2021 году была одобрена новая программа «Приоритет-2030», цель которой поддержка вузов, формирование лидеров отрасли высшего образования.

Эффективное функционирование высшего учебного заведения неразрывно связано с понятием конкурентоспособности, которую следует понимать как комплексную характеристику, отражающую преимущества перед конкурентами [1], способность высшего учебного заведения:

– к предоставлению образовательных услуг, отвечающих потребностям общества в подготовке профессиональных кадров;

– проектированию и реализации новых образовательных программ;

– использованию современных информационно-коммуникационных технологий;

– способности своевременно реагировать на изменение условий внешней среды.

Необходимо учитывать, что образовательная организация работает одновременно на рынке образовательных услуг и рынке труда. В связи с этим в системе выделяются две группы факторов, оказывающих влияние на конкурентоспособность высшего учебного заведения.

Внешние факторы представляют собой все, что оказывает влияние на деятельность вуза, например: нормативно-правовая система, социально-демографические факторы, уровень развития рынка образовательных услуг конкретного региона и пр. Учебное заведение не может влиять на внешние факторы, но их необходимо учитывать при оценке конкурентоспособности и выборе стратегии конкурентного развития.

Внутренние факторы включают в себя возможности конкретного вуза обеспечить собственную конкурентоспособность. К ним относятся: качество образовательных услуг,

научно-исследовательская деятельность, организационная структура вуза, квалификация педагогических кадров, коэффициент трудоустроенных выпускников и пр.

Конкурентный потенциал вуза характеризуется индивидуальными особенностями образовательной организации, ее сильными и слабыми сторонами, возможностями и угрозами, которые связаны с условиями внешней среды. Обеспечить устойчивую конкурентоспособность высшего учебного заведения возможно только путем формирования и реализации стратегических маркетинговых программ [2].

Конкурентоспособность вуза определяется уровнем соответствия оказываемых образовательных услуг запросам потребителей. Требования, выдвигаемые к высшим учебным заведениям, разными целевыми группами во многом повторяются и могут быть объединены в четыре группы:

– качество образовательных услуг. Содержание образовательных программ регламентируется Федеральным государственным образовательным стандартом (ФГОС), таким образом, конкурентные преимущества образовательных услуг формируются на уровне методов и средств обучения, реализующихся в конкретном вузе. Поэтому качество обучения определяется потенциалом педагогических кадров, внедрения ими современных методик и средств обучения;

– имидж вуза как целенаправленно сформированное совокупное представление об учебном заведении различных групп общественности. В общем смысле имидж вуза включает в себя:

1) визуальный имидж вуза, т. е. представление об организации, сложившиеся на основе полученной зрительной информации о фирменном стиле, внешнем и внутреннем состоянии учебных корпусов;

2) имидж руководителя складывается из психологических характеристик, а также внешности, особенностей коммуникации, хобби;

3) имидж образовательных услуг представляет собой представления аудитории об особенностях услуг, предоставляемых конкретным вузом: престижность диплома, качество знаний;

4) имидж студента как характеристика внешних и внутренних качеств, включающих внешний вид, общий уровень культуры, стиль жизни, уровень профессиональных знаний и навыков;

5) имидж преподавательского состава не ограничивается профессиональными компетенциями, но и включает достижения, внешний вид и социально-демографические характеристики;

6) внутренний имидж вуза как субъективное мнение об организации сотрудников и студентов. Складывается под влиянием управленческой стратегии, корпоративной культуры и социально-психологического климата.

– цена образовательных услуг. Закон «Об образовании в Российской Федерации» гарантирует не менее восьмисот бюджетных мест на десять тысяч человек в возрасте от семнадцати до тридцати лет [3]. Как правило, большая часть бюджетных мест приходится на ряд определенных специальностей и профессий, лишая возможности абитуриентов претендовать на бюджетное обучение. В таком случае, одной из ключевых параметров выбора вуза является цена на образовательные услуги;

– сервис как инфраструктура учебных процессов в вузе, наличие и состояние учебных корпусов, общежитий, библиотек.

С точки зрения государственной политики в сфере высшего образования, наиболее важным критерием конкурентоспособности вуза являются позиции в рейтингах. Так, например, в, упомянутую ранее, государственную программу стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», отбирались вузы на основе таких критериев как: позиции в рейтингах, уровень общего дохода, уровень дохода от научно-исследовательской деятельности, а также достаточное число студентов. В целом, все

государственные проекты, реализованные в последнее десятилетие, были нацелены на поддержание вузов с целью их проникновения в международные рейтинги.

Чаще всего критерии характеризуют академическую и научную репутацию, индекс цитируемости научных публикаций, соотношение числа студентов и преподавателей, количество иностранных студентов, уровень распространения знаний и инноваций.

На сегодняшний день существует порядка 40–50 предметных рейтингов, международного и национального значения. Среди основных международных рейтингов вузов можно выделить: QS, Times Higher Education (THE) и ARWU.

Среди российских рейтингов вузов можно выделить: национальный рейтинг университетов Интерфакс и топ-100 вузов России RAEX.

Тенденции развития сферы высшего образования обоснованы с одной стороны государственными инициативами, с другой – запросами рынка труда. Вузы заинтересованы в тесном сотрудничестве с коммерческим сектором, поскольку основным критерием эффективности высшего учебного заведения является уровень трудоустройства студентов. В настоящее время к основным тенденциям рынка образовательных услуг работодатели относят [4]:

1) возрастание роли цифровой индустрии. В современном быстроизменяющемся мире высшим учебным заведениям приходится конкурировать не только между собой, но и с платформами онлайн-обучения, главное преимущество которых – это предоставление наиболее современных прикладных знаний, которые ценят работодатели. Вузам необходимо проделать большую работу по преобразованию классической модели обучения, найти возможности внедрения в учебный процесс способов подачи актуальных знаний, что может быть реализовано только в тесном контакте с работодателями;

2) формирование баланса между теорией и практикой. Несмотря на заинтересованность компаний в кадрах, имеющих опыт работы, работодатели понимают важность фундаментального образования и принимают в нем активное участие. Таким образом, некоторые организации взаимодействуют с вузами и реализуют программы стажировок и курсы, в рамках которых читают лекции и ведут занятия, в свою очередь преподаватели получают возможность использовать технологии компании в учебном процессе, реализуя совместные исследовательские и образовательные проекты;

3) снижение роли профильного образования. В 2020 году только в 27 % вакансий в качестве обязательного требования было указано наличие высшего образования, и 3 % работодателей хотят видеть в резюме образование по профилю открытой вакансии [5]. Это связано с тем, что все больше организаций реализуют обучение на местах, что позволяет «заточить» специалиста под нужды конкретной компании, а не рассчитывают получить готового специалиста после окончания вуза;

4) смешение очного и дистанционного формата образования. Опыт дистанционного обучения, полученный в 2020 году в связи с эпидемией COVID-19, показал, что уже существуют решения, обеспечивающие «эффект присутствия» и создающие атмосферу учебной аудитории на расстоянии. Дальнейшее развитие IT-технологий в сфере организации удаленной работы позволит студентам получать непрерывное образование в любой ситуации, качественно совмещать учебу с работой. Кроме того, такие технологии могут быть использованы не только внутри вуза, но и для реализации межвузовской коммуникации, в том числе и на международном уровне.

Конкуренция в сфере высшего образования на сегодняшний момент обострена, и усугубляется развитием платформ онлайн-образования. Для того чтобы оставаться конкурентоспособным на рынке образовательных услуг, вузу необходимо постоянно находиться в процессе модернизации: разрабатывать новые учебные программы, соответствующие современной экономике и запросам работодателей, налаживать тесные связи с коммерческими организациями, укреплять научно-исследовательскую

базу, внедрять технические средства обучения и многое другое. Наличие реальных конкурентных преимуществ позволит разработать эффективную маркетинговую политику по продвижению образовательных услуг вуза.

Список использованных источников

1. *Асаул А. Н.* Управление высшим учебным заведением в условиях инновационной экономики. Санкт-Петербург : Гуманистика, 2007. 280 с.

2. *Ливандовская А.* Внешняя и внутренняя среда вуза: влияние на качество образования // Высшее образование в России. 2006. № 7. С. 152–155.

3. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон № 273-ФЗ: [принят Государственной Думой 21 дек. 2012 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2012 г.]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 31.11.2021).

4. РБК – Топ-7 трендов в высшем образовании по версии работодателей / РБК. – URL: https://chr.rbc.ru/chr/29/06/2021/60db06bd9a794778395ca96f (дата обращения: 01.11.2021).

5. ТАСС – Эксперты считают, что наличие профильного образования часто не влияет на уровень зарплаты / ТАСС. – URL: https://tass.ru/ekonomika/9436031 (дата обращения: 01.11.2021).

Статья представлена научным руководителем, кандидатом философских наук, доцентом кафедры социально-политических наук СПбГУТ И. Е. Астафьевой-Румянцевой.

Щетинина Дарья Александровна – магистрант 2-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, darya.shchetinina@inbox.ru

УДК 316.28

И. А. Юмашева

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ

I. Yumasheva

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE CLASSIFICATION OF MEDIA COMMUNICATIONS

В статье рассмотрены теоретико-методологические подходы к классификации медиакоммуникаций, рассмотрены основные «технологические вехи» в развитии медиа, представлена краткая историческая ретроспектива медиа как историю развития самостоятельного социального института.

Ключевые слова: медиакоммуникации, теории медиа, классификации теорий медиакоммуникаций.

The article considers theoretical and methodological approaches to the classification of media communications, considers the main "technological milestones" in the development of media, presents a brief historical retrospective of media as a history of the development of an independent social institution.

Keywords: media communications, media theory, classification of theories of media communications.

В современном мире медиа является неотъемлемой частью жизни каждого человека. На протяжении долгого времени медиа формировалась и видоизменялась. На настоящий момент не существует единого общепринятого универсального понятия

«медиакоммуникации». Более того, направления исследований современных медиа теоретиками и практиками разделились: одни исследуют медиа как способ получения актуальной информации, общения и отдыха; другие изучают эффекты влияния медиа, в том числе негативные, такие как формирование мифов, распространение стереотипов, лжеинформирование и манипулирование сознанием.

В чем же заключается актуальность исследования медиа на современном этапе? Любое информационное пространство человека связанно с коммуникациями, представляющими собой любую социальную активность, в рамках которой человек узнает что-то новое или рассказывает о чем-то. Поскольку медиа – это средства, которые используются для передачи любой информации, что априори является основой коммуникационного процесса, актуальность системного изучения медиакоммуникаций обусловлена необходимостью уточнения теоретико-методологических и технологических особенностей процессов создания и распространения информации с помощью средств медиа.

С целью создания востребованного современного медиа контента необходимо изучить целевую аудиторию (а именно: пол, возраст людей, которые используют ваш контент), произвести учет ее потребностей; выявить временные и содержательные рамки востребованности информации [1].

В последнее время значительно изменяется структура медиа рынка с точки зрения учета востребованности у целевой аудитории. Так, например, телевидение теряет часть своей аудитории, процент зрителей сокращается. Молодежь и люди среднего возраста предпочитают получать информацию в Интернете и совсем не включают телевизор. Сегодня у каждого человека есть потрясающие возможности создать канал, собрать «свою аудиторию» и в одном лице быть критиком журналистом, фотографом, видеооператором, монтажером, аналитиком, психологом, тренером, моделью и т. д.

Еще в конце 19 века ученые сконцентрировали исследования на значимости роли медиа в социальных, политических, экономических, культурных процессах. В 20 веке массовые медиакоммуникации стали самостоятельной индустрией, которая стала создавать «прообразы и репрезентации» ключевых общественных процессов, идеологии и картины мира. Современная реальность ставит новые вопросы о том, что такое медиа и как они участвуют в формировании личности, конструировании социального пространства, политических режимов и в развитии экономики. Основная цель данного исследования заключается в обзоре и концентрации базовых представлений о развитии медиа и формировании карты обширного поля теорий медиа на современном этапе развития медиакоммуникаций. С нашей точки зрения, представляется важным рассмотреть основные «технологические вехи» в развитии медиа и в то же время «увидеть» историческую ретроспективу медиа как историю развития самостоятельного социального института [3].

Рассмотрим классификацию теорий, которые сложились. Необходимо констатировать, что на данный момент не существует какой-то единой классификации, так у каждого исследователя свой подход по категоризации имеющихся теорий медиа. Это связано с тем, что наука о медиа формировалась и формируется как междисциплинарная, что означает включение в структуру науки о медиа как социологии и психологии, так и исследований из области точных наук.

Французская школа имеет довольно большой вес в теоретических исследованиях коммуникаций. Один из известных представителей французской школы – Бернар Мьеж обозначает три базовых группы теорий (рис. 1):

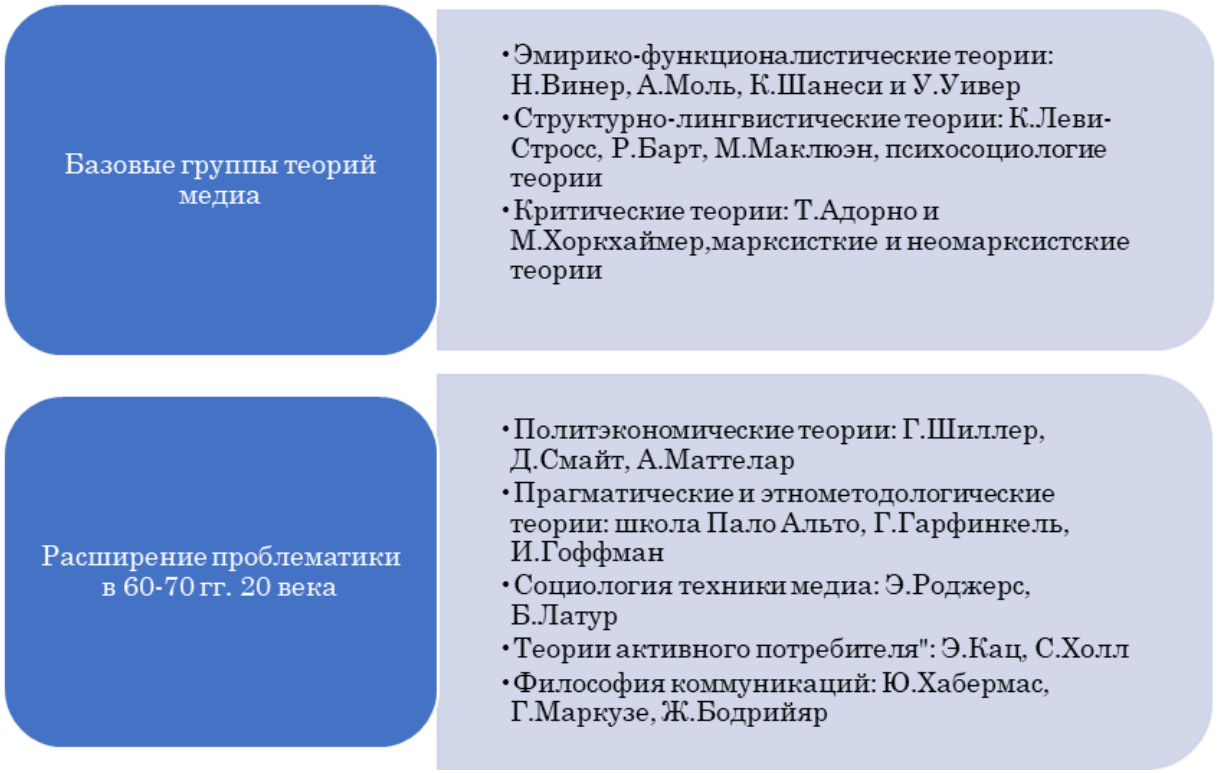


Рисунок 1. Классификация проблематики и теорий медиа Бернара Мьежа

1) эмпирико-функционалистские теории. Ее представляют такие авторы как Лазарсфельд, Хоуланд, Шрамм, Лассуэлл и так далее. Большинство из них изучали эффекты медиа, то есть влияние медиа на аудиторию, влияние сообщений медиа на аудиторию, или медиавоздействие;

2) стуктурно-лингвистическая/лингвоструктуралисткая: область лингвистики, семиотики или семиологии (Барт, Леви-Стросса, Клод Леви-Стросс и др.); работы по изучению отличий каналов коммуникаций (Маршалл Маклюэн) [4];

3) критическая теория: Адорно и Хоркхаймером, марксисты, неомарксисты.

Данные группы теорий возникают примерно в одно и то же время, в первой половине XX века. Дальше Мьеж расширяет эти три группы теорий уже во второй половине XX века [4].

Сюда попадает:

1) политэкономия массовых коммуникаций, «наследующая» у критической теории;

2) изучение прагматики и этнометодологии коммуникаций как изучение интерперсональных коммуникаций, опирающаяся на технические науки, психологию, социологию;

3) социология техники, которая опиралась на точныхе науки (Эверетт, Роджерс, Бруно Латур и так далее);

4) активный потребитель медиа как продолжение эмпирико-функционалистов;

5) философия коммуникаций с Хабермасом, опирающаяся на критическую теорию.

Известный французский ученый, профессор Арман Маттлар выделяет пять групп теорий, или пять крупных кластеров (рис. 2).

Рисунок 2. Классификация проблематики и теорий медиа Армана Маттлара

Первый он именует эмпиризм, сюда попадает почти вся эмпирико-функционалистская школа, названная Мьежем, на которую оказала значительное влияние чикагская школа социологии 20-х, 30-х годов. Также он именовал теорию информации, это кибернетика, математическая теория информации и так далее. Далее идут культурные индустрии, сюда попадает, с одной стороны, критическая теория Адорно и Хоркхаймера с их критикой индустриализации культуры, а с другой стороны, структурные теории, которые связанны со структурализмом. Четвертая теория – политэкономия коммуникаций, сюда входит изучение культурного доминирования и изучение культурных индустрий, это является продолжением критической теории. И, наконец, социология повседневности, которая является прямым продолжением американского эмпиризма [2].

Йостейн Грипсруд классифицирует теории не с точки зрения научных направлений и методов, а с точки зрения объектов изучения. В результате получается всего три объекта изучения: это аудитория, медиапроизводство, медиаматериалы, или медиатексты. Таким образом, аудитория – это большая часть эмпирической социологии, а также «вещи», которые проливают свет на эффекты массмедиа [1]. Медиатексты – это большая часть лингвистических теорий, теорий изучения самих материалов массмедиа, или медиа. А вот институциональная среда/медиапроизводство – это общественное ТВ и его изучение (рис. 3).

Рисунок 3. Классификация проблематики и теорий медиа Йостейна Грипсруда

И наконец, Дэнис МакКуэйл распределил все теории на теории медиа и общественные организации. Разделяет четко теории медиа, которые имеют отношение к информации, и теории культуры, относящиеся к искусству. Он предложил довольно интересную классификацию, определив как основание степень социо-центричности или медиа-центричности. В социо-центричных теориях медиа представляют часть общества или общественной жизни, и развитие их обусловлено развитием общественных отношений. Следовательно, в данном подходе медиа – это объект, структурирующий само общество, и, соответственно, оказывающее сильное влияние на само общество. То есть медиа-центричные теории предполагают, что медиа значительно влияют на общество, меняют его, тогда как социо-центричные теории предполагают, что медиа подчинены обществу, и медиа такие, каким и является общество.

Горизонтальную шкалу МакКуэйл поделил на два полюса. Первый полюс –материалистический, второй полюс – культуралистский. Материалистический полюс полагает, что медиа играют определенную роль за счет своей организации; их модель производства технологическая. При этом каналы коммуникации, которые они используют, передаточные. Культуралистский полюс полагает, что медиа распространяют «сообщения», поскольку воспроизводят определенные культурные элементы, а также кодируют те элементы культуры, в которые они встроены (рис. 4) [3].

Рисунок 4. Карта Д.МакКуэйла

Таким образом, теории, рассматриваемые как организационные, финансовые, технологические аспекты функционирования медиа занимают правый крайний верхний квадрант, и предполагают высокую роль медиа в обществе и материалистическую интенцию. Теории, предполагающие или определяющие медиа как социальную, политическую и иную структуру влияют на организацию медиаструктуры и на контент этой медиаструктуры, занимают правый нижний квадрант. Теории, отвечающие на вопрос, каким образом социальные факторы проявляются в культуре и структурируют те или иные культуры и культурные поля, занимают нижний левый квадрант. И наконец, теории, которые изучают персональные культуры или персональное культурное окружение, его связь с медиаконтентом, навязывает определенные культуры и культурные коды, занимают верхний левый квадрант.

На современном этапе развития медиа как самостоятельной индустрии сформировался целый ряд коммуникационный моделей в медиа: **коммуникационная модель,** принятая на 25-ой Генеральной конференцией ЮНЕСКО; типология коммуникаций, теория массовой коммуникации (Б. Вестл и М. Мак-Лин); теории «общественного мнения» и технологий влияния на него (У. Липпман, Ю. Хаберманс, Н. Луман, Э. Ноэль-Нойман); теория стереотипов и их роли в массовой коммуникации У.Липмана; теория контроля коллективного поведения Р. Парка; теории системы массовых

коммуникаций и публичной сферы (Ю. Хаберманс); теории «пропаганды»; теория публики и толпы (Г. Тард); теории выборочного восприятия информации и теория когнитивного диссонанса (Л. Фестингер), теории анализа целевых аудиторий в условиях многоканальной медиасреды и др.

В заключении хотелось бы отметить, что современные медиакоммуникации находятся в постоянном развитии, возникают новые коммуникационные технологии и модели, требующие постоянного систематического исследования, обобщения, формирования характерологических описаний их специфики и процессов.

Список использованных источников

1. *Кирия И. В., Новикова А. А.* История и теория медиа. Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 424 с.

2. *Черных А. И.* Мир современных медиа. Москва : Территория будущего, 2019. 215 с.

3. *Шнайдер А. А., Колосова А. А.* СМИ Латвии: история развития и современность. – Первое экономическое издательство, 2020. 322 с.

4. *Vartanova E.* World of Media. Moscow: Mediamir, 2019. 136 с.

Юмашева Ирина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, irma8715@yandex.ru

РАЗДЕЛ II

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 304

И. Е. Астафьева-Румянцева

«КУЛЬТУРНАЯ АПРОПРИАЦИЯ В ИНДУСТРИИ МОДЫ»

I. Astafyewa-Rumianzewa

CULTURAL APPROPRIATION IN THE FASHION INDUSTRY

Чем обосновано появление термина «культурная апроприация»? Всегда ли заимствование – это естественная эволюция культурного опыта? Где грань между культурным обменом и апроприацией? На эти и другие вопросы отвечает данная статья. И явление «культурной апроприации», и общественную реакцию на него следует воспринимать как симптомы общественного дисбаланса. И это повод к тому, чтобы разобраться с его глубинными триггерами.

Ключевые слова: культурная апроприация, культурный обмен, мода, этнокультурные ценности.

What is the rationale for the emergence of the term "cultural appropriation"? Is borrowing always a natural evolution of cultural experience? Where is the line between cultural exchange and appropriation? This article answers these and other questions. Both the phenomenon of "cultural appropriation" and the public reaction to it should be perceived as symptoms of social imbalance. And this is the reason to deal with its deep triggers.

Keywords: popular culture, feminism, protest, fashion, values.

Одна из самых горячих тем в мире моды последних лет – это осуждение практики заимствования ценностей чужой культуры или «культурной апроприации» (Cultural Appropriation). Заметную роль в ее научном осмыслении сыграла критика европоцентризма, ориентализма и политики западного колониализма в целом, развернувшаяся в научном сообществе в 80-х гг. XX в. Негативные коннотации термина предопределены контекстом употребления. Чаще всего он используется для характеристики ситуации, когда заимствованию подвергаются отдельные элементы культуры-донора или же взаимодействующие культуры вовлечены в исторический, этнический, расовый конфликт; когда идет речь о колонизации, рабстве или угнетении; в противовес понятию «культурный обмен».

Кембриджский словарь определяет «культурную апроприацию» как «заимствование или использование вещей, принадлежащих не вашей культуре, в ситуации явного отсутствия демонстрирования понимания или уважения к данной культуре». Взаимоотношения между господствующей и донорской культурами описываются понятиями господства/подчинения. «Подразумевается, что мир состоит из культур, которые обмениваются, заимствуют, крадут или отнимают друг у друга различные элементы. От материальных объектов […] до элементов стиля, сюжетов, мотивов и даже «присвоения голоса» (voice appropriation), то есть возможности репрезентировать культуру» [1]. Факторы доминирования (использование власти) и преобладания поверхностной эстетизации (вместо бережного и уважительного погружения в инокультурный мир) окончательно ставят точку в вопросе с чем мы имеем дело в конкретной ситуации: с «культурным

обменом» или «культурной апроприацией». Речь идет о некорректном использовании традиций, ритуалов, символов или артефактов, имеющих религиозное или иное ценностное значение для представителей донорской культуры. Японское кимоно, тюрбаны сикхов, татуировки майори, дреды воинов масаи, индусское бинди, мусульманский хиджаб, венец из перьев североамериканских индейцев, мексиканский день мертвых – эти и другие символы модная индустрия воссоздает как псевдокультурные образцы [2], экзотифицируя национальные традиции народов некогда колонизированных территорий. Присвоенные культурные ценности не редко подвергаются искажению, используются вне оригинального культурного контекста, не редко вопреки чётко сформулированной позиции представителей культуры-донора.

Заимствование ради развлечения и получения прибыли рассматриваются сродни «оскорблению чувств верующих», нарушения некого сакрального табу. Подобные заимствования находят все больше критиков, утверждающих, что «культурная апроприация» особенно кощунственна, если культурные ценности заимствованы у национальных меньшинств с трагическим прошлым или настоящим. «Можно констатировать, что спектр того, что маркируется как «неправильное», расширяется, и то, что еще недавно не вызывало бы вопросов, теперь может подвергаться критике, как этнические мотивы в дизайне или образы экзотических культур в модной фотографии» [3]. «Культурная апроприация» понимается как новый виток колонизации: уже не в политико-экономическом, а в ментальном смысле присваиваются элементы подавляемой культуры, и в подобном ракурсе это конечно вызывает осуждение. Зачастую процесс присвоения происходит бессознательно, особенно когда речь идет о поведение обычных людей, участвующих в корпоративном мероприятии и примеряющих этно-образы как экзотические и карнавальные. Для модных дизайнеров этнографические поиски становятся способом цитирования незаслуженно забытых и утраченных культур, возрождающим их былое великолепие. В подобном ракурсе это видится скорее, как «постмодернистская игра», нежели чем акт «символического превосходства» колонизирующего западного мира над колонизируемым миром дикарей.

Проблема «культурной апроприации» изначально озвученная теоретиками истории искусства, в 90-е гг. по-разному переосмысляется в исследовательском поле культурной антропологии, этнопсихологии, истории, социологии, политологии и даже юриспруденции. Разрозненный научный поиск в 1997 г. объединило исследование «Заимствованная власть: Очерки о культурной апроприации» [4] Брюса Зиффа и Пратимы В. Рао. Шестнадцать эссе обосновали идею о губительной роли апроприации в тенденции деградации и уничтожения традиционных культур Америки. В течении последующих двух десятилетий изучение феномена «культурной апроприации» углублялось параллельно с усилением значения глобализационных процессов. «Глобализация, со всеми ее достоинствами и недостатками, стремительно подчиняет себе мир, и, в связи с этим процессом логично и разумно формулировать понятие «экзотического дизайна» в соответствии с нынешними условия жизни в Африке, большинстве стран Азии и обоих Америках» [5], – рассуждает Барбара Шмельцер-Циренгер.

Лингвист Джон Макоутер связал происхождение явления «культурная апроприация» с законным возмущением темнокожего населения США в отношении белых исполнителей популярной музыки, имитирующих африканские этно-музыкальные традиции. В качестве показательного примера он приводит творчество Элвиса Пресли [5]. К подобным же выводам склоняется Перри Холл, подвергая критике музыкальную индустрию США, эксплуатирующую уникальные африканские ритмы, мелодии и мотивы, зарабатывающую благодаря этому огромные деньги и, одновременно, вычеркивающую истинных носителей этих традиций из повседневных политических и социокультурных практик. По этой причине Эминем, пожалуй, самый известный американский белый исполнитель рэпа, на заре своей карьеры подвергался резкой критике и обличался как «вор хип-хоп культуры» и даже как «Гитлер рэпа» («Раса, культура и идентичность от Колумба

до хип-хопа», Гэри Тейлор) [6]. Растущую популярность джаза, блюза, хип-хопа, бипопа Холл объясняет тем фактом, что афроамериканцы, дабы подчеркнуть самобытность и избежать ассимиляции доминирующей «белой» культурой, вынуждены изобретать все новые и новые формы музыкального самовыражения используя последние как фактор протеста. По мнению Холла «культурное присвоение» создает артефакты, пародирующие оригинальную идею. И если прежде считалось, что имитация – это проявление искренней лести, то теперь стало ясно, что она несет в себе поглощение и маргинализацию – исключение истинных носителей культурных ценностей из контекста их современного воспроизводства [7].

Американская певица Майли Сайрус подверглась критике за исполнение тверка (традиционный племенной танец африканских женщин) во время выступления на музыкальной церемонии MTV Video Music Awards 2013 г. В танцевальном номере усмотрели пример закрепления негативных стереотипов о черных женщинах как гиперсексуальных, вульгарных, недалеких и излишне эмоциональных, представительниц общественных низов (этот собирательный образ утвердился под уничижительным наименованием – ratchet, от wretched – жалкий, низший, никудышный). Общественность особенно была возмущена тем, что белая исполнительница получает баснословные гонорары, исполняя танец, в основу которого положена гротескная и карикатурная пластика.

Грань между «культурной апроприацией» и культурным обменом крайне тонка. Существуют ли шансы закрепить это различие законодательным путем, если суть вопроса лежит в пространстве этики? Ответ на этот вопрос предлагают многие авторы. Джеймс Янг, изучая проявления культурной апроприации в различных областях человеческой деятельности («Культурная апроприация и искусство») [8] склонен разделять следующие виды апроприации: апроприация объекта (артефакта), апроприация идеи, апроприация голоса (заимствование чувственного и ментального опыта) и рассуждает об уместности и, напротив, аморальности проявления апроприации в конкретных ситуациях. Янг склонен рассматривать апроприацию в качестве опыта творческого самовыражения, которое обязано сопровождаться демонстративным проявлением уважения к культуре-донору. Сьюзан Скафиди, основатель и академический директор Fashion Law Institute (Институт права моды) при юридической школе Фордхэма, автор исследования *«Кто владеет культурой?: присвоение и аутентичность в американском праве»* [9] *считает, что принципиальное значение в определении «культурной апроприации» имеет факт «разрешения».* Другими словами, существует принципиальное различие между «культурным обменом» и «культурным ассигнованием», которое, по сути, является такой же формой расизма, как и любая другая. И, если культурный обмен реализуется в пространстве уважения и вовлеченности, то апроприация выражается в поглощении/присваивании отдельных элементов культурной самобытности, а также их коммерциализации и тривиализации. Созданное в 2013 году студентами Университета Огайо движение We're a Culture Not a Costume («Моя культура – это не костюм»), призвано демонстрировать, как представители определенной этнической группы могут чувствовать себя оскорбленными и вытесненными за пределы культуры, когда их собственное культурное пространство расчленяется на стереотипы, а традиционные костюмы становятся реквизитом пародий и иных развлечений.

Современная мода изобилует неоднозначными примерами заимствования. Известно, что в 60-х Ив Сен-Лоран, попав под очарование Марокко, наполнил модные коллекции марокканскими мотивами и сам щеголял в традиционном марокканской костюме. Сейчас его обвинили бы в ориентализме. В 2016 г. модный дом Valentino продемонстрировал коллекцию «Дикая Африка», созданную на основе африканских принтов, вышивки, бус и перьев, но среди манекенщиц не оказалось ни одной модели африканского происхождения. Модный дом Gucci неоднократно подвергался критике из-за проявлений «культурной апроприации». В 2018 г. бренд представил головной убор Indy Full Turban. Коалиция сикхов в Twitter возмутилась использованием символа веры как

модного аксессуара. Особо осуждалось, что сикхский тюрбан демонстрировали именно белые модели. Через год Gucci обвинили в расизме из-за черного свитера-балаклавы, ворот которого был украшен большими красными губами с вырезом для рта. Критики посчитали это блэкфейсом (разновидность грима, карикатурно изображавшая чернокожих людей). Весенний показ Марка Джейкобса в 2017 г. так же был назван образцом несправедливости и расизма. Его белые модели появились на подиуме с дредами. На дизайнера обрушился шквал негатива в социальных сетях, вынудивший его принести публичные извинения.

Для афроамериканского сообщества тема волос одна из самых сложных. В 50-х чернокожие выпрямляли волосы, в 70-х объемные прически становятся формой протеста и маркером поддержки «Черных пантер». Косички, дреды, банту-узлы - те элементы традиционной африканской культуры до недавнего времени могли оказаться под запретом дрескодов университетов и компаний, одновременно с тем, что Шакира, Ким Кардашьян, Джастин Бибер и другие звезды шоу бизнеса, сделав эти прически частью своего образа, утверждают их в качестве модного тренда. Борьба за право афроамериканцев на ношение традиционных причесок нашла отражение в 2020 г. в акте CROWN - «Creating a Respectful and Open World for Natural Hair» («Создавая уважительную и открытую атмосферу для натуральных волос»), объявившем вне закона дискриминацию по прическам в США.

Брендом, отметившемся в системном проявлении рассизма, часто называют Victoria's Secret. В 2012 г. супермодель Карли Клосс появилась на подиуме в индейском головном уборе, спровоцировав общественный резонанс. Справедливости ради, стоит отметить, что роуч (военный атрибут и часть национального индейского костюма) сегодня зачастую можно встретить на костюмных вечеринках и в магазинах, торгующих этническими товарами. Тогда компании пришлось вырезать выход модели из трансляции шоу и принести публичные извинения. Но в 2014 г. вокруг Victoria's Secret вновь вспыхнул скандал из-за использования индейских мотивов. В 2016 г. бренд продемонстрировал на подиуме элементы китайского национального костюма, а показ 2017 г. был вдохновлен культурой кочевых народов. Обвинения в культурной апроприации руководство марки проигнорировало.

Знаменитости часто становятся героями СМИ по причине экстравагантности своих образов. Еще в 1999 г. Мадонне пришлось объяснять в чем заключался смыл ее появления на обложке Harper`s Bazaar в образе гейши. В 2019 г. Ким Кардашьян запускает торговую марку «Кимоно» и провоцирует появление в социальных сетях хэштега #KimOhNo. Мэр Киото Дайсаку Кадокава написал Кардашьян письмо с просьбой изменить название марки. Скандал разгорелся поскольку звезда шоу, выбрав для нейминга слово содержащее собственное имя, продемонстрировала неуважение к истинному значению кимоно для японцев (как торжественному одеянию, передающемуся в японских семьях из поколения в поколение).

Эти и другие примеры этнокультурных заимствований в сфере моды свидетельствуют о готовности представителей этнических меньшинств отстаивать уважение к своим традициям со стороны доминирующей культуры. Но в академической среде существует и иная точка на проблему «культурной апроприации». Крейг О'Хара в книге «Философия панка: больше, чем шум!» [10] пишет: «С любой субкультурой случается «культурное растворение»: она превращается либо в «отоваренный» мейнстрим, который штампуется корпоративными гигантами на конвейере, либо в ритуальный и поверхностный гедонизм». По его мнению, небелые/неевропейцы исторически оказались в позиции меньшинств в современном американском обществе и коммерциализация элементов их этнического наследия - естественный эволюционный этап.

Мода на всем протяжении своего развития естественным образом вбирала в себя культурные и национальные коды из разных источников. Очевидно, что однозначно разграничить апроприацию и культурный обмен невозможно. Сегодня ту или иную ситуацию использования этнокультурных элементов какой-либо социальной или этнической

группы относят к апроприации прецедентным путем: факт негативного восприятия ситуации значительным числом представителей соответствующего этноса говорит о грубом присвоении. Эксплуатация священных и религиозных символы по умолчанию рассматривается как неуважение. Дискуссия вокруг «культурной апроприации» это, в первую очередь, трудный общественный диалог, который будет обостряться на фоне процессов всемирной интеграции и унификации.

Список использованных источников

1. *Смирнов Н.* Хроники свихнувшегося колонизатора // Colta. ru. – 2017. – 14 авг. – URL : https://www.colta.ru/articles/art/15672-hroniki-svihnuvshegosya-kolonizatora#18 (дата обращения: 23.10.2021).

2. *Caceda E.* Our cultures are not your costumes, The Sydney Morning Herald, Nov 14, 2014 . – URL : https://www.smh.com.au/opinion/our-cultures-are-not-your-costumes-20141114-11myp4.html (дата обращения: 26.10.2021).

3. *Кулиничева Е. А.* «Культурная апроприация» как прием в современной олимпийской униформе: особенности использования и проблемы рецепции // Теория моды: одежда, тело, культура. 2020. No 55. URL : https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/55_tm_1_2020/article/22064/ (дата обращения: 01.11.2021).

4. *Ziff B. H., Rao P. V.* Borrowed Power: Essays on Cultural Appropriation. NJ: Rutgers University Press, 1997. 337 p.

5. *Шмельцер-Цирингер Б.* Дизайн моды. Теория и практика. Харьков : Гуманитарный Центр, 2021. 262 с.

6. *Taylor, G.* Buying Whiteness: Race, Culture, and Identity from Columbus to Hip-Hop. – NY : Palgrave Macmillan, 2005. P. 346–349.

7. *Harrison K.* Hip Hop and Race . – URL : https://vtechworks.lib.vt.edu/bitstream/handle/10919/74035/Hiphop%20and%20Race%20(2015).pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 03.10.2021).

8. *Young J.* Cultural appropriation and the Arts . – URL : https://www.researchgate.net/publication/288810938_Cultural_Appropriation_and_the_Arts (дата обращения: 12.10.2021).

9. *Skafidi S.* Who owns culture? Appropriation and authenticity in American law. – URL : https://www.researchgate.net/publication/293224131_Who_owns_culture_Appropriation_and_authenticity_in_American_law

10. *О'Хара К.* Философия панка: больше чем шум ! / Крейг О'Хара; [пер. с англ.]. Москва : Нота-Р, 2003. 206 с.

Астафьева-Румянцева Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, rina.astafjewa@yandex.ru

УДК 325.14

Н. Э. Бекшаева

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА МИГРАЦИОННУЮ ПОЛИТИКУ ГЕРМАНИИ

N. Bekshaeva

THE IMPACT OF COVID-19 PANDEMIC ON GERMAN MIGRATION POLICY

В статье рассмотрены основные тенденции изменений миграционной политики Федеративной Республики Германия под влиянием пандемии COVID-19. Приведены характеристики корректировок, внесенных в процессы регулирования внешней миграции и предоставления

убежища. Проведен анализ ключевых проблем интеграции в экономическом и социальном контексте в условиях эпидемиологической обстановки.

Ключевые слова: миграция, беженцы, Германия, пандемия COVID-19, интеграция мигрантов.

The article discusses the main trends of changes in the migration policy of the Federal Republic of Germany under the influence of the COVID-19 pandemic. The specifics of the adjustments made to the processes of regulating external migration and asylum are given in this article. The analysis of key problems of integration in the economic and social aspects in the context of the epidemiological situation is carried out.

Keywords: migration, refugees, Germany, COVID-19 pandemic, integration of migrants.

Происходящие сегодня изменения в мире, связанные с пандемией короновируса, заставляют отдельные страны и международное сообщество в целом пересматривать свою политику в отношении мигрантов и искать новые инструменты регулирования данной сферы. Пандемия выступила серьезным испытанием для различных институтов, механизмов и систем управления государства, в том числе в области миграции.

В ответ на угрозу ещё большего распространения COVID-19, о пандемии которого 11 марта 2020 года объявила Всемирная организация здравоохранения, странами Евросоюза, были предприняты серьезные шаги. Противодействуя его распространению, большинство государств Евросоюза внесли корректировки в процессы регулирования миграции и предоставления убежища. Так, 17 марта 2020 года во время пресс-конференции глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен заявила, что страны ЕС согласовали временное ограничение въезда на территорию Евросоюза из-за распространения коронавируса. «Государства-члены ЕС активно поддержали эту инициативу, и теперь реализация данной меры зависит от них. Страны ЕС заявили, что займутся этим немедленно. Это хорошо, поскольку у нас должна быть единая позиция по вопросу внешних границ. Наше предложение было встречено с большим энтузиазмом», – сообщила она [1].

Об ужесточении миграционной политики на фоне распространения COVID-19 свидетельствуют меры, предпринимаемые странами большинством стран Евросоюза, в том числе ФРГ, в отношении беженцев. Данные меры менялись в зависимости от эпидемиологической ситуации и от фазы распространения коронавируса в конкретной стране, но всегда были направлены на:

– усиление контроля, в том числе санитарно-эпидемиологического, на внешних и внутренних границах;

– ограничение мобильности населения внутри страны и за её пределами;

– содействие возвращению граждан государств ЕС из третьих стран в Евросоюз;

– либерализацию иммиграционных практик, в частности в вопросах продления и получения иммиграционных документов;

– приостановление высылки нелегальных мигрантов в третьи страны, а равно приостановление трансферов претендентов на убежище из одной страны ЕС в другую в рамках Дублинского регламента [2], который регулирует вопрос предоставления убежища в ЕС;

– приостановление приёма и регистрации новых прошений об убежище, а равно ограничение трансферов заявителей по квотам (исключение – несовершеннолетние дети без сопровождения взрослых из лагерей беженцев в Греции и Италии) и так далее.

Несмотря на пандемию, Германия продолжает оставаться наиболее предпочитаемой страной для мигрантов. В 2020 году коронавирус немного приостановил миграцию, что заметно сказалось на количестве поданных ходатайств о предоставлении убежища.

«В целях сдерживания пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 и недопущения дальнейшей цепной передачи её в пределах ЕС Федеральное ведомство по

делам миграции и беженцев (BAMF) получило указание временно приостановить въезд и выезд из Германии лиц в рамках Дублинского регламента. Настоящая директива вступает в силу немедленно»,- заявлялось в сообщении на сайте Федерального ведомства по делам миграции и беженцев [3].

С 16 марта 2020 года в связи с распространением коронавируса, Германия стала контролировать границы с Австрией, Швейцарией, Францией, Люксембургом и Данией. По данным министерства внутренних дел ФРГ, по состоянию на 5 апреля около 70 тысяч человек, не имевших веских причин для въезда в страну, получили отказ на границе. Под влиянием пандемии в Европе временно перестали действовать и нормы Шенгенского соглашения [4], но это не коснулось соглашений, регулирующих порядок приема беженцев.

ФРГ усилила пограничный контроль, но не для лиц, просящих убежище. «Усиление пограничного контроля, которое сейчас обсуждается федеральным правительством, ничего не меняет с юридической точки зрения для беженцев», – заявила парламентарий бундестага Ула Йельпке. По мнению политика, лица, подавшие прошение о предоставлении убежища, не должны быть отвергнуты [5].

Германия как одна из самых «гостеприимных» стран ЕС, невзирая на темпы распространения вируса, никаких ограничений для беженцев вводить не стала. Так, по состоянию на 7 апреля 2020 года в Германии было зафиксировано более 103 тысячи случаев заражения COVID-19, но беженцы продолжали прибывать в страну.

Для Германии, как и для других европейских стран это очень опасно, ведь беженцы – люди другого менталитета. И если немцы в условиях локдауна дисциплинированно сидят по домам, то «гости с юга» не хотят оставаться не только в квартирах, но и на территориях своих приютов.

Несмотря на сложности, связанные с карантинными мерами, Германия оставалась приверженной своим гуманистическим принципам, и предоставляла различные виды помощи не только беженцам, находящимся на ее территории, но и разместившимся в лагерях для беженцев на территории других стран, в том числе – и не входящих в ЕС. Министерство здравоохранения ФРГ и, являющийся его подразделением, федеральный Институт Роберта Коха [6] предложили проводить медосмотр беженцев, чтобы предотвратить распространение инфекции.

Также ФРГ принимала у себя детей, находящихся в лагерях для беженцев без родителей, и распределял их по другим странам. Ввиду того, что пандемия спровоцировала появление в странах ЕС большого количества внутренних проблем, данной темой никто не интересовался, за исключением некоторых стран. А Германия, несмотря на карантинные меры, одобрила принятие около 1,5 тысяч несовершеннолетних беженцев из переполненных лагерей Греции.

Принимая во внимание социально-экономические сложности, с которыми столкнулось правительство ФРГ в период, предшествующий пандемии, проблематика распределения финансовых потоков между различными отраслями экономики, а также поддержкой процесса интеграции мигрантов приобретает все большую актуальность.

Процесс восстановления экономики ФРГ в ближайшие годы более не позволит в таких как прежде колоссальных объемах тратить деньги на беженцев и мигрантов. В нынешних условиях финансовую поддержку необходимо будет оказывать тем, кто уже является активным участником рынка труда – обанкротившимся предпринимателям, наемным работникам. Многие отрасли экономики, такие как авиационная, туриндустрия, сфера услуг, сильно пострадали в условиях пандемии, и правительство ФРГ вынуждено поддерживать их посредством выплат пособий. Причем размер таких выплат гораздо больше, чем аналогичных финансовых потоков, предназначенных для беженцев, поскольку мигранты получали минимальные субсидии, тогда как работающему населению положены ощутимо большие выплаты. Подобное распределение

средств лишь осложняет интеграцию мигрантов на рынок ФРГ, обостряя при этом и социальные противоречия.

Многие иммигранты, уже укрепившиеся в качестве участников рынка труда, также испытывают беспокойство относительно потери рабочего места, так как экономический спад особенно сильно затронул области, где работает много людей с неевропейским происхождением ссылка. Это объясняется тем, что мигранты, как правило, имеют низкоквалифицированную работу, где предполагается очное присутствие на рабочем месте. Условия работы в подобных отраслях, чаще всего, не позволяют соблюдать необходимые санитарно-эпидемиологические меры для защиты здоровья работников. Германия, как и некоторые другие страны ЕС, ввела упрощённый порядок для признания квалификации и обеспечения доступа к рынку труда, в частности в сфере медицины, для живущих в стране мигрантов. В целях противодействия распространению коронавируса германская земля Бавария сделала исключение и допустила к медицинской практике беженцев с медицинскими дипломами, полученными вне стран ЕС [7].

Старший научный сотрудник Центра европейских исследований ИМЭМО РАН Владимир Оленченко прогнозирует, что ужесточение миграционной политики неминуемо приведёт к социальной напряжённости в германском обществе. «Отношения между мигрантами и коренным населением ухудшатся. Увеличение уровня безработицы в ФРГ станет дополнительным фактором для этого. Поэтому после того, как Германия победит коронавирус, она столкнётся с другой проблемой, на решение которой может уйти не меньше времени», – заключил аналитик [1].

Для обсуждения миграционных вопросов с 2006 года в Берлине проводятся саммиты по интеграции мигрантов. В них принимают участие представители политических партий, СМИ, различных ассоциаций и союзов мигрантов, объединений работодателей, профсоюзов и гражданского общества в целом, которые занимаются проблемами интеграции мигрантов в принимающее общество и улучшением интеграционных процессов. Однако в 2020 году в связи с пандемией короновируса Германия решила трансформировать формат 12-го по счету интеграционного саммита, и провела его в формате в видеоконференции 19 октября 2020 года.

В основе саммита лежал принятый в 2020 году Национальный план действий по интеграции [8], целью которого является привлечение в страну высококвалифицированных специалистов. Дорожная карта реализации плана предусматривала несколько этапов, каждый из которых отражает различные потребности в процессе интеграции. Долгосрочной целью плана являлось улучшение жизненной ситуации мигрантов, реализация их равноправного участия в жизни общества и укрепление социальной сплоченности.

На саммите в Берлине члены организаций, занимающихся вопросами миграции, обсудили с федеральным канцлером Ангелой Меркель, федеральным уполномоченным по вопросам миграции, беженцев и интеграции Аннетт Видманн-Мауз, министром по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодёжи Франциской Гиффай и министром образования и научных исследований Аней Карличек влияние пандемии коронавируса на интеграцию беженцев в Германии.

По данным Федерального ведомства по делам миграции и беженцев, с начала эпидемии в Германию прибыли около 100 000 беженцев. Канцлер подчеркнула важность интеграции мигрантов в немецкое общество в условиях пандемии COVID-19, поскольку мигранты серьёзно поддерживают жизнь страны во многих отношениях, и прежде всего экономическом и демографическом [9].

По словам канцлера ФРГ, из-за ограничений, направленных на борьбу с коронавирусом, вновь прибывшим мигрантам стало сложнее закрепиться в Германии, так как сократился объем образовательных программ и курсов профессионального обучения, а языковые курсы и консультации уже не могут проводиться в очном формате [9].

Федеральный уполномоченный по вопросам миграции, беженцев и интеграции Аннетт Видманн-Мауз, в свою очередь, сделала акцент на важности цифрового развития во всех сферах деятельности, которое позволяет мигрантам продолжать интегрироваться в общество [10].

В 2020 году приток мигрантов в Германию из-за коронавируса, и закрытия границ ЕС сократился. Однако в последующие годы по мере выхода страны из кризиса экономике ФРГ и стареющему немецкому обществу вновь в большом количестве потребуются квалифицированные иностранные кадры.

Поскольку успехи Германии в борьбе с COVID-19 повышают ее привлекательность в глазах жителей тех стран, чьи системы здравоохранения оказались в условиях пандемии менее эффективными, можно рассчитывать на то, что число трудовых мигрантов после завершения пандемии вновь увеличится. При этом, скорее всего, существенно возрастет роль выходцев из государств за пределами Евросоюза, в основном Индии и стран Восточной Европы.

Список использованных источников

1. Негостеприимная Европа: как пандемия коронавируса повлияла на миграционную политику ЕС // официальный сайт телеканала RT. – URL: https://russian.rt.com/world/article/734800-pandemiya-es-migracionnaya-politika (дата обращения: 21.08.21)

2. Дублинский регламент // информационный портал Handbookgermany.de. – URL: https://handbookgermany.de/ru/rights-laws/asylum/dublin-procedure.html (дата обращения: 24.09.21)

3. BAMF-Rückblick auf das Jahr 2020 im Video // официальный сайт Федерального ведомства по делам миграции и беженцев. – URL: https://www.bamf.de/SharedDocs/Videos/DE/Behoerde/bamf-rueckblick-2020.html (дата обращения: 30.09.21)

4. Европа закрылась из-за коронавируса. Что это значит для иностранцев? // официальный сайт телеканала BBC. – URL: https://www.bbc.com/russian/features-51944880 (дата обращения: 08.11.21)

5. Приезжайте еще: почему COVID-19 среди мигрантов не напугал Берлин // официальный сайт газеты Известия. – URL: https://iz.ru/996730/mariia-vasileva/priezzhaite-eshche-pochemu-covid-19-sredi-migrantov-ne-napugal-berlin (дата обращения: 30.10.21)

6. Das Robert Koch-Institut // официальный сайт Института Роберта Коха. – URL: https://www.rki.de/DE/Content/Institut/institut_node.html;jsessionid=6570EFAEAB61F902E9423AF7E8BE52DA.internet052 (дата обращения: 28.10.21)

7. Migranten sind besonders hart von Coronakrise betroffen // официальный сайт газеты Der Spiegel. – URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/integrationsgipfel-migranten-sind-besonders-hart-von-coronakrise-betroffen-a-87e91a8e-439d-4bea-820b-36136962315b (дата обращения: 14.10.21)

8. «Система друзей» и не только: в Германии представили новый план интеграции мигрантов // сайт газеты «Aussiedlerbote». – URL: https://aussiedlerbote.de/2021/03/v-germanii-predstavili-novyj-plan-integraczii-migrantov/ (дата обращения: 07.10.2021)

9. Пандемия: Меркель оценила влияние кризиса на мигрантов // Официальный сайт русской редакции сайта телерадиовещательной компании Deutsche Welle. – URL: https://p.dw.com/p/3k8ps (дата обращения: 06.11.2021)

10. Саммит в Германии по вопросам интеграции мигрантов в принимающее общество в условиях пандемии // сайт НИИ экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук. – URL: https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/sammit-v-germanii-po-voprosam-integratsii-migrantov-v-prinimayushtee-obshtestvo-v-usloviyah-pandemii (дата обращения: 03.11.2021).

Бекшаева Наталия Эдуардовна – специалист по учебно-методической работе, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, istgf@mail.ru

УДК 159.9

Е. В. Белова

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ ИННОВАЦИОННЫМИ ЛИДЕРАМИ

E. Belova

SPATIAL-TEMPORAL CHARACTERISTICS OF MANAGEMENT SITUATIONS' REPRESENTATION BY INNOVATIVE LEADERS

В статье рассматривается проблема репрезентации пространственно-временных характеристик управленческих ситуаций инновационными лидерами как части инновационного системного мышления. На основе концепций Б. М. Теплова и Р. Стернберга дается описание уровней отражения времени (оперативное, тактическое, стратегическое и личностное) и параметров «управленческой ситуации» (как субъект-объектных, субъект-субъектных параметров и их сочетания). На примере деятельности выдающихся полководцев обсуждаются приемы репрезентации пространственно-временных характеристик управленческих ситуаций и необходимые для этого личностные ресурсы.

Ключевые слова: инновационные лидеры, пространственно-временные характеристики управленческих ситуаций, «ум полководца» и практический интеллект.

The article deals with the problem of representing the spatial-temporal characteristics of management situations' representation by innovative leaders as some part of innovative systems thinking. Based on the concepts of B.M. Teplov and R. Sternberg the time reflection (operational, tactical, strategic and personal) levels and the «management situation» (as «subject-object», «subject-subject» and their combinations) parameters are described. On the example of the activities of outstanding war leaders, methods of representing the spatial-temporal characteristics of managerial situations and the personal resources necessary for this are discussed.

Keywords: innovative leaders, spatial-temporal characteristics of management situations, «war leader's mind» and practical intelligence

Системное описание мышления или интеллекта лидеров [1] требует отражения сложной архитектоники, которая включает четыре структурно-функциональных блока: ценностно-когнитивный, потребностно-мотивационный, эмоционально-волевой и коммуникативно-поведенческий. Р. Стернберг [3], объясняя психологические причины успеха лидеров, полагает, что социального, эмоционального и академического интеллектов мало для определения подобной деятельности. Психологическим содержанием интеллекта по Р. Стернбергу являются «неявные знания» (имплицитные знания), которые часто называют «здравым смыслом». Термин «неявные знания», предложенный М. Полани, характеризует знания, полученные в опыте повседневности и имеющие скрытые, плохо поддающиеся описанию свойства: т. е. существуют некие латентные переменные, скрытые факторы, интегрирующие и определяющие успешность применения практического интеллекта.

Отметим, что в отечественной науке идея практико-ориентированного ума лидеров стала развиваться задолго до выхода работ Р. Стернберга о практическом интеллекте. В ключевом для психологии лидерства труде Б. М. Теплова «Ум полководца (опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам)» [5] еще в 1943 году было показано, что мышление, которое долгое время рассматривалось психологами очень абстрактно, через ограниченные мыслительные операции и задачи, необходимо оценивать в реальных ситуациях принятия решения. До этого реализация мышления рассматривалась только в тех ситуациях, которые требуют теоретической интеллектуальной активности (теоретики-философы,

теоретики-ученые и т. д.). Практический же ум, даже на самых высоких его ступенях (ум политика, государственного деятеля, организатора, полководца), долгое время не учитывался.

Теплов отмечает, что работа ума военачальника требует поиска пути решения, ведущего к лучшему, эффективному результату. Для этого необходимо создать не просто решение (часто простое), но ответственное решение, которое бы максимально «считывало болевые точки» ситуации, системообразующие факторы и детерминанты (места, времена [4], человеческие ресурсы и др., а также соотношения данных детерминант), при этом воплощая данное решение незамедлительно в действии. Объекты управления в социальной сфере определены взаимоотношениями групп людей, способами руководства, системами коммуникаций, – т. е. данные объекты не поддаются непосредственному восприятию и физическому оперированию. Управление информацией, социальными структурами включает и наглядный, и действенный, и абстрактный компоненты, что выражается в идее Теплова о том, что «участие в мышлении восприятия и движения различно в разных конкретных видах деятельности, но степень этого участия никак не является признаком, отличающим практическое мышление от теоретического» [5, с. 224].

По Теплову «интеллект у человека один, едины и основные механизмы мышления, но различны формы мыслительной деятельности, поскольку различны задачи» [5, с. 224], которые выполняет субъект. Следовательно, можно выделить различные типы мышления по тем задачам (областям), в которых они проявляются. Не останавливаясь на сравнении социального и эмоционального, а также академического интеллектов, рассмотрим на примере практического интеллекта («ума полководца» по Теплову) круг пространственно-временных задач, которые характеризуют управленческую ситуацию.

Следует отметить, что Б. М. Теплов, будучи основоположником отечественной дифференциальной психофизиологии, сфокусировал интерес на проблеме способностей и одаренности, утверждая фактор личности и индивидуальности в изучении общих закономерностей психики. Практическое мышление в психологических исследованиях того времени приравнивалось к наглядно-действенному мышлению (сенсомоторному) и рассматривалось, но через принципиально другие механизмы, чем теоретическое мышление.

Сложность и многокомпонентность мышления практического отражается Тепловым в косвенном упоминании базовых параметров времени, пространства, энергии и информации как ключевых для решения задач практического мышления. «Жесткие условия времени – одна из самых характерных особенностей работы практического ума» [5, с. 225]. Скорость принятия решений, учет всех переменных, важность обратной связи и постоянного мониторинга информации в условиях практических задач возрастает: «с точки зрения многообразия, а иногда и внутренней противоречивости интеллектуальных задач, а также жесткости условий, в которых протекает умственная работа, первые места должны занять высшие формы практической деятельности» [5, с. 226].

Следовательно, мышление лидера и организатора максимально должно быть репрезентативно реальности, так как пространство принятия решений лидером включает все параметры среды и ее элементов (субъектов и объектов) в динамике. Динамичность и многоаспектность ситуации повышает неопределенность, что требует повышенной наблюдательности и внимания к деталям, а также умения видеть ситуацию в целом. Оценка ситуации проходит стратегически (на уровне миссии), тактически (на уровне алгоритмов работы) и оперативно (на уровне конкретных решений). Более того, пространство проблем ситуации включает еще и личностный аспект, так как деятельность управленческая является только элементом всей жизненной стратегии и жизненного пути. Так, важность данного самого глобального масштаба оценки ситуации отмечает и Д. Гоулман [2]. Ф. Диттмэн-Коли и Р. Балтес, С. Холлидей и М.

Чандлер [1], исследуя феномен мудрости и «синтезированного интеллекта», определяют важность опыта как не только компетентности в определенных сферах предметного знания, но и чувствительности к социально-психологическому контексту происходящего, а также повышенному вниманию к неизвестным, будущим, противоречивыми или парадоксальным, «невозможным» событиям, которые раскрывают индивидуальность самого субъекта деятельности.

Рассматривая особенности принятия решений полководцами в ситуации опасности (как максимально показательного для отражения особенностей мышления в оценке пространственно-временного среза ситуации), Теплов отмечает, что бывают выдающиеся полководцы нескольких типов. Во-первых, с относительно «ровной» психической деятельностью (Петр I, Наполеон). Во-вторых, те, кто экономит психические силы, в обычной ситуации ведя себя равнодушно и малоактивно, мобилизуясь только в ситуациях опасности, подготовительная работа у таких людей носит «скрытый» характер: например, М. И. Кутузов в спокойные минуты производил впечатление человека ленивого и беззаботного, но необыкновенных ситуациях всегда проявлял себя. В-третьих, те, чья «ровная» деятельность превращается в бурную активность, кто «оживает» в ситуации опасности, боя, неопределенности (как А. Суворов). По мнению Теплова, данный тип представляет особый интерес: они демонстрируют важнейшее качество военного таланта (т. е. способность к максимальной продуктивности мышления в условиях максимальной опасности, недостатка ресурсов и неопределенности).

Теплов приходит к выводу, что «природа войны предъявляет к полководцу два прямо противоположных требования: с одной стороны, она требует большой гибкости в изменении однажды принятых планов, с другой – великого упорства и твердости в отстаивании этих планов» [5, с. 271]. Формула Теплова: «гибкость должна быть свойством ума, а упорство – свойством воли» [5, с. 272] определяет сочетание сфер психики, которое позволяют избежать ловушек мышления, т. е. по Теплову «мертвых шаблонов», проявляя при этом целеустремленность и целенаправленность. «Упорство полководца никогда не должно иметь свой источник в недостаточной подвижности его ума, в косности мысли» [5, с. 271]: т. е. это умение видеть вместе с принятым им планом действий возможность других способов решения задачи.

Упорство от недостатка волевых качеств (т. е. упрямство от недостатка побуждающей функции воли), как и упрямство от неумения придумывать планы (как когнитивная косность), – одинаково пагубны. Признаками «некогнитивного упрямства» (упорство, руководимого не соображениями ума, а другими мотивами) могут служить следующие маркеры по Теплову [5, с. 273]: самолюбие, чрезмерная уверенность в себе, отсутствие мужества, нерешительность, колебания, неумение признать свою ошибку, многократное изменение своих решений (не потому, что меняется обстановка, а из-за неуверенности в их справедливости), податливость к чужим советам или желание во что бы то ни стало настоять на своем. Данные маркеры поведения как личные когнитивные диспозиции могут проявиться как кардинальные черты деструктивных лидеров по Хаберкорну, а самоуверенность («когнитивная легкость») присуща экспертам и опытным сотрудникам по М. Конниковой [1].

Таким образом, пространственно-временная репрезентация ситуации полководцами (восприятие, понимание и отображение) выражается в конкретной форме итога, плане, который превращает сложное в простое, выделяет существенное и, что не менее важно для лидера, позволяет в простой и наглядной форме транслировать существенные решения последователям. Мастерство в составлении планов определяет гибкость их применения и изменения. Упорство, как внешняя сторона мыследеятельности полководца, выражается в том, что план отстаивается и проводится в жизнь вопреки трудностям до тех пор, пока он является наилучшим из возможных. «Требование упорства запрещает отказываться от плана только потому, что он трудно выполним» [5, с. 274]. Так, величие по Теплову Суворова «прежде всего и выражалось в том,

что он делал то, что другие считали не только трудным, но даже невозможным» [5, с. 274]. Когнитивная гибкость позволяет изменять или заменять план сразу как обнаруживается, что он не является лучшим из возможных. «Требование гибкости запрещает держаться плана только потому, что он однажды принят» [5, с. 274].

Данные особенности подчинения волевой сферы на основе когнитивной оценки и осмысления ситуации необходимы для главной способности или компетенции полководца: предвидения. Теплов отмечает, что «предвидеть – значит сквозь сумрак неизвестности и текучести обстановки разглядеть основной смысл совершающихся событий, уловить их главную тенденцию и, исходя из этого, понять, куда они идут» [5, с. 274]. В «лаборатории предвидения» по Теплову можно определить два пути, т. е. механизма работы данной способности [5, с. 275], которые позволяют считать, оценить и определить пространственно-временные особенности ситуации.

В-первых, «расчет, предполагающий большой запас знаний, и умение найти ту главную, решающую точку, отправляясь от которой этот расчет производится»: уметь рассчитывать значит знать, что и как рассчитывать. Данной подход схож с навыком решения олимпиадных задач, т. е. требует вертикального, стандартного мышления и интеллекта, пусть и доведенного до мастерства тренировками и опытом. Для организации системы знаний необходимо проявлять самостоятельность ума и критичность мысли. Теплов отмечает, что и Суворов, и Наполеон не были ни «заимствователями», ни «подражателями», их «богатые содержанием и готовые ко всему умы» умели «отделять учение от критики», ища «пищу для собственной мысли», перерабатывая знания в нечто совершенно новое, «собственное, доходившее чуть не до отрицания образцов» [5, с. 303]. Более того, данные знания были упорядочены в постоянно совершенствующуюся систему и приходили в нужное время для решения практических задач. Специфическая мнемотехника («кладовая ума» по Суворову или «ящики комода» по Наполеону) [5, с. 304] демонстрирует связь теории с практикой, упорядоченность знаний и «чрезвычайную легкость» в извлечении неявных и явных знаний.

Конкретность мышления военного гения по Теплову («гений целого и деталей») есть признак практического ума. Диспозиции Суворова, внимание к мелочам в деятельности Петра I и Наполеона, другие примеры из истории выдающихся деятелей показывают, что особенность интеллектуальной работы полководца связана с колоссальной сложностью материала, подлежащего анализу на стратегическом, тактическом и оперативном уровнях, и синтезом данных до простых и ясных, определенных планов, решений, комбинаций (по Наполеону «точность, сила характера и простота») [5, с. 243]. Теплов отмечает, что «неопределенность» была для Наполеона примерно тем же, чем для Суворова «немогузнайка» [5, с. 244]. Следовательно, умение справляться с неопределенностью с помощью операций анализа (сложного материала) и синтеза (простых и определенных положений) является ключевым атрибутом практического интеллекта по Теплову: «превращение сложного в простое – этой краткой формулой можно обозначить одну из самых важных сторон в работе ума» [5, с. 244]. Теплов уточняет, что подобная способность работает на основе навыка анализа; умения видеть сразу и целое, и все детали; гибкости и свободы ума; решительности (так как война – это область недостоверного и неизвестного [5, с. 249]).

Во-вторых, пространственно-временные особенности репрезентации (предвидения) ситуации полководцами отражались и во «вчувствовании», понимании противника, способность становиться на его точку зрения, рассуждать и решать за него, – т. е. социальном и эмоциональном интеллектах, которые выходили за рамки конкретной социальной ситуации или отношений. Данный второй стиль решения является аналогом приемов дистанцирования (пространственно-временного, социального и гипотетического), латерального творческого мышления, перенесенного с искусственных задач на реальные условия, включающие социальные, предметные, пространственно-

временные параметры. Более того, именно этот второй аспект репрезентации отражает личность инновационного лидера и его систему ценностей.

Список использованных источников

1. *Белова Е. В.* Формирование системного мышления и лидерских компетенций у студентов и аспирантов технических вузов: монография. Санкт-Петербург : СПбГУТ, 2018. 198 с.

2. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект в бизнесе. Москва : Издательство «Манн, Иванов и Фербер», 2013. 512 с.

3. Практический интеллект / Р. Дж Стернберг [и др.]. Санкт-Петербург : Питер, 2002. 272 с.

4. *Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В.* Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал, 2008. №3, С. 101–109.

5. *Теплов Б. М.* Избранные труды: В 2-х т. Т. I. Москва : Педагогика, 1985. С. 223–305.

Белова Елизавета Васильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, limax3@yandex.ru

УДК 159.92

Е. В. Белова, Р. А. Жадан

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИСКУССТВА МОЛОДЕЖЬЮ

E. Belova, R. Zhadan

INFORMATIONAL AND PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF THE YOUNGSTERS' PERCEPTION OF ART

В статье рассматривается проблема восприятия объектов современного искусства молодежью. С точки зрения метапотребностей А. Маслоу, теории эмоционально-смысловой доминанты В. П. Белянина и информационной теории И. Гальперина дается описание особенностей распознавания (восприятия и понимания) произведений искусства. Обсуждаются мотивы восприятия искусства молодежью.

Ключевые слова: Искусство, метапотребности, эмоционально-смысловая доминанта, молодежь, теория информации.

The article deals with the problem of the youngsters' perception of contemporary art. From the point of view of A. Maslow's meta-needs, V. P. Belyanin's theory of emotional and semantic dominance and I. Galperin's information theory, the features of recognition (perception and understanding) of art objects are described. The motives of the perception of art by young people are discussed.

Keywords: art, meta-needs, emotional and semantic dominant, youngsters, information theory.

В конце XX века социокультурная ситуация сменила вектор своего развития в сторону все большей виртуализации, в том числе и художественного акта [3, 4]. На смену старым художественным картинам мира пришли новые информационно-художественные модели, существенное отличие которых состоит в структурной незавершенности, системности, динамичности образов и идей. Это отражается не только в парадигме постмодерна, содержании и форме произведений искусства, природе четвертой промышленной революции, но и частных способах передачи искусства зрителем. При этом с развитием в постинформационную эпоху технологий возрастает динамичность, массовость и коммуникационная доступность художественных объектов.

Динамичность современного искусства как атрибут показана в работах различных авторов, работающих в разных стилях и жанрах (Христо, Ян Фабр, Ай Вейвей, Марина Абрамович, Трейси Эмин и др.). Общим для данных авторов является стремление улавливать «слабые сигналы», считывать даже самые незначительные изменения в мире: т. е., как отмечает Б. Ф. Поршнев, творчество современных авторов – это маркер изменения социальных отношений [5]. Так, идея работы «Рейхстаг» автора Христо может воплощаться на основе любого архитектурного памятника. Трейси Эмин отмечает важность оригинальной идеи и индивидуальности самого автора, которая отражается в образах. Произведения современных художников часто интертекстуальны, диалогичны, требуют умения «дистанцироваться» (в пространстве, времени, социально или гипотетически). Такие работы как «Корова» Демина Херста и его же коллаборация с Drake в новом альбоме (”Certified Lover Boy”), для которого художник создал обложку, как и романы Умберто Эко, – все эти произведения имеют несколько уровней понимания (от наглядно-действенного и образного до абстрактно-логического, от общекультурного до индивидуального) и требуют достаточного уровня подготовки на эмоциональном и когнитивном уровне от аудитории. Более того, их интерпретация автором и аудиторией не просто содержательна, а функционально-содержательна, т. е. в большей мере соответствует природе психических явлений восприятия и мышления.

Отметим, что согласно теории В. П. Белянина существует эмоционально-смысловая доминанта, которая является основой любого текста [2]. Принципиальное различие между художественным и нехудожественным текстом было основным препятствием на пути к типологическому анализу литературы в XIX–XX вв. Параметры типологизации были различны: время написания текста, национально-культурная принадлежность текста или автора, стиль, жанр. Основным трудом по психологии художественного текста считается работа Л. С. Выготского «Психология искусства». Тем не менее, в работах В. П. Белянина предпринимается попытка построить экспериментальную психолингвистическую типологию художественных текстов, учитывающую личность автора и читателя.

Данную типологию можно перенести не только на дигитальные сообщения, но и на аудио-визуальные объекты искусства. Понятия «эмоционально-смысловая доминанта», «языковая модель мира», «когнитивная модель мира» являются базовыми для определения модели В. П. Белянина. Автор отмечает [2], что данные термины представлены различными синонимами в научной литературе (авторская картина мира, авторское видение мира, система ценностей писателя, творческий стиль писателя, эмоциональный тон повествования, эмоциональное содержание, художественная идеология и др.). Сам художественный объект обсуждается без эстетической оценки. Разнообразие психологических типов людей дает разнообразие эмоционально-когнитивных индивидуальных структур, а организующим центром художественного объекта предстает его эмоционально-смысловая доминанта, которая раскрывается в диалоге автора и аудитории. Будучи ядром, например, текста, эмоционально-смысловая доминанта организует семантику, морфологию, синтаксис и стиль художественного текста. Сама идея эмоционально-смысловой природы текста подчеркивает не только структурно-содержательный, но и функционально-динамический смысл произведения. По В. П. Белянину [2] читатель предпочитает видеть картины с близкой его собственной доминанте природой.

Читатель, слушатель и зритель имеют право на собственную интерпретацию смысла информации. Данная интерпретация зависит не только от самой информации, но и от личности реципиента. Максимально точно интерпретируются те тексты, которые созданы на базе близких личности психологических структур. Развиваясь, аудитория может найти другие доминанты в том же произведении: что объясняет

изменение отношения к произведениям в разном возрасте или современные эксперименты с новыми экранизациями, постановками и «переизданиями» классики.

В. П. Беляниным [1, 2] были выделены типы текстов, которые получили следующие названия: светлый, активный, темный, печальный, веселый, красивый, сложный. Значительная часть текстов (в особенности, считающихся высокохудожественными и современными) может нести в себе несколько доминант. Можно предположить, что в современном визуальном искусстве категория эмоционально-смысловой доминанты смещена в сторону сложной (с добавлениями других акцентов), что определяется информационной природой эпохи. Отметим еще некоторые главенствующие эмоционально-смысловые доминанты в современном искусстве: красивая (красота формы и эмоциональность), веселая (дается описание поведения преуспевающего, успешного человека, преодоления препятствий), активная (актуальные проблемы общества, истории и культуры, «вызовы», вопросы и решения путем объединения с единомышленниками в борьбе с противостоящими силами), темная (деструктивные, пессимистичные, связанные с распадом и кризисом настроения).

Важно, что система мотивов (как ядерное образование личности) выступает как опосредующее звено в передаче эмоционально-когнитивной доминанты между автором и аудиторией: т. е. именно через систему мотивов происходит кодирование и декодирование информации. По А. Маслоу [1] есть следующие высшие потребности (метапотребности), которые характеризуют людей самоактуализирующихся. Данные высшие потребности являются и причиной создания авторами объектов искусства, и причиной обращения аудитории к объектам искусства: целостность, совершенство, завершение, закон, активность, богатство, простота, красота, доброта, уникальность, истина, честь, ненапряженность, опора на себя. Согласно опросу, проведенному среди студентов первого курса («Реклама и связи с общественностью») в современном обществе чаще реализуются следующие метапотребности по Маслоу: совершенство, богатство, красота, игра и опора на себя. Отрицаемые (или слабо представленные) в современном обществе метапотребности: целостность, закон, простота, ненапряженность, истина, честь и реальность. Завершение и уникальность оцениваются студентами неоднозначно.

Следовательно, можно отметить живой интерес молодежи к объектам современного искусства. Данный интерес поддерживается не только на уровне личных мотивов, но и обществом, которое ориентировано на поиск совершенства, богатства, красоты, игры и опоры на себя. Тем не менее, опрошенные студенты также отмечают наличие рыночной и эксплуататорской ориентаций характера в современном мире. Можно предположить, что отрицаемые обществом (по самоотчету представителей молодежи) ценности (целостность, закон, простота, ненапряженность, истина, честь и реальность, а также уникальность и завершение) закладывают противоречие в саму возможность реализации метапотребностей. Возможна ли опора на себя, например, в конструктивном аспекте (как свобода и независимость в понимании Эриха Фромма) без уникальности, простоты, истины или реальности? С точки зрения положений экзистенциальной психологии ответ будет однозначно отрицательным.

Более того, задача формирования навыков восприятия и понимания искусства у молодежи заключается, в первую очередь, в раскрытии природы каждой метапотребности с конструктивного, а не искаженного, частичного, ошибочного ракурса. Так, несмотря на данное до опроса описание ценности «богатства», более 70 % опрошенных понимают метапотребность «богатство» всего лишь в материальном смысле, что соответствует непродуктивному рыночному взгляду на вопрос.

Вторая особенность восприятия современного искусства (массовость и коммуникационная доступность) связана с применяемыми технологиями: многие музеи и галереи переходят в виртуальный формат. Даже Сикстинская капелла теперь доступна для посещения любым пользователем Интернета из любой точки мира. Арт-галереи, например, «MoMA» (www.moma.org) проводят виртуальные экскурсии по новым

выставкам. Проводятся и дистанционные обучающие курсы (например, artsalon.me), объясняющие искусство массам. Виртуальное посещение музеев стало особенно актуальным в постковидный период. Многие крупные музеи хотя бы частично перешли на подобный формат: Русский музей, Эрмитаж, музей современного искусства Эрарта. При этом технологии, являясь инструментом создания, становятся и важным источником вдохновения, способом репрезентации и саморепрезентации: информация сама из инструмента для коммуникации превращается в объект искусства. Подобный эффект можно увидеть в работе корейского художника Нам Джун Пайк, который использует технические устройства как инструмент для передачи идеи и как самостоятельный объект («Техно Будда», «TV Garden»). Заигрывание с темой информации и влияния информации на личность созвучно и тематике современных популярных фильмов и сериалов: начиная от классического киберпанка Уильяма Гибсона или «Ghost in the shell. SAC» и заканчивая переизданиями классики (например, «Бегущего по лезвию») или новинками рынка («Черное зеркало», «Американские боги»).

Можно предположить, основываясь на информационной теории И. Гальперина, что в современных объектах искусства акцент идет именно на подтекстовую (отношение автора к событиям) и концептуальную информацию. Концептуальная информация отражает представления автора о схемах миропорядка, природе самой информации, основывается на эмоционально-смысловой доминанте. При этом фактуальная информация (отвечающая на вопросы «Кто?», «Что?», «Где?», «Когда?», «Почему?») остается «за скобками восприятия» или понимания. Подобное условие требует от зрителя эмоциональной и когнитивной подготовки. Искусство становится ребусом, содержит «пасхалки» и отсылки (как первые аркадные игры или многие современные сериалы и фильмы в «сложной» эмоционально-смысловой доминанте), не поддается расшифровке зрителю без соответствующей социально-культурной, эмоциональной, интеллектуальной тренировки.

Пилотажный опрос, который был проведен в социальной сети Instagram среди молодежи показал, что 67 % респондентов по самоотчетам интересуются искусством, при этом 94 % опрошенных считают, что цифровые технологии могут быть частью искусства в современном мире. Более того, творчество занимает 50 % времени, которое отводится респондентами их интересам. В ходе опроса было выявлено, что в последнее время респонденты посещали Юсуповский дворец, Главный штаб Эрмитажа (выставки современного искусства), а также различные выставки (Ивана Шишкина, Ван Гога и др.). 90 % считают, что посещение выставок «вживую» приносит больше удовольствия.

Таким образом, сама специфика современного искусства требует от зрителя эмоциональной и когнитивной подготовки, особенно для интерпретации «закадровой» фактуальной информации. Восприятие и понимание искусства возможно только личностью или даже индивидуальностью, с осознанной системой ценностей, мировоззрения, образа Я. Динамичность, массовость и коммуникационная доступность художественных объектов объяснима не только социокультурными, но и информационно-психологическими факторами. Если оставить дискуссию об эстетической ценности современных объектов искусства, то эффективность восприятия и понимания искусства определяется эмоционально-смысловой доминантой и автора, и аудитории. Эмоционально-смысловая доминанта организует концептуальный и подтекстовый слой информации в произведениях искусства. Более того, именно диалогичность современного искусства позволяет раскрыть функционально-динамическую сторону эмоционально-смысловой доминанты. Сочетание нескольких эмоционально-смысловых доминант (сложной, красивой, активной, веселой, темной) показывает умонастроения общества и современного поколения.

С точки зрения задач педагогики и психологии развития, принципиальное отличие описанных еще Абрахамом Маслоу метапатологий (апатия, цинизм, угрюмость,

саркастичность, бессмысленность, депрессия и т. д.) от метапотребностей на личностном уровне заключается в необходимости определения индивидуального смысла в каждой метапотребности и формировании авторского дизайна их сочетания. Без деятельностной, продуктивной активности, метапотребности остаются в глазах молодежи пустыми лозунгами или не несущими вдохновения устаревшими принципами.

Будущее общества во многом зависит от воспитания эстетических и интеллектуальных чувств молодежи. Психолого-педагогическое внимание, направленное лишь на формирование только эмоционального интеллекта (системы чувств, настроений и отдельных навыков), стандартного академического интеллекта (как эрудиции и системы знаний) или морального уровня развития (как системы ценностей) не даст полноценного развития личности. Только синтез всех этих категорий в системе образования (особенно высшего) позволит раскрыть индивидуальность поколения. «Слабый сигнал», который подает нам современное искусство своей формой и содержанием, заключается к том, что мы находимся на пороге нового понимания эмоционально-когнитивной природы и объектов искусства, и наших ценностей, и собственной психики.

Список использованных источников

1. *Белова Е. В.* Психология межличностного общения. Санкт-Петербург : Издательство СПбГУТ, 2019. 150 с.

2. *Белянин В. П.* Психолингвистика: учебник. Москва : Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2004. 232 с.

3. *Борцов Ю. С.* Социокультурные контуры четвертой промышленной революции. Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2017. 220 с.

4. *Кириллова Н. Б.* Медиакультура: от модерна к постмодерну. Москва : Академический проект, 2005. 448 с.

5. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. Москва : Наука, 1979. 235 с.

Белова Елизавета Васильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, limax3@yandex.ru

Жадан Роман Алексеевич – студент 4-го курса факультета социальных цифровых технологий, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, zhadan_2000@bk.ru

УДК 32.019.51

Р. Р. Биктимирова

ПЕТРОИСЛАМ КАК ЭКСПОРТНЫЙ ПРОДУКТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

R. Biktimirova

PETROISLAM AS AN EXPORT COMMODITY OF THE PERSIAN GULF STATES' CULTURAL POLICY

Статья посвящена культурной политике стран Персидского залива и механизмам распространения ценностей ваххабизма по всему миру, при использовании средств с продаж углеводородов.

Ключевые слова: страны Персидского залива, петроислам, культурная политика.

The article analyzes the cultural policy of the Persian Gulf states and the mechanisms of spreading the values of Wahhabism around the world, using funds from the sale of hydrocarbons.

Keywords: the Persian Gulf states, petroislam, cultural policy.

Петроислам – термин, означающий глобальную экспансию идей исламского течения ваххабизма консервативными монархиями Персидского залива. Слово «петро» является отсылкой к тому, что средства для спонсирования этой деятельности выделяются с продажи нефти. То есть ислам становится своеобразным продуктом экспорта. Французский учёный-арабист Жиль Кепель, который посвятил главу своей книги «Джихад» теме «Построение петроислама на руинах арабского национализма», пишет, что «сразу после войны 1973 г., петроислам стал именем нарицательным для второго по своему значению «экспортного товара» стран Персидского залива после углеводородов». Яркое проявление этого феномена – обучение групп проповедников-ваххабитов и мусульманских учёных, чтобы они в дальнейшем способствовали распространению в мусульманских общинах западных стран «строгого соблюдения шариата в политической, моральной и культурной сферах», при этом, получая деньги за свою деятельность из-за рубежа [4].

Безусловным лидером по продвижению политики «петроислама» всегда была Саудовская Аравия (КСА). Оценки расходов королевства на религиозные цели за рубежом включают «свыше 100 миллиардов долларов США». Саудовская Аравия тратила на культурную экспансию своих интересов в мире от 2 до 3 миллиардов долларов в год, начиная с 1975 г., и «не менее 87 миллиардов долларов» она потратила на эти цели в период с 1987 по 2007 гг. [9]. Финансирование этих нужд поступало от правительства Саудовской Аравии, государственных фондов, частных источников.

По данным Всемирного банка, Саудовская Аравия, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты оказывали официальную помощь в целях развития (ОПР) бедным странам, в среднем в 1,5 % от их валового национального дохода (ВНД) в период с 1973 по 2008 гг., что примерно в 5 раз превышает среднюю помощь, оказанную государствами- членами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), такими, как США [6]. С 1975 по 2005 гг. правительство КСА пожертвовало 49 миллиардов фунтов стерлингов в виде помощи (самый большой показатель на душу населения среди стран-доноров), и эта помощь была предназначена, прежде всего, для мусульманских стран и регионов. В 2006 г. Саудовская Аравия сделала свой первый взнос в немусульманскую страну – Камбоджу (в том силе и для поддержки в этой стране мусульманского меньшинства из народа чам, сильнее всего пострадавшего от режима «Красных кхмеров» в 1975–1978 гг.) [1]. Помощь от КСА Южной и Юго-Восточной Азии была настолько велика и значима, что главная мечеть Пакистана была названа в честь третьего короля Саудовской Аравии Фейсала.

Необходимо отметить, что культурная экспансия проходила не только вложениями в инфраструктуру, но и "словом". Министерство по делам религии Саудовской Аравии напечатало и распространило по миру сотни миллионов текстов Священного Корана бесплатно. Также активно распространялись и другие доктринальные тексты, которые соответствовали ваххабитской интерпретации ислама. Сегодня эту литературу можно найти почти во многих мечетях мира: в африканских странах, в Индонезии, в Европе [4]. Трудно посчитать, сколько саудовские религиозные институты подготовили учёных и имамов, задачей которых было призывать мусульман возродить ваххабитский ислам и распространять ортодоксальные ценности по всему миру. По мнению исследователя Дэвида Комминса, речь идёт о 250 тыс. человек [2].

В период с 1975 по 2020 г., в мире было построено более 2 тыс. мечетей, несколько сотен исламских культурных центров, как полноценных комплексов со своей собственной инфраструктурой, и огромное множество мусалл, оплаченных государственными фондами Саудовской Аравии. Всемирная мусульманская лига, со штаб-квартирой в Саудовской Аравии, играла новаторскую роль в поддержке исламских ассоциаций,

мечетей и инвестиционных планов на будущее «во всех районах мира, где жили мусульмане» [8].

Финансируемые Саудовской Аравией мечети чаще всего не соответствовали местным исламским архитектурным традициям: они строились в строгом и едином ваххабитском стиле, где в декоре используется мрамор и неоновое освещение. Одним из самых знаменитых скандалов, связанных с этой проблемой, было восстановление Великой мечети Сараево Гази Хусрев-бек, которая была сильно повреждена во время Боснийской войны (1992–1996 гг.). После реставрации, проведённой Саудовской Аравией, мечеть была лишена декоративной османской плитки и расписных настенных украшений, к неодобрению местных мусульман [7].

Из вышеупомянутых 2 тыс. мечетей приблизительно каждая десятая была построена в Западной Европе. Постройка мечетей порой происходила там, где мусульманская община, если и нуждалась в ней, то точно не в таких масштабах – примером чего могут служить Великобритания и Британское Содружество. Саудовская Аравия оплатила почти все мечети, что были построены на территории Содружества за последние 50 лет.

Главными конкурентами Саудовской Аравии в вопросах культурной экспансии и распространения ценностей, были ОАЭ, Катар и Иран. В силу разного рода обстоятельств, именно Катар сумел с самого начала Арабской весны понять настроения, которые царят в Исламском мире, и разложить свои религиозные активы по разным портфелям. Он поддержал движение «Братьев-мусульман» в регионах Ближнего Востока и Северной Африки (Египет, Ливия, Тунис, Сектор Газа и т. д.), оказал поддержку концепции «Евроислама» (в Западной Европе) и, одновременно с этим, являлся одним из спонсоров ИГИЛ.

В исследовании французского журналиста Джорджа Мальбруно «Катарское досье: как государство финансирует ислам во Франции и Европе» приводятся документальные доказательства культурной политики Катара. В общей сложности, 140 проектов в Европе, в основном мечети и исламские центры, были напрямую профинансированы Катаром в период с 2008 по 2016 гг. В зону интересов катарской культурной экспансии попали государства Северной Европы, Бенилюкса, Великобритания и Франция. На острове Джерси Катар построил мечеть, хотя мусульманская община острова очень мала. Катар спонсировал строительство мусульманского культурного комплекса Лозанны, Музея исламской цивилизации в Ла-Шо-де-Фон в кантоне Невшатель и мечети Салахадина в Бьене (кантон Берн), а также Центр Исламской цивилизации им. Хамад бин Халифа Аль Тани в Копенгагене.

Из того же исследования следует, что Катар активно поддерживает движение «Братьев-мусульман» и их адаптированную для Европы идеологию «Евроислама». «Фонд Катара платит Тарику Рамадану ежемесячный оклад в размере 35 000 евро» [3]. Влияние Катара во Франции со временем стало настолько велико, что в адрес президента Э. Макрона посыпалась критика о чрезмерно близких связях со страной, обвиняемой в поддержке терроризма.

С середины 2017 г. Катар находится в изоляции – 5 июня Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Египет разорвали дипломатические отношения с Катаром, обвинив его в пропаганде экстремистской идеологии. Проблемой культурной экспансии Катара озаботились и в самой Европе. Вышеупомянутый Джордж Мальбруно в своём интервью говорит следующее: «В некоторых случаях Катар шёл на уступки требованиям, но в других он пытался сыграть двойную игру, например, закрыть лондонскую штаб-квартиру Катарского Фонда, а затем вновь открыть, произведя ребрендинг, назвав его Nectar Trust. Он просто исключил слово «Катар» из своего названия» [5].

Таким образом, можно заключить, что экспансионная культурная политика стран Персидского залива стремительно меняется и подстраивается под столь же быстро меняющиеся реалии этих государств и всего мира.

Список использованных источников

1. *Barton J.* Saudis donate aid to non-Muslims. – URL: https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/saudiarabia/1514026/Saudis-donate-aid-to-non- Muslims.html (дата обращения: 01.11.2021).
2. *Commins D.* The Wahhabi Mission and Saudi Arabia. I. B. Tauris. 2006. P. 292.
3. *Chesnot C., Malbrunot G.* Qatar Papers: How Doha finances the Muslim Brotherhood in Europe. Averroes & Cie. 2020.
4. *Kepel G.* Jihad: The Trail of Political Islam. Cambridge: Harvard University Press. 2002. P. 454.
5. *Moubayed S.* How Qatar funds Muslim Brotherhood expansion in Europe // Gulfnews. – URL: https://gulfnews.com/world/gulf/qatar/how-qatar-funds-muslim-brotherhood-expansion-in-europe- 1.63386835 (дата обращения: 01.11.2021).
6. Regulation of Foreign Aid: Saudi Arabia // Law Library of Congress. – URL: https://www.loc.gov/law/help/foreign-aid/saudiarabia.php (дата обращения: 01.11.2021).
7. *Schwartz S.* The Arab Betrayal of Balkan Islam. Middle East Quarterly. Spring 2002. P. 43-52.
8. *Thaler D.* Middle East: Cradle of the Muslim World. Chapter One. The Muslim World After 9/11. Rand Corporation. 2004. P. 69-146.
9. *Vallely P.* Wahhabism: A deadly scripture // Independent. – URL: https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/wahhabism-a-deadly-scripture-398516.html (дата обращения: 01.11.2021).

Статья представлена научным руководителем доктором политических наук, профессором кафедры периодической печати «Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ Г. С. Мельником.

Биктимирова Регина Ришатовна – магистрант, «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», reginabik98@gmail.com

УДК 141.201

С. В. Бусов

ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

S. Busov

VALUES AND MEANINGS OF HUMAN EXISTENCE: A SYNERGETIC APPROACH

Социальный прогресс может рассматриваться как усложнение порядка в процессе самоорганизации. С началом функционирования идеалов в истории общества начинается глобальный этап, который определен движением к суператтрактору благодаря действию суперотбора. Влияние человека на вектор эволюционного процесса сводится к осознанному воздействию на формирование социальной нормы. Идеал определяет ценность как ценность, если она удовлетворяет потребность, что способствует сохранению социальной нормы. Ценностная природа человека неразрывно связана с реализацией смысла человеческой жизни и смысла мировой истории. Жизнь человека может потерять смысл, если создание новых ценностей будет невозможно как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, когда речь идет о суператтракторе.

Ключевые слова: самоорганизация, бифуркация, идеал, норма, ценность, суперотбор, суператтрактор.

Social progress can be considered as a complication of the order in the process of self-organization. With the beginning of the functioning of ideals in the history of society, a global stage begins, which is determined by the movement towards the super-attractor due to the action of super-selection. The

human influence on the vector of the evolutionary process is reduced to a conscious impact on the formation of a social norm. An ideal defines a value as a value if it satisfies a need, which contributes to the preservation of a social norm. The value nature of man is inextricably linked with the realization of the meaning of human life and the meaning of world history. A person's life can lose its meaning if the creation of new values is impossible both in the short and long term, when it comes to a super-attractor.

Keywords: self-organization, bifurcation, measure, ideal, norm, value, super-selection, super-attractor.

История общества – это процесс самоорганизации, представляющий собой последовательную смену социального порядка и хаоса, их чередование, обусловленное бифуркацией (революцией, смутой, войной, пандемией и пр.), т. е. закономерной ситуацией или моментом образования множества возможностей (вариантов структур) дальнейшей эволюции общества. Порядок и хаос присущи всему, они есть и в космической, и в биологической, и в социальной реальности; это объективные состояния, которые носят предельно общий характер и эквивалентны философским категориям.

Хаос предстает как бифуркационный процесс, количественная характеристика которого сводится к множеству эволюционных возможностей; в реальном времени это непосредственно выражено автоколебаниями порядка и хаоса, или, как указывают авторы «Синергетической философии истории», «балансированием (системы. – С. Б.) между простыми и странными локальными аттракторами» [1, с. 17, 24]. Модели, исследующие эволюцию открытых систем, дают бифуркационную картину возможностей развития, как минимум, в двух направлениях: усложнение и упрощение, прогресс и регресс. При этом прогресс может рассматриваться как усложнение порядка в процессе самоорганизации. Следуя тезису, сводящему хаос к бифуркационному процессу, количественная мера которого соответствует числу возможных исходов, можно заключить, что влияние человека на вектор эволюционного процесса осуществимо лишь при осознанном воздействии на формирование социальной нормы. Понятие нормы служит выражением меры социального порядка в виде регулярности воспроизводства характеристик устойчивости системы, ограничивающих и направляющий хаос микроуровня в соответствии с потребностями социума. Говоря об истории общества, можно предположить, что локальные идеалы способны повлиять на формирование социальной нормы. С началом функционирования идеалов в истории общества начинается глобальный этап, который не может быть зафиксирован post factum, поскольку всегда как бы «уносится в будущее»; он умозрительно определен нами как суператтрактор [1, с. 24–31] – «потолок сложности» социальной формы существования материи. Его особенность в том, что если все предшествовавшие ему «глобальные аттракторы» (возникновение химической формы движения, биологической формы движения – жизни или возникновение человека) превратились благодаря эволюции Универсума в «локальные», то он так и остается «глобальным». В соответствии с идеологией «школы В. П. Бранского» выше и дальше него в мире уже ничего нет. Следовательно, суператтрактор за конечный период времени в принципе недостижим. К нему, выражаясь математически, можно асимптотически приближаться, не достигая его. Бесконечность движения к суператтрактору обусловлена его зависимостью от преобразовательной деятельности субъекта, руководствующегося глобальным интерсубъективным идеалом (глобальной целью), наполняющим человеческую жизнь смыслом и придающим смысл всей мировой истории.

В середине прошлого века на смену классических теорий развития (Гегель, Маркс, Спенсер и др.) пришел универсальный эволюционизм. Его новизна состояла в том, что он соединил системный подход с идеей отбора, в результате чего отбор приобрел универсальный характер как «движущая сила» развития не только биологических, но также и социальных систем (марксизм, А. Тойнби, Н. Н. Моисеев). Применительно к развитию общества это привело к выводу о постепенном приближении человечества к такой глобальной организации, при которой вся деятельность ее членов будет протекать по строго рациональным законам в условиях господства «коллективного разума» (В. И.

Вернадский, Н. Н. Моисеев) во всех общественных и личных делах. Возникла концепция «ноосферного мышления», подразумевающая рациональную глобализацию социальной жизни. Над этими проблемами размышлял академик В. И. Вернадский, о ней говорили Ле Руа и Тейяр де Шарден. Однако после возникновения общенаучной теории самоорганизации (И. Пригожин, Г. Хакен, С. П. Курдюмов и др.) обнаружилась трудность, с которой столкнулся универсальный эволюционизм. По мнению В. П. Бранского, эта теория ограничивается понятием отбора в качестве универсальной «движущей силы» развития, избегая понятия суперотбора, который является важнейшей предпосылкой суператтрактора. Речь о том, что коль скоро приверженцами универсального эволюционизма ноосфера признается глобальным аттрактором, то простой отбор никак не может быть его предпосылкой и движущей силой к нему. Суперотбор – вот фундаментальный механизм эволюции, обеспечивающий ее творческий характер и направленность. Он включает в себя обобщенные и универсальные признаки всех, как действующих, так и возможных, форм отбора в виде своих предпосылок; его можно интерпретировать как отбор самих факторов отбора. «Ноосферное мышление» преувеличивает значение ноосферы, принижая роль хаоса, обладающего громадным «творческим потенциалом». В отличие от В. И. Вернадского, в концепции которого, «легко прослеживается идея управляемого развития», Н. Н. Моисеев настаивает на мысли, что «общество должно оказаться способным согласовывать свои потребности с возможностями биосферы. А это уже, по существу, концепция направляемого развития» [2, с. 193]. Правда, встает вопрос, как интерпретировать «Разум»: только как порядок или более широко – как процесс роста синтеза порядка и хаоса? Здесь следует провести различие между «ноосферным мышлением» и «эстетосферным мышлением» (В. П. Бранский), которое опирается на синтез философии науки и философии искусства – гармоническое единство ответственности и свободы. Понятие эстетосферы (социальной структуры, где все стороны жизни подчинены эстетическим требованиям), уже содержит в себе понятие ноосферы. «Специфика суператтрактора состоит в синтезе ноосферы и эстетосферы. Условием такого синтеза является формирование и реализация абсолютного (общечеловеческого) идеала, ибо в абсолютном идеале пропадает различие между утилитарными (экономическими и политическими) и духовными (этическими, эстетическими и мировоззренческими) идеалами, другими словами, между “полезностью” и “выразительностью” (“пользой” и “красотой”)» [1, с. 29]. В концепции тринитаризма Р. Г. Баранцева также содержится критика «ноосферного мышления» в смысле опасного доминирования рациональности. Баланс трех составляющих семантической компоненты духовной сферы должен быть, по мнению Р. Г. Баранцева, гармоничен: рацио – эмоцио – интуицио [3, с. 366].

Термин «коллективного разума» фигурирует у академика Н. Н. Моисеева в качестве «рацио», доминирующего в системе социальных коммуникаций. С позиций же школы В. П. Бранского «эмоциональная модель социальной самоорганизации базируется на результатах анализа состояний самоорганизации в рациональных понятиях и их эмоционального отражения на основе закона самоорганизации социальных идеалов. И поскольку этот закон учитывает не только расцвет идеалов, но и их деструкцию, эволюция идеалов (в качестве производной их анализа и синтеза) генерирует позитивные (радость победы в борьбе за утверждение идеала) и негативные (усталость и скуку вследствие безуспешной борьбы или горечь вследствие поражения) эмоции» [4, с. 58]. Принцип роста степени синтеза порядка и хаоса позволяет отследить тенденцию перехода от простого отбора ценностных ориентиров к их суперотбору, способствующему конденсации общечеловеческого содержания интерсубъективных идеалов, нацеливанию человечества на все более высокие цели, формированию все более достойных Ответов на Вызовы, поскольку история ставит и будет ставить все более трудноразрешимые задачи. Суперотбор связан с «извлечением человечеством уроков из истории»; он может также определяться как сознательное «обучение на собственных ошибках». В отличие от простого отбора суперотбор, обеспечивая приближение к суператтрактору, при этом не только определяет

творческий аспект простого отбора, но и формирует новый набор возможностей, восходит к новому уровню соотношения порядка и хаоса.

И. Кант в свое время называл человека «моральным животным», а мотивом его поведения в аспекте свободы считал идеал, а результатом его реализации – появление ценности или культуры в том ее понимании, которое заключает сущностное отличие человека от животного. Это вполне современное представление о культуре, а именно, как о процессе производства, распределения, обмена и потребления ценностей. В. П. Бранский определяет «ценность» в виде материального воплощения «прагматического аспекта некоторого идеала» [5, с. 38]. Идеал и по форме, и по содержанию являет собой знание, соответствующее желаниям человека, что отличает его от истины. Для формирования идеала необходимо множество предпосылок духовного, организационного, материального и экзистенциального характера. Исторический опыт учит нас не доверять идеалам, которые расходятся с истиной. Поэтому чтобы придать идеалу общезначимый характер, он должен сочетаться с истиной. Общезначимый идеал способен объединить людей для создания ценностей, удовлетворяющих человеческие потребности, необходимые для нормальной жизнедеятельности. Идеал определяет ценность как ценность, если она удовлетворяет потребность. Меняются потребности, меняются и нормы. В конечном итоге побеждают те идеалы, которые соответствуют закону возрастания потребностей людей, а в далекой перспективе соответствуют принципу роста степени синтеза хаоса и порядка в социуме. Побеждают идеалы, несущие в себе оправданные надежды на «светлое будущее», где хаос менее разрушителен, а порядок менее консервативен.

История наполнена борьбой идеалов. Эта борьба придает жизни смысл, но также и наполняет ее насилием и страхом. Все идеалы неизбежно терпят крах, и несмотря на это, служение им требует жертв, поскольку в отличие от научных истин, служение идеалу сопровождается верой и жертвоприношением. Возникает конкуренция жертвоприношений во имя торжества идеалов. Идеологический бум, чреватый острым дефицитом утилитарных ценностей, завершается бунтом, переходом к потребительскому обществу, для которого характерны безыдейность, отрицание идеологии. Таково состояние многих стран и народов после войн и революций. Это было характерно и для России после распада СССР. Наоборот, эпоха безыдейности неизбежно сменится эпохой, где идеология (какой бы карикатурный вид она не приняла) вновь займет господствующее положение.

Мы представили еще один подход к проблеме смысла жизни – «синергетический». Он выражается в служении идеалу, а нередко и глобальному идеалу. Таким идеалом может быть «Бог», «Прогресс», «Разум», наконец, «Суператтрактор». Однако если бы мы не определили идеал в качестве критерия (стандарта) ценности, то вряд ли смогли бы связать смысл жизни с культурными ценностями. Так, ценностная природа (сущность) человека оказывается неразрывно связанной с ценностным содержанием смысла человеческой жизни, смысла мировой истории, а именно, через идеал, через служение ему посредством веры и жертвоприношений.

Список использованных источников

1. Синергетическая философия истории / под ред. В. П. Бранского и С. Д. Пожарского. Рязань: «Копи-Принт», 2009. 314 с.

2. *Моисеев Н. Н.* Судьба цивилизации. Путь Разума. Москва : Языки русской культуры, 2000. 224 с.

3. *Баранцев Р. Г.* История семиодинамики: документы, беседы, комментарии. Москва, Ижевск: R&C dinamics, 2006. 377 с.

4. *Бранский В. П., Пожарский С. Д., Микайлова И. Г., Бусов С. В., Зобова М. Р.* Глобальное развитие человечества с позиций синергетической философии истории // Вопросы философии. 2017. №5. С. 55–65.

5. *Бранский В. П.* Философский анализ проблемы ценностей//Синергетическая теория ценностей / Под ред. В. П. Бранского и С. Д. Пожарского. Санкт-Петербург : Л ЕМА, 2012. 168 с.

Бусов Сергей Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, swbusoff@mail.ru

УДК 091

А. Ю. Вязьмин

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФРАГМЕНТА ГЕРАКЛИТА 102 DK

A. Vyazmin

INTERPRETATION ON HERACLITUS' FRAGMENT 102 DK

Афоризмы Гераклита являются общечеловеческим культурным достоянием: многие его высказывания стали пословицами у разных народов. Использование афоризмов Гераклита в журналистской, писательской, ораторской или пропагандистской деятельности может быть инструментом влияния на сознание человека. Ряд фрагментов в ошибочном толковании могут существенно исказить образ Гераклита, превратив его в человека, цинично оправдывающего насилие, которое имеет место в мире. Интерпретация фрагмента 102 DK как оправдания «обожествленной» власти, отождествляющей проявление своей воли со справедливостью, ошибочна. Правильная интерпретация показывает, что данный фрагмент следует отнести к афоризмам о познании.

Ключевые слова: античная философия, досократики, этика, справедливость, познание, божественное.

Heraclitus' aphorisms of are a universal cultural heritage: many of his statements have become proverbs among different peoples. Using of Heraclitus' aphorisms in journalistic, writing, oratory or propaganda activities can be an instrument of influence on person's consciousness. A number of fragments in an erroneous interpretation can significantly distort the image of Heraclitus, turning him into a man cynically justifying the violence in the world. The interpretation of fragment 102 DK as the setting of a "deified" authority that identifies the manifestation of its will with justice is a mistake. A correct interpretation shows that this fragment should be attributed to aphorisms about knowledge.

Keywords: ancient philosophy, pre-Socratics, ethics, justice, knowledge, the divine.

Собранные, пронумерованные и переведённые на немецкий язык в 1903 г. Германом Дильсом фрагменты древнегреческого философа Гераклита Эфесского представляют собой цитаты разных античных авторов из не дошедшей до современного читателя его книги «Логос, или о природе», скорее всего, неструктурированного сочинения афористического характера. К фрагментам книги также примыкают и устные высказывания Гераклита, сохранившиеся в народной молве, тоже в виде афоризмов. Интерпретация этих афоризмов далеко не всегда очевидна, как это кажется с первого взгляда, хотя бы потому, что мысль Гераклита принадлежит другой, достаточно отдалённой от современности эпохе, которая может быть охарактеризована как самое начало становления философской терминологии, ещё не содержащей отвлечённых понятий и оперирующей образами и метафорами. Именно в этом заключена первоначальная трудность интерпретации: в языке Гераклита ещё отсутствуют такие привычные для древнегреческой классики абстракции как «становление» (γένεσις), «движение» (κίνησις), «покой» (στάσις), или «диалектика» (διαλεκτική), которые можно встретить в более позднее время в текстах Платона или Аристотеля. Так, например, в самом известном, не принадлежащем книге устном афоризме Гераклита «всё течёт и ничто не остаётся на месте» (πάντα ρεῖ [χωρεῖ] καὶ οὐδὲν μένει) используется образная лексика: «течёт» (ρεῖ [χωρεῖ]), а не «движется» (κίνει), «ожидает» (μένει), а не «покоится» (ἵστησι).

Трудности интерпретации заключается также и в том, что в распоряжении исследователя оказываются именно фрагменты, а не целостный текст книги. При таком положении дел всякая попытка поиска взаимных коннотаций этих фрагментов опирается на гипотетический образ целостности мысли Гераклита, нашедшей отражение в утраченной книге. В свою очередь ситуация, когда целостный образ философа выявляется только в процессе толкования, оставляет внутренний герменевтический круг без фундированности и предполагает множество начальных точек вхождения в процесс интерпретации.

Афоризмы Гераклита являются общечеловеческим культурным достоянием: многие его высказывания стали пословицами у разных народов. Использование афоризмов Гераклита в журналистской, писательской, ораторской или пропагандистской деятельности может быть инструментом влияния на сознание человека. В этой связи важна правильная интерпретация каждого такого высказывания, поскольку ряд фрагментов в ошибочном толковании могут существенно исказить образ Гераклита, превратив его в человека, цинично оправдывающего насилие, которое имеет место в мире.

Исследуемый фрагмент 102 DK в русском переводе, сделанном с оглядкой на немецкий перевод Дильса, звучит так: «Для бога всё прекрасно и справедливо, люди же одно признали несправедливым, другое – справедливым» (τῷ μὲν θεῷ καλὰ πάντα καὶ ἀγαθὰ καὶ δίκαια, ἄνθρωποι δὲ ἃ μὲν ἄδικα ὑπειλήφασιν ἃ δὲ δίκαια) [4, с. 241]. В качестве цитаты фрагмент встречается у неоплатоника Порфирия, который в схолиях на «Илиаду» Гомера при помощи Гераклита комментирует природу божественного.

Примером неправильного толкования данного фрагмента является пресуппозиция, возникающая из предположения, что в афоризме Гераклита скрыто какое-то политическое или правовое учение, и что это высказывание необходимо понимать как рассуждение о справедливости в обществе, наподобие рассуждений из первой книги «Государства» Платона.

Вспомним, что Платон в этой книге диалога знакомит читателя с полемикой между Сократом и софистом Фрасимахом – вопрос об определении справедливости (δικαιοσύνη). Фрасимах, пользуясь тем, что слово δίκαιος в древнегреческом языке многозначно и может означать как «справедливый», так и «пригодный», даёт справедливости софистически «удобное» определение [3, с. 98]. Согласно Фрасимаху, справедливость – «это то, что пригодно сильнейшему». Такое определение имеет далеко идущие последствия как для этической, так и для политической и правовой сфер общества, поскольку позволяет каждому человеку, обладающему силой и влиянием на других, занять удобную для него позицию и выдавать любую несправедливость за справедливость.

Если принять такой ход размышлений, то легко отождествить «сильнейшего» из несправедливого государства Фрасимаха с богом, о котором Гераклит упоминает в данном фрагменте. Лёгкость отождествления проистекает прежде всего из-за того, что позиция Фрасимаха, чьи рассуждения ярко и зажигательно описаны Платоном, притягательна для любого человека, поскольку всякий, у кого есть желания, стремится с минимальными усилиями сделать свою гетерономную волю свободной и довлеющей. Другие причины скоропалительного ошибочного отождествления могут заключаться в припоминании того, что образ античного бога антропоморфен, и что власть в Античности всегда старалась себя обожествить.

«Подкрепляющим» обстоятельством такой ошибочной герменевтики оказывается то, что в тексте книги Гераклита на самом деле есть фрагменты (например, 43 DK, 44 DK), из которых можно сделать выводы о его этических, политических и правовых взглядах [2, с. 30–38]. Гераклит, по всей вероятности, был сторонником монархического государства, во главе которого должен стоять мудрый правитель.

Известно (если верить Диогену Лаэртскому), что Гераклит был противником как власти толпы, так и тиранического своеволия. В этой связи загадочен и интересен фрагмент 33 DK, где Гераклит пишет: «Закон именно в том, чтобы повиноваться воле одного» (νόμος καὶ βουλῇ πείθεσθαι ἑνός) [4, с. 247], однако поскольку в самом фрагменте не уточняется значение слова «закон», то афоризм вполне можно толковать онтологически, и не соотносить с политическим или правовым контекстом. Хотя не исключено, что Гераклит здесь намеренно говорит двояко и двусмысленно.

В самом деле, следует ли фрагмент 102 DK относить к группе высказываний об обществе и его нравах? Является ли мудрый правитель Гераклита тем самым «обожествлённым» человеком, который отождествляет проявление своей собственной воли со справедливостью?

Герменевтический анализ показывает, что исследуемое высказывание Гераклита принадлежит к группе афоризмов, посвященных познанию и поиску правильного взгляда на положение дел. Ключом к такой интерпретации является наличие противопоставления природы божественного и человеческого, в данном случае божественного и человеческого отношения к миру и сущему. Следует отметить, что для Гераклита, как это считается большинством исследователей, «подлинный и истинный взгляд на πάντα («всё» – *А. В.*) и ἕν («единое» – *А. В.*) – взгляд божественный, неподлинный же и недостоверный – взгляд человеческий» [5, с. 61].

«Божественное» Гераклита не имеет ничего общего с антропоморфным богом античной политеистической мифологии. «Бог» для Гераклита – это прежде всего образ, в котором соединяются противоположности, образ полного единства бытия. Божественный взгляд на вещи – взгляд отрешённой мудрости, могущий созерцать «сопряжения: целое и нецелое, сходящееся расходящееся, созвучное несозвучное, из всего – одно, из одного – всё» (συλλάψιες ὅλα καὶ οὐχ ὅλα, συμφερόμενον διαφερόμενον, συνᾷδον διᾷδον, καὶ ἐκ πάντων ἓν καὶ ἐξ ἑνὸς πάντα,10 DK) [4, с. 198–199]. Гераклит также в другом фрагменте пишет: «Одно единственное Мудрое [существо] называться не желает и желает именем Зевса» (ἓν τὸ σοφὸν μοῦνον λέγεσθαι οὐκ ἐθέλει καὶ ἐθέλει Ζηνὸς ὄνομα, 32 DK) [4, с. 239].

Таким образом, необходимо признать, что смысл данного афоризма заключается в следующем: чтобы понимать справедливое и несправедливое в человеческом обществе непредвзято, т. е. так, как оно есть на самом деле, необходимо отрешиться от каждой из обеих противоположностей в их данности человеку, но рассмотреть их в едином взгляде «божественного», в том онтологическом истоке, который задаёт порядок всему существующему и который сам по себе есть высшая справедливость и благо.

Список использованных источников

1. *Кессиди Ф. Х.* Гераклит. Москва : Мысль, 1982.

2. *Львов А. В.* Образ идеального гражданина в учении Гераклита. / Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». № 2 (38). Москва : Издательство МГПУ, 2020. С. 30–38.

3. *Платон.* Собр. сочинений в 4 т. Т. 3. / под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. Москва : Мысль, 1994.

4. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. / под ред. А. В. Лебедева. Москва : Наука, 1989.

5. *Хайдеггер М. Финк, Е.* Гераклит. / перев. с нем. А. В. Шурбелева. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2010.

Вязьмин Алексей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, isvaradesa@yandex.ru

УДК 502.3 + 502.5

Т. Р. Галиева, П. А. Чижик

ЭКОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО: АНАЛИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ И ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

T. Galieva, P. Chizhik

ECOLOGY AND SOCIETY: THE ANALYSIS OF ENVIRONMENTAL PROBLEMS AND THE IMPACT ON THE QUALITY OF THE POPULATION'S LIFE (ON THE EXAMPLE OF THE LENINGRAD REGION)

В статье рассматриваются основные характеристики экологического состояния конкретного региона. Представлен экологический анализ (на примере Ленинградской области). Продемонстрирована взаимосвязь между такими важным экологическими характеристиками как загрязнение, радиация, вырубка лесов и деятельностью человека, которая влияет на развитие природопользования.

Ключевые слова: экология, Ленинградская область, загрязнение, радиация, вырубка лесов, природопользование.

The article discusses the general characteristics of ecological state for a special region. The ecological analysis (on the example of the Leningrad region) is given. The relationships between the most important environmental features such as pollution, radiation, deforestation and human activity that impact on the development of nature management are represented.

Keywords: ecology, the Leningrad region, pollution, radiation, deforestation, nature management.

Humanity and the earth's surface constantly and comprehensively affect each other. Environmental aspects affect the development of economic activities, the placement of buildings and residential premises, and this also affects the placement and migration of human settlements. To identify the relationships between the ecological state and various spheres of human activity the analysis of environmental problems and the impact on the quality of the population's life should be conducted.

For this purpose, it worth concerning the special region (the Leningrad region) with complex ecological issues to conduct the analysis.

Saint Petersburg and the Leningrad region are one of the most industrially developedregions in Russia, where various types of environmental problems are quite common. In general, the territory of the region cannot be called environmentally unfavorable. Positive environmental aspects clearly prevail over negative ones, but there are still problems to discuss in more detail.

Firstly, it is worth considering to review the ecological problems with the pollutions of rivers and reservoirs.

Pollution of rivers and reservoirs are one of the main and most dangerous problems in the region. The quality of water in the Leningrad region in the largest rivers and tributaries is constantly changing in the range of 2–4 classes or from slightly polluted to dirty, respectively. The most common water class is the third, which is quite an adverse factor (the wateris polluted or very polluted). Water pollution categories according to water quality class are shown in Table 1.

Table 1

The classification of surface water contamination [1]

Water Quality Class	Category	Degree of Water Contamination
1	–	relatively clean
2	–	slightly polluted
3	Category A and B	polluted/very polluted
4	Category A, B, C, D.	dirty/very dirty
5	–	extremely dirty

Classes 4 and 5 have not been identified within the Leningrad Region. Class 3 occurs in rivers such as the Neva, the Svir, the Luga, the Narva, the Sya, and the Vuoksa. The increased level of pollution is focused in the agglomeration of Saint Petersburg. The sanitary and bacteriological situation requires enhanced measures to clean reservoirs. The most favorable environmental situation on the Ladoga Lake. The waters of the lakecan be considered class 1–2, that is, clean or slightly polluted.

The reasons for this problem are described below:

1) the huge burden on the sphere of natural resources management: construction, mining, tourism and recreation;

2) high population density;

3) the large number of industrial facilities on the territory.

Secondly, it worth mentioning the main environmental problem in this region – radiation. The problem of radiation in the Leningrad region is often associated with increasedconcentrations of radon.

Radon is the gas that is formed during the radioactive decay of rocks containing uranium. Radon is almost 8 times heavier than air, which is why it does not accumulate on the surface. The gas is dangerous for the population, because it is radiotoxic and carcinogenic, it can cause severe harm to the human body. The dangeris usually greater due to the concentration of gas in residential and work areas.

The content of uranium in the rocks is typical for granite, whose production is widely developed in the North of the region: in Vyborg and Vyborg district, Priozersk district. It is also distinguished from building materials (granite rubble, tufa facing granite slabs) [5].

On the territory of Saint Petersburg in the Krasnoselsky and Pushkinsky districts, Ordovician shales containing uranium also reach shallow depths fromthe surface. Radon intake can occur together with water and air.

Separately, it is necessary to mention that the Duderhof heights, where dictionem shale is everywhere exposed or covered with soil are not an obstacle to radon.

According to the level of danger, the territory of the region is divided into three classes: dangerous, moderate-dangerous and safe. For a dangerous class, the risk levelis very high, and risk management measures are necessary. There are certain measures to reduce the concentration of radon in the premises: depressurization, improvement of room ventilation, installation of ventilation systems with positive pressure.

Also, the problem of radiation is often associated with the Leningrad nuclear power plant. The NPP uses the same types of reactors that were used at the Chernobyl nuclear power plant. In this regard, there are certain concerns in this regard.

Nevertheless, constant monitoring shows that the radiation background of the NPP iswithin the normal range and there were no abnormal changes.

The mechanism of radon penetration into living quarters is as follows: from rocks through cracks, radon penetrates into the soil. Then, particles of radiation substances enter water wells, the water from which flows into the water pipes of residential buildings. Accordingly, such water with particles of toxic substances enters through the water into almost all spheres of human life.

Thirdly, deforestation is considered to be the main ecological problem in the region.

It should be noted that the territory of the Leningrad region is mostly occupied by forests. However, thetrend of forest conservation is rather disappointing. Indigenous

forests have been preserved locally. For the most part, small-leaved species grow on the territories: birch, alder.

The reason for this state of forests in the region is the mass harvesting and import of business wood. It can be found throughout the taiga; hundreds of hectares of valuable breeds disappear every year. For example, according to the accounting chamber (2013), recently taiga forests in Lomonosov, Vsevolozhsk and Priozersk districts have decreased by 87 % [2].

The main difficulty in regulating the relationship between humanity and nature is the socio-economic aspect. It is extremely difficult to find a suitable balance of environmental management. When the emphasis is on nature conservation, the economic performance of the region suffers. The same is true for the opposite effect.

Social society and nature are inextricably linked with each other. Nature management is a social and industrial activity aimed at satisfying the materialand cultural needs of society through the use of various types of natural resources andnatural conditions. It's important to follow the rules of environmental management, which regulates the relationship between the social and the natural.

Environmental management is always accompanied by an economic aspect. There are 3 paradigms of Environmental Economics [6]:

1) the first one is based on the idea that the best use of natural resources is minimal.

2) the second is based on the optimal use of natural resources.

3) the third is based on maximizing the use of natural resources to improve human well-being.

There are usually three main types of nature management to discussed.

For example, the aforementioned river pollution and deforestation are the subject to the first law of environmental management. There are several ways to solve any problem in order to improve the general condition of mankind, such as the transition to alternative energy sources, timely aeration of land, the introduction of a law to limit deforestation and river pollution, which makes it possible to replace losses from wood imports and dumping waste into rivers in new safe ways.

The radiation problem can be regulated by the second law of environmental management. The only way to maintain the balance of the relationship between natural factors and humans is to limit construction as much as possible in places where radon accumulates. This environmental factor is one of the few created naturally, without the introduction of human activity.

Therefore, the isolation from harmful areas is the most optimal way to follow the laws of nature management.

According to the above, it should be noted that, the region presented has high rates of striving to achieve a balance in the relationship between nature and man. And at the moment, the main task of society is to transit from conservative methods of nature management to new alternative ones.

Список использованных источников

1. *Chizhik, P. A.* Geomorphological analysis of a region: A case study of Leningradskaya Olast' // SPBSU. 2019. P. 16–19.

2. *Gorelov, A.* Social ecology // Flinta. – 2018. P. 10–12.

3. *Islam, M. S.* Sustainability through the Lens of Environmental Sociology // MDPI. 2018. P. 12–29.

4. *Jackson, J.* Environment and Society // RCC Perspectives Transformations in Environment and Society. 2019. P. 12–20.

5. *Lebedev, S. V.* The Dudergofsky heights, highly radioactive geological bodies and environmental risk // Herzen University. 2018. P. 34.

6. *Oreshkina, T. A.* Social ecology // Ural Federal University. 2018. P. 26–41.

7. *Zalunin, V. I.* Social ecology // Urait. 2019. P. 40–46.

Галиева Татьяна Ринатовна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, gtanyar@mail.ru

Чижик Полина Андреевна – магистрант 1-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, p.chizhik@spbu.ru

УДК 433.91

А. Б. Гехт, А. В. Неровный

ШПИЦБЕРГЕН: БОЛЬШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ МАЛЕНЬКОГО АРХИПЕЛАГА

A. Gekht, A. Nerovnyj

SVALBARD: GREAT PROSPECTS FOR A SMALL ARCHIPELAGO

Настоящая статья содержит краткое рассмотрение политического и экономического статуса Шпицбергена – самой северной части Норвегии, но также исторически тесно связанного с Россией пространства. В работе освещаются основные экономические и политические изменения, которые повлияли на эволюцию норвежских политических целей в этой области, а также оказавших влияние на деятельность России в этом стратегическом регионе. Раньше архипелагу Шпицберген уделялось значительное внимание из-за морской охоты и угля. Теперь же в обозримой перспективе начнется юридический спор о ресурсах нефти и газа в акватории островов, и именно поэтому роль Шпицбергена в современных международных отношениях значительно возрастет.

Ключевые слова: Шпицберген, Норвегия, Россия, Арктика, геополитика, международно-правовой статус.

This article contains a brief consideration of political and economic status of the Svalbard – the norsemost part Norway, but also historically closely related to Russia. The article highlights the main economic and political changes that have influenced the development of the Norse goals in this area as well as Russia's activity in this strategic region. Previously it took a significant attention due to sea hunt and coal. Now the juridical argue on oil and gas recourses is coming soon enough and this is why Svalbard's role in modern foreign relations will significally increase.

Keywords: Spitsbergen, Svalbard , Norway, the Arctic region, geopolitics, international law status.

Архипелаг Шпицберген, расположенный в Северном Ледовитом океане (всего - свыше тысячи островов и скал) к северу от Кольского полуострова, где находится стык государственных границ Норвегии и России, уже в силу своего географического положения имеет выраженное стратегическое, геополитическое значение, подкрепляемое экономическими предпосылками. Именно поэтому Шпицберген представляет интерес для государств, заинтересованных в представлении своих интересов в арктическом регионе – в первую очередь, Норвегии и России.

И Россия, и Норвегия имеют давние традиции исследования Арктики. С глубокой древности предки современных норвежцев и русских не раз встречались на различных арктических островах, в том числе и на пустынных просторах архипелага Шпицберген, в эпоху Великих географических открытий нанесённого на карту голландским мореплавателем В. Баренцем в 1596 г. По одной из двух основных гипотез, именно выходцы с русского севера, поморы, в XI–XII вв. открыли этот архипелаг. По

другой гипотезе его первопроходцами в примерно тот же период стали предки современных норвежцев [1].

Многочисленные письменные свидетельства длительного присутствия поморов на Шпицбергене подтверждаются результатами археологических раскопок, осуществленных экспедицией Института археологии АН СССР в 1979–1981 гг. Тем не менее, фактическое освоение предками современных россиян этого архипелага не отменяет того обстоятельства, что с юридической точки зрения представители европейских стран сумели раньше и масштабнее обосновать своё присутствие на Шпицбергене. В ходе упоминавшегося плавания В. Баренца на одном из островов был установлен столб с государственным гербом Нидерландов, что знаменовало собой присоединение территории Шпицбергена к этому государству. Вскоре в окрестностях этих арктических островов развернулись так называемые «китовые войны», в ходе которых представители ведущих европейских морских держав (в первую очередь, Нидерландов и Англии) ожесточенно конкурировали друг с другом за право охоты на китов и тюленей, в изобилии водившихся в водах архипелага [1]. Тем не менее, в отличие от русских поморов, имевших на восточных и южных берегах Шпицбергена постоянные зимовья, каких-либо поселений европейцев на архипелаге так и не возникло вплоть до XIX в.

1860-е гг. знаменовали собой рост интереса всех арктических государств к архипелагу Шпицберген. В экономическом плане к традиционным для этого региона рыболовству и китобойному промыслу добавилась перспектива освоения богатейших угольных запасов и других природных ресурсов, обнаруженных на территории этих островов. К примеру, известный шведский ученый и исследователь Н. А. Норденшёльд, совершивший ряд экспедиций на Шпицберген [2], предложил шведскому правительству (в тот период контролировавшему и Норвегию) использовать результаты своих геологических исследований в научных, экономических и национальных интересах государства [3]. Так на пространстве европейских международных отношений возник вопрос о статусе архипелага. В результате интенсивного дипломатического взаимодействия, к 1872 г. Россия и Швеция пришли к решению официально считать Шпицберген «владением, не принадлежащим никакому государству и доступным для всех стран, которые изъявят желание использовать его природные ресурсы», т. е. «ничьей землей» [4]. Примечательно, что российское политическое руководство не считало нужным утвердить свой суверенитет над Шпицбергеном: по широко известному шуточному высказыванию канцлера А. М. Горчакова, законными владельцами архипелага являлись лишь полярные медведи.

С бурным развитием на рубеже XIX–XX вв. промышленности, с вовлечением в этот процесс основного на тот период энергоносителя для производств – угля, стал возрастать интерес российских предпринимателей к его разработке и иной экономической деятельности на архипелаге Шпицберген. В то же время, к этим арктическим островам были обращены взоры и представителей Норвегии, только что обретшей независимость. В результате в 1912 г. к берегам Шпицбергена под руководством В. А. Русанова направилась экспедиция с целью разведки и закрепления за Россией участков с угольными запасами архипелага. Экспедиция установила двадцать восемь заявочных знаков с указанием принадлежности России земельных участков, богатых запасами угля. Вскоре для их разработки было создано «Русское Шпицбергенское Акционерное Общество».[5] Таким образом, вопрос о стабильном и ясном международно-правовом статусе архипелага стал весьма актуальным.

Правительство России сохраняло последовательность в своей правовой позиции и, не претендуя на суверенитет над архипелагом, отстаивало договорную основу экономической деятельности на нем, при равенстве прав заинтересованных государств – т. е. отталкиваясь от положений Соглашения 1872 г. В 1910–1912 гг. и затем в 1914 г. на международных конференциях, состоявшихся также в Христиании (Осло), США и Германия попытались внести в этот российско-шведско-норвежский документ изменения,

направленные на большую интернационализацию режима Шпицбергена. Не достигнув полного согласия, участники конференции сошлись на том, что архипелаг остается изъятым из сферы государственного суверенитета [3]. Из-за начавшейся Первой мировой войны процесс переговоров не был завершен и поиски дипломатического разрешения вопроса о статусе архипелага возобновились лишь через несколько лет.

По инициативе Норвегии на Парижской мирной конференции статус Шпицбергена был вынесен на широкое обсуждение. Примечательно, что готовясь к этому шагу, норвежская сторона заручилась поддержкой Дании: оба королевства были заинтересованы в международном признании своего суверенитета над важными территориями в Арктике, Гренландией и Шпицбергеном соответственно, и могли помочь друг другу в достижении сходных задач. Заручившись поддержкой Дании, в 1920 г. Норвегии удалось добиться согласия великих держав на закрепление своего суверенитета над архипелагом [6].

Международным сообществом признавалось, что архипелаг никогда не может быть использован в военных целях, подробно оговаривались условия хозяйствования, мореплавания, научной деятельности , право пользования радиостанцией на острове и т. п. Во всем этом участники договора имели равные права на архипелаге и в прилегающих к нему водах, норвежцы не имели преимуществ. Норвежские власти обязывались бесплатно предоставлять государствам-участникам и их компаниям земельные и водные участки на острове и в акватории на неограниченный срок, а также официально заявляли, что никакой дискриминации в отношении представителей России не будет. Таким образом, условия договора во многом соответствовали тем принципам, которых придерживались до революции российские дипломаты в отношении Шпицбергена. В то же время, в новом политико-правовом контексте (без официального участия Советской России) был согласован и оформлен в виде договора отличающийся от сложившегося ранее многосторонний правовой режим Шпицбергена, в котором территориальное верховенство Норвегии над архипелагом стало бесспорным.

Естественно, советское правительство согласилось признать суверенитет Норвегии над Шпицбергеном. В «Ноте правительства РСФСР правительству Норвегии о заключении Парижского договора о Шпицбергене» от 12 февраля 1920 г. говорится: «С глубочайшим изумлением узнало Российское Советское Правительство о заключении договора, в котором предусмотрено присоединение Шпицбергенских островов к Норвегии». В ноте, в духе Соглашения 1872 г., напоминалось об особом значении архипелага «для народов России», что «всегда признавалось всеми правительствами», об исторически сложившихся правах России на Шпицбергене. В завершении подчеркивалось, что поскольку решение о передаче Шпицбергена «Норвегии произошло без участия России, Советское Правительство заявляет поэтому, что не признает себя связанным этим актом» [7].

Желая исключить возможное поле для будущих противоречий, норвежская сторона в ноте от 2 марта 1923 г. заявила, что «факт отсутствия Советской России в числе держав, подписавших договор не может служить основанием для непризнания русских интересов на архипелаге». Далее в ноте отмечалось, что договорный режим Шпицбергена, «далекий от причинения ущерба русским интересам на архипелаге, способствует их обеспечению и ставит русских граждан и русские предприятия в условия, совершенно равные таковым для держав-сигнаторов» [7]. В конечном счёте, СССР присоединился к Парижскому договору в 1935 г.: это событие вполне уместно рассматривать как один из финальных эпизодов международно-правового признания СССР.

К этому периоду на территории Шпицбергена уже три года вёл свою деятельность советский трест «Арктикуголь», основанный в октябре 1931 г. с целью «добычи и сбыта угля и других ископаемых на островах и на побережье Северного Полярного Моря» для обеспечения нужд Мурманской и Архангельской областей и Северного военно-морского флота» [8]. Не будет преувеличением заметить, что вся новейшая

история советского и, позднее, российского присутствия на Шпицбергене неразрывно связана с деятельностью этого уникального начинания, единственного государственного предприятия угольной отрасли СССР. Начавшееся советской стороной экономическое освоение территории Шпицбергена было прервано Второй мировой войной: в 1941 г. персонал был эвакуирован, а в 1943 г. немецкие вооруженные силы разрушили и советские, и норвежские посёлки [3].

В послевоенный период, когда в разрушенной стране остро ощущался дефицит топлива, трест «Арктикуголь» развернул работы по восстановлению разрушенных шахт. Уже в декабре 1946 г. на Шпицберген прибыл первый пароход со строителями и шахтерами, а уже через три года рудники Баренцбург и Грумант начали функционировать [8]. Несомненно, в подобной оперативности советской стороны следует видеть не только экономические предпосылки, но и стремление сохранить своё присутствие в Арктике в условиях начинавшейся Холодной войны.

На протяжении послевоенных десятилетий на используемой советской стороной части территории архипелага Шпицберген возникла развитая инфраструктура, необходимая для обеспечения добычи угля. Центрами советского присутствия на островах стали посёлки Баренцбург и Пирамида. Постепенно сложилась особая практика взаимодействия норвежских властей и представителей СССР, имевшая свою динамику, в целом отражавшую реалии Холодной войны. К сожалению, с 1970-х гг. регулярно стали возникать расхождения по вопросам охраны окружающей среды: в советской трактовке норвежцы использовали экологические предлоги для ужесточения своих требований и введения новых ограничений в отношении иностранцев, в норвежском же понимании вопроса экономическая деятельность СССР на архипелаге наносила урон его уникальному климату и животному миру [1]. Касаясь более современного этапа в развитии данного вопроса, отметим, что в 2001 г. в Норвегии был принят новый Закон об охране природы архипелага, который существенно ужесточает условия любой деятельности иностранцев на его территории. В частности, вопреки Парижскому договору, закон вводит разрешительный характер на многие виды деятельности, тем самым упрочняя контроль норвежской стороны над присутствием других государств на рассматриваемых островах [9]. Ответ на вопрос превалирует ли в данном вопросе забота правительства Норвегии об окружающей среде, присутствует ли в подобной юридической практике скрытая дискриминация, или первое утверждение не исключает собой второго, остаётся открытым.

1970-е гг. принесли и другую трудность в практике международных отношений, сложившейся вокруг статуса Шпицбергена. В 1977 г. Норвегия (возможно, под влиянием примера соседней Исландии, успешно отстоявшей свои экономические интересы во время т.н. «тресковых войн» с Великобританией) установила вокруг архипелага 200-мильную исключительную рыболовную зону. Не удивительно, в ряде государств-участников Парижского договора, прежде всего в самой Исландии, возникла критика, оспаривающая норвежскую морскую политику в районе этих островов. Ситуацию обострили случаи задержания норвежцами исландских рыболовных судов; дело дошло до обстрела норвежскими кораблями исландских траулеров в 1994 г. и заявления Исландии о возбуждении ею дела против Норвегии в Международном Суде ООН [10]. Важно заметить, что разногласия Норвегии, Исландии и других государств в вопросе эксплуатации биоресурсов за пределами территориальных вод Шпицбергена, уместно рассматривать как первые проявления предстоящего юридического противостояния за нефтегазовые запасы шельфовых районов вокруг архипелага, которое в обозримой перспективе может стать очень масштабным.

Безусловно, распад СССР драматическим образом отразился на жизни советской части Шпицбергена. В 80-е годы XX в. «Арктикуголь» проводил на архипелаге интенсивные геологоразведочные работы, в результате которых разведанные запасы одного лишь Грумантского месторождения были оценены примерно в 130 миллионов тонн

[8]. Через несколько лет масштабы деятельности треста уменьшились в несколько раз, а в 1998 г. рудник вблизи посёлка «Пирамида» был закрыт, само же поселение - законсервировано.

Из прежних мощностей «Арктикугля» в наши дни функционирует лишь рудник «Баренцбург», что привело к смещению в 2000-е гг. основного вектора российского экономического интереса к Шпицбергену в область развития туризма. Возможность посетить оставшиеся без изменений с советских времён места оказалась весьма востребованной и этим направлением в Баренцбурге занимается Центр арктического туризма «Грумант», обособленное подразделение треста «Арктикуголь» [11]. Архипелаг Шпицберген остаётся и пространством для научных исследований: с 2014 г. в Баренцбурге действует Российский научный центр, который представляет собой консорциум научно-исследовательских, научно-образовательных и других организаций по проведению фундаментальных и прикладных научных исследований, в том числе и международных [12]. На Шпицбергене постоянно работают Гидрометеорологическая обсерватория Росгидромета и Станция нейтронного мониторинга в обсерватории Полярного геофизического института (самая северная в мире). Отечественные учёные являются соседями норвежского Международного исследовательского центра в Ню-Олесунне, в котором, помимо прочих направлений работы, представлена многолетняя практика подготовки к освоению космоса – здесь работают представили NASA и Европейского космического агентства [13].

Таким образом, в наши дни удалённый от континентальной Европы Шпицберген не только сохраняет своё геополитическое значение как стратегически важная территория в Арктике и пространство для перспективных научных исследований. Этот архипелаг будет оставаться в центре внимания экономических интересов как классических арктических держав, так и новых сил, привлечённых все четче обозначающимися перспективами освоения углеводородных месторождений на континентальном шельфе в его акватории. Расширение различных форм российского присутствия на этом архипелаге позволит эффективно контролировать как сохранение его выверенного временем демилитаризованного статуса, так и реализацию российских интересов в арктическом регионе.

Список использованных источников

1. *Torkildsen T.* Svalbard: vårt nordligste Norge. Oslo: Forlaget Det Beste, 1984.

2. *Гехт А. Б., Цверианашвили И. А.* Шведские арктические экспедиции XIX-XX вв. и их вклад в изучение Арктики // «Полярные чтения-2020. История научных исследований в Арктике и Антарктике». Сборник научных статей 8-й международной научно-практической конференции 18-21 мая 2020. Санкт-Петербург, 2021. С.339–353.

3. *Arlov T. B.* Svalbards historie. Trondheim, 2003.

4. Дипломатическая переписка. Шпицберген 1871–1912. Санкт-Петербург : Типография В. Ф. Киршбаума, 1912.

5. *Михайлов И. А.* Архипелаг Шпицберген. Перекресток событий и судеб. Москва : Научный мир, 2004.

6. *Ристе У.* История внешней политики Норвегии. Москва, 2003.

7. Советско-норвежские отношения. 1917–1955. Сб. документов / под ред. А. О. Чубарьяна, У. Ристе и др. Москва, 1997.

8. Арктикуголь – URL: https://www.arcticugol.ru/index.php/about/istoriya (дата обращения: 01.10.2021)

9. Act of 15 June 2001 No.79 Relating to the Protection of the Environment in Svalbard // Norwegian Government Security and Service Organisation – URL: https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/svalbard-environmental-protection-act/id173945/ (дата обращения: 01.10.2021)

10. *Студенецкий С. А.* Норвегия – Исландия. «Рыбная война» в водах Шпицбергена. //Рыбное хозяйство. 2003. № 6.

11. Официальный сайт пос. Баренцбург– URL: https://www.goarctica.ru (дата обращения: 01.10.2021)

12. Российский научный центр на архипелаге Шпицберген // РОСГИДРОМЕТ– URL: http://www.meteorf.ru/activity/water/arct/svalbard/ (дата обращения: 01.10.2021)

13. *Kriege, J., Russo A.* A History of the European Space Agency. Vol. I, II. The story of ESRO and European Space Agency, 2000. 459 p.

Гехт Антон Борисович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, a.geht@yandex.ru

Неровный Артём Викторович – старший преподаватель кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, art830@yandex.ru

УДК 327.8

А. Б. Гехт, Е. А. Рязанцева, К. Ю. Эйдемиллер

В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ФОКУСЕ: АРКТИКА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ДАНИИ (1990–2000-е гг.)

A. Gekht, E. Ryasantseva, K. Eidemiller

IN STRATEGIC FOCUS: THE ARCTIC REGION IN DENMARK'S FOREIGN POLICY (1990–2000s)

Ещё на протяжении первой половины 1990-х годов интерес датской дипломатии к Арктике был в основном сдержанным и концентрировался на узком круге вопросов. Примечательно, что в датской политической риторике этого периода непосредственно термин «Арктика» использовался куда менее активно, нежели «Гренландия» или Скандинавский Север (Norden), что свидетельствует о вторичном значении данного вопроса в системе приоритетов как внешней, так и внутренней политики данной скандинавской страны. Тем не менее, уже к концу 1990-х годов ситуация разительным образом переменилась. В этой связи перспективной исследовательской задачей представляется проследить эволюцию отношения политического руководства Дании к Арктике, выявить предпосылки и факторы, повлиявшие на становление устойчивого стратегического интереса Копенгагена к этому региону на рубеже 1990–2000-х гг, а также рассмотреть эволюцию политики Дании в арктическом пространстве к концу 2000-х годов, результатом которой стало существенное укрепление позиций королевства в арктическом регионе.

Ключевые слова: Дания, Арктика, Гренландия, регионализм, Северное измерение.

This article is devoted to the issue of Denmark's activity within the Arctic region. The authors provide a brief historical analysis of the formation of Denmark's status and official interests in northern part of the world. The article highlights the main economic and political changes that have influenced the development of the Danish goals in this region. The research task is to trace the evolution the Danish political leadership to the Arctic, to identify the prerequisites and factors that influenced the formation of Copenhagen's sustainable strategic interest in this region at the turn of the 1990s-2000s, as well as to consider the evolution of Denmark's policy in the Arctic space by the end of the 2000s, which resulted in a significant strengthening of the kingdom's position in the Arctic region.

Keywords: Arctic, Denmark, Greenland, regionalism, Nordic countries.

Не будет большим преувеличением заметить, что к началу 1990-х гг. вопросы освоения Арктики датским политическим руководством зачастую рассматривались в контексте реализации природоохранных мер и защиты окружающей среды – сюжетов,

прочно вошедших в политическую жизнь стран Северной Европы в 1970–1980-х гг. Так, в ноябре 1991 года ряд специализированных комитетов датского парламента активно обсуждали вопрос об ответственности Советского Союза за морское захоронение ядерных отходов в Арктике, которое проводилось вплоть до 1986 года, апеллируя к Лондонской конвенции 1972 года. Депутаты предложили министерству иностранных дел получить от российских властей план наиболее рационального избавления от данных отходов [1]. Вскоре, в 1993 году, в Нууке (столице Гренландии, автономии в составе датского королевства) была подписана широко известная Декларация об окружающей среде и развитии в Арктика [2], подготовка которой преимущественно была проведена министерством иностранных дел Дании. Несомненно, данный документ в кратчайшие сроки занял видное место в корпусе рамочных международно-правовых актов, призванных содействовать международному взаимодействию в области защиты окружающей среды в Арктике и прилегающих регионах, сохраняя свою актуальность и на современном этапе.

Представляется, что систематическое участие Дании в реализации конкретных экологических проектов в Арктике началось в 1994 году вследствие присоединения королевства к Арктической экологической конвенции (AEPS). В рамках защиты арктической экосистемы к 2001 году правительство Дании потратило свыше 46 миллионов крон [3]. Также Дания активно способствовала расширению природоохранной деятельности Совета министров Северных стран: во многом благодаря инициативе именно датской стороны развитие Арктики было определено в числе четырех приоритетных областей стратегии охраны окружающей среды, утвержденной Советом министров Северных стран в начале 1996 года [4]. После образования Арктического совета в 1996 году Дания последовательно выступала за расширение полномочий нового форума в области экологического регулирования различных аспектов развития Арктики. К примеру, в 1997 году министр по вопросам окружающей среды и энергетики Свен Аукен (дат. Svend Auken) стал инициатором продолжения международной совместной работы в рамках Программы оценки морской среды Арктики (AMAP – Arctic Marine Assessment Program) под эгидой Арктического совета, которая впоследствии была успешно воплощена в жизнь.[5]

С середины 1990-х годов функциональное восприятие Арктики стало заметно расширяться и выходить за рамки исключительно экологических тем. В высших эшелонах датского политического руководства данный регион приобрёл восприятие через призму внешнеполитических интересов. Этому во многом способствовал ряд факторов, связанных с развитием процесса самоопределения Гренландии, суть которого заключалась в постепенной передаче власти в различных областях социально-политического и экономического развития от Копенгагена к местной администрации.

В январе 1994 года парламент Дании принял особый закон, разрешающий разведку и добычу природных ресурсов руководству гренландской автономии, сосредоточив внимание не только на суше, но и, что исключительно важно, на прилегающем к острову континентальном шельфе [6]. Несомненно, в трактовке датских властей этот шаг должен был заложить основы для функционирования в Гренландии собственной экономической системы, не зависящей от перманентных субсидий бывшей метрополии. По всей видимости, законотворческая деятельность в данном направлении также была призвана предварять принятие в ноябре того же года конвенции ООН по морскому праву 1982 года, регулирующей архитектуру управления морскими пространствами и их ресурсами в международном масштабе. Дебаты, посвящённые ратификации данного документа, стали весомой предпосылкой возрастания интереса со стороны Дании к ситуации в Гренландии и, следовательно, в Арктике. Перед внешнеполитическим ведомством королевства появилась насущная задача: прежде чем приступить к освоению ресурсов континентального шельфа Гренландии, необходимо было согласовать морские границы с соседними государствами.

Датская дипломатия начала работать в этом направлении, и в конце 1995 года было подписано соглашение о проектировании континентального шельфа и рыболовных зон между Гренландией и Норвегией в районе острова Ян-Майен. В ноябре 1997 года была проведена демаркационная линия континентального шельфа между Гренландией и Исландией [7]. Таким образом, вопросы юрисдикции на юго-восточном побережье Гренландии были решены без затруднений. Теперь в центре внимания оказались уже непосредственно арктические территории.

В конце 1997 года юридический департамент министерства иностранных дел Дании отправил запрос к Исследовательской комиссии по комплексным исследованиям континентального шельфа, содержащий установку определить зону пролегания внешних границ королевства в районе северного и северо-восточного побережья Гренландии [8]. Организация работы в этом направлении была выделена в отдельный проект, получивший название Greenland Arctic Ocean Shelf Project (также известен под аббревиатурой GRASP). При участии Датского полярного центра Исследовательская комиссия составила рабочую группу, объединившую ряд компетентных исследовательских организаций, а также учредила серию научных семинаров по проблемам изучения районов шельфа [9].

Уже на начальном этапе работ выявился острый дефицит достоверной геологической информации, поскольку в последний раз дно на участке между Северным полюсом и побережьем Гренландии, как отмечает датский исследователь Рене Фушберг, было исследовано в 1979–1980 гг., в рамках датско-норвежской экспедиция на ледоколе «Фрам» [10].Безусловно, непрояснённость данного важного вопроса вынуждала официальный Копенгаген медлить с ратифицированием упомянутой выше Конвенции ООН по морскому праву 1982 года: датская сторона не желала прогадать в области научного обоснования внешних границ континентального шельфа за пределами 200-мильной зоны.[11]

Из-за отсутствия необходимых технических средств, в первую очередь нехватки ледоколов, а также непростых климатических условий в Арктике, Дании потребовалось затратить немало времени и ресурсов для достаточно подробного изучения структуры дна в регионе севернее Гренландии. Об этом, в частности, упомянул и С. Аукен в своём выступлении перед датскими парламентариями летом 1999 года. Рассуждая о перспективах создания исключительной экономической зоны Гренландии в Арктике, министр признал, что «Дания сильно отстает от своих соседей по региону – в основном, от Канады и США - в изучении Арктического плато. Действительно, ледовые условия на севере Гренландии чрезвычайно сложны, и у Дании нет ледоколов, способных работать в таких навигационных условиях» [12]. Вскоре вопрос об установлении внешних границ континентального шельфа к северу и северо-востоку от Гренландии был поднят для дальнейшего обсуждения в ходе консультаций между представителями правительства Дании и администрации Гренландии летом 1999 года [13].

Наряду с привлечением внимания научного сообщества к вопросам освоения гренландского шельфа, возрастание значения арктических пространств в политике королевства можно отметить и в риторике выступлений высшего политического руководства страны. Так, уже в 1997 году премьер-министр Дании Поуль Нюроп Расмуссен (дат. *Poul Nyrup Rasmussen*), открывая заседание Совета министров Северных стран, особо выделил арктический вектор развития сотрудничества стран Северной Европы, заявив, что «современность ставит новые фундаментальные задачи, ключевые из которых касаются наиболее перспективных районов Северной Атлантики: Исландии, Гренландии, Фарерских островов и региона Баренцева моря» [14]. Год спустя, в ноябре 1998 года, он активно приветствовал инициативу своего исландского коллеги, направленную на «рост в системе скандинавских политических приоритетов вопросов развития Арктики» [15].

Большое значение для будущей датской арктической политики имело выступление премьер-министра королевства в Совете министров Северных стран в ноябре 1999 года. Представляя начинания королевства, запланированные на период председательства в этой организации в следующем году, П. Н. Расмуссен свёл сюжеты, связанные с Арктикой, в отдельный блок, предложив свои партнёрам разработать стратегию устойчивого развития в регионе - Arctic Agenda 21, призванную усилить роль Арктического совета. Особого внимания заслуживает тезис датского премьер-министра о запуске проекта «Арктическое окно» (дат. *Det Arktiske Vindue*) в рамках политики Европейского Союза и его партнёров «Северное измерение»: данное начинание было призвано содействовать увеличению объема торгово-экономических отношений между Гренландией и ЕС [16].

Отклик на предложение П. Н. Расмуссена не заставил себя долго ждать: в деталях данная инициатива обсуждалась представителями парламентов Дании и Гренландии уже декабре того же года. Особые надежды Нуук возлагал на помощь Копенгагена в вопросе упразднения запретов Брюсселя на импорт мяса тюленей, важного источника доходов для бюджета островной автономии [17].

В свою очередь, запуск «Арктического окна» обеспечивал Дании весомые стратегические преимущества. Во-первых, порядком расшатанные скрепы датско-гренландских отношений, отягощённые настойчивым стремлением Гренландии обрести полную независимость от бывшей метрополии, укреплялись за счёт фактического представительства Данией интересов своей автономии на международной арене. Этим Дания не только закрепляла своё присутствие в акватории Северного Ледовитого океана, но и обозначала себя в качестве заинтересованной стороны в вопросе возможной добычи ресурсов на шельфе острова. Во-вторых, Копенгаген получал возможность утвердить свои позиции в качестве основного проводника интересов Европейского Союза в Арктике, тем самым потеснив Финляндию, которая благодаря своей инициативе в деле создания «Северного измерения» в 1997 году стремилась лидировать в развитии присутствия ЕС в арктическом регионе. Представляется, что датское политическое руководство рассчитывало на возможность использовать политическую поддержку Европейского союза в ходе реализации своих стратегических интересов в арктическом регионе, особенно в случае их весьма вероятного пересечения с устремлениями крупных полярных держав – России, США и Канады.

Одним из первых заметных достижений датского внешнеполитического ведомства в вопросе продвижении интересов единой Европы в Арктике стал статус наблюдателя в Арктическом совете, полученный Европейским Союзом в 2000 году [18]. В ходе запуска проекта «Арктическое окно» Гренландия, прежде практически незатронутая международными политическими процессами [19], стала площадкой регулярных межправительственных конференций и форумов, в ходе которых важным вопросом стали условия реализации датская и общеевропейской арктической политики под разными углами. Важным вопросом оценке перспектив военной безопасности в Арктике на совещании датско-гренландской экспертной группы по внешней и оборонной политике в марте 2000 года, который также был частью семинара, организованного правительством Гренландии в Нууке в марте 2001 года [20]. Официальное же начало открытию «Арктического окна» было положено на конференции, состоявшейся в августе 2002 года в гренландском городе Илулиссате [21].

Обратив пристальное внимание к характеру и условиям своего присутствия в Арктике, политическое руководство Дании сохраняло преемственность в данном вопросе и на протяжении середины 2000-х годов, по-прежнему уделяя арктическому региону весьма значительное место в своей деятельности.

Свидетельством повышенного внимания официального Копенгагена к Арктике стала подготовка и проведение в 2008 году очередной Илулиссатской конференции, начало которой предварял особый доклад, фактически обозначавший рамки датских

интересов в арктических широтах [22]. Своего рода продолжением данного документа стала Арктическая Стратегия, принятая этим североевропейским королевством летом 2011 года. Наряду с целой группой различных блоков вопросов, в качестве основной содержательной платформы этого документа можно определить позиционирование королевства Дания (вкупе автономной Гренландией) в качестве субъекта международных отношений в Арктике [23].

Несомненно, к рассматриваемому периоду развитие этой островной территории в составе Дании (как и Фарерских островов) характеризовалось стремлением к полной политической независимости, что отражалось в постепенной передаче власти в различных сферах управления от центрального правительства местной администрации [19].

Естественно, специфика административно-территориального устройства Дании нашла своё воплощение и на страницах Арктической стратегии, в которой выделялось, что существующий баланс полномочий и сфер ответственности, сложившийся между Данией, Фарерскими островами и Гренландией гарантирует соблюдение общих интересов и приносит пользу не только всем трем структурным единицам королевства, но также и коренным народам, проживающим на их территории [23]. Делая акцент на защите прав коренных малочисленных народов (в основном – инуитов, проживающих в Гренландии), Дания привносит в своею арктическую политику новое перспективное измерение – гуманитарную миссию. Составителей Стратегии 2011 года сложно упрекнуть в излишней скромности – данный документ выделяет, что именно датское королевство положило начало процессу консолидации коренных малочисленных народов Севера, проведя конференцию народов Арктики в Копенгагене в 1973 году [24]. Более того – длительный опыт сотрудничества между Копенгагеном и Нууком рассматривается не только как своего рода матрица модели двухсторонних отношений удалённых друг от друга центра и автономии, но и пример соблюдения прав коренных малочисленных народов в мировом масштабе [25].

Отметим, что вторым по степени уделённого внимания направлением в Стратегии 2011 года является военная безопасность в Арктике. Подход датского политического руководства к этому вопросу базировался на заявлении о «всеобъемлющем стремлении к предотвращению конфликтов и недопущению милитаризации арктического региона, наряду с содействием к утверждению атмосферы доверия, сотрудничества и взаимовыгодного партнерства» [25].

В то же время, датское политическое руководство не исключало возможности того, что по мере возрастания степени развития арктических территорий может возникнуть необходимость в уточнении отдельных сюжетов в формате специализированных международных соглашений. К их числу можно отнести Соглашение о сотрудничестве в организации поисково-спасательных операций в Арктике (SAR Agreement), в подготовке и заключении которого Дания играла определяющую роль, а также Кодекс полярного мореплавания, призванный гарантировать высокий уровень защиты окружающей среды в акватории Гренландии [9].

Возвращаясь к рассмотрению вопроса о порядке обеспечения политической безопасности в Арктике, заметим, что Стратегия 2011 года уделяет особое внимание разрешению пограничных споров с соседними державами. У Дании их два – с Канадой, относительно владения островом Ганса, а также с Канадой и Россией, о границе континентального шельфа в центральной части Северного Ледовитого океана. Как и другие участники Конвенции ООН 1982 года, датское королевство стремится расширить границы исключительной экономической зоны Гренландии за пределы 200 морских миль, и в этом ее намерения автоматически противоречат аналогичным устремлениям своих соседей. Тем не менее, стратегия 2011 года очень оптимистично оценивает перспективы решения этой проблемы и исключает «возможность какого-либо давления со стороны России» [25].

Примечательно, что в документе рассматривается возможность подачи согласованной заявки от всех трех сторон для совместного изучения результатов проб дна Северного Ледовитого океана в зоне будущей делимитации - в районе хребта Ломоносова. Отметим, что ещё до принятия рассматриваемой арктической стратегии Дания уже провела четыре экспедиции на хребет Ломоносова: LORITA (2006), IOMGRAV (2007), LOMBAG (2009) и LoMGRAV (2009) [26], что очевидно демонстрирует важность этого вопроса для политического руководства королевства.

В качестве данности авторы Стратегии обозначают характер присутствия вооружённых сил королевства в арктическом регионе, акцентируя внимание на сочетании военных (патрулирование морских границ) и мирных задач (снабжение удаленных населённых пунктов, проведение поисковых и спасательных операций) [25].

Как известно, Дания является единственным членом Европейского Союза, имеющим непосредственный доступ к Северному Ледовитому океану, и, учитывая эту уникальную географическую позицию, стремление Копенгагена возглавить продвижение интересов Брюсселя в этом регионе, наметившееся еще на рубеже 1990–2000-х годов, приобрело особое значение. Богатый опыт, накопленный датской стороной как в выстраивании двухсторонних отношений с другими арктическими державами (Канадой, США, Россией, Норвегией, Исландией), так и в таких вопросах, как добыча ресурсов, обеспечение безопасности морских перевозок, защита окружающей среды, защита прав коренных народов, проведение научных исследований в экстремальных условиях превратили Копенгаген в исключительно важного партнёра для Европейского Союза. Отметим, что к концу 2000-х годов обозначился и потенциал развития контактов между Данией и группой азиатских государств (Китай, Япония и Южная Корея), активизировавших свою деятельность в Арктике [27].

Принимая во внимание общую амбициозность устремлений официального Копенгагена в отношении Арктики, важно отметить, что даже в контексте такого приоритетного вопроса Дания сохраняла приверженность по отношению к региональному содружеству и единству североевропейских государств, регулярно настаивая на важности выработки согласованного внешнеполитического курса. Эта идея, естественным образом произрастающая из исключительно тесного регионального взаимодействия североевропейских государств, была включена в Скандинавскую декларацию солидарности, подписанную министрами иностранных дел стран Северной Европы в апреле 2011 года в Хельсинки [25]. Также этот императив нашёл заметное отражение и в докладе о сотрудничестве скандинавских стран по вопросам внешней политики и в области безопасности, подготовленным под редакцией видного норвежского политического деятеля Торвальда Столтенберга и опубликованного в 2009 году [28].

Подводя итоги настоящей статьи, необходимо выделить следующие тезисы:

– после завершения «холодной войны» Арктика постепенно вошла в перечень приоритетных направлений внешнеполитической деятельности Дании, хотя до середины 1990-х годов приоритетное внимание фокусировалось на проблематике охраны окружающей среды и сохранения экосистемы арктического пространства;

– во второй половине 1990-х годов официальный Копенгаген стал обращать всё более пристальное внимание к статусу территорий в Арктике. Постепенно арктический вектор внешней политики Дании приобрёл стратегическое значение. Развитие международного права, а также рост влияния и значения региональных организаций привели как к уточнению границ датского королевства в арктическом регионе, так и привлечению внимания научного сообщества и деловых кругов к вопросу освоения ресурсов на шельфе Гренландии;

– в конце 1990-х и начале 2000-х гг. Дания упрочила своё партнёрство с Европейским Союзом, во многом закрепив за собой первенство в вопросах реализации интересов единой Европы в арктическом регионе;

– в ходе реализации проекта «Арктическое окно» Дании удалось закрепить двусторонние отношения с Гренландией, не только сохранив полномочия по регулированию внешней и оборонной политики своей автономии, но и подтвердив своё экономическое и политическое присутствие в Северном Ледовитом океане;

– на протяжении 2000-х гг. указанные выше тенденции не только не утратили своего значения, но лишь усилили свою актуальность: Арктика безусловно заняла одну из центральных позиций в архитектуре внешней политики Дании, трактуясь не только в качестве потенциального источника разнообразных ресурсов, но и выступая идейным обоснованием целесообразности пребывания Фарерских островов и Гренландии в составе королевства. Кроме того, арктическое пространство – весомый аргумент в плотном взаимодействии Дании и Европейского Союза, также заинтересовавшегося вопросом закрепления своего присутствия в северных широтах и высоко оценивавшего деятельность датской стороны по этому направлению.

Список использованных источников

1. Spørgsmål: Om oplysninger om dumpning af radioaktivt affald i Arktis // Folketinget. 13.11.1991. – URL: http: //webarkiv.ft.dk/?/samling/19911/spoergsmaal_ oversigtsformat/s137.htm?SearchID=eb8b2b51-3849-448c-8a2b-bfl170934895&DocID=2071632&Position=1&_internal=false (дата обращения: 12.10.2021).

2. Нуукская декларация об окружающей среде и развитии в Арктике // Консультант Плюс. 16.09.1993. – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online. cgi?req=doc;base=INT;n=16071 (дата обращения: 12.10.2021)

3. Miljøindsatsen i Arktis 2001 // Miljøministeriet. URL: http: //www2. mst. dk/common/Udgivramme/Frame.asp?http://www2.mst.dk/Udgiv/publikation- er/2002/87-7972-200-8/html/kap01.htm (дата обращения: 12.10.2021)

4. Nordisk Miljøstrategi 1996-2000 // Folketinget. – URL: http: //webarkiv.ft.dk/?/ samling/19951/udvbilag/mpu/almdel_bilag904.htm?SearchID=cc2235fc-6962-401e- 88ee-e438d96b5807&DocID=2162465&Position=18&_internal=false (дата обращения: 12.10.2021)

5. Besvarelsen af spørgsmål DE (Alm. del bilag 1232) vedrørende den 4. ministerkonference om beskyttelse af arktiske egne // Folketinget. 11.06.1997. – URL: http: // webarkiv.ft.dk/?/samling/19961/udvbilag/mpu/almdel_bilag1279.htm?SearchID= cc2235fc-6962-401e-88ee-e438d96b5807&DocID=2185001&Position=30&__ internal=false (дата обращения: 12.10.2021).

6. Bekendtgørelse af Lov om mineralske råstoffer i Grønland // Retsinformation. 21.01.1994. – URL: http://www.sslug.dk/~chlor/www.rensinformation.dk/lov/187509. html (дата обращения: 13.10.2021).

7. Bekendtgørelse af overenskomst af 11. november 1997 med Island om afgrænsning af kontinentalsoklen og fiskerizonerne i området mellem Grønland og Island samt af tillægsprotokol af 11. november 1997 til overenskomst af 18. december 1995 med Norge om afgrænsning af kontinentalsoklen i området mellem Grønland og Jan Mayen og om grænsen mellem fiskerizonerne i området // Retsinformation. – URL: https: //www. retsinformation. dk/Forms/R0710.aspx?id=22728 (дата обращения: 13.10.2021).

8. *Forsberg, R., Taagholt, J.* Planer for ny dansk forskningsindsats i Polhavet // Tidsskrift Grønland. 1998. N 6. S. 251.

9. *Тулупов, Д. С.* Арктическая политика России, Норвегии и Дании в конце XX-начале XXIвека/ под ред. И.Н. Новиковой. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2014. С. 77.

10. *Forsberg R.* Forskning i Polhavet // Tidsskriftet Grønland. 1980. N 5. S.117–144.

11. Конвенция ООН по морскому праву 1982 года. Приложение II «Комиссия по границам континентального шельфа». Статья 4 // Сайт Организации Объединённых наций. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ lawsea. shtml (дата обращения: 13.10.2021).

12. Miljø- og energiministerens besvarelse afspørgsmål nr. 400–402 stillet af Folketingets Miljø- og Planlægningsudvalg // Folketinget. 21.07.1999. – URL: http: //webarkiv. ft. dk/?/samling/19981/udvbilag/mpu/almdel_bilag1220.hum?SearchID=cc2235fc 6962-40le-

88ee-e438d96b5807&DocID=2287422&Position=76&_internal=false (дата обращения: 13.10.2021).

13. Svar på 20-spørgsmål: Om nationale krav. på sokkelområder uden for 200-sømilgrænsen i Polarhavet // Folketinget. – URL: http: //webarkiv.ft.dk/ Samling/20001/spor_sv/S2381.htm (дата обращения: 13.10.2021).

14. Statsminister Poul Nyrup Rasmussens indlæg ved Nordisk Råds 49 session i Helsingfors. 11 November 1997 // Statsministeriet. – URL: http: //www.stm.dk/_p_7598. html (дата обращения: 15.10.2021).

15. Statsminister Poul Nyrup Rasmussens indlæg ved Nordisk Råds 50 Session i Oslo. 10 November 1998 // Statsministeriet. – URL: http: //www.stm.dk/_p_7609. html (дата обращения: 15.10.2021).

16. Statsminister Poul Nyrup Rasmussens tale ved Nordisk Råds 51 Session i Stockholm // Statsministeriet. 09.11.1999. – URL: http: //www.stm.dk/_p_7626. html (дата обращения: 17.10.2021).

17. Besøg af Grønlands Landstings Udenrigs- og Sikkerhedspolitiske Udvalg. // Folketinget. 02.12.1999. – URL: http: //webarkiv.ft.dk/?/samling/19991/udvbilag/upn/ ftdel_bilag37.htm?SearchID=c35602c8-6f93-4a7d-bd33-ce27c4befe78&DocID=236 0678&Position=11&_internal=false (дата обращения: 17.10.2021).

18. Statsminister Poul Nyrup Rasmussens tale ved Nordisk Råds // Statsministeriet. 06.11.2000. – URL: http: //www.stm.dk/_p_7665. html (дата обращения: 19.10.2021).

19. *Gekht, A. B, Kudryavtseva, R. E. A., Samylovskaya, E. A., Eidemiller, K. Yu., Kulik, S. V.* HISTORY OF ICELAND FORMATION AS MAIN ARCTIC CROSSROAD. IOP Conference Series: Earth and Environmental Science International Scientific Round Table "Logistics in the Arctic: problems of international cooperation". 2020.

20. Spørgsmal nr. S 2381 til statsministeren Poul Nyrup Rasmussen af Hans-Pavia Rosing // Folketinget. – URL: http: //webarkiv.ft.dk/Samlinn/20001/spor_sv/S2381.htm (дата обращения: 19.10.2021).

21. European Parliament resolution on the Northern Dimension New Action Plan 2004-2006. 9 January 2003 // European Parliament. – URL: http: //www. europarl.europa.eu/sides/getDoc. do?pubRef=-//EP//TEXT+MOTION--B5-2003_ 0024+0+DOC+XML+V0//EN (дата обращения: 19.10.2021).

22. THE ILULISSAT DECLARATION ARCTIC OCEAN CONFERENCE ILULISSAT, GREENLAND, 27 – 29 MAY 2008 https://web.archive.org/web/20120310172346/http://www.oceanlaw.org/downloads/arctic/Ilulissat_Declaration.pdf (Дата обращения: 28.10.21)

23. Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011-2020 // Government of Greenland. August 2011. – URL: http://uk.nanoq.gl/media29cf0c2543b344ed901646a228c5bee8.ashx P.10 (Дата обращения: 28.10.21)

24. *Ruong, I.* Samerna i historien och nutiden. Stockholm: BonnierFakta, 2008. S. 18.

25. Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011-2020// Government of Greenland. August 2011. – URL: http://uk.nanoq.gl/media29cf0c2543b344ed901646a228c5bee8.ashx P.10 (Дата обращения: 28.10.21)

26. *Offerdal, K.* An EU Arctic policy? // GeopoliticsNorth. 20.01.2011. – URL: http: // www.geopoliticsnorth.org/index.php?option=com_content&view= article&id= 156: an-eu-arctic-policy-&catid=39:the-eu&Itemid=107 (дата обращения: 28.10.2020).

27. Greenland and the European Union: a history of development // The law of the European Union. – URL: http://eulaw.ru/greenland (дата обращения: 28.10.20)

28. Nordic Declaration of Solidarity, 5 April 2011 // Regjeringen. – URL: http://www.regjeringen.no/en/dep/ud/press/news/2011/nordic_declaration_solidarity.html?id=637871 (дата обращения: 28.10.20)

Гехт Антон Борисович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, a.geht@yandex.ru

Рязанцева Елена Андреевна – кандидат исторических наук, доцент, главный специалист отдела научно-образовательной работы Комитета Санкт-Петербурга по делам Арктики, ryazantceva@arkt.gov.spb.ru

Эйдемиллер Константин Юрьевич – кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры международных гуманитарных связей, Санкт-Петербургский государственный университет, keidemiller@gmail.com

УДК 327

А. М. Иванова

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО КОСМИЧЕСКОГО АГЕНТСТВА (ESA) И ЯПОНСКОГО АГЕНТСТВА АЭРОКОСМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (JAXA)

A. Ivanova

PROSPECTS FOR COOPERATION BETWEEN THE EUROPEAN SPACE AGENCY (ESA) AND THE JAPAN AEROSPACE EXPLORATION AGENCY (JAXA)

Поскольку в настоящее время появляются более крупномасштабные проекты, космос становится открытым пространством для диалога стран, организаций и отдельных личностей. В данной статье рассмотрен аспект сотрудничества космических агентств ESA (European Space Agency) и JAXA (Japan Aerospace Exploration Agency), а также наиболее перспективные совместные проекты настоящего и будущего.

Ключевые слова: космическая политика, международные отношения, космическое сотрудничество, ESA, JAXA.

As larger-scale projects are now emerging, space is becoming an open space for dialogue among nations, organizations and individuals. This article discusses the cooperation of the space agencies ESA (European Space Agency) and JAXA (Japan Aerospace Exploration Agency), as well as the most promising joint projects of present and future.

Keywords: space policy, international relations, space cooperation, ESA, JAXA.

В настоящее время космическая сфера – это открытое пространство для диалога стран, организаций и отдельных личностей. Крупномасштабные проекты, такие как миссия на Марс, Меркурий и другие немаловажные проекты всегда нуждались и будут нуждаться в огромном количестве ресурсов, которые зачастую превышают годовой финансовый бюджет отдельно взятой национальной космической программы. Именно поэтому так важно налаживать международные отношения между государствами в сфере освоения космического пространства, поскольку это возможность обмена технологиями, знаниями и опытом разных государств.

Европейское космическое агентство (англ. *ESA, European Space Agency*) было основано в 1975 году в результате объединения двух организаций – Европейская организация по исследованию космического пространства (англ. *ESRO, European Space Research Organization*) и Европейская организация по разработке ракет-носителей (англ. *ELDO, European Launcher Development Organization*) – с целью освоения космического пространства и изучения Земли, а также создания необходимой для этого техники [1].

В последние годы агентство делает акцентирует свое внимание на следующие направления деятельности:

– исследовании Земли, ближнего и дальнего космоса;

– пилотируемые полеты в космос;
– создание ракет-носителей и космических станций;
– телекоммуникации и спутниковая навигация;
– развитие космической науки и технологий [2].

Изучая изменения, происходящие в атмосфере, биосфере и гидросфере, у сотрудников составляется наиболее полная картина состояния планеты. Несомненно, антропогенное воздействие оказывает сильное влияние на Землю, поэтому данные, полученные агентством, передаются правительствам европейских государств с целью составить наиболее грамотную экологическую политику и учесть все факторы. Результаты исследований, проводимых агентством, находятся в открытом доступе на официальном сайте, поэтому у каждого человека есть возможность получить наиболее актуальные данные о планете, на которой он живет.

Японское агентство аэрокосмических исследований (англ. *JAXA, Japan Aerospace Exploration Agency*) было основано в 2003 г. результате объединения трех государственных космических организаций - Национального агентства по космическому развитию Японии (англ. NASDA, National Space Development Agency of Japan), Института космических и астронавтических наук (англ. ISAS, Institute of Space and Astronautical Science) и Национальной аэрокосмической лаборатории Японии (англ. NAL, National Aerospace Laboratory of Japan) [3]. Значительная часть деятельность связана с военным и частным сектором.

Наиболее приоритетными направлениями деятельности японского космического агентства являются:
– фундаментальные исследования в сфере космической и авиационной науки и техники;
– разработка спутников и сопутствующего оборудования;
– подготовка профессиональных кадров для развития космической науки в стране;
– публикация результатов исследований [4].

Следует отметить то, что во многом интересы Европы и Японии являются схожими, поскольку оба агентства акцентируют свои усилия на изучение процессов, которые происходят на нашей планете и в космосе. Также к общим аспектам относится и относительно небольшие бюджеты организаций, вследствие которых большую роль играет акцент на развитие международных отношений на уровне отдельных корпораций, космических агентств и организаций.

Агентства имеют хороший потенциал для развития сотрудничества, так как имеют хорошую базу: квалифицированные кадры, присутствие частного сектора, а также передовое оборудование для освоения космического пространства.

ESA и JAXA подписали очередное соглашение в 2017 г., согласно которому планируют расширить сферу своей совместной деятельности – изучения космоса, развитие технологий навигации, а также передачи информации на большие расстояния [5].

На данный момент агентствами реализуется ряд совместных проектов, из которых самой крупной по своему масштабу является миссия по изучению атмосферы Меркурия «BepiColombo». Официально запущенный в 2018 г., космический аппарат по расчетам должен достичь планеты 5 декабря 2025 г. [6]. Ученые намереваются узнать о происхождении и эволюции планеты, ее рельефа, изучить химический состав и проверить теорию относительности Эйнштейна. Попутно планируется совершить два облета Венеры, чтобы также выявить некоторые ее особенности.

Также одним из перспективных проектов будущего является миссия MMX (Martian Moons eXploration) по исследованию марсианских лун – Фобоса и Деймоса. Подготовка к ней началась в 2015 г. также при участии США и Китая, а официальный запуск планируется в 2024 г. [7]. Главная цель миссии – определить,

являются ли марсианские спутники захваченными астероидами или результатом удара о Марс более крупного космического тела.

Немаловажным аспектом сотрудничества двух агентств стало не только изучение дальнего космоса, но и процессов, происходящих на Земле – экологическая обстановка на планете является проблемой не только для отдельно взятых государств, но и для всего человечества в целом. Именно поэтому исследования и их результаты становятся важным фактором при формировании экологической повестки.

В настоящий момент европейские и японские спутники – Sentinel-5P и GOSAT собирают информацию о выбросах в атмосферу и передают в другие инстанции. В марте 2023 г. официально будет запущена миссия «EarthCARE (Earth Clouds, Aerosols and Radiation Explorer)», целью которой являются наблюдение и характеристика облаков и аэрозолей, а также измерение отраженного солнечного излучения и инфракрасного излучения, исходящего от поверхности Земли и атмосферы [8].

Поскольку человечество и научное сообщество в частности задается вопросом относительно того, что из себя представляют кометы, каков их состав и почему они рано или поздно сталкиваются с другими космическими телами, европейское и японское космические агентства в 2029 г. начнут миссию «Comet Interceptor» [9]. Данная миссия в перспективе должна дать ответы на эти вопросы, поскольку «Перехватчик» в буквальном смысле «прикрепится» к одной из комет. Согласно замыслу участников миссии, данный перехватчик сможет полностью охарактеризовать комету, включая состав ее поверхности, форму, структуру и состав облака вокруг ее ядра.

Еще одним аналогичным с «Comet Interceptor» проектом стала миссия «Hera», только в этом случае объектом исследований являются астероиды. Тем не менее, главной целью миссии стала разработка и тренировка обороны от астероидов. Космический корабль автономен и самоуправляем, и, стоит отметит, значительно усовершенствован за 20 лет со времени последней миссии по изучению астероидов.

Планируется совершить намеренное столкновение с двойным астероидом – Дидимос (больший астероид) и Диморфос (меньший астероид). Участие в этой миссии принимают представители ESA и NASA (ракетой-носителем станет ракета-носитель Falcon-9 компании SpaceX) [10]. Несмотря на то, что Япония не участвует в разработке оборудования и запуске, она предоставляет тепловизионную инфракрасную камеру и научное сотрудничество, поскольку в 2020 году удачно вернула свою межпланетную станцию по изучению астероидов «Hayabusa2» (пер. «Сапсан-2»).

Таким образом, сотрудничество Европы и Японии в сфере освоения космического пространства потенциально продуктивно и полезно не только для космической науки отдельных государств, но и для мира в целом, поскольку затрагиваются наиболее важные аспекты. Среди таких аспектов наиболее важными являются изучение состояния окружающей среды, которая в настоящее время находится не в самой ее лучшей форме и нуждается в конкретных решениях, объединении потенциалов государств всего мира для борьбы и предотвращения последствий глобального потепления. Также все больший интерес для ученых и потенциальных инвесторов в лице частных компаний и государств представляет изучение Солнечной системы и небесных тел, которые существуют внутри и вне ее пределов. Данная совокупность исследований позволит науке не только построить верную и достоверную картину сотворения нашей Вселенной и всех ее элементов, но также поспособствует созданию наиболее оптимальных и действенных мер по борьбе с потенциальными угрозами для планеты – будь то внешний фактор в виде астероида, или же внутренний – экологическая катастрофа.

Список использованных источников

1. *Krige J., Russo. A.* History of the European Space Agency, 1958–1987 (Vol. 1 - ESRO and ELDO, 1958–1973) Noordwijk, The Netherlands: ESA, 2000. – P. 264.
2. Convention for the establishment of a European Space Agency (with annexes and final act). Concluded at Paris on 30 May 1975. – URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201297/volume1297-I-21524-English.pdf (дата обращения: 31.10.2021).
3. JAXA: Japan's Aerospace Exploration Agency. URL: https://www.space.com/22672-japan-aerospace-exploration-agency.html (дата обращения: 31.10.2021).
4. Law Concerning Japan Aerospace Exploration Agency. Law Number 161 of 13th December 2002. – URL: https://www.jaxa.jp/about/law/law_e.pdf (дата обращения: 31.10.2021).
5. JAXA-ESA Joint Statement concerning the bilateral cooperation. March 3, 2018. – URL: https://global.jaxa.jp/press/2018/03/20180303_esa.html (дата обращения: 31.10.2021).
6. BepiColombo: Fact Sheet // Электронный ресурс. – URL: https://sci.esa.int/web/bepicolombo/-/47346-fact-sheet (дата обращения: 31.10.2021).
7. MMX: Mission Overview. – URL: http://www.mmx.jaxa.jp/en/mission/ (дата обращения: 31.10.2021).
8. ESA's cloud, aerosol and radiation mission. – URL: https://www.esa.int/Applications/Observing_the_Earth/Future_EO/Earth_Explorers/EarthCARE/ESA_s_cloud_aerosol_and_radiation_mission (дата обращения: 31.10.2021).
9. ESA's new mission to intercept a comet. – URL: https://www.esa.int/Science_Exploration/Space_Science/ESA_s_new_mission_to_intercept_a_comet (дата обращения: 31.10.2021).
10. Hera: ESA's planetary defence mission. – URL: https://www.esa.int/Safety_Security/Hera/Hera (дата обращения: 31.10.2021)

Иванова Анна Михайловна – магистрант 1-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет, anyuta9911@gmail.com

УДК 94(47).084

В. С. Измозик

СВОДКИ СОВЕСТСКОГО ИНФОРМБЮРО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «О. А. БАЛАНДИНА, А. Ю. ДАВЫДОВ. ВЛАСТЬ, ИНФОРМАЦИЯ И ОБЩЕСТВО. ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. СПБ.: ЕВРАЗИЯ, 2020. – 317 с.».

V. Izmozik

SUMMARIES OF THE SOVIET INFORMATION BUREAU IN YEARS THE GREAT PATRIOTIC WAR A TOOL OF POLITICAL INFLUENCE. BOOK REVIEW «O.A. BALANDINA, A.Y.DAVYDOV. POWER, INFORMATION AND SOCIETY. THEIR INTERRELATIONSHIPS IN THE ACTIVITY OF THE SOVIET IN THE CONDITIONS THE GREAT PATRIOTIC WAR. ST. PETERSBURG: EURASIA, 2020. – 317 p.».

В статье рассматривается монография О. А. Баландиной и А. Ю. Давыдова, посвященная созданию и деятельности Совинформбюро в годы ВОВ. На основании обширной источниковой базы авторы делают вывод, что его сводки, будучи инструментом политического воздействия на советскую и зарубежную аудитории, отличались крайней противоречивостью и порождали скепсис части общества. Вместе с тем, доведение до народа единообразной информации в чрезвычайных военных условиях сыграло определенную роль в осуществлении социальной мобилизации большей части населения.

Ключевые слова. Совинформбюро, И. В. Сталин, А. С. Щербаков, С. А. Лозовский, сводки, их цели и содержание.

The article discusses the monograph O. A. Balandina and A. Y. Davydov, dedicated to the creation and operation of THE SOVIET information bureau IN YEARS THE GREAT PATRIOTIC WAR. Based on an extensive source base the authors conclude, what are his summaries, being an instrument of political influence for Soviet and foreign audiences, they were extremely contradictory and they generated skepticism from a part of society. However, bringing uniform information to the people in extreme military conditions it played a certain role in the implementation of social mobilization of the majority of the population.

Key words. I. V. Stalin, A. S. Shcherbakov, S. A. Lozovskii, summaries, their goals and content**.**

Рецензируемая монография представляет первое в российской историографии многоплановое исследование истории Советского информбюро (СИБ) в годы Великой Отечественной войны. Книга включает Введение, четыре главы (Советское информбюро: функции и организационная структура; Люди Совинформбюро; Международная информационно-пропагандистская деятельность Совинформбюро; Сводки Советского информбюро: разработка, содержание, проблемы) и Заключение. Авторы опираются на опубликованные источники и выявленные ими документы в шести российских архивах (АВП РФ, ГАРФ, РГАЛИ, РГАСПИ, ЦГА Москвы, ЦГАИПД СПб.), а также материалы газет «Красная Звезда» и «Soviet War News Weekly», издававшейся на английском языке агентом Совинформбюро в Великобритании Э. Генри (С. Н. Ростовским). В частности, реконструирована процедура фабрикации сводок Советского информбюро на основании документов из фондов И. В. Сталина и начальника СИБ А. С. Щербакова. Цель исследования состоит во внимательном рассмотрении дихотомии: с одной стороны, курс на безоговорочную централизацию СМИ в военных обстоятельствах представляется авторам необходимостью; с другой стороны, именно следствием этого курса стало грубое и неприемлемое для части общества искажение доводившихся до народа сообщений, содержание которых целиком определялось личными пристрастиями И. В. Сталина.

Перед СИБ, созданным 24 июня 1941 г. и ликвидированным 16 августа 1945 г., было поставлены следующие задачи: 1) руководство освещением международных событий и внутренней жизни Советского Союза в печати и по радио; 2) организация контрпропаганды против немецкой и другой вражеской пропаганды; 3) освещение событий и военных действий на фронтах, составление и опубликование военных сводок по материалам Главного командования. Таким образом, СИБ была должна централизовать работу всех остальных органов информирования советского населения и заграничной аудитории. Авторы доказывают, что СИБ представляло мощный многоуровневый информационно-пропагандистский механизм с корреспондентскими пунктами внутри страны, с зарубежными представительствами. Оно имело 165 корреспондентов на местах, включало образованные в начале войны антифашистские комитеты. Являясь формально структурой СНК СССР, СИБ на деле являлся мощным идеологическим ведомством.

Авторы показывают, что СИБ, осуществляя контроль за советскими СМИ, стремилось довести до сведения народа то представление о реальности, которое И. В. Сталин считал целесообразным с точки зрения достижения победы в войне. Постепенно в ходе войны СИБ все большее внимание уделял международной деятельности, в том числе в целях развертывания информационно-пропагандистского наступления советского государства в послевоенном мире.

Значительное внимание авторы уделили анализу формирования кадров СИБа, условиям их труда, материальному положению. Прежде всего, им, на наш взгляд, удалось создать историко-психологические портреты двух руководителей СИБа: А. С. Щербакова (1901–10.05.1945), бывшего одновременно секретарем ЦК, кандидатом в члены Политбюро, первым секретарем Московского горкома и обкома партии,

начальником Совинформбюро (1941–1945), с июля 1942 г. начальником Главного политуправления РККА, с октября 1942 по май 1943 года заместителем наркома обороны, заведующим отделом международной информации ЦК ВКП(б) в 1943–1945 гг., и С. А. Лозовского (1878–12.08.1952, расстрелян), занимавшего в эти годы должности заместителя наркома иностранных дел 1939–1946), заместителя (1941–1945), начальника (1945–1948) Совинформбюро.

В СИБ действовала система социальной защиты служащих. Из 446 сотрудников на весну 1945 г. 142 относились к привилегированной группе, которая обеспечивалась продуктами и вещами в особом порядке. Вместе с тем, некоторые из них позволяли себе корыстные поступки: пропажа из особняков СИБ в 1944 г. ковров, столовых приборов, холодильника, пылесоса, кресел, гравюр и т. п.; дело ответственного секретаря Н.И. Кондакова и его подельников (выписка себе гонорара несуществующих авторов; незаконное использование абонементов на сухие пайки, талонов на табачные изделия, ордеров на «лимитные» промтовары и т. д.; хищение части продуктов и спиртного, предназначавшихся для банкетов с участием зарубежных гостей). При этом глава СИБа секретарь и кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б) А. С. Щербаков постарался «замять дело». В результате Н. И. Кондаков и другие были лишь уволены из СИБа с предоставлением другой работы.

СИБ привлек к сотрудничеству ряд выдающихся деятелей советской литературы (В. С. Гроссман, В. П. Катаев, М. А. Шолохов, И. Г. Эренбург и др.), но идеологические и бюрократические факторы нередко препятствовали творческим авторам и поощряли «халтурщиков». Большинству произведений было присуще т.н. «низкое качество»: банальность сюжетов и примитивность стиля делали их малоинтересными для общественности западных стран-союзниц. На собрании сотрудников СИБ 3 июля 1943 г. приводились примеры откровенной халтуры: один автор написал о «мирных волжских моряках»; другой сообщал о советских людях, «влюбленных в ненависть к немцам»; еще один повествовал о том, как мина ранила бойца в плечо и, не разорвавшись, впилась ему в колено, а медсестра ее вытащила. Корреспондент сообщал, что боец «разрядил патрон в одного, а потом стрелял в других», при этом вражеская «пуля угодила ему высоко в спину». В очерке о советских женщинах стояло такое: «… даже древние старухи нашли у нас применение». «Завод мучился отсутствием станков…», «30 человек лиц…», «Со страниц газеты ключом бьет пульс дивизии…».

В третьей главе анализируется международная информационно-пропагандистская деятельность Совинформбюро. Здесь авторы основное внимание сосредоточили на механизмах распространения влияния СССР (и коммунистической идеологии) за рубежом. Приоритетными международные задачи стали с конца 1942 г. В монографии указывается, что работа СИБ за границей заключалась в информировании в выгодном для советского государства идеологическом духе населения союзных и нейтральных государств о событиях на советско-германском фронте и в советском тылу. Основной формой работы выступало доведение до общественности зарубежных стран формулированных в изучаемой организации известий и сведений. Для этого СИБ готовило и отправляло за границу тысячи статей, очерков, интервью, корреспонденций, а также прилагало усилия по их обнародованию в иностранных прессе, передачах радиостанций. СИБ также издавало за рубежом с помощью работников посольств и миссий СССР информационные бюллетени и даже (в Англии) широкополосную газету. В центре пропагандистского воздействия СИБ находились Великобритания и США. Очень активной была радиопропаганда и фотоинформация. С 1943 г. стали уделять внимание и публикациям на религиозные темы. Всего в заграничные СМИ за годы войны СИБ направило 158750 материалов. Однако авторы считают, что до половины всех текстов, создание которых потребовало больших усилий и немалых денег, никогда не поступило к зарубежному читателю или слушателю. Это было связано с рядом причин: задача широко информировать население капиталистических стран о

Советском Союзе, не изменяя при этом идеологическим принципам, сталкивалась с необходимостью заинтересовать, задеть за живое новостями из СССР иностранных читателей и радиослушателей. К этому добавлялись культурная и политическая изоляция пишущих, плохое знание иностранных языков, слабая материальная база, нежелание писать о союзнической помощи. Но творческая инициатива, проявляемая лучшими авторами (О. Ф. Берггольц, И. Г. Эренбург и др.) и советскими дипломатами (И. М. Майский, А. М. Коллонтай и др.), приводила к прекрасным результатам.

Отдельная глава посвящена оперативным сводкам Совинформбюро, которые выходили с 24 июня 1941 г. по 16 мая 1945 г. Авторы предприняли первую в историографии попытку восстановить существовавший на протяжении ВОВ процесс написания и представления сталинской властью своему народу масштабной картины жизни отечества и мира. Они утверждают и доказывают, что сообщения СИБ представляли собой симулякр, своеобразным образом маскировавший и в то же время искажавший действительность. Например, 25 ноября 1941 г. на имя А. С. Щербакова из блокированного Ленинграда была отправлена справка с указанием на искажение сведений, подготовленных в городе для Совинформбюро. СИБ вместо уничтоженных 40 немецких солдат и офицеров, как сообщалось из Ленинграда, указало 800 человек. Кроме того, исказили до неузнаваемости сам боевой эпизод. На протяжении длительного времени война народная нечетко отделялась от классовой войны. В сообщениях СИБ в первый период войны рассказывалось, что немецкие солдаты якобы нередко отказывались отправляться на восточный фронт, возмущались и протестовали, а «карательные отряды» и тайная полиция их арестовывали и расстреливали. Чрезвычайно медленно происходила корректировка информационных материалов в сторону выборочного признания реалистичности. В книге сделан вывод, что «абсолютная перенасыщенность текстов СИБ «героическими» эпизодами из боевой и трудовой повседневности, а также перебарщивание при описании нанесенного врагу урона – два ключевых отрицательных акцента в информационной деятельности изучаемой организации». Подлинным создателем данной информационно-пропагандистской парадигмы являлся И.В. Сталин. Посредством сообщений он управлял всей системой пропаганды и агитации. Авторы доказывают это на основе изучения черновых и окончательных вариантов сводок, им правленых. Так в сообщении СИБ от 9 марта 1943 г. о наступлении немцев под Харьковом он заменил «22» фашистские дивизии на «23», а затем на «25». Далее вождь заменил 175 сбитых немецких самолетов на 195, а 220 уничтоженных орудий гитлеровцев – на 320. Что касается утраты немцами минометов, пулеметов, то Сталин их потери просто увеличил в полтора-три раза.

Анализируя отношение населения к сводкам СИБа, авторы выделяют несколько наиболее распространенных позиций: недоверие у части людей, особенно из интеллигенции; абсолютное доверие и часть населения, которая, разуверившись в официальной информации, просто переставала проявлять к ней интерес. В книге сделан вывод, что до 1943 г. сводки Совинформбюро в малой мере отвечали потребностям осознания обществом патриотических ценностей, поскольку они представляли собой мало связанные с реальностью информационные субституты. В них информация конкурировала с пропагандой: причем, в большинстве случаев первая целиком подчинялась второй. Это делало сообщения СИБ малоправдоподобными. Вместе с тем, доведение до народа единообразной и непротиворечивой информации в чрезвычайных военных условиях сыграло определенную роль в осуществлении социальной мобилизации большей части населения.

В итоге авторы делают вывод, что задачи, которые перед Совинформбюро выдвигала сталинская элита, в основном решались. Следует поздравить создателей монографии с серьезным научным и творческим успехом, ко-торые на место пропагандистских мифов поставили реальные выверенные факты.

Список использованных источников

1. *Баландина О. А., Давыдов А. Ю.* Власть, информация и общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны. Санкт-Петербург : Евразия, 2020. 317 с.

Измозик Владлен Семенович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, izmozik@mail.ru

УДК 372.893

Е. И. Кузнецова, Л. П. Кузнецова

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОСВОЕНИИ ИСТОРИИ В РАМКАХ ФГОС

E. Kuznetsova, L. Kuznetsova

AN ACTIVITY-BASED APPROACH IN THE DEVELOPMENT OF HISTORY WITHIN THE FRAMEWORK OF THE FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARD

В этой статье авторы рассматривают приемы и методы эффективного деятельностного подхода на уроках истории, а также представляют формы деятельности учащихся на уроках истории с использованием этой технологии.

Ключевые слова: деятельностный подход, дидактические принципы, методические подходы, учебная деятельность, формирование мировоззрения.

In this article, the authors consider the techniques and methods of an effective activity-based approach in history lessons, and also present the forms of student activity in history lessons using this technology.

Keywords: activity approach, didactic principles, methodological approaches, educational activities, the formation of a worldview.

Научить ребенка учиться в течение всей жизни – вот цель современного образования, а для этого необходимо овладеть определенными навыками – универсальными учебными действиями. Формирование знаний в соответствии со стандартами – задача, стоящая перед учителем. Отличным способом достижения перечисленных целей стал системно – деятельностный подход, который нацелен на формирование гражданской идентичности, всестороннее развитие личности и базирующийся на обеспечении соответствия учебной деятельности обучающихся их возрасту и индивидуальным особенностям на основании требований Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС). С переходом школ к реализации ФГОС второго поколения и введением Государственной итоговой аттестации возникла необходимость объективной оценки знаний и контроля за усвоением учебного материала [4].

Ключевой задачей в реализации требований образовательных стандартов является формирование личности. При этом учебный предмет строится как система знаний и существенных свойств и отношений, характерных для определенной предметной области, освоение которых осуществляется в ходе целенаправленной учебной деятельности.

При системно-деятельностном подходе основные компоненты образовательного процесса имеют свои особенности. В практическом преподавании реализация деятельностного подхода осуществляется в соответствии со следующими дидактическими принципами.

1. Принцип деятельности. Обучающиеся должны добывать знания самостоятельно, а не получать их в готовом виде, при этом осознавая содержание и формы

своей учебной деятельности. Это способствует формированию его общекультурных навыков и учебных умений (универсальных учебных действий).

2. Осуществляя преемственность между всеми ступенями обучения, мы реализуем принцип непрерывности.

3. Принцип целостности. Формирование у обучающихся целостного восприятия окружающего мира (природы, общества, самих себя).

4. Принцип минимакса. Школа должна предложить ученику возможность освоения содержания образования на максимальном для него уровне (определяемом зоной ближайшего развития возрастной группы) и обеспечить при этом его усвоение на уровне социально безопасного минимума (государственного опыта творческой деятельности).[1]

В процессе реализации деятельностного подхода обучающиеся самостоятельно (под руководством учителя) приобретают усваивают исторические знания. В соответствии требованиями ФГОС к концу обучения они должны уметь: определять цели и составлять план своей учебной деятельности, выбирать источники, оценивать результаты.

Формы деятельности учащихся на уроке.

1. Составление опорных планов, схемы, графика, диаграммы, рисунка и т. д.

2. Заполнение сравнительно-обобщающей таблицы.

3. Составление биографических справок – характеристик исторических личностей.

4. Работа с исторической картой.

5. Анализ исторических источников (документов).

6. Подготовка сообщения, доклада, реферата.

7. Рецензия на ответ товарища.

8. Образная реконструкция исторических фактов.

Существуют различные методические подходы в педагогических технологиях:

– поисковый метод;

– дискуссионный метод;

– проектный;

– ролевые/деловые игры;

– метод решения практических задач;

– коллективной творческой деятельности проблемный метод;

– исследовательский метод;

– метод решения практических задач;

– коллективной творческой деятельности;

– поисковый метод [2].

Таким образом, деятельностный подход в рамках урока с использованием метода проектов базируется на следующих принципах:

1) позиция учителя: к классу не с ответом (готовые знания, умения, навыки), а с вопросом;

2) позиция ученика: за познание мира (в специально организованных для этого условиях);

3) учебная задача – задача, решая которую ребенок выполняет цели учителя;

4) учебная деятельность – управляемый учебный процесс;

5) учебное действие – действие по созданию образа;

6) образ – слово, рисунок, схема, план;

7) оценочное действие – Я умею! У меня получится!

8) эмоционально-ценностная оценка – Я считаю... (формирование мировоззрения).

Приемы работы на уроках в рамках деятельностного подхода.

• В начале урока используем прием «Необъявленная тема». Ситуация актуального активизирующего затруднения. Создание условий для самостоятельного формулирования проблемы, версий, актуализации. Определяем проблему.

Римляне подчеркивали свою родовую связь с греками	Обычаи римлян отличаются от греческих

• Проблема: Римская цивилизация- особая или часть греческой?

Версии: греческая, особая, смешанная.

• (Актуализация. План)

После ситуации, предложенной учителем, учащиеся самостоятельно пытаются определить тему урока.

Далее учащиеся вовлекаются в постановку учебных задач. Этот прием позволяет мотивировать учащихся на работу в течение урока, повысить интерес к изучению новой темы.

Умение связывать разрозненные факты в единую картину или тему; умение систематизировать имеющуюся информацию; умение слушать друг друга формирует прием «Да – Нет».

С помощью приема «До – После» формируется умение прогнозировать события, умение соотносить известные и неизвестные факты; умение выражать свои мысли, сравнивать, делать выводы. Прием «До – После» может использоваться на этапах актуализации знаний и рефлексии.

Прием «Лови ошибку» является универсальным приемом, активизирующим внимание учащихся в течение всего урока, причем заранее придуманную ошибку может совершать как учитель, так и учащийся, выбранный для этой роли. Данный прием формирует у ребят умение анализировать информацию, умение применять знания в нестандартной ситуации, умение критически оценивать полученную информацию. Прием «лови ошибку» направлен на активизацию внимания учащихся. Учитель предлагает учащимся информацию, содержащую неизвестное количество ошибок. На уроках истории удобно применять данный прием при изучении историографии какого-нибудь вопроса. Например, тема «Личность Петра Первого и ее оценка в истории». Ученики получают серию цитат со ссылкой на авторов. Определяют, в каком случае цитата не могла принадлежать данному автору. Доказывают свое мнение.

На актуализацию полученного субъективного опыта направлен прием «Телеграмма.» Телеграмма – это очень краткая запись. Учащийся пишет телеграмму учителю (например, что уяснил на уроке, а что – нет); однокласснику – пожелание, совет с точки зрения изученного на уроке.

Прием «Синквейн» используется в конце изучения раздела программы.

Прием «З Х У». Спрашиваем у учеников, какие термины из перечисленных им знакомы, а какие нет. Затем просим записать высказанные ответы в табличку, состоящую из трех столбцов: «уже знаю», «хочу узнать», «узнал». Получается, что учащиеся в начале занятия заполняют первые два столбика. Этот прием позволяет четко сформулировать задачи урока для каждого учащегося, а также в конце соотнести их с полученными результатами.

Практическая часть технологии системно – деятельностного подхода.

На примере уроков истории представляем методические рекомендации к проведению уроков в рамках системы деятельностного подхода, демонстрируем приемы и привести примеры организации таких этапов урока, как:

Этап мотивирования к учебной деятельности.

Этап постановки проблемы, цели урока и составления плана.

Этап открытие нового знания.

Этап первичной проверки и закрепления знаний.

Примерное распределение учебного времени на уроке.

Постановка проблемы (7 минут).

1. Версии (3 мин).

2. Актуализация (планирование работы) 10 мин.

3. Поиск решения (20 мин).

4. Выражение решения (5 мин).

5. Какой ответ (чьи версии подтверждаются).

На этапе открытия нового знания чаще всего можно организовать через работу в группах или парах с текстом учебника и заданиями из печатной рабочей тетради. Одной из первостепенных задач, решение которых я ставлю перед собой – сформировать у учащихся навык работы с текстом. Чтобы научить школьников выделять главную мысль текста, учащиеся получают задание передать главное содержание пункта параграфа 2-3 простыми предложениями. Другой приём работы – задать вопросы к тексту, после этого происходит обмен вопросами. Работа может проходить в парах или группах. Приведём пример этапа открытия нового знания на примере урока истории в 6 классе «Расцвет Руси при Ярославе Мудром».

Другой приём работы – задать вопросы к тексту, после этого происходит обмен вопросами. Работа может проходить в парах или группах. Приведём пример этапа открытия нового знания на примере урока истории в 6 классе «Расцвет Руси при Ярославе Мудром».

Фиксируется новое знание, полученное на уроке, на последнем рефлексивно-оценочном этапе. Учащиеся должны соотнести цель своей учебной деятельности и ее результаты. Затем, по возможности, учащиеся должны сами оценить успешность собственной деятельности на уроке.

Примеры заданий на уроках истории:

Заполни кластер на тему «Отмена крепостного права»

«Оживи картину»

Планирование и организация учебного процесса, в котором основное место отведено активной и разносторонней, самостоятельной познавательной деятельности учащихся, ориентированных на заданный результат, чтобы школьники самостоятельно приобретали и осваивали исторические знания и есть реализация деятельностного подхода в образовании.

Знаменитый английский писатель Бернард Шоу сказал: «Единственный путь, ведущий к знанию – это деятельность».

Список использованных источников

1. *Алексашкина Л. Н.* О системном подходе к развитию умений школьников при изучении истории в основной и старшей школе // Преподавание истории и обществознания в школе 2011 г. №5. С. 14–24.

2. *Асмолов А. Г.* Системно –деятельностный подход в разработке стандартов нового поколения // Педагогика 2009 г. №4. С. 18–22.

3. Деятельностный подход в образовании: Монография. Книга 1 / Составитель В. А. Львовский. – Москва : Некоммерческое партнерство «Авторский Клуб», 2019. 304 с.

4. *Кузнецова Е. И., Кузнецова Л. П., Петроченко С. М.* Совершенствование оценочной политики в контексте реализации образовательных стандартов // Вестник Гуманитарного факультета №8/2016. С.102–106.

Кузнецова Екатерина Игоревна – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, kuznetsova13@ya.ru

Кузнецова Людмила Павловна – учитель истории и обществознания высшей категории в Государственном бюджетном общеобразовательном учреждении школа №500 Пушкинского района Санкт-Петербурга, kuznetsovaludmila05@gmail.com

УДК 323.17

Е. И. Кузнецова, Л. П. Кузнецова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСТРОЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАЦИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

E. Kuznetsova, L. Kuznetsova

THEORETICAL ASPECTS OF BUILDING POLITICAL NATIONS IN THE POST-SOVIET SPACE

В этой статье рассматривается проблематика построения политических наций на постсоветском пространстве. Авторы рассматривают основные подходы к феномену этничности, нации и национализма, выделяют основные «технические» критерии построения политической нации.

Ключевые слова: этническая и национальная идентичность, нации, национализм, политическая нация, гражданская нация.

This article examines the problems of building political nations in the post-Soviet space. The authors consider the main approaches to the phenomenon of ethnicity, nation and nationalism, highlight the main "technical" criteria for building a political nation

Keywords: ethnic and national identity, nations, nationalism, political nation, civil nation.

Проблема формирования гражданской нации является важной для всех государств постсоветского пространства. Получение суверенитета в начале 1990-х гг. не повлекло за собой немедленную консолидацию граждан. Для стран постсоветского региона актуальной остается проблема легитимности. Построение гражданской нации способно частично решить данную проблему. Гражданская нация тесно связана с демократическими институтами и гражданским обществом. Гражданское общество не всегда имеет те же цели, что и государство, поэтому существование гражданского общества проблематично в условиях недемократических режимов. В государствах, которые строят этнонацию, гражданского общества нет, оно фактически слито с государством.

После распада СССР в государствах произошли глобальные трансформации, прежде всего связанные с изменением статуса различных этнических групп. В части постсоветских государств актуализации этничности способствовал сам факт образования независимых государств, изменение статуса многих этнических групп, одни из которых стали государствообразующими, другие перешли в положение национальных меньшинств. В некоторых государствах до сих пор главенствует понимание формирования нации через этнические и культурные аспекты (обычаи, традиции, религия и главное – общий язык). Идентификация с большой социальной (этнической) общностью вполне может определять массовое поведение и действия политического характера, особенно в обществе, которое находится в состоянии кризиса. Важнейшим элементом самосознания, который формируется на более высоком уровне развития соответствующих национально – этнических общностей является представление о национальных интересах. Выявление их содержания и направленности – результат идеологии и политики. Само декларирование национальных интересов свидетельствует о достаточно сложной организации общественной жизни и наличия слоя людей, которые берут на себя смелость говорить от «имени народа».

Представление о нации в сознании индивида чаще всего бывает сакральным, а следовательно, и неотрефлексированным: нация или народ, к которому он принадлежит, есть нечто большее, чем он сам и даже ближайшее окружение – семья, дом, очаг, место работы. Число потенциальных наций намного больше, чем число возможных жизнеспособных государств. Может ли «государство», которое находится внутри другого государства, выйти из него. Тут в действие вступает противоречие между целостностью суверенного государства и правом народов на самоопределение.

Территориальная политическая единица может стать этнически однородной только в случае, если будут истреблены, изгнаны или ассимилированы все инородцы. В современном мире практически не осталось этнически гомогенных государств, и в перспективе мононациональное государство является скорее исключением из общих правил.

Группа людей – жители одной территории или носители определенного языка, становятся нацией, если и когда члены этой группы твердо признают права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства. Именно взаимное признание такого объединения превращает их в нацию, а не другие общие качества - какими бы они ни были, которые отделяют эту группу ото всех, стоящих вне ее. Идея нации объединяет общество, легитимирует новый политический режим. Именно поэтому для постсоветских государств остаётся приоритетом построение политической нации.

Многие исследователи, занимающиеся проблематикой нациестроительства, отмечают позитивные черты гражданской нации, но при этом на данный момент нет единых критериев ее построения. Минимальные «технические» условия присутствуют в обоих рассматриваемых случаях: международное признание, наличие территорий, определенный конституционный дизайн, политическая система, транспортная система и система связи, способность самостоятельно осуществлять экономическую деятельность. Достаточно ли соблюдения только «технических» условий, и какие именно нужны «гуманитарные».

Этничность является таким образованием, которое не возникает изначально, а привносится в сознание индивидов и групп в процессе целенаправленного воздействия, носящего нередко манипулятивный характер.

Под влиянием целого комплекса специфических условий: природной среды, истории развития, социально-экономических, политических, культурных факторов и т. д. у каждого народа формируются, закрепляются, передаются последующим поколениям такие черты, которые позволяют говорить о характерном для него этнотипе. Но все попытки зафиксировать проявления этнической специфики в сознании индивида, формах его деятельности являются не только сложно реализуемыми, но, главное, почти во всех случаях не бесспорными.

Некоторые знания о степени выраженности этничности как принадлежности помогут лучше узнать этнонациональную структуру общества, его состав по этническому признаку. Основная информация добывается формальным путём в результатах переписей населения. Это даёт представление о том, насколько те, кто называет себя украинцами, русскими, поляками и т. д., реально являются носителями этнической специфики, насколько она сохраняется в условиях развития процессов интернационализации и глобализации. В частности, в Российской Федерации в переписных листах [1] присутствует вопрос о знании языков и вопрос об использовании указанных языков в быту. Даже учитывая граждан, указавшим национальность и язык, используемый в быту в действительности не используемый, у государства, а затем и у исследователей появляются актуализированные данные.

Выявление различных типов этничности дает представление о мере ее выраженности на личностном уровне. На уровне группы предметом анализа является состояние этничности.

Существует три основных его уровня: этнический покой, актуализированная и политизированная этничность.

В состоянии покоя у большинства представителей этнической группы проблемы, связанные с ее статусом в системе этнической стратификации данного общества, политическим, экономическим положением, возможностями культурного развития, находятся либо на периферии интересов группы, либо вообще не волнуют большинство ее представителей.

При наличии элементов социального неравенства, обусловленного этнической принадлежностью, нерешенности многих важных проблем, обеспечивающих нормальное функционирование этнической общности, ее жизнеспособность и дальнейшее развитие, происходит актуализация этничности. Возрастает ее значимость в общей структуре групповых ценностей. Этничность начинает выполнять роль механизма интеграции группы, формирования ее как «мы – общности», осознающей свою связанность общей историей, культурой, общими интересами и потребностями.

На постсоветском пространстве актуализации этничности способствовал сам факт образования независимых государств, изменение статуса многих этнических групп, одни из которых стали государствообразующими, другие перешли в положение национальных меньшинств. Важно отметить возрастающее влияние культурных, религиозных объединений граждан, которые формируются на основе этнической принадлежности.

Актуализация этничности говорит о пробуждении этнического самосознания группы, но не означает ее готовности к совместным действиям. Предпосылкой таковой является политизированная этничность. В этом состоянии группа «стремится достичь политических целей, добиться для себя определенной части власти или таких изменений в государственном механизме, которые бы обеспечивали ее интересы»[5].

Политизация этничности является результатом целенаправленной мобилизации группы. Она начинается с созыва носителей этнической идентичности, т. е. объединения тех, кто не утратил своего языка, культуры, традиций, религии, находит продолжение в выдвижении круга определенных идей, лозунгов, целей и т. п., в формировании организационных форм объединения представителей данной национальности, создания средств коммуникации, агитации и пропаганды и завершается выходом этнической группы на политическую арену.

Существенную роль в процессе политизации этничности, наряду с объективными факторами, определяющими реальное положение этнической группы в обществе, играет национальная элита и этнические лидеры, которые собственно и осуществляют мобилизационные функции. Но как справедливо замечает К. Калхун «… трудно считать этничность «субстанцией», которая напрямую вызывает и объясняет национальность или национализм» [2]. Калхун поясняет свою мысль: «Этничность занимает некое промежуточное положение между родством и национальностью. Этнические идентичности становились важными везде, где различные группы взаимодействовали друг с другом на общей территории. Они развивались главным образом там, где концентрация населения в городе, развитие надлокальных экономических связей и/или создание государства (особенно империи) втягивало различные и внутренне сплочённые народы в отношения между собой или с самим государством… Этничность – это не просто продолжение родства, а способ, которым создаётся коллективная идентичность, когда преданность родству, традиции и другим средствам передачи общей культуры выходит на более широкую арену, где большая часть взаимодействия не организуется теми же родством и культурой, что и внутри группы» [2].

Исследование дискурса нации в исторической ретроспективе будет неполным без представления позиций основных авторов, работавших в русле nation studies. Дискурс нации обычно охватывает такие проблемы как народный суверенитет, государственная власть и управление территорией государства.

К. Хюбнер считает невозможным мирное сосуществование различных этнокультурных сообществ. Исследователь пишет об этом: «Исторический опыт учит: совместная жизнь различных культур в узком пространстве всегда была постоянным запалом, приводящим к новым и новым взрывам» [6]. То есть исследователь ставит под сомнение существование большей части современных государств, поскольку они являются полиэтничными по своей структуре и поликультурными. В свете событий последнего десятилетия его прогноз не выглядит голословным – публично главы государств так называемой Старой Европы озвучили крах политики мультикультурализма.

Гражданскую нацию можно определить как гражданское сообщество. Это в широком смысле. Условия, необходимые для создания гражданской нации, описаны многими исследователями, но на данный момент так и не выявлены критически необходимые. Каково должно быть это сообщество, какие у него цели, что важнее международное признание, территория, или экономические возможности, так ли важна легитимность в процессе формирования гражданской нации – на все эти вопросы исследователи отвечают по – разному.

«Под политической нацией подразумевается политически интегрированная макросоциальная общность, взятая как fait accompli, в отвлечении (предпринимаемом в сугубо аналитических целях и потому временном) от тех культурных факторов, которые способствовали или препятствовали её интеграции… Такая общность – это, собственно, аристотелевская полития, с различения между которой и полисом начинается третья книга "Политики": "… Деятельность государственного мужа и законодателя направлена исключительно на государство (polis), а государственное устройство (politeia) есть известная организации обитателей государства"»[3].

Основные технические параметры, необходимые в процессе нациостроительства: «международное признание, определенность территориального состава, конституционный дизайн, политические институты (в первую очередь обеспечивающие поддержание монополии на легитимное насилие), хотя бы относительный «закон и порядок», некоторый минимум экономической состоятельности…»[3]. Данные ресурсы являются необходимым техническим минимумом, но основную задачу консолидации нации только с помощью их не выполнить, пока нет ценностной интегрированности[4].

Приводя весьма внушительный список критериев гражданской нации, автор настаивает на том, что нет предопределённости даже в том случае, если указанные критерии присутствуют в определенном государстве, говорить о наличии политической нации с уверенностью нет возможности, так как измерить её нельзя.

На постсоветском пространстве проекты построения гражданской нации сталкиваются с определёнными трудностями. Пытаясь построить нацию с весьма широкой национальной интеграцией, государства сталкиваются с неприятием такого проекта, что ведёт к появлению на их территориях сепаратистских национализмов. Как выше мы уже отмечали, гражданскую нацию можно определить как гражданское сообщество. Идея нации объединяет общество, легитимирует новый политический режим. Именно поэтому для постсоветских государств остаётся приоритетом построение политической нации. Элита формирует представление об едином народе – нации (национальную идентичность) как чувство принадлежности и лояльности своей стране, что выражается в патриотизме или любви к Родине. В рамках государственного национализма могут вполне сохраниться этнические и региональные особенности. Этнокультурный национализм является главным препятствием в процессе построения гражданской нации.

Список использованных источников

1. Всероссийская перепись населения 15 октября – 14 ноября 2021 г. – URL: https://www.strana2020.ru/

2. *Калхун К.* Национализм. Москва, 2006 г.

3. *Каспэ С.* Политическая нация и ценностный выбор: общие положения, российский случай (I) // Полития. 2009. №2.

4. *Кузнецова Е. И.* Проблемы формирования гражданской нации: основные аспекты нациостроительства // Общество Среда Развитие. 2012. №2.

5. *Ребкало В. А., Обушний М. І., Майборода О. М.* Етнонаціональні процеси в сучасній Україні – К.: вид-во УАДУ, 1996.

6. *Хюбнер К.* Нация. От забвения к возрождению. Москва. 2001.

Кузнецова Екатерина Игоревна – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, kuznetsova13@ya.ru

Кузнецова Людмила Павловна – учитель истории и обществознания высшей категории в Государственном бюджетном общеобразовательном учреждении школа №500 Пушкинского района Санкт-Петербурга, kuznetsovaludmila05@gmail.com

УДК 159.9.07

Д. А. Кулик, Н. Г. Церковникова

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

D. Kulik, N. Tserkovnikova

DESIGNING PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION MODERN TEENAGERS

Модернизация российского образования ориентирует общеобразовательные организации на формирование у обучающихся готовности к осознанному выбору профессии, отвечающей не только современным потребностям современного общества и требованиям рынка труда, но и индивидуальным интересам, склонностям и способностям самих обучающихся. Организации тьюторского сопровождения профильного и профессионального самоопределения старшеклассников.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, организация тьюторского сопровождения профильного и профессионального самоопределения старшеклассников.

Modernization of Russian education guides general education organizations in shaping the students' readiness for an informed choice of a profession that meets not only the modern needs of modern society and the labor market requirements, but also the individual interests, inclinations and abilities of the students themselves. Organizations of tutor support for specialized and professional self-determination of high school students.

Keywords: professional self-determination, vocational guidance work, tutor technologies.

Социальное развитие подрастающего поколения проходит в условиях непростых социально-экономических изменений, характеризующихся как сменой процессов в отраслевых структурах, так и большими социальными изменениями, происходящими за последние годы не только в нашем государстве, но и в мире в целом.

Одной из таких причин можно назвать наступившую пандемию (COVID-19), которая во многом перевернула представления многих людей о невозможности сохранения стабильности и равновесия, важности зоны комфорта, что произвело неизгладимый след на актуальность и необходимость формирования новых установок в мировоззрении современного человека; характер социализации индивида в обществе, уникальность реализации потенциала самой личности.

Пандемия COVID-19 привела к значительным изменениям на рынке труда не только в отношении спроса и предложений, но и в области устойчивости функционирования самих организаций, многие предприятия прекратили свое

существование, а люди были вынуждены искать новую работу. Изменились характер отношений работодателя и наемных работников, требования к профессиональным обязанностям, многим сотрудникам пришлось осваивать новые технологии и приспосабливаться к реалиям времени.

Новая система профессиональной ориентации должна отвечать запросам личности, общества и рынка. Сфере образования также пришлось адаптироваться в ответ на ограничения в условиях пандемии, и находить новые пути решения в ситуации неопределенности.

Сегодня обществом востребованы личностные и эмоциональные компетенции, проактивность и коллаборация, способность действовать в условиях новизны и неопределённости, креативность и критичность мышления, готовность к различным результатам своих действий, в т. ч. неожиданным, оптимизм, энтузиазм и уверенность в себе, самоорганизованность и открытость новому опыту, а также принятие оценок других людей.

В этой связи стало необходимым изучение новых подходов к организации работы с современной молодежью, где процесс профессионального самоопределения старшеклассников рассматривается как фактор включения в жизнь современного общества и готовность выпускников к самостоятельному выбору профессии.

Долгое время доминирующие традиционные образовательные системы ставили своей целью сформировать выпускника с заранее спланированным набором знаний и навыков. При этом известен четкий «путь, которым надо провести старшеклассника», и известен «итоговый образ, к которому надо его подвести». С целью построения более эффективной системы обучения старшекласснику, по-прежнему, самому сложно сделать профессиональный выбор в ситуации, когда его ведут по заданной траектории обучения, с учетом его способностей, интересов и предпочтений.

Однако профориентационная система XXI века основной задачей ставит переключение внимания от программирующе-формирующего института в полноценное профессиональное карьерное ориентирование, где сам выпускник осуществляет первые и самостоятельные шаги в выбранную им будущую профессию. С непрерывным образованием неразрывно связана профориентация.

В условиях современных требований модель профессионального самоопределения включена в систему психолого-педагогического сопровождения в рамках предпрофильной и профильной подготовки обучающихся.

Профилизация обучения организуется с целью углубленного изучения отдельных дисциплин, дифференциации содержания обучения и обеспечения гибких возможностей для построения индивидуальных образовательных программ (образовательных траекторий), учета склонностей и потребностей субъектов образования и обеспечения преемственности между общим и профессиональным образованием.

Современное образование призвано не просто вооружить выпускников общеобразовательных учреждений знаниями и умениями, но и создать условия для развития личности, самореализации ее в обществе. Полноценная реализация данных целей не может быть осуществлена силами отдельных педагогов за счет обогащения содержания отдельных предметов, оно требует полноценного психолого-педагогического обеспечения всех субъектов образовательного процесса.

В философии и психологии существует довольно много подходов к наполнению смыслом термина «психолого-педагогическое сопровождение». Этимологически понятие «сопровождение» близко к таким понятиям, как «действие», «совместное передвижение», «помощь одного человека другому в преодолении трудностей».

Теоретический анализ проблемы профессионального самоопределения обучающихся на этапе подготовки к выбору профиля обучения показал, что она довольно

широко представлена в педагогических исследованиях и не вполне достаточно раскрыта в психологическом плане.

Значимость проблемы профессионального самоопределения с начала процесса предпрофильной подготовки и профильного обучения старшеклассников высока.

Требования, связанные с развитием образования и внедрением доктрины «4К компетенций», интеграции их в образовательный процесс, заставляют по-новому взглянуть на систему организации профессионального самоопределения современного старшеклассника.

Новая образовательная стратегия должна быть ориентирована не на усвоение систематического фундаментального знания, а на развитие способностей и мотивации к генерированию собственных новых знаний, технологий, научных идей. Знание не может быть «своим» продуктом, пока оно отчуждено от человека. «Своим» может быть только знание, или идея, полученные в процессе взаимодействия человека с другими людьми.

В своем профессиональном поле человек постоянно взаимодействует с людьми, которые близки по интересам, жизненным смыслам, там же он находит и новых друзей. И если человек не сумел найти себя в профессии, либо не удовлетворен ее результатами, он чувствует себя не комфортно. И тогда человек разочаровывается в профессии, а затем уходит из нее. Таким образом, правильный выбор профессии предопределяет успешность не только профессиональной карьеры, но и жизни в целом.

Проектирование профессионального сопровождения в рамках модели психолого-педагогического сопровождения, безусловно, содействует профессиональному развитию старшеклассников общеобразовательных школ, и способствуют осознанному выбору профессии.

Введение тьюторского сопровождения позволяет оптимизировать привлекаемые ресурсы в работе со старшеклассниками. Совместно с тьюторантом специалист помогает проектировать события будущего (индивидуальную образовательную программу) на основе значимых для человека событий из прошлого, ориентируясь на индивидуальную образовательную траекторию.

Тьютор организует события, направленные на выявление и поддержку образовательных интересов личности. Включает тьюторанта в проектную, игровую или авторскую деятельность в ходе получения им образования.

Целью тьюторского сопровождения является полноценная реализация образовательного потенциала личности, потенциала саморазвития, самоактуализации через образование и удовлетворение потребностей субъекта деятельности.

Следует подчеркнуть важность и целесообразность формирования у современных подростков и молодежи навыков прогнозирования и проектирования сценариев будущего в области собственного профессионального самоопределения.

Формирование у выпускников профильных классов устойчивого интереса к приобретаемой профессии определит мотивацию осознанного выбора профессии и нацелит на формирование профессионального самоопределения.

Внедрение технологий тьюрского сопровождения в открытый образовательный процесс способствуют сформированию профессиональных предпочтений и идентичности в выборе профессии, а также сфокусировать внимание подростка на важности принятия им ответственных решений и осознанности реализации целей в жизни, в т.ч. при выборе профессии.

Перевод системы профориентационной работы в онлайн режим, распространение тестов через гугл-форму сократит дистанцию между участниками образовательного процесса, а также увеличит ресурсную базу диагностического инструментария.

Переход в цифровизацию системы профориентационной работы, отвечает требованиям современного общества, в том числе в период пандемии новой инфекции (COVID-19).

Индивидуализация обучения, его персонализация позволят упростить модель учебной работы, концентрируя свое внимание на требовании и актуальности запроса.

Список использованных источников

1. Компетенции «4К»: формирование и оценка на уроке: Практические рекомендации /авт.-сост. М. А. Пинская, А. М. Михайлова. Москва : Корпорация «Российский учебник», 2019. 76 с. – URL: https://worldsellers.ru/4k-kompetencii-budushhego/ (дата обращения: 10.06.2021).

2. Международная организация труда ILOSTAT. – URL: https://ilostat.ilo.org/ (дата обращения: 02.06.2021).

3. *Церковникова Н. Г.* Тьюторские технологии прогнозирования профессионального будущего личности / Н. Г. Церковникова // Прогнозирование профессионального будущего молодежи в условиях цифровой экономики: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Первоуральск, 12 марта 2020 г. - Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2020. С. 227–231. – URL: https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/31697 (дата обращения: 18.06.2021).

Статья представлена научным руководителем, кандидатом психологических наук, доцентом кафедры ППиП РГППУ Н. Г. Церковниковой

Кулик Диана Анатольевна – педагог-психолог, Екатеринбургская школа-интернат № 11, kulik_dianochka@bk.ru

Церковникова Наталья Геннадьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры ППиП, Российский государственный профессионально-педагогический университет, nataliya.cerkovnikova@rsvpu.ru

УДК 323.1

О. Л. Львова, Т. Г. Потапенко

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАТАЛОНСКОГО СЕПАРАТИЗМА

O. Lvova, T. Potapenko

THE REASONS FOR THE EMERGENCE OF CATALAN SEPARATISM

В данной статье рассматриваются причины появления каталонского сепаратизма с исторической, культурной, экономической и политической точек зрения. Рассмотрены современные попытки региональных властей установить независимость от Испании.

Ключевые слова: Каталония, Испания, сепаратизм, борьба за независимость, референдум.

This article examines the reasons for the emergence of Catalan separatism from a hysterical, cultural, economic and political point of view. The modern attempts of the region to establish independence from Spain are considered.

Keywords: Catalonia, Spain, separatism, struggle for independence, referendum.

Движение за независимость Каталонии или каталонский сепаратизм в настоящее время является значимым политическим направлением. Кроме области Испании сторонники независимости Каталонии также претендуют на территории, которые в

настоящее время принадлежат Франции и Италии, чтобы присоединить их к некоему воображаемому субъекту, который они называют «каталонскими землями».

Исторически, Каталония в разное время была завоёвана различными народами, начиная от арабов и германцев, заканчивая испанцами и французами. Тем не менее, неразрывно связанным с Испанией регион Каталония стал в 1492 г., после заключения брака Изабеллы Кастильской и Фердинанда II Арагонского, при этом Каталония сохраняла относительную самостоятельность. Однако, Франко-испанская война (1635–1659 гг.) положила этому конец, разделив регион, а потом население каталонских земель, оставшихся в составе Испании, подверглось притеснениям и ассимиляции, что привело в итоге к появлению каталонского сепаратизма.

В 2017 г. сторонники независимости Каталонии провели референдум, в ходе которого более 90 % участников, проголосовали за независимость и отделение от Испании. Референдум вызвал рост сепаратистских настроений, но не был признан официальными властями Испании, а также почти всеми странами-членами ООН, включая постоянных членов Совета Безопасности ООН. Также необходимо отметить, что Совет Безопасности ООН призвал противоборствующие стороны, Испанию и Каталонию, добиться компромисса и урегулировать свои противоречия [1]. Эти противоречия представляется необходимым рассмотреть более внимательно.

Причины борьбы за независимость Каталонии можно разделить на следующие категории: исторические причины, культурные, экономические и политические. Причем необходимо отметить, что еще до недавнего времени исторические и культурные причины, культура, язык, традиции и обычаи региона, были главным обоснованием требований каталонцев об отделении от Испании, а сегодня основными являются в большей степени экономические и политические причины.

Исторические причины обусловлены тем, что Каталония, как обособленный регион, имеющий свои законы и культуру, существует уже более тысячи лет, как королевство Каталония и Арагон, присоединенный к Испании в XV в., сохранивший при этом всю свою самобытность. Потеря независимости Каталонии началась в XVIII в. после восшествия на престол короля Филиппа V. А в 1901 г. испанское правительство признало существование каталонской народности, что ускорило развитие убеждений о способности существовать независимо [2].

Образование Испанской республики в 1931 году принесло Каталонии, в ходе проведения реформы правительства Мануэля Асаньи, самоуправление, однако гражданская война, и последовавшая за ней диктатура Ф. Франко, которую многие исследователи приравнивают к фашизму, не позволила воплотить идеи о независимости региона. Более того, во времена Франко было уничтожено большое количество его политических противников, среди которых были сторонники независимости Каталонии.

Среди культурных причин главное то, что жители Каталонии говорили и продолжают говорить на каталонском языке, который отличается от испанского. По мнению самих каталонцев, язык является наиболее важной причиной требований независимости региона. Одним из аргументов сепаратистов является идея о том, что правительство в Мадриде всегда пыталось вытеснить каталанский язык испанским. Период правления Ф. Франко (1939–1975) представляется ими как апогей притеснения каталанского языка. В настоящее время сторонники независимости Каталонии пытаются добиться того, чтобы каталанский язык был официально признан Европейским союзом, так как по подсчетам итальянского исследователя Дж. Поггесчи, на каталанском языке говорит 90 % населения региона. Процент понимающих каталанский язык приближается к 100 [3].

В Стране Басков, Галисии, Каталонии, Валенсии было запрещено не только использовать родной язык в деловой и общественной жизни, но и говорить на нем. В Барселоне полиция могла арестовать человека в любом публичном месте только

за то, что он говорил на своем родном каталанском языке [1]. За использование каталанского языка гражданам грозил крупный штраф или даже тюремное заключение.

Также, Каталония имеет свою национальную самобытность, выраженную в национальных костюмах, танцах и песнях. Развитие сепаратизма произошло в том числе из-за насильственного навязывания «чужой» испанской национальной культуры. Например, во времена Франко, национальные и политические чувства можно было безопасно выразить, только болея за футбольный клуб «Барселона».

Экономические разногласия играют ключевую роль в процессе сепарации Каталонии. Ежегодные экономические расчеты являются одним из основных аргументов, которые использует местное правительство Каталонии, требуя независимости. В частности, обосновывая свои доводы тем, что их регион вносит в испанскую казну больше, чем получает взамен. Каталония была одной из первых областей Испании, которая подверглась индустриализации. С тех пор в экономическом плане регион Каталония развивается быстрее и давно стала заметно богаче. Особенно сильно, она выделяется на фоне южных сельскохозяйственных провинциях. Испанское правительство, начиная индустриализацию Каталонии рассчитывало получить промышленный регион, экономически сплачивающий всё государство, но произошло обратное.

В конце XIX в. в Барселоне появились первые фабрики, которые функционировали за счет британского оборудования и на которых работало более 40 % местного населения.

Сегодня Каталония является одним из самых развитых индустриальных центров Испании, и ее вклад в промышленное производство остается на уровне около 25 % [4].

Противники независимости также прибегают к цифрам, чтобы попытаться сдержать стремление к суверенитету. Как утверждает высший орган самоуправления Каталонии – Женералитет, Каталония инвестирует в экономику Испании больше, чем получает взамен. Однако существуют расходы, которые сейчас покрывает Испания (армия, социальная защита, пенсии). После отделения от Испании расходы, которые сейчас принимает на себя Испания, полностью лягут на плечи независимой республики.

Исторические и экономические основания заложили базис третьей категории причин каталонского сепаратизма – политических.

Некоторые политические деятели, находясь у власти, не боятся открыто выражать собственное мнение о ситуации, так, например, председатель торговой палаты Барселоны, Джоан Канадель, сделал громкое заявление о том, что будущее Каталонии в составе Испании сулит ей безработицу и смерть [5]. Подобные взгляды разделяет значительная часть населения Каталонии. Поэтому там время от времени происходят «политически незаконные действия», так их официально характеризует испанская сторона, направленные на достижение независимости.

За период с 2009 по 2017 г. было предпринято несколько попыток провести референдум среди населения региона о признании его независимым от Испании:

1) 2009–2010 гг. – неофициальный референдум, по итогам которого более 90 % населения региона, участвующего в голосовании, отдали свои голоса за отделение от Испании[6];

2) 2012 г. – проведение «Марша независимости», в котором приняли участие 1,5 миллиона человек, при том, что население региона составляет 7,5 миллионов человек. Таким образом, 20 % населения региона участвовало демонстрации [7];

3) В 2014 г. в ходе проведения консультативного референдума, при котором было разрешено голосовать жителям региона не с 18, а с 16 лет, а также иностранным гражданам, за независимость проголосовали 80 % от всего количества проголосовавших [8];

4) В 2015 г. произошло принятие женералитетом законопроекта о сецессии, который был признан незаконным Конституционным судом Испании;

5) 2017 г. – каталонский референдум, на котором, более 90 % участников (при явке 43,03 %) высказались за отделение от Испании полностью, и 7 % – за то, чтобы оставить все в существующем виде. Данный референдум, как и все вышеперечисленные, был признан незаконным [1].

Таким образом, между Каталонией и Испанией имеются серьезнейшие противоречия, основанные на неблагополучной совместной истории, разных культурах и экономических аспектах несправедливого перераспределения финансов, подогреваемые радикально настроенным населением. Это может привести к трагическим последствиям, как для самих Каталонии и Испании, так и для всей Европы, и мира в целом. Для Испании радикализация каталонского сепаратизма может обернутся вспышкой насилия, то для Европы в целом, даже частичный успех каталонских сепаратистов, может подстегнуть подобные процессы, например в Северной Италии, Шотландии и Ольстере. Помимо этого, обострение этнонационализма на европейском континенте вполне может подстегнуть радикальные сепаратистские и национальные движения за его пределами, вызвав новый виток насилия.

Список использованных источников

1. Запрещённая свобода: как Каталония веками борется за свой суверенитет и не может победить. – URL: https://tjournal.ru/stories/341722-zapreshchennaya-svoboda-kak-kataloniya-vekami-boretsya-za-svoy-suverenitet-i-ne-mozhet-pobedit (дата обращения: 07.11.2021)

2. *Кожановский А. Н.* Каталонское культурно-языковое "погружение" и его противники // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2017. № 10(64). С. 9.

3. *Мовсесян А. С.* Последствия референдума независимости Каталонии 2017 года для Испании и Евросоюза // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 3(55). С. 109–113.

4. *Хенкин С. М.* Каталонский конфликт вчера и сегодня // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 117–138.

5. El Govern trasllada els resultats definitius del referèndum de l'1 d'octubre al Parlament de Catalunya. – URL: http://www.govern.cat/pres_gov/govern/ca/monografics/303541/govern-trasllada-resultats-definitius-referendum-l1-doctubre-parlament-catalunya.html (дата обращения: 07.11.2021)

6. Generalitat de Catalunya. – URL: https://web.gencat.cat/ca/inici/ (дата обращения: 07.11.2021)

7. Marxa cap a la Independència. – URL: https://web.archive.org/web/20120910214438/http://marxa.assemblea.cat/ (дата обращения: 07.11.2021)

8. *Poggeschi G.* La nuova legge linguistica catalana nel quadro dell evoluzione dello Stato regionale spagnolo // Le Regioni. 1998. N 5. P. 1107–1141.

Львова Ольга Леонидовна – магистрант 2-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, olyalions@gmail.com

Потапенко Тимофей Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, potapenkoteo@mail.ru

УДК 372.862

О. Л. Мальцева, С. М. Островерхий

ВНЕДРЕНИЕ ОПЫТА СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ В ПЛАНЫ И ПРОГРАММЫ ВЫСШЕЙ ВНЕВОЙСКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА СВЯЗИ

O. Maltseva, S. Ostroverhiy

INTRODUCTION OF THE EXPERIENCE OF THE SOVIET-FINNISH WAR THE PLANS AND PROGRAMS OF HIGHER NON-MILITARY TRAINING OF STUDENTS OF THE LENINGRAD ELECTROTECHNICAL INSTITUTE OF COMMUNICATIONS

В статье рассказывается, что на основе научного обобщения боевого опыта обеспечения связи при ведении боевых действий, в том числе боевого применения электротехнических средств, были внесены изменения в планы и программы высшей вневойсковик подготовки студентов ЛЭИС. Данные научные обобщения находили отражение в руководящих документах по управлению войсками и по службе связи Красной армии.

Ключевые слова: Советско-финляндская война, высшая вневойсковая подготовка студентов, специальная подготовка связистов, управление войсками.

The article tells that on the basis of a scientific generalization of the combat experience of providing communications during combat operations, including the combat use of electrical equipment, changes were made to the plans and programs of the higher non-military training of LEIS students. These scientific generalizations were reflected in the governing documents on the management of troops and on the communications service of the Red Army.

Keywords: Soviet-Finnish war, higher non-military training of students, special training of signalmen, command and control of troops.

Противостояние России с Финляндией привело к войне, которая продолжалась с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г. Решающие военные действия проходили на Карельском перешейке, имеющем протяженность 100–150 км.

В ноябре 1939 года в ряды Красной армии было призвано более двухсот студентов Ленинградского электротехнического института связи (ЛЭИС). Среди них был целый поток выпускников 1939 года, которому сразу после выпуска пришлось идти защищать рубежи нашей Родины. Выпускники этого года прошли трудными дорогами трех войн: Советско-финляндской, Великой Отечественной и с Японией в 1945 году. Позже выпускников ЛЭИС 1939 года назовут «Железным потоком» [2]. Среди них участники Советско-финляндской войны в составе войск связи на Карельском перешейке: инженер-полковник А. М. Сосипаров, инженер-подполковники В. А. Мезенин, К. В. Сачковский и В. М. Петрунин, майор А. И. Гельфман, инженер-майор Д. Л. Партин, капитаны Л. Ш. Бендатович и Н. М. Евнин, старший лейтенант Н. А. Коноплев, старший инженер-лейтенант Г. К. Парр, лейтенант А. С. Корнилов, младший лейтенант М. М. Айзинов, И. З. Кайзер, И. И. Старцев.

Связистам предстояла проверка их профессионального мастерства в труднейшей обстановке суровой северной природы, гористой местности, непроходимых лесов и болот. Если добавить к этому слабо развитую сеть дорог, большую протяженность линии фронта, крепкие зимние морозы, то можно представить какая находчивость и упорство требовались как от начальников, так и от красноармейцев-связистов, чтобы выполнить свой воинский долг. Необходимо было приспособиться к природным условиям и существующей обстановке, изучить особенность театра военных действий и тактику

противника. В сжатые сроки связисты освоили все имевшиеся в их распоряжении средства связи, организовали полевую проводную телеграфную, телефонную и радиосвязь.

Войсками связи руководили опытные специалисты: начальник связи Северо-Западного фронта – комбриг Н. Д. Псурцев, его заместители – полковник П. М. Курочкин и полковник П. Д. Мирошников; начальник связи 7-й армии – комбриг И. Н. Ковалев; начальник связи 173-й мотострелковой дивизии – майор В. В. Звенигородский. Представителем Генерального штаба по связи был комбриг Н. А. Борзов.

Подготовка театра военных действий в отношении связи была слабой. Постоянные воздушные линии связи, построенные на Карельском перешейке, были построены без единого плана, имели ряд недостатков. Габариты опор не допускали подвески на них дополнительных проводов. Мало было рокадных линий связи. Существовавшие линии принадлежали различным наркоматам (обороны, связи, путей сообщения, внутренних дел) и видам вооруженных сил и родов войск (авиации, погранвойскам, ПВО, укрепрайонам), что затрудняло их использование в интересах Северо-Западного фронта [1].

Недостаточно был подготовлен театр военных действий в отношении радиосвязи. Радиоузел в Ленинграде не удовлетворял требованиям управления. Не было резервных радиостанций, а на узле связи штаба Ленинградского военного округа отсутствовало радиобюро. Очень мало радиостанций имелось в городах, расположенных в полосе военных действий, все они были, как правило устаревших типов с изношенной материальной частью.

Советско-финляндская война вскрыла определенное количество недостатков в практике обучения войск, а также в вопросах подготовки Красной армии к защите Отечества.

Специальная подготовка связистов имела существенные недостатки. Основным недостатком явилось отсутствие практических навыков по эксплуатационному обслуживанию материальной части и линейных сооружений связи в условиях боевой обстановки. Прибывающие на фронт части и подразделения связи имели большой некомплект имущества.

В ходе войны была перестроена подготовка специалистов с учетом удовлетворения нужд фронта. К февралю 1940 года части связи фронта были пополнены средствами связи.

Высокую оценку связистам, дал командующий 9-й армии комкор В. И. Чуйков (впоследствии Маршал Советского Союза): «Во все периоды операции 9-й армии связь работала очень хорошо. Возможность управления была полная. Перерывов связи на всех направлениях 9-й армии не было… Командиры, бойцы, комиссары и политработники, связисты армии добились бесперебойной связи» [5].

Наряду с разработкой новых форм и способов вооруженной борьбы вырабатывались и новые взгляды на управление войсками.

В проекте Полевого устава 1939 года (ПУ-39) указывалось, что управление должно быть твердым, гибким и непрерывным. В то же время уделялось серьезное внимание скрытности, централизации, инициативе и самостоятельности.

В теоретических трудах, уставах и наставлениях того времени была четко определена роль командира и штаба в управлении войсками, а также взаимоотношение между штабами.

Во время военного конфликта с Финляндией произошли некоторые изменения в организации пунктов управления. Так, перемещение командного пункта (КП) намечалось заблаговременно с таким расчетом, чтобы он не отставал от продвигающихся войск и не нарушалось управление ими со стороны командира и штаба. Готовность места для КП определялась готовностью связи с подчиненными, хотя бы по одному из имеющихся средств. Перемещение КП обычно совершалось двумя эшелонами. При этом узел связи перемещался с первым эшелоном.

Итоги войны подвел 17 апреля 1940 года И. В. Сталин на выступлении начальствующего состава Красной армии по обобщению опыта финской кампании. Он произнес большую речь, в которой содержалось признание того факта, что культ традиций и опыта Гражданской войны помешал перестроиться на новый лад, перейти на новые методы современной войны. «Традиции и опыт гражданской войны совершенно недостаточны, и кто их считает достаточными, наверняка погибнет – говорил в своей речи И. В. Сталин. Командир, считающий, что он может воевать и побеждать, опираясь только на опыт гражданской войны, погибнет как командир. Он должен этот опыт и ценность гражданской войны дополнить опытом войны современной». «Значит, – продолжал И. В. Сталин, – нам нужен командный состав квалифицированный, культурный, образованный... Также нам нужен новый боец: инициативный, индивидуально развитый, дисциплинированный».

«Главное в нашей победе состоит в том, что мы разбили технику, тактику и стратегию передовых государств Европы, представители которых являлись учителями финнов. В этом основная наша победа» [4].

Итоги Советско-финляндской войны и речь И. В. Сталина широко обсуждались в профессорско-преподавательской и студенческой среде ЛЭИС.

По итогам выступления И. В. Сталина героя Гражданской войны, Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова освободили от обязанностей наркома обороны; его сменил Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко.

В Акте передачи Наркомата обороны от одного начальника другому отмечались многочисленные недоработки и упущения в вопросах боеспособности армии. В этом документе давалась оценка военной связи: «Состояние связи по линии Наркомата связи сильно отстает, а по линии Наркомата обороны сорвано совершенно. Войска связи в настоящее время на своем вооружении имеют много устаревших типов телефонно-телеграфных аппаратов и радиосредств. Внедрение новых средств радиотехники проходит крайне медленно и в недостаточных размерах. Большим недостатком войск связи является отсутствие быстродействующих и засекречивающих приборов. Существенное отставание в развитии техники связи и нечеткость организации связи привели в тому, что во время похода в Западную Украину и Западную Белоруссию, а также во время войны с белофиннами войска связи не имели непрерывной и устойчивой связи».

16 мая 1940 года состоялся приказ НКО СССР, подписанный С.К. Тимошенко, «О боевой и политической подготовке войск в летний период 1940 учебного года» в котором были изложены основные недостатки военного строительства с учетом опыта вооруженного конфликта с Финляндией и ставились основные задачи подготовки войск. В частности, такие задачи в главе XII были поставлены войскам связи.

«1. Подготовку частей и подразделений связи вести исключительно практическим путем на местности, с реальными средствами связи, развертываемости на действительных расстояниях, дублируя их, добиваясь во всех случаях бесперебойной связи.

Все занятия проводить в условиях усложненной обстановки (помехи, искусственные повреждения и т. д.), с устройством и оборудованием узлов связи в блиндажах и щелях, с мерами маскировки как объектов связи, так и самих работ. Научить части связи охранять и оборонять узлы и станции от внезапных нападений противника.

2. Начальствующему составу войск связи:

а) освоить тактику своего рода войск и овладеть методом организации связи во всех видах боя;

б) особое внимание уделить организации связи взаимодействия;

в) средний начсостав практически тренировать в выполнении обязанностей дежурного по связи, начальника узла связи и начальника направления связи;

г) совершенствовать знания по технике связи своей части в соответствии со своей специальностью. К концу года сдать нормативы по работе на аппаратах и станциях;

д) обратить особое внимание на оборудование и эксплуатацию узлов связи (испытание, переключение проводов, составление обходных направлений, источники питания, трансляционные и усилительные устройства, защитные устройства и измерения земель).

3. Повысить станционно-эксплуатационную службу в подготовке всех специалистов и добиться четкого ведения станционной отчетности, высокой специальной дисциплины, маскировки своей работы и умения оборудовать станции в инженерном отношении.

4. Радистам:

а) быстро и точно принимать и передавать оперативные документы при сильных помехах и слабой слышимости;

б) градуировать радиостанции, уходить от помех и быстро переходить на запасные волны;

г) работать радиосигналами, групповыми позывными, маневрировать паролями и переходить из одной сети в другую.

5. Телеграфистам:

а) уметь пользоваться военной терминологией;

б) принимать вслед передачу и обеспечивать ведение переговоров командования.

6. Телефонистам:

а) быстро и без искажений передавать и принимать оперативные телефонограммы в условиях слабой слышимости;

б) уметь работать на простейших светосигнальных приборах.

7. Линейным подразделениям:

а) быстро наводить и строить телеграфно-телефонные линии большой протяженностью в условиях пересеченной местности и вне дорог;

б) поддерживать в исправности наведенные и построенные линии, особенно в передовой зоне.

8. Вожатым собак:

а) прокладывать линии связи с использованием усилителя следа;

б) поддерживать связь собаками в масштабе стрелкового батальона во всех видах боя и на глубину, независимо от времени суток.

9. Голубеводам:

а) обслуживать посты односторонней и двусторонней связи».

В главе XXI «Подготовка начальствующего состава запаса» были поставлены следующие задачи.

«1. Обеспечить воспитание и обучение культурного, имеющего прочные практические навыки в командовании, знающего уставы и наставления, дисциплинированного командира.

2. Командир запаса должен быть подготовлен для умелого выполнения своей должности в любых условиях обстановки. Командиров запаса пехоты, кроме того, научить действовать в условиях позиционной войны, атаковать доты, устанавливать и разрушать инженерные препятствия.

3. Каждого командира запаса научить лично в совершенстве пользоваться всеми средствами вооружения, находящимися в его подразделении, метко стрелять и отлично управлять огнем» [3].

Согласно требованиям приказа НКО СССР № 120 о внедрении опыта Советско-финляндской войны, в том числе боевого применения электротехнических средств, руководство военной кафедры ЛЭИС во главе с подполковником И.И. Ивановым скорректировало планы и программы, в сторону повышения знаний и умений студентов в области практического и боевого применения военной техники. Значительно увеличилось число часов на стрелковую и инженерную подготовку. Учебный материал стал включать базовые знания о приемах и методах наземной разведки, организации огня стрелкового подразделения, проведении диверсий. Регулярный характер приобретают учебно-боевые сборы по сигналу тревоги и противогазные тренировки. Усиливается оборонно-

спортивное направление работы, популярность получают лыжная, общефизическая подготовка и сдача норм на оборонные значки ПВХО, ГСО-1, ГТО-1, ВС-1.

Получила дальнейшее совершенствование методика обучения, где главное внимание направлялось на воинское воспитания студентов и пропагандистской работы, создание подлинно партийной обстановки в первичных партийных организациях, позволяющей лучше решать задачи учебно-боевой подготовки. Серьезное внимание уделялось укреплению единоначалия в войсках, повышению профессионального уровня выпускников.

Распоряжением Куйбышевского райвоенкома Ленинграда со 2 декабря 1940 г. при военной кафедре ЛЭИС сформировали учебный пункт по обучению призывников и допризывников. Возглавил учебный пункт начальник военной кафедры И. И. Иванов, политруком был Э. Тенх. В программу подготовки входила призывная подготовка по программе городского военкомата.

Приказом НКС СССР № 459 от 8 июня 1940 г. Ленинградский электротехнический институт связи был переименован в Ленинградский институт инженеров связи с присвоением имени профессора М. А. Бонч-Бруевича. Это название просуществовало вплоть до июля 1947 г., когда вуз получил название Ленинградский электротехнический институт связи имени профессора М. А. Бонч-Бруевича. В июле 1993 г. институт был преобразован в Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций имени профессора М. А. Бонч-Бруевича.

Список использованных источников

1. История военной связи. / Под общ. ред. Маршала войск связи А. И. Белова. Москва: Военное издательство, 1984. В трех томах. Т. 2. С. 320.

2. Ленинградский институт инженеров связи им. проф. М. А. Бонч-Бруевича в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / СПб. – Санкт-Петербург, 2020. С. 78.

3. Приказы НКО СССР. 1937 – 21 июня 1941 г. – Москва : Терра, 1994. Т. 13 (2–1). С. 134–148.

4. *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 14. Москва: издательство «Писатель», 1997. С. 353–356.

5. ЦАМО. Ф. 71. Оп. 2772534. Д. 1. Л. 40.

Мальцева Ольга Львовна – кандидат военных наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, malcevakvn@mail.ru

Островерхий Сергей Михайлович – старший научный сотрудник, Научно-исследовательская лаборатория Военной академии связи им. Маршала Советского Союза С. М. Буденного, ostrov61@yandex.ru

УДК 94 (485)

Т. В. Молчанова

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ

T. Molchanova

APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE HUMANITARIAN SPHERE

В настоящее время культура и искусство становятся областью широкого применения IT-технологий. Цифровизация охватывает различные процессы, начиная с создания электронных библиотек и заканчивая платформами пропавших произведений искусства.

Информационные технологии позволяют совершать онлайн-покупки произведений искусства за счет электронных средств. Новые просветительские и образовательные возможности развивает приложение Яндекс.

Ключевые слова: цифровизация гуманитарной сферы, артрынок, электронные библиотеки, мобильные приложения, блокчейн, токен.

At present, culture and art are becoming an area of widespread use of IT technologies. Digitalization encompasses processes ranging from digital library creation to platforms for missing works of art. Information technology makes it possible to make online purchases of works of art through electronic means. New educational and educational opportunities are being developed by the Yandex.

Keywords: digitalization of the humanitarian sphere, art market, digital libraries, mobile applications, blockchain, token.

Актуальность представленной в статье темы обусловлена нарастающей цифровизацией области культуры и искусства. В настоящее время разработки по части организации, хранения, использования и передачи культурных ценностей ведутся как крупнейшими компаниями, так и частными фирмами. Это обоюдный процесс, в котором заинтересованы обе стороны: разработчики информационных программ поняли, что гуманитарная сфера может приносить прибыль. В свою очередь, физические и юридические лица в области культуры готовы активно использовать новейшие технологии в деле сохранения и продвижения культурных ценностей. Сфера применения IT в гуманитарной области широка: от создания баз электронных библиотек до виртуальных музейных экскурсий. В данной статье основное внимание уделяется использованию цифровых технологий на арт-рынке.

Преступления против культуры многогранны и не знают границ. Криминалисты приводят данные ФБР и Интерпола, согласно которым ежегодно оборот «черного рынка» составляет миллиарды долларов США. В списке наиболее прибыльных дел преступления против культурных ценностей занимают 4 место после торговли наркотиками, оружием и отмыванием денег.

Ситуация осложняется также тем, что в мире не существует единой базы преступников. Специалисты в сфере культуры и искусства высказывают предложения по созданию автоматизированной системы «Антиквариат», где была бы сосредоточена информация об объектах, изъятых, обнаруженных, похищенных и прочих [1].

В 2021 году Интерпол запустил мобильное приложение ID-Art, позволяющее мгновенно идентифицировать украденные произведения искусства и сообщать о них. Пользователи могут делать фотографии в приложении, загружать изображения или вводить ключевые описательные термины в поисковую систему, работающую с базой данных Интерпола по украденным произведениям искусства, где содержится информации о более чем 52 тыс. утерянных объектов. Если работа соответствует описанию, то приложение дает дополнительную информацию и возможность сообщить о находке в Интерпол. Предполагается, что ID-Art поможет в предотвращении контрабанды произведений искусства и поиске утерянных работ. По сообщениям, с помощью приложения уже удалось идентифицировать четыре похищенные работы в Италии и Нидерландах. Приложение может быть загружено из App Store и Google Play [2].

В настоящее время не имеется единой базы похищенных культурных ценностей, однако выходит международный справочник похищенных ценностей, который периодически публикует «Официальный международный перечень похищенных картин и произведений искусства» [3].

В такой ситуации создаются частные сайты, которые регистрируют информацию об украденных произведениях искусства, антиквариата и предметов коллекционирования. Одним из самых популярных является Art Loss Register – реестр пропавших художественных произведений. Мировые эксперты в области

искусства пользуются услугами данной базы, чтобы проверить происхождение товаров, прежде чем покупать их или обращаться с ними. Полиция, страховщики, торговля и общественность могут регистрировать украденные предметы в целях увеличения шансов нахождения потерь [4].

Отдельное место среди цифровых технологий занимают мобильные приложения. Приложение «Артефакт» позволяет ознакомиться с циклом документальных мини-фильмов о пяти российских музеях с помощью приложения «Артефакт» [5]. В центре внимания каждой серии – необычный экспонат, хранящийся в региональном музее, и связанные с ним истории. Любое учреждение культуры на бесплатной основе может присоединиться к проекту Минкультуры России для создания интерактивных гидов.

Следующий блок, где должны активно применяться новые технологии в деле создания баз данных, это библиотечная система.

Новые информационные технологии – важный фактор развития современных электронных библиотек. Их созданию препятствуют финансовые и организационные трудности, а также необходимость защиты авторских прав. Одним их самых известных и ярких проектов в этой сфере в настоящее время является проект «Европейская библиотека» (The European Library) – общедоступный электронный ресурс, объединяющий электронные каталоги и иные ресурсы 47 «главных» библиотек на 20 языках.

Проект «Европейская библиотека» был создан в 2003 г. по Европейской Комиссии. Комиссия полагает, что крайне важно оцифровывать и предоставлять доступ к документам, имеющим историко-культурное значение, а также разрабатывать вопросы сохранности цифровой информации. Предполагается, что на базе «Европейской библиотеки» будет создана Общеевропейская цифровая библиотека, куда должны войти не только национальные библиотеки, но также другие библиотеки, музеи и архивы. В 2007 году Российская Государственная Библиотека (РГБ) и The European Library подписали соглашение о совместной деятельности и о полном членстве в составе The European Library. В 2008 году электронный каталог РГБ стал доступен с сайта The European Library и открыт для поиска. В 2013 году в Управляющий комитет The European Library вошел генеральный директор РГБ Александр Иванович Вислый. Таким образом, Восточная Европа впервые получила представительство в органах управления крупнейшего сообщества национальных и научных библиотек Европы.

The European Library – портал, предоставляющий возможность бесплатного поиска ресурсов, которыми располагают ведущие национальные и научные библиотеки Европы. Такими ресурсами являются все библиографические записи Европы. Они составляют Единый каталог, насчитывающий свыше 230 млн записей на 35 языках, а также свыше 24 млн страниц полнотекстового контента и 10 млн цифровых объектов [6].

Еще один блок, относящийся к сфере применения новейших технологий в деле обращения культурных ценностей это немецкий сервис Ascribe, созданный в 2015 г. Идея применять блокчейн технологии на арт-рынке новая сама по себе. Блокчейн – база данных, хранящаяся одновременно на множестве компьютеров в сети.

При помощи технологий Ascribe авторы получили возможность документировать права на свою интеллектуальную собственность, а также передавать и распространять авторский контент не полагаясь на третьих лиц для легального оформления сделок.

Для регистрации результатов своего труда требовалась фотография или файл. Ascribe позволял защитить не только результаты цифрового труда, но и офлайн-работы: предметы мебели, скульптуры, картины и т д. Ascribe давал

возможность авторам распространять работы на своих собственных условиях, а все, что распространялось в сети Интернет или в обычной жизни свыше лимита установленного в системе - считается подделкой.

Авторы проекта уверяли, что сервис на технологии блокчейна нанесет серьезный удар по пиратству, а в сети появится больше оригинальных и качественных работ. С юридической точки зрения авторы могут не только доказать свое право собственности, но и предъявить претензии к тем, кто ворует их работы. Через API к Ascribe подключились сотни платформ, которые занимались продажей предметов искусства.

Однако у этой системы обнаружился ряд недостатков: транзакции стоили очень дорого, платформа не имела возможности хранить большие файлы, количество транзакций во времени было ограничено. Несмотря на эти недостатки, сервисом заинтересовались и художники, и дизайнеры, и музыканты, и авторы. Это навело создателей на мысль о новом проекте. В результате было разработано такое программное обеспечение как BigchainDB – на основе технологий блокчейна и bigdata [7].

Разрабатывают подобные системы и в России. Сразу два сервиса готовятся к запуску в мае этого года. Artex – детище владельца журнала и сайта «Российское фото» Владимира Повшенко, основателя фотосайта 35photo.ru Валерия Кочергина и криптоинвестора Евгения Галиахметова. Он построен на блокчейне Ethereum, одно из преимуществ которого – возможность создания «умных контрактов» (smart contracts): в базу данных можно вписывать не только информацию о работе, но и контракты любой степени сложности, они выполняются автоматически при определенных условиях, например при наступлении некой даты или достижении определенной цены на онлайн-аукционе. Возможность купли-продажи работы встроена в систему. Все транзакции выполняются в криптовалюте, и поэтому автоматически фиксируются в блокчейне. Продавец и покупатель при желании могут сохранять анонимность. Цель проекта – повысить прозрачность рынка, где неискушенные участники арт-рынка могут видеть подтвержденную историю продаж произведения искусства, оценки критиков, информацию об экспонировании этой работы на выставках.

Проект рассчитан в основном на первичный рынок современного искусства, произведения, которые создаются сейчас. Можно снять видео, как художник подписывает работу, и записать это видео в блокчейн. Разрабатывается технология, когда на обратной стороне картины печатается нечто вроде QR-кода: сопла принтера выплевывают краску в произвольном порядке. Этот код тоже записывается в блокчейн».

Работать и с цифровым, и с традиционным искусством планирует и другая российская площадка – ico4art, проект компании Art Collecting, где безопасность сделок также будут обеспечивать «умные контракты». Бета-версия будет запущена в мае, пока площадка работает в тестовом режиме. Уже в декабре 2017 года на ней прошел первый криптоаукцион.

В заключении стоит отметить, что XXI постоянно доказывает, что критичное разделение наук на гуманитарные и технические уже неактуально. Стремительно развивающаяся техника и информационные технологии вносят вклад не только в традиционные области промышленности и экономики, но предоставляют уникальные возможности для сферы культуры и искусства. Создание масштабных баз данных, оцифровка культурного наследия, в целом компьютеризация гуманитарной сферы никого не удивляют. Новейшие разработки позволяют решать актуальные проблемы, представленные в данной статье, связанные с деятельностью арт-рынка.

Список использованных источников

1. Правовое регулирование отношений в сфере культуры, искусства и образования в XXI веке : Материалы Межвузовской научно-практической конференции, 10 апреля 2009 г. / под общ.ред. Р. А. Ромашова. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУП, 2009. – С.154.

2. Мобильное приложение Интерпола позволяет идентифицировать украденные произведения искусства // Официальный сайт Артгид. – URL: https://artguide.com/news/7824. (дата доступа 11.05.2021).

3. Реестр похищенных и поддельных произведений искусства. – URL: https://stolenart.ru/ (дата доступа 19.06.2021).

4. Art Loss Register. Частная база украденного искусства. – URL: https://www.artloss.com/ (дата доступа 19.06.2021).

5. Артефакт-гид по музеям России // Официальный сайт Министерства культуры. Артефакт. – URL: https://artefact.culture.ru/ (дата доступа 19.06.2021).

6. The European Library. – URL: https://www.theeuropeanlibrary.org/(дата доступа 19.06.2021).

7. Ascribe-блокчейн-стартап, защищающий авторские права // Forklif.com.– URL: https://forklog.com/ascribe-blokchejn-startap-zashhishhayushhij-avtorskie-prava/ (дата доступа 19.06.2021).

Молчанова Татьяна Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, molchanova_tania@mail.ru

УДК 008

Е. Г. Овчинникова, Н. Н. Овчинников

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ РОССИИ

E. Ovchinnikova, N. Ovchinnikov

ON THE QUESTION OF THE NATIONAL IDEA OF RUSSIA

Национальная идея России, «русская идея» – это уникальное историческое явление, плод развития русской религиозно-философской мысли X–XVII вв. В последние 5–7 лет ей уделяют значительное внимание политики, ученые-обществоведы. В немалой степени заострил внимание на этом вопросе в ряде своих выступлений и Президент РФ В. В. Путин, по словам которого национальная идея России заключается в патриотизме. В частности, он отмечал, что считает его единственно возможной идеологией современного демократического общества. По его мнению, идеология патриотизма при этом должна быть деполитизированной и направлена на укрепление внутренних основ российского государства. В статье на основе анализа отечественной историографии авторы попытались показать содержательность и вполне познаваемую направленность разработки «русской идеи».

Ключевые слова: идея, Россия, исторический процесс, мировоззрение, нация, духовный смысл, национальное сознание.

The national idea of Russia, the "Russian idea" is a unique historical phenomenon, the fruit of the development of Russian religious and philosophical thought in the 10th and 17th centuries. In the last 5–7 years, it has received considerable attention from politicians and social scientists. To a large extent, the President of the Russian Federation V. V. Putin, according to whom the national idea of Russia is patriotism. In particular, he noted that he considers it to be the only possible ideology of a modern democratic society. In his opinion, the ideology of patriotism should be depoliticized and aimed at strengthening the internal foundations of the Russian state. In the article, based on the analysis of Russian historiography, the authors tried to show the meaningfulness and completely cognizable direction of the development of the “Russian idea”.

Keywords: idea, Russia, historical process, worldview, nation, spiritual meaning, national consciousness.

Наиболее яркими представителями русской мысли, пытавшимися обосновать саму идею, были православные подвижники XI–XII вв.: Илларион митрополит Киевский, Феодосий Печерский, Климент Смолятич. В центре размышлений находилась тема России, которая была тесно увязана с православной эсхатологией. В размышлениях над судьбами России прослеживается постановка и поиск ответов на ряд важных вопросов, определивших содержание и суть русской идеи. Это, прежде всего, вопросы о месте России в мировом историческом процессе, определения смысла и цели существования и способы достижения поставленной цели. В период расцвета Древнерусского государства дал ответы на эти вопросы митрополит Илларион в своем труде «Слово о Законе и Благодати», которое известный историк С. В. Перевезенцев по праву определяет как первое отечественное литературно-философское и духовно-политическое произведение [1, с.114].

Размышления Иллариона дают основания для существенных историко-политических выводов. Именно в «Слове» Иллариона находим одно из ранних обоснований смысла бытия Руси. Он связан с утверждением православной веры и православного мировоззрения. Обновление Руси, начало нового исторического периода митрополит Илларион видит в факте принятия христианства. Его взгляды наполнены историческим оптимизмом. Русь может надеяться на великое и прекрасное будущее именно потому, что приняла Крещение. Смысл существования России он видит в утверждении христианских истин и тем самым обретении Спасения. Подобные историософские представления разделял и митрополит Климент Смолятич. Они оба выступали за самостоятельность Русской Православной церкви и Русской государственности как главного условия и средства достижения поставленной цели.

В годы монгольского нашествия впервые формулируется идея гибели Руси и одновременно отыскиваются пути спасения. Спасение видели в единении духовных и политических сил как насущной практической потребности, условия выживания всего народа, возвращении к христианскому благочестию. Монгольское нашествие сыграло определяющую роль в укреплении христианского миросозерцания. Начиная с XIII в. православие становится главной составляющей всей общенациональной идеологии, играет главную роль в формировании всех значимых общественных идеалов. Сохранение собственной веры, духовная независимость рассматривались как необходимое условие государственной независимости.

В XIV–XV вв. появляются оригинальные духовно-политические учения о России и русском народе. Их появление связано с важными для России событиями: в частности, Флорентийской унией Католической и Православной церквей 1439 г., в ответ на которую в 1448 г. Собор епископов в Москве провозгласил Русскую православную церковь автокефальной. Не менее значимыми для России были гибель Византийской империи в 1453 г., свержение монгольского ига в 1480 г., и ожидаемый в 1492 г. конец света, который не состоялся. Для русского духовно-политического сознания в этих событиях виделся определенный смысл. Божья кара Византии за измену вере и освобождение Руси, недопущение гибели мира. Фактическое совпадение этих событий рассматривалось как Божий промысел избрания Московского государства для осуществления Высших, Божественных предназначений. Россия определялась как единственное в мире государство, которое несло человечеству истинную православную веру.

В процессе активной духовной работы идут поиски нового места Русского государства в мировом цивилизационном процессе. В XV–XVII вв. в русском духовно-политическом сознании появляются идеалы-образы, к которым должно стремиться Русское государство: «Москва – новый Царьград», «Москва – Третий Рим», позже «Москва – Новый Иерусалим», а русский народ – «истинные израильтяне новообращенные». Появление этих идеалов-образов показывало богоизбранность России, а ее историческая роль – быть защитницей православной веры от антихриста.

В этом состояло главное историческое предназначение России, как его понимали наши предки. В XVII в. все эти целевые установки были реализованы. Библейские аналогии оказались исчерпаны. Россию признали «Третьим Римом», Москву «Новым Израилем» не только правящая элита и церковь, но и население. Смутное время нанесло сильный удар по русскому самосознанию, побудив искать новые пути развития государства.

Рубеж XVII–XVIII вв. стал началом европейской модернизации, которая привела к обновлению всех основ жизни общества. Овладение материальным миром, материальными благами становится главной целью общественного развития. Наблюдается активный процесс вытеснения христианского мировоззрения и замена его светским. Первая четверть 18 в. связана с именем российского императора Петра I и его многочисленными реформами. По своим убеждениям Петр I был государственник, который стремился к созданию в России одного из самых сильных и процветающих государств в Европе. Смысл своей деятельности эмоционально ярко определил в словах, сказанных солдатам перед Полтавской битвой: «Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную веру и церковь… А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего» [2, с.409–410].

Деятельность Петра имела под собой объективную основу и отражала насущные потребности, связанные с процессом формирования единой русской нации. В России впервые в истории формулируется идея «служения Отечеству» и идея «пользы Отечеству» как важнейшей идеи национального сознания. Реализовать эти идеи может только сильное государство. Петр, по существу, заменил давнее русское представление о духовном смысле исторического бытия России и вселенской религиозной миссии на идеал Великой России. Подчинение государством власти церковной имело глубокие негативные последствия. Так как сохранение независимости церкви от светской власти обеспечивало в целом позитивное развитие Российского государства. Она часто выступала с осуждениями антинародных действий власти, активно способствовала преодолению кризисных ситуаций. Петр же не ставил перед страной духовных задач, что предопределило противоречивость развития России в XVIII–XIX вв.

В русской общественной мысли о судьбе России в 19 в. уже четко прослеживается разработка «русской идеи» как совокупности понятий, выражающих своеобразие и особое призвание России и русского народа. В 1832 г. граф С. С. Уваров в записке на имя императора Николая I сформулировал тот духовно-политический идеал, к которому должна стремиться Россия – «Православие. Самодержавие. Народность». Этот идеал должен был восстановить тот духовный смысл, который закладывался в существование России еще в XVI в. и утерянный в XVIII столетии. Впервые само понятие «русская идея» встречаем у Ф. М. Достоевского в «Объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 г. : «Русская идея», может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях… Мы убедились, наконец, что мы тоже отдельная национальность и что наша задача – создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал» [2, с.596–597]. Иную трактовку «русской идеи» дал В. С. Соловьев. В своей статье «Идолы и идеалы» он говорит, что у всех значительных народов возникает идеал национального мессианства, но этот идеал имеет положительное содержание лишь в том случае, если он имеет форму христианского универсализма. Соловьев, вслед за Тютчевым мечтал, что Россия станет всемирною монархией. В дальнейшем он отказался от этой утопии.

На наш взгляд, можно согласиться с точкой зрения, что «русская идея» как явление национального сознания была реакцией отечественной общественной мысли на вхождение России в западноевропейскую, промышленную цивилизацию. Ответ на этот процесс был неоднозначным. Достаточно вспомнить первое «Философическое письмо» Чаадаева, презрительно оценивавшего прошлое России. Появление «русской идеи» явилось результатом духовного кризиса, который охватывал Россию во второй половине XIX в. Кризис был связан с распространением рационалистического мышления, революционных течений и привел к отходу части интеллигенции от традиционного православного мировоззрения и ориентации исключительно на западноевропейские ценности. Другая часть, религиозно мыслящей интеллигенции, видела выход из кризиса в «русской идее» как своеобразном синтезе веры и разума. По существу неоднозначная реакция отечественной общественной мысли на вхождение России в западноевропейскую цивилизацию была шагом к разрушению традиционного русского миросозерцания.

После революционных событий 1917 г. к власти приходит партия большевиков, целью которой становится поиск максимального добра для всего человечества. В данной статье нет необходимости погружаться в многочисленные дискуссии о причинах и историческом значении этих трагических событий. По нашему мнению, точную сущностную оценку тех событий дал Н. Лосский, отметив, что особенности этой революции «суть порождение русского духа» при утрате им подлинной религии и замене ее псевдорелигией [3, с.227].

В современной России представители различных общественно-политических движений вновь пытаются предложить гармоничную форму общественного устройства, заглянуть в будущее. Уникальной платформой для общенациональной дискуссии в поиске национальной идеи явился Всемирный русский народный собор, который периодически собирается с 1993 г. В одном из выступлений Святейший Патриарх Кирилл отметил, что Россия – это страна-цивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат.

Особой национальной идеей, пронизывающей нашу историю и культуру на протяжении веков, является идея солидарности. Поэтому, подчеркивает Патриарх, нашим проектом будущего должно стать солидарное общество как альтернатива обществу перманентного конфликта [4, с.39].

Совершенно очевидно, что определять движение России в XXI в. возможно, только обращаясь к ее прошлому, где уже были даны ответы на многие современные вопросы.

Список использованных источников

1. *Перевезенцев С. В.* Истоки русской души. Обретение веры. X–XVII вв. / Сергей Перевезенцев. – Москва : Издательство «Э», 2015.

2. *Перевезенцев С. В.* Россия. Великая судьба. – Москва : Издательство: Белый город. 2009.

3. *Лосский Н. О.* От мессианства до нигилизма. Чем жив русский народ /Николай Лосский, Николай Бердяев. – Москва : Алгоритм, 2017.

4. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о русском мире /сост. А. В. Щипков. – Москва : Всемирный Русский Народный Собор. 2015.

Овчинникова Елена Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, egovc@mail.ru

Овчинников Николай Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Отечественной истории, политологии и социологии,

государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова», nnovch@mail.ru

УДК 327.8

В. А. Перевозчикова

АМЕРИКАНО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА БАРАКА ОБАМЫ

V. Perevozchikova

RELATIONS BETWEEN THE UNITED STATES AND ISRAEL DURING THE PRESIDENCY OF BARACK OBAMA

В статье рассматриваются отношения между США и Израилем в период президентства Барака Обамы и анализируются основные политические моменты, приведшие к появлению напряженности в отношениях между двумя государствами. В статье разбираются вопросы, связанные с палестино-израильским конфликтом и иранской ядерной программой, по которым между Соединенными Штатами и Израилем возникли разногласия.

Ключевые слова: США, Израиль, Барак Обама, Биньямин Нетаньяху, палестино-израильский конфликт

The article examines the relations between the United States and Israel during the presidency of Barack Obama and analyzes the main political moments that led to the emergence of tension in relations between the two states. The article analyzes issues related to the Israeli-Palestinian conflict and the nuclear program of Iran, on which the United States and Israel had disagreements.

Keywords: USA, Israel, Barack Obama, Benjamin Netanyahu, Israeli-Palestinian conflict

Израиль является одним из ключевых союзников США на Ближнем Востоке, однако, в период президентства Барака Обамы, американо-израильские отношения можно охарактеризовать как напряженные. Ухудшение двусторонних отношений было вызвано позицией главы Белого дома по ряду ключевых для Израиля вопросов. Основные разногласия между двумя государствами наблюдались в вопросе урегулирования палестино-израильского конфликта и относительно иранской ядерной программы.

Придя в Белый дом в 2009 году, демократ Барак Обама намеревался изменить внешнеполитический курс США, в том числе, отойти от политической линии предыдущей американской администрации на Ближнем Востоке. В ближневосточном регионе оставались нерешенные вопросы, имеющие значение для Соединенных Штатов, такие как военная кампания в Ираке, иранская ядерная программа и палестино-израильский конфликт.

В 2009 году сменилось руководство не только в США. В том же году в Израиле прошли выборы, на которых победил лидер партии Ликуд Биньямин Нетаньяху, имеющий иные политические взгляды на решение региональных проблем Ближнего Востока. Таким образом, США и Израиль возглавили политики, по-разному смотрящие на проблемы ближневосточного региона.

Барак Обама, как и его предшественники, предпринял ряд попыток ликвидировать длящийся уже не одно десятилетие палестино-израильский конфликт, который до настоящего времени является фактором сохраняющейся нестабильности на Ближнем Востоке, но, как и его предшественникам, разрешить данное противоборство и найти компромисс по таким сложным аспектам конфликта как территориальные границы, израильские поселения, статус Иерусалима, Бараку Обаме не удалось.

Рассматривая американо-израильские отношения в этот период, обратимся к выступлению Барака Обамы в Каире 4 июня 2009 г., в котором он выразил свою позицию относительно палестино-израильского конфликта. В своей речи он признал право палестинцев на собственное государство и отметил прочную связь между США и Израилем. Он заявил, что израильтяне должны отказаться от строительства еврейских поселений на территориях, считающихся оккупированными, а ХАМАС должен отказаться от насилия и признать право Израиля на существование.

Барак Обама стремился показать, что он является беспристрастным посредником в вопросе урегулирования палестино-израильского конфликта и готов учитывать интересы обоих конфликтующих сторон.

С одной стороны, своими заявлениями Барак Обама стремился дать понять, что американская администрация не хочет терять своего союзника на Ближнем Востоке в лице Израиля, с другой стороны, показывал, что США не намерены по всем вопросам полностью поддерживать Израиль. Одним из вопросов, ставшим камнем преткновения в американо-израильских отношениях, стала поселенческая деятельность израильского государства. Б. Обама требовал от израильской стороны прекратить строительство еврейских поселений на территориях, считающихся оккупированными, а Израиль не готов был на это пойти.

Политика Б. Обамы, характеризующаяся давлением на Израиль с целью добиться уступок от него в рамках палестино-израильского конфликта (прекращение строительства еврейских поселений, возвращение к границам 1967 г.) привела к появлению напряженности в отношениях США и Израиля. Напряженными складывались и отношения между лидерами двух стран – Б. Обамой и Б. Нетаньяху, которые по-разному смотрели на решение ряда региональных проблем.

В 2013 году американской стороной был предложен новый проект, разработанный под руководством госсекретаря Дж. Керри, целью которого было возобновление мирных переговоров между конфликтующими сторонами. Но эта инициатива не принесла положительных результатов и была отклонена как израильтянами, так и палестинцами.

Риторика Барака Обамы в отношении ключевых для Израиля вопросов шла в разрез с позицией по данным проблемам действующего израильского правительства во главе с Биньямином Нетаньяху. Практически с самого начала президентского срока Барака Обамы было понятно, что дружеские отношения США и Израиля будут проходить испытание на прочность.

Но не только вопросы урегулирования палестино-израильского конфликта внесли разлад в двусторонние отношения. Ещё одним важным фактором американо-израильского взаимодействия являлся Иран и его ядерная программа.

Несмотря на то, что и США во главе с Бараком Обамой, и Израиль под руководством Биньямина Нетаньяху имели общую цель - не допустить появления у Ирана ядерного оружия, видение путей достижения этой цели у двух государств оказалось разным.

Барак Обама намеревался мирным путем ограничить ядерную программу Ирана, используя дипломатию. Американский президент сразу же дал понять, что он готов налаживать отношения с Ираном.

В 2015 году между пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН (Россия, США, Франция, Китай, Великобритания) и Германией с одной стороны и Ираном с другой, был подписан Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), призванный ограничить иранскую ядерную программу в обмен на снятие санкций. Это соглашение вызвало негативную реакцию со стороны Израиля, так как по мнению израильской стороны, СВПД не отвечает её интересам в области безопасности. Израиль ожидал, что Соединенные Штаты начнут оказывать политическое и экономическое давление на ИРИ [1].

Позиция Б. Обамы в отношении Ирана и его ядерной программы способствовала ещё большему усилению напряженности между двумя государствами.

Уже под конец второго президентского срока Барака Обамы по американо-израильским отношениям был нанесен ещё один удар. 23 декабря 2016 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию, призывающую Израиль прекратить строительство поселений на палестинских территориях, которые ООН считает оккупированными, включая Восточный Иерусалим. Традиционно Соединенные Штаты блокировали подобные резолюции, но в этот раз воздержались, что позволило ООН принять данную резолюцию [2].

Перед уходом с поста президента США, Барак Обама заявил в интервью, что считает, что принятие резолюции Советом Безопасности ООН, которую США не заблокировали, не привело к значительному разрыву в отношениях между США и Израилем [3].

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. Израиль является давним союзником США в ближневосточном регионе, и Барак Обама не был намерен потерять ключевого партнера на Ближнем Востоке. Он заявлял о дружбе Соединенных Штатов и израильского государства, отмечал историческую и культурную связь, существующую между двумя странами. В тоже время, 44-й американский президент стремился отойти от произраильской политики в вопросе урегулирования палестино-израильского конфликта и демонстрировал свою готовность учесть интересы и израильтян, и палестинцев. Это привело к ухудшению отношений между США и Израилем, но, и в тоже время, не привело к каким-либо положительным результатам для палестинцев. Б. Обама стремился заставить Израиль пойти на уступки, но для израильского государства, возглавляемого Б. Нетаньяху требования американской стороны были недопустимы. Несмотря на все попытки администрации Барака Обамы посадить конфликтующие стороны за стол переговоров и разрешить многолетний конфликт, деятельность 44-го президента США по данному направлению не увенчалась успехом.

По иранскому направлению Бараку Обаме удалось добиться результатов, однако заключенное соглашение с Ираном вызвало негативную реакцию израильской стороны. И если США рассматривали СВПД как возможность ограничить иранскую ядерную программу, то Израиль видел в соглашении лишь угрозу собственной безопасности.

Отношения между Соединенными Штатами и Государством Израиль в период нахождения в Белом доме Барака Обамы были сложными и напряженными, тем не менее два государства продолжали взаимодействие. На новый уровень союзнические отношения вывел преемник Барака Обамы, республиканец Дональд Трамп, сменив 44-го американского президента на этом посту 20 января 2017 года.

Список использованных источников

1. *Карасова Т. А.* Новая страница в израильско-американских отношениях. Д. Трамп: ожидания, надежды и опасения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. №2. С. 135.

2. Совет Безопасности впервые принял резолюцию о незаконности израильских поселений – США воздержались // Организация Объединенных Наций – URL: https://news.un.org/ru/story/2016/12/1297371 (дата обращения: 24.10.2021)

3. Обама: Израиль не разорвал отношения с США из-за голосования в ООН по поселениям // ТАСС: Новости в России и мире – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3942852 (дата обращения: 24.10.2021)

Перевозчикова Варвара Алексеевна – преподаватель кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, greenapple2509@mail.ru

УДК 7.011

В. Л. Селивёрстов

ЗАМЕТКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИЛЕТАНТА 5.0: ОБЩЕСТВО БЕЗ(НА)СИЛИЯ

V. Seliverstov

REMARKS OF PROFESSIONAL DILETTANTE 5.0: A SOCIETY WITH(OUT) VIOLENCE

Этой статьей автор продолжает знакомить заинтересованного читателя с деятельностью киноклуба в СПбГУТ под руководством преподавателя философии.

Ключевые слова: философия, общество, этика, проблема насилия, современное зарубежное кино, Т. Винтенберг.

This article the author invites interested readers to get acquainted with main content of the SUT in the film club under the guidance of a teacher of philosophy.

Keywords: society, ethics, the problem of violence, contemporary foreign cinema, T. Vintenberg.

В этом сезоне киносеминаров в СПбГУТ нам удалось посмотреть и обсудить работу датского режиссера Томаса Винтенберга «Охота» (2012), благосклонно отмеченную кинокритикой в Каннах. Это своего рода продолжение темы насилия, начатой ранее в «Торжестве» (1998). Мотивы автора картин, как представляется, вполне понятны. Трудно назвать более злободневную тему современности.

Общество, в котором нет места насилию, – возможно ли такое в современном мире? Не призрачны ли грезы законодателей всякого рода толерантности и прав человека? Напротив, мы практически каждый день узнаем, что нарушена неприкосновенность чьей-либо собственности и личного пространства, либо читаем о физическом насилии и вандализме, испытываем его в разной степени на себе и т. п. Заглавные строки новостных агрегаторов и СМИ в обязательном порядке должны содержать одну-две подобные новости ради охвата не столько полноты картины дня, сколько максимального вовлечения пользователей в предлагаемый (= продаваемый) контент, ибо каждому, кто читает, это явление известно, а потому мгновенная эмоциональная реакция обеспечена. Страны Евросоюза сегодня активно борются за равенство разного рода во всех сферах жизни. Особенно оживленную реакцию вызывают эксперименты по равенству полов. Цель поставлена глобальная – ограничение и даже искоренение самих причин насилия. Поскольку физическое насилие на протяжении многовековой истории было связано с доминированием мужского начала и в семейных отношениях, и в обществе в целом, то вполне объяснимы попытки кардинальных изменений в гендерной политике многих европейских стран. В недавнем прошлом и в нашей стране закончился эксперимент по созданию общества, в котором подлежали ликвидации все виды насилия, но государственная машина подавления насилия не подлежала самоликвидации – это оказалось невозможным. А, значит, общество и в нашей, и других странах не может полноценно ответить на вопрос о причинах насилия. После колоссального по количеству и видам насилия XX века нам очевидна только простая фабула: человек порождает общество, общество содержит в себе механизмы насильственных действий и ограничения насилия; в свою очередь, общество формирует человека, а тот ретранслирует то, что в нем заложено, на других. «Кармическая» замкнутость порочного круга. В современном мире выдерживается только некоторая степень ограничения отдельных видов насилия и видимость толерантного отношения к убеждениям и образу жизни другого. Человеческая природа оказалась равноудаленной как

от зла, так и от блага, и менее податливой на исправление, чем предполагали романтики и идеалисты разных направлений XVIII–XIX вв.

Как представляется по работам Т. Винтенберга, эти проблемы с особой остротой встают перед «вполне цивилизованным» датским обществом с традиционным для Северной Европы укладом жизни. Он не замахивается на глобальные вопросы «войны и мира», а избирает отдельные яркие эпизоды противостояния личности обществу. В «Торжестве» – это семейная драма, вынесенная на публичное обозрение, в «Охоте» – судьба отдельного человека в замкнутом деревенском обществе.

Полное название первой по времени выпуска картины – «Торжество. Догма № 1», где порядковый номер означает первый фильм, снятый по правилам манифеста «Догма 95» датских кинематографистов. Это вполне зрелая работа довольно молодого режиссера. Для сценария была взята история, выдуманная приятелем Винтенберга. Именно такого датского семейства, разумеется, не существует.

Сюжет незатейлив: родственники и гости собираются на юбилей отца семейства в его имении. Глава семьи, владелец земель и сталелитейных заводов, кичится своей принадлежностью к масонской ложе (надо полагать, что это и есть его уважаемые гости). Первым по протоколу за праздничным столом должен выступить старший сын. Но Кристиан (Ульрих Томсен) вместо поздравления юбиляра во всеуслышание говорит о насилии отца над ним и покойной старшей дочерью Линдой в раннем детстве. Зрителю косвенно объясняются причины драмы несостоятельности уже ставших взрослыми детей, их изломанная психика (все трое страдают от разного рода расстройств, что мы замечаем в интермедии). Как оказывается, все это может быть следствием разного рода насилия со стороны отца, не обязательно физического. Если то, что сказал Кристиан, правда, то это не просто уголовное преступление, но и такое злодеяние, за которым должно последовать немедленное исключение отца из членов ложи с соответствующей потерей всех привилегий, бизнеса и достойного места в обществе. Тайное становится явным уже в самой завязке сюжета. Однако эффекта «разорвавшейся бомбы» не получается. Кроме младшей сестры Хелен (Паприка Стеэн) его никто не воспринимает вполне серьезно (да и она торопливо извиняется за выходку брата), все родственники в недоумении, неловкость стараются тут же замять, а Кристиан, поспешно ретировавшись на кухню, просит помощи у прислуги, чтобы сбежать. Вмешивается в дело друг детства Кристиана, повар (Бьярне Хенриксен) и требует того быть взрослым мужчиной и довести дело до конца (очевидно, он многое знает, но сам ни во что не вмешивается). Тем временем отец спускается в подвал к поварам, отдает распоряжения и, заметив сына, проводит «воспитательную» беседу. Воля жертвы насилия надломлена (он точно рассчитал, что сказать это же в лицо, один на один, сын ему не сможет) и бунт, как отец считает, подавлен в самом начале. Кадр построен так, что зрителю дается подсказка: Кристиан не дотягивает до принца датского и выбор «быть или не быть» (в смысле «добивать или бежать») за него делает его друг, выпихивая после разговора с отцом из подвала-кухни на поверхность события. Вместо чинного аристократического застолья продолжается театр абсурда, главные действующие лица которого постепенно теряют маски пристойности.

Самый младший сын Микаэль (Томас Бо Ларсен) впервые все это слышит и в меру своего ограниченного понимания пытается навести порядок, несколько раз очень сумбурно удаляя старшего из-за стола. Старший, тем не менее, раз за разом возвращается и сначала прямо обвиняет отца в смерти старшей дочери, а потом, когда мать семейства попробует все списать на детские болезненные фантазии сына, бросает и ей упрек в укрывательстве преступлений отца (смысловое сравнение с диалогом Гамлета и Гертруды). После этого гости просто стараются не замечать Кристиана (принц датский «болен»). Степень абсурдности происходящего возрастает (недаром ближе к концу фильма персонажи упоминают в кадре надпись на могиле классика артхауса А. Хичкока). Очередная сцена напускного веселья гостей вроде бы должна

закончиться благополучно. Но происходит то, чего ни мать, ни отец семейства не ожидали. Вместо последнего тоста за здравие зачитывается предсмертная записка старшей дочери. В ней Линда просит прощения у братьев и сестры и прямо указывает на насилие со стороны отца, как на причину невозможности больше жить… Следует немая сцена, и на этот раз уже никто не решается списать сказанное на болезнь, ошибку или нелепость. Забит последний гвоздь в «крышку гроба» авторитета главы семейства. Ночью Микаэль напивается и отрекается от отца, хорошо при этом его отлупив.

Следующим утром семья собирается за столом (заключительная сцена спектакля абсурда «торжества благообразия и пристойности»). Отец выходит вместе с матерью к гостям последним. За столом он просит прощения у своих детей и бросает в конце старшему сыну Кристиану фразу: «браво, сынок, ты хорошо боролся». После этого Микаэль подходит к отцу, негромко хвалит за «удачную речь» (что равнозначно фразе «игра в заботливого отца семейства для тебя закончена») и просит покинуть застолье (= «а теперь убирайся»). Отец спрашивает жену, уйдет ли она с ним, на что та отвечает, что останется с детьми (выражение ее лица при этом не меняется – она продолжает играть роль «любящей матери»).

Последние кадры фильма – крупным планом напряженное лицо Кристиана – своего рода авторское многоточие: действительно ли достигнуто «Торжество» справедливости тем, что прилюдно обличено тайное насилие? Авторитарного деспота-отца теперь нет – оба брата и сестра свободны от физического присутствия прошлого и им нечего бояться или стесняться. Роль жертвы исчерпана, а обретена ли полнота свободы? Как быть старшим в семье, но не стать тираном для остальных – у Кристиана такого опыта нет. Зритель вполне может ожидать продолжения семейной войны уже по другим поводам и уже среди тех, кто остался за столом. Если учесть разбросанные по ходу действия сценки выяснения отношений персонажей между собой, то причин для этого предостаточно.

Вторая работа еще острее ставит вопрос о возможности торжества справедливости в традиционном замкнутом обществе, каким в кадре представлена современная датская деревня. В этом фильме вообще не было того, в чем обвиняют главного героя. У персонажей говорящие имена: Лукас (евангелист Лука) – главный герой, его сын Маркус (Марк), лучший друг детства главного героя Тео (Матфей), Клара («чистая») – маленькая дочь Тео. Внешне благополучное и даже рутинное существование деревни-общины внезапно прерывается всеобщим подозрением, павшим на разведенного воспитателя местного детского сада, в развратных действиях по отношению к маленькой дочке лучшего друга. Ни директор детсада, ни родители, ни психолог не пытаются выяснить, как все было на самом деле и было ли, якобы сберегая детскую психику от лишней травмы, а потому не принимают во внимание того, что мотивы у девочки могут быть весьма не сложными: ее отвергли как маленькую девочку, а она мстит по-взрослому, как обиженная женщина, оговаривая своего воспитателя перед директором. Подозрение подкрепляется результатом беседы психолога (уже знакомый нам Бьярне Хенриксен) с ребенком на тему «уже состоявшегося» насилия, при этом ребенок кивает утвердительно на задаваемые вопросы, интуитивно спасаясь от ответственности за сказанную до этого неправду (если она солгала, ее могут наругать, и придется извиняться, а это, как понимает каждый родитель, ребенок менее всего любит делать). Первый, кто струсил и не взял на себя ответственность за домыслы ребенка, – директор детсада Грета – дама в возрасте. Мать Клары подчиняется общему психозу и уже ни в чем не сомневается. «Ребенок не может такое сочинить» – звучит рефреном в разговоре взрослых. – Разумеется! это «додумали» за ребенка взрослые в меру своей испорченности, но приписали эту мысль не себе, а тому, кто «под подозрением».

Первый вывод можем уже сделать: в современной Европе детям отказано в праве ошибаться. Собственно, в мире взрослых им уже предуготована роль равных, но без

той же ответственности за ложь, что для взрослых (не таково ли положение и всякого рода меньшинств, о правах которых пекутся в Европе XXI века?). И Средневековая Европа, помнится, детей представляет без детства, но им приходилось отвечать за содеянное.

Далее за детской (т. е. женской) эмоциональной шалостью наступает весьма взрослая ответственность перед обществом воспитателя Лукаса (Мадс Миккельсен). Ему не верит никто! На его стороне остаются только его сын-подросток и друг семьи (в отд. рецензиях он назван священником). Полиция довольно быстро выясняет, что все рассказы детей про Лукаса – чистая фантазия, а значит, формально справедливость восторжествовала, но доверие общины уже просто так не вернуть. Главный герой оказывается изгоем, на него ведется негласная охота, как на носителя греха, который нужно изгнать из своей среды любыми средствами. Подогревают травлю женщины, а мужское население и подростки послушно следуют начатому делу.

Сцена в магазине перед Рождеством – одна из самых отмечаемых зрителями. Лукасу отказывают в обслуживании те люди, с которыми еще недавно он приятельствовал. Когда он настаивает, чтобы продали еды, его избивают и выкидывают из магазина. Но он все-таки находит в себе силы вернуться и «ответить» главному обидчику. С этого момента вялость «законопослушного» обывателя сменяется волевым противостоянием, он доказывает свою невиновность и восстанавливает попранную мужскую честь. Следующая сцена во время Сочельника в церкви – публичное утверждение своей невиновности: Лукасу оправдываться не в чем ни перед Богом (он намеренно проходит вперед к алтарю во время службы), ни перед людьми (он от них не прячется – пусть смотрят ему в спину), а вот вчерашний друг Тео (Томас Бо Ларсен) трусливо молчит и даже не пытается оправдать своего лучшего друга перед общиной. Последовавшее порывистое выяснение отношений друзей в присутствии всей общины снято точно и лаконично. В саму ночь Рождества Тео не по себе и он, отстранив от двери жену (мужское начало в его семье берет, наконец, верх над женским), отправляется к Лукасу. Сцена примирения выглядит простой, неспешной и очень естественной – в подлинной дружбе двух мужчин не должно быть лишних слов и суеты.

Эпилог полностью оправдывает название фильма: охота на главного героя, однажды начатая, вряд ли может быть прекращена. Не обязательно при этом быть виноватым – тебя выбрали быть жертвой, библейским «козлом отпущения». Вероятно, наступившее примирение взрослых не распространяется на подростков, получивших право на свой выстрел в заключительной сцене. Цикличность происходящего подчеркнута параллельностью сцен охоты (в начале фильма Лукас стреляет в оленя с той же точки, с которой будут стрелять в него).

Возможны ли универсальные решения проблем насилия в семье и обществе? – Вряд ли. В церкви Лукас требует, чтобы Тео посмотрел ему прямо в глаза – для мужчины других доказательств не требуется. Если нет веры в человека, в его преданность дружбе, то это прямой путь к *бес*-силию не только воли, но и шире – к невозможности блага в поступке. Грань между добром и злом становится призрачной и зависит от случайных обстоятельств. По мнению режиссера, обесценивание мужского начала, нивелирование его смысла в современной культуре до физиологической брутальности (которая действительно требует внешних ограничений), приводят общество к кризису и выливаются в «охоту» на потенциальное призрачное зло. В скандинавском обществе, как показывает Т. Винтенберг, женское начало самостоятельно эти потери компенсировать никакими вспомогательными средствами толерантности и общественного регулирования отношений не сможет.

Селивёрстов Виктор Леонидович – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, svict1@yandex.ru

УДК 327.82

Я. С. Сиаппони, В. С. Измозик

ФИНСКАЯ ПОЛИТИКА НЕЙТРАЛИТЕТА. СОВЕТСКО-ФИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

J. Siapponi, V. Izmozik

FINNISH POLICY OF NEUTRALITY. SOVIET-FINNISH RELATIONS

В статье проведен анализ политики нейтралитета Финляндии в период Холодной войны и биполярного мира. Рассмотрена внешняя политика Финляндии, а также общий вклад президентов Финляндии того времени, Юхо Кусти Паасикиви и Урхо Калева Кекконена.
Ключевые слова: политика нейтралитета, линия «Паасикиви-Кекконена», СССР.

The article analyzes the policy of neutrality of Finland during the Cold War and the bipolar world. The foreign policy of Finland, as well as the general contribution of the presidents of Finland at that time, Joho Kustey Paasikivi and Urho Kalev Kekkonen, are considered.
Keywords: neutrality policy, Paasikivi-Kekkonen line, USSR.

С чем Финляндия вышла из Второй Мировой войны?

Выходить из Второй мировой войны Финляндия начала уже после разгрома немецких войск под Сталинградом. В то время из парламента были убраны идеологи образования «Великой Финляндии», Германии было отказано в формальном заключении союза, а также начались переговоры с советской стороной через посольство в Швеции. Активная фаза переговоров совпала с наступлением советских войск летом 1944 года. Для финнов встал выбор – либо быть поглощёнными Советским Союзом и стать 16 республикой, либо отказаться от идеи восстановления прежних границ и принять условия СССР. Выбрав 19 сентября 1944 г. второй вариант, они завершили войну на восточном фронте и тут же начали боевые действия на северном фронте – боролись против вчерашних союзников-немцев, которые отказывались покидать страну после сепаратного мира.

Такое поведение Финляндии в дальнейшем облегчит формирование её политики нейтралитета – руководство страны прекрасно отдавало себе отчёт, что СССР мог бы полностью ликвидировать финскую независимость, и предпочло формировать новые добрососедские отношения с восточным соседом. Нейтралитет и попытка лавировать между полюсами силы даже вошли в финскую историографию. Войны с Советским Союзом объединяются в одну (Первая советско-финская война 1918–1920 гг.; Вторая советско-финская война 1921–1922 гг.; Советско-финская война 1939–1940 гг.). Был введён термин «обособленная война» – Финляндия утверждала, что воевала только за свои утраченные территории. То же самое было и с изгнанием немцев. Финны подчёркивали сепаратный характер этой войны – не выделяют прямую связь со Второй мировой войной и концентрируются только на своей территории, не продолжая дальнейший разгром фашизма в Европе. Таким образом, уже тогда начала активно готовиться идеологическая и политическая база финского нейтралитета. Слово «нейтралитет» употреблялось даже к военным действиям. Стране была отдана роль жертвы геополитической ситуации, созданной Гитлером. Но это не отменяет факта оккупации советской территории (превышающую ту, которой финны обладали до 1939 года) и участия в блокаде Ленинграда. Депутат финского парламента Урхо Кекконен так видел будущие отношения вчерашних врагов: «Советскому Союзу от независимой, жизнерадостной Финляндии должна быть большая польза, чем от сломленной, обреченной на зависимое существование» [1].

СССР не стал включать Финляндию в орбиту своего влияния, но в 1947 году воспользовался правом просить репарации и наложил ряд военных ограничений (преимущественно на флоте), поскольку считал её союзником Германии и не принимал ту мантру нейтралитета и сепаратности, которой начали окружать себя финны. Президент Юхо Паасикиви открыто заявлял о легитимном, продиктованном целями безопасности, обоснованном интересе СССР на финляндском направлении, пытаясь учесть советские интересы, но и не предлагая себя в качестве нового члена соцлагеря. Память о войне и горечь от потери территорий были живы, страна ослабла, и финны прохладно воспринимали налаживание отношений с Советским Союзом, воспринимая это как расширение советской зоны влияния. Но усердное выполнение всех прежних договорённостей помогло стране сохранить нейтралитет, и в 1948 г. Москва признала его в новом советско-финском договоре о дружбе и взаимопомощи.

Признав интересы СССР, Финляндия и дальше осторожно вела свою внешнюю политику и осуществляла с восточным соседом разного рода консультации, чтобы лишний раз не раздражать Москву, а также предоставляла различные торговые преференции. Хотя страна осталась нейтральной, де-факто Хельсинки понимал, какой акт милосердия оказал Советский Союз, остановившись в 1944 году на Карельском перешейке – было лучше отдать дань памяти и поделиться долей своего суверенитета, чем полностью его лишиться. Нейтралитет отразился в том гордом для финнов факте, что Финляндия завершила войну неоккупированной, а самостоятельное изгнание немцев только упрочило идею независимости в душе каждого гражданина. Отныне было решено во всём полагаться на себя но, на всякий случай, с оглядкой на Москву.

На линию «Линия Паасикиви – Кекконена»

Несмотря на свои прежние антисоветские взгляды, премьер-министр (а позже президент) Урхо Кекконен начал активно проводить политику нейтралитета и компромисса с СССР, и даже выполнил требование Советского Союза о сокращении финских антисоветских публикаций и заявлений. В своей политике он придерживался той линии, которая уже была ранее сформирована президентом Ю. Паасикиви – это можно обозначить понятием «Линия Паасикиви – Кекконена [2]: иностранное признание нейтралитета, доверие иностранных держав нейтралитету, поддержка нейтралитета народом Финляндии и наличие у нее достаточных возможностей отразить попытки нарушить его. В 1969 г. правительство Финляндии сразу же поддержало советскую инициативу приступить к подготовке СБСЕ, а чуть позже Хельсинки примет раунд переговоров по договору ОСВ-1. Заключительное заседание СБСЕ прошло также в Хельсинки и в присутствии Генерального Секретаря ООН будет подписан Заключительный акт. Факт проведения таких событий означал для страны-организатора международное признание и честь.

Правда, не все были согласны с нейтралитетом и считали это ширмой, за которой кроются интересы Москвы. Критики рассматривали положение Финляндии как подчинение сильному соседу и передачу ему части своего суверенитета при формальном сохранении независимости, что и нашло отражение в термине «финляндизация». В Хельсинки считали это глупостью и не видели в нём черт покорности по отношению к СССР. Напротив, финский нейтралитет позволил стране возвыситься над стереотипами холодной войны и прийти к взаимному сотрудничеству со всеми странами. Но логика тех лет лежала в противостоянии блоков, и о всестороннем сотрудничестве разных систем не могло быть и речи. Этой участи не избежала и Финляндия – её договоры с СССР негативно воспринимались на Западе, её обвиняли в выдаче беглых советских граждан и излишней цензуре того, что Москва посчитала бы оскорбительным. Однако ничто не мешало с похожими обвинениями обличать союзников США в Европе и Азии.

Конец биполярного мира. Новые приоритеты ЕС и НАТО

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. формируется новый облик Европы. После объединения Германии Финляндия объявила положения ограничительного характера, упомянутые в Мирном договоре, утратившими своё значение [3]. Из ограничительных пунктов был сохранён лишь один, который запрещает разрабатывать и обладать ядерным оружием. Также президент Мауно Койвисто объявил, что Финляндия пересмотрит Договор о дружбе и сотрудничестве с СССР, чтобы исключить все военные обязательства. Россия в 1992 году уже не могла навязывать какие-либо военные ограничения при заключении нового договора. Но помимо добрососедства, культуры, прав и свобод человека, упор был сделан на экономику – то, чего так не хватало обеим сторонам в начале девяностых. Примечательно, что пришло трансграничное сотрудничество – развитие приграничных российских регионов прописано отдельным пунктом. Выполнение этих планов будет долгим и мучительным – в этот период в обеих странах резко вырастет безработица и закроется много предприятий. Исчезновение одного полюса силы ещё не означает переход под крыло другого, и Финляндия действует самостоятельно, но, как и прежде, осторожно.

Список использованных источников

1. *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии 1809–2009. С. 290.

2. *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии 1809–2009. С. 298.

3. *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии 1809–2009. С. 402.

Сиаппони Ян Мишельевич – магистрант 2-го курса, кафедра истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, yannson1997@bk.ru

Измозик Владлен Семенович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, izmozik@mail.ru

УДК 32.019.5

В. Ю. Скалацкий

ФИНАНСИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ И ТЕНДЕНЦИИ

V. Skalatskiy

FUNDING FOR SOCIAL MOVEMENTS: MODERN PRACTICES AND TRENDS

Мобилизация массовых протестов играет решающую роль в создании необходимых условий для культурных и политических изменений. В данной статье рассматривается влияние благотворительности на массовые социальные действия, изменения направления общественного движения, когда в дело вмешиваются крупные спонсоры. В работе также исследуется роль фондов в социальных и политических изменениях.

Ключевые слова: массовые протесты, социальные движения, финансирование, фонды

The article deals mass protest mobilizations play a critical role in creating the necessary conditions for cultural and political change. This article examines the influence of charity on mass

social actions, changes in the direction of social movement, when large sponsors intervene in the case. The work also explores the role of funds in social and political changes.

Keywords: mass protests, social movements, funding, mobilizations

В момент бесчисленных, определяющих историю событий, массовые акции протеста играли решающую роль в создании основы для правовых и законодательных изменений. Friday's for Future, NiUnaMenos, Lucha, #BlackLivesMatter, восстания в Чили и Гонконге, #MeToo, Le Balai Citoyen, Abahlali BaseMjondolo, протесты в Белоруссии 2020-2021 и многие другие акции протеста свидетельствуют о радикальном изменении гражданского пространства. Там, где в последние несколько десятилетий «формальные» организации третьего сектора доминировали в гражданском обществе, социальные движения и другие гражданские субъекты теперь играют центральную роль.

Несмотря на свою известность, социальные движения редко фигурируют в теориях изменений или стратегиях спонсоров [1]. Однако ситуация меняется и международный интерес к движениям растет. Всё больше фонды и крупные организации, выступающие донорами с гораздо большей вероятностью, сосредотачивают свое внимание на заключительных этапах социальных преобразований - поддержке адвокатов или юристов, которые формализуют новые законы и политику, – а не на движениях, которые делают эти изменения возможными с самого начала [4]. Такой подход оставляет огромный пробел в экосистеме социальных изменений, и он часто допускает лишь частичные реформы. Чтобы способствовать дальнейшим трансформационным изменениям, финансирующие организации должны понимать, как массовые мобилизации создают условия для существенных реформ, и они должны работать над укреплением и поддержанием этой части экосистемы общественного движения, которая остается бедствующей.

Тактика мобилизации может сочетаться с более широкими стратегиями стимулирования перемен. Распространенное заблуждение гласит, что массовые протестные движения обязаны своим успехом удаче или естественным течениям истории [2]. Напротив, успешные протестные движения могут быть спроектированы, что подразумевает организованное финансирование. Массовый протест может является эффективной стратегией для стимулирования крупномасштабных социальных изменений, а также его результаты могут согласоваться с приоритетами многих некоммерческих учреждений, грантодателей и других акторов материального стимулирования [1].

Данные информационного и статистического агентства Candid из США показывают, что финансирование социальных движений составляет менее 1 % институционального финансирования, а, к примеру, на Глобальном Юге, у стран с низким уровнем доходов, находящихся по одну сторону так называемого глобального разрыва между Севером и Югом, другой стороной которой являются страны Глобального Севера, институциональное финансирование движений вовсе ничтожно [4]. В Европе появление Extinction Rebellion и Fridays for Future спровоцировало движение на финансовой карте. В Африке международный интерес к движениям постепенно растет. В Южной Африке существует уже ряд известных независимых общественных движений. Большинство из них уделяют особое внимание жилищному кризису в городских районах, но другие сосредоточивают внимание на ВИЧ/СПИДе, условиях труда, безработице, доступе к оказанию услуг и вопросам демократии, прозрачности и подотчетности, коррупции, бедности, преступности, ксенофобии, экономики, засухи, расизма, сексизма, состояния здоровья и т. д.

Социальные движения не являются однородными, люди могут высказывать свое мнение и решать проблемы системной несправедливости - от местных до транснациональных. Посредством коллективных действий и утверждения альтернативных ценностей они стремятся изменить существующие структуры власти и сформировать свое общественное видение. Таким образом, движения являются не только очагами

сопротивления, но и важными участниками создания альтернативных форм социальных отношений, способов работы и организации, а также политической власти [5].

Существует множество конфигураций общественных движений [2]. Хотя большинство их прогрессивных форм являются ненасильственными, есть те, где насилие является частью стратегии движения или провоцируется репрессиями. Имеют место движения, которые постепенно становятся политическими, требуя смены режима, чтобы положить конец социальной несправедливости. Вопрос спонсорства различного типа движений является открытым и актуальным. У многих движений разные, но связанные проблемы, и надлежащее вовлечение в их решение требует целостного подхода к финансированию [3]. Движения подобны экосистемам: сеть взаимосвязанных кампаний, людей, групп, рамки, тактика и требования которых динамично развиваются. Часто преобладают распределенное руководство и нисходящая подотчетность, поскольку принципы, а также неопределенность и риск являются неотъемлемыми элементами операций. Они редко институционализируются, их природа постоянно обсуждается, а их форма варьируется в зависимости от электората, тактики и контекста. Таким образом, у них есть структуры и процессы, которые остаются вне поля зрения финансирующих фондов и, как следствие, недостаточно стимулируются [4].

Роль благотворительности заключается не всегда в том, чтобы инициировать движения, а иногда в том, чтобы поддерживать те, которые возникают. Важно признать, что самофинансирование и другие виды материального стимулирования участниками движения и их отдельными сторонниками составляют основу устойчивости социальных движений [1]. В странах Европейского союза многие прогрессивные движения южной Европы практически не имеют опыта работы с фондами, а активисты часто выражают негативное отношение к спонсорам. Это неудивительно, потому что в фонде преобладают банки и частные компании, консервативность которых исключает участие [1]. В качестве альтернативы, в таких странах, как Германия или Великобритания, с небольшой, но устоявшейся инфраструктурой спонсоров социальных движений, ресурсы перетекают в нефинансовую поддержку социальных движений в форме тренингов, формирования сетей или коучинга.

В Латинской Америке новые независимые местные фонды играют фундаментальную роль в обеспечении ресурсов для движения. Хотя корпоративная благотворительность играет важную роль в латиноамериканской филантропии, главным образом в Мексике и Бразилии. В меньшей степени это применимо к Аргентине, Колумбии, Чили и Перу, где общественные движения определенно не занимают видного места в их программах.

В Африке взносы местных фондов на движения минимальны, а взносы международных спонсоров постепенно появляются. За некоторыми исключениями, африканские движения противятся иностранному финансированию для своей деятельности. Они скорее предпочитают находить поддержку внутри своей экосистемы или за счет привлечения национальных сообществ и диаспоры. Несмотря на то, что, в общем и целом, они открыты для институционального финансирования, для усиления воздействия, преодоления чрезвычайных ситуаций, обеспечения солидарности и расширения пропаганды, их оговорка заключается в том, что финансирование не должно навязывать внешние приоритеты. Опыт некоторых африканских движений показал, что многие спонсоры не смогли отказаться от лоббирования своих экстерриториальных интересов.

В Индии также многие движения не ищут и не принимают внешнего финансирования, считая его угрозой своей работе и ценностям. Таким образом, любое взаимодействие с движениями должно основываться на том, что они сами считают целесообразным.

Принимая во внимание потенциальную опасность внешнего финансирования и угрозу вытеснения внутренних механизмов обеспечения, возникает вопрос о пользе

стороннего стимулирования. Деньги могут быть вредными для движений, но разумное финансирование может помочь способствовать поддержке со стороны коллег и стратегической корректировке решения некоторых проблем, связанных с неравным доступом к информации и распределением власти [1].

Деньги часто влекут за собой различные условия, чтобы движения соответствовали требованиям спонсоров, что подразумевает оспаривание или ограничение деятельности активистов. Такие спонсоры как Grassroots International, Bewegungsstiftung, Thousand Currents, Solidaire, Guerrilla Foundation, Африканский фонд развития женщин и Фонд неотложных действий в Африке, демонстрируют, что можно развивать уважительные, логичные и эффективные отношения между спонсорами и движениями.

Спонсоры часто не решаются сотрудничать с движениями, потому что их благотворительный статус не позволяет им влиять на партийную политику [3]. Однако они часто проявляют чрезмерную осторожность в этом отношении: там, где требования движения не являются политически пристрастными и/или направлены на преобразование демократической практики, фонды могут и должны участвовать. Например, фонды могут поддерживать организационные усилия по стимулированию действий сообщества по различным вопросам и повышать способность людей взаимодействовать с политической системой. Если, в конечном итоге, новые политические партии появятся из организованного гражданского общества и возьмут на себя управление муниципальными властями, фонды могут способствовать популяризации таких успехов, поддерживать сети муниципальных субъектов или способствовать созданию новой политики снизу.

Несмотря на свидетельства, отражающие взаимосвязь стоящих перед ними проблем, большинство спонсоров по-прежнему ограничивают свою поддержку [1]. Филантропия может создать благодатную почву, финансируя организацию сообщества, поддерживая распространение движения путем стратегического объединения людей или предлагая платформы для защиты движения, которые связаны с транснациональными или глобальными форумами [3]. Филантропия также может финансировать широкую организацию перекрестных движений, инфраструктуру движения, пространства поддержки и общие гражданские платформы - но в настоящее время этого мало.

Фонды должны распознавать различных участников движений (реформаторов, повстанцев, активистов, недовольных граждан). Не каждый фонд должен поддерживать «повстанцев», но, опираясь на их работу, может поддержать изменения разработки долгосрочных решений и политики для проблем, которые впервые были подняты активистами.

Финансирующие организации обычно измеряют влияние, оказываемое получателями их грантов, с помощью таких показателей, как спасенные жизни или принятые условия политики. Однако, обычные меры не позволяют адекватно оценить прогресс и успех массовых протестных движений, и поэтому для того, чтобы финансирующие организации могли это сделать, необходим другой набор показателей. Массовые акции протеста могут значительно повысить уровень участия общественности, изменить общественное мнение и изменить параметры того, что может считаться политически целесообразным [2].

Таким образом, следуя правильным установкам спонсоры способны оказать массовым протестным движениям ключевую поддержку. Они могут вкладывать критически важные ресурсы в массовые мобилизации на их пике, чтобы расширить охват и влияние волны протеста, а также способствуют движениям в более медленные периоды для достижения повторяющихся циклов успеха.

Кроме того, массовые протестные движения испытывают постоянные инфраструктурные потребности, которые финансирующие организации в состоянии удовлетворить в долгосрочной перспективе. Наконец, в самом филантропическом сообществе

существует необходимость в наращивании потенциала для поддержки усилий по массовым протестам.

Список использованных источников

1. *Brulle R. J., Jenkins J. C.* Foundations and the Environmental Movement: Priorities, Strategies and Impact // Foundations for Social Change: Critical Perspectives on Philanthropy and Popular Movements Lanham, MD: Roman and Littlefield. 2005. P.151–173.

2. *Buechler S.* Understanding Social Movements: Theories from the Classical Era to the Present. Boulder, CO: Paradigm Publishers. 2011. P. 99–108.

3. *den Hond F., de Bakker F. G. A.* Ideologically Motivated Activism: How Activist Groups Influence Corporate Social Change Activities // Academy of Management Review. 2007. 32(3). 901–24.

4. *Jalali R.* 'Financing Empowerment? How Foreign Aid to Southern NGOs and Social Movements Undermines Grass-Roots Mobilization // Sociological Compass. 2013. 7(1). P. 55–73.

5. *Lee C. W., Romano Z.* Democracy's New Discipline: Public Deliberation as Organizational Strategy // Organization Studies 2013. 34. P. 4–5.

Статья предоставлена научным руководителем, кандидатом исторических наук, доцентом кафедры истории и регионоведения СПбГУТ А. Б. Гехтом.

Скалацкий Владислав Юрьевич – магистрант 2-го курса, кафедра истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, mr.skalatskiy@yandex.ru

УДК 340.12

К. А. Соловьёв

ПРАВО И «ЦИФРОВАЯ ЛИЧНОСТЬ»: ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ ПРОСТОТЫ

K. Solovyov

LAW AND "DIGITAL IDENTITY": THE PROBLEM OF THE EVOLUTION OF SIMPLICITY

Статья посвящена обобщению взглядов на относительно новый феномен, получивший конвенциональное название «Цифровая личность». Особое внимание уделяется пониманию «Цифровой личности» как существенному, но несамостоятельному и несамодостаточному явлению в правовых отношениях.

Ключевые слова: «Цифровая идентичность», «Цифровая личность», право, правовые отношения, Декарт, И. Кант.

The article attempts to summarize the views on a relatively new problem: the legalization of the phenomenon that has received the conventional name "Digital identity". Particular attention is paid to issues related to the understanding of the "Digital identity" as an essential, but not self-sufficient unit of legal relations.

Keywords: "Digital identity", "Digital personality", law, legal relations, Descartes, Immanuel Kant.

Стремительная цифровизация общественных отношений, ставшая возможной благодаря взрывному росту вычислительных мощностей разного рода ЭВМ, массовому, буквально тотальному, их распространению и активному продвижению тех удобств, которые они предоставляют, стала одним из самых драматических вызовов последнего времени, с которыми столкнулся законодатель. Неожиданно выяснилось,

что веками отшлифованная система регулирования общественных отношений – право, оказалась не слишком приспособленной для использования во вне-объектной реальности.

Ещё относительно недавно ситуацию с правовым регулированием цифровой реальности вообще и Интернета в частности сравнивали с ситуацией с небом начала XX века, когда самолёты уже полетели, а что с этим делать и как вписывать пятый океан в нормы права было решительно непонятно. Сейчас уже очевидно, что такое сравнение было, мягко говоря, упрощенческим. Скорее, можно говорить о формировании некоторой «параллельной реальности», сплошь построенной на весьма нелюбимых юридическим сообществом фикциях (в правовом смысле, как соглашении о юридических фактах).

В последнее время фокус обсуждения, как экспертного сообщества, так и законодателя, сместился к проблеме, которая напрямую связана с логикой развития цифровых инструментов, и получила обобщённое название «цифровая личность».

Надо отметить, что данное понятие употребляется в трёх значениях:

1) системы «сложный» искусственный интеллект (ИИ), т. е. машинный разум, сопоставимый с человеческим по всем основным параметрам. Это направление, в настоящий момент, является маргинальным;

2) разного рода системы, которые относят к условно «простому» ИИ, но именно их эволюция стала одним из поводов актуализации дискурса, рассматриваемого в данной работе;

3) совокупность «цифровых» статусов реального индивида, их соотнесённость с личностью, процессуальная корректность сбора доказательств, возможности, условия привлечения к ответственности за неправомерное поведение в цифровом пространстве.

«Сложный» искусственный интеллект, являясь вызовом для человеческого разума сам по себе, представляет собой слишком обширную тему, чтобы о нём можно было даже лапидарно сказать в формате небольшой статьи. Как «картезианский переворот», положивший начало эпохе Модерна в философии, сделал осмысленным предметное моделирование движения, апогеем развития которого стал робот. Так эпоха Постмодерна, опираясь на предшествующую традицию, пошла дальше и занялась моделированием мышления, логичным завершением которого и должен был бы стать ИИ, сходный с человеческим, в идеале, до неразличимости. Вместе с тем, практически сразу появились математические доказательства принципиальной невозможности создания такого интеллекта (теоремы Гёделя и Тарского). Кроме того, есть и философское обоснование невозможности появления искусственного разума произвольной сложности. Приведём здесь просто саму его формулу, без подробного обоснования: для того, чтобы «сложный» ИИ мог *быть* он должен быть гарантированно социально безопасен, для этого его поведение должно быть предсказуемым, а значит, его «пространство свободы» должно быть этичным. Существенно, что в отличие от человека, этика которого условна (т. е. он при определённых условиях может выйти за пределы действия своих морально-нравственных норм), для ИИ этика должна быть безусловным и абсолютным императивом, не допускающим «готтентотской» интерпретации. В сложных философских системах, к каковым в первую очередь необходимо отнести систему И. Канта, подобное доказательство было бы, если и не аксиоматичным, то постулативным [2, с. 44–47].

Очевидно, что в таком случае «сложный» ИИ, представляя собой эталонную научную проблему, абсолютно индифферентен к проблеме правового регулирования. Иное дело, его «простые» инкарнации, эволюция которых уже привела экспертное сообщество и законодателя к мыслям о необходимости имплементации в правовые нормы принципов робототехники Азимова.

«Простой» ИИ уже водит транспорт, учится в университетах (Хуа Чжибин, проект Wu dao), придумывает собственный язык, оптимизируя для себя переводы с одного

человеческого языка на другой (Google, Facebook), осуществляет электронное правосудие (Китай, США). При этом не обладает никаким легальным и легитимным статусом.

Можно сказать, что современный законодатель столкнулся с той же проблемой, что и юристы Древнего Рима, вынужденные придумывать формулу для правового закрепления обособленного коллективного субъекта, который, с одной стороны, значимо участвовал в общественных отношениях, с другой, – был деперсонализирован в силу коллективного характера труда. Так появилось понятие «юридическое лицо», которое в римском праве было представлено в самом общем виде, а точного его толкования в правовой науке нет до сих пор. Современная цивилистика знает более ста теорий юридического лица, которые достаточно чётко разделяются на романо-германскую и англосаксонскую ветви интерпретаций [3].

В таких условиях ждать от законодателя быстрого, эффективного и процессуально корректного определения правового статуса ИИ, к сожалению, не приходится. Вместе с тем, формулировка и закрепление в законодательстве статуса, который можно условно назвать «кибер-лицо» или «цифровая личность», характеризующее виртуального субъекта общественных отношений, *уже* относится к категории перезревших.

Третьей интерпретацией понятия, вынесенного в заголовок статьи, является совокупность цифровых статусов реального субъекта (как индивидуального, так и коллективного). И здесь перед законодателем и органами правоприменительной практики встаёт весь спектр проблем, связанных с глобальностью, изменяемостью и анонимностью цифровой среды. Есть точка зрения, что сеть Интернет давно уже не является анонимной и любая активность пользователя может быть легко персонализирована с помощью технических средств. На этот довод можно возразить, что пока не будет создано некое устройство сопряжения, однозначно связывающее пользователя и цифровое устройство на физическом уровне (образуя *органическую* связь), всегда будут возникать сомнения, которые невозможно устранить в установленном законом порядке (по ч. 3 ст. 49 КРФ) [1].

Сюда же можно отнести и актуализацию принципов экстратерриториальной уголовной юрисдикции, которые до современного этапа развития инфокуммуникационных технологий широкие массы населения затрагивали только в сфере защиты от наиболее общественно опасных деяний (пиратство, наркоторговля, etc). То есть, в общем случае, никак среднего индивида не касавшихся. Сейчас уже есть сформированная мировая правоприменительная и судебная практика по делам, связанным с преступлениями доменных зонах, относящихся к иностранным юрисдикциям (.com, .tv, и т. д.), по статьям, по которым раньше можно было осудить только при совершении преступления непосредственно на территории государства, привлекавшего к ответственности (напр. в РФ это ст. 282 УК РФ).

Отдельно следует сказать о проблеме соотнесённости публичного и частного в сети Интернет. В обществе есть устоявшаяся мифология о «частном пространстве» в сети Интренет (аккаунты в социальных сетях, переписка в месседжерах). К сожалению, бурное развитие инфокоммуникационных сетей привело к ситуации, когда активность пользователей намного превосходит способность операторов связи и провайдеров к сертификации оборудования в качестве конфиденциального. По факту, во всём мире такими конфиденциальными пространствами обладают только органы государственной власти, спецслужбы и операторы почтовой связи. Весь остальной Интернет – сфера публичных коммуникаций, для которых не выполняется требование отсутствия свободного доступа на законном основании, т. е. данные, передающиеся по таким сетям, не попадают под охраняемую законом тайну (например, тайну переписки). Хотя, надо отметить, что это проблема относится не столько к законотворческой деятельности, сколько к добросовестности самих провайдеров, которые не афишируют заведомую публичность своих услуг.

Всё это накладывается на легкомыслие и безответственность самих пользователей, которые с лёгкостью доверяют публичному пространству не только свои персональные данные, но и подробности личной жизни, круга и характера общения, словом, всё то, что вне цифрового пространства они предпочли бы скрыть. Но в ситуации, когда такая информация начинает использоваться злоумышленниками, люди начинают обвинять законодателя и правоохранительные органы, но никак не связывают наступившие неблагоприятные последствия с собственными ошибками, требуя от власти «немедленно навести порядок». Подобные ситуации не способствуют снижению социальной напряженности и, через формирования социального запроса, добавляют нервозности законодателю, препятствуя спокойному и взвешенному анализу и решению проблем.

Подводя итог можно сказать, что развитие инфокоммуникационных технологий, при всех своих несомненных плюсах, имеет с точки зрения законодателя целый ряд минусов, не имеющих перспективы быстрого решения. Технология социальной адаптации, каковой является право, не впервые за свою историю сталкивается с масштабными вызовами, но можно сказать, что впервые этот вызов является поистине уникальным в своей глобальности. Простота искусственного интеллекта как программно-инженерная условная дефиниция не отменяет, а напротив, актуализирует сложность формализации его статуса, закрепление его на уровне общезначимых и общеобязательных норм. Понимание этого, с одной стороны, должно привести к координации усилий всего мирового сообщества, что с необхоимостью требует снижения градуса международной напряжённости и повышения степени доверия между органами правотворчества и правоприменительной практики, а с другой, – повышения культуры и этики самих пользователей глобального инфокоммуникационного пространства.

Список использованных источников

1. Конституция РФ.

2. *Кант И.* Критика способности суждения / И. Кант : [перевод с немецкого М. Левиной]. – Москва : Издательсво АСТ, 2020. 448 с.

3. Понятие юридического лица: история и современная трактовка. – URL: https://vuzlit.ru/1146787/ponyatie_yuridicheskogo_litsa_istoriya_sovremennaya_traktovka (дата обращения: 30.10.2021)

Соловьёв Кирилл Анатольевич – старший преподаватель, кафедра социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, SCA1@yandex.ru

УДК 339.97

Л. А. Солянко, Е. А. Терентьева

КРЕАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

L. Solyanko, E. Terentyeva

THE CREATIVE ECONOMY OF THE UK

В статье проведен комплексный анализ креативной экономики современной Великобритании. Учитывая не полностью устоявшуюся терминологию, уточнено определение понятия «креативная экономика». Рассмотрен вклад креативной индустрии в экономику Великобритании, описаны последствия влияния пандемии на креативную индустрию, а также спрогнозированы общие тенденции и перспективы развития креативной экономики после пандемии COVID-19.

Ключевые слова: креативная экономика, экономика, Великобритания, COVID-19.

The article gives a complex up-to-date analysis of the creative economy of Great Britain. Considering the existing terminological uncertainty, the concept of creative economy is specified. The impact of the creative industries on the British economy has been scrutinized, and the contribution of the creative industry to the UK economy is examined. The present paper outlines the consequences of the pandemic on the creative industry and gives a general projection of future trends and prospects for the development of the creative economy after the COVID-19 pandemic.

Keywords: creative economy, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, economy, COVID-19.

В настоящее время в мире стремительно развивается и активно конкурирует с другими видами экономики креативная индустрия. Понятие «креативная экономика» достаточно новое. Оно вошло в научный оборот около 20 лет назад и определяется как совокупность индивидов и бизнесов, которые создают культурные, художественные и инновационные продукты и услуги. Эта система включает также пространства, где создатели могут свободно представлять свои работы, получать отзывы и обмениваться идеями. Наряду с экономическими выгодами креативная экономика создаёт нематериальные ценности и обеспечивает устойчивое развитие, ориентированное на человека.

Креативная экономика включает в себя 10 секторов: издательское дело и новые медиа, мода, архитектура, реклама, дизайн, кино и анимация, музыка, исполнительское искусство, арт, программное обеспечение и компьютерные игры. Креативный сектор в экономике представляет собой гибкий и модульный рынок, на котором действуют предприятия, различающиеся по формам собственности (частно-корпоративной, общественной, государственной), размерам и организации (от независимых артистов и малых предприятий до крупнейших конгломератов мира). Креативная экономика предоставляет больше возможностей для трудоустройства молодежи в возрасте от 18 до 25 лет, чем любая другая сфера занятости, а также возможности для заработка лицам с ограничениями по здоровью и пожилым людям, поддерживает культуры малых народов и традиционных сообществ, гарантируя сохранение разнообразия, способствует реализации личных способностей, повышает вовлеченность в общественную жизнь, снижает уровень стресса. COVID-19 нанес удар по творческим отраслям, в которых работает более 30 миллионов человек во всем мире. По оценкам, в 2020 году отмена только публичных выступлений обошлась авторам примерно в 30 % мировых гонораров, в то время как мировая киноиндустрия потеряла 7 миллиардов долларов доходов.

Вклад креативной экономики был оценен ЮНЕСКО, объявившей 2021 год годом креативной экономики для устойчивого развития.

Великобритания занимает второе место в пятерке стран с максимальным вкладом креативной экономики в мировой ВВП: Австралия – 5,7 %, Великобритания – 5,5 %, США – 4,2 %, Китай – 4,2 %, Италия – 3,8 %, Германия – 3,1 %.

Правительство Великобритании определяет креативную экономику как отрасль, берущую начало в индивидуальном творчестве, навыках и талантах и обладающую потенциалом для благосостояния и создания рабочих мест за счет создания и использования интеллектуальной собственности. Креативная экономика обладает огромным потенциалом для экономического, культурного и социального благополучия, но её часто недооценивают, так как политики и те, кто финансирует и поддерживают инновации не полностью осознают её потребности и потенциал. Творческие индустрии в Великобритании связаны не просто с извлечением прибыли, можно с уверенностью говорить о том, что они поддерживают целые слои экономики страны.

За последнее десятилетие креативная экономика достигла значительного роста и успеха благодаря огромным возможностям этого сектора по увеличению благосостояния и занятости, распространяющимися по всей Великобритании. Креативная индустрия внесла рекордный вклад в экономику Великобритании в 2017 году – 101,5 миллиарда фунтов стерлингов, при этом темпы роста почти вдвое превышали темпы роста экономики начиная с 2010 года.

До пандемии креативная индустрия была одной из самых быстрорастущих частей экономики Великобритании, внося в экономику страны почти 13 миллионов фунтов стерлингов каждый час [1]. Рост сектора творческих индустрий был более чем в пять раз быстрее, чем национальной экономики. Ключевыми факторами роста в креативной экономике являлись реклама и маркетинг, а также поддержка крупными взносами со стороны технологических услуг, кино- и телеиндустрии.

В 2019 году в этом секторе экономики трудилось 3,5 миллиона человек (более 1 из 10 рабочих мест в Великобритании), при этом в эту цифру не вошли творческие рабочие места в других отраслях - например, дизайнеров автомобилей и телефонов. Общий экономический вклад составил 178 миллиардов фунтов стерлингов. И это без учета многих отраслей, которые получают значительную выгоду от творческих индустрий, например, таких как туризм и гостиничный бизнес. Не удивительно, что креативная экономика Великобритании достигла подобных результатов. Ведь только за последние несколько лет она подарила миру Джеймса Бонда и «Звездные войны», новые альбомы Coldplay, книги и фильмы о Гарри Поттере. Отдельно стоит сказать о музыкальных фестивалях Британии, ведь именно они стали составляющей бурного расцвета музыкального туризма в стране. Например, в 2019 году все 120 000 билетов на знаменитый фестиваль Гластонбери (Glastonbury) были раскуплены за рекордные 28 минут. Один билет стоил 220 фунтов стерлингов. Интересно, что этот фестиваль начинался с концерта для 1 500 фанатов в 1970 году, а цена билета составляла 1 фунт. К старейшим фестивалям в мире также относятся одновременно проходящие фестивали Рединг и Лидс (Reading and Leads Festival). Ежегодно каждый из этих фестивалей посещает 85 000 фанатов, цена билетов в этом году составляет 213 фунтов.

За время пандемии COVID-19 креативные индустрии потеряли почти 12 миллиардов фунтов стерлингов в ВДС (валовая добавочная стоимость), упав со 115,9 миллиардов фунтов стерлингов в 2019 году до 104,1 миллиардов фунтов стерлингов в 2020 году, что значительно ниже прогнозируемых на 2020 год 122 миллиардов фунтов стерлингов в ВДС [2]. По прогнозам, в 2021 году также продолжатся потери рабочих мест, при этом количество рабочих мест в творческих отраслях упадет ниже 2 миллионов впервые с 2016 года: прогнозируется потеря 112 700 должностей, в том числе 95 000 должностей фрилансеров и 18 000 контрактов по заработной плате. С марта 2020 года большинство мероприятий в помещении и на открытом воздухе, проводимых в музыкальных площадках, театрах, музеях и художественных галереях, были закрыты из-за угрозы, исходящей от новой коронавирусной инфекции, что привело к сбоям в творческих отраслях. Правительство Великобритании оказало целевые меры поддержки со стороны местных органов власти, включая Фонд восстановления культуры в размере 1,57 млрд фунтов стерлингов в виде грантов и кредитов, чтобы помочь им остаться на плаву. Такая правительственная поддержка сыграла огромную роль в предотвращении потери 400 000 рабочих мест, о которых предупреждала Федерация креативной индустрий в июне 2020 года.

Последствия COVID-19 сказались на креативной индустрии Великобритании неравномерно. Наиболее сильно пострадали творческие подсекторы - музеи и исполнительское искусство, кино и телевидение, зависящие от посетителей и аудитории. Это вызывает тревогу, поскольку именно эти части творческого сектора оказывают наибольшее влияние на экономику в целом через свои цепочки поставок.

Такие отрасли, как музыка и мода, продолжают призывать к проведению конкретной политики, которая помогла бы им смягчить ущерб, наносимый в результате продолжающихся мер по социальному дистанцированию и закрытию, связанных с пандемией, и помочь бизнесу восстановиться.

В период пандемии многие креативные компании разработали новые продукты или услуги или нацелились на новые рынки: вложили средства в исследования и разработки, дизайн, маркетинг, информационные технологии или обучение в период пандемии.

При правильных инвестициях творческий сектор может восстановиться быстрее, чем экономика Великобритании, и внести значительный вклад в восстановление страны после пандемии. Торговые органы призвали правительство оказать дополнительную поддержку творческим отраслям, утверждая, что этот сектор может стать основным катализатором восстановления Великобритании после пандемии.

По данным *Oxford Economics* в отчете *The UK Creative Industries* прогнозируется, что сектор креативной индустрии может восстанавливаться быстрее, чем экономика Великобритании в целом, увеличиваясь к 2025 году более чем на 26 % с внесением в экономику Великобритании 132,1 млрд фунтов стерлингов в виде ВДС, что на 28 млрд фунтов больше, чем в 2020 году, и больше, чем вместе взятые отрасли финансовых услуг, страхования и пенсионного обеспечения. Данные свидетельствуют, что к 2025 году творческие индустрии не только станут основными составляющими экономического роста, но и могут создать 300 000 новых рабочих мест, оправившись от воздействия COVID-19 и превзойдя уровень занятости до пандемии [3].

Таким образом, креативная экономика Великобритании является одной из самых передовых и быстрорастущих в мире и обладает огромным потенциалом к развитию. В условиях пандемии является своеобразным катализатором восстановления и восстанавливается быстрее, чем экономика Великобритании в целом. Ожидается, что в ближайшем будущем она начнет расти более высокими темпами, внося значительный вклад в восстановление экономики страны после пандемии.

Список использованных источников

1. Креативная индустрия Великобритании: // GOV.UK. 2020. – URL: https://www.gov.uk/government/news/uks-creative-industries-contributes-almost-13-million-to-the-uk-economy-every-hour (дата обращения: 01.11.2021).

2. Креативная индустрия Великобритании: раскрытие силы и потенциала творчества: // Oxford Economics. 2021. – URL: https://www.oxfordeconomics.com/recent-releases/The-UK-Creative-Industries-unleashing-the-power-and-potential-of-creativity (дата обращения: 04.11.2021).

3. Статистика: // Statista Research Department. 2021. – URL: https://www.statista.com/statistics/284972/creative-industries-gross-value-added-gva-in-the-united-kingdom-uk/ (дата обращения: 04.11.2021).

Солянко Любовь Андреевна – магистрант 2-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, mila35m33@mail.ru

Терентьева Екатерина Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, e.a.terenteva@bk.ru

УДК 32.019.51

А. А. Спиридонов, Л. К. Соболь

ЭВОЛЮЦИЯ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ В США

A. Spiridonov, L. Sobol

THE EVOLUTION OF DIGITAL DIPLOMACY IN THE UNITED STATES OF AMERICA

В статье рассматривается последовательный процесс развития цифровой дипломатии в США. Сделан вывод, что в результате развития цифровой дипломатии появилась возможность по налаживанию диалога с населением, проживающим в разных частях света.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, Интернет, США, население.

The article examines the consistent process of development of digital diplomacy in the United States of America. It is concluded that because of the development of digital diplomacy, it has become possible to establish a dialogue with the population living in different parts of the world.

Keywords: digital diplomacy; Internet; USA; population.

История цифровой дипломатии начинается в 90-е годы в США. Еще существовавшее на тот момент Информационное агентство США (ЮСИА)играло огромную роль в процессе налаживания связей с аудиторией и продвижения американской политики зарубежом. Однако постепенно с окончанием Холодной войны роль упомянутого агентства снижалась, в 1999 году ее функции окончательно были переданы в Государственный департамент США [1]. Но ещё до закрытия агентства в 1996 году ее директор Дж. Даффи объединил несколько журналов в первый интернет-журнал WashingtonFiles [2]. Это событие остается значимым с точки зрения истории развития цифровой дипломатии, поскольку впервые в истории в общий доступ были выложены официальные мнения представителей государственных структур США по поводу происходящий событий в мире. Это означало, что распространение позиции американского правительства получило мировой масштаб.

В дальнейшем данный процесс получил продолжение. Было объединено еще несколько других электронных журналов и были предприняты попытки по объединению выпускников программ обмена.

2001 год стал значимым для области дипломатии и внешней политики. Американское правительство заявило о появлении сетевой дипломатии NetDiplomacy. Сенатор Джордж Аллен, представитель республиканской партии, высказался об особенной роли Интернета в современном обществе. Его высказывание звучало следующим образом: «Способность Интернета стимулировать беспрепятственное общение делает его отличной средой для распространения идеи свободы среди тех, кто живет в условиях репрессий» [3]. Указанное утверждение прекрасно демонстрирует намерения американского правительства относительно конечного результата деятельности цифровой дипломатии. Так, на тот момент времени основной целью являлось распространение демократических начал в других странах, а особенно в тех, где действовал авторитарный или тоталитарный режимы. Однако после событий 11 сентября, установка изменилась на борьбу с террористическими группировками.

Далее постепенно происходит перемещение каналов коммуникации с населением в Интернет-пространство. Под такими каналами понимаются теле- и радиоканалы международного вещания.

Качественным скачком в развитии цифровой дипломатии стал запуск первого официального блога Государственного Департамента США, который получил название Dipnote. Данный блог представляет собой площадку для неформального обсуждения глобальных проблем с высокопоставленными чиновниками Госдепартамента [4]. В этот же момент запускаются правительственный портал America.gov, основной целью которого является распространение положительной информации о США и ее внешнеполитической деятельности, и электронные журналы (eJournal USA, Weekly Newsletter, Student Corner).

Совместно с технологическим прогрессом процветает и цифровая дипломатия – расширяются ее инструменты, увеличивается количество человек, вовлеченных в деятельность, связанную с ней, наблюдается стремительно возрастающий интерес к этой области на государственном уровне. Прямым доказательством служит тот факт, что уже в 2007–2008 годах в Государственном Департаменте США создается 15 отделов, занимающихся анализом международных и национальных социальных сетей, блогов и чатов. Их деятельность дополнялась популяризацией американских ценностей в данных ресурсах.

Следующим шагом в развитии цифровой дипломатии стало появление в 2010 году исследовательского центра в Гарвардском университете, направленного на изучение политических предпочтений иностранной публики в социальных сетях и блогах. Другим значимым проектом стала конференция для «сетевых диссидентов» (Conference on Cyber Dissidents: Global Success and Challenges). Это было собранием публичных личностей, одними из которых были блогеры, которые осуждали власть в своих государствах из-за несоблюдения прав и свобод граждан. Данные мероприятия проводились с целью выявления потенциальных действующих сил в борьбе с «недемократическими» устоями в зарубежных государствах.

Также в 2010 году был подготовлен «Стратегический план развития информационных технологий на период 2011–2013», который особенно примечателен для изучения процесса становления цифровой дипломатии. Именно в этом документе было указано, что внешняя политическая деятельность США перемещается в Интернет-пространство, и такая деятельность именуется как «цифровая дипломатия» [5].

Новой вехой в истории цифровой дипломатии стало затрагивание военной тематики. В 2011 году «Стратегия по действиям в киберпространстве» утвердило киберпространство как поле для военных действий наравне с наземным, морским, воздушным и космическим [6].

Киберпространство стало одним из приоритетных направлений деятельности Госдепартамента США. С течением времени количество вовлеченных сотрудников в эту деятельность достигло 150. Тенденция на увеличение прослеживалась и в последующие годы. Твиттер становится одним из главных инструментов для ведения диалога между властью и населением как американского, так и зарубежного. Впоследствии появится отдельная категория «Твитпломатия».

В 2014 году был запущен хаб электронной дипломатии [7]. Он предоставляет анализ присутствия и влияния дипломатических акторов, основываясь на платформе Твиттер. В его базе содержится тысячи аккаунтов государственных деятелей, активистов, экспертов и др.

Так, главным результатом, по мнению многих специалистов, эволюции цифровой дипломатии в США является налаживание диалога между дипломатическими агентами и населением, проживающим в разных частях света. Налаживание диалога означает получение обратной связи от населения, на которое

направлены все обращения, программы и проекты. Это значительно облегчает работу задействованных ведомств и одновременно усиливает влияние на публику за счет правильно подобранных инструментов и средств цифровой дипломатии.

Список использованных источников

1. *Эпова, М. А.* Появление цифровой дипломатии и американский опыт // История и археология. 2015. № 3.

2. *Сурма И. В.* Цифровая дипломатия в мировой политике». Государственное управление. Электронный вестник. 2015. №49.

3. *Garretson C.* «Senator says Internet essential for diplomacy»// CNN.com. – URL: http://edition.cnn.com/2001/TECH/internet/09/06/internet.diplomacy.idg/index.html (дата обращения: 27.04.2020)

4. The official blog of the U.S. department of state DipNote. – URL: https://www.state.gov/about-dipnote/ (дата обращения: 10.04.2020)

5. IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011-2013: Digital Diplomacy. – URL: https://2009-2017.state.gov/m/irm/rls/148572.htm (дата обращения: 16.04.2020)

6. Strategy for Operating in Cyberspace, Department of Defense. – URL: https://csrc.nist.gov/CSRC/media/Projects/ISPAB/documents/DOD-Strategy-for-Operating-in-Cyberspace.pdf (дата обращения: 15.04.2020)

7. The e-diplomacy hub: digital diplomacy in action // AFP.com. – URL: https://www.afp.com/en/bloc-ediplomacy-home-page (дата обращения: 09.04.2020)

Статья представлена научным руководителем кандидатом географических наук, старшим преподавателем кафедры международных гуманитарных связей СПбГУ К. Ю. Эйдемиллером.

Спиридонов Андрей Алексеевич – магистрант 1-го курса, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, ispbandrei@gmail.com

Соболь Лада Константиновна – студентка образовательной программы «Школа бизнеса», Санкт-Петербургский государственный университет, lada-sobol@yandex.ru

УДК.94(47).08

В. О. Терентьев

СВЯЗИСТЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КОМАНДЫ СВЯЗИ 199-ГО ПЕХОТНОГО КРОНШТАДТСКОГО ПОЛКА)

V. Terentyev

SIGNALMEN IN THE FIRST WORLD WAR (CASE OF THE SIGNAL TEAM OF THE 199TH INFANTRY KRONSTADT REGIMENT)

В статье представлены этапы развития полковой связи в РИА в годы Первой мировой войны, динамика ответа на растущие требования к технике и ее обслуживанию, роль и место вестовой и телефонной связи в системе полковых коммуникаций.

Ключевые слова: связь, телефон, войска связи, команда связи, 199-й полк, Кронштадтский полк, Русская императорская армия, Первая мировая война.

The article presents the stages of the development of regimental communications in the Russian Imperial Army during the Great War, as well as the dynamics of the response to the growing

requirements for equipment and its maintenance, and the role and place of messenger and telephone communications in the regimental communications system.

Keywords: communications, telephone, signal corps, signal team, 199th Regiment, Kronstadt Regiment, Russian Imperial Army, Great War.

В отечественной историографии вопросы становления военной связи достаточно хорошо освещены. Изучению организации и развития связи в годы Первой мировой войны исследователями уделено значительно меньше внимания, чем советскому и постсоветскому периоду. Большинство работ носит широкий обобщающий характер и не показывает роль и место формирований связи непосредственно на фронте. Как показывает опыт более глубокого анализа, многие теоретические представления, опиравшиеся на обзорные и статистические работы, могут быть откорректированы с учетом практической боевой деятельности частей и подразделений связи [1]. Так, на примере команды связи типовой воинской части времен Первой мировой войны – 199-го пехотного Кронштадтского полка – можно проследить этапы развития полковой связи в боевых условиях, динамику ответа на растущие требования к технике и ее обслуживанию, роль и место вестовой и телефонной связи в системе полковых коммуникаций.

Научно-техническая революция конца XIX века привела к коренным изменениям в военном деле. В войсках стали широко использоваться изобретения, в том числе связанные с расширением коммуникативных возможностей. Организация связи стала необходимым условием организации боя. Уже с рождения военной связи само ее наличие, качество, устойчивость и помехозащищенность стали залогом победы. Формирования связи на нижнем (полковом) уровне появились в Русской императорской армии уже в 1907 г., после русско-японской войны. 5 января 1908 г. приказом по Военному ведомству №4 был установлен табель имущества связи в пехотном полку [2]. В штате пехотного полка от 6 мая 1910 г., действующего к началу Первой мировой войны, вводилась «команда связи». В ее состав входили телефонисты, самокатчики и конные ординарцы. Кроме штатных телефонистов в команду связи зачислялись нижние чины, прошедшие подготовку, равномерно от каждой роты полка.

На основании штата и приказа по Военному ведомству №538 от 16 сентября 1910 г. команда связи пехотного полка состояла из:

Офицера – начальника команды связи; 6 штатных телефонистов (в т.ч. 2 старших и 2 младших унтер-офицеров), 15 ротных телефонистов; 13 конных ординарцев для доставки приказаний и донесений (в т.ч. 1 младший унтер-офицер); 4 самокатчика (велосипедиста); 1 денщика.

Для начальника команды связи и конных ординарцев полагалось иметь 14 строевых лошадей и 13 конных повозок. Дополнительно в полковом обозе имелось две повозки с телефонным имуществом.

Из имущества связи в команде имелись только телефоны: 9 телефонных аппаратов, 1 фонических коммутаторов на 6 линий, 10 верст телефонного кабеля на 10 катушках [2; 3].

Команда связи имела пять телефонных звеньев и могла обслуживать четыре линии (например, батальонные с одной головной станцией). Каждое звено состояло из одного штатного и трех ротных телефонистов, с одним телефонным аппаратом и катушкой с кабелем. Штатный телефонист был старшим звена, один из ротных телефонистов обслуживал телефонную станцию и вел запись телефонограмм, он же являлся помощником старшего звена, два других ротных телефониста прокладывали и поддерживали в исправности кабельную линию [4].

К январю 1916 г. в русской Действующей армии имелось 4 тыс. телефонных аппаратов и запас телефонного и телеграфного кабеля на 27 тыс. км. Но уже за 1916 г. в армию поступило 105 тыс. телефонов, свыше 240 тыс. км кабеля. На 1917

г. планировалось увеличение норм до 50-ти телефонов и до 100 км провода на пехотный полк. В силу известных событий увеличить телефонизированность пехотных полков в 1917 г. не удалось.

Телефонная аппаратура в этот период не была стандартизирована. В Русской армии к концу войны насчитывалось более 40 разнотипных образцов телефонов и в одном полку могли находиться аппараты разных типов и фирм [4].

Начальниками команд связи полков перед войной и в первом ее периоде были карьеристы, перспективные молодые офицеры, находящиеся при штабе полка. Управление полком нередко сводилось к цепочке: приказ (распоряжение) командира полка – оформление документа адъютантом полка (аналог современной должности «начальник штаба полка») – рассылка документов вестовыми (ординарцами, самокатчиками команды связи) или телефонограммами (телефонистами команды связи) – получение отчета или донесения вестовым или телефонистом – ознакомление командира и адъютанта – оформление «в дело». Поэтому начальник команды связи нередко обладал всей полнотой штабной информации и находился в постоянном контакте с командиром и адъютантом. Широко известны случаи доставки особо важных донесений в вышестоящие штабы (дивизии, корпуса, отряда) лично начальником команды связи полка. Реже встречается личная доставка приказов подчиненным подразделениям. Причиной этого могла быть особая секретность или необходимость дополнительных устных уточнений. В условиях мирного времени и достаточно длинного инертного периода начала войны главную роль при назначении начальника команды связи играли карьерные связи, экстерьер (строевые, командные навыки, идеальная выправка) и коммуникативность (умение донести и прокомментировать информацию командования полка как до командиров подразделений, так и до вышестоящих командиров). Командир полка еще мирного времени – сам блестящий гвардеец, успешный карьерист и аккуратный штабной специалист, отбывавший цензовое командование полком для перехода на следующую ступень военной карьеры, полковник Генерального штаба А. Г. Христиани, назначил начальником команды связи подпоручика лейб-гвардии Измайловского полка А. Н. Козлова [5]. За полгода начальствования подпоручик Козлов стал кавалером орденов Св. Анны 3-й и 4-й степени и Св. Станислава 3-й ст., регулярно отмечался командованием.

Постепенно в ходе боевых действий, особенно в результате Великого отступления, к начальникам команд связи стали предъявляться иные требования – прежде всего, решительность, смелость, умение добиваться от подчиненных поставленных задач. На первый план вышли организаторские способности офицера. Полковник Генерального штаба Л. А. Радус-Зенкович, успешно командовавший 199-м полком в самое тяжелое время с 10 декабря 1914 г. по 16 февраля 1916 г. при длительных маршах «Великого отступления» и в ходе позиционной войны, при линейном развертывании дивизии и действиях полка в составе соединений, был либерален и недостаточно требователен к выполнению отданных распоряжений. Будущий военный историк и тактик, он смог своевременно оценить причины поражения русских войск и попытался устранить их в своем полку [6]. Не принимая гвардейскую лихость и карьеризм подпоручика Козлова, после очередного конфликта 24 июня 1915 г. Радус-Зенкович отправил его младшим офицером в 13-ю («штрафную», как называли в полку) роту. Гвардеец не вынес обиды и на следующий день перевелся в 21-й Сибирский полк, а затем смог вернуться в свой родной Измайловский.

Начальником команды связи был назначен герой полка, прапорщик И. Н. Тарасевич. Будучи полной противоположностью гвардейцу Козлову, Тарасевич вступил в войну унтер-офицером, в ходе боев 1914–1915 гг. проявил себя смелым, находчивым, умелым командиром, был 11 раз ранен, контужен, отравлен газами, произведен в прапорщики за отличие, удостоен Св.Владимира 4-й степени с мечом

и бантом. Прослужив в штабе всего 3 месяца, прапорщик Тарасевич в самый тяжелый момент «Великого отступления» подал рапорт о переводе его в ударный отряд и был назначен командиром сводной роты, уже на следующий день вступившей в жестокий бой с врагом.

Из-за высоких потерь офицерского состава, некоторое время команда связи находилась под управлением адъютанта полка. Фактическое командование личным составом осуществлял старший унтер-офицер П.М.Лукшин. Как и его бывший командир, Лукшин был смел, крепко держал дисциплину в команде, обладал крестьянской сметкой. Однако его простота, хитрость и техническая неграмотность были длительное время преградой на пути к чину подпрапорщика.

С развитием технической оснащенности войск, как своих, так и противника, необходимостью ускорения процессов управления, в ответ на вызовы новых форм и методов войны, стали проявляться новые требования и офицерам связи. Теперь главными критериями стали техническая грамотность, образованность, инженерная смекалка, системные способности. Дистанционное управление с помощью телефонов становилось основным, и руководство подразделений связи должно было уметь его обеспечить. Новый командир полка, командовавший им в ходе Брусиловского прорыва, полковник Генерального штаба П.Ф.Рябиков, один из ведущих специалистов разведки в Русской армии, хорошо понимал возрастание роли технических средств связи в бою и место профессионализма в управлении боем [7; 8]. Полковник Рябиков с первых дней своего прибытия в полк окружил себя технически грамотными офицерами. При его штабе главную роль стали играть артиллеристы, связисты, разведчики, саперы, пулеметчики. Ряд старых, заслуженных строевых командиров видели в этом «умаление» пехоты и их самих, в частности.

Команду связи возглавил прапорщик Н.Кульчинский, прошедший техническое обучение. Одним из «технических специалистов» при штабе полка стал бывший студент Петроградского университета, младший офицер 11-й роты, поручик О.К.Кебер. 5 сентября 1916 г. он был назначен начальником команды связи. При нем полк получил новые образцы телефонов, их количество увеличилось до 12.

Несмотря на изменение требований к офицерам-связистам, следствием назначения на должность начальника команды связи оставалась возможность карьерного роста. Так капитан О.К.Кебер с апреля по октябрь 1917 г. возглавлял штаб полка, будучи назначен на должность адъютанта. За это время сменилось 4 командира полка.

Вместе с офицерами служили нижние чины команды связи – ординарцы, самокатчики, телефонисты. Из-за близости к штабу полка, малочисленности, специфики деятельности, служба в ней представлялась пехотинцам некой «синекурой», а ее солдаты – «штабным начальством». В действительности все зависело от начальника команды.

С прибытием в полк полковника Рябикова ситуация с техническими подразделениями в корне изменилась. С начала 1916 г. роль телефонистов, к которым даже сослуживцы ординарцы относились пренебрежительно, резко возросла. Командир, штаб полка и офицеры связи все больше внимания уделяли боевой, технической и специальной подготовленности телефонистов. Так «синекура» превратилась, по словам солдат, в «измывательство». Укомплектование команд связи личным составом не всегда соответствовало предъявляемым требованиям по технической грамотности и подготовленности. Нередко даже дивизионные и корпусные команды были слабо подготовлены для выполнения задач технической связи, не говоря уже о полковых [9].

С момента образования в 1910 г. 199-й пехотный Кронштадтский полк дислоцировался в Кронштадте и в мирное время комплектовался, в основном, из жителей Санкт-Петербурга и Петербургской губернии. С началом мобилизации в полк

прибыло значительное число уроженцев других губерний (большей частью севера и северо-запада России). Несмотря на высокий технический уровень мобилизованных из Петрограда, в команду связи попали малограмотные, но хитрые уроженцы Тверской губернии.

Показателем отношения командования к связистам и их деятельности служит наградной материал. В статье 67 Георгиевского Статута есть два пункта, отражающие героические поступки пехотных связистов, достойные награждения Георгиевским крестом:

п.21) Кто, при телеграфных, телефонных и сигнализационных работах, под сильным и действительным огнем неприятеля, руководя командой, или лично, будет в течение боя, на важном пункте, поддерживать беспрерывную связь наших войск, причем действия эти послужат одною из главных причин достигнутого нашими войсками крупного успеха или предотвратят неминуемое поражение.

п.22) Кто под сильным действительным огнем противника, своеручно исправит телефонное сообщение или восстановит другое техническое связующее средство и тем обеспечит значительный боевой успех или предотвратит крупную боевую неудачу.[10]

Полным Георгиевским кавалером команды связи стал подпрапорщик П.М.Лукшин. По п.21 он награждался за руководство командой в дни Лодзинского сражения, Великого отступления, Брусиловского прорыва и наступления Керенского. Летом 1917 г., после июльской катастрофы, он, сымитировав цингу и проехав по госпиталям Костромской губернии, один из первых в полку уехал с фронта на родину, где продолжал крестьянствовать.

Из-за близости к штабу и выполнения заметных задач среди связистов было много Георгиевских кавалеров. Так, кавалеров трех степеней было 4, двух степеней – 25. Более 40 нижних чинов команды связи были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени [11].

Среди потерь, которые понесла команда связи, доминируют пропавшие без вести (плененные врагом). Это не удивительно, поскольку в ходе боя ординарцы постоянно курсируют между штабом и подразделениями, а обстановка, постоянно меняется. Телефонисты нередко становились добычей разведывательных групп и отрядов противника. Однако большинство солдат команды, как награжденных, так и не отмеченных наградами, крайне редко отмечены среди убитых и раненых (чаще заболевших), что говорит о пониженной опасности службы по сравнению с полевой пехотой. Многие связисты прошли всю войну и, как наиболее грамотный и образованные контингент, участвовали в Революции и Гражданской войне.

На основе взаимоотношений солдат и офицеров команды связи между собой и с командованием199-го пехотного Кронштадтского полка видна динамика развития коммуникативных принципов управления частей и подразделений Русской императорской армии накануне и в годы Первой мировой войны, отмечается смена доминирующего вида связи с вестовой на телефонную, все больше заметна опора оценочных критериев командного и личного состава связи на техническую грамотность.

Список использованных источников

1. *Терентьев В. О., Терентьева Е. А.* 839-й отдельный батальон связи в боях за г. Холм. Февраль–апрель 1942 г. // Актуальные проблемы инфотелекоммуникаций в науке и образовании. Сборник статей VII Международной научно-технической и научно-методической конференции. В 4-х т. Т.3. Санкт-Петербург : СПбГУТ, 2018. С. 650–654.

2. Приказы по военному ведомству.1908.

3. Приказы по военному ведомству. 1910.

4. *Мосеев В.И.* Организация и применение средств связи в войсках Русской армии в I мировой войне // Актуальные проблемы инфотелекоммуникаций в науке и образовании. Сборник статей IV Международной научно-технической и научно-методической конференции. В 2-х т. Т.2. 2015. Санкт-Петербург : СПбГУТ, 2015. С. 1006–1013.

5. *Терентьев В. О.* Из военной биографии командира 199-го пехотного Кронштадтского полка Христиани Александра Григорьевича // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции): сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары : «Интерактив плюс», 2017. С.153–156.

6. *Терентьев В. О.* Командир 199-го пехотного Кронштадтского полка полковник генерального штаба Радус-Зенкович Лев Аполлонович // Первая мировая война и становление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений: Материалы международной научно-практической конференции к 100-летию Великой войны 1914–1918 гг. Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2018. С.47–51.

7. *Терентьев В. О.* Судьба генерал-майора Павла Федоровича Рябикова и его вклад в осмысление Первой мировой войны // Слепухинские чтения – 2018. Санкт-Петербург : Ладога, 2018. С.79–93.

8. *Терентьев В. О.* Командиры 199-го пехотного Кронштадтского полка – выпускники Николаевской академии Генерального штаба // Николаевская академия Генерального штаба (1832–1918). – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2018. С.207–217.

9. *Черныш А. В.* На фронтах Великой войны. Воспоминания. 1914–1918. Москва : Кучково поле, 2014.

10. Статут Императорского Военного ордена святого великомученика и победоносца Георгия, принадлежащего к сему ордену Георгиевского Креста и причисляемых к тому же ордену Георгиевского оружия и Георгиевской медали. Изд. 4-е дополн. по 15 июля 1915 г. Петроград: В. Березовский, 1915. С.45–50.

11. *Патрикеев С. Б.* Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. В 14-ти т. Москва : «Духовная Нива», 2015.

Терентьев Вячеслав Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории, политологии и социологии, государственный университет морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова, terehv@mail.ruc

УДК 329.7

Е. А. Терентьева, Д. Г. Черкасов

«РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ШВЕЦИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

E. Terenteva, D. Cherkasov

RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN MODERN SWEDEN: SOCIO-CULTURAL AND SOCIO-POLITICAL ASPECTS

Несмотря на светский характер государств и образа жизни современного Запада, окончательно оформившиеся в XX в., в последнее десятилетие роль религии и религиозных организаций в социокультурной и даже политической жизни европейских стран последовательно возрастает. Это явление связано как с ценностным кризисом постмодерна, так и с изменениями этнического и религиозного ландшафтов современной Европы. В статье намечены основные тенденции указанных процессов на примере современного шведского общества.

Ключевые слова: религия, религиозная организация, ислам, постмодерн, христианство, протестантизм, Швеция, ценности, мультикультурализм.

Despite the secular character of modern European states and of the western lifestyle as a whole, the role of religion and religious organizations in socio-cultural and political life of

European countries has been increasing constantly in the last decade. This phenomenon is closely related to both post-modern value crisis and the deep changes in the ethnic and the religious landscapes of modern Europe. The article outlines the major tendencies of the described processes on the example of the modern Swedish society.

Keywords: religious organization, multiculturalism, post-modern, values, religion, Sweden, Christianity, Protestantism, Islam.

Ценностный кризис современных западных обществ выражается в новом витке духовных поисков, охвативших европейцев, в том числе европейскую молодежь, в последнее десятилетие. Постмодерн последней трети XX в. разрушил традиционную систему ценностей, не создав системы принципиально новой [1]; в результате в современном мире наблюдается возрождение интереса к различным вариантам ценностных систем и духовных ориентиров. Мультикультурное шведское общество становится в этом контексте чрезвычайно интересным для изучения примером, поскольку в результате соответствующей политики государства и миграционного кризиса второй половины 2010-х гг. этнический и религиозный состав населения стал чрезвычайно пестрым. Традиционный евангелический протестантизм дополнился новыми, нехристианскими конфессиями, что привело не только к возникновению новых религиозных организаций на территории королевства, но и оживлению деятельности уже существовавших. На фоне социальных и политических кризисов, сотрясающих шведское общество в последние годы, в ходе которых вопросы мировоззрения (и, у́же, религии) затрагиваются все чаще и чаще, анализ деятельности религиозных организаций именно в социокультурном и политическом контекстах представляется весьма своевременным и актуальным.

Лютеранская церковь Швеции является примером эффективной интеграции церкви в гражданское общество современного государства. Из 10 327 000 человек чуть больше 57 % принадлежит к Лютеранской церкви [2]. Вследствие длительной традиции секуляризации сознания в современной Швеции лишь 23 % лютеран заявляют, что верят в Бога, и только1–2 % активно участвуют в богослужениях и принимают причастие [3]. Однако Лютеранская церковь активно вовлечена в общественную и культурную сферу шведского социума. Шведы постоянно сталкиваются с проявлениями влияния церкви на общественную жизнь. Так, большинство шведских праздников либо имеют церковное происхождение, либо напрямую являются церковными. День святой Люсии, Пасха и Рождество прочно закрепились в шведской культуре. Традиции, имеющие христианское происхождение, являются основой шведского культурного самосознания. В условиях мультикультурного шведского общества и участившегося столкновения культур и религий на бытовом уровне, традиции, порожденные Шведской церковью, становятся одним из основных факторов культурной самоидентификации современных шведов.

В последнее десятилетие Церковь Швеции активизировала социальную деятельность. Около двух тысяч человек заняты организацией приходской жизни, в основном связанной с образованием и созданием различных программ для детей и подростков. Большая часть занятых в церковной сфере состоят в профсоюзах, крупнейшим из которых является Ассоциация работников Церкви Швеции. Для того, чтобы привить христианские ценности молодому населению, была создана организация “Молодёжь Церкви Швеции”, которая регулярно организует образовательные мероприятия в школах. Она также имеет свою структуру и свой Совет представителей [4].

Несмотря на то, что Швеция является светским государством, Лютеранская церковь регулярно финансируется правительством Швеции и принимает активное участие в политической жизни страны. В конце XXи в начале XXIвв. Церковь Швеции в значительной степени стала более либеральной. В 2005 г. были официально разрешены однополые браки, в этом же году Евангелическо-лютеранская

церковь стала инициатором изменения миграционного законодательства, согласно которому из Швеции не высылались больные дети и их родители, нелегально иммигрировавшие в страну, что привело к новой волне притока иммигрантов [5]. Однако, несмотря на современные либеральные взгляды, ЕЛЦШ церковь остаётся одной из самых основных ценностей правоконсервативных партий Швеции.

К религии апеллируют многие политики, пропагандирующие традиционные шведские ценности и критикующие политику мультикультурализма, которая, по их мнению, уже давно провалена в Швеции. Религия как таковая является одним и связующих факторов существования оппозиционного Правого Альянса парламентских партий Швеции, в который входят Умеренная коалиционная партия, партия Христианских демократов и партия Шведских демократов. Представители данного альянса видят разрешение кризиса мультикультурализма в интеграции иммигрантов на основе шведских ценностей и если не в переходе мусульман-иммигрантов в лютеранство, то хотя бы в их приобщении к основам христианства. Учитывая нетерпимость восприятия мусульманами других религий, такое предложение является весьма утопичным и на практике нереализуемым.

Некоторые шведы, недовольные либеральной позицией Шведской лютеранской церкви, ищут ответы на кризисное восприятие других культур и религий в католицизме, православии и других христианских конфессиях, таких как баптисты, пятидесятники и последователи «Слова Жизни» [4]. В последнее время в Швеции наблюдается тенденция перехода верующих в малочисленные, но более строгие конфессии и религиозные движения, что стало следствием кризиса мультикультурализма и чрезмерной либерализации Шведской церкви. Другие же религии, такие, как буддизм и иудаизм, фактически не имеют официальных религиозных организаций в Швеции. К тому же, большинство вышеперечисленных религиозных организаций слишком малочисленны, чтобы активно повлиять на социальные, культурные и политические реалии Швеции.

В последние два десятилетия ислам в значительной степени разбавил гомогенное шведское протестантское общество. На данный момент в Швеции проживает более миллиона мусульман [6]. Естественно, такое большое количество представителей иной веры, которая, к тому же, диктует своим последователям определенные нормы образа жизни, не могло не повлиять на социальные, культурные и политические аспекты общественной жизни Швеции. Несмотря на то, что большинство иммигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки прибыли в Швецию в XXI в., первые религиозные организации, представляющие и поддерживающие ислам, появились ещё в 70-х и 80-х гг. XX в.

Крупнейшей из таких организаций является Исламская ассоциация в Швеции. Основанная в 1986 г., за время своего существования ассоциация способствовала строительству и открытию в 2000 г. Стокгольмской мечети – крупнейшей мечети в Швеции, – проводила активную культурную и социальную политику и создала несколько дочерних религиозных организаций, таких как Исламская помощь в Швеции, Мусульманская молодёжь Швеции и Исламское информационно общество [7]. Несмотря на рост социальных противоречий, официальную позицию большинства мусульманских религиозных организаций на территории Швеции можно описать как мирное сосуществование. Исламская ассоциация в Швеции публично осудила террористические акты, произошедшие в Стокгольме в 2010 и 2017 гг., поскольку они в значительной степени ухудшили и без того негативное отношение к мусульманским иммигрантам. Зачастую деятельность подобных религиозных организаций направлена, помимо исполнения своих основных религиозных функций, на реабилитацию доверия среди исконного шведского населения [8].

Религиозные мусульманские организации в Швеции регулярно финансируются правительством в рамках национальной политики мультикультурализма. Религия является основой консолидации иммигрантов в стране пребывания. Через продуманную работу с религиозными организациями шведское правительство стремится эффективнее интегрировать мусульманское меньшинство в шведское общество. Растёт и политическое влияние мусульманских религиозных организаций. Например, внепарламентская политическая партия Шведские мусульмане активно сотрудничает с мусульманскими религиозными организациями и объединениями в Швеции, а, учитывая потенциальный электорат этой партии, можно предположить, что в шведском Риксдаге может появиться полностью мусульманская партия.

В современном мире под влиянием глобальных процессов можно проследить тенденцию концентрации культур в пределах конкретной страны. В таких условиях особое значение приобретает религия, как один из основных факторов самоидентификации человека. Даже в условиях роста популярности атеистических идей религия или укорененные в ней культурные традиции по-прежнему в большой степени влияют на обыденное мировоззрение людей. Пример Швеции наглядно демонстрирует, как в современных условиях кризиса мультикультурализма крупные религиозные организации становятся активными участниками социальной и культурной жизни страны. Эти организации имеют собственную социальную позицию по многим актуальным вопросам и зачастую пользуются своим авторитетом для продвижения своих идей. Нередко политические деятели пользуются поддержкой религиозных организаций для привлечения электората или же реализации государственной политики.

В современном поликультурном и мультирелигиозном мире деятельность религиозных организаций становится неотъемлемой составляющей эффективного функционирования общества. Выполняя целый спектр разнообразных функций, – духовно-мировоззренческих, культурных, социальных и политических – на современном этапе развития христианские религиозные организации Европы будут вынуждены активно возвращать свое первоначальное значение, которое почти полностью потеряли к концу XX столетия. Не последнюю роль в этом процессе играет активизация нехристианских религиозных организаций, которые, с одной стороны, аккумулируют интересы мигрантов, а с другой – формируют альтернативу для духовных поисков и самоидентификации коренного европейского населения, способствуя распространению идей обновления в традиционных, «старых» религиозных организациях Европы.

Список использованных источников

1. *Маньковская Н. М.* Феномен постмодернизма. Москва ; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 496 с.

2. Svenska kyrkan i siffror. – URL: https://www.svenskakyrkan.se/statistik (дата обращения: 06.11.2021).

3. Medlemmar I Svenska kyrkani förhållande till folkmängd 31 december 2020 perförsamling, pastoratochstiftsamtriket. – URL: https://www.svenskakyrkan.se/statistik (дата обращения: 06.11.2021).

4. *Лункин Р. Н.* Церковь и общество в Швеции: современный шведский либерализм и консерватизм // Современная Европа. 2011. №2 (46). С. 125–137.

5. *Артюхов М. Н.* Либеральные ценности шведского христианства // Наука. Искусство. Культура. 2018. №2 (18). С. 152–158.

6. Eurostat. Immigration by age group, sex and level of human development of the country of citizenship. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/migr_imm9ctz/default/table?lang=en (датаобращения: 06.11.2021).

7. Islamiska förbundets stiftelse.– URL: https://www.islamiskaforbundet.se/stiftelsen/ (датаобращения: 06.11.2021).

8. Om islamiskaförbundet. – URL: https://www.islamiskaforbundet.se/omif/ (дата обращения: 06.11.2021).

Терентьева Екатерина Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, e.a.terenteva@bk.ru

Черкасов Дмитрий Геннадьевич – магистрант 1-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, mitya-cher2801@yandex.ru

УДК 94 (471.66)

Д. В. Тумаков

«АНТИВОЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ 1994–1996 гг. В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ» (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ)

D. Tumakov

ANTI-WAR MOVEMENT DURING THE FIRST CHECHEN WAR OF 1994–1996 IN THE RUSSIAN PROVINCE» (BASED ON THE MATERIALS OF THE OF THE UPPER VOLGA)

Статья посвящена различным проявлениям протеста населения российской провинции против первой чеченской войны 1994–1996 гг. Анализируются наиболее типичные газетные материалы тех лет и мемуары некоторых российских политиков. Сделан вывод о том, что антивоенное движение на периферии в целом было слабым, а интерес к трагическим событиям на Северном Кавказе в российском обществе сравнительно быстро ослаб.

Ключевые слова: антивоенное движение, первая чеченская война, Верхняя Волга, периодическая печать, провинция, митинги.

The article is devoted to various manifestations of the protest of the population of the Russian province against the first Chechen war of 1994–1996. The most typical newspaper materials of those years and the memoirs of some Russian politicians are analyzed. It is concluded that the anti-war movement on the periphery as a whole was weak, and interest in the tragic events in the North Caucasus in Russian society relatively quickly weakened.

Keywords: anti-war movement, the First Chechen war, the Upper Volga, the periodical press, the province, rallies.

Чеченская операция 1994–1996 гг., более известная как первая чеченская война, стала первым в отечественной истории медийным вооружённым конфликтом. Она изначально не пользовалась поддержкой широких масс населения России. Социологический опрос, проведённый фондом «Общественное мнение» в конце 1994 года, показал, что ввод федеральных сил в Чечню и начало боевых действий поддерживали лишь 20 % респондентов, в то время как 66 % их осуждали [3, с. 2]. Подобного рода опросы, проводившиеся в российских регионах, также демонстрировали антивоенный настрой большей части населения. Так, 45 % ивановцев в январе 1995 года критиковали использование армии в Чечне, в то время как иначе думал только 21 % опрошенных [14]. В последнем случае осуждение войны, очевидно, можно объяснить активным участием 98-й воздушно-

десантной дивизии из Иванова в штурме Грозного и понесёнными ей значительными боевыми потерями.

В силу этого неудивительно, что не только в Москве или Санкт-Петербурге, но и в ряде провинциальных городов в 1994–1996 гг. прошли антивоенные акции. Апогей их пришёлся на зиму 1994–1995 гг., когда российская армия с большими потерями овладела столицей мятежной Чечни. Хотя занимавший в то время должность губернатора Нижегородской области Б. Е. Немцов писал о гигантской антивоенной демонстрации с участием более чем 100 тысяч нижегородцев [8, с. 124], подобные акции в провинции обычно были незначительны по масштабам. В частности, в январе 1995 года около 30 активистов демократических сил Ярославля провели антивоенный митинг. Символично, что местом его проведения стал памятник жертвам политических репрессий на Леонтьевском кладбище города, то есть погибшие на Северном Кавказе были уравнены с пострадавшими в советский период. Участники митинга почтили память всех погибших в Чечне граждан, а в резолюции митинга содержалось требование немедленного прекращения бомбардировок Грозного федеральными войсками. Протестующие, среди которых был и депутат областной Думы от партии «Выбор России», известный предприниматель М. А. Бурунский, единогласно выдвинули кандидатуру негласного лидера антивоенного движения, российского правозащитника С. А. Ковалёва на соискание Нобелевской премии мира [9].

Спустя примерно месяц в Иванове представители различных демократических партий («Выбор России», «ЯБЛоко» и т. д.), Комитета солдатских матерей и чеченской диаспоры организовали аналогичный митинг против войны. В нём приняли участие 150 человек, а в итоговой резолюции содержались требования о немедленном прекращении боевых действий в Чечне и заключении перемирия, отмены постановления Генеральной прокуратуры РФ об аресте лидера сепаратистов Д. М. Дудаева, а также формировании из представителей сторон Временного комитета для совместного поиска путей выхода из конфликта [11]. При этом члены местной вайнахской диаспоры развернули плакат «Остановить геноцид на Кавказе!» и в беседе с местными журналистами утверждали о гибели в Чечне примерно 14 тысяч мирных жителей и только около 2 тысяч вооружённых боевиков [11]. Подобная оценка событий в Грозном во многом совпадала с точкой зрения российских правозащитников и части центральных СМИ. Весной того же года группа из 50 солдатских матерей Рыбинска отправила коллективные прошения на имя президента, премьер-министра, министра обороны и в Государственную Думу РФ с требованиями прекращения войны, вывода войск из Чечни и наказания виновных [12].

В дальнейшем антивоенные митинги или иные мероприятия в городах Верхней Волги не проходили, хотя факты гибели или ранения земляков в Чечне фиксировались в печати и далеко не способствовали поддержке политики Кремля на Северном Кавказе со стороны населения. Напротив, как отмечает тверской историк и краевед С. Б. Михня, единовременная гибель в Чечне весной 1996 года 7 бойцов ОМОНа из Твери потрясла горожан [7, с. 362]. В некоторых случаях жёсткую реакцию провинциальной общественности вызывали крупные теракты, связанные с массовым захватом заложников. После нападения дудаевских боевиков на Дагестан в начале того же года безработный житель города Торопец Тверской области В. В. Мельников в письме в местную газету призвал российское руководство предоставить Чечне независимость [10].

Неприятие силового способа разрешения чеченской проблемы продемонстрировали и местные периодические издания. Публикации на данную тему на их страницах были нечастыми, однако в каждой из них содержалось резкое осуждение кавказской политики федерального Центра. Например, в райцентре Гаврилов-Ям (Ярославская область) Совет районного общества ветеранов войны в Афганистане в январе 1995 года выступил с заявлением о непродуманности действий российских властей при урегулировании конфликта в Чечне, назвав начавшуюся операцию по разоружению отрядов сепаратистов «ужасающей имитацией десятилетней войны в Афганистане». Бывшие «воины-

интернационалисты» предостерегали всех от новой войны, считали недопустимым для Центра использовать патриотические чувства россиян для достижения неясных целей. Предпочитая мирные способы урегулирования чеченского кризиса, они также требовали от исполнительной власти РФ чётко и аргументированно обосновать начало военных действий в Чечне [4]. Хотя президент Б. Н. Ельцин после ввода войск в мятежную республику неоднократно выступал с подобного рода разъяснениями [13, с. 677-678], они явно не показались «афганцам» убедительными.

Глава государства в те дни оказался одним из главных объектов критики центральных и периферийных СМИ. Так, житель райцентра Данилов в Ярославской области С. Кожевников в письме на страницах местной газеты подверг решительному осуждению российские власти за отправку плохо обученных молодых новобранцев на Северный Кавказ «одним росчерком пера Президента» и необъективное информационное освещение войны. Неприятие с его стороны вызвал сам факт ввода войск в Чечню без предварительного обсуждения, напомнивший худшие страницы недавнего советского прошлого, а потому Кожевников сетовал и на отсутствие всенародного антивоенного энтузиазма в России [5]. Спустя примерно месяц его землячка Г. Крюкова – мать призывника – также обвиняла Б. Н. Ельцина в использовании имперских методов периода сталинизма, добавляя при этом, что «народ уже не тот», и призывала российское общество к активным антивоенным протестам [6].

Заведующий отделом писем мышкинской районной общественно-политической газеты «Волжские зори», известный краевед и писатель В. А. Гречухин критиковал российского президента за чрезмерное применение военной силы на Северном Кавказе. Он открыто писал о войне «у нас, в Российской Федерации», причём «на полную мощь, с применением тяжёлой боевой техники», то есть «как с жестоким внешним врагом» [2]. Тем самым им был дезавуирован официальный тезис о полицейской акции по разоружению бандитов. Гречухин также осуждал обе палаты российского парламента за отсутствие внятной антивоенной позиции, а эпатажного лидера ЛДПР В.В. Жириновского – за фактическую поддержку силовых действий Кремля. Критиковались публицистом и ведущие электронные и печатные СМИ, которые, по его мнению, были необъективны в освещении чеченских событий, так как не предоставляли слово обычным жителям этой республики [2]. В эскалации конфликта в конце 1994 года Гречухин обвинял исключительно российскую политическую элиту (так называемых «демократов»), сравнивая ввод федеральных войск в Чечню с трагическими событиями октября 1993 года в Москве и фактически обвиняя президента Б. Н. Ельцина в склонности к силовым методам решения политических конфликтов [2]. О немалой роли лидера самопровозглашённой Ичкерии Д. М. Дудаева в развитии кризиса в Чечне публицист предпочёл не упоминать.

По отношению к гражданскому населению Чечни В. А. Гречухин употребил несколько пафосный термин «страдальцы, подвергшиеся безумиям войны». Его мнение в этом вопросе полностью разделял многолетний читатель «Волжских зорь» селькор Б. А. Пряников. Более того, в письме в редакцию он даже утверждал о готовности склонить голову перед героизмом «глубоко несчастного» чеченского народа, сражавшегося с федеральными силами в Грозном, и напоминал о сложной истории взаимоотношений России и Чечни в XIX–XX вв. По его мнению, итогом войны могли стать только оккупация республики превосходящими силами армии и многолетняя борьба силовиков с местными партизанами [1]. Гречухин также считал наиболее вероятным развитие обстановки в Чечне по сценарию недавней войны СССР в Афганистане 1979–1989 гг., а также предсказывал ухудшение взаимоотношений русских и чеченцев, а в дальней перспективе – России и народов Северного Кавказа в целом [2].

Таким образом, конкретные проявления антивоенных настроений во время первой чеченской войны 1994–1996гг. были сравнительно слабыми. Периферийная печать Верхневолжского региона, независимо от политических воззрений, из гуманистических или рациональных соображений осуждала официальную политику властей на Северном

Кавказе, однако её настрой не подкреплялся готовностью местного населения к решительным действиям. Мирные антивоенные митинги даже в крупных областных центрах типа Ярославля или Иванова, пусть и освещались в прессе, но оказались откровенно малочисленными, а на более низком уровне отсутствовали вовсе. Неудивительно, что после взятия Грозного российскими войсками зимой 1995 года интерес к военным действиям в Чечне на периферии был во многом утрачен, поэтому даже крупные события типа терактов в Будённовске или Кизляре в ряде районных масс-медиа не освещались. Чеченская кампания явно уходила в тень масштабного социально-экономического кризиса и политических неурядиц тех лет.

Список использованных источников

1. *Гречухин В.* «Какие нам нужны встречи?». Выступления газеты – мнения читателей // Волжские зори. – 1995. – 1 февраля.

2. *Гречухин В.* Со стороны простых людей // Волжские зори. – 1995. – 14 января.

3. Досье // Огонёк. – 1994. № 50–51. С. 2.

4. Заявление районного общества ветеранов войны в Афганистане (Ярославская обл.) в связи с событиями в Чечне // Гаврилов-Ямский вестник. – 1995. – 5 января.

5. *Кожевников С.* Кровь проливают мальчишки… // Северянка. – 1995. – 19 января.

6. *Крюкова Г.* Беда постучалась в наш дом // Северянка. – 1995. – 11 февраля.

7. *Михня С. Б.* История Тверской земли с древнейших времён до наших дней. Москва : Мартин, 2014.

8. *Немцов Б. Е.* Исповедь бунтаря. Москва : Партизан, 2007.

9. *Поляк В.* Демократы зажигают свечи // Золотое кольцо. – 1995. – 11 января.

10. Сегодня Кизляр, а что завтра? // Мой край. – 1996. – 16 января.

11. *Сереброва Л.* В живых осталось только двое из сорока восьми ребят… // Рабочий край. – 1995. – 7 февраля.

12. *Смыслов А.* Матери протестуют // Золотое кольцо. – 1995. – 31 марта.

13. *Тумаков Д. В.* Выступления Бориса Ельцина как источник по первой чеченской кампании 1994-1996 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVIII Международной научной конференции, Иваново, 3-4 апреля 2019 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 675–681.

14. Чечня – наша общая боль // Рабочий край. – 1995. – 13 января.

Тумаков Денис Васильевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России, denistumakov@yandex.ru

УДК: 78.03

Х. М. Фатемэ

ИСТОРИЯ ИРАНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ МУЗЫКИ: КУРДСКАЯ МУЗЫКА

H. M. Fatemeh

HISTORY OF IRANIAN TRADITIONAL MUSIC STUDIED: KURDISH MUSIC

Этническая музыка является частью этнической и национальной культуры и самобытности. Музыка каждого этноса выражает надежды, стремления и чувства. Провинции Курдистан и Керманшах входят в число провинций с очень высоким потенциалом для привлечения туристов. Большая часть традиционной и местной музыки иранского народа состоит в том, что каждая повествует миф и историю, представленную на языке мелодии и песни. У них (курдов) есть разные типы музыки, которые используются в разных церемониях, которые создаются с учетом традиций и исторического расположения.

Ключевые слова: курдская традиционная музыка, исторические места, Курдистан

и Керманшах.

Ethnic music is a part of ethnic and national culture and identity. The music of every ethnic group expresses hopes, aspirations and feelings. The provinces of Kurdistan and Kermanshah areamong the provinces that have very high potentials for attracting tourists. The most traditional and local music of the Iranian people is that each of them narrates a myth and story that is presented in the language of melody and song. They (Kurds) have different types of music that are used in different ceremonies. It should be done with traditional cover and historical place.

Keywords: Kurdish traditional music, historical places, Kurdistan and Kermanshah.

After the arrival of the Aryans, since they did not use dance and music in their rituals, it was not very popular among them, and these two artists did not develop among them, and written works have survived in this regard. Ancient) or in other words (traditional Iranian music). This Iranian term is well understood, but is rarely used in comparison with the term (original music). - 644 BC) In this regard, little information is available and the only remnants of musical instruments such as guitars, oud and flutes. It is said that musical instruments such as (barbet) has roots in this period, ie about 800 BC. Music has played a particularly important role in the courts, and healso says that the existence of music in religious ceremonies was very necessary for the worship of God. It is clear that research has revealed new aspects of it. Barbadiki was one of the musicians of the court of the Sassanid Empire who invented the first musical system in the Middle East called (Khosravani Royal) and presented it to Shah Khosrow (Khosravani). In the past, students and teachers had traditional relationships that declined in the 20th century and in parallel with the movement of music education to universities and art schools. But each list of more than two hundred series (rows) is divided into smaller melodies called "corners". Each corner and device have its own individual name. Traditional music is based on sound, poets playa key role in it. In many cases, the composer is responsible for choosing the poem to be sung. Traditionally, music is sitting and played in places decorated with backpacks and rugs.

The traditional music was played in the courts until the 20th century, when during the rule of extremist Islamists, music was played secretly. In the history of Iranian music, there are two different systems, one period which seems to have been military in 19 AH (13 AH). It is not known what reason and motive has caused it to change. The system of the system, which was founded after the periodic system and is in seven groups called the system. The Iranian instrument is also a row of Indian or local rye in Turkish-Arabic music, but in the west, it is translated. One of them does not convey the concept of a proper instrument. The periodic changeof the system to the instrumental system in Iranian music must have taken place between 1278 and 1322, or in other words, the thirteenth to the middle of the fourteenth century AH. Famous have been attributed to the family of art (Ali Norouzian, 1390).

Shoor: Most of the songs sung by an untrained Iranian singer are included in some of the themesof this instrument. Therefore, the instrument is also sung in Iranian music. Shourd is an important instrument in Iranian music. It is not different from each other and most of the songs of the tribes and nomads of the provinces are in the field of this device.

Types of Iranian instruments are divided into three general groups: 1) stringed instruments, 1 - bow (Ghazak, Kamancheh, Rabab) - 2-wound (Harp, Dotar, Law, Rabab, Selaneh, Instrument, Setar, Tanbur, Tar, Oud, Shurangiz, Tal) -3-percussion string (Santur) -2) wind instruments, 1- baz (Dray, Sorena, Korna, Shahnai, Narmeh Nay, Dozleh, Ney Anban) -2-conduit (seven bands, Reed, trumpet) -3) percussion, percussion instruments (Daf, Dohol, Bell Circle, Naqara, Tonbak, Kos, Cymbal,

Dammam) (Ali Norouzian, 1390: 33).

Barbat or Oud: It is a stringed instrument that is common in the Middle East and Arab countries and is one of the oldest Eastern and Iranian instruments. This type of instrument is a historical symbol for Iranian instruments. The background of this instrument dates back to 1970 BC, whichcan be considered one of the most original Iranian musical instruments. The Mesopotamian archeological artifacts of the second millennium BC show a standing man playing the harp. In fact, the ancient Sumerians were the first people to be rebuilt in the relics of the relics. It was common in the Achaemenid period. During the Sassanid period, this instrument was more common than any other period. It has the expression of the corners of Iranian music. The law is considered to have been made since the beginning of Islam. The name is derived from the Greek word kanon, which is a term (law, rule). But from a musical point of view, it is a name belonging to the old sythare family, which came to Europe in the Middle Ages under the name of canon or miocanon. (Ali Norouzian, 1390: 48). It should be said that the legislation in different countries such as (Egypt, Turkey, Armenia, Soviet Union and Iran, etc.) has been made to different sizes and widths and Egyptian laws 26 voices, Turkish laws 24 and 25 voices, Armenians 22 voices and Iranians 27 voices.

Historians and musicians believe that Kurdistan is the cradle of world music. The Kurdish people, as one of the oldest Aryan tribes due to the rich Iranian culture, has the most original immortal music and melodies (IRNA). Regarding the origins of the Kurdish people, it should be said that It is said that when chefs prepared the brains of young people for the snakes on Zahak'sshoulders as a result of the devil's kiss on his shoulders, the number of young people decreased, so the chefs escaped from the two young people they brought to sacrifice every day. At present, Kurdistan has fled and they were from Kurdish tribes (Ferdowsi's Shahnameh). People have beenthis religion. The Last Letter (Sarudiarsan) is one of the oldest books of the Ahl al-Haqq, in which it is stated that "when God intended the soul to remain in the human body, the soul was not placed in the human body until after 40 days God commanded Benjamin to take the soul in the human body and leave the soul in the human body." , P. 3). Kurdish music among the peopleof Kurdistan has an inextricable link between the daily loss of the people, the common instruments in Kurdish music (Ney, Sorna, Nayeh, Dohol, Tonbak, Tanbur and Kamancheh). There are three, four and five places. In addition to seven instruments, there is another device called Isfahan in which Kurdish (Qadari) songs can be placed. Many Kurdish songs such as Kabuki, Shayek Dehgari, Gol Nishan Gul Nishan and most of the astonishing songs are in Dastgah. The Kurds are very interested in their culture, language, literature, tradition and music, and for this reason they have made progress in this field. Kurdish music has different styles and songs, which are as follows: Beit: It is one of the most important Kurdish classical authorities that is used in wars, chivalry and epics and is said in praise of the One Creator and the Prophet and in Western music it is called Prosepoem, it is also called in Kurdish music (Baloru). It is based on completely simple songs without considering the weight and rhyme, which are mostly played in Mahabad, Makrian and Bukan regions.

Suz and Maqam: Another type of Kurdish music is the most important feature of this internal song is the ministerial complaint. Because it is performed with full force, it is called Suzum Magham. This type of song exists in most parts of Kurdistan.

Siah Chamaneh (Siah Jameh): This song is composed in syllable form in the form of 01 syllablesand two stanzas in the style and context of the ancient Iranians, and due to coexistence with mystical issues, it has taken on a new color and smell, and in some cases It is also called Sheikhaneh or Sufi and is mostly played in Oraman, Paveh, Nodsheh, Nosud, Marivan and west of Sanandaj.

Hoorah: This song is a very valuable ritual that conveys mourning, mourning, strangeness and mourning to the listener in a gentle and steady manner. The song is played in Kermanshah, Ilam,Lorestan, Sarpol-e Zahab, Islamabad, Korand-e-Gharb, Gilan-e-Gharb, Harsin, Mahidasht, and Sangroukliai.

Hiran: It has come from the heart of the house and it often has a romantic and enthusiastic text.

Lavuk: or Lavooj, which originates from Kurdish classical songs and is called maqam (louhi le loshwan) among the Kurds of Khorasan. This maqam is reserved for women. Kermanchi Kurdish is spoken and exists.

Gorani: It is the most glorious style of Kurdish music. This song is the largest group of melodiesin Kurdish music. It contains the oldest part of Kurdish music literature and has 10 syllables and is performed in all regions of Kurdistan.

Chamri: It is one of the songs that is performed in honor of the existence of a lost value.

Kurdish music reflects the spiritual food of the people and at the same time is a tribune for interpreting the deep issues of the society. Has been and has been quoted face to face.

The psychological impact of music. When music is composed of uplifting songs or sad sounds, especially if accompanied by strange symphonic and percussive vibrations, it certainly upsets the necessary balance between the plantnerves and this action makes the sensitive principles of life including digestion, absorption and excretion and secretions, heartbeat and posture ... Extremely uplifting songs can irritate and excite the nerves in a way that gradually leads to psychological distress. The effects of sudden musical stimuli include: Brain Disorders - 4) Waste of Time - 5) Blood Pressure (Abdullahi Khoroush, 2007). Receives and responds to them along with memory and imagination. The pituitary gland, which receives commands from the thalamus gland and responds to rhythmic stimuli, causes secretions that result in the release of a sedative called endorphins, the most important effect of which is pain relief in humans. In addition to relieving pain, this substance provides expansion and happiness in humans. Real physical health is not only due to the complexmelodies and harmonious arrangements of the pieces of music, but since the human body has special rhythms like the earth itself, the music used in music therapy should be able to do this. Listening to music can be effective in the treatment of some mental disorders and physical problems such as autism, depression and muscle aches. The effect of music on increasing brain power is one of the most interesting results that can be obtained from the effects of music or other experiments. Intelligence is the listener, and experiments have shown that listening to Mozart's works increases the listener's IQ. Reduces pain, anxiety, fatigue and depression (Saeed Yousefi Bilesvar).

Performing music in historical places. Traditional music can be most effective when performed in a historic location. It can be said thatsuch performances, which in this article we will limit to a historical place, have been performed in public places since ancient times in order to entertain people. During the Sassanid era, music became very popular and was supported by the royal court. In the Safavid period, Isfahan) Thereis a percussion device that every day at sunrise and sunset, a group of musicians imitating the ancient tradition of drums, drums, trumpets, horns, instruments, tools and other war instruments,played parts of the tambourine. As it has been mentioned, in different historical periods of Iran, special attention has been paid to music and it has been paid in different ceremonies, but now, after 2500 years (ie from the time of ancient Iran to the present day), traditional music is performed in the same historical places. Traditional music can be made memorable in that historical place, an example that can be overlooked is that in Bistoon, Kermanshah, whose carvings belong to the Sassanid era, if Kurdish music and Kurdish rituals are performed.

E attracts tourists to that place and also causes them to be stored in their long-term memory. Whenthey hear the name of this place, they will be reminded of the historical place and traditional music that will be performed and will find a kind of loyalty to visit this place again. He knew these cases and their protection.

Music and tourism have a deep and long-standing relationship with each other. Folk music is a reflection of the culture and identity of the people. Music is an integral part of the life of the people of a land. And tourism is a continuum that always plays an important role in boosting morale and vitality. Music has an intrinsic connection with tourism. To the extent that tourists are stereotyped to expect their experience in cultural places to be accompanied by a special music (Mohsen Kalantari et al.) To protect traditional music.

This article deals with Kurdish traditional music, the source of which is Kurdistan and Kermanshah, and deals with the issue that music has long been considered by people who have used it in various ceremonies as well as religious rites. It can also be used. Rami music can be considered a factor for attracting tourists, protecting the customs and traditions of the tribes and also generating income for the region. In general, it can be said that the music of each tribe represents the originality and identity of that tribe. We can listen to music. Music can express inner feelings as well as the moods of people.

Список использованных источников

1. *Nowruzian Neyshabouri A.* Iranian traditional music. October. 2011.

2. *Abdollahi K. H.* The effect of music on the nerves and psyche. Badran Publishing: Isfahan. 2007.

3. *Kalantari M., Ghayami M.* Music Tourism. Tourism Space Quarterly. Fourth Year. № 15.

4. *Yousefi B. S.* A Study of the Role of Music in the Effectiveness of Health Issues in Health Radio. The Scientific Monthly of the Voice of the Islamic Republic of Iran. Year 10. № 60.

5. *Meschi M., Madrak A., Asllah, P.* Street music looking for the place of musicin the landscape of the city. Special issue. № 31 Summer 2015.

Фатемэ Хедари Монфаред – магистр, направление «Туристический менеджмент», iranebas-tan00@gmail.com

УДК 006.029

Е. И. Фатькина

ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ В ШВЕЦИИ

E. Fatkina

ORGANIZATION OF THE EXPORT CONTROL SYSTEM IN SWEDEN

Распространение оружия массового уничтожения является сегодня, возможно, самой большой угрозой безопасности. Шведская оборонная промышленность и поставки товаров военного назначения нередко становятся предметом дискуссий по причине продажи оружия в том числе в страны с не демократическим режимом. Тем не менее в Швеции создан ряд внутригосударственных организаций, ответственных за деятельность в сфере экспорта вооружений. В статье предпринята попытка рассмотреть базовые принципы работы системы экспортного контроля в сфере вооружений и товаров двойного назначения, уделив внимание

институтам, обеспечивающим контроль и надзор в данной области. Автором рассмотрены внутригосударственные инструменты регулирования, предметом статьи не являются межгосударственные и надгосударственные структуры, которые могут быть вовлечены в процесс принятия решений такого уровня.

Ключевые слова: стратегический экспортный контроль, товары двойного назначения, оборонная промышленность Швеции, инспекция стратегических продуктов (ISP).

The greatest international security threat today is perhaps the distribution of weapons for mass destruction. Swedish defense industry and supplies of military goods are often the subject of debate as arms sold into countries with nondemocratic regimes. Nevertheless, Sweden has established a number of domestic organizations responsible for arms export activities. This article attempts to review the basic principles of the export control system for arms and dual-use goods, paying attention to the institutions that provide control and oversight in this area. The author considered governmental instruments of regulation, the subject of the article is not international or supranational structures, which can be involved in the decision-making process of this level.

Keywords: strategic export controls, dual-use goods, Swedish defense industry, inspection of strategic products (ISP).

Внутригосударственный контроль, создание международных организаций, регулирующих деятельность в области торговли оружием, а также развитие инструментов экспортного контроля – ключевые механизмы, контролирующие деятельность в сфере распространение вооружений. Несмотря на активную поддержку развития подобных механизмов, в шведской политике экспортного контроля существует явный внутренний конфликт. В действительности, Швеция уже давно ставит целью своей внешней политики продвижение мира, демократии и прав человека за рубежом. В то же время страна является одним из крупнейших в мире экспортеров военного оборудования на душу населения, а среди импортеров шведского оружия можно обнаружить страны, находящиеся в состоянии вооруженного конфликта, недемократические государства, явно нарушающие права человека. [1, с. 3]. В качестве основных причин повышенного интереса к шведской военной технике можно отметить как уровень экономики и благосостояния страны в целом, так и постоянное развитие военных технологий, инновации в оборонной промышленности и развитие исследовательской деятельности в данной области.

Основным отличием экспорта военных товаров от других видов экспорта, является строгая нормативная база. Основы шведской политики контроля над военными товарами и товарами двойного назначения, как на законодательном, так и институциональном уровнях были заложены во второй половине XX века. Официальной линией внешней политики Швеции значилось "неприсоединение в мире, ведущее к нейтралитету в войне". Поддержание такой политики неприсоединения требовало развития широких возможностей в области обороны, основанных на достаточном самообеспечении в том числе и вооружениями. Это могло быть реализовано за счет внутреннего производства материалов военного и двойного назначения. Для того чтобы поддерживать развитие актуальных времени технологий, выход на международный рынок стал ключевым. После окончания холодной войны и вступления Швеции в Европейский Союз акцент явно сместился на международное взаимодействие, которое, как считается, обеспечило благоприятные условия для поставок необходимых материалов способствующих укреплению шведской обороны[2]. Все это вызвало необходимость создания ряда институтов и усовершенствования законодательства, направленного на контроль и надзор в сфере экспорта военных товаров и товаров двойного назначения.

Сегодня деятельность таких организаций регулируются Законом о военной технике и Постановлением о военной технике. Потенциальным компаниям – экспортёрам необходимо получить разрешение ряда инстанций для осуществления такого рода экспорта. Инспекция стратегических продуктов (ISP) является государственным агентством при министерстве иностранных дел, задачи которого в основном состоят в принятии решений о лицензировании и контроле, экспорте оружия и товаров двойного назначения в соответствии с различными правилами, требованиями и нормативными актами [3]. Основными заказчиками являются отдельные государства, они же являются источником инвестиций в оборонную промышленность. Спецификации требований к новым продуктам настолько технологически продвинуты, что исключительно коммерческие запросы в принципе не возможны в данной сфере.

Консультативным органом, занимающимся вопросами в сфере поставок вооружений за рубеж, является Совет по экспортному контролю (EKR). Задача состоит в том, чтобы установить руководящие принципы для ISP, в соответствии с которыми в свою очередь, инспекция принимает решения. Официальные представители Министерства обороны и иностранных дел участвуют в ежемесячных заседаниях Совета.

Когда в начале 1980-х годов в целом усилились общие прения и критика в отношении экспорта вооружений Швеции, правительство объявило о необходимости обеспечения прозрачности в области экспорта военной техники. Было предложено вопросы экспорта, имеющие принципиальное значение, рассматривать более основательно. В этой связи в 1984 году был создан так называемый Консультативный совет, состоящий из шести членов парламента. В 1996 году Комитет был преобразован в Совет по экспортному контролю (EKR) и был расширен до десяти членов, чтобы «отразить» более широкий состав Совета по иностранным делам. Это означало, что Партия охраны окружающей среды и Левая партия также были представлены в совете.

Сегодня цель Совета состоит в том, чтобы последовательно интерпретировать руководящие принципы для дальнейших проверок на их соответствие, что означает отсутствие влияния на решение напрямую, лишь через принципы [4, с. 32]. Все, что рассматривается и решается Советом по экспортному контролю, является конфиденциальным. Таким образом, общественность не имеет доступа к рекомендациям Совета по экспортному контролю.

Стоит также заметить, что ISP необходимо консультироваться с Советом по экспортному контролю, прежде чем принимать решение по ключевым вопросам, хотя совет и не имеет возможности накладывать официальный запрет на решения ISP. [5, с.17].

В период с 2010 до 2015 года контроль в сфере оборонной промышленности с значительной степени осуществлялся Комитетом по экспорту вооружений. Организация начала работать с августа 2010 года и представляла интересы правительства. Основная деятельность заключалась в содействии развитию торговли на международных рынках и организованной деятельности для конкретных экспортных предприятий, контроль продажи и хранения оборудования в оборонном секторе, которое больше не требуется для операций государства или которое стало непригодным для использования.

Комитет координировал экспортную поддержку оборонных ведомств и представлял шведское государство при продаже продукции военного назначения, а также способствовал тому, что государство больше внимания уделяло анализу, установлению приоритетов в том, что касалось деятельности по продвижению шведского экспорта вооружений. В связи со сменой правительства в 2015 году ее деятельность была приостановлена [6, с. 6].

Нельзя не отметить и подразделение по стратегическому экспортному контролю (ESEK), действующее при министерстве иностранных дел. ESEK является государственным органом, отвечающим за разработку политики и международное сотрудничество в области обороной промышленности. Кроме того, ESEK взаимодействует с министерством, обеспечивая подготовку необходимых документов о деятельности в данной сфере, например, ежегодных отчетов. ESEK также является промежуточной инстанцией в случаях когда ISP необходимо отправить запрос на рассмотрение в правительство и в целом контролирует деятельность организации. Высшей инстанцией в области контроля экспорта вооружений в Швеции является министерство торговли.

С 1985 года, в рамках повышения транспарентности правительство ежегодно представляет отчеты о шведском экспорте военной техники. Это не является обязательным требованием, но после того, как в конце 1970-х и начале 1980-х годов было обнаружено большое количество спорных, а иногда и незаконных поставок оружия, такая процедура стала необходимостью. [7, с.18].

Шведская ассоциация безопасности и оборонной промышленности (SOFF) – объединение более 90 предприятий, занятых в производстве военного оборудования, техники и продукции двойного назначения с суммарным оборотом более 49 миллиардов шведских крон (по данным на 2009 год). SOFF ставит перед собой задачу объединить ресурсы организаций в данной области и создать хорошие условия для производства и продаж [8].

SOFF сотрудничает с аналогичными организациями в других странах и является членом Ассоциации аэрокосмической и оборонной промышленности в Европе, Промышленной консультативной группы НАТО в рамках программы Партнерство ради мира и имеет ряд соглашений о сотрудничестве с ассоциациями в других странах. Осуществляется и тесное сотрудничество со Шведской ассоциацией гражданской безопасности.

Шведская ассоциация безопасности и оборонной промышленности (SOFF) подчеркивает важность роста экспорта вооружений для развития экономики Швеции.

Еще одна организация, Шведское общество мира и арбитража (Svenska Freds) в первую очередь рассматривает этот вопрос торговли оружием с глобальной моральной точки зрения. Это партийная политическая и религиозное объединение, основанное в 1883 году. В 2009 году насчитывавшее около 5 500 членов. Цель деятельности организации - прекращения торговли оружием. За свою деятельность организация получила нобелевскую премию мира [9].

Нет сомнений в том, что экспорт оружия является важной частью оборонной промышленности страны, вносит вклад в экономику обеспечивая, в том числе, рабочие места. Резкое сокращение экспорта оружия повлечет за собой как сокращение доходов компаний, так и числа сотрудников. Тем не менее, моральная сторона вопроса активно обсуждается может оказаться весомым аргументом для ужесточения контроля.

Список использованных источников

1. European Security Strategy – A Secure Europe in a Better World. – URL: http://europa.eu/globalstrategy/en/european-security-strategy-secure-europe-better-world (дата обращения: 01.11.2021).

2. Svensk vapenexport till diktaturer - En fallstudie om Saudiaffären och rollkonflikt i svensk utrikespolitik. – URL: http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:901056/FULLTEXT01.pdf (дата обращения: 01.11.2021).

3. Inspektion för strategiska produkter. Verksamhet. – ISP, Stockholn, 2011.- 32 s.

4. *Lindahl R.* Fokus på vapenhandeln .- Svenska Freds- och Skiljedomsföreningen, 2001. 49 s.

5. SOU 2005:009 KRUT Reformerat regelverk för handel med försvarsmateriel, Norstedts Juridik AB, 2005. 345 s.

6. Strategic Export Control in 2013 – Military Equipment and Dual-Use Items? Government Communication 2013/14:114, 2013. 79 s.

7. *Rosengren J.* Svensk vapenexport – varför (inte)?. – Örobro universitet, 2011. 38 s.

8. Om SOFF. – URL: https://soff.se/om-soff/ (дата обращения: 01.11.2021).

9. Svenska Freds- och Skiljedomsföreningen. Vapenindustrin i Sverige. – URL: http://www.svenskafreds.se/vapenindustrin-i-sverige (дата обращения: 01.11.2021).

Фаткина Елизавета Игоревна – магистр, независимый исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича

УДК 332.142

Е. Н. Федоренко

РОЛЬ ПРОГРАММЫ INTERREG В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

E. Fedorenko

THE ROLE OF THE INTERREG PROGRAMME IN THE REGIONAL POLICY OF THE EUROPEAN UNION

В статье анализируются отдельные аспекты региональной политики ЕС. Исследуются вопросы бюджетного регулирования процессов европейского регионального развития на современном этапе. Выявляется роль структурных фондов, деятельность которых направлена на достижение целей региональной политики в соответствии с учредительными договорами ЕС и реализацию ее актуализированных целевых установок на 2021–2027 гг. Особая роль отводится программе стимулирования регионального сотрудничества Interreg, которая значительно трансформировалась за время своего существования и сегодня представляет самостоятельный инструмент внутренней и внешней приграничной, транснациональной и межрегиональной кооперации ЕС. Раскрываются особенности финансирования данной программы в сопоставлении с предыдущим периодом.

Ключевые слова: региональная политика ЕС, политика сплочения ЕС, структурные фонды, многолетние финансовые планы ЕС, программа «Интеррег».

The article analyzes some aspects of the EU regional policy. The issues of budgetary regulation of the processes of European regional development of nowadays are investigated. The role of structural funds whose activities are aimed at achieving the goals of regional policy in accordance with the founding treaties of the EU and the implementation of its updated policy objectives for 2021–2027 is revealed. A special role is assigned to the Interreg regional cooperation program, which has significantly transformed during its existence and today represents an independent instrument of internal and external cross-border, transnational and interregional cooperation of the EU. The article reveals the features of the financing of this program in comparison with the previous period.

Keywords: regional policy, cohesion policy, structural funds, multiannual financial frameworks, Interreg.

Региональная политика является одним из ключевых направлений европейской интеграции второй половины XX века и остается таковым для Европейского Союза по сей день. Соотношение различных целей, инструментов и финансовых средств, выделяемых Союзом на содействие экономическому росту и развитию территорий как внутри ЕС, так и на его внешних границах, а также выявление роли программы

Interreg, несомненно, представляют особый исследовательский интерес в рамках современных европейских исследований.

Здесь можно выделить два обстоятельства: во-первых, региональная политика является отчасти продолжением политики экономической и вытекает непосредственно из обязательств, которые берет на себя ЕС учредительными договорами; во-вторых, более 20 % средств многолетнего бюджетного цикла ЕС на 2021 – 2027 годы с учетом средств фонда The Next Generation EU (NGEU) приходится на структурные фонды, деятельность которых направлена на региональное развитие [8]. Рассмотрим каждое из обстоятельств более подробно.

В соответствии со статьей 3 Договора о ЕС одной из целей Союза является содействие экономическому, социальному и территориальному сплочению и солидарности государств-членов. В Договоре о функционировании ЕС (ДФЕС) данным вопросам посвящен раздел XVIII, в котором речь идет о сокращении разрыва в уровне развития различных регионов посредством проведения экономической политики, создания внутреннего рынка, а также через специальные структурные фонды.

Важно отметить, что традиционный термин *regional policy* как таковой отсутствует в учредительных документах ЕС и является в определенной степени «агрегирующим» для разнородных инструментов Союза, направленных на регуляцию социально-экономических сфер деятельности ЕС. Вместе с тем данное понятие используется в институциональных номинациях: в состав Европейской комиссии входит Генеральный директорат по вопросам региональной и городской политики (DG-REGIO / Regional and Urban Policy), возглавляемый комиссаром по сплочению и реформам (Commissioner for Cohesion and Reforms) [4].

Необходимо подчеркнуть, что наряду с понятием *regional policy* используется два отчасти синонимичных понятия – структурная политика *(structural policy)* и политика сплочения *(cohesion policy)*. Все три термина применяются в политической практике ЕС для решения проблем региональных диспропорций на благо общего рынка и развития ЕС, однако имеют «инструментальные» расхождения. Региональная политика предполагает в наиболее широком смысле систему перераспределения бюджетных средств с целью экономического выравнивания. Задачей структурной политики является поддержка реструктуризации экономики. В свою очередь политика сплочения преследует более масштабные цели – гармонизацию социально-экономического развития всех государств-членов, что пересекается также и с политическими мотивами ЕС [3].

Регулирование региональной политики ЕС, относящееся к наднациональным полномочиям ЕС, напрямую связано с распределением бюджетных средств в многолетних финансовых планах ЕС (*Multiannual Financial Frameworks / MFF*), на основе которых определяются целевые установки (*policy objectives*) региональной политики по решению наиболее острых социально-экономических проблем в государствах-членах. Важным представляется и то, что региональная политика ЕС трансформируется и адаптируется в соответствии с текущими задачами и вызовами с учетом переосмысления предыдущего опыта ЕС. Именно поэтому количество целевых установок варьируется и зависит от текущего многолетнего бюджета ЕС.

Современная региональная политика ЕС действует в рамках финансового плана на 2021–2027 гг. [8]. Она определяется регламентом ЕС 2021/1060, регулирующим деятельность ключевых структурных фондов ЕС, таких как Европейский фонд регионального развития (*the European Regional Development Fund, ERDF*), Европейским социальным фондом (*the European Social Fund Plus, ESF+*), Фондом сплочения (*the Cohesion Fund, CF*), Фондом справедливого перехода (*the Just Transition Fund, JTF*) и рядом других [7]. Каждый структурный фонд организует работу в рамках определенной целевой установки. На период 2021–2027 годов действует пять целевых установок (табл. 1).

Таблица 1

Целевые установки региональной политики ЕС на 2021–2027 гг. [7]

№	Наименование целевой установки	Фонды
1	Более конкурентоспособная и умная Европа	ERDF
2	Более экологичный, низкоуглеродный переход к чистой экономике с нулевым выбросом углерода	ERDF, CF
3	Более взаимосвязанная Европа за счет повышения мобильности	ERDF, CF
4	Более социальная и инклюзивная Европа	ERDF, ESF+
5	Приближенная к гражданам Европа за счет содействия устойчивому и комплексному развитию всех типов территорий	ERDF

Однако ни одна их них напрямую не затрагивает вопросы регионального сотрудничества, что связано прежде всего с особенностями функционирования программы Interreg, которые определяются отдельным регламентом ЕС 2021/1059. Программа Interreg реализуется фондом ERDF и направлена на содействие достижению всех целевых установок региональной политики, а также призвана содействовать лучшему управлению сотрудничеством и обеспечению более безопасной и защищенной Европы [6]. Отметим, что данная программа действует с 1990 г. и финансируется в рамках многолетних бюджетных планов ЕС. Однако за более чем 30 лет она претерпела существенные трансформации – от Инициатив Сообществ до собственного нормативно-правового регулирования в составе региональной политики ЕС [1], что может свидетельствовать, с одной стороны, об особом значении данной программы для целей развития ЕС, с другой – о ее существенном усложнении.

Наряду с целевыми установками Союзом на основании статьи 174 ДФЕС определены две цели региональной политики (*goals*), которым должны следовать структурные фонды в своей работе. В соответствии со статьей 5 регламента ЕС 2021/1060 деятельность вышеназванных фондов в 2021–2027 гг. должна быть направлена на достижение цели «Инвестирование для создания рабочих мест и стабильного роста в государствах-членах» (ERDF, ESF+, CF, JTF) (*goal 1*) и цели «Европейское территориальное сотрудничество, или Interreg» (ERDF) (*goal 2*) [6]. Таким образом, данные цели являются своеобразными направляющими для реализации полномочий ЕС в соответствии с учредительными документами, а целевые установки адаптируют их под текущие задачи с учетом переосмысления прошлого опыта региональной политики ЕС.

Однако распределение финансовых средств на данные цели диспропорционально (статья 110 Регламента ЕС 2021/1060), что объясняется в первую очередь сложностью первой цели (97,6 % средств структурных фондов), включающей в себя поддержку наименее развитых регионов ЕС (61,3 %), регионов с переходной экономикой (14,5 %), наиболее развитых регионов (8,3 %), поддержку государств-членов Фондом сплочения (12,9 %), финансирование отдаленных территорий ЕС (0,6 %), межрегиональное инновационное инвестирование (0,2 %) и средства Фонда справедливого перехода (2,3 %). В скобках указаны доли от общего объема финансирования первой цели в 329,7 млрд евро, которая направлена исключительно на поддержку и социально-экономическое развитие внутренних территорий 27 государств-членов [7]. При этом ключевыми для принятия решений о распределении средств регионам остаются такие показатели, как ВВП на душу населения, безработица, изменения климата, приток мигрантов и нужды удаленных и малонаселенных территорий [2].

Вторая цель однородна по своему содержанию (2,4 % средств структурных фондов, или 8,05 млрд евро), поскольку реализуется исключительно в рамках программы Interreg [7]. Важным аспектом ее функционирования является возможность ее софинансирования как внутренними инструментами ЕС, такими как Инструмент

соседства, развития и международного сотрудничества (*Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument / NDICI*), Инструмент для оказания помощи до вступления в ЕС (*Instrument for Pre-Accession Assistance / IPA*), а также третьими странами, не входящими в ЕС.

В отличии от предыдущего периода действия программы, где финансирование осуществлялось по трем направлениям в общей сумме 8,9 млрд евро [5], текущее распределение ресурсов Interreg осуществляется по четырем направлениям: приграничное (Interreg A – 72,2 % средств программы), транснациональное (Interreg B – 18,2 %), межрегиональное (Interreg C – 6,1 %) и сотрудничество отдаленных регионов государств-членов ЕС, которые выделены в отдельное направление Interreg D – 3,5 % (рис. 1) [6].

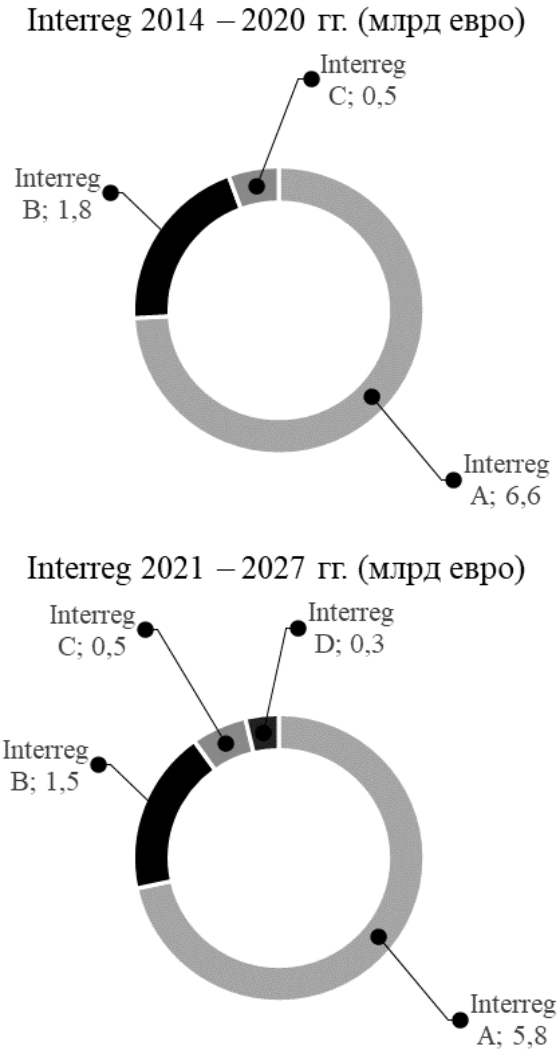


Рисунок 1. Финансирование программ Interreg V и VI [5, 6]

Большая часть финансирования отводится направлению Interreg A, которое представлено проектами приграничного сотрудничества между соседними регионами для содействия комплексному и гармоничному региональному развитию между сухопутными и морскими пограничными регионами. Они включают как внутреннее приграничное сотрудничество государств-членов (60 проектов), так и внешнее, затрагивающее интересы третьих стран в рамках инструментов IPA и NDICI (28 проектов) [9].

Проекты Interreg B направлены на развитие транснационального сотрудничества на более крупных территориях или вокруг морских бассейнов с привлечением большего количества партнеров с целью достижения более высокой степени интеграции. На сегодняшний день таких проектов насчитывается 15, одним из которых является «Регион Балтийского моря» с участием РФ [9].

Межрегиональное сотрудничество в рамках Interreg C направлено на повышение эффективности политики сплочения в ЕС. На сегодняшний день реализуются четыре проекта: Espon, Interact, Interreg Europe, Urbact [9]. Каждый из проектов направлен на содействие внедрению лучших управленческих практик и реализуется на территории всего Европейского Союза, а не на конкретных локальных приграничных территориях.

Interreg D направлен на сотрудничество отдаленных регионов государств-членов ЕС для содействия их региональной интеграции и гармоничному развитию в их окрестностях. К таковым относятся имеет девять отдаленных регионов трех стран-членов ЕС: Франции (Гваделупа, Гвиана, Мартиника, Сен-Мартен, Реюньон, Майотта), Португалии (Азорские острова, Мадейра), Испания (Канарские острова).

Сегодня региональная политика ЕС представляет собой сложный конгломерат целей, инструментов и регулирующих положений *acquis communautaire* и является отчасти «зонтичной», поскольку охватывает не только сферу экономики, но и более глобальные вопросы социального и устойчивого развития ЕС. Региональная политика ЕС в ее наиболее широком понимании представляет собой систему целенаправленной диверсифицированной финансовой поддержки регионального развития ЕС, направленной на создание необходимых условий для экономического роста и сплочения всех государств-членов на едином экономическом и политическом пространстве ЕС. Программа Interreg также относится к региональной политике ЕС, однако одновременно с этим несколько отстоит от нее, поскольку направлена на содействие как внешнему, так и внутреннему региональному сотрудничеству, путем реализации совместных приграничных, транснациональных и межрегиональных проектов. Такое сотрудничество позволяет реализовывать социально-экономический потенциал регионов с учетом совместных потребностей, а также способствует усилению эффекта сплочения и достижения экономических и политических целей ЕС.

Список использованных источников

1. *Кондратьева Н. Б.* К 30-летию Интеррег. Трансграничное сотрудничество в Европе // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 3. С. 68–74.

2. *Кузнецов А. В.* Об особенностях региональной политики ЕС после 2020 года // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 6. С. 20–25.

3. *Яровой Г. О., Белокурова Е. В.* Европейский Союз для регионов: что можно и нужно знать российским регионам о ЕС. – Санкт-Петербург : Норма, 2012. 368 с.

4. Directorate-General for Regional and Urban Policy of the European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/info/departments/regional-and-urban-policy_en (дата обращения: 04.11.2021).

5. Regulation (EU) No 1299/2013 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2013 on specific provisions for the support from the European Regional Development Fund to the European territorial cooperation goal. – URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2013/1299/oj (дата обращения: 04.11.2021).

6. Regulation (EU) 2021/1059 of the European Parliament and of the Council of 24 June 2021 on specific provisions for the European territorial cooperation goal (Interreg) supported by the European Regional Development Fund and external financing instruments. – URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2021/1059/oj (дата обращения: 04.11.2021).

7. Regulation (EU) 2021/1060 of the European Parliament and of the Council of 24 June 2021 laying down common provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund Plus, the Cohesion Fund, the Just Transition Fund and the European Maritime, Fisheries

and Aquaculture Fund and financial rules for those and for the Asylum, Migration and Integration Fund, the Internal Security Fund and the Instrument for Financial Support for Border Management and Visa Policy. – URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2021/1060/oj (дата обращения: 04.11.2021).

8. The EU's 2021 – 2027 long-term Budget and NextGenerationEU. Facts and figures. – URL: https://ec.europa.eu/info/publications/multiannual-financial-framework-2021-2027-commitments_en (дата обращения: 04.11.2021).

9. The portal to all Interreg programmes, financed by the EU. – URL: https://interreg.eu/ (дата обращения: 04.11.2021).

Федоренко Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедры регионоведения факультета иностранных языков и международной коммуникации, Тверской государственный университет, fedorencoelena@yandex.ru

УДК 94 (485)

И. А. Цверианашвили

СТЭН СЕЛАНДЕР (1891–1957): ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

I. Tsverianashvili

STAN SELANDER (1891–1957): LANDMARKS IN LIFE AND WORK

Статья посвящена жизни и творчеству поэта, общественного деятеля и экологического активиста перв. пол. XX в. Стэна Селандера (1891–1957). Будучи известным журналистом и литератором, Селандер стал одной из важных фигур экологизации Швеции, оставшись в истории страны в самых разных ипостасях: общественного деятеля, педагога, ученого и пр.

Ключевые слова: Стэн Селандер, охрана природы, Швеция, поэзия, общественная деятельность.

The article is devoted to the life and work of the poet, public figure and environmental activist of the first half of the 20th century Stan Selander (1891–1957). As a renowned journalist and writer, Selander became one of the most important figures in the greening of Sweden, remaining in the history of the country in a variety of roles.

Keywords: Sten Selander, nature conservation, Sweden, poetry, community service.

Сегодняшний статус Швеции, как страны с высоким уровнем экологической сознательности и выстроенной природоохранной деятельностью, не вызывает сомнений. При этом, важным представляется вопрос эволюции этого статуса, изучение общенациональной дискуссии об экологизации страны, попытки просопографического анализа – изучения биографий активистов и общественных деятелей, благодаря которым страна смогла выбрать принципиально иной, по сравнению со многими странами мира, путь развития. Имя Стэна Селандера сегодня забывается даже в самой Швеции, хотя это был выдающийся человек многих талантов, смело отстаивавший свои взгляды. Нильс Стэн Эдвард Селандер родился 1 июля 1891 г. в столице Швеции, Стокгольме, в семье военного врача Нильса Эдварда и Герды Клары Софии (урожденная Нельсон) Селандеров. Окончив школу в мае 1909 г. Селандер поступает в Стокгольмский университет, однако через год переводится в Уппсалу, став в сентябре 1917 г. обладателем ученой степени по естественным наукам. В том же году он сочетается браком с Дагмар Элизабет Вестберг (1893–1987), уроженкой Болльнеса. Дальнейшая биография выходца из буржуазной семьи представляет собой сплав его интересов к языку, литературе, экологическим вопросам и пр. В 1918 г. он устраивается литературным редактором в издательство «Dahlbergs», спустя три года переходит на ту же должность в «Albert Bonniers», одно из крупнейших шведских издательств, где будет

работать с перерывами до 1930 г. Работу редактора он будет совмещать с журналистской деятельностью в столичной газете «Stockhoms dagbladet» (где он также станет театральным и литературным критиком), затем в крупнейшей утренней шведской газете «Dagens Nyheter», а с 1936 г. – в консервативной «Svenska Dagbladet» [1]. Довольно скучная биография для шведского интеллигента, однако работе критика и журналиста всегда будут сопутствовать активная литературная и общественная деятельность. Три года Селандер будет секретарём шведского ПЕН-клуба, с 1936 по 1947 гг. – председателем Шведского общества охраны природы, а ближе к концу жизни Селандер вернётся к научной деятельности в альма-матер - Уппсальский университет, где до 1953 г. будет работать доцентом ботаники.

Свои первые стихи Селандер издаёт ещё в 1916 г. [2], затем, в течение четырёх лет выпускает ещё 4 сборника пьес и стихов. Несмотря на рабочую занятость, Селандера можно считать довольно плодовитым автором, его библиография насчитывает десятки изданий, его сочинения выходили пусть и небольшими тиражами, но стабильно каждые пару лет, а в зрелом периоде творчества он также будет активно писать статьи на природоохранную тематику, например для специализированных изданий ”Svensk botanisk tidskrift” [3] и ”Svenska turistföreningens årsskrift” [4]. К началу 1930-х гг. Селандер был в центре культурной жизни Швеции - блестящий критик, поэт, учёный, которого историк Стен Линдрот называл радикальным интеллектуальным образцом для подражания и сравнивал со знаменитым поэтом и искусствоведом XIX в. Виктором Рюдбергом (1828–1895) [5]. Одним из наиболее заметных событий этого периода жизни стало написание стихотворение для открытия Стокгольмской выставки 1930 г. Несмотря на то, что Селандер не ассоциировался напрямую с понятиями футуризма и функционализма, ставшими лейтмотивом выставки, его поэтическая работа ”En kantat” была признана великолепным гимном новой эпохи, примирившем прошлое и будущее. Однако события глобальной истории резко поменяют и настроение в шведском обществе, и отношения Селандера к окружающей действительности. Мировой экономической кризис конца 1920-х – начала 1930-х гг. привёл индустриально развивающуюся страну к высокому уровню безработицы и общественного недовольства, а приход к власти в Германии Адольфа Гитлера (1889–1945) вызвал и внешнеполитическую тревогу. Лирика Селандера станет более политизированной, а прозаический сборник ”Modernt” будет содержать сильнейшую критику общественного состояния страны и т. н. «машинной цивилизации» [6]. Исследователь Мартин Шильхаммар справедливо замечает, что ”Modernt” – «…книга о технологическом высокомерии» [1]. Стоит добавить, что на страницах этого сборника Селандера уже в начале 1930-х гг. звучали отголоски идей устойчивого развития - например, отсутствие долгосрочной перспективы развития, предупреждение о вероятной высокой безработице, с которой государство не сможет справиться, и высоком уровне расслоения населения, критика материалистического образа жизни, а самое главное - идея о конечности природных ресурсов и невозможности больше брать у природы взаймы. Селандер высказывает и одну из важнейших современных идей – что современное поколение не должно «красть» ресурсы у будущих поколений – «… у нас нет морального права обогащаться за счет нерожденных» [1].

Достаточно радикальные взгляды Селандера не были тепло приняты в обществе. Концепция «народного дома» и необходимость модернизации страны провозглашали курс на инновации, техническое развитие и индустриализацию, и в новой общественной философии практически не находилось места экологической повестке, мысли С. Селандера в то время были восприняты как маргинальные. Через несколько лет, в 1936 г. ему было предложено стать председателем Шведского общества защиты природы, крупнейшей природоохранной организации страны на тот момент. Возглавляя её на протяжении 11 лет, он не только стал наставником для целой плеяды экологических активистов, например для телеведущего и

ботаника Нильса Дальбэка (1911–1998), но и придал организации новый импульс. Полагая, что защита природы в стране должна была стать общенародным делом, Селандер резюмировал свои взгляды в трёх принципах: 1) беречь природу – это очевидно и бесспорно для всех людей; 2) для дальнейшей эксплуатации природы требуются всё большие разумные обоснования; 3) наследие природы – это вечная ценность, и оно не может принадлежать отдельным людям. Важным выводом из идей Селандера можно полагать то, что задачи охраны окружающей среды и решения экологических проблем не могли оставаться заботой только учёных, они требовали совместных действий от правительства, общественных организаций, рядовых граждан [7]. Состояние окружающей среды в стране должно было стать предметом гражданской дискуссии. Не бросал Селандер и литературной деятельности - в 1930–1940-х гг. выходят несколько сборников его эссе, полных размышлений о национальной природе: "Svensk mark" [8], "Mark och människor" [9], "Den gröna jorden" [10]. Наряду с Харри Мартинсоном (1904–1978) он становится одним из ведущих шведских писателей-натуралистов.

Вместе с Пером Лагерквистом (1891–1974), Селандер выступал с ярой критикой нацисткого режима, набиравшего силу в соседней Германии. Еще в 1931 году он указывал на его антиинтеллектуализм и несовместимость с демократией, гуманизмом и либеральными ценностями [1]. 17 декабря 1933 г., на отъезд Альберта Эйнштейна из Германии в США, Селандер опубликует на страницах "Dagens Nyheter" стихотворение "Fosterlandslöse", где великий физик, икона научного мира и убеждённый пацифист был изображен жертвой чудовищного режима. В 1936 г. вышел его знаменитый репортаж из олимпийского Берлина, в котором Селандер с горечью констатировал, что современный спорт отныне служит шовинизму, национализму и насилию, не имея более ничего общего с настоящими соревновательными принципами [11]. Во время Зимней войны 1939–1940 гг. Селандер стал одним из наиболее ярких и последовательных противников СССР, наряду с такими фигурами, как Эйвинд Юнсон (1900–1976), Улоф Лагеркранц (1911–2002) и Вильгельм Муберг (1898–1973). Он считал, что Швеция оказывает недостаточную помощь соседней Финляндии и должна открыто выступить против советских войск, а не ограничиваться поставками припасов и добровольцами. В отличие от многих, Селандер не побоялся лично отправиться на действующий фронт, вскоре написав книгу о борьбе финских войск, снабдив её шокирующими рассказами о страданиях и мужестве отдельных людей [12].

Литературную работу Стен Селандер продолжал и как литературный критик и редактор. Не занимая какой-либо однозначной позиции и не принадлежа явно ни к одному из литературных течений, он мог выступать независимо и объективно, став своеобразным посредником между модернистами и традиционалистами шведской литературы [13]. Многие писатели, такие как Артур Линдквист (1906–1991), Эрик Линдегрен (1910–1968), Карл Веннберг (1910–1995), получали на страницах прессы поддержку именно от Селандера. При этом, многие литераторы неоднократно критиковались им, например, классик шведского модернизма Гуннар Экелёф (1907–1968). В конце 1940-х гг. Селандер всё меньше занимается литературным творчеством, возвращаясь к своим студенческим занятиям – в 1950 г. он защищает диссертацию по ботанике и возвращается в Уппсальский университет, теперь как преподаватель. В это время Селандер пишет художественные произведения в стол, а изданы многие из них будут уже посмертно [14]. В 1953 г. его избирают членом Шведской академии [15]. Главным произведением последнего периода жизни Селандера считается книга "Det levande landskapet i Sverige" [16], выпущенная в 1955 г. Это научное исследование флоры, фауны и геологии Швеции, написанное, однако живым, поэтическим языком. Благодаря этой книге, историк Карл-Йоран Энандер назвал Селандера «скальдом родной земли» и сравнил с

американским защитником дикой природы Джоном Мьюром [17, S. 179]. Помимо прочего, в своей книге Селандер упоминает и об экологических проблемах страны, особенно в сфере лесного хозяйства, но в достаточно мягкой форме. Разносторонняя жизнь и деятельность Стена Селандера оставила след во многих сферах шведской истории - политике, культуре, экологии. Уникальность его работ – в их многогранности, а его самый важный вклад в историю шведской культуры – стремление интегрировать, популяризировать и синтезировать знания и идеи из разных областей. Его можно смело назвать одним из великих гуманистов Швеции XX в.

Список использованных источников

1. *Kylhammar M. N. Sten E.* Selander. Svenskt biografiskt lexicon. – URL: https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=5857 (дата обращения: 22.09.2021).
2. *Selander S.* Vers och visor. Stockholm, Alb. Bonniers Boktryckeri, 1916. 92 s.
3. *Selander S.* Det lågalpina bältets avgränsning på kalkrika fjäll // Svensk Botanisk Tidskrift. Vol. 49: Häfte 1–2, 1955. S. 191–196.
4. *Selander S.* Djurgården – ramen kring sommarens stockholmsutställning // Svenska Turistföreningens årsskrift, 1930. S. 259–267.
5. *Kylhammar M.* Den okände Sten Selander: en borgerlig intellektuell. Stockholm: Akademeja. 253 s.
6. *Selander S.* Modernt: lekmannapredikningar i radio. Stockholm: Bonnier, 1933. 180 s.
7. *Selander S.* Humanisten och naturen // Bonniers litterära magasin. Årgång II. 1933. S. 18–23.
8. *Selander S.* Svensk mark. Stockholm: Bonnier, 1934. 180 s.
9. *Selander S.* Mark och människor. Stockholm: Bonnier, 1937. 215 s.
10. *Selander S.* Den gröna jorden. Stockholm: Bonnier, 1941. 187 s.
11. Svenska Dagbladet 14/8 1936, Okänd.
12. *Selander S.* Finsk front. Stockholm: Bonnier, 1940. 127 s.
13. *Landgren B.* Sten Selander: lyrik och litteraturkritik 1916-1957. Hedemora: Gidlund, 2009. 360 s.
14. *Selander S.* Avsked: efterlämnade dikter. Stockholm: Bonnier, 1957. 43 s.
15. Svenska Akademien, Selander Sten. – URL: https://www.svenskaakademien.se/svenska-akademien/ledamotsregister/selander-sten (дата обращения: 24.09.2021).
16. *Selander S.* Det levande landskapet I Sverige. Stockholm: Bonnier, 1955. 484 pp.
17. *Enander K.-G.* Ekologi, skog och miljö. Vetenskap och idéer under 300 år. Umeå: Institutionen för skogen, ekologi och miljö, Sveriges lantbruksuniversitet, 2007. 262 s.

Цверианашвили Иван Алексеевич – старший преподаватель кафедры истории и регионоведения, заместитель декана факультета социальных цифровых технологий по практической подготовке, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, ivan.tsver@gmail.com

УДК 130.2

А. Ю. Цыгоняева

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «СОВРЕМЕННОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

A. Tsygonyaeva

APPROACHES TO THE DEFINITION OF "MODERNITY" IN THE CONTEXT OF WESTERN EUROPEAN CULTURAL THOUGHT

В докладе рассмотрены, некоторые моменты процесса превращения культуры в отдельный предмет научного обсуждения. Очерчены границы понятия «современность», что представляется важным для понимания природы культурно-исторического процесса. Выявлены

наиболее важные подходы к определению понятия культуры. В итоге, процесс становления культурологии как науки и культурологической проблематики в философии тесно связан изменением взгляда на человека и его место в мире на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: современность, система, гегельянство, экзистенциализм, марксизм, неокантианство, культурология, идея, человек.

The article examines a number of the moments in the process of transforming of the term "culture" into a specific subject of scientific discussion. The boundaries of the concept of "modernity" are outlined, which is important part of understanding the nature of the cultural and historical process. The most important touches of the concept of culture are revealed. As a result, it is revealed that foundation of a new science – culturology – and culturological problematic in philosophy is closely connected with a change of the view on a human life at the turn of the 19th and 20th centuries.

Keywords: modernity, system, Hegelianism, existentialism, Marxism, neo-Kantianism, cultural studies, idea, man.

Для изучения современного состояния знания о культуре необходимо ясно определить, что следует понимать под словом «современность». Согласно общепринятой периодизации падение Римской империи разделило европейскую историю на Древнее и Новое время. Переход к промышленному типу производства в середине XIX в. дал начало индустриальному обществу. Культура начала XX в. определяла себя термином «модерн» (лат. modernus – «современный»). Культуру второй половины XX в. нередко определяют как постмодерн, переход к которому произошел благодаря широкому внедрению информационных технологий.

Таким образом, в области культуры хронологические рамки современности часто оказываются размытыми и неопределенными. Если попытаться дать концептуальное определение современности, можно сказать, что *современным мы называем то, что актуально в настоящий момент*. Определить любое текущее явление можно узнав его причины в прошлом. Но, любая интерпретация прошлого отталкивается от наличной действительности. Поэтому «современность» предстает перед нами не как произвольный отрезок на временной шкале, а как вся шкала целиком: то, что действительно сейчас является порождением прошлого, которое, осуществляясь в настоящем, всегда остается современным.

Подлинно современные вещи – это вечные вещи, образы или идеи, которые всегда актуальны и сохраняют неисчерпаемый потенциал развития. По сути, совокупность таких, сохраняющих актуальность предметов, образов и мыслей и принято называть культурой, когда под ней понимают общее достояние человечества. Так говорят о шедеврах мирового искусства, мировых религиях, универсальных научных истинах.

Современность – одна из сущностных черт, как самой культуры, так и научного понятия о ней, поэтому неверным будет ограничивать ее рамки только XX в., не рассматривая предпосылки возникновения текущего культурного состояния.

Понятие культуры в западноевропейской философии Нового времени оформилось в идеалистическое представление о человеке как обладающем разумом и свободой существе, на которого возложено выполнение высокой культурно-исторической миссии. На рубеже XIX–XX вв. эта идея терпит крах, и человек как предмет познания растворяется во множестве антропологических и культурологических дискурсов. Именно многообразие и эклектичность являются характерными чертами современного культурологического и антропологического знания.

Существует множество подходов к определению понятия культура. Наиболее значимыми представляются следующие три.

1. *Деятельностный подход*, рассматривающий культуру как результат целенаправленной человеческой деятельности. Как искусственная среда обитания, которая требует от человека постоянного усилия по ее поддержанию, культура противопоставляется природе как тому, что возникает само собой, без вмешательства человека.

2. *Исторический подход*, согласно которому культура есть продукт истории общества, и развивается путем передачи опыта, знаний, навыков от поколения к поколению. Каждый отдельный индивид по отношению к культуре является не творцом, а, скорее, творением. Он обнаруживает себя в готовой социокультурной реальности, на которую не может повлиять. Приобщение индивида к культуре – инкультурация, или, в широком смысле, *образование* – необходимое условие ее существования во времени.

3. *Аксиологический подход*, который отмечает, что понятие культура всегда содержит в себе момент оценки. «Некультурным» нечто является только относительно принятого представления о «культуре» и «культурности». То есть, понятие культуры выражает долженствование, является неким идеальным критерием, эталоном. В этом смысле, к культуре относят не просто все, что создается людьми, но лучшие достижения их творчества. Развитие культуры – цель и результат культурно-исторического процесса.

Таким образом, культуру можно определить как искусственную среду обитания, которая создается человеком, и, одновременно, формирует человека в процессе образования. При этом культура преследует не только практические, продиктованные насущным интересом цели, но также и идеальные цели – цели самопознания – основанные на представлении о том, что человек отличается от природы и должен стремиться к идеалу. Поэтому изменение содержания и научного статуса понятия культура тесно связано с изменением философского взгляда на человека и его назначение.

На протяжении всей истории философии, до середины XIX в., цели и методы философствования был неизменны. Главной задачей было понять и рационально выразить единую причину всего, т. е. найти всеобщее обоснование бытия и его познания (так называемый «основной вопрос философии»). При этом этика (учение человек и его счастье) была тесно связана с теорией познания. Мышление и разум, начиная с Платона, считаются необходимыми условиями самореализации личности.

«Современная философия», включающая несколько десятков течений, – это направление философской мысли, которое возникло в результате критики систематической философии, наиболее ярко представленной системой Г. Гегеля. «Системной формой философия, следовательно, обязана организации – с помощью рефлексии – отдельных познаний в целостность познания. И уже это превращение познаний отдельного, которые для-себя не являются знанием абсолютного, в нечто организованное порождает знание (абсолютного) из незнания». [1, с. 187] Критика гегелевской системы привела к кризису классической формы систематического философствования и к общему кризису философии.

Критика гегельянства выразилась в развитии трех направлений интеллектуальной деятельности: этическом, научном и социальном.

Во-первых, критике подвергся «панлогизм» Гегеля, т. е. утверждение тождества бытия и мышления. По мнению противников Гегеля, в т.ч. его бывшего товарища Ф. Шеллинга, подобное утверждение непомерно расширяло притязания скромного человеческого разума.

В своих поздних работах Шеллинг ввел в употребление понятие «экзистенция», что дало начало направлению под названием экзистенциализм.

Шеллинг полагал, что рассудок может устанавливать общие определения предметов, их сущность (эссенция), но конкретный, чувственно данный предмет существует до познания. Его единичное существование (экзистенция) является для нас предметом веры. Мышление не может создавать нечто из ничего, оно только наблюдает и описывает то, что обладает экзистенцией.

Экзистенциализм, в целом, учение (или умонастроение), которое раскрывает и демонстрирует непостижимость и необъяснимость существования для рассудка. Не важно, достижима ли объективная истина, возможно ли доказать тождество

мышления и бытия, личность все равно будет испытывать разрыв между всеобщим и своим индивидуальным существованием, которое представляется ему случайным и бессмысленным. «Тогда философия, ставшая у Гегеля миром разума, непосредственно поворачивается к действительно существующему миру и обращается против философии. Это обоюдоострое отношение является следствием распада цельного мира теории и практики на две различные тотальности». [2, с. 209] Однако именно этот распад с новой силой актуализирует культурологическую проблематику в философии.

Фридрих Ницше замечает, что богатство культуры, как совокупность достижений прошлых поколений людей, не равнозначно полноте самоосуществления человека как типа и как индивида. Ницше возвращает понятию культура смысл культивации, взращивания, постепенного созревания человека определенного типа, деятеля, способного творчески преодолеть прошлое и утвердить новые ценности. Для того, чтобы преодолеть культурный упадок нужен опыт переоценки ценности, в первую очередь, христианских. Идея того, что в культуре действуют некие темные силы, привела к появлению ряда культурологических работ, в которых переосмыслялись догматические взгляды на историю культуры. Философия жизни повлияла на О. Шпенглера, который пересмотрел школьную периодизацию истории в работе «Закат Европы». Ницше сформулировал принцип культурного элитаризма, который в дальнейшем выразился в критике массы и массовой культуры (Х. Ортега-и-Гассет).

Методы систематической философии были подвергнуты критике и со стороны эмпирических наук, которые традиционно отрицают научность философии.

В сороковые годы XIX в. возникает позитивизм**,** основоположник которого, Огюст Конт, в работе «Дух позитивной философии» представил и свой взгляд на историю культуры.

Согласно идеям позитивизма задача ученого не в том, чтобы мыслить сущность своего предмета, а в том, чтобы накапливать опытные данные и с помощью рассудка производить «положительное знание», которое можно опытно подтвердить и использовать на практике. Методы естественных наук, рассматриваемые как эталон, старались применить и к области культуры. По мысли Конта, социология – позитивная наука о законах общественного развития – должна стать заменой метафизике и философии духа.

Это порождает спор о методах изучения культуры и месте «наук о духе» в системе наук, поскольку предметы, относящиеся к области человеческой свободы, нравственности, эстетического и религиозного переживания не могут быть адекватно описаны с помощью эмпирического метода.

В рамках философского направления «неокантианство» (В. Виндельбанд, В. Дильтей, Г. Риккерт) утвердилось ставшее привычным сегодня разделение наук на естественные («науки о природе») и гуманитарные («науки о культуре»).

С третьей стороны критика систематической философии принимала форму критики социальной действительности.

Карл Маркс выступил с идей того, что спекулятивная философия в лице Гегеля исчерпала себя, но ее плоды можно использовать практически. Философия дает образ должного, проект идеального общества, но он может быть осуществлен только в реальном социальном преобразовании.

В отличие от привычной характеристики человека как духовного, мыслящего существа, Маркс определяет человека, в первую очередь, как деятельного, трудящегося. Диалектические отношения (труд, экономические отношения) присущи самому чувственно-предметному миру, спекулятивное мышление же переворачивает эти отношения, делая первичным разум. Маркс отталкивается от индивида как единства природы и труда (идеального и реального, сущности и существования). В труде конкретный человек *отчуждает* от себя свою сущность в виде *частной собственности* и постепенно превращается в ограниченную часть себя самого, рабочего, чье

существование «сводится к условиям существования любого товара. Рабочий стал товаром, и счастье для него, если ему удастся найти покупателя». [3, с. 308]

Таким образом, у Маркса звучит в чем-то даже романтический призыв к человеку – стать самим собой, обрести истинную полноту своего Я. Одновременно это есть преображение природы и осуществление этой самой сущности человека Первоначально природа и труд существуют обособленное, сам процесс преобразования природы трудом – история и культура.

Таким образом, можно утверждать, что по мере ослабления идеала системы в философии все больше актуализируется культурологическая проблематика. Неклассическая философия, пытающаяся отойти от категории всеобщего, продолжает нуждаться в понятии, фиксирующем идеальную сущность человека как превосходящего границы природы существа. Таким становится понятие «культура», которое начинает жить самостоятельной жизнью, и со временем превращаясь в отдельный объект, изучаемый новой наукой – культурологией.

Список использованных источников

1. *Баум М.* Заметки по вопросу об отношении системы и диалектики у Гегеля // Философия Гегеля и проблемы диалектики. Москва, 1987.

2. *Левит К.* От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX века: Маркс и Кьеркегор. Санкт-Петербург, 2001.

3. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. Москва, 2010.

Цыгоняева Александра Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, tau-85@mail.ru

УДК 32.019.5

И. Р. Шабалкин

ПОПУЛИЗМ В РОССИИ В ПУТИНСКУЮ ЭПОХУ

I. Shabalkin

POPULISM IN RUSSIA DURING THE PUTIN'S ERA

В настоящей диссертации исследуются явления народничества в современном состоянии на территории Центрально-Восточной Европы, а точнее в России. В статье представлен широкий обзор состояния популизма в указанном регионе и различных видов популизма, используемых политическими партиями или отдельными лицами. Основная цель - исследовать и выявить некоторые особенности российского популизма, показать, как он развивался в период правления Путина, его исторические корни и современный политико-социальный фон, где он использовался разными сторонами политического диалога, а также обеспечить систематическое сравнение русского народничества с западным народничеством.

Исследование состоит из трех глав. В первой главе дается определение феномена популизма, а также приводится ряд методологий исследования популизма. Вторая глава посвящена региональным особенностям народничества. И, наконец, в последней главе дается анализ современного состояния народничества в России, а также исторические, политические и социальные предпосылки.

Ключевые слова: популизм, Россия, Центрально-Восточная Европа, авторитаризм, постправда, правый популизм, левый популизм, демократия.

The present thesis explores the phenomena of populism in the current state on the territory of Central East Europe, and more specifically in Russia. The paper presents a broad insight on the state of populism in the said region and different types of populism used by political parties or individuals. The main goal is to research and expose certain peculiarities of Russian populism and show how it developed over the course of Putin's reign, its historic roots and the current political and social background where it was used by different sides of political dialog, and also to provide a systematic comparison between Russian populism and the western populism.

The research consists of three chapters. The first chapter gives a definition to a phenomenon of populism and also provides a number of research methodologies of populism. The second chapter focuses on the regional features of populism. And finally, in the last chapter, an analysis of the current state of populism in Russia is provided as well as historical, political and social background.

Keywords: Populism, Russia, East Central Europe, authoritarianism, post-truth, right-wing populism, left-wing populism, democracy.

There is a strong connection between populism and democracy, so strong, in fact, that the two of those are often being hosts of one for another. Even more than that, the representative democracy offers soil for populism to flourish. One might also argue that populism is a degenerated form of democracy that promises its utopic ideas ("let the people rule") [1].

Firstly, let us try to indicate the definition of populism, before elaborating the relations between populism and democracy and the impact populism has on democracy. As Ralf Dahrendorf noted: "The one's populism, is the other one's democracy, and vice versa" [2]. Populism is ideologically ambiguous or "thin- cored", meaning that it attaches itself to diverse ideological projects (even to those that oppose each other) depending on political climate. The question: whether populism is an ideology, a syndrome, a political movement or maybe an essence of democracy remains open.

The definition of populism is a very vague one. In fact, many cannot distinguish it, making of it a "contested concept" [3]. They would rather come up with various typologies of populism, dividing it in to categories that are further being composed of groups of two and more different approaches to populism, such does Margaret Canovan [3], for example. Listing through the core characteristics of populism, we can distinguish two main aspects of it that are always implemented by those who may be called populists.

Firstly, the crucial importance of the "people" has to be acknowledged, whatever this term may refer to. This might be a relatively small group of working class people, or a whole nation. Although, the elusiveness of the term makes harder to establish this. It may be better to approach it as a rhetoric tool that does not refer to any existing group of people. Others claim that the "people" refers not to all people, but a certain class segment [3].

Secondly, the idea that the "people" are being oppressed by the "others", whatever this term may refer to. Here we can see the corrupt political elites, different cultural groups, insufficient bureaucracy, etc [3]. The contrast of pure, rightness and virtues "people" with something that is rigged, malevolent and unjust (elites, immigrants, other nations) is essential in defining populism. According to populist's rhetoric there are only "friends" and "foes", and opponents are not just people with different views or values, they are simply evil. No compromise can be reached or negotiated with them as this would disrupt the "purity".

Finally, Mudde gives the most feasible definition of populism, as: "An ideology that considers society to be ultimately separated into two homogeneous and antagonistic groups, "the pure people" versus "the corrupt elite", and which argues that politics should be an expression of the general will of the people" [2].

With definition being set, we may proceed with relation of populism and democracy.

For start, let's state that populism might be considered as a crisis of liberal democracy, as populism in the eyes of the liberals is seen as a source of fundamentalism,

autocracy, nationalism and social disturbances. In liberal democratic systems, where political parties are the main actors in the process of representation, it comes as no surprise that in the propaganda of populist anti- party sentiments play a prominent role [4]. Often embedded in the rhetoric of charismatic political leaders, populism neglects institutions, portraying them as non-trustworthy, corrupted, serving in favor of rigged elites and political establishment. This is yet another mutual feature of populism – the skepticism towards the legislative institutions, such as courts and representatives bodies [5]. As a consequence, they would rather prefer somehow more direct approach to the populace in form of rallies, referenda, and other modes of plebiscitarian politics. This tendency contains the potential seeds of authoritarianism, because it suggests that power should be concentrated in the executive, which is seen as the most direct embodiment of the political will of a homogeneous polity. In this respect, populism is seen by some as inherently tied to anti-pluralist politics [5].

But, the contemporary populists do not advocating for a complete annihilation of core institutions of the existing representational democracies. On the contrary, they want to take advantage of them in their favor, as they are the "true" agents of the oppressed people and they would know better what is the best for them.

As soon as populists assume control over power, any form of opposition is not taken seriously since populists are the only true representatives of the people. At the first glance is may seem that for populists is most important a democratic representation of the people's will, when in fact it is a symbolic representation of the "true people" [1].

When previously mentioned "people" refer to a community of blood, culture and race, populism easily turns into blatant racism. Here lie examples of so called cleavages of populism: xenophobic, authoritarian and nostalgic, that also can be classified as the "right-wing populism". The common similarity between those three is the sense of threat from the "other" (e.g. culture, language, nation), by which the wellbeing of the "heartland" is being contested, although this does not mean that populism is a form of nationalism or chauvinism. A populist will always find a way to differentiate "moral" and "amoral".

The populist heartland becomes active only when there are special circumstances: most notably, the combination of persisting political resentment, a serious challenge to "our way of life", and the presence of attractive populist leader. However, what sets the populist's heartland apart from other protest prone group is their reactiveness. They generally have to be mobilized by a populist actor, rather than taking initiative themselves.

Stressing out these features of the right populism (e.g. xenophobia, neo- nationalism, racism, phantasmatic ethnic golden-ageism, etc.) a number of observers describe populism as a parasite of liberal democracies, which feeds of his host, eventually endangering it, in times of crisis and social disturbance [6].

Previously seen as a threat, populism might also serve as a correction for policies that got away too far from the needs of the "people". As liberals are highly disturbed by the fact that masses leaning towards populist ideas, democratic theorists provide that the enforcement of such populist views are brought by "liberal technocracy" (e.g. "responsible institutions") of ruling elites which do not meet the required competence to serve the ordinary people [1]. Thus, populism would be a "non-liberal democratic solution for non-democratic liberalism" [1].

As have been noted prior, populism is generally animated by some kind of crisis present in the society. The crises that have been contributing to the rise of populism [6] over the 2008–2018 period are all about economy, sovereignty and security [6]. Those areas are good examples to demonstrate populism's reactive nature. The rise in popularity of populist leaders may serve a signal to the ruling elites highlighting the defects of a representative political system. In that case, populisms serves as a health

indicator of a current system, since it draws attention to any occasional malfunctioning that might lead to the downfall of the political system. It is like a mirror of democracy in a way that it reflects its essence and thus renders the current problems visible.

Yet, if we take more conservative approach to the matter, we can see another prove of populism as an essence of democracy. Even from the direct meaning of both words (greek "demos" and latin "populus") the integral part of the people is evident. Hence, politics in democracies neither can be fully free from populism, nor fully populistic. The main slogan of many populist leaders and movements says that the politics have break away from the control of the people [7].

In order to really understand populism and its role as a possible correction, we have to realize the existence of the paradox that is in the very heart of democracy. This paradox stands upon the fact that democratic policies are not and cannot be understood by the majority of people whom it has to emancipate in the first place [7]. Although the democracy is the most inclusive and open political form it is also quite opaque. From the reason being inclusive, democracy has to be transparent [7], what offers ideology. An ideology that can explain politics to people, but often failing in doing this.

Now let's take a closer look at the role of ideology in populism.

According to Canovan ideology is "(…) a form of political thinking tied to the problem of connection between political leaders and their followers" [7]. The gap between politicians and people is graded down through ideology, as a terminological structure that represents a simplified map of the political world [7]. In the end of the XX century the great criticism was generated toward ideologies for "degrading politics" both in theory and practice [7]. Loosing ideology is a great problem for political parties, and even more so for democratic systems. Democratic ideology is through and through populist, but nevertheless highly needed in order to legitimize the system in the eyes of the electorate and mobilize them to take part in politics [7]. It is also of a great importance to note, that Canovan refers to the definition of ideology made by Freeden [7]. According to him, the most interesting feature of ideology is that it does not close itself in "ivory tower" [7], but in fact maintains tight connection with political act and also "making bridges" [7] between political ideas and political actions, because one of its main functions is to connect these two branches.

In other words, ideology is making complex and difficult for understanding political processes easy to grasp for ordinary people, and as has been mentioned several times before, taking simple ideas and solutions for people's problems is the main goal of populism.

Ideological formlessness of populism is caused by the ability of integrating in its agenda statements and dogmas of different traditional ideologies, both from left and right, creating a hybrid ideological constructions and fairly arbitrary changing their form on the semantic level (e.g. populism does not need ideologists in traditional way – their functions are being executed by the leaders of protests).

As has been mentioned above, populism can be found on every side of a political discourse. Depending where the tear in political system is located, on the right or the left flank of the political spectrum, appears left or right populism. If the whole political class acts against the will of the society then the common front might appear, posturing against old political establishment and concerning every important for society aspect.

Not like the traditional social-democrats, leftist populists criticize modern parliamentarism and deny possible positive outcomes of mutually beneficial cooperation with the private business sector. In this regard they resemble the revolutionaries of the past, but different in a way that they announce themselves defenders of interests not of the one particular class of the people, but instead, the defenders of a whole society from the corrupted elites.

The common feature of the usual right-winged politicians and right populists is a deep respect for the business, especially small and medium-sized ones. Simultaneously

they are way more focused on fighting immigration and harmful foreign influence.

A more fruitful distinction is provided by Bobbio, who defines left and right on the basis of the key feature of (the propensity to) egalitarianism. In these terms, the left considers the key inequalities between people to be artificial and wants to overcome them by active state involvement, whereas the right believes the main inequalities between people are natural and outside the purview of the State. Accordingly, the left/right dimension refers to different ways of both: conceiving the sources of inequalities and designing strategies to confront them.

At first sight, one would think that populism is inherently egalitarian, as it considers the people to be homogeneous, and thus left wing. However, this is not necessarily the case. While it does believe that the people have essentially the same interests, populism is first and foremost moral. And, as a thin-centered ideology, it does not say much about socioeconomic or sociocultural issues. However, in the real world populism virtually always appears attached to other ideological features. These features actually allow us to disentangle the left or right nature of different types of populism.

In this regard, when populism is seen as a necessary element of a healthy democracy, rather ambitious approach, may have a chance on existence. One that really stands off is Ernesto Laclau, who described this concept in his work “On Populist Reason”. As many before him Laclau starts with known to us fact that it is nearly impossible to define populism. Then he argues, that most of the scholars are trying to determine the social basis of populism. An attempt to showcase whos interest are represented via populists brings them to the failure. Turns out, that populists can represent different “social agents who hang upon different social layers. He then proceeds with the claim, that all characteristics that are might be conceived as intrinsic in populism cannot be met in one particular example. Laclau puts forward the thesis that the specifics of populism as a phenomenon were systematically ignored because of the political biases of Western political theory. The main one is the denial of populism in the right to any rationality. In other words, populism is conceived in purely negative terms of “fuzzy”, “manipulative”, “anti-intellectual”, “unfounded” as opposed to rational policies based on clearly represented political agents with certain interests. Populism is "humiliated," equating it with "simple rhetoric" as opposed to the "ideological" of classical parties.

Laclau suggests that populism does not express the demands of a certain group, but produces the group itself by designing the “people”. The social requirement (such as wage increase) may or may not be satisfied by the institutional system. If it is satisfied, it disappears. This is one of the manifestations of the logic of distinction, the institutional system seeks to satisfy the requirements separately. In a society in which all individual demands are met, populism is impossible because dissatisfaction is necessary to produce populism.

Список использованных источников

1. *Muller J.* Co to jest populism (What is populism). Warszawa : Wydawnictwo Krytyki Politycznej, , 2017.

2. *Mudde C.* The Populist Zeitgeist. Cambridge University Press, 2014.

3. *Deiwiks C.* Populism. Center for Comparative and International Studies. ETH Zurich and University of Zurich, Living reviews, 2009.

4. *Susan Scarrow Cf., Poguntke T. European* Journal of Political Research. 1996. 29: 3 special issue on anti-party sentiments.

5. *Bonikowski B.* Ethno-nationalist populism and the mobilization of collective resentment The British Journal of Sociology. 2017. Vol. 68. Issue S1.

6. Editorial What is the Populism? Who is the Populist? Democratic Theory. 2018. Vol. 5. Issue 2.

7. *Canovan M.* Poliyka dla ludzi (Politics for the people). Warszawa : Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2007.

Шабалкин Илья Романович – магистр в области европейских исследований, Варшавский университет.

УДК 175

И. В. Янишевская

ЭКОТОПИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

I. Yanishevskaya

«ECOTOPIA AS A SOCIAL PROJECT»

В статье идёт речь об экотопии, как о социальном проекте. Современные экологические проблемы стали общемировыми. Одним из выходов из сложившейся ситуации можно рассматривать вариант с экологической утопией или экотопией. Человечество должно изменить потребительское отношение к природе.

Ключевые слова: утопия, экотопия, Золотой век, экология,.государство, катастрофа, культура, цивилизация.

The article deals with ecotopia as a social project. Modern environmental problems have become global. One of the ways out of this situation can be considered an option with an ecological utopia or ecotopia. Humanity must change the consumer attitude to nature.

Keywords: utopia, ecotopia the Golden Age, ecology, state, disaster, culture, civilization.

Термин «утопия» обладает определённой двойственностью. С одной стороны речь идёт о несуществующей стране (ou–topia), с другой, стране «благословенной» (eu–topia)» [4]. У утопии нет «чистой формы» [5, с. 141], а отношение к утопии соответствует отношению к социальному идеалу бесклассового общества.

Утопия сама по себе не константна, она меняет облик, в зависимости от исторического времени. Это либо будущее, которое, в случае наличия особо впечатлительных утопистов, способных пожелать воплотить его в жизнь «здесь и сейчас», может сдетанировать, причём, самым неожиданным образом и с неоднозначными последствиями, либо прошлое, что наиболее безопасно для современности, и тогда тема Золотого века вполне себя оправдывает.

В большинстве культур популярен миф о Золотом веке – далёком прошлом, в котором человечество живёт в первобытном состоянии, но в то же время, пребывает в совершенном удовлетворении и ощущает себя вполне счастливым. О чём, к примеру, написано у Гесиода в поэтическом трактате, который так и называется «Золотой век», или в «Метаморфозах» у Овидия.

Китайский поэт Тао Юаньмин предлагал свой вариант идеального общества. У него люди живут в удивительном единении с природой традиционным укладом. Однако эта гармония достигается тем, что у них полностью отсутствуют любые внешние контакты.

Классическим прообразом утопических государств считается идеальное государство Платона. Хотя введение самого понятия «утопия» связано с именем Томаса Мора, который в 1516 г. представил свой вариант, названный им «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия».

Для классической утопии характерны такие черты, как пространственная изолированность и вневременность. Утопию невозможно подвергнуть любым изменениям, она не развивается. Всё, что происходит в утопическом государстве, представляет собой застывшее настоящее.

Человечеству свойственно стремиться к счастью, а утопия – один из элементов такого поиска. Поэтому утопическое сознание является особым социальным феноменом, находящим своё воплощение в различных проектах идеального будущего. Проблема только в том, что они, как правило, не сбываются. Вспомнить хотя бы историю «коллективизации», которая, по сути своей, оказалась новой формой крепостной зависимости. Или одну из утопических общин, которая называлась «Новая гармония». Основанная промышленником Робертом Оуэном к 1825 г., она выросла в город, ставший центром достижений в области образования и научных исследований. Созданная на коммунистических принципах «Новая гармония», не смотря на серьёзные перспективы, долго просуществовать не смогла. У Оуэна не хватило денег на проект, в котором распределение ресурсов происходило по принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям» [7].

В эпоху постиндустриального общества произошло становление новых футурологических форм утопии. Этому способствовали общемировые экзистенциальные проблемы, такие как осознание опасности экологической катастрофы, постепенное и неуклонное истощение природных ресурсов, отрыв человека от естественной среды обитания. Кроме того произошёл переход европейской культуры в состояние цивилизации.

Любую человеческую деятельность, начиная с момента добычи огня и осмысленного действия палкой, можно отнести к противоприродным деяниям. Человек становится творцом, но этим он разрушает свою связь с природой, с каждым новым творением, уходя от природы дальше и дальше. И как результат, становится ей вовсе враждебным [6, 468]. По мнению О. Шпенглера именно техническая чрезмерность - показатель упадка культуры. Человечеству сложно вовремя остановиться, поэтому оно само загоняет себя в технологический тупик, который носит эсхатологический характер. В связи с чем место утопии в литературе занимает антиутопия - жанр популярный и востребованный.

Теперь уже начинают подниматься вопросы о целесообразности появления человека в биосфере Земли, его роли и уровне ответственности. Всё, что происходит в мире, а это уничтожение видового биоразнообразия, наряду с изменением естественного планетарного ландшафта, подготавливает практическую возможность создания альтернативной внебиологической среды обитания, т. е. техносферы для всего населения планеты. Этому сопутствует экономическая составляющая, при которой происходит неограниченное, низкоэффективное потребление ограниченных по объёмам природных ресурсов. То есть конструируется абсолютно новая искусственная реальность.

Так что теперь перед человечеством возникла тема выживания вида в условиях достаточно агрессивной в геоклиматическом и биологическом смыслах окружающей среды. И настоящий момент стал для человеческого социума «точкой бифуркации, точкой ультимативно высоких ставок, в которой императив выживания не стоит на первом плане, будучи замещён и вытеснен дефективными симулякрами и суррогатами, и за которой не будет места виду Homo Sapiens на планете Земля» [2, 80].

Одним из выходов из сложившейся ситуации можно рассматривать вариант с экологической утопией или экотопией, цель которой заключается в том, чтобы жить в гармонии с природой. Данную проблему развивали и развивают. Так французский социолог и философа Андре Горц полагал целесообразным рассматривать экологию с позиции экономико-правовых отношений. Долгое время никто не соотносил природу продукции, технологию производства, условия труда, структуру и размер предприятий с экологическими нуждами мира. Зато теперь, в условиях перенаселения, загрязнения воздуха и воды, промышленные производства подошли к тому, что пришлось «фильтровать дымы и сточные воды, т. е. воспроизводить условия и ресурсы, которые до этого считались «природными» и даровыми» [3]. Горц утверждал, что выпускать

следует только самое нужное, ведь сокращение индустриального производства не сможет не повлиять на экологическую составляющую мирового пространства.

Идеи Горца были близки человеку, считающемуся основателем социальной экологии американскому радикальному социологу, политическому и социальному философу, пионеру экологического движения и защитнику окружающей среды Мюррею Букчину, который тоже считал, что эксплуатация природы и конкуренция в рамках рыночной экономики приводит к уничтожению нашей планеты. Выход Букчин видел в создании такой политической культуры, которая привела бы людей освобождению, автономии и самоуправляющейся экономике. Здесь имел в виду децентрализацию городов в духе античных греческих полисов, и создание абсолютно новых экообщин, приведённых в соответствие со структурами локальной экосистемы.

Экотехнология, предполагаемая к использованию в экообщинах, должна основываться на неисчерпаемой энергии природы, имеются в виду солнце, ветер, приливы и отливы, природная сила рек, и т. д. Она должна будет снабжать эко-общину экологически чистыми материалами. Одним из энергетических источников могут быть вновь используемые отходы, которые не станут сжигать или в огромных количествах спускать в мировой океан. Естественно, существование экообщин не отменяет борьбу против атомных станций и автомагистралей, но в условиях крайнего обострения общественных отношений, реализация «экотопии» на экологической основе представляет собой единственный выход, в противном случае человек как биологический вид, обречён погибнуть. И это, утверждает учёный, не апокалиптическое ожидание, а научный прогноз, находящий подтверждение в условиях повседневной жизнедеятельности социума [1].

В России первые экопоселения появились на волне долгожданной «свободы» 1990-х гг., но с того времени немного из них продолжает существовать сейчас. В последнее время начинают осуществляться новые проекты, их основывают группы из среды людей, недовольных «новой демократией», из общественных движений, есть также и общины православного толка. Есть целое направление, которое можно назвать «анастасийским» движением, о нём речь пойдёт отдельно.

Общими чертами мотивации появления экопоселений в России являются следующие. Надоело жить в городе, когда ощущение присутствия постоянной «грязи», как моральной, так и информационной, усугублялось негативной экологической обстановкой, что приводило к постоянным болезням детей. Нет любимой работы, а если и есть, то за неё мало платят. Эмоциональная и энергетическая истощённость, тогда видеть рядом с собой доброжелательное окружение выходит на уровень одной из ведущих потребностей.

Современный человек остаётся естественным продуктом природы, а стремление к уединению постепенно перестаёт быть единичным фактом, перерастая в массовую тенденцию. Уход из мира урбанизма в мир природный, с одной стороны, утопия, с другой – выход, поскольку утопия, которая не только реализуется, но и работает, перестаёт быть утопичной.

Список использованных источников

1. *Букчин М.* Экотопия // Секция международной ассоциации трудящихся (К.Р.А.С. – М.А.Т.). 2010. – URL: http://aitrus.info/node/706 (дата обращения: 03.11.2021).

2. *Вологин Д. З.* Экологичность индивидуального и коллективного сознания человека как фактор и условие выживания вида Homo Sapiens в условиях перетекания экологического кризиса в экологическую катастрофу // Международный научно-исследовательский журнал. № 2–4 (44), 2016. С. 80–83.

3. *Горц А.* Их экология – не наша! // Секция международной ассоциации трудящихся (К.Р.А.С. – М.А.Т.). 2010. – URL: http://www.aitrus.info/node/627 (дата обращения: 03.11.2021).

4. *Гуторов В. А.* Античная социальная утопия: вопросы истории и теории. Л.: ЛГУ, 1989.

5. *Смирнова Ю. Д.* Утопия, утопизм, утопическое сознание – основные смыслы // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 153. кн.1, 2011. с. 141.

6. *Шпенглер О.* Человек и техника // Культурология XX века. Антология. Москва,1995. с. 468.

7. *Шубин А. В.* Новая гармония // Wikireading.ru. 2016. – URL: https://history.wikireading.ru/65391 (дата обращения: 03.11.2021).

Янишевская Ирина Валентиновна – старший преподаватель кафедры социально-политических наук Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, yanishevskayaiv@yandex.ru

РАЗДЕЛ III

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН СТУДЕНТАМ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ

УДК 81'373

О. В. Абыякая, К. В. Землякова

«БРИТАНСКИЕ УЧЕНЫЕ»: ОТ МЕМА К ФРАЗЕОЛОГИЗМУ

O. Abyiakaia, K. Zemlyakova

"BRITISH SCIENTISTS": A PATH FROM A MEME TO A PHRASEOLOGICAL UNIT

Данная работа входит в цикл статей, посвященных изучению интернет-явлений и рассмотрению функционирования языковых единиц в онлайн-коммуникации. Авторы демонстрируют, как свободное сочетание «британские ученые» стало мемом в русскоязычных СМИ, неизменно употребляясь в статьях с псевдонаучными новостями. В результате частого использования в текстах современных интернет-медиа данное словосочетание нарастило обобщенное образно-переносное значение. Его употребление в заголовке новости или статьи заранее подсказывает читателю несерьезность и нелепость сообщаемой информации, которая несет развлекательный характер. Анализ контекстов в русскоязычных медиа демонстрирует наметившуюся тенденцию по переходу мема «британские ученые» в устойчивое словосочетание, иными словами, превращение мема во фразеологизм, который все чаще используется для представления авторитетных источников данных и истинно научной информации.

Ключевые слова: интернет, онлайн-коммуникация, мем, фразеологизм, фразеологизация.

The paper is part of a series of publications aimed at studying phenomena in the Internet and investigating how linguistic units are functioning in online communication. The authors demonstrate how the expression "British scientists" became a meme in Russian mass media being constantly used in articles with pseudoscientific news. As a result of frequent use in modern online media texts this expression gained a generalized figurative meaning. Its use in a title of a news article hints at flippancy and absurdity of the reported information which has an entertaining character. Analysis of contexts in Russian media displays that the meme "British scientists" tends to function as a phraseme, in other words, the meme turning into a phraseological unit which is more and more often employed to present a reputable information source and to provide purely scientific data.

Keywords: the Internet, online communication, a meme, a phraseological unit, phraseologization.

В интернете каждый день возникают новые языковые и культурные сущности: мемы, медиавирусы, фейки, хэштеги, лайфхаки, видео, гифки, сообщества, игрушки, магазины интернет-торговли, платные услуги (такси, музыка), чаты, каналы, площадки и платформы, приложения. Для их обслуживания придумывают новые слова и понятия (мессенджер, эмоджи, QR-код, стримить, донат, селфи, (ре)постить, лайк, сториз, трек), а существующая лексика приращивает новые значения для обращения в новой среде (голосовое сообщение, уведомление, камера,

розыгрыш, групповой звонок, воспоминания, беседа, группа, видеообзор, галерея, фильтр, лента, листать, повесить, подписка). Интернет, с одной стороны, порождает такие явления и дает им пространство для жизни и функционирования, с другой – помогает нам быстро замечать и регистрировать происходящие изменения в языке и коммуникации.

Ввиду большой скорости передачи сообщений между коммуникантами мы можем успеть проследить за «жизнью» некого явления полностью от зарождения до угасания, а также стать свидетелями происходящих сдвигов в лексическом составе языка. Из медиавирусных явлений возникают, в частности, устойчивые обороты, ставшие символами [1, с. 195]. Так, нам стал интересен путь словосочетания «британские ученые», которому в русскоязычном интернете отводится роль мема. Представляет интерес то, как трансформируется значение данной единицы в интернет-прессе и коммуникации.

Мем – это фрагмент культурной информации, а сам термин, как это часто бывает, позаимствован гуманитарной наукой из наук точных, в данном случае – из биологии. Как и ген, мем является репликатором, то есть объектом, который воспроизводит сам себя. Другими словами, мем способен множиться сам от себя. Множество разных шуток вокруг британских ученых, созданных в виде заголовков статей, картинок, демотиваторов, образуют мемокомплекс. Все они создают одно общее представление об этих людях, собирают воедино их черты в цельный образ.

Исследователи отмечают, что понятие «британские ученые» впервые сформировалось в онлайн-прессе именно в ироничном значении в конце 2003 года. Этот интернет-мем высмеивает абсурдные и безумные научные теории и изобретения, например:

Британские ученые скрестили крабовые палочки и получили крабовые крестики.

Британские ученые обнаружили ген, отвечающий за желание британских ученых обнаруживать гены.

Британские ученые опять что-то доказали.

Важно, что мемом стало словосочетание именно с прилагательным «британские», несмотря на наличие в русском языке синонимичного прилагательного «английский». М. Кронгауз, исследователь языка интернета, предлагает следующее объяснение: «существуют ученые, которые родились или живут в Великобритании, и мы их в соответствии с традицией нашего языка называем то английскими, то британскими. <…> есть еще британские, и только британские, ученые. Они нерасчленимы на личности, всегда действуют вместе и открывают всякую чушь. Они – фольклорный персонаж рунета» [2]. Таким образом, «британские ученые» стали мемом именно в такой множественной форме, так они являют собой собирательное явление.

Британским ученым как мему приписывается псевдонаучность проектов, не имеющих никакой практической ценности. Сам мем ассоциируется с бородатостью, странностью, нелепостью тем исследований, абсурдностью открытий, а его продолжительная «жизнь» в интернете объясняется тем фактом, что сами ученые и по сей день продолжают создавать информационные поводы, публикуя неожиданные результаты исследований на самые непредсказуемые темы. Иными словами, британские ученые реально существуют и исследуют, но шутки, связанные с ними в русскоязычном интернет-пространстве, основываются именно на формулировках, на «странностях, передергиваниях и натяжках» [2]. Британские ученые «появляются в серьезных ситуациях и делают их описание смешным и абсурдным [2], к примеру: Навыясняли: 10 сомнительных открытий британских ученых в 2014 г.

Происхождение такого мема именно из Британии обусловлено несколькими историческими факторами. В Великобритании находятся старейшие престижные университеты, она является оплотом европейской науки, отсюда происходит

множество имен ученых-физиков, биологов, математиков. Англия занимает прочное место среди других держав на научном поприще и традиционно ассоциировалась с высоким качеством исследований. Тенденция популяризации научных открытий в XX в. обратила внимание общественности к науке, в том числе прессы. Но количество упоминаний о нелепых работах тоже возросло ввиду борьбы научных лабораторий и ученых за гранты и финансирование – поддержку стали получать наиболее «безумные» проекты, с абсурдными гипотезами, с кричащими названиями. Журналы, стремящиеся повысить свой импакт-фактор, также были заинтересованы в публикации у себя научных статей с «громкими» заявлениями, открытиями, чтобы таким образом получить более высокий показатель в индексе цитирования статей в нем:

Что британские ученые думают про мем «британские ученые»? (мини опрос).

Британские ученые объяснили, почему существуют «британские ученые».

Почему именно британские ученые имеют плохую репутацию?

Частое и длительное употребление свободного сочетания «британские ученые» не в прямом, а в обобщенном образно-переносном значении, использование данного свободного словосочетания как единого понятия, соответствующего данной исторической эпохе («все иноязычные ученые, занимающиеся необычными, часто нелепыми, исследованиями»), привело к появлению нового устойчивого по составу и строению, целостного по значению выражения [3, с. 92]. Можно говорить о фразеологизации мема «британские ученые» в современном русском языке, то есть регулярное употребление мема сформировало новый фразеологизм, выходящий в своем употреблении за пределы мема и интернет-коммуникации [1]. Например, в таких изданиях, как «Москва24» и «Газета.ru», существуют рубрики «Британские ученые» и «Открытия британских ученых» соответственно, в которых собраны статьи, посвященные самым неожиданным научным исследованиям, проводимым необязательно в Британии:

Ученые придумали зарядное устройство на основе мочи.

Британские ученые нашли объяснение нелепым открытиям британских ученых.

Британские ученые вывели формулу вероятности потери носков.

Ученые выяснили, где живут самые нечестные люди.

Британские студенты рассчитали путь до Мордора в калориях (m24.ru).

Британские ученые выяснили, стоит ли смешивать вино с пивом.

Британские ученые попробовали рождественский пудинг 46-летней давности.

Исследование премии Дарвина: мужчины глупее женщин.

Голлум, орки, тролли и дракон Смауг не преуспели из-за дефицита витамина D (gazeta.ru).

Соответственно, такие названия рубрик в онлайн-издании выполняют функцию привлечения внимания читателя, а сами статьи носят как развлекательный, так и информативный характер. Следует также обратить внимание на то, что в данные рубрики попадают статьи, посвященные исследованиям ученых не только из Великобритании, но и из других стран, что также доказывает употребление данного словосочетания в обобщенном значении:

В Северной Корее подтвердили противораковые свойства растения пастушья сумка (gazeta.ru).

Яркой иллюстрацией использования словосочетания «британские ученые» с целью привлечения внимания является название кофейни в Красноярске. На наш взгляд, в данном случае актуализируется как прямое значение (в интерьере заведения использованы портреты наиболее известных ученых Великобритании), так и переносное, юмористическое, отсылающее к мему.

Следуя логике М. Кронгауза, скажем: пройдя в своей интернет-жизни три стадии – создание мема (возникновение абсурдной фразы); экспансия мема (захват

коммуникативного пространства); использование мема (стабильность) – на четвертой стадии он угасает или меняет свой статус. И мы смеем предположить, что стали свидетелями того, как мем «британские ученые» трансформируется во фразеологизм. На этой стадии «он перестает быть мемом, входит в плоть языка или коммуникации» [2], что возможно наблюдать в современных языковых употреблениях.

Анализ интернет-публикаций показывает, что, с одной стороны, употребление фразеологизма «британские ученые» в заголовках несет на себе аттрактивную функцию, отсылая читателей к широко известному мему. С другой же – обманывает их ожидания, поскольку содержание статей уже нельзя назвать абсурдными или нелепыми:

Британские ученые предупреждают. Android-смартфоны следят за своими пользователями (Исследователи из Эдинбургского университета Великобритании и Тринити-колледжа в Ирландии выяснили, что Android-смартфоны Samsung, Xiaomi и Huawei отслеживают активность пользователей) (статья от 14.10.2021 на Интернет-ресурсе fontanka.ru). Мы видим, что устойчивое сочетание может использоваться для наименования серьезного авторитетного источника (университета) и за пределами Великобритании.

Британские ученые создали похожее на джойстик устройство для восстановления после инсульта // И получили первые результаты, подтверждающие эффективность метода.

Британские ученые открыли «долгий грипп»: как не спутать с долгим коронавирусом.

Британские ученые: соцсети и смартфоны не вызывают психических проблем у подростков.

Таким образом, фразеологизм «британские ученые», в отличие от мема, несет значение авторитетности, серьезности научных изысканий, о которых пишется в статье. Такие статьи призваны не развлечь читателя, а опубликовать результаты исследований на серьезные темы: о зависимости от соцсетей и смартфонов, коронавирусе, лечении инсульта.

Устойчивость выражения «британские ученые» в русскоязычном интернете обусловлена тем, что оно трансформировалось из стереотипной шутки во фразеологизм, что развило в нем дополнительное значение и закрепило сферу его употребления не только для создания юмора, но и в серьезных научно-популярных публикациях. Можно сказать, что словосочетание «британские ученые» прошло путь от мема к фразеологизму (фразеологизация мема), и в настоящий момент наблюдается его демемизация, т. е. происходит возвращение к обратному эффекту: через известный мем читатель получает обманутые ожидания, вместо абсурдной новости – серьезную информацию, полученную из вполне авторитетного научного источника.

Список использованных источников

1. *Доброва М.* Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект // Оломоуц. – URL: https://theses.cz/id/mwdq3r/27195658 (дата обращения: 25.10.2021).

2. *Кронгауз М.* Мемы в интернете: опыт деконструкции // Наука и жизнь. – URL: https://www.nkj.ru/archive/articles/21327/ (дата обращения: 15.10.2021).

3. *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка : учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». – Москва, 1985.

Абыякая Олеся Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, olesya_vik@mail.ru

Сведения об авторах

Землякова Ксения Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, ksu-zemlyakova@mail.ru

УДК 821.511.111

А. С. Алёшин

МАРИНА ЦВЕТАЕВА И КАРИН БОЙЕ В ЗЕРКАЛЕ БИОГРАФИЧЕСКИХ И ТВОРЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

A. Alyoshin

MARINA TSVETAYEVA AND KARIN BOYE THROUGH BIOGRAPHICAL AND CREATIVE PARALLELS

В статье проводится сопоставление жизненного пути и творчества ведущих представительниц женской поэзии в России и Швеции – Марины Цветаевой и Карин Бойе, сопоставляются основные вехи их творческого развития в биографическом преломлении.

Ключевые слова: Марина Цветаева, Карин Бойе, поэзия, модернизм, Серебряный век.

The article deals with comparison of the life path and work of the leading representatives of women's poetry in Russia and Sweden – Marina Tsvetayeva and Karin Boye, the main milestones of their creative development in biographical refraction are compared

Keywords: Marina Tsvetayeva, Karin Boye, poetry, modernism, the Silver Age.

Шведская и русская литературы имеют во многом схожий путь развития. Данная схожесть выходит за пределы включённости обеих национальных литератур в общеевропейский контекст развития и обусловливается, во-первых, похожим историческим развитием двух стран, особенно до XX в., а во-вторых, схожестью географического положения, культурной и социально-политической ситуации. При этом особый интерес в данном аспекте представляют те русские и шведские авторы, чья биография и творческий путь оказались чрезвычайно похожими. Среди таких авторов можно выделить представителей абсолютно разных социальных слоёв и литературных направлений, например, первых крестьянских поэтов в России и Швеции Сергея Есенина и Дана Андерссона [1], или последних сторонников классической литературной традиции Ивана Бунина и Яльмара Сёдерберга [2]. Целью данной статьи является сопоставление жизненного пути и творчества ведущих представительниц женской поэзии в России и Швеции – Марины Цветаевой и Карин Бойе.

Марина Цветаева родилась в 1892 г. в Москве и, по собственному признанию, начала писать стихи в семь лет. Её первый стихотворный сборник, «Вечерний альбом» увидел свет в 1910 г., когда ей было восемнадцать. К этому времени она уже успела получить хорошее образование, обучаясь в Италии, Франции и Германии, овладеть несколькими иностранными языками и потерять мать, известную пианистку, сильно повлиявшую на формирование её характера и художественного вкуса. Цветаева писала: «От матери я унаследовала музыку, романтизм и Германию» [3]. Сборник вполне соответствовал идеалам неоромантизма, где в центре повествования находится исключительный герой, зачастую помещённый в узнаваемые условия, и являющийся посланцем идеального мира в реальном. Это можно наблюдать уже в стихотворении «Встреча», открывающем сборник:

Вечерний дым над городом возник,
Куда-то вдаль покорно шли вагоны,

Вдруг промелькнул, прозрачней анемоны,
В одном из окон полудетский лик.

На веках тень. Подобием короны
Лежали кудри… Я сдержала крик:
Мне стало ясно в этот краткий миг,
Что пробуждают мёртвых наших стоны.

С той девушкой у тёмного окна
– Виденьем рая в сутолке вокзальной –
Не раз встречалась я в долинах сна.

Но почему была она печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей – и в небе счастья нет?..

Сборник вышел в период расцвета Серебряного века в русской поэзии, и хотя тираж издания был очень небольшой, он сразу же привлёк к себе внимание ведущих литераторов – Н. Гумилёва, В. Брюсова и, в особенности, М. Волошина, с которым у Цветаевой завязалась дружба на всю жизнь. Следом вышел ещё один сборник, «Волшебный фонарь», и Цветаева прочно и полноценно вошла в круг поэтов Серебряного века. Нужно отметить, что в то время уже довольно много женщин стало известными поэтами, например, Зинаида Гиппиус, Елена Гуро, Мирра Лохвицкая, Тэффи, поэтому сама по себе женщина, пишущая хорошие стихи, никого не удивляла. В. Брюсов так отзывался о её ранних стихах: «Непосредственность переходит на многих страницах в какую-то домашность. Получаются уже не поэтические создания, а страницы личного дневника» [4]. М. Л. Гаспаров называл раннюю поэзию Цветаевой «поэтикой быта», поскольку уже в её ранних стихах угадывается один из главных конфликтов её поэзии – быта и бытия. [5]

Карин Бойе родилась на восемь лет позже Цветаевой, в 1900 г.. Огромное влияние на неё также оказала мать, сформировавшая у неё интерес к литературе, а также к спиритизму и восточным религиям. Первые литературные опыты Карин Бойе также относятся к семилетнему возрасту. Её школьная учительница отмечала её необыкновенный дар и сохранила фрагмент её первого рассказа, который назывался «Рассказ о крокусе»: «У мальчика был маленький крокус. Внутри цветка жила маленькая девочка-эльф, обладавшая волшебными чарами. Крокус был жёлтым и милым. Но пришла осень, и растение начало увядать. Крокуса (так звали девочку-эльфа) решила, что это отвратительно, и улетела прочь. А крокус завял. Вы когда-нибудь видели, как опадает крокус?» [7] Любопытно, что и у Цветаевой в одном из стихотворений первого сборника возникает образ девушки-эльфа:

Воздушная эльфочка в детском наряде
Внимала тому, что лишь эльфочкам слышно.
Овеяли тонкое личико пышно
Пушистых кудрей беспокойные пряди.

Карин Бойе дебютировала в 1921 году сборником стихотворений «Облака». На тот момент она была студенткой Упсальского университета, где познакомилась с Анитой Наттхорст, куратором своей учебной группы, и попала в сильнейшую эмоциональную зависимость от неё. Бойе уже осознавала свою гомосексуальность, но все ещё не могла полностью принять её, и этот душевный разлад вызывал в её творчестве обращение к постижению божественного и Божьей воли. Она пришла к

выводу, что «есть два бога: один, которого сотворили мы сами, исходя из наших представлений о нем, и другой, нам неведомый, который создал нас и присутствует в нас, направляет наши деяния и нашу волю, является мировой волей». В Швеции того времени женская поэзия была ещё относительно новым и нетривиальным явлением, и некоторые отзывы критиков сводились к тому, что женское имя на обложке стихотворного сборника не позволяет ждать от него многого. Однако именно Карин Бойе предстояло стать первой знаменитой женщиной-поэтом в Швеции, к тому же поэтом-новатором, активно использовавшим верлибр уже в дебютном сборнике.

Цветаева в юности также ощущает тягу к гомосексуальным отношениям, или, по крайней мере, бисексуальность. Ей принадлежит ставшее знаменитым изречение «Любить только мужчин – это такая скука!» В 1914–1916 гг. её связывали романтические отношения с писательницей Софией Парнок, которой она даже посвятила цикл стихов «Подруга». Причём в это время Цветаева уже была замужем за Сергеем Эфроном. Активному развитию творчества Цветаевой мешает революция и начавшаяся Гражданская война. Её муж отправляется в Добровольческую армию воевать на стороне белых, а она остаётся в Москве с двумя дочерьми, тщетно пытаясь прокормить их и себя. Её младшая дочь умирает от голода, и в 1922 г. Цветаева покидает Россию, эмигрируя сначала в Берлин, а потом в Париж. В начале 1922 г. в Москве выходит последний прижизненный сборник Цветаевой, изданный в России и доступный широкому кругу российских читателей. Там, как и в лирике Карин Бойе этого периода, звучат мотивы паломничества, поиска духовного пути, восхождения к Богу [6].

В течение следующих пятнадцати лет в семье Цветаевой идёт тяжёлая борьба между желанием вернуться в Россию и боязнью этого. Муж и дочь Ариадна склоняются к возвращению, и Цветаева так и не решается опубликовать сборник «Лебединый стан», наполненный романтикой Белого движения, боясь окончательно сделать свою семью врагами для Советской России. Вся лирика Цветаевой 1920–30-х годов остаётся неизвестной российскому читателю на долгие годы. Эти произведения становятся доступны только русской эмиграции, которая весьма прохладно относится к Цветаевой из-за установившихся связей её мужа с НКВД.

Карин Бойе в 1920–30-е гг. переживает период расцвета своего творчества. Она становится одним из лидеров шведского модернизма. Однако её душевные терзания имеют в своей основе те же причины, что и у Цветаевой: невозможность найти адекватное выражение своим чувствам и стремлениям, а также нарастающее ощущение ужаса от происходящего в Европе и Советской России. В середине 1920-х годов Карин Бойе пытается симпатизировать левому движению, что, по мнению некоторых исследователей [7], вызвано её желанием стать «нормальной» девушкой и влиться в прогрессивное движение своего времени. Она вступает в организацию «Кларте», куда входили многие мэтры шведского литературного сообщества, такие как Сельма Лагерлёф и Эллен Кей. В 1925 г. выходит её стихотворный сборник «Очаги». Хрестоматийным становится стихотворение «В движении», очень ярко отражающее тогдашнее настроение Бойе:

День сытости никчемен и безлик.
День жажды – он воистину велик.
Есть цель и мысль у нашего пути,
но суть не в них, суть в том, чтобы идти.
Нет выше цели, чем к исходу дня
хлеб преломить у жаркого огня.
На новом месте спится без забот
и снятся сны, в которых всё поёт.
В дорогу! Новым утром дышит грудь.

Опасен и прекрасен вечный путь.

(Перевод И. Бочкарёвой)

Но в 1928 году Карин Бойе вместе со своими соратниками по «Клартэ» совершает учебную поездку в Советский Союз, посещает Москву и Ленинград. Эта поездка произвела на неё гнетущее впечатление и заставила отойти от социалистических идей. Впоследствии опыт, полученный во время поездки, был использован ею при написании ставшего знаменитым романа «Каллокаин», действие которого происходит в тоталитарном государстве, и который явился первой шведской антиутопией. В 1935 году выходит сборник, признаваемый многими в качестве лучшего в её творчестве, «Ради дерева». Но литературный успех сочетается для Карин Бойе со всё более глубоким духовным кризисом. Огромным потрясением для неё стала разразившаяся Вторая мировая война. Нацистская Германия захватила Данию, и Бойе поехала туда участвовать в шведском культурном вечере, устроенном датчанами в противовес попыткам нацистов распространить в Дании немецкую культуру. Однако она воспринимала милитаристское усиление Германии и СССР как надвигающуюся мировую катастрофу. Тревожное состояние усиливал фактический любовный треугольник, в который она попала в 30-е годы. Её без памяти любила её подруга немка Марго Ханэль, которой Бойе не могла ответить взаимностью, поскольку сама продолжала быть влюблённой в Аниту Наттхорст, которая умирала от рака кожи. Болезнь Наттхорст окончательно подорвала душевные силы Карин Бойе, и 23 апреля 1941 г. она приняла смертельную дозу снотворного.

Цветаева после долгих внутренних терзаний в 1939 г. всё-таки решила последовать за мужем и дочерью и вернуться в СССР, однако воссоединение семьи продлилось недолго. Через несколько месяцев дочь и муж были арестованы, а поэтесса с юным сыном Георгием в 1941 г. отправлена в эвакуацию в Елабугу. Там Цветаева, не в силах больше выносить происходящее, покончила с собой, всего лишь на четыре месяца позже, чем Карин Бойе.

Таким образом, можно констатировать значительное количество биографических и творческих параллелей между двумя виднейшими представительницами женской поэзии в Швеции и России, что может послужить основой для дальнейшего углублённого сопоставительного изучения их творчества.

Список использованных источников

1. *Алешин, А. С.* «Шведский Есенин». Творчество Дана Андерссона сквозь призму биографических и литературных параллелей // Вестник Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. профессора М. А. Бонч-Бруевича. 2018. № 10. С. 195–200.

2. *Алешин А. С.* Я. Сёдерберг и И. А. Бунин в литературном и биографическом преломлении // Вестник Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. профессора М. А. Бонч-Бруевича. 2019. № 11. С. 248–254.

3. Марина Цветаева об искусстве. Москва, 1991. 479 с.

4. *В. Брюсов.* Новые сборники стихов // Марина Цветаева в критике современников. Москва, 2003. 653 с.

5. *Гаспаров М. Л.* О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики. - Санкт-Петербург , 2001. С. 136–149.

6. *Скрипова О. А.* Эволюция поэтической системы Марины Цветаевой. Екатеринбург, 2018. 139 с.

7. *McDuff D.* Karin Boye – a biographical profile.

Алёшин Алексей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, alexis001@mail.ru

УДК 821.111

Д. Г. Алилова

МИФОЛОГЕМА ДРАКОНА В «ТРИУМФЕ ОУЭНА» Т. ГРЕЯ

J. Alilova

MYTHEME OF THE DRAGON IN THOMAS GRAY'S «THE TRIUMPHS OF OWEN»

В статье рассматривается религиозно–философская и мистическая проблематика мифологемы дракона в «Триумфе Оуэна» (1768) Т. Грея. Красный (валлийский) дракон представлен поэтом как символ Кадвалладра, который неизменно присутствовал на знаменах всех его потомков. В статье проводится сравнение красного дракона Уэльса с аналогичными воплощениями драконов в других странах, в большинстве из которых дракон представлен как часть дуальной системы Добро–Зло, а в некоторых, включая и дракона Уэльса, – как посредник между земным и космическим.

Ключевые слова: мифологема, дракон, эпоха Просвещения, Томас Грей.

The article deals with mystical and religious-philosophical issues of mytheme of the Dragon in Thomas Gray's «The Triumphs of Owen» (1768). The red (Welsh) Dragon was presented by the poet as a symbol referring to Cadwallader, which his descendants always bore on their banners. In the article the comparison is made between the red dragon of Wales with the dragons in other cultures, most of them symbolizing a dual system of good and evil and some of them, inclusive the Welsh dragon, were believed to be mediators between Heaven and Earth.

Keywords: mytheme, the Dragon, the Age of Enlightenment, Thomas Gray

Томас Грей, выдающийся поэт эпохи Просвещения, первым из английских поэтов обратился к изучению и переводу лучших образцов старинной кельтской поэзии. «Триумф Оуэна» (опубл. 1768) Грея восходит к одноименной оде «Триумф Оуэна Гуинедда» (Arwyrain Owain Gwynedd, около 1260 г.), созданной валлийским бардом XIII в. Гуэлхмэем ап Мейлиром (Gwalchmai ap Meilyr). Победная песнь средневекового барда настолько ярко, но в то же время «завуалировано» запечатлела одно из важнейших событий на Британских островах, что спустя пять столетий, при «расшифровки» старинного поэтического текста, изобилующего символами, метафорами, эллипсами потребовались значительные усилия не только Эвана Эванса, валлийского поэта и переводчика, но и Грея, авторитет которого и в литературных, и в научных кругах был невероятно высок. Примечательно, что валлийские переводчики, в том числе и Э. Эванс считали за честь проконсультироваться с Греем в отношении древних кельтских сказаний, а известный сборник Эванса «Образцы сочинений старинных валлийских бардов» (Some Specimens of the Poetry of the Ancient Welsh Bards,1764) проходил рецензию Грея. Доподлинно известно, что Грей также работал непосредственно с оригинальным средневековым текстом Гуэлхмэя, хотя в отношении его уровня владения валлийским языком исследователи до настоящего времени не пришли к единой точке зрения.

Благодаря английскому переводу «Триумфа Оуэна», выполненному Греем, широкому читателю представилась возможность узнать о славной победе кельтских воинов под предводительством Оуэна над вторгнувшимися на их земли англо–саксонскими завоевателями. И эта победа героев–защитников Камбрии (Камбрия – старинное название Уэльса) была одержана под штандартами с изображением красного дракона – национального символа валлийцев.

Известно, что Оуэн Гуинедд, правитель Северного Уэльса (1137–1170), был прямым потомком Родерика Великого, правившего Уэльсом в 844–878 гг., который в дальнейшем поделил свое княжество между тремя сыновьями. В 1137 г. Оуэн

наследовал престол от своего отца Гриффина ап Синана. Таким образом, описываемое в «Триумфе Оуэна» сражение произошло спустя 20 лет после его восшествия на престол.

Развернутого изображения битвы нет ни в валлийском оригинале, ни в стихотворном переложении Грея. Однако, согласно А. Джонстону, героические события, воспетые в оде Гуэлхмэя, до сих пор недостаточно четко определены. [5, с. 280]. Известно, что валлийское сказание было создано в ознаменование победы Оуэна над тремя объединенными флотилиями, выступившими под эгидой Генриха II в его стремлении завоевать Уэльс в 1157 г. Местом сражения в сказании Гуэлхмэя называется Тал-и-Моелфри (Tal y Moelfre), расположенное на северо–восточном побережье Англси. Стремясь сохранить поэтику старинного сказания, Грей изображает кровопролитное сражение отдельными штрихами, «высвечивая» отдельные моменты, стремительно сменяющие друг друга, со всей их непоследовательностью, непредсказуемостью, хаотичностью, отчасти объяснимой особенностью сражения, когда с одной стороны единым фронтом выступают представители трех народов.

По замечанию А. Джонстона, несмотря на то, что Грей, в целом, следует поэтике старинных сказаний, его перевод «Триумфа Оуэна» характеризуется большей последовательностью и ясностью повествования, чем валлийский оригинал [5, с. 280–281].

Отрывок «Триумф Оуэна» состоит из трех строф, в которых прослеживается динамика последовательного увеличения количества стихов: 8, 10, 18. В 20-м стихе отрывка звучит наивысшая похвала, которая когда-либо может воздастся кельтскому герою, а именно – Оуэн назван сыном дракона из Моны:

Dauntless on his native sands
The Dragon–son of Mona stands;
In glittering arms and glory dressed,
High he rears his ruby crest. («The Triumphs of Owen», ll. 19–22).

Бесстрашен на земле родной –
Дракона сын из Моны в бой
В доспехах, блещущих с небес,
Вознес над всеми красный крест. (Перевод мой. – *Д. А.)*

Остров Мона – древнее название острова Англси, что на севере Уэльса, священное место, центр обрядов друидов с их важнейшими святынями.

Для воссоздания поэтики древних сказаний Грей широко использует старинные стихотворные приемы, прежде всего эллипсы, о чем убедительно свидетельствуют процитированные стихи (строки 19–20), где протагонист представлен как сын дракона из Моны [4, с. 36]**.** В примечаниях Грей отмечает: «Красный дракон – символ Кадваладра, неизменно присутствовал на знаменах всех его потомков» [4, с. 221]. Действительно, вот уже почти полтора тысячелетия флаг с изображением красного дракона обычно ассоциируется с королем Кадвалладром из Гуинедда (655–682). Этот символ красного дракона был хорошо известен и в континентальной Европе. О нем упоминали Плиний Старший, Гален, а в дальнейшем схоласт Мавр (776–856). Единой точки зрения на происхождение этого символа не существует: кельты могли заимствовать его как у римских легионов, так и, впрочем, иметь его на вооружении (и не только в качестве военного символа) еще до вторжения Юлия Цезаря в 55–54 гг. до н. э. и завоевания Британии Клавдием в 43 г. до н. э. Одно из ранних упоминаний этого мифологического символа встречается в «Теогонии» («Родословная богов») Гесиода (VIII–VII вв. до н. э.), поэта и рапсода, представителя направления генеалогического эпоса. Он употребляет сочетание «змей-дракон» дважды. Издревле этому символу приписывались магические свойства: он был изображен на носах кораблей древних викингов, служа им защитой, оберегом.

Если использовать исторический и социологический подход к расшифровке символа красного (*здесь* валлийского) дракона, то он означает мор, чуму. Однако понимание этого таинственного существа на протяжении тысячелетий и еще задолго до принятия христианства на Британских островах было амбивалентным даже в пределах одного континента. На это указывает и Дж. Фрэзер в «Золотой ветви», где вместо дракона многократно упоминается змей (даже многоглавый змей) как инвариант несуществующего мифологического чудовища [2, с. 38, 145–146]. В работе же «Фольклор в Ветхом Завете» Фрэзер непосредственно апеллирует к змею в уже совершенно иной интерпретации, приводя, в частности «Легенду о сбрасываемой коже», в которой рассматривается культ змея в контексте зоолатрии, тотема и др. [3, с. 43–51].

В мифологических сказаниях постоянно раскрывается двойственная природа дракона: дракон не только антагонист человека, но и воплощение высших сил природы. Это понимание характерно для мифологической системы древнего Китая, финикийцев, древних германцев. В скандинавской мифологии, Змей Миргарда Ёрмунганд (*с др.исл.* букв. «великанский посох»), один из трех хтонических чудовищ, по предположению Е. М. Мелетинского, первоначально был также позитивным элементом пространственной системы мира [1, С. 211]. Именно позитивная ипостась этого мифологического существа представляется доминантной для древних кельтов, использовавших символ дракона на боевых знаменах. У кельтов дракон символизировал власть, лидерство, что отражено в их словообразовании, например, «Pendragon» означает «вождь». В переводе с греческого «дракон» означает «змей» (drakon) и «всевидящий» (derkein). Именно это качество дракона, по поверьям кельтов, – наиважнейшее, было залогом успеха на поле брани. У кельтов дракон наделен качествами наиболее изворотливых и почитаемых воинами животных и птиц: он изображен с горлом и лапами орла, телом змеи, крыльями мыши. Хвост кельтского дракона заканчивается стрелой, устремленной в небо. Так, кельтский дракон играет особую роль как посредник земных и космических сил, т. е. он составляет неотъемлемое звено, связывающее два важнейших жизненных элемента. И поэтому в древности ему приписывались основополагающие характеристики трехуровнего символизма. Первый – высочайший уровень духовности, второй – промежуточный уровень (жизнь смертных), третий – нижний уровень, связанный с силами нижнего мира. В понимании древних кельтов дракон представлен как воплощение самого глубокого и всеобъемлющего космического смысла, как символ «ритмической» жизни; и подобное понимание роли этого мифического существа, по сути, очень близко к представлениям, распространенным, к примеру, в мифологии древнего Китая.

Вот уже более пятнадцати веков валлийский штандарт ассоциируется именно с красным драконом. Красный дракон, как известно, это и символ легендарного короля Артура, сопровождающий его в сражениях. Он – символ высшей власти. Гордым победителем называет красного дракона Мерлин. Одно из древнейших упоминаний красного дракона на Альбионе восходит к легенде о его битве со Светлым драконом (в оригинале желто-белым), символизирующим англов и саксов, которые с IV в. медленно, но неуклонно продвигались с востока в глубь страны. Примечательно, что англо-саксы очень скоро наряду со своей символикой стали использовать и символику (как, вероятно, обладавшую большей силой) своего заклятого врага – древнейшего из британских народов – валлийцев. Так, спустя 15 лет, после того как в 1400 г. штандарт с красным драконом использовал Оуэн Глиндоуэр (Glyndwr), возглавивший восстание против завоевания Уэльса английской короной, валлийский стяг был использован английскими войсками в битве при Азенкуре в 1415 г. Но самая знаменательная страница в истории дракона Кадвалладра относится к 1485 г., когда под знаменем с изображением красного дракона войска Генри Тюдора (Ланкастера), имеющего валлийские корни, одержали победу над Ричардом III в битве при Босворте. После этого

сражения Генри Тюдор взошел на английский трон и вскоре водрузил флаг с красным драконом в Соборе Святого Павла.

Судьба кельтских героев из «Триумфа Оуэна», их победы во многом зависят от покровительства дракона, его расположения, ибо в драконе сосредоточены все стихии, представляющие основные виды энергии: он пышет огнем, у него есть чешуя, ему дано летать, он умеет превращаться в камень. Именно на поле брани под знаменами с изображением червленого дракона воинам дано раскрыться в своих лучших качествах. В «Триумфе Оуэна» предводитель личным примером вдохновляет собратьев по оружию, собственным примером увлекая их на бой с норманнами. При этом дракон (в данном примере изображение дракона) превосходит воина практически во всем – штандарт с красным драконом веет над сражающимися, помогая противостоять врагу; благодаря своей природной мощи, дракон заряжает своей силой тех, кто почитает его, кто идет за ним.

Резюмируя изложенное, хотелось бы отметить, что, в отрывке «Триумф Оуэна» Грея, мифологема дракона играет особую роль, поскольку в драконе сосредоточены все стихии. Красный дракон – связующее звено между земным и космическим. Именно поэтому его изображение на валлийских знаменах вдохновляет воинов, помогает противостоять врагу и одержать триумф. Валлийский (красный) дракон представлен как символ Кадвалладра, который неизменно присутствовал на знаменах всех его потомков. Обладая сверхъестественными способностями, дракон на валлийских штандартах, выступает как посредник земных и космических сил.

Список использованных источников

1. Мифология. Энциклопедия / гл. ред. Е. М. Мелетинский. Москва : Большая Российская Энциклопедия, 2003. 736 с.

2. *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. 2-е изд. пер. с англ. М. К. Рыклина. Москва : Политиздат, 1986. 703 с.

3. *Фрэзер Дж. Дж.* Фольклор в Ветхом завете. 2-е изд. пер. с англ. Д. Вольпина. Москва : Политиздат, 1989. 542 с.

4. *Gray T.* The Complete Poems of Thomas Gray, English, Latin and Greek / ed. H. W. Starr, J. R. Hendrickson. Oxford: Clarendon Press, 1966. 284 p.

5. *Johnston A.* Gray's «The Triumphs of Owen». The Review of English Studies. 1960. Vol. 11. № 43. P. 280–281.

Алилова Джульетта Гаджиевна – доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка в сфере востоковедения и африканистики, Санкт-Петербургский государственный университет, alilovaj2003@yahoo.com

УДК 37.034

А. Б. Булатова

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ ОСНОВАХ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ ЗАРУБЕЖНОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

A. Bulatova

AXIOLOGICAL BASIS OF REGIONAL STUDIES BACHELORS' PREPARATION REVISITED

В статье обосновывается актуальность исследования и рассматривается современное состояние проблематики профессионально-ценностных ориентаций в ходе профессиональной подготовки в вузе. Доказывается необходимость применения аксиологического подхода в языковой подготовке бакалавров регионоведения в современных условиях.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, регионоведение, профессиональная подготовка.

The article is devoted to the issues and current state of axiological basis research at the university stage of career preparation. The author justifies the necessity of axiological approach in linguistic preparation of regional studies experts.

Keywords: values, value orientations, regional studies, career preparation

Социологические исследования российской молодежи последних лет отличаются достаточно тревожными данными в отношении ее трудоустройства. Так, согласно данным Росстата за 2019 год только 52,6 % получивших высшее образование лиц выполняют работу, полностью соответствующую полученной специальности. Еще 20,9 % трудоустроены в близкой к полученной специальности, а 26,5 % работают в совсем другой сфере. При этом доля работающих по специальности выше среди получивших техническую специальность, чем среди тех, кто обучался на гуманитарных специальностях [1, С. 64].

Характерным для современного состояния отечественной экономики является доминирование индивидуалистических и прагматических ценностей среди молодого поколения. По мнению 79,2 % студентов, опрошенных в ходе масштабного общероссийского социологического исследования, работа должна быть хорошо оплачиваемой, 48,2 % полагают, что она должна быть интересной и всего 12,5 % считают, что она должна приносить пользу обществу [2, С. 395]. Кроме того, исследователи отмечают новое явление, широко распространяющееся в России, - прекариат (от англ. *precarious* (нестабильный) и proletariat), или новый социальный слой, характеризующийся отсутствием постоянной занятости и не идентифицирующий себя ни с какой профессиональной группой.

Данные факторы в совокупности грозят депрофессионализацией российского рынка труда, что требует совершенствования профессиональной подготовки, особенно в тех сферах, где затрагиваются международные интересы России.

Как известно, выпускники направления Зарубежное регионоведение призваны привлекать иностранные инвестиции и продвигать интересы российского государства и бизнеса, руководствуясь комплексными знаниями об изучаемом регионе, включая знание культуры, истории, экономики, политики, в связи с чем вопросы их подготовки, равно как и международников, становятся наиболее актуальными в условиях неспокойной международной обстановки.

В последнее десятилетие ученые все чаще высказывают мнение о том, что достижение профессионализма невозможно без сформированной профессиональной идентичности, свидетельствующей об осознании человеком своей профессии как призвания. Е.В. Воевода определяет профессиональную идентичность как «осознание принадлежности, отождествление личности с представителями какой-либо профессии по тем или иным параметрам, которые вкупе образуют набор необходимых и достаточных дескрипторов соответствующей профессии» [3]. В первой половине постсоветского периода большая часть исследований была посвящена вопросам идентичности в педагогической, психологической, медицинской сферах, то есть вопросам идентичности работников бюджетной сферы, оплата труда которых не была оценена по достоинству в изменившихся экономических условиях. Однако в последнее время вопрос профессиональной идентичности стал рассматриваться и в связи с более престижными профессиями, о чем свидетельствуют защищенные диссертации: Формирование профессиональной идентичности военных переводчиков в процессе языковой подготовки в образовательной среде военного вуза (Шевченко Б. А. 2021), Роль и место иностранного языка в формировании профессиональной идентичности экономистов-международников в условии междисциплинарного взаимодействия (Быкадорова Т. Ю. 2019), Формирование профессиональной идентичности студентов-международников в условиях российского вуза (Карпов В. В. 2019) Данный факт может быть объяснен тем, что ключевым элементом профессиональной идентичности являются ценности, отражающие социально-политические, экономические и духовные трансформации в обществе,

которые в настоящий момент претерпевают изменения. Как считает Н.Л. Худякова, система ценностей личности, будучи ядром мотива деятельности человека, задает направленность активности человека и выступает в качестве основного регулятора деятельности. Реализация личностных ценностей придает смысл жизни человека. В случае смены ценностей новый смысл не приобретается, а старый уже не вписывается в новую картину мира. Автор отмечает, что готовность к профессиональной деятельности включает в себя три основных компонента:

1) знания, которые представлены как целостная картина мира в сознании выпускника;

2) освоенные виды, средства и способы деятельности;

3) личностную систему ценностей [4, с. 85–90]

Аксиологический (или ценностный) компонент подготовки выпускников выделяют как обязательный и другие современные ученые – З. Н. Никитенко, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов, В. А. Сластенин, О. И. Трубицина и др. Заметим, что понятие «ценности» характеризуется многозначностью трактовок в связи с тем, что рассматривается с точки зрения различных наук – философии, психологии, социологии, культурологии, этики, антропологии. В научной литературе представлено более сотни определений рассматриваемого понятия. В педагогической литературе наряду с понятием «ценности» часто используется термин «ценностные ориентации», введенный социологами У. Томасом и Ф. Знанецким, по мнению которых основные социальные ценности интернализуются в сознании индивида. При этом индивид не только свободно ориентируется на социальные ценности других, но и анализирует их и на этой основе формирует свои ценности, а также принимает участие в выработке ценностей группы. [5, с. 15] Вслед за В. Г. Алексеевой мы понимаем ценностные ориентации как «форму включения общественных ценностей в механизм деятельности и поведения личности, как ступень перехода ценностей общества в деятельность субъекта» [6, с. 64]

Для человека становится значимым, только то, что каким-то образом вошло в его жизненный опыт, было оценено и соотнесено со своими желаниями и возможностями. Эффективность же профессиональной деятельности зависит от построения личностью в процессе профессионального развития своей системы ценностей и соотношения внешних требований профессии, профессионального сообщества и своего внутреннего мира. В этой связи аксиологический подход является незаменимым для приобщения личности будущего специалиста к профессиональным ценностям, формирования его доминирующих профессиональных смыслов.

Тематика ценностей и ценностных ориентаций достаточно широко освещена в научной литературе. Различные аспекты ценностной сферы личности представлены в трудах Б. Д. Парыгина, Д. А. Леонтьева, В. П. Бранского, В. В. Гаврилюк, Н. А. Трикоз. Общая теория ценностей разрабатывалась А. Г. Здравомысловым, Б. Г. Ананьевым, В. А. Ядовым, М. Рокичем., М. С. Каганом. Ведущую роль профессиональных ценностей в становлении личности как профессионала рассматривали Э. Ф. Зеер, И. Ф Исаев, И. А. Зимняя, Е. А. Климов, А. К. Маркова, Ю. П. Поваренков, Н. С. Пряжников, В. А. Сластенин.

Диссертационные исследования начала 21 в. по затронутой проблематике посвящены вопросам формирования ценностных ориентаций чаще всего педагогов (Воденникова Л. А, Долгушина Н. А., Красилова Е. С., Емельянова И. Е. и др), подростков (Воробьева В. В., Суворова В. А, Бабина А. А. и др), студентов (Мушкирова А. Н., Колосова И. Г., Руднева Е. Л). Однако среди них отсутствуют работы, рассматривающие профессионально-ценностные ориентации регионоведов.

Практически не отражены в диссертационных исследованиях вопросы формирования ценностных ориентаций в процессе обучения иностранному языку, несмотря на большой аксиологический потенциал иностранного языка, отмечаемый учеными. Как справедливо замечает Ю. А. Комарова, иноязычное образование является «базисом

устойчивого аксиологического развития современного общества, что позволяет объединять людей за счет привития общих ценностей и нравственных идеалов» [7]. В то же время поликультурная направленность современного языкового образования, основанная на диалоге культур, позволяет не только приобщиться к мировому культурному наследию, но и взглянуть на собственную культуру с другой стороны, осознать ценности родной страны, готовя тем самым выпускника к равностатусному межкультурному общению. Однако, аксиологический потенциал дисциплины иностранный язык не ограничивается данным аспектом. Исследователи отмечают широкий круг профессионально-ориентированных ценностей, которые могут быть сформированы с помощью иностранного языка:

- ценности, утверждающие роль личности специалиста в профессиональной среде (общественная значимость, статус, престижность, признание);
- ценности, связанные с удовлетворением прагматичных потребностей (иноязычное общение, карьера, академическая мобильность, и др.);
- социальные ценности, включающие значимость труда, ответственность и возможность самореализации;
- психологические ценности, предполагающие возможность творчества, самореализации и раскрытия индивидуальности;
- профессиональные ценности, нацеленные на овладение новыми знаниями и технологиями, а также на возможность неограниченного профессионального роста и самосовершенствования. [8, 9]

Таким образом, в условиях смены ценностной парадигмы в обществе аксиологический компонент становится неотъемлемой частью профессиональной подготовки в вузе. В настоящий момент остаются нерешенными вопросы выделения ценностных основ профессиональной деятельности бакалавра в области Зарубежного регионоведения, однако очевидно, что языковое образование предоставляет возможность создания учебного языкового дискурса, позволяющего студентам увидеть особенности будущей профессии и «примерить» их на себя.

Список использованных источников

1. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019: Стат.сб. / Росстат. Москва, 2019. 352 с.

2. *Горшков М. К.,* Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.

3. *Воевода Е. В.* Формирование профессиональной идентичности специалиста-международника в учебном языковом дискурсе // Языковой дискурс в социальной практике. Материалы международной научно-практической конференции. – Тверь: ТвГУ, 2008. С. 50–55.

4. Аксиологические основы поведения человека : учеб. Пособие. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010, 109 с.

5. *Сурина И. А.* Ценности. Ценностные ориентации. Ценностное пространство. Вопросы теории и методологии. Москва : «Социум», 1999. 184 с.

6. *Алексеева В. Г.* Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психол. журн. 1984. Т. 5. № 5. С. 63–70.

7. *Комарова Ю. А.* Аксиологические ориентиры современной системы иноязычного образования // Инновационная наука. 2015. №8–1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskie-orientiry-sovremennoy-sistemy-inoyazychnogo-obrazovaniya (дата обращения: 01.11.2021).

8. Аксиология иноязычного педагогического образования: монография / коллектив авторов; по итогам Международного научно-практического форума, посвященного 65-летию кафедры методики преподавания иностранных языков (Москва 6-7 декабря 2019 г.) /М.А. Ариян [и др.]; под ред. А. К. Крупченко, С. В. Чернышова. Москва : МПГУ, Г. Ю. Крюков, 2020. 376с.

9. Аксиология иноязычного образования. Вып. 2. В 2-х кн. Кн. 2. Аксиологические аспекты иноязычной подготовки в вузе / отв. за вып. А. К. Крупченко, А. Н. Кузнецов. – Москва: АПКиППРО, 2015. 264 с.

Статья представлена научным руководителем, доктором педагогических наук, профессором кафедры методики обучения иностранным языкам РГПУ им. А. И. Герцена Ю. А. Комаровой.

Булатова Анастасия Борисовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Санкт–Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, bulatova25a@gmail.com

УДК 347.78.034

Е. А. Горшкова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ГРУППАХ СТУДЕНТОВ-МАТЕМАТИКОВ И СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ (ИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ)

E. Gorshkova

SOME PROBLEMS OF ENGLISH TECHNICAL TEXT TRANSLATION IN GROUPS OF MATHEMATICS STUDENTS AND ENGINEERING STUDENTS (FROM PEDAGOGICAL PRACTICE)

В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются студенты-математики и студенты инженерных специальностей при переводе научно-технической литературы. Особое внимание уделяется лексическим трудностям перевода. Приводятся примеры наиболее часто совершаемых студентами ошибок при переводе научно-технической литературы.

Ключевые слова: проблемы, перевод, научно-технические тексты, студенты-математики, студенты инженерных специальностей.

The article deals with the problems faced by the students studying Mathematics and Engineering while translating scientific and technical literature. Special attention is paid to the lexical difficulties of translation. The examples of the most frequent mistakes made by students when translating scientific and technical literature are given.

Keywords: problems, translation, scientific and technical texts, students of Mathematics, students of Engineering.

Перевод текстов в наши дни частично решается путем, так называемого машинного перевода. Однако, как заметил в середине прошлого века один из крупнейших специалистов в этой области Дж. Д. Бернал, машинный перевод еще долго не сможет заменить человеческий [4, с. 205]. Действительно, это справедливо по отношению к большинству текстов, и в первую очередь, по отношению к математическим текстам, и текстам в области инженерии, а к таким относится очень большая группа текстов, поскольку за последние годы математика далеко вышла за рамки своей сугубо математической области, а инженерная наука также расширяется, включая в себя всё больше и больше новых областей науки и технологии.

Опыт работы в течение 29 лет в группах студентов-математиков и студентов инженерных специальностей показывает, что студенты-математики, а также студенты инженерных специальностей быстро усваивают схему английского повествовательного предложения: подлежащее + сказуемое + дополнение, и у них, как правило, не бывает сложностей с тем, чтобы определить, где в предложении находится

подлежащее, где сказуемое, дополнение и другие члены предложения, тем более, что, традиционно, в подавляющем большинстве вузов нашей страны, проводится обучение переводу, опирающееся на структуру предложения, а не на отдельные части речи. Этому вопросу было посвящено много различных методических разработок, сделанных в различные годы преподавателями многочисленных отечественных вузов. Тренировочные грамматические упражнения способствуют тому, что у студентов вырабатываются навыки перевода отдельных грамматических структур английского языка, также, студенты с математическим складом ума быстро осваивают структуру грамматики английского языка, поскольку она укладывается в несколько таблиц, а перевод ряда грамматических структур хорошо вписывается в определенные алгоритмы. Алгоритмы хорошо воспринимаются студентами-математиками и студентами инженерных специальностей, и, по словам В. В. Банкевича студентам «легче перейти на новый способ анализа грамматических и лексико-грамматических трудностей в текстах» [1, с. 3].

Однако, с нашей точки зрения, стоит более подробно остановиться не на грамматической составляющей математического (технического) перевода, а на лексической, причем на том пласте лексике, где студенты чаще всего делают ошибки при переводе. Во-первых, это группа так называемых ложных друзей переводчика. При переводе научно-технических текстов, в первую очередь этими «ложными друзьями переводчика» являются такие слова как «problem», «technique», «procedure», «figure», «simulation», «real», «extra», «effect». Довольно часто, студенты пытаются перевести эти слова неправильно, то есть «problem» как «проблема», а не как «задача», «technique» как «техника», а не как «метод», «procedure» как «процедура», а не как «методика», «figure» как «фигура», а не как «рисунок» или «цифра», «simulation» как «симуляция», а не как «моделирование», «real» как «реальный», а не как «действительный», «extra» как «высокого качества», а не как «дополнительный», «effect» как «эффект», а не как «влияние», «list» как «лист», а не как «список». Например, при работе с текстом учебника о высшем образовании в России, предложение: «Seven Russian universities make top 100 list of the best universities in the BRICS countries» [5, с. 168] было переведено, как: «Семь российских университетов составляют лист ста лучших университетов стран БРИКС», вместо предложения: «Семь российских университетов входят в список 100 лучших университетов стран БРИКС».

При тренировке и выполнении упражнений с ложными друзьями переводчика, тем не менее, следует помнить, что некоторые «ложные друзья переводчика» всё же могут использоваться в своем так называемом «ложном» смысле. Например, «standard» по контексту может переводиться не только как «эталон», но и как «стандарт», «effect» не только как «влияние», но и как «эффект», «problem» не только как «задача», но и как «проблема» [3, с. 15].

Безусловно, трудности перевода связаны и с таким пластом лексики, как паронимы, т. е. слова, сходные по звучанию и морфемному составу, но различающиеся по значению. Возьмем, например, паронимы «date» (дата) и «data» (данные, сведения). Как правило, студенты правильно переводят слово «data», но последнее время всё чаще, почему-то, неправильно переводят слово «date». Путаница происходит и с такими паронимами, как «employer» (работодатель) и «employees» (работники), «economics» (экономика как наука, которую изучают) и «economy» (экономика, народное хозяйство страны), а также (экономия). Хотя слова «vocation» (призвание, профессия, род деятельности) и «vacation» (каникулы - американский вариант) обычно путают при произнесении, но бывали случаи, когда их путали при чтении или написании.

Очень часто ошибки совершают при переводе таких наречий, как «hardly» (вряд ли, едва ли), «nearly» (почти), «lately» (недавно, за последнее время), «highly» (очень, весьма), «greatly» (очень), «mostly» (в основном), «shortly» (вскоре), путая их с наречиями «hard» (тяжело, упорно), «near» (рядом) «late» (поздно) «high» (высоко), «great» (здорово, замечательно) , «most» (весьма, наиболее) «short» (кратко), форма которых

совпадает с прилагательными «hard» (тяжелый, упорный), «near» (соседний), «late» (поздний), «high» (высокий), «great» (великий), «most» (наибольший), «short» (короткий, краткий). Иногда, это приводит к забавным переводам, например, предложение из контрольной работы на времена: «Hardly had he finished his experiment when his colleagues learnt about his discovery». (Не успел он завершить опыт, как его коллеги узнали о его открытии), было переведено следующим образом: «Он тяжело закончил свой эксперимент, когда его коллеги выучили о его открытии». Здесь неправильно переведено не только наречие «hardly», но и глагол «to learn», который может иметь значение «изучать» и «узнавать».

Соответственно, ошибки допускаются и при переводе многозначных слов, перевод которых следует выводить из контекста или других слов, окружающих данное слово. Так, например, сложность может представлять собой прилагательное «academic», которое в различных сочетаниях может передаваться как «учебный», «научный», «ученый», «академический», «чисто теоретический». Academic year - учебный год, academic discipline – научная дисциплина, academic degree – ученая степень, academic hour – академический час, academic argument – чисто теоретическое доказательство, academic department – кафедра университета (факультет университета).

Department может означать и «кафедру», и «отделение», и «факультет университета». В тексте учебника в двух стоящих рядом предложениях слово «department» переводится по-разному. «Academic departments were assigned to research institutes. The first evening and correspondence departments and institutes were opened». [5, с. 168]. (За исследовательскими институтами закрепились кафедры. Первые вечерние и заочные отделения и институты были открыты).

Можно также привести в качестве многозначного слова, прилагательное «complex» (сложный, комплексный). «Complex system» – «сложная система», но «complex number» – «комплексное число». Очень часто студенты неправильно переводят слово «concept» (понятие, концепция). Например, в учебнике «Английский язык для математиков» в предложении: «In its beginning with Thales in the sixth century B. C. Greek geometry had relied on an unspecified intuitive concept of «line» and «point» [2, с. 58]. (Начиная с Фалеса в шестом веке до н.э., греческая геометрия опиралась на неопределенное интуитивное понятие «прямой» и «точки»), слово «concept» часто ошибочно переводят как «концепция».

Латинские сокращения, часто встречающиеся в научных текстах, также представляют собой определенную сложность. И если, сокращение В.С. не вызывает у студентов проблем, то они часто недоумевают, встречаясь с такими латинскими сокращениями, как e.g. (exempli gratia) «например», etc. (et cetera) «и прочее», c. (circa) «около», i. e. (id est) «то есть», viz. (videlicet) – «а именно».

Подводя итоги всему вышеизложенному, можно сказать, что пласт научной лексики английского языка вызывает определенные трудности при переводе технических текстов. Однако, как показывает практика, правильное понимание специфики перевода подобных текстов, постоянное обращение к соответствующим словарям и учебным пособиям, способствует выработки у студентов навыков качественного перевода научных текстов по выбранной специальности.

Список использованных источников

1. *Банкевич В. В.* Учебные грамматические и лексико-грамматические алгоритмы для чтения научной литературы на английском языке: учебное пособие. Санкт-Петербург : СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2011. 132 с.

2. *Глушко, М. М., Введенская А. В., Шаншиева С. А.* Английский язык для математиков / под ред. М. М. Глушко. – Москва : Издательство Московского университета, 1971. 208 с.

3. *Климзо, Б. Н.* Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. Москва : «Р.Валент», 2003. 288 с.

4. *Ломб, К.* Как я изучаю языки / пер. с венгерского А. Науменко. Москва : «Прогресс», 1978. 216 с.

5. *Сыроватская, Е. Ф., Желтова Е. П., Комиссаров А. Б., Никифорова Н. Н.* Английский язык в сфере цифровых технологий и телекоммуникаций: учебник. Санкт-Петербург : СПбГУТ, 2020. 287 с.

Горшкова Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций имени проф. М. А. Бонч-Бруевича, gorshkova.e@gmail.com

УДК 378.048.2

Е. П. Желтова, Н. В. Маршева

МОДЕЛЬ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА МАГИСТРАНТАМ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

E. Zheltova, N. Marsheva

BLENDED LEARNING MODEL IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING TO MASTER'S DEGREE STUDENTS AT A TECHNICAL UNIVERSITY

В статье рассматриваются актуальные вопросы гибридного обучения в системе ВО при обучении ИЯ для магистрантов технических направлений неязыкового вуза. Описываются основные черты технологии смешанного обучения, этапы реализации и опыт применения. Приводятся результаты опроса студентов СПбГУТ о предпочтительной форме организации учебного процесса, а также подчеркивается необходимость совершенствования цифровых компетенций преподавателей Института магистратуры для эффективной работы в электронной образовательной среде вуза.

Ключевые слова: смешанное обучение, высшее образование, преподавание иностранного языка, студенты магистратуры, профессиональная компетентность преподавателя вуза.

The article deals with the topical issues of hybrid learning in the process of foreign language teaching to master's degree students at a non-linguistic university. The article describes main features of the blended learning model, the stages of implementation and application experience. The results of a survey of SPbSUT students on the preferred model of learning process are presented. The need to improve teacher's digital competencies to ensure effective learning for master's degree students in the electronic educational environment is emphasized.

Keywords: blended learning, higher education, foreign language teaching, master's degree students, teaching competencies.

Новые требования, предъявляемые к организации учебного процесса в условиях развития пандемии COVID-19, заставляют преподавателей высшей школы уделить особое внимание возможностям смешанного обучения (СО). Формат проведения учебных занятия, гибридный или дистанционный, остро поставил вопрос активного использования цифровых образовательных инструментов.

Термин «смешанное обучение» (blended learning) активно употребляется последние 20 лет, однако, является достаточном общим (зонтичным) и, как следствие, трактующимся по-разному. Под СО иногда понимается объединение образовательных технологий или подходов, самостоятельной работы и групповой, электронное обучение и очное, и т. д. [1]. Основываясь на подходах, предложенных Д.Р. Гаррисон и Х. Канука [2] и Ч. Грэхем [3], можно определить, что смешанное обучение – это технология, позволяющая реализовать оптимальный сценарий преподавания при интеграции традиционного обучения «лицом к лицу» с возможностями цифровых и интернет-технологий. Однако, смешанное обучение – это не простое использование очных форм

работы с использованием электронных инструментов. Особо отмечается необходимость специального проектирования электронной деятельности [2]. Грамотно проведенное проектирование позволяет за счет переноса в электронную среду ряда видов деятельности, выполняемых в аудитории очно, сократить зоны аудиторного взаимодействия [4]. Электронная среда, при этом, должна обеспечивать все виды электронного взаимодействия студента: с учебным материалом, преподавателем, с группой и внутри студенческой группы. Указанные выше признаки СО, позволяют добиться более высокого качества образования, по сравнению с традиционными «лицом к лицу» формами работы. Отличия представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение моделей традиционного и смешанного обучения

Традиционное	Смешанное
низкая степень индивидуализации	повышение степени индивидуализации
ограниченное время для получения обратной связи от преподавателя	возможность получения обратной связи в любом месте и в любое время
ограниченная возможность контроля	расширенный набор средств оценивания и контроля
формирование личных человеческих связей	опосредованное формирование человеческих связей

Согласно положению ст. 16 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» №273-ФЗ, организации, осуществляющие образовательную деятельность, должны создать условия для функционирования электронной информационно-образовательной среды [5]. На сегодняшний день СПбГУТ имеет эффективно-функционирующую электронную информационно-образовательную среду (ЭИОС). ЭИОС СПбГУТ включает совокупность электронных информационных ресурсов, информационных технологий, телекоммуникационных технологий, соответствующих технологических средств, обеспечивающих освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме, независимо от их местоположения. Элементом ЭИОС является университетская среда электронной поддержки учебных курсов на базе ПО moodle со встроенной подсистемой тестирования. Так же студентам доступны разнообразные Интернет-ресурсы, такие как информационные справочные системы, тематические электронные ресурсы, электронные библиотеки.

Используя для анализа схему, предложенную Аллен и Симан [6], можно отметить при организации электронного обучения в СПбГУТ следующее соотношение электронных и традиционных форм работы при организации учебного процесса. (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение электронных и традиционных форм работы

Организация учебного процесса в электрон. виде	Вид обучения	Описание
0 %	традиционный	учебное пособие; лекция
1–29 %	с веб-поддержкой (web-facilitated)	lms.spbgut.ru - система заданий контроля; личный кабинет sut.ru – учебный план, задания
30–79 %	смешанное / гибридное (blended / hybrid)	Lms.spbgut.ru синхронный/асинхронный процесс обучения

Таблица 2

Организация учебного процесса в электрон. виде	Вид обучения	Описание

80–100 %	полное электронное (online)	на этапе становления

При организации СО необходимо организовать в электронной среде (lms.spbgut.ru) не только самостоятельную работу студентов, но и отдельные виды учебной деятельности, которые раньше проводились во время занятия [7]. Полноценное внедрение системы СО в вузе, и, в частности, на кафедре иностранных и русского языков СПбГУТ требует комплексного подхода к развитию электронной образовательной среды, а также решения задач административного и технологического обеспечения, вопросов методологического и педагогического обеспечения.

При построении учебного процесса для преподавания дисциплины «Иностранный язык для научно-исследовательской деятельности» (ИЯ для НИР) для студентов 1 курса Института Магистратуры СПбГУТ используется модель СО, где обеспечиваются различные сочетания аудиторного и онлайн взаимодействия внутри дисциплины. В качестве основной была выбрана технология «перевернутый класс». На пред-аудиторной стадии в электронной среде студентам предлагается материал для самостоятельного изучения. На этапе синхронной аудиторного занятия осуществляется активное взаимодействия: проводится обязательный контроль изученного самостоятельно, затем обсуждение, выполнение заданий, групповая работа и т. д. На пост-аудиторной стадии в электронной среде проводится обязательный контроль самостоятельной работы студентов (СРС). Это позволяет снизить синхронную нагрузку и обеспечивает систематичность СРС. Учебной площадкой является разрабатываемый электронный курс на платформе lms.spbgut.ru (moodle).

Выбор технологии «перевернутый класс» объясняется следующими факторами:

1) экономия времени аудиторного занятия за счет переноса изучение нового материала на пред-аудиторную стадию;

2) индивидуальный подход обеспечивается свободным доступом к информации. Студент имеет возможность изучать материал несколько раз в оптимальном для него темпе;

3) во время аудиторной работы преподаватель имеет возможность использовать задания не только на понимание и применение знаний, но и на анализ, синтез, оценку согласно пирамиде Блума.

использование активных и интерактивных форм заданий повышает вовлеченность студентов в учебный процесс.

Другие технологии СО, которые используются при проектировании СО внутри курса: ротация, усиленный онлайн (на основе МООК), супер-гибкая модель.

СО базируется на принципах компетентностного подхода, поэтому при проектировании курса «ИЯ для НИР» были четко обозначены образовательные результаты, а также система оценивания результатов обучения. После этого была выстроена система учебных действий (аудиторных и в электронной среде) по формированию результатов обучения. Тщательный анализ учебных действия позволил определить, какие действия следует провести синхронно, а какие асинхронно (в электронной среде). Особое внимание было уделено системе оценивания. Следует отметить, что в СО при переносе ряда аудиторных занятий в электронную среду происходит переконфигурация учебного процесса с сохранением высокой интенсивности учебного взаимодействия.

Отмечается, что переход на смешанный формат обучения обуславливается уровнем готовности преподавателя [8]:

1) низкий уровень (low-impact blend). Если у преподавателя нет опыта преподавания традиционного курса, отсутствует опыт проектирования СО, низкий уровень владения электронными технологиями, то преподаватель сможет добавить лишь некоторые мероприятия с использованием электронных средств.

2) средний уровень (medium-impact blend). Если у преподавателя есть опыт преподавания курса в традиционном формате, использования электронных технологий и разработки курса в формате СО, то преподаватель способен заменить ряд компонентов курса новыми онлайн компонентами.

3) высокий уровень (high-impact blend). Если преподаватель имеет продолжительный опыт ведения занятий в традиционном формате, уверенно владеет электронными технологиями, имеет опыт проектирования и разработки форматов СО, то возможна полная перестройка курса в формат СО, что, по сути, означает, разработку нового курса.

Опыт последних двух лет позволяет сделать вывод о большом потенциале СО для развития и решения важных задач учебного процесса в вузе, а также в практике преподавания ИЯ:

1) формируется новый контур учебного процесса. Изменение учебного процесса за счет переноса видов деятельности в электронную среду приводит к снижению аудиторной нагрузки и систематизации СРС.

2) изменяются роли в системе управления обучением. Преподаватель становится не столько источником знаний, сколько организатором учебного процесса. Использование среды LMS (moodle) позволяет указать четкие сроки прохождения курса, критерии оценивания, предоставляет общий доступ к материалам курса и сервисам.

3) активно используются новые технологии. Появляется возможность совместно работать над формированием контента курса. В системе LMS (moodle) это позволяют делать ресурсы wiki, база данных. Так же moodle дает возможности для введения новых элементов оценивания (peer-to-peer - взаимное оценивание), а также социального обучения: взаимное комментирование, рецензирование. Технология «перевернутый класс» уже активно используется преподавателями при проектировании учебного занятия.

4) активно разрабатываются новые форматы контента. Многообразие создающегося мультимедийного контента ставит перед преподавателем задачу тщательного отбора материала с учетом образовательных задач. Появление разнообразных электронных образовательных инструментов требует от преподавателя постоянное совершенствование своих цифровых компетенций.

Таким образом, преодолевается инертность мышления преподавателей, проявляется их готовность к активному овладению новых цифровых технологий.

Для выявления готовности студентов к разным форматам обучения при изучении ИЯ, был проведен опрос студентов первого курса бакалавриата /специалитета и Института Магистратуры СПбГУТ, где предлагалось проранжировать форматы обучения, традиционное, онлайн, смешанное, и, по возможности, объяснить свой выбор.

Результаты опроса среди 74 студентов 1 курса бакалавриата / специалитета, и 44 студентов 1 курса Института Магистратуры СПбГУТ показывают, что большинство студентов (>80 %) предпочитают формат смешанного обучения (рис. 1 и рис.2). Студенты первой ступени ВО на второе место поставили формат традиционного обучения, очное обучение «лицом к лицу», поскольку считают, что оно создает комфортную образовательную среду. Следует отметить, что совместное обучение, позволяет студентам не только развивать когнитивные способности, но и эмоциональный интеллект.

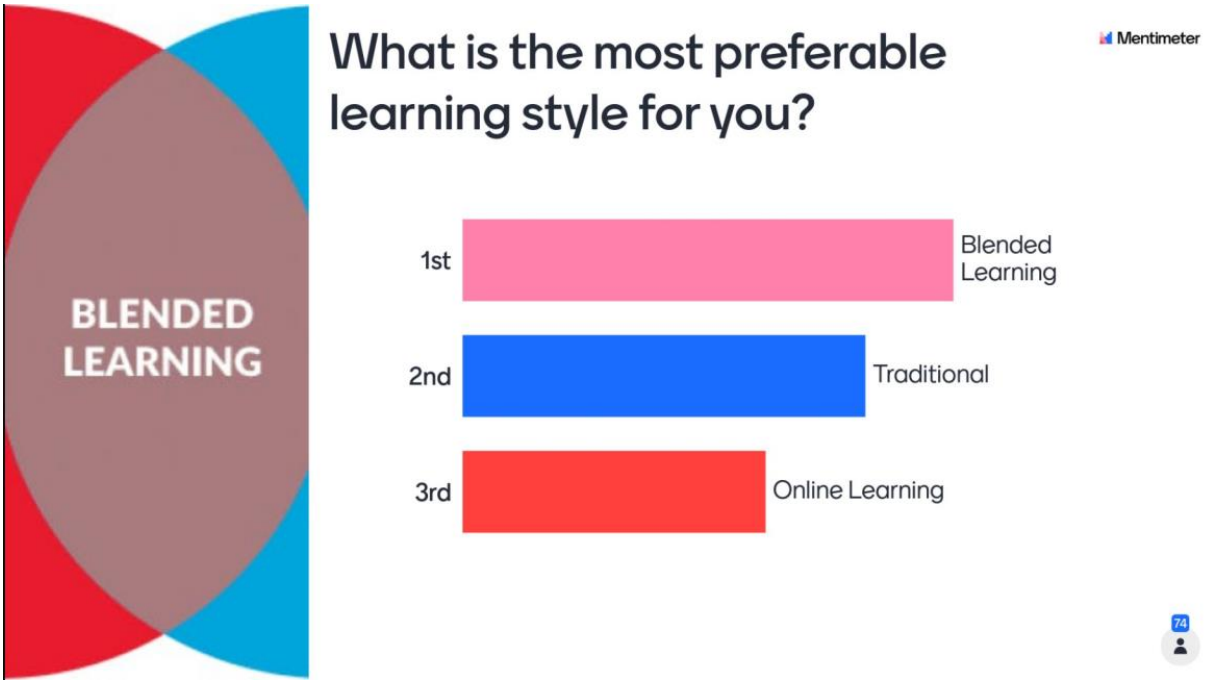


Рисунок 1. Результаты опроса студентов бакалавриата и специалитета СПбГУТ

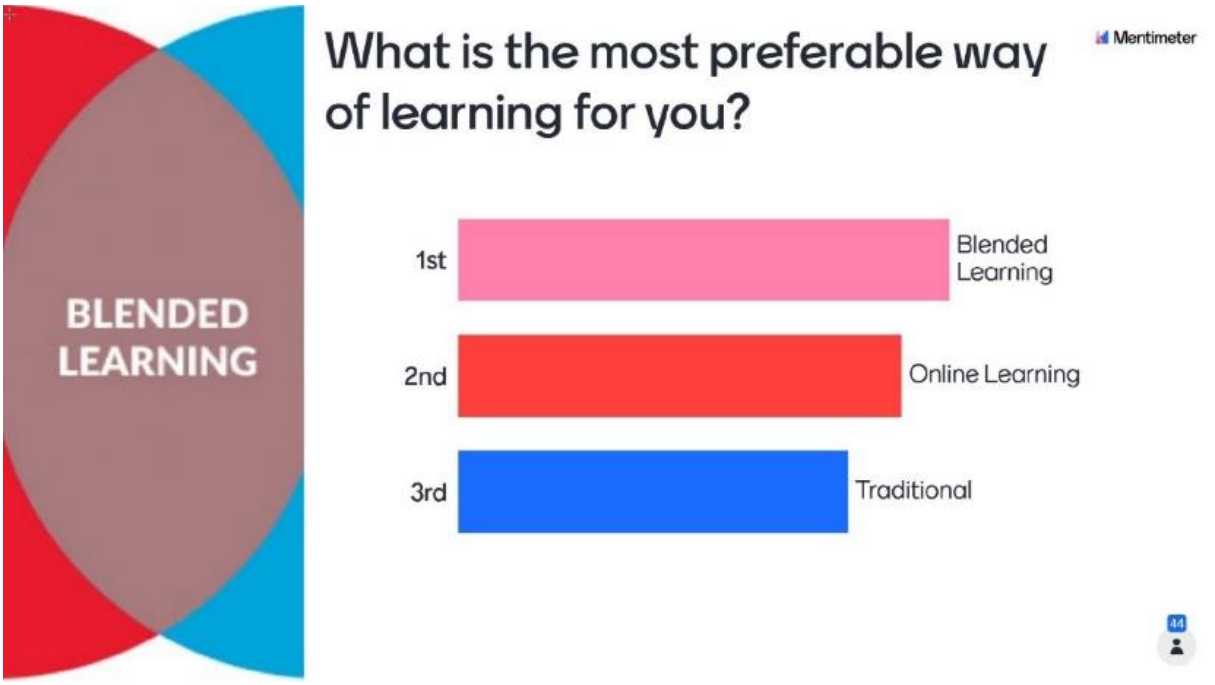


Рисунок 2. Результаты опроса студентов Института Магистратуры СПбГУТ

Однако, студенты Института магистратуры, отметили, что формат онлайн обучения для них является также привлекательным, объясняя, что уже обладают такими надпредметными навыками (soft skills), как управление временем, навыки самообучения, управление ресурсами, самомотивация, и поэтому готовы к обучению в этом формате. Студенты отмечают важность не только самостоятельно определять время, место и скорость изучения материала, но и объем изучаемого материала. У студентов есть возможность изучать материал углубленно, используя электронную среду обучения.

Таким образом, для эффективного обучения студентов требуется постоянное развитие профессиональных компетенций преподавателя и его готовность сочетать в работе современные образовательные технологии и электронные формы подачи материала, а также форм контроля и оценивания. От умения преподавателя эффективно работать в электронной образовательной среде вуза зависит уровень мотивированности и вовлеченности студентов в процесс обучения, и, как следствие, качество обучения.

Список использованных источников

1. *Hrastinski S.* What Do We Mean by Blended Learning?. TechTrends, 63. 2019. P. 564–569.

2. *Garrison D. R., Kanuka, H.* Blended learning: Uncovering its transformative potential in higher education. The Internet and Higher Education, 7. 2004. P. 95–105.

3. *Graham C. R.* Blended Learning Systems: Definition, Current Trends, and Future Directions. Handbook of Blended Learning, 2006. P. 3–21.

4. *Bicen H., Mobina B. M.* Assessing perceptions and evaluating achievements of ESL students with the usage of infographics in a flipped classroom learning environment, Interactive Learning Environments, 2019 DOI: 10.1080/10494820.2019.1666285

5. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Текст с посл. изм. на 1 октября 2021 года. Москва ; Эксмо, 2021. 256 с.

6. *Elaine A. I., Seaman J.* Class Differences. Online Education in the United States, 2010. P. 5–22.

7. *Желтова Е. П.* Elearning при формировании иноязычных коммуникативных компетенций студентов // Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации: материалы всероссийской научно-практической конференции с дистанционным и международным участием. 2018. С. 297–300.

8. *Alammary, A., Sheard J., Carbone A.* Blended Learning in Higher Education: Three Different Design Approaches. Australasian Journal of Educational Technology, 30. 2014. P. 440–454.

Желтова Елена Петровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, elena_gzheltova@mail.ru

Маршева Наталия Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, nmarshevaspb@gmail.com

УДК 372.881.111.1

В. А. Иванова

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕОРЕСУРСОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДИСТАНЦИОННЫХ ЗАНЯТИЙ

V. Ivanova

EXPERIENCE IN USING VIDEO RESOURCES UNDER DISTANCE LEARNING CONDITIONS

В статье рассматриваются некоторые возможности обучения в дистанционном режиме. Приведен опыт использования видео в обучении иностранному языку на онлайн занятиях. Описаны разнообразные задания, способствующие развитию навыков аудирования и разговорной речи и повышающие мотивацию студентов к изучению иностранного языка. Кроме того, упоминаются некоторые ограничения для повсеместного использования видео ресурсов в практике преподавания.

Ключевые слова: дистанционное обучение, преподавание иностранного языка, использование видео материалов.

The article deals with some opportunities that are offered by distance learning. The experience of using video in teaching a foreign language at online classes is introduced. A variety of tasks contributing to the development of listening and speaking skills and increasing students' motivation to learn a foreign language are described. Besides, some limitations for the widespread usage of video are mentioned.

Keywords: distance learning, foreign language teaching, using video materials.

Разработка цифровой стратегии развития высшего образования в России началась задолго до введения ограничительных мер, вызванных распространением пандемии. Многие вузы разрабатывали массовые онлайн курсы, уверенно пользовались системой управления образования (LMS), применяли информационные системы, позволяющие получать доступ к образовательным ресурсам, результатам современных научных исследований и электронным научным библиотекам всего мира.

Однако, именно приостановление работы образовательных организаций в очном классическом варианте, привело к лавинообразному внедрению онлайн технологий в процесс обучения. Режим дистанционного обучения, несомненно, стал вызовом для преподавателей и руководителей образовательных организаций. При подведении промежуточных итогов опыта работы в новых условиях необходимо отметить, что данные форс-мажорные обстоятельства дали уникальный шанс для проб и позволили увидеть особые возможности форматов и методов онлайн образования. Преподаватели вузов осваивали компетенции в области информационных технологий, приобретали навыки создания качественного онлайн продукта, то есть, занятия, обеспечивающего интерактивную коммуникацию.

Годы популярности коротких видео из TikTok и YouTube переформатировали мышление молодых людей, поступающих в вузы. Процесс этот необратимый, и современному преподавателю, перед которым стоит задача стимулирования интереса к изучению английского языка, необходимо обновить образовательные технологии, привести их в соответствие с вызовами и реалиями современности. Однако, не стоит отказываться и от хорошо зарекомендовавших себя инструментов обучения, потенциал которых по разным причинам реализован не полностью. Например, эффективным и общепринятым инструментом при обучении аудированию на занятиях по иностранному языку является использование аутентичных видеороликов. В то же время применение мультимедийных технологий для интеграции видео в дистанционный курс обучения иностранному языку считается огромным шагом вперед [1].

Таким образом, при обучении иностранному языку большую роль играет медиа грамотность преподавателя [2]. Преподаватель должен уметь выбрать правильный видеоматериал для решения поставленных учебных и воспитательных задач, скачать его на компьютер или флэш накопитель, обрезать его при необходимости с помощью онлайн сервисов.

Согласно исследованиям, видео ресурсы применяются в вузах недостаточно широко, и связано это в первую очередь с проблемой оснащения аудиторий необходимым оборудованием [3]. Данное препятствие было устранено во время дистанционного обучения на платформах Google Meet, Microsoft Teams, Zoom и др. Функция демонстрации экрана позволяла демонстрировать любой контент на экране преподавателя с одновременным отображением на экранах устройств студентов.

Данная форма подачи информации с помощью видео имеет в своем арсенале целый ряд преимуществ. Видеоролики помогают студентам стать активными учениками. При самостоятельном просмотре возможность сделать паузу, интерпретировать, обсудить и воспроизвести повторно позволяет добиться максимальной вовлеченности.

Видео моделируют реальные жизненные ситуации. Качественные видео на иностранном языке дают возможность погрузиться в ситуации, подобные тем, в которых студенты могут оказаться в своей будущей профессиональной деятельности при

поездке, например, на международную конференцию (Getting acquainted at a conference, A conversation at an international conference, Asking the way, At the airport).

Кроме того, у студентов есть возможность анализировать жесты и мимику героев видео. Специалисты в преподавании иностранных языков полагают, что не стоит недооценивать роль невербальных средств в процессе общения [4].

Ни один учебник, ни один аудио ресурс не дает возможности освоить данную форму общения.

Просмотр видео выполняет важную роль в процессе формирования межкультурной коммуникативной компетенции. Наблюдая за образцами эффективного делового общения на иностранном языке, студенты получают ценную информацию о принятых в стране изучаемого языка правилах ведения деловых переговоров, общения по телефону, организации встреч и совещаний.

Работа с видео роликами представляет собой смесь развлечения и обучения, а это в свою очередь стимулирует интерес студентов к изучению английского языка и позволяет получить более высокие результаты обучения [5].

Для того, чтобы проявились перечисленные преимущества использования видео ресурсов на занятиях по иностранному языку, преподавателю необходимо провести значительную подготовительную работу. К упомянутым ранее чисто техническим моментам добавляются методические вопросы. Этап занятия, на котором оправдано использование видео, определяется целью занятия и задачами, которые должны быть решены в результате работы с видео материалом. Например, видео в начале занятия настроит студентов на изучение темы, связанной с содержанием видео, повысит их мотивацию к изучению данной темы.

Просмотр видео и выполнение заданий к нему – это отличный способ разнообразить обычное домашнее задание и практиковать навыки вне класса. Например, для большинства иногородних студентов, при изучении модуля “My hometown” просмотр качественного видео о Санкт-Петербурге будет полезным и вдохновляющим. Даже у студентов, которые родились в этом городе, следующее домашнее задание вызовет эмоциональный отклик: Since its foundation, Saint Petersburg has been considered a mysterious city with a history involving numerous mysteries, secrets, and legends. Watch the video and reveal its secrets! На занятии выполнение домашнего задания проверяется с помощью следующих вопросов: What did Peter the Great ban during St Petersburg’s construction? Why was St Petersburg important for Russia strategically? How many fountains are there in the Great Cascade of Peterhof complex? How much gold was used for gilding the roof of the Catherine Palace in Pushkin? и др.

При работе с видеороликами студентам могут быть предложены различные задания.

1. Перед прослушиванием:
– read the title of the video and express your assumptions about the content;
– discuss the questions in groups (the questions that are connected to the main ideas of the video);
– find synonyms to the given words (the words that are used in the video);
– match the words with their definitions.
2. Во время прослушивания:
– complete the table with the missing information;
– fill in the gaps in the following sentences;
– put the phrases into the correct order;
– identify who of the speakers expresses the listed ideas;
– label the parts of the picture (the diagram).
3. После прослушивания:
– summarize the information from the listening passage;
– write a short essay based on the information you’ve heard;

– add the missing information to the text;

– look at the script of the video and act it out.

К каждому видеоролику преподаватель разрабатывает систему упражнений, направленных на развитие аудитивных умений. Например, при изучении модуля "Jobs in IT and Telecommunications" студенты учатся правильно составлять резюме на английском языке, пишут сопроводительные письма, изучают правила и особенности телефонных переговоров с работодателем. Однако, для большинства соискателей самой сложной задачей является прохождение собеседования, тем более на английском языке. Поэтому работа с видео "You're hired" на сайте learnenglish.britishcouncil, несомненно, будет им интересна и полезна. Подготовкой к просмотру может являться беседа о необходимости тщательной подготовки к очному собеседованию с работодателем, о приемах формирования первого позитивного впечатления и о правилах поведения во время собеседования. Результаты этой беседы можно зафиксировать в первой колонке (Already know) таблицы, начерченной в Jam-файле интерактивной доски при организации видео встречи в Google Meet. Вторую колонку (Want to know) таблицы студенты заполняют вопросами, ответы на которые они хотели бы узнать из видео. Для коллективной работы над таблицей им предоставляется право на редактирование с помощью нажатия кнопки «Настройки доступа». Примеры вопросов, которые появились на интерактивной доске: What questions can be asked during a job interview? What mistakes can be made by an interviewee? How can you show your interest in the company and the job? How can you highlight your strengths and weaknesses in the interview? Далее следует первое прослушивание, во время которого студенты фокусируются на второй колонке. Работая в парах, учащиеся дописывают новые вопросы, ответы на которые они получили, и обсуждают ответы. В ходе совместного обсуждения третья колонка (Learnt) заполняется новой информацией, полученной из видео. Далее новая лексика из видео выводится в речь при помощи задания: "Please, recommend your friend to watch this video!"

В заключении стоит отметить, что у данного инструмента обучения, помимо положительных моментов, есть и некоторые ограничения, а именно:

• значительные временные затраты на подготовку данного этапа занятия

• каждый видеоролик имеет свои минимальные требования к качеству соединения (поскольку скорость интернета в час-пик снижается на 20–30 %, то возможны трудности в воспроизведении видео)

• аутентичность видео подразумевает его повышенную сложность в языковом отношении и, следовательно, требует определенного уровня владения иностранным языком

• отсутствие методического обеспечения для работы с видео роликами.

Список использованных источников:

1. *Назаренко А. Л., Дугарцыренова В. А.* Дистанционное обучение иностранным языкам: принципы, преимущества и проблемы // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 1. С. 71–76.

2. *Thoman E.* Media literacy: A guided tour of the best resources for teaching / E. Thoman // The Clearing House. 2005. Vol. 76. № 6. P. 278-83.

3. *Кузьмина А. В., Попова Н. В.* Проблематика педагогических исследований по использованию видеоматериалов по иностранному языку в вузе // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 2. С. 74–86.

4. *Тимофеева Е. К.* Использование невербальных средств в обучении английскому языку / Е. К. Тимофеева // Вопросы науки и образования. 2017. №4 (5). С. 21–25. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-neverbalnyh-sredstv-v-obuchenii-angliyskomu-yazyku (дата обращения: 21.10.2021).

5. *Wenjun L.* The Application of Visualization in English Teaching // Proceedings of the 3rd International Conference on Arts, Design and Contemporary Education (ICADCE 2017). – URL: https://doi.org/10.2991/icadce-17.2017.220 (дата обращения: 02.10.2021).

Иванова Виктория Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, victoriia-888@yandex.ru

УДК: 372.8:811

А. В. Кузьмина

СТОРИТЕЛЛИНГ ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ЗАУЧИВАНИЯ ЛЕКСИКИ В ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗАХ

A. Kuzmina

STORYTELLING IS AN EFFECTIVE APPROACH OF VOCABULARY MEMORIZATION IN TECHNICAL UNIVERSITIES

Данная статья затрагивает проблему использования метода сторителлинга в процессе формирования коммуникативной компетенции бакалавров технического профиля. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что метод сторителлинга способствует формирования хороших разговорных навыков и быстрому запоминанию лексики.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, активизация словарного запаса, сторителлинг.

This article deals with the storytelling approach in order to form the communicative competence at technical universities. In the course of the research, the author comes to the conclusion that the storytelling approach facilitate to form good conversational skills and quick memorization of vocabulary.

Keywords: communicative competence, vocabulary activation, storytelling.

Приоритетным направлением «Сервис» является языковая подготовка специалистов для работы по специальности, умению переводить профессионально-технические тексты по специальности и также умение готовить презентации по специальности на английском языке. Для выполнения этих задач, необходимо научить учащихся навыкам коммуникативной компетенции. Приведем теперь определение коммуникативной компетенции.

Термин «компетенция» был введен Н. Хомским. В понимании Н. Хомского термин «компетенция» обозначал способность, необходимую для выполнения определенной преимущественно языковой деятельности в родном языке [1].Формирование коммуникативной компетенции – процесс длительный и достаточно сложный. Для учащихся в этом случае будет очень важно погрузиться в среду общения на неродном языке, созданную путем применения эффективных методов, дающих ощутимые результаты. В связи с этим одним из таких хорошо зарекомендовавших себя приемов считается TPR storytelling (teaching proficiency through reading and storytelling) или «Рассказывание историй». Идея метода сторителлинга или «рассказывание историй» заключается в том, чтобы для обучения иностранному языку на занятиях использовалось любое связанное сюжетное повествование т. е. сторителлинг можно также охарактеризовать как прием передачи учебной информации и навыков путем составления и придумывание своих собственных историй.

Основоположником метода сторителлинга стал Дэвид Армстронг, который был руководителем корпорации "Armstrong International". Дэвид Армстронг применил метод

сторителлинга для того, чтобы улучшить показатели компании и также этот метод применялся при обучении сотрудников компании. Он сообщал нужную информацию сотрудникам своей компании, рассказывая увлекательные истории с яркой эмоциональной окраской [2].

При разработке метода Д. Армстронг принял во внимание важный психологический фактор, который заключается в том, что чем более интересными и невероятными являются рассказанные истории, тем лучше эти истории запоминаются слушателями.

Согласно исследованию Михаэля Дэвиса, люди запоминают до 65–75 % информации через истории и только до 5–10 % данных, полученных в формате сухой статистики. Сейчас сторителлинг является не только эффективным инструментом маркетинга для увеличения объемов продаж товаров, привлечение новых покупателей, но и современным метод обучения лексике [3].

При обучении иностранному языку метод сторителлинга состоит из двух компонентов: чтения и рассказывания историй. Это сочетание помогает учащимся лучше развить разговорные навыки иностранного языка в аудитории. При этом типичная структура занятия состоит из следующих этапов. Сначала преподаватель рассказывает историю. После этого преподаватель объясняет новую лексику, переводит трудные фразы, комментирует грамматические конструкции. Затем, преподаватель повторяет эту историю, а потом проводит опрос на понимание обучающихся. Отвечая на вопросы, обучающиеся фактически пересказывают историю применительно к себе [4].

Обратимся теперь к преимуществам метода рассказыванию историй. В своей статье О. Ричардс объясняет важность применения метода обучения иностранному языку при помощи рассказывание историй. Во-первых, О. Ричардс считает, что придумывание собственных историй на основе лексики, которую нужно выучить помогает быстрее запомнить эту лексику, поскольку для того, чтобы составить даже простой рассказ учащимся потребуется повторить по крайней мери два или три раза новые слова. Как известно, чем больше учащиеся повторяют слова, тем быстрее они запомнят эти новые слова. Согласно исследованиям немецкого психолога Германа Эббингаузона нужно повторить новое слово как минимум 9 раз, чтобы его запомнить [5].

Для сравнения в учебниках, новые слова, как правило, пишутся только в начале юнита. Кроме того, О. Ричардс считает, что метод сторителлинга позволяет быстрее выучить новую лексику, поскольку учащиеся учат новые слова в контексте. Это означает, что учащиеся сразу видят, какие слова естественным образом сочетаются с другими словами, делая такие словосочетания более запоминающимися. В своей статье О. Ричардс подчеркивает важность применения метода рассказывания историй для изучения лексике, утверждая, что учащимся невозможно выучить новое слово, не зная, в каком контексте его надо применять. Примерно то же самое обстоит и с усвоением грамматического правила, учащийся никогда не сможет запомнить, как правильно использовать грамматическое правило его без примера употребления. Придумывание своих собственных историй, даже если они нелепые, по мнению О. Ричардс, помогают учащимся запоминать слова и правила так, как они должны быть заучены, без использования традиционных методов, таких как составление списков слов и монотонного зазубривание их [6].

Во-вторых, Метод сторителлинга, по мнению О. Ричардса, позволяет активизировать словарный запас учащихся, поскольку для того, чтобы придумать историю ключевых слов недостаточно. Кроме того, в процессе придумывание истории учащиеся учатся употреблять те слова, которые они знают, как переводить, но не знают, как их нужно применить на практике в речи [6].

Помимо этих очевидных доводов в пользу применения метода рассказывания историй при обучении иностранному языку, мы считаем необходимо отметить, что этот метод следует применять как в сильных, так и в слабых группах. Несомненно, уровень сложности составленных историй будет значительно отличаться, но в данном случае – это неважно. Самым важным является то, что все учащиеся будут активно вовлечены в

выполнение творческого задания и запоминание лексике будет происходить без значительных усилий со стороны учащегося.

Американский психолингвист Стивен Крашен внес большой вклад в развитие метода сторителлинга для обучения иностранным языкам. Он разработал пять гипотез об овладении языком в 70–80-е гг. . Так, например, в пятой гипотезе аффективного фильтра (affective filter hypothesis) американского психолингвиста Стивена Крашена об усвоении языка, автор утверждает, что эмоциональное состояние учащегося очень сильно влияет на его успехи в учебе. С. Крашен убежден, что процесс усвоения нового учебного материала может сильно тормозится при условии, что учащийся испытывает негативные эмоции такие как страх неудачи выполнения сложного задания или если задание скучное [7].

Учитывая такой важный фактор как эмоциональное состояние учащегося при обучении говорению, можно сделать вывод, что наиболее оптимальным методом обучения говорению является изучения языка с помощью придумыванию историй.

Метод сторителлинга как средство формирования коммуникативной компетенции используется мною в преподавании дисциплины «Иностранный язык в сервисном обслуживании» для студентов 1 курса [8]. Педагогический эксперимент проходил в четырех группах, обучающихся по учебному пособию «Иностранный язык в сервисном обслуживании» (часть 2). Это учебное пособие ориентировано на студентов, обучающихся по направлению подготовки бакалавров 43.03.01 «Сервис» первого курса. Общие количество участников эксперимента составило 45 человек и педагогический эксперимент продолжался в течении трех месяцев. При этом нужно отметить, что изначально у всех участников педагогического эксперимента как в контрольной группе, так и в экспериментальной группе был приблизительно одинаковый уровень знаний английского языка. Двадцать два студента, учащихся в контрольной группе обучались по программе, тогда как оставшиеся двадцать три студента учились в экспериментальной группе с применением метода сторителлинга для развития разговорных навыков. В конце проведения педагогического эксперимента в экспериментальной группе был проведен опрос об отношении мнения студентов к применению метода сторителлинга с целью улучшения разговорных навыков. На вопрос анкеты понравился ли учащимся такой метод обучения 65 % респондентов ответили утвердительно. В результате анкетирования было выяснено, что приблизительно 82 % опрошенных студентов считают, что благодаря применяемому методу сторителлинга они стали более активно участвовать в разговорных заданиях например в дискуссиях, поскольку «… практически все слова знакомы и это задание не страшное.». Приблизительно 43 % респондентов заявили, что благодаря тому, что им нужно было постоянно придумывать свои собственные истории т. е. у учащихся была постоянная разговорная практика, у них исчезла проблема неправильного порядка слов при составлении предложения на английском языке. Чтобы избежать такую ошибку и, построить предложения правильно на английском языке т. е. сначала должно быть обязательно подлежащие, а потом сказуемое. В результате чего эти учащиеся перестали делать одну из самых распространённых ошибок, изучающих английский язык и стали более активно участвовать в разговорных заданиях. В результате анкетирования 74% респондентов заявили, что метод сторителлинга помог им быстрее запомнить новую лексику по юниту.

Рассмотрим, как метод сторителлинга или метод рассказа историй применятся на занятиях по иностранному языку. Мы считаем, что целесообразно давать такое задание после прохождения всего юнита в качестве повторения и закрепления изученных слов и выражений, поскольку многократное повторение является ключевым фактором для закрепления новой лексике. При этом нужно учитывать, что многократное повторение новых слов и выражений в игровой форме вдвойне усиливает эффект запоминания.

Задание по сторителлингу состоит из двух этапов. На первом, подготовительном, этапе преподаватель проводит опрос изученных слов по всему юниту. Затем преподаватель пишет все эти слова на доске. После этого преподаватель делит студентов на группы по три- четыре человека и просит учащихся придумать историю со словами,

написанными на доске. Выигрывает та команда, которая в своей истории сможет использовать больше всего слов. Как вариант такого задания преподаватель может попросить, чтобы придуманная история начиналась с какой-то фразы. Например, второй видеоролик в учебном пособии по английскому языку «Сервис» был посвящен тому, как работают три разных устройства хаб, коммутатор и роутор. Для того, чтобы повторить основные характеристики этих устройств задание по придумыванию историй может начинаться словами «Оказалось, что мы купили кота в мешке».

Вывод

Можно сделать вывод о том, что учебный материал по лексике, проработанный в виде придуманного самими учащимися интересного и увлекательного рассказа, позволяет развивать творческие способности учащихся. В процессе придумывания историй новая незнакомая лексика запоминается быстрее, чем простое зазубревание слов, поскольку эти новые слова учащийся учит в контексте истории.

Список использованных источников

1. Структура и содержание коммуникативной компетенции при обучении иностранным языкам. – URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4018. (дата обращения: 30.08.2021)

2. *Багрецова Н. В.* Сторителлинг в обучении иностранному языку: ключевые аспекты // Педагогика и психология образования. 2020. № 2. С. 25–38. DOI: 10.31862/2500-297X-2020-2-25–38

3. Сторителлинг – что это такое и зачем он бизнесу. Разбор с примерами. – URL: https://postium.ru/storitelling-chto-eto-takoe/. (дата обращения: 30.08.2021)

4. *Исакова В. Н.* Эффективность метода сторителлинга в обучении иностранным языкам. // Молодоый исследователь Дона 2019. № 6(21). С. 131–134.

5. В чем закон кривой забывания Эббингауза. – URL: https://umschool.net/journal/lifehacks/krivaya-zabyvaniya-ili-pochemu-nuzhno-prohodit-material-neskolko-raz/. (дата обращения: 30.08. 2021)

6. *Richards O.* 16 Reasons To Learn A Language Through Story. – URL: https://iwillteachyoualanguage.com/blog/learn-a-language-through-story (дата обращения: 30.08.2021)

7. *Крашен С.* Гипотезы Крашена об усвоении языка. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гипотезы_Крашена_об_усвоении_языка (дата обращения: 30.08.2021)

8. *Кузьмина А. В.* Иностранный язык в сервисном обслуживании. Санкт-Петербург , Изд. Политехн. ун-та. 2017. 125 с.

Кузьмина Анна Владиславовна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Санкт- Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, kuzminaaina201@yandex.ru

УДК 347.78.034

М. Н. Куликова

ФОНОГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ИЗОБРАЖЕНИЯ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

M. Kulikova

PHONOGRAPHIC STYLISATION OF ONOMATOPOEIA IN TRANSLATION

Автор исследует различные средства изображения звукоподражательных единиц в художественных произведениях, анализирует способы и стратегии передачи на русский язык подобных явлений.

Ключевые слова: фонографическая стилизация речи, перевод, звукоподражание, ономатопея, стилистика, переводоведение.

This paper discusses phonographic stylisation of onomatopoeia in translation. The author focuses on various functions of using this stylistic device and analyses different translation techniques of controversial passages.

Keywords: phonographic stylisation, translation studies, onomatopoeia, stylistics.

Фонографические средства являются универсальным стилистическим приемом для изображения фонетических особенностей речи. Они представляют собой изменение орфографической формы слова или использование свободных графических комплексов с целью создания фонетического образа особенностей устной речи. Фонографические средства следует отличать от фонографической стилизации, которая используется для создания речевой характеристики персонажа. О фонографических средствах можно говорить и в отношении звукоподражательных единиц, как имеющих лексическое значение, так и окказиональных, имитирующих естественные звуки. Звукоподражание в большей степени характерно для английского языка, чем для русского [1]. В анализ не включаются устойчивые межъязыковые звукоподражательные соответствия, такие как имитация звуков, издаваемых животными (кукареку - cock-a-doodle-doo), а также звукоподражательные по своей природе лексические единицы (щёлк – snap, click, chick). В данном исследовании речь идет лишь о тех случая звукоподражания, когда в оригинальном тексте используются фонографические средства для введения в текст окказиональных звукоподражательных единиц, имитирующих естественные звуки. Их можно разделить на две группы: единицы без определенной частиречной принадлежности и синтаксически не связанные с текстом (nonlexical onomatopoeia) и единицы, имеющие частиречную принадлежность (lexical onomatopoeia). При передаче единиц первой группы переводчики используют самые разнообразные фонографические средства с учетом того, как тот или иной звук может быть изображен по-русски: «…каждый язык по-своему осваивает звучания внешнего мира, и звукоподражания разных языков не совпадают друг с другом, хотя нередко обладают сходством. По-видимому, одна из причин несходства звукоподражаний в разных языках кроется в том, что сами звуки-источники, как правило, имеют сложную природу, и, поскольку точная имитация их средствами языка невозможна, каждый язык выбирает одну из составных частей этого звука как образец для подражания. Однако наиболее существенные, информативно значимые параметры сигнала другого существа, верно улавливаются и воспроизводятся у разных народов» [2].

Приведем два примера из английской художественной литературы («Повелитель мух» Уильяма Голдинга и «Кентавр» Джона Апдайка), в которых используются различные средства звукоподражания.

Sche-aa-ow! [3. P. 6]

У-у-уф! Трах-тах-тах! [4. С. 10]

Three-thee-three oh-oh-oh. Multiply it out, and you get' – skrkk, scrak, the chalk chipped as he carried the ones… [5. P. 33]

– Три, три, три, ноль, ноль, ноль. Помножим, и получится… – «Кр-кр» – мел раскрошился, когда он писал итог. [6. С. 45]

В первом примере фонографическими средствами передан звук самолета, во втором – звук мела, царапающего доску. В русских переводах при этом нередко используются широко употребимые звукоподражательные единицы («Трах-тах-тах! Кр-кр»), тогда как в оригинальных текстах окказиональные. Наиболее известный пример использования таких окказиональных единиц – роман Д. Джойса «Улисс».

Prrprr → Пуррр.

Fff! Oo. Rrpr. → Пффф! Ох. Перр.

Pprrpffrrppffff. → Пурррпупупуррпффф.

Своеобразие и стилистические функции таких ономатопов в романе исследованы в статье Д. Аттриджа [7] и анализу их «адекватности» в переводе может быть посвящено специальное исследование. В рамках настоящей работы необходимо лишь отметить, что при передаче таких средств переводчик использовал аналогичные средства русского

языка, и при этом, как видно из приведенных примеров, стремился отчасти воссоздать оригинальные фонетические комплексы, что могло повлиять на стилистические функции таких приемов. Приведем лишь один пример, демонстрирующий стилистические функции звукоподражания в романе Джойса:

«…I can see his face cleanshaven Frseeeeeeeeeeeeeeeeeeeefrong that train again weeping tone once in the dear deaead days beyondre call close my eyes breath my lips forward kiss sad look eyes open piano ere oer the world the mists began I hate that istsbeg comes loves sweet sooooooooooong…» [8, P. 660]

«…вижу его лицо всегда чисто выбрит ффиииииииииииииииииииииииууфф опять этот поезд жалобный звук в те незапааа мятныемии лые деньки прикрыть глаза вдох губы вытянуть, словно для поцелуя, вид печальный, потом глаза широко раскрыть и пиано ииа аио мне донеслаась сквозь так ненавижу это асьсквозь сладкая песня любвиииииииииии…» [9, С. 799]

По мнению Д. Артриджа в данном фрагменте Джой создает акустический каламбур (sonic pun): «sweeee» and «eeeee» are at once the train in the distance, much quieter now; the farts, released as softly as possible; and the final words of the song (with the «t» of «sweet» postponed so that it becomes the first sound in «tsong», to maximize the musical potential of the vowel). The words «piano» and «pianissimo» apply to all three. Anal references have, in fact, been building up in the passage even before Molly articulates her desire to break wind–perhaps as the unconscious effect of an internal build-up, perhaps another of Joyce's games with the reader–and the connection between singing and farting has already been intimated» [7, P. 472]. В переводе каламбур не передан, и едва ли возможно найти средства для воспроизведения всех стилистических особенностей «Улисса».

Звукоподражательные единицы, не имеющие частиречной принадлежности, как правило, передаются на русский язык аналогичными средствами русского языка и создание их эквивалентов не создает «технических» трудностей при переводе. Перевод окказиональных звукоподражательных единиц, имеющих частиречную принадлежность, представляет больше сложностей для перевода, так как для английского языка в целом такой способ словообразования более продуктивен, чем для русского. Подобные единицы встречаются у самых разнообразных авторов, например, у Г. Уэллса в «Тоно Бенге», Дж. Апдайка в «Кролик, беги» или у Дж. Фаулза в романе «Волхв»:

He lay back on his pillow, made a faint zzzing sound that ceased, and presently and quite quietly he died – greatly comforted by my assurance. [10, P. 393]

Он откинулся на подушки, еле слышно протянул свое «з-з-з», смолк и скоро скончался, совсем тихо, умиротворенный моими словами. [11, С. 389]

He meditated for a time and Zzzzed softly. [10, P. 274]

Он задумался и с минуту тянул сквозь зубы свое «ззз», потом умолк. [11, С. 268]

Just zwoops off. [12, P. 73]

Мяч со свистом сам летит вперед. [13, С. 65]

«The harpsichord is the plonkety-plonic one?»

«It is rather, isn't it?» [14, P. 535]

«Клавикорды - это такая тарахтелка»?

- Но ведь они действительно тарахтят. [15, С. 648]

При переводе звукоподражательных окказиональных единиц, имеющих частиречную принадлежность, они передаются с использованием самых разных переводческих стратегий. Это продемонстрировано в примерах из произведений Г. Уэллса (a faint zzzing sound → свое «з-з-з»; Zzzzed softly → тянул сквозь зубы свое «ззз»), когда в переводе используются фонографические единицы, не имеющие частиречной принадлежности. Описательный перевод используется в примере из Дж. Апдайка (zwoops off → мяч со свистом летит). Кроме того, можно отметить и использование стандартной звукоподражательной лексики для перевода ономатопа plonkety-plonic, который представляет собой не окказионализмом, а неологизмом (ср., например, «plinkety-plonk», для которого Urban

Dictionary дает такое определение «too repeatedly whack someone on the head with a hammer»).

Своеобразие и стилистические функции окказиональных звукоподражательных единиц, которые используются, главным образом, в авторской речи, отличают их от других стилистических ресурсов для изображения особенностей звучащей речи, а, соответственно, и их передача при переводе требует принципиально иных стратегий, чем передача фонографических средств для изображения стилистически значимых отклонений от орфографической нормы для создания речевой характеристики персонажа.

Список использованных источников

1. *Аваков С. А.* Звукоподражательные слова русского языка в сравнении с английским и немецким: Дисс. ... канд. филол. Наук. – Махачкала, 2007. 147 с.

2. *Романова Е., Панасюк, А.* О звукоподражании и аллитерации (доклад, прочитанный на конференции 21–23 сент. 2007 г.). – URL: http://www.bakanov.org/presentations/5/40 (дата обращения: 10.11.2021)

3. *Golding W.* Lord of the Flies. – Faber and Faber, 2005. 216 p.

4. *Голдинг У.* Повелитель мух / пер. с англ. Е. Суриц. – Москва: Издательство АСТ, 2018. 317 с.

5. *Updike J.* The Centaur. - A Fawcett Crest Book, 1963. 224 p.

6. *Апдайк Дж.* Кентавр. / пер. В. Хинкиса. - М.: Радуга, 1984. 768 с.

7. *Attridge Derek.* Joyce's Noises. // Oral Tradition, 2009. № 24/2. P. 471–484

8. *Joyce J.* Ulysses. - Outlook, 2018. 678 p.

9. *Джойс Дж.* Улисс. / пер. В. Хинкиса и С. Хоружего. – Москва : Симпозиум, 2000. 832 с.

10. *Wells H.G.* Tony Bungay. – BiblioBazaar, LLC, 2008. 416 p.

11. *Уэллс Г.* Тоно Бенге. / пер. А. Горский, Р. Облонская, Э. Березина. – Собрание сочинений: В 15 тт. – Москва : Правда, 1964. Т. 8. С. 5–412.

12. *Updike J.* Rabbit, Run. – Санкт-Петербург : Антология Каро, 2005. 352 p.

13. *Апдайк Дж.* Кролик, беги. / пер. М. Беккер. – Москва : Изд-во «Захаров», 2000. 320 с.

14. *Fowles J.* The Magus. – Back Bay Books, 2001. 656 p.

15. *Фаулз Дж.* Волхв. / пер. Б. Кузьминского. – Москва: Независимая газета, 1993. 736 с.

Куликова Марина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в сфере филологии и искусств, Санкт-Петербургский государственный университет, m.kulikova@spbu.ru

УДК 378:81:159.9; 81'33

О. М. Левина

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ МЕДИАОБЩЕНИЕ АДРЕСАТА С АДРЕСАНТОМ: ОСОБЕННОСТИ И ТРУДНОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

O. Levina

INTERCULTURAL MEDIA-COMMUNICATION: PECULIARITIES AND DIFFICULTIES OF REALISATION

В статье обосновывается выделение межкультурного медиаобщения как процесса опосредованного, асинхронного взаимодействия, реализуемого адресатом письменного новостного медиатекста с автором посредством реализации им (реципиентом) критического чтения; рассматриваются специфические особенности и трудности осуществления данного вида межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурное медиаобщение, медиатекст, межкультурная коммуникация.

The article reports on the study of intercultural media-communication as a process of indirect, asynchronous interaction with an author of a written media-text while which a recipient performs critical reading. The article represents some specific peculiarities and difficulties of intercultural communication in the course of foreign-language media-discourse.

Key words: intercultural media-communication, media-text, intercultural communication.

В настоящее время современные лингвисты уделяют достаточно большое значение исследованию столь многогранного феномена как межкультурная коммуникация, уделяя внимание рассмотрению данного пространства взаимодействия иноязычных коммуникантов в контексте когнитивной лингвистики, психолингвистики, медиалингвистики. Значительный интерес лингводидактов обусловлен необходимостью поиска путей и разработки методик обучения коммуникации с представителями – носителями разных культур и национальных сознаний в рамках специфических ситуативных реальностей (например, средств массовой информации). Целью настоящего исследования является теоретическое обоснование формы межкультурного общения, опосредованного иноязычным медиадискурсом, а также выявление специфических особенностей и трудностей реализации данной коммуникации с автором медиатекста.

Осмысление нового взгляда относительно процесса реализации индивидуумом того или иного вида речевой деятельности (аудирования, в частности) в качестве формы межкультурного общения [1] позволило нам сделать важные для данной работы выводы. Мы заключили, что утверждение Е. Г. Таревой об аудировании как о пространстве взаимодействия иноязычных коммуникантов с помощью устного текста (прослушанного и декодированного аудируемым реципиентом) [2] применимо к чтению, которое осуществляет адресат, вступая в межкультурное общение с автором иноязычного медиатекста [3, 4].

Анализ отечественных и зарубежных научных работ, посвященных исследованию видов чтения, ориентированных на критическое осмысление прочитанного текста, показал, что ученые выделяют: изучающее чтение (С. К. Фоломкина; А. Н. Щукин), аналитическое чтение (З. И. Клычникова), чтение для критического анализа / критическое чтение (З. И. Клычникова; C. B. Smith; C. Wallace; Р. П. Мильруд и т. д.), лингвистическое чтение (Н. Ф. Коряковцева), чтение с применением технологии «развития критического мышления через чтение и письмо» (И. О. Загашев, С. И. Заир-Бек; K. Meredith). Корректное декодирование и интерпретирование медиатекста, по нашему убеждению, возможно посредством критического чтения как наиболее эффективного средства для проведения адресатом осмысленного критического анализа, применения им своего опыта и имеющихся знаний, содержащихся в его национальной культуре, к ситуации и проблемам, представленным автором.

Сравнительный анализ имеющихся в лингвистике и лингводидактике точек зрения по вопросу интерпретации сущности и содержания исследуемого нами вида чтения (А. К. Каирбаева, И. М. Макарихина, Т. Л. Герасименко, Т. М. Фоменко, К. Конрад, K. S. Carr, В. Р. Руджеро) позволил определить его основные компоненты: умения осуществлять анализ, подвергать сомнению прочитанное, аргументированно давать критическую оценку фактам, идеям автора, рассуждать и делать выводы, умозаключения, полагаясь на собственные взгляды, то есть осуществлять рефлексию. Таким образом, исходя из вышесказанного, мы может дать рабочее определение критическому чтению, под которым понимаем: рецептивный вид речевой деятельности, ориентированный на понимание адресатом коммуникативного смысла с помощью применения когнитивных операций (анализа, идентификации, интерпретации и рефлексии) и формулирования им собственного аргументированного умозаключения.

Солидаризируясь с Е. Г. Таревой [1] и экстраполируя выводы С. К. Фоломкиной о том, что процесс чтения является письменным видом общения [5], мы полагаем, что осуществление реципиентом новостного медиатекста критического чтения представляет собой полноценный акт межкультурного медиаобщения. Далее теоретически обоснуем рассматриваемую нами форму опосредованной коммуникации адресата с автором

медиатекста, представив выявленные особенности и трудности реализации данного вида межкультурного общения.

Согласимся с Н. А. Пром, что «категории участников медиадискурса считаются очевидным» [6]. Обычно выделяют адресанта – автора: редакторские коллективы, журналисты и т.д., и адресата – массовая аудитория медиасообщения. Учитывая межкультурный характер взаимодействия, мы считаем, что в рассматриваемом контексте участвуют 2 концептуальные картины мира обоих коммуникантов: ККМ1 (адресанта) и ККМ2 (адресата). Исходя из этого положения, мы полагаем, что ситуация исследуемого нами медиаобщения предопределена межкультурными особенностями (наличием фоновых знаний о культуре, традициях, ценностных ориентаций обоих лингвосоциумов), а также ситуационной действительностью – новостным медиадискурсом как канала коммуникации. В результате читающий адресат, осуществляя анализ, идентификацию, интерпретацию и рефлексию, воспринимает, понимает коммуникативный смысл адресанта и формулирует собственное умозаключение, аргументируя свое отношение к декодированной и осмысленной информации медиасообщения адресанта (учитывая ККМ1) на основе ассоциаций с родной культурой, с ценностными смыслами родного лингвосоциума (ККМ2).

Будучи убежденными, что ситуация межкультурного взаимодействия предполагает непременное ассоциирование понятого смысла, имплицированного автором в медиатексте, с родной медиадействительностью, мы обратились к феномену «понимание». Вслед за Н. А. Пром, мы полагаем, что понимание заключается в постижении «смысла, заложенного автором» текста [6, с. 30]. Согласно А. В. Соколову, данное явление характеризуется наличием трех форм: псевдокоммуникации (отсутствие понимания поверхностного смысла), коммуникационного восприятия (восприятие лишь эстетического аспекта) и познания [7] (приобретение нового знания посредством осмысления и «понимания поверхностного и глубинного смысла, этики и грамматической пользы» [6, с. 29]). В основе указанных видов понимания заложен «деятельностный аспект, так как результатом понимания становится изменение поведения» адресата [6, с. 29]. Таким образом, исходя из вышесказанного, мы заключаем, что понимание медиатекста является ожидаемым результатом осуществления эффективного межкультурного медиаобщения адресата с адресантом. *Непонимание коммуникативного смысла* медиатекста является одной из основных трудностей осуществления межкультурного медиаобщения. При этом полнота извлечения необходимой информации для осуществления анализа, точность и правильность идентификации языкового кода, специфических маркеров, используемых автором медиатекста, глубина погружения в декодированную информацию – интерпретация подтекста, замысла, мотива, коммуникативного намерения адресанта должны рассматриваться в качестве критериев оценки эффективности и успешности межкультурного медиаобщения.

Если читающий адресат не обладает знаниями о социокультурных реалиях, ценностях, традициях ККМ2, умениями включения собственного культурного опыта (системы мышления, ценностей и действий родной культуры) в диалог с представителем ККМ1, то возможно возникновение не просто *непонимания* смысла, но и *межкультурного контекста взаимодействия*. Иными словами, упорядоченные и систематизированные фоновые знания о родной культуре составляют основу для осуществления эффективного межкультурного медиаобщения и избегания ситуации возникновения трудности непонимания специфического контекста общения разных лингвосоциумов.

Осуществление рассматриваемого вида межкультурной коммуникации посредством иноязычного медиатекста обусловливает наличие *трудности, связанной со сформированностью вербально-семантического уровня (вторичной) языковой личности реципиента* [8; 9] и, соответственно, отсутствием у него умения декодировать различные средства вербализации ККМ1 адресанта, которые, в свою очередь, отражают его отношение к деятельности, характеру общения, аргументации и т.д. автора медиатекста [10].

К основным средствам вербализации можно отнести лингвистические и экстралингвистические маркеры, применяемые автором с целью транслирования ККМ1.

К следующей группе трудностей мы отнесли помехи, связанные с *осуществлением идентификации и интерпретации коммуникативного намерения* автора (то есть его замысла), мотивов, глобальной коммуникативной цели его медиасообщения, как «заведомо ложного, смоделированного в качестве достоверного и переданного аудитории по каналам массовой коммуникации, формирующего искаженную картину действительности в массовом сознании» [11, с. 701]. Кроме того, следует учитывать, что «факты, домыслы и их интерпретации (в медиадискурсе) смешиваются, что увеличивает воздействующий потенциал медиафакта» [12, с. 53], рассматриваемого Н. А. Пром в качестве «любой медиаинформации, которую реципиент считает фактом [13, 14], «дочернего концепта «факта/научного факта» [12, с. 38]. Амбивалентность феномена медиафакта (достоверность/недостоверность) обусловливает трудности адресата по распознаванию объективной и субъективной информации при межкультурном медиаобщении. Зачастую пассивность реципиента в рамках рассматриваемой формы его взаимодействия с автором определяет его роль, когда он «не озадачивается поисками смыслов», намерения и мотивов адресанта в медиатексте [12, с. 30]. Эта трудность обусловлена наличием воздействующей *прагматической функции* в исследуемом дискурсе (потенциально манипулятивного содержания в новостном медиатексте [15]). Полагаем, что читающий реципиент может быть не готов и не способен декодировать имплицитную информацию ввиду недостатка у него знаний о манипулятивном воздействии и умений осуществлять критический анализ данного дискурса с целью декодировать заложенный скрытый коммуникативный смысл.

Выбранный нами новостной медиадискурс как специфический канал коммуникации адресата с автором может послужить определенной помехой ввиду *опосредованности, асинхронности взаимодействия* коммуникантов, то есть разрыва во времени между трансляцией и получением, восприятием медиаинформации.

Выявленные потенциальные трудности межкультурного медиаобщения определяют специфический контекст взаимодействия читающего реципиента с автором новостного медиатекста, обусловленный межкультурным и ситуативным характером их коммуникации. Учитывая все вышеизложенное, мы может сформулировать рабочее определение межкультурного медиаобщения: это процесс опосредованного, асинхронного взаимодействия, реализуемого адресатом письменного новостного медиатекста с автором с помощью реализации им (адресатом) критического чтения на предмет наличия специфических средств вербализации (лингвистических, экстралингвистических маркеров), прагматического аспекта медиатекста (коммуникативного намерения, мотивов, цели адресанта) в рамках межкультурного и специфически-ситуативного контекста (новостного медиадискурса, характеризующегося наличием потенциально манипулятивного содержания).

Выявленные особенности и трудности осуществления выше исследованной формы опосредованного межкультурного общения адресата с автором новостного медиатекста обусловливают необходимость проведения дальнейшего исследования с целью определения параметров реализации коммуникации, обусловленной специфически-ситуативным контекстом.

Список использованных источников

1. *Тарева Е. Г., Бердичевский А. Л., Гиниатуллина И. А.* Развитие межкультурных умений аудирования как формы межкультурного общения: учеб. пособие // Методика межкультурного иноязычного образования в вузе. Москва : Флинта, 2019. С. 242–270.

2. *Тарева Е. Г.* Устная межкультурная коммуникация: проблемы трудностей понимания // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. № 1. Пермь : Пермский нац. исслед. политех. уни-тет, 2018. С. 71–82.

3. *Левина О. М., Гончарова В. А.* Технология обучения студентов языкового вуза межкультурному медиаобщению в условиях манипулятивного воздействия // Язык и культура. 2021. № 54. С. 243–261.

4. *Левина О. М.* Методическая модель обучения студентов межкультурному иноязычному медиаобщению в ситуации манипулятивного воздействия // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. Том 6, № 2. С. 222–227.

5. *Фоломкина С. К.* Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе: учебно-методическое пособие. Москва : Высшая школа, 2005. 253 с.

6. *Пром Н. А.* Типы адресата в медиадискурсе // Медиалингвистика. Том 7, № 1. Санкт-Петербург, 2020. С. 95–03.

7. *Соколов А. В.* Общая теория социальной коммуникации: учеб. пособие. Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А., 2002. 461 с.

8. *Халеева И. И.* Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. Москва : Институт рус. Языка РАН, 1995. С. 276–285.

9. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность: монография / Ю.Н. Караулов. – Москва : Издательство ЛК, 2010. 264 с.

10. *Елизарова Г. В.* Культура и обучение иностранным языкам : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 05.03.00 «Филологическое образование». Санкт-Петербург : КАРО, 2005. 372 с.

11. *Иванова И. Ю.* Медиафакт // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник. Москва : Агентство КРПА Олимп. С. 701–705.

12. *Пром Н. А.* Фактуализация реальности в медиадискурсе: характеристики, типы, способы выражения: монография / под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. В. И. Карасика. Волгоград: Прин-Терра, 2020. 188 с.

13. *Пром Н. А.* Ассоциативное поле концепта «факт» // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2018. №3 (12). С. 70–74.

14. *Пром Н. А.* Медиафакт: между достоверностью и вымыслом // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 4 (30). С. 47–54.

15. *Левина О. М.* Проблема речевой манипуляции в контексте межкультурного иноязычного образования // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 48–50.

Левина Олеся Михайловна – старший преподаватель кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Московский городской педагогический университет, olesya.levina@gmail.com

УДК 821.511.111

С. Ю. Левчук

О ПОВЫШЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «МИРОВАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

S. Levchuk

ON IMPROVING CULTURAL LITERACY OF STUDENTS WITHIN THE COURSE “WORLD AND RUSSIAN LITERATURE”

Статья посвящена проблеме культурной и, в частности, читательской грамотности студентов специальности «Реклама и связи с общественностью» как обязательного условия создания кросс-культурной компетенции. В рамках курса «Мировая и отечественная литература» автор предлагает создать словник, цель которого мотивировать обучающихся к чтению, облегчить понимание и усвоение прочитанного и тем самым повысить культурную грамотность студентов.

Ключевые слова: культурная грамотность, читательская грамотность, кросс-культурная компетенция, словарь, прецедентное имя.

The article is devoted to the problem of cultural and reading literacy as a necessary condition for forming cross-cultural competence of advertising and public relation specialists. Within the course “World and Russian Literature” the author suggests creating a dictionary aimed at motivating students to read, facilitating reading comprehension and as a result improving cultural literacy of students.

Keywords: cultural literacy, reading literacy, cross-cultural competence, dictionary.

Изменения, происходящие в общественной и экономической жизни России, постоянно увеличивающийся рост объема и сложности поступающей информации предъявляют высокие требования к специалисту по рекламе и связям с общественностью не только как к профессионалу, но и как к гармонично развитой творческой личности, конкурентоспособной в современных условиях рыночной экономики.

На современном этапе грамотный PR-специалист должен быть способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах и конструктивно взаимодействовать с людьми с учетом их социокультурных особенностей в целях адаптации личности в обществе, её интеллектуального и профессионального роста.

Одной из важнейших задач дисциплины «Мировая и отечественная литература» является формирование культурной грамотности студентов.

Понятие культурной грамотности – одно из ключевых в научно-образовательной среде. Его актуальность подтверждается постоянно снижающимся уровнем общей культуры у современных студентов. К сожалению, это мировая тенденция. Отчасти это объясняется недостаточным интересом молодежи к чтению. Острейшей проблемой становится необходимость сохранить ценности образования, книжную культуру, поддержать чтение в различных областях жизни, придав ему развивающий и творческий характер.

К проблеме культурной грамотности обращались многие культурологи. Э. Д. Хирш и Н. Брукс развивают в своих исследованиях идею о том, что наиболее успешная коммуникация обеспечивается при высоком уровне культурной грамотности. При этом чтение признается наиболее важным академическим навыком. Чтение с пониманием, базирующемся на фоновом знании, составляет культурную грамотность. Иначе говоря, культурная грамотность – это свод фоновых знаний, с которыми должен быть знаком читающий, чтобы адекватно понять смысл высказывания.

На лекционных и практических занятиях по литературе мы часто сталкиваемся с незнанием студентов не только новых для них слов и понятий, но и, казалось бы, общеизвестных. Негласно предполагается, что с необходимыми знаниями студенты приходят из школы. Однако это не так. Поэтому актуальной задачей курса «Мировая и отечественная литература» представляется развитие культуры чтения художественного текста с целью повышения культурной грамотности студентов.

Культурная грамотность и читательская грамотность в частности напрямую связаны с тем, как человек владеет кругом литературных ассоциаций, способностью узнавать хрестоматийные тексты по цитатам, именам, отсылкам, намекам. Отсюда возникает необходимость разработки прикладного словаря, который облегчит осмысление (а значит, понимание, освоение) читаемого. Целью словаря является составление перечня таких «помощников читателя», элементов знания, которые могут содержаться или в действительности содержатся в книге, объясняют их значение.

Основными критериями при отборе лексического материала должны быть стабильность и типичность. Во-первых, элемент знания, не должен выходить за пределы общего уровня знаний и не быть чрезмерно общеизвестным. Во-вторых, элементы знания должны быть известны подавляющему большинству грамотных носителей языка. В-третьих, элементы информации должны быть значимы в течение

длительного времени. В-четвертых, у адресата должны возникать уместные аллюзии, имеющие эстетическую и практическую ценность.

С этой точки зрения наиболее интересной и наиболее сложной нам представляется работа с литературными прецедентными именами и прецедентными высказываниями. Отличительной особенностью всех прецедентных явлений является их способность выполнять роль эталона культуры. Прецедентными могут быть имена известных личностей, названия литературных произведений, имена персонажей, цитаты. Такие имена или тексты чаще всего употребляются образно, в переносном смысле, в сравнениях. Нередко они образовывают имена нарицательные и слова, производные от них: «дон кихот», «донкихотствовать», «шекспировские страсти», «быть или не быть», «укрощение строптивой» и т. п.

Словарная статья об определенной единице должна включать в себя не только описание источника имени, но и перечисление ключевых дифференциальных признаков и атрибутики с обязательным сопровождением примерами как из литературы, так и из разговорной речи.

Кроме того, автор предлагает воспользоваться принципом классификации прецедентных имен, предложенным А. В. Суперанской [5].

Приводимые ниже примеры имеют исключительно иллюстративный характер.

1. Антропонимы – имена людей (Гомер, Виргилий, Обломов).

2. Зоонимы – имена животных, птиц (Муму).

3. Мифонимы – имена не существовавших людей, животных, растений, народов, географических и космографических объектов:

*теонимы – имена богов (Афродита, Марс, Амур, Аид);

*демононимы – имена высших и низших / добрых и злых духов (нимфа, фавн, Мефистофель, Люцифер);

*мифохрематонимы – несуществующие предметы, в реальности которых нет сомнения (Святой Грааль, ящик Пандоры);

*мифофитонимы – названия растений из мифов и легенд (Древо познания добра и зла).

*мифозоонимы- имена животных (Цербер, Феникс)

*мифооронимы – названия гор и прочих возвышенностей (Олимп);

*мифомикротопонимы – названия мелких гидрографических объектов: ключи, источники (Источник вечной молодости).

4. Топонимы – названия географических объектов:

*ойконимы – названия населенных пунктов (астионимы – названия городов (Верона, Дублин);

*урбанонимы – названия улиц, зданий, интерьеров (Бейкер-стрит).

5. Хрононимы – названия определенных отрезков и точек времени, явлений (Эпоха Возрождения).

В рамках данной статьи мы возьмем несколько прецедентных имен и приведем примеры возможных словарных статей.

ОТЕЛЛО – герой трагедии У. Шекспира «Отелло» (1604), мавр, венецианский полководец, убивший из ревности свою жену Дездемону. Употребляется как символ страстного ревнивца.

Вот он Вот он наконец (мой соперник)!..Боже мой! Это был мой отец!.. Я тотчас узнал его… Ревнивый, готовый на убийство Отелло внезапно превратился в школьника. (И.С.Тургенев. Первая любовь)

Жену приревновал и в трагедию попал. (из кроссворда)

ЦЕРБЕР - в древнегреческой мифологии: трехголовый злой пес с хвостом и гривой из змей, охранявший вход в подземное царство. В переносном значении обозначает свирепого и бдительного стража.

[М. Н. Лонгинов] много испортил ему крови, когда, в качестве цензурного цербера, он, будучи начальником Главного управления по делам печати, с невероятным остервенением преследовал журнал «Дело» (П. В. Быков. Силуэты далекого прошлого).

У него в охране настоящие церберы работают.

«ЛЮБОВЬ, ЧТО ДВИЖЕТ СОЛНЦЕ И СВЕТИЛА» - строка, которой заканчивается "Божественная комедия" Данте. Любовь, по мысли философа, величайшая космическая сила, двигатель мироздания, определяющий его гармонию.

Может быть, любящий видит единственную, высшую истину о человеке? Это истина о самом ценном и самом лучшем, что в нем заключено. Но заключено как возможность. (Евгений Богат. Что движет солнце и светила. Любовь в письмах выдающихся людей)

«Любовь, что движет солнце и светила»,

Лишьв дантовых терцинах хороша,

В реальности- не стоит и гроша.

Для тех, кого она не посетила. (Я. Соловейчик. Любовь. Из цикла «Дантова ладья»)

В заключение приведем некоторые варианты упражнений для самостоятельной работы студентов.

– Объясните значение прецедентных имен. Установите связи с другими прецедентными именами (2–3 примера).

– Напишите три первые реакции (ассоциации) на соответствующие стимулы.

– Определите по данному высказыванию автора произведения, а если возможно то и героя произведения, которым были сказаны эти слова.

– Соотнесите прецедентное имя с текстом. Определите художественное произведение и автора этого произведения.

– Рядом с названием произведения напишите автора и 1–3 героя из этого произведения.

– Определите автора и название произведения и охарактеризуйте тремя прилагательными героя произведения.

– Свяжите данное название с художественным произведением.

Словарь находится на стадии разработки. Подводя итоги, следует отметить, что составление словаря может рассматриваться как актуальная задача для кафедры иностранных языков.

Список использованных источников

1. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Москва: «Индрик», 2005.

2. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций. Москва : ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.

3. *Милославский И. Г.* Русский язык как культурная и интеллектуальная ценность и как школьный предмет // Знамя. 2006. № 3. С. 156.

4. *Савельева Т. П.* К вопросу о концепции культурной грамотности Э. Д. Хирша // Социогуманитарное знание в условиях трансформации общества: материалы конференции преподавателей на XV Международном Балтийском коммуникационном форуме «Глобальные и региональные коммуникации: настоящее и будущее». Санкт-Петербург : СПбГУТ, 2013. С. 152–157.

5. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. 368 с.

6. *Ужова О. А.* Лингвострановедение, концепция «культурной грамотности» и словарь. – URL: http//www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2006/01/2006-01-10.pdf (дата обращения: 10.11.21)

7. *Hirsh E. D. Jr.* Cultural Literacy. What Every American Needs to Know. New York: Random House, 1988.

8. *Hirsh E. D. Jr., Kett J. F., Trefil J.* The Dictionaryof Cultural Literacy: Boston: Houghton Mifflin Company, 1988.

Сведения об авторах

Левчук Светлана Юрьевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, slevchook@mail.ru

УДК 811.14

Ю. Т. Лейбенсон

СПАСЕНИЕ УТОПАЮЩИХ СРЕДИ АНТИЧНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ: ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ-ИСТОРИКАМИ

Y. Leybenson

SAVING THE DROWNING IN ANCIENT ANTIQUITIES: EXPERIENCE OF LEARNING ANCIENT GREEK LANGUAGE BY HISTORY STUDENTS

Статья посвящена проблемам изучения древнегреческого языка студентами исторического факультета. Анализируется опыт преподавания последних трех лет в Крымском федеральном университете им. В. И. Вернадского. Наряду с полугодичным курсом древнегреческого языка в учебном плане, на факультете постоянно действует семинар, посвященный чтению античных источников, в том числе, эпиграфическим памятникам античных городов Крыма.

Ключевые слова: классическая филология, история, античные государства Северного Причерноморья, эпиграфика.

This article is devoted to the problems of learning the ancient Greek language by students of the Faculty of History. The author analyzes his own experience in teaching the last three years at the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Along with the half-year course of the ancient Greek language in the curriculum, the faculty constantly has a seminar dedicated to reading ancient sources, including epigraphic monuments of ancient Greek cities of Crimea.

Keywords: classical philology, history, epigraphy, poleis of the Northern Black sea region.

Знание классических языков (в узком смысле – языков античной литературы, древнегреческого и латыни, в широком – еще и древнееврейского языка) является не просто «хорошим тоном», но и насущной необходимостью для специалиста-историка. Актуальность этой, казалось бы, скучной максимы повышается в южных регионах, где уже на этапе профессиональной подготовки будущий специалист ощущает себя «по колено в древностях» (цитата английского путешественника начала XIX в. Э. Кларка) [9, с. 119]. В идеальной ситуации студент, постигающий тайны истории на нашем Юге (в частности, в Крыму), должен, по крайней мере, год своего обучения посвятить изучению древних языков, дополняя его посещениями античных памятников – благо, они находятся здесь в шаговой доступности – и эпиграфической практикой. В дальнейшем те студенты, которые избрали темы исследования, связанные с древностью и средневековьем, могут продолжать совершенствовать свои филологические познания – вплоть до конца обучения. Повторюсь, это идеальная ситуация.

Реальность же требует смирения и выдержки: бесконечная оптимизация в региональных и даже федеральных вузах приводит к сокращению часов для изучения не только гуманитарных дисциплин вообще, но и собственно исторических. В итоге – к предсказуемому снижению уровня профессионализма у выпускников. О широкой языковой подготовке историков в этой ситуации говорить зачастую даже неприлично.

Спасение, хотя бы частичное, языковой подготовки будущих историков, таким образом, в нашем случае оказывается делом рук самих утопающих. В настоящем очерке речь пойдет о некоторых мероприятиях по спасению, предпринимающихся в

последние три года на историческом факультете Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Отмечу, что традиция изучения классических языков на факультете существовала довольно долгое время. С 1970-х и до начала 1990-х годов спецкурсы и факультативы, посвященные древнегреческому языку, латыни и античной эпиграфике, вели С. И. Курганова и Э. И. Соломоник. Элла Исааковна Соломоник – профессиональный эпиграфист, исследовавшая памятники Боспора, Херсонеса, положившая начало изучению позднеантичных памятников иудеев Крыма и Тамани – разбирала вместе со студентами не только упражнения из классического учебника С. И. Соболевского, но и тексты Присяги граждан Херсонеса, декрета в честь Диофанта, полководца Митридата VI Евпатора. Традиция была прервана в связи с переездом Светланы Ивановны Кургановой из Симферополя в Севастополь, а Эллы Исааковны Соломоник – в Израиль [8, с. 211–212, 221–223].

В 2000-х и 2010-х годах в учебном плане историков осталась только латынь (ее постепенно сократили с годичного курса до одного семестра). На сегодня язык читается лишь семестр, его преподавание обеспечивают сотрудники Института иностранной филологии. Древнегреческий язык – после долгого перерыва – возник в расписании исключительно стараниями сотрудников кафедры истории древнего мира и средних веков (впрочем, такой кафедры с 2021 года уже не существует). Однако и эта дисциплина читается всего лишь на протяжении одного семестра, также сотрудниками ИИФ – это замечательные специалисты, но они не используют богатейший исторический крымский материал.

А материал этот поистине обширен. Несмотря на выселение христиан в 1778 г., на депортацию крымских греков в 1944 г., можно смело сказать, что на полуострове греки были всегда – с VII в. до н. э., со времени основания первых северопонтийских колоний. Потому с архаической эпохи до современности историю Крыма «наполняют» разнообразные памятники греческой письменности, эпиграфические документы. Изучать язык и его развитие во времени, конечно, следует с опорой на эти памятники.

С этой целью на историческом факультете в 2018 г. на базе студенческого научного общества «Сириск» (названного по имени первого известного нам крымского историка, Сириска, сына Гераклида, жившего в III в. до н. э. в Херсонесе Таврическом) был открыт семинар «Письменные памятники Северного Причерноморья». Конечно, он не вошел в сетку расписания, занятия проводятся для желающих не реже раза в неделю во внеурочное время. Однако за три года работы семинара, как представляется, удалось прийти хотя бы к отдельным положительным результатам.

Во-первых, была проведена серия языковых встреч со студентами, условно названная "Di loyfkhokes" (нашему коллективу показалось, что именно так должен звучать неологизм «лайфхаки» на языке идиш). Это было «погружение» в тот или иной древний (древнегреческий, латынь, древнееврейский) или новый язык (новогреческий, немецкий): рассказ специалиста (историка или филолога) об историческом развитии, особенностях языка, консультация по вопросам чтения, изучения грамматики, комментарий к избранному тексту. После подобного «погружения» студенты могли определиться с будущей образовательной траекторией, взять у специалиста необходимые учебники и словари, получить расширенную консультацию (так, например, после "Di loyfkhokes: Νεοελληνική γλώσσα" несколько студентов стали изучать новогреческий язык). Ценно и то, что даже такие короткие экскурсы удавалось совместить со знакомством с памятниками эпиграфики Крыма. Например, древнееврейский текст присутствует в еврейских, караимских и крымчакских эпитафиях, с античности до наших дней, поэтому на одной из встреч студенты смогли прочесть краткие надгробные надписи XVII–XIX вв. А в ходе беседы о латыни удалось прочесть несколько формульных надписей XV в. на закладных плитах башен генуэзской Солдайи (Судак).

Во-вторых, за три года сложилась устойчивая группа студентов, изучающих древнегреческий язык. Первоначально, в 2018 г., консультативную поддержку оказывали преподаватели Института иностранной филологии, впоследствии ведущим семинара стал преподаватель исторического факультета (автор настоящей статьи; разумеется, минусом является отсутствие у него высшего филологического образования. Этот недостаток немного компенсируется разве что усердием и неплохой антиковедческой подготовкой). В изучении языка в качестве базового используется классический сборник Вольфа, переработанный «Греко-латинским кабинетом» Ю. А. Шичалина [1], дополняющийся материалами учебников С. И. Соболевского, М. Н. Славятинской, пособиями по изучению древнегреческого языка Нового Завета [4–7]. Учебные тексты уже на начальном этапе освоения языка перемежаются с различными «нетрадиционными» текстами: диалогами на древнегреческом языке как на разговорном из учебника "Speaking Ancient Greek as a Living Language" Иерусалимского института языков и гуманитарных наук (для тех, кто не имел опыта обучения в Иерусалиме, отдельные диалоги публикует сообщество "ATTICISTA" [11]), переводами на древнегреческий язык русских и англоязычных песен и стихов (очень интересен, например, опыт перевода детских стихов студентами МГУ им. М. В. Ломоносова, перевод песен ABBA, исполненных студентами Университета Виктории в Веллингтоне, реконструкторами античной и средневековой музыки [2, 12–13;]). Но наиболее важно в процессе изучения языка систематическое знакомство с источниками, в том числе, отражающими историю региона. Это античная эпиграфика: Присяга граждан Херсонеса, позволяющая проследить отличие дорийского диалекта от аттического образца, принятого для прозы, а также поговорить об исторических обстоятельствах принятия документа после стасиса в греческой колонии в конце IV в. до н. э.; Декрет в честь историка Сириска – помимо своего ценного содержания, он может прекрасно иллюстрировать исторические времена глаголов; Декрет в честь Диофанта – обширное повествование с богатой лексикой, составленное в переломный момент истории всего Причерноморья (конец II в. до н. э., попытка Митридата VI Евпатора создать всепонтийскую державу). Совершенно замечательны не только херсонесские, но и боспорские тексты: государственные декреты и эпитафии, среди которых немало стихотворных. Историческое развитие языка интересно проследить, читая позднеантичные и средневековые надписи. Например, это надписи в христианских катакомбах Боспора V в.: они показывают, как греческий язык использовало христианизированное ираноязычное население (в надписи катакомбы 491 г. зафиксированы имена Саваг и Фаиспарта); в свою очередь, это позволяет обсудить со студентами важнейший этап перехода от античной эпохи к средним векам в Крыму. Полезен также разбор надписей эпохи Феодоро – христианского княжества в Горном Крыму, существовавшего в заключительный период классического средневековья, до захвата его османами в 1475 г. Студентам легко знакомиться с этими памятниками и самостоятельно, по научным изданиям, в том числе, электронным [3, 10].

Греческий язык широко представлен в крымских памятниках нового времени, притом в лексике XVIII – начала XX в. представлены многие древнегреческие формы. Историческое развитие языка позволяют себе представить многочисленные греческие эпитафии христианских некрополей Крыма. Большинство из них до сих пор не издано, из чего следует третье направление работы языкового семинара.

Это непосредственное знакомство с памятниками. Античная и средневековая эпиграфика вполне доступна в экспозициях Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический», Лапидарии Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Чтение херсонесской Присяги и боспорских стихотворных текстов, выполненное «с натуры» обыкновенно производит сильнейшее впечатление на студентов и укрепляет их в решении изучать язык. Памятники же нового времени зачастую можно осмотреть in situ. Для этого проводятся однодневные экспедиции в

Бахчисарай (на двух из его некрополей расположены ценнейшие памятники начала XIX в.) и Бахчисарайский район (например, в с. Высокое-Керменчик расположено греческое кладбище XIV–XIX вв.). Здесь, помимо совершенствования в языке, студенты испытывают неподдельную радость открытия. Кроме того, на объектах культурно-исторического наследия всегда производится уборка – эта благородная инициатива исходит от самих студентов.

Результаты всех этих мероприятий постепенно становятся очевидными: студенты, задействованные в работе семинара, уже вполне способны выполнять самостоятельные переводы фрагментов письменных источников, сносно читать даже многострочные эпиграфические памятники. Некоторые из них выбирают тему собственного исследования, связанную с греческими памятниками (в том числе Крыма).

Итак, не «утонуть» среди грекоязычных древностей в процессе обучения будущих историков в регионах – задача выполнимая. Для этого, безусловно, требуется энтузиазм и значительное напряжение сил. Предсказать блистательный результат в ближайшее время сложно. Однако автор смиренно надеется, что усилия на этом пути все же увенчаются хотя бы относительным успехом и, возможно, послужат неплохим примером коллегам.

Список использованных источников

1. Древнегреческий язык: начальный курс: В 3-х ч. Москва : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина. 2014.

2. Кафедра классической филологии МГУ им. В. И. Ломоносова: Творческие проекты. – URL: https://classic.philol.msu.ru/tvorchestvo/ (дата обращения: 05.11.2021).

3. *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. Санкт-Петербург : Типография императорской академии наук, 1896. 133 с.

4. *Маунс У.* Греческий язык Нового Завета. Начальный курс. Новосибирск: Новосибирская Библейская Богословская семинария, 2006. 124 с.

5. *Мейчен Дж. Г.* Учебник греческого языка нового завета. Москва : Российское библейское общество, 2012. 239 с.

6. *Славятинская М. Н.* Учебник древнегреческого языка. Москва : Филоматис, 2003. 620 с.

7. *Соболевский С. И.* Древнегреческий язык: учебник для высших учебных заведений [фототипическое переиздание 1948 г.]. Санкт-Петербург : «Алетейя», 2000. 614 с.

8. Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского / под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. 356 с.

9. *Храпунов И. Н.* Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3 (154). С. 116–132.

10. Электронная публикация 3-го издания Корпуса древних надписей Северного Причерноморья – Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (IOSPE³). – URL: https://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html (дата обращения: 05.11.2021).

11. ATTICISTA. – URL: https://vk.com/atticista (дата обращения: 05.11.2021).

12. The_miracle_aligner. – URL: https://www.youtube.com/channel/UCbVcb9puAsOhXBT2_XPFf-A/featured (дата обращения: 05.11.2021).

13. CLASSOC UoA. – URL: https://www.youtube.com/channel/UCDozNpwavEraaDlOPBt0cQ/featured (дата обращения: 05.11.2021).

Лейбенсон Юлия Тарасовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; доцент кафедры истории и международных отношений, филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в Севастополе, beylegamarnik@yandex.ru

УДК 81-11 81’33

А. П. Маринская

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИОННО-ЦЕЛЕВОЙ БАЗЫ ИНОЯЗЫЧНОЙ САМООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

A. Marinskaya

THE RESEARCH ON MOTIVATION OF SELF-DIRECTED LANGUAGE LEARNING IN TECHNICAL UNIVERSITY

В настоящей статье приводится анализ особенностей мотивационно-ценностной сферы иноязычной самообразовательной деятельности студентов технического вуза, обсуждаются как положительные мотивы, так и факторы демотивации самостоятельной активности студентов. Автор главным образом рассматривает внешние и внутренние мотивы, а также целевые установки самообразовательной деятельности, приводит результаты эмпирического исследования. На основе анализа психолого-педагогической и лингводидактической литература, а также данных опросов и анкетирования в статье выделяются основные условия и рекомендации по формированию мотивационно-целевой базы иноязычной самообразовательной деятельности.

Ключевые слова: иноязычная самообразовательная деятельность, самостоятельность, учебная мотивация, внутренние и внешние мотивы, целеполагание.

The article is aimed to consider the main features of self-directed learning motivation. It focuses on research of extrinsic and intrinsic motives, goal-setting process as well as factors demotivating self-directed learning and language acquisition in general. Theoretical literature and questionnaire analysis enabled the author to propose some requirements that determine self-directed language learning efficiency.

Keywords: self-directed language learning, autonomy, academic motivation, extrinsic and intrinsic motives, goal-setting.

Способность и готовность к саморазвитию и самосовершенствованию представляется одной из наиболее востребованных компетенций современного человека, обуславливающих его конкурентоспособность, успешность и эффективное функционирование в различных сферах жизнедеятельности. Не представляется возможным без активной самостоятельной деятельности и овладения иностранными языками (ИЯ), что отмечается в работах многих исследователей (Громова Е. Н., Бобыкина И. А., Капаева А. Е, Колобова Л. В. и др.). В условиях технического вуза иноязычная самообразовательная деятельность (ИСД) выполняет ряд важных функций, являясь инструментом преодоления неблагоприятных условий обучения и повышения эффективности усвоения лингвистических ЗУН, с одной стороны, и самоцелью, обеспечивающей развитие интеллектуально-когнитивного и аксиологического потенциала личности, с другой. В этой связи, пропедевтика ИСД является одной из центральных задач современного вуза и подразумевает целенаправленное формирование и развитие всех компонентов самообразовательной деятельности. В структуре ИСД мы выделяем мотивационно-целевой, процессуально-деятельностный и лингвометодический компоненты в совокупности с психофизиологическими механизмами самопознания и саморегуляции (в единстве самоконтроля, самооценки, рефлексии и самокоррекции). Настоящая статья узконаправленна на рассмотрение первого компонента и имеет своей целью исследование особенностей мотивационной сферы самообразовательной деятельности и разработке на их основе практических рекомендаций по стимулированию этой деятельности через повышение уровня мотивированности учащихся. Методами

исследования явились теоретическое изучение и анализ психолого-педагогической и научно-методической литературы наряду с эмпирическими методами исследования: методическим наблюдением, анкетированием по авторскому опроснику, а также опроснику Т. Д. Дубовицкой «Диагностика направленности учебной мотивации» [1].

Доминирующая роль потребностей и мотивов в процессах побуждения и управления любой деятельностью подчеркивается многими учеными (Громцева А. К., Зимняя И. А., Зуева О. А., Леонтьев А. А., Рубенштейн С. Л.). Именно мотивация является самой важной переменной продуктивности поведения, а следовательно, и основой самообразовательной деятельности, обуславливающей не только ее «начальный импульс» к действию, но и динамику всего самообразовательного процесса. Исследуя лингвосамобразовательную деятельность будущих педагогов, И. А. Бобыкина приходит к выводу, что именно отсутствие мотивации составляет 78 % всех проблем в сфере самообразования, что объясняет актуальность исследований в этой области [2].

Рассмотрению проблем мотивации учебной деятельности посвящено немало трудов отечественных и зарубежных исследователей, предложено множество классификаций учебных и самообразовательных мотивов. Так Якобсон П. М. выделяет социальные и узко личностные мотивы; Маркова А. К. классифицирует учебные мотивы на широко-познавательные, учебно-познавательные, широкие и узкие социальные мотивы [3]; Дж. Майнард, изучая устойчивость саморегулируемой учебной деятельность, выделяет целеориентированные (goal-defined) и эмпирически детерминированные мотивы (experience-defined), основанные на интересе и положительном опыте обучения [4]. Данные классификации, так или иначе, соотносятся с наиболее распространённым в педагогической и лингводидактической литературе делением мотивов на внешние и внутренние.

При внешней мотивированности учебной деятельности содержание дисциплины служит не самоцелью, но средством решения иных задач [3]. К таким мотивам можно отнести целый ряд утилитарно-прагматических и/или социально-детерминированных факторов изучения языка (получения аттестации, материальных благ, социально-статусных привилегий, новых возможностей обучения или карьерного роста). Внутренние мотивы обусловлены субъективной значимостью иноязычных коммуникативных и межкультурных компетенций для учащегося, степенью его заинтересованности самой дисциплиной.

Среди внутренних мотивов изучения иностранного языка обычно выделяют:

1) коммуникативные мотивы, связанные с желанием использовать иностранный язык в качестве средства общения;

2) лингвопознавательные мотивы, связанные с интересом к дисциплине, положительным отношение к языку, его явлениям и свойствам;

3) инструментальные мотивы, связанные с положительным отношением к определенным видам учебной деятельности [5];

4) мотививация самосовершенствования и саморазвития, включая познавательно-образовательные, и интеллектуально-развивающие мотивы.

Преобладание того или иного мотива в существенной степени определяют особенность протекания учебной деятельности. Так, внешние мотивы зависят от среды, а внутренне мотивированное поведение является более устойчивым и не требует внешних подкреплений. При доминировании внешних мотивов учащиеся предпочитают более простые задания репродуктивного характера, в то время как внутренне мотивированная деятельность характеризуется большей когнитивной гибкостью и направлена главным образом на решение трудных, творческих задач. Более того, такая деятельность обеспечивает эффективное усвоение новых знаний, повышает самоуважение личности [6]. Таким образом, очевидно, что, если

обучение, управляемое и регулируемое преподавателем, в той или иной степени может быть успешно обеспечено в условиях внешних детерминантов, самообразовательная деятельность, характеризующаяся продуктивной и творческой направленностью, опирается главным образом на внутренние мотивы. Настоящее положение также подтверждается данными нашего исследования, в котором приняли участие 169 студентов технических направлений подготовки (107 учащихся первого курса, 62 – старших курсов).

В результате анкетирования было установлено, что 52 % респондентов занимаются ИСД, при этом только 14 % делают это систематично. Отметим, что большинство исследователей, давая определение самообразовательной деятельности, называют систематичность неотъемлемым критерий этой деятельности [7,8]. С целью выявления мотивационных особенностей двух групп учащихся мы сопоставили ответы студентов, занимающихся ИСД и тех, кто не уделяет внимание самообразованию (без ИСД). Студентом был задан вопрос: «Назовите причины, по которым Вы изучаете иностранный язык. Отметьте все верные для Вас утверждения».

Как видно из рис. 1, первые два утверждения соответствуют внутренним коммуникативным и инструментальным мотивам, следующие два ответа сопоставимы с внешней мотивацией, которая, тем не менее, характеризуется положительной направленностью, в то время как последнее утверждение скорее соотносится с демотивирующими факторами обучения. Полученные ответы позволяют сделать вывод о доминировании внешних мотивов у студентов без ИСД. Диагностика направленности мотивации по опроснику Т. Д. Дубовицкой [1] дала сходные результаты, показав, что большинство студентов (76 %), в той или иной степени занимающихся самообразовательной деятельностью, имеют средний уровень внутренней мотивации, лишь 6 % демонстрируют высокий уровень. В случае второй группы (студентов без ИСД) высокий уровень показал один студент, что составляет чуть больше 1 %, средний уровень внутренней мотивации присущ 59 % учащихся, низкий уровень – 40 %.

Следующей задачей нашей работы было выявления демотивирующих причин ИСД.

В рамках предыдущих исследований нами рассматривалась мотивация изучения языка в целом, было установлено, что на первоначальном этапе обучения студенты положительно настроены на образовательный процесс, однако в последствии возникает целый ряд негативных факторов [9] как объективного характера:

1) отсутсвие потребности в использовании иностранного языка;

2) недостаточное количество аудиторных часов и нехватка времени на самостоятельную подготовку;

3) сложность самой дисциплины Иностранный язык.

Так и субъективно-детерминированных факторов:

1) несоблюдение принципов аутентичности и актуальности учебных материалов;

2) недостаточная коммуникативная направленность обучения.

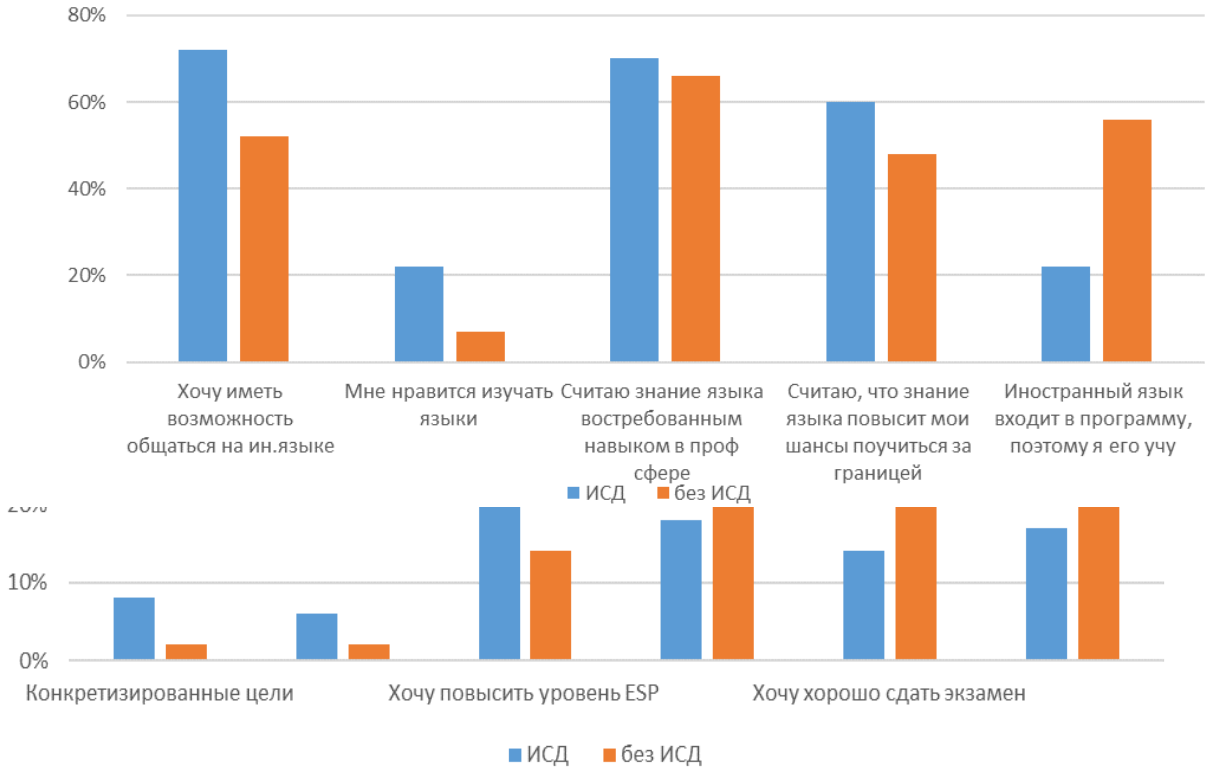
К демотиваторам непосредственно иноязычной самообразовательной деятельности можно также отнести недостаточную сфомированность аутометодических навыков и умений, то есть умений эффективно реализовывать свою познавательную деятельность, вырабатывать свои собственные стратегии и способы учебной деятельности. К ним относятся способности аутометодической мотивации (самодиагностика, положительный настрой), учебно-организационные навыки, лингвометодические ЗУН (стратегии и тактики ИСД относительно своих индивидуальных особенностей), а также ЗУН в области контроля и коррекции лингвосамообразовательной деятельности [2]. В результате анализа эмпирических данных установлено, что студенты, занимающиеся самообразованием, оперируют гораздо

большим разнообразием стратегий, средств и приемов обучения, в меньшей степени сталкиваются с проблемами самоорганизации и волевого регулирования своей деятельности.

Рис. 1. Мотивы изучения иностранного языка

Еще одним фактором, обуславливающим нежелание реализовывать ИСД являются сложностью и/или убеждённостью в непосильности ИСД, отдаленностью видимых результатов деятельности. Вместе с тем, вера в успех является эффективным стимулом познавательной активности личности, вызывает позитивное эмоциональное влияние на деятельность, активизирует ее [4, 10]. То есть, в рамках пропедевтики ИСД необходимо создавать ситуации успеха учебной деятельности, опосредованные соблюдением принципов посильности, личностной ориентации и индивидуализации, созданием благоприятной эмоциональной обстановки.

Мотивация также неразрывно связана с вопросами целеполагания, подразуме-



вающими в самом широком смысле процесс установления и конкретизации целей и задач. В рамках иноязычной самообразовательной деятельности целеполагание подразумевает способность студента самостоятельно анализировать свои потребностей в области изучения ИЯ и культуры, соотносить их с целями использования языка и формулировать на этом основании собственные учебные задачи. Чтобы оценить уровень сформированности вышеупомянутой способности студентом был задан ряд вопросов. На рис. 2 представлены ответы на вопрос: «Как бы Вы могли охарактеризовать свою цель изучения иностранного языка в вузе? По возможности, пожалуйста, кратко опишите свою цель в разделе Другое».

Рис. 2. Целеполагание при изучении ИЯ

Как видно из данных рис. 2 наблюдается некая корреляция между готовностью к целеполаганию в области изучения иностранного языка и реализацией ИСД. Многие студенты испытывают сложности с постановкой четких целей учебной деятельности, их соотнесением со своими субъективно-личностными потребностями, что

очевидно препятствует эффективному самообразованию. Чтобы студент овладел приемами целеполагания преподавателю следует подчеркивать важность дисциплины, роль изучаемого материала в общей структуре образовательной программы, выделять цели и задачи отдельных тем освоения [11], а также конкретных методических стратегий и приемов овладения иноязычной речью.

Итак, на основание полученных данных, можно заключить, что формирование мотивационно-целевого компонента иноязычной самообразовательной деятельности опосредовано адекватным балансом внешних и внутренних мотивов деятельности, осознанием субъективных целей овладения ИЯ, положительным отношением и интересом к данной дисциплине, сформированностью аутометодических способностей ИСД, стремлением к саморазвитию и самосовершенствованию.

Анализа литературы и практический опыт преподавания позволили сформулировать следующие рекомендации по созданию мотивационно-целевой базы ИСД:

1) вовлечение студентов в процессы целеполагания, выбора средств достижения поставленных целей;

2) формирование/поддержание положительного отношения к дисциплине ИЯ через содержание и средства обучения (их актуальность, аутентичность, наглядность, эмоциональную окраску);

3) индивидуализация и дифференциализацию содержания и средств обучения;

4) активное использование инновационных педагогических технологий (проектных методов, геймификации, ИКТ);

5) выраженная коммуникативная направленность обучения, а также создание условий для расширения практики межкультурного и социального взаимодействия как на организационно-педагогическом уровне (ДПО и интенсификация международной деятельности), так и на методическом уровне (парно-групповые формы работы, обучение в сотрудничестве);

6) создание условий для позитивного опыта ИСД (через ситуации успеха и удовлетворения деятельностью).

Список использованных источников

1. *Дубовицкая Т. Д.* Методика диагностики направленности учебной мотивации // Психологическая наука и образование. 2002. Том 7. №2. С.42–45

2. *Бобыкина И. А.* Формирование лингвосамообразовательной компетентности будущего учителя в процессе профессионально-педагогической подготовки. диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.08. Челябинск, 2003. 177 с.

3. *Зимняя И. А.* Педагогическая психология: учеб. для вузов. – 3-е изд., пересмотр. Москва : Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2010. 447 с.

4. *Jo M.* Sustaining motivation: self-directed learners stories. Proceedings of CLaSIC 2016 https://fass.nus.edu.sg/cls/wp-content/uploads/sites/32/2020/10/mynard_jo.pdf

5. *Рогова Г. В, Рабинович Ф. М, Сахарова Т. Е.* Методика обучения иностранным языкам. Москва : Просвещение, 199 с.

6. *Чирков В.И.* Самодерминация и внутренняя мотивация поведения человека// Вопросы психологии, 1996. № 3. С. 116–132.

7. *Коджаспирова Г. М.* Культура профессионального самообразования педагога. – Москва, 1994.

8. *Корвяков В. А.* Самообразовательная деятельность студентов как педагогическая проблема // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003. № 7. С. 59–64.

9. *Маринская А. П., Сейтумеров Р. Р.* Использование социальных сетей и блогов как средство повышения мотивации к обучению иностранному языку в техническом вузе. // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения. Сборник материалов X Международной научной конференции. 2021. С. 532–537.

10. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. В 2-х т. Москва : Педагогика. 1989. 488 с.

11. *Дмитриева И. А.* Развитие способности к целеполаганию у студентов и аспирантов : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Дмитриева Инна Александровна. Казань, 2011. 190 с.

Сведения об авторах

Маринская Александра Павловна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, a.marinskaya@mail.ru

УДК 81'373

И. Э. Мирзоян

«СЕМАНТИКА НЕМЕЦКИХ ФАМИЛИЙ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ»

I. Mirzoyan

SEMANTICS OF GERMAN SURNAMES IN THE STUDY OF GERMAN BY STUDENTS OF NON-LINGUSTIC FACULTIES

Данная статья позволит получить больше информации о процессе формирования и развития фамилий в Германии, а результаты использовать в практической деятельности преподавателей. Цель статьи заключается в выявлении особенностей происхождения немецких фамилий и возможностей их практического применения в образовательном процессе для лучшего усвоения лексического материала студентами начальных курсов неязыковых факультетов.

Ключевые слова: ономастика, антропонизм, диалекты немецкого языка.

This paper shows the formation process of German surnames. The results of the research can be used as part of practical activities in the classroom.

The aim of the paper is to identify the peculiarities of German surnames' origin and the possibility of their practical application in the educational process for the better assimilation of the lexical material by undergraduate students of non-language faculties.

Keywords: onomastics, anthroponomy, dialects of the German language.

В процессе преподавания немецкого языка хочется найти конкретные приёмы, которые бы вызвали у студентов интерес к его изучению. Одним из таких методов является использование на занятиях такого увлекательного раздела лексикологии как ономастика. Этот раздел лексикологии позволяет изучить происхождение имён собственных и фамилий.

Единственным учёным в Германии на сегодняшний день является Юрген Удольф, профессор Лейпцигского университета, который занимается исследованием происхождения немецких фамилий. Он и занимается исследованием происхождения немецких фамилий. В Германии появилось новое издание профессора под названием «Книга имён от профессора Удольфа».

Основываясь на научные исследования в этом вопросе и благодаря колоссальному труду учёного, можно открыть для себя волшебные приёмы в изучении, например, лексики на начальных этапах изучения языка. Из своего собственного опыта прихожу к выводу, что студенты уже после первого занятия могут уйти с достаточным багажом немецким слов, о которых даже не догадывались раньше.

У всех на слуху фамилии Celvin Klein, Erich Krause, Boris Becker и т. д.

До XII в. в Германии фамилии не было вообще. Так как имена людей часто повторялись и необходимо было придумать какие-то отличия. Таким образом появились фамилии.

Первые фамилии присваивались лишь богатой и знатной части общества. Как дополнение использовались имена отцов (Вальтер, Вернер).

Фамилия первого канцлера ФРГ Аденауэр, имеет географическое происхождение. Конрад Аденауэр - Конрад из местечка Аденау.

Фамилия рассматривается рядом учёных, как один из типов антропонимической системы.

М. В. Голомидова относит фамилию к первому типу антропонизма.

Слово «фамилия» латинского происхождения. Совокупность рабов, которые принадлежали одному хозяину во времена Римской Империи, означало это слово. Затем – единство, которое состояло из семьи хозяев, а также их рабов. И в конце концов - общность, состоящую из главы семьи, кровных или некровных родственников.

Известен тот факт, что даже в XIX в. крепостные получали фамилию своего владельца. Своё второе значение термин «фамилия» обретает лишь к XIX в. Фамилия становится «наследственным семейным именованием, прибавляемым к личному имени».

Самые первые фамилии зародились в Италии. Рабы получали фамилию своего хозяина. В Германии же они стали появляться на севере страны по указу Наполеона. И, как уже было сказано выше, основная часть жителей Германии получила фамилии в период с XVIII по XIX вв. Что же означает это слово? Как трактуют его известные учёные?

Фамилия (от лат. слова, *familia* – семья) - приобретаемое при рождении (или в браке) и переходящее по наследству родовое наименование лица (Большая советская энциклопедия Б. А. Введенская).

В словаре С. И. Ожегова мы найдем следующее определение этого слова: «Фамилия - наследуемое семейное наименование, прибавляемое к личному имени».

Говоря о немецких фамилиях, мы должны учитывать тот факт, что они отличаются друг от друга влиянием многочисленных диалектов немецкого языка. Различия их можно увидеть не только в фонетическом, но и в орфографическом звучании. Так, к примеру, в Баварии распространено написание ai/ay вместо ei: Mayer, Meyer.

Фамилия и имя иногда в некоторых областях Германии дополняют друг друга.

Возьмём восточнофризскую область Германии (побережье Северного моря). В этой части страны можно проследить значительное отличие имен и фамилий. Чем можно объяснить этот факт? В первую очередь особенностью фризского языка.

Рассмотрим следующие примеры фамилий, образованные из личных имён, которые оканчиваются на -a, -(e)na, -stra: Alberta, Otlena, Wiestra. На первый взгляд догадываешься, что речь идёт о какой-то фамилии.

Вот ещё несколько примеров, из которых видно, что фамилии связаны были с названием местности, населённого пункта или объекта местности. Например, Kassel (название деревни), а сегодня известный город в Германии, Schwarzwald. На этом примере можно остановиться подробнее, напомнив студентам, откуда появилось национальное кондитерское изделие. Сам же перевод Schwarzwald означает «чёрный лес».

С какой лёгкостью можно запомнить существительные Blume (цветок) или Baum (дерево) в фамилиях Розенблюм или Альфенбаум.

Времена года помогут выучить такие фамилии, как Sommer (лето), Königswinter (королевская зима).

Большинство немецких фамилий в основном состоят из одного слова. Но до 1919 года имена бывших аристократов включали в себя предлог-частицу «von». На примере фамилии известного ученого Werner von Siemens, можно заучить приставку «von» (переводится как «из») или Johann Wolfgang von Goethe.

Остановимся на этимологии происхождения фамилии Bernstein. Слово само по себе очень интересное. С одной стороны, Бернштайн – это посёлок в Австрии, в федеральной земле Бургенланд, а с другой стороны, авторы Оксфордского словаря фамилий Британии и Ирландии отмечают, что эта фамилия произошла от глагола «bernen» (жечь), но от средненижненемецкого, и stein (камень).

В современном немецком языке значение слова Bernstein (янтарь). Есть версия, что эта фамилия могла быть и от другого распространённого немецкого топонима Bärenstein. На этом примере можно заучить слова Bär (медведь) и Stein (камень).

Во многих словарях немецких фамилий мы обнаружим отсутствие отличий по родам. То есть отсутствие суффиксов. И мужские, и женские фамилии пишутся и произносятся одинаково (Helmut Klein – муж. и Gabriella Klein – жен.). Если рассматривать швейцарские фамилии, то их крайне редко можно услышать на территории Германии и Австрии. Швейцарские фамилии редко отображают ту классификацию, которую мы рассматривали выше, и вряд ли они будут отображать какую-либо профессию или местность, где могла бы она зародиться. В основном это окончание -ing/ig: Michling или же вообще без окончаний: Forr, Zürer.

Около 5 % всех немецких фамилий охватывает группа со спорным происхождением, то есть их создание, их происхождение находится под вопросом. Вряд ли можно догадаться, что фамилия Reith может быть от искажённого слова Reut (поле) или от искажённого слова Ried (камыш).

Фамилии, их происхождение и звучание содержат в себе очень важную лингвострановедческую информацию. Они помогают ближе узнать страну изучаемого региона. Разбор фамилий может заинтересовать студентов, поможет развивать учебную мотивацию.

Известный немецкий языковед А. Бах (кстати, его фамилия переводится – ручей) выделил даже региональные зоны с характерными для них особенностями фамилий. Работы многих учёных помогли выделить конкретные группы фамилии в зависимости от источника их происхождения:

1) фамилии, происходящие от рода деятельности;
2) фамилии, описывающие личные характеристики человека;
3) фамилии образованные, от личных имён;
4) фамилии, имеющие славянские корни: Vratsek, Hanke, Kowalski, Makler;
5) фамилии, названные по имени местности;
6) фамилии, описывающие географические особенности местности;
7) фамилии, связанные с флорой и фауной.

Изучив данную закономерность и ознакомив с ней студентов, можно добиться нужного результата в процессе овладения лексическим запасом в изучении языка.

Как уже было сказано, то одна часть фамилии происходила от личных имен, а другая часть - от прозвищ.

И тут хочется остановиться на приёме, который уместно использовать в процессе ознакомления студентов с вопросами страноведения стран изучаемого региона.

Имена великих немецких музыкантов вошли в вечность, но как интересно узнать и заодно пополнить лексический запас студентам на истории возникновения их фамилий.

Начнём с Моцарта. Родной город Моцарта – Зальцбург (в переводе солёная крепость) для многих является незнакомой информацией. Выучив 2 новых слова - соль и крепость, переходим к самой фамилии. Фамилия Моцарт состоит тоже из 2 корней = Moz + art. Следуя правилам немецкого словообразования, эту фамилию можно перевести как «подобный Moz», что означает «хилый человек», а имена, заканчивающиеся на art – hart => означает сильный или твёрдый. Итак, получаем «хилый силач» – это жаргонное словечко. Кстати, «Motze» имеет обиходный смысл, и именно таким воспринимался друзьями великий композитор.

А вот носители фамилии «Бетховен» в 17 веке являлись католические фермеры, проживающие во Фландрии. Раскладываем слово и получаем «beet» – свёкла, «hof» – двор, земля. Прямой смысл перевода фамилии на русский язык – Свекольников.

Фамилия Шуберт происходит от слова «Schuber», – в переводе означает футляр. Одни исследователи склоняются к версии, что Шуберты занимались изготовлением различных футляров и чехлов, а другие не исключают отражение в фамилии черты характера – замкнутость!

И вот мы подходим к самым популярным немецким фамилиям, которые обозначают профессии или занимающие должности. И именно здесь студенты обогатят свои знания и без стресса и с огромным интересом выучат, что:

Müller – мельник

Schmidt – кузнец

Schneider – портной

Weber – ткач

Koch – повар

Wagner – каретник

Schulz – староста

Давайте остановимся на разборе приёмов создания немецких фамилий.

1. Самым распространённым будет являться слияние двух существительных, сущ + сущ = Augenblick (мгновенно), zimmermann (плотник).

2. Одним из частых приёмов в создании фамилий можно встретить слияние прилагательного + существительного.

”dick” + ”Mann” = Dickmann (толстяк)

”schwar” + ”Kopf” = Schwarzkopf (чёрная голова)

“grau” + ”Berg” = Grauberg (серая гора)

3. И наконец, отдельное слово, означающее какие-либо физические или другие отличия человека или же по характерам.

”Stolz” – гордый

”Bart” – борода

”Kraft” – сила

”Stark”– сильный

”Schiller” – косоглазый

”Erhard” – сильная воля

”Gering” – незначительный

Разве не вызывает интерес тот факт, что «Kaiser» – это фамилия, которая происходит от прозвища человека? Это дразнилка или прозвище. Это признак, указывающий на гордость. То есть и Stolz и Kaiser – эти фамилии указывают на то, что человек – гордый.

Используя материал о немецких фамилиях на начальных уроках для студентов первого и второго курсов, можно предложить задания, обогащающие не только лексические знания, но и помогая в освоении грамматики.

Такими заданиями могут быть следующие:

1. Установите артикль в словах.

Zimmermann, Schweinsteiger, Schönfeld.

2. Используя прилагательные, с помощью которых образовались немецкие фамилии, сопоставьте словосочетания и просклоняйте их.

Krause, Lange, Neu, Klein, Braun.

Это могут быть следующие словосочетания: кудрявые волосы, длинная борода, новый ученик, маленькая девочка, карие глаза.

3. Увлекательным заданиям для любителей футбола будет следующее:

Переведите на русский язык фамилии футболистов немецкой сборной по футболу.

Neumann, Kahn, Schweinsteiger, Müller.

В заключении хочется отметить, что история создания немецких фамилий и их использование на практических занятиях по немецкому языку являются неисчерпаемым материалом для более детального осмысления немецкого языка и повышения интереса студентов в его изучении.

Список использованных источников

1. *Александрова Т. С., Добровольский Д. А., Салахов Р. К.* Словарь немецких личных имен. Происхождение. Значение. Употребление. Москва : Русский язык, 2000. 248 с.

2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. Москва : УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.

3. *Бах А.* История немецкого языка. Москва : Издательство иностранной литературы, 1956. 344 с.

4. *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика : монография. Москва : Просвещение, 1983. 232 с.

5. *Голомидова М. В.* Русская антропонимическая система на рубеже веков // Вопросы ономастики. 2005. №2. С. 11–23.

6. *Горбаневский М. В.* В мире имён и названий : монография. Москва : Знание, 1987. 206 с.

7. История немецких личных имён // Электрон. текстовые, граф., зв. дан. и прикладная прогр. – URL: http://www.imena.org/name germ.html (дата обращения: 23.10.21).

8. Криптоним // Электрон. текстовые, граф., зв. дан. и прикладная прогр. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%B0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC (дата обращения: 22.10.21)

9. Литературные антропонимы // Электрон. текстовые, граф., зв. дан. и прикладная прогр. – URL: http://www.dissercat.com/content/antroponimy-v-khudoz.tekstakh-d-kharmsa-strukturno-semanticheskii-aspekt (дата обращения: 23.10.21).

Мирзоян Ирина Эдуардовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, irinamirz@mail.ru

УДК 378.048.2

А. П. Молчанов, Е. П. Желтова

МУЗЫКА КАК ТРИГГЕР В ПОВЫШЕНИИ АКАДЕМИЧЕСКИХ УСПЕХОВ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ

A. Molchanov, E. Zheltova

MUSIC AS A TRIGGER IN INCREASING STUDENTS' ACADEMIC AND INTELLIGENT ABILITIES

Авторы пытаются проанализировать теоретические и практические результаты исследований в области влияния музыки на деятельность человека посредством ретроспективного анализа классических музыкальных произведений и их пользы в процессе обучения. Предложены результаты собственных исследований по работе с современным телекоммуникационным оборудованием для изучения взаимосвязи музыки, памяти и интеллектуальных способностей молодежи, а также пользы музыки в образовательном процессе.

Ключевые слова: музыкальное воздействие, интеллект, языковые способности, эффект Моцарта, память, мозг, процесс обучения.

The authors try to analyze the theoretical and practical results of research in the field of music influence on human activity by means of a retrospective analysis of classical musical works and their benefits in the process of learning. The own research findings in operating with modern telecommunication equipment to study the correlation of music, memory and intelligent abilities of young people as well as the benefits of music in education process are proposed.

Keywords: Music influence, intelligence, language ability, Mozart effect, memory, brain, education process.

The influence of music on human development, mood, brain and abilities is studied by various representatives around the world. In a historical context, the development of music is inseparable from the development of sensory abilities.

The positive influence of music on humans has been known since ancient times. Since the primitive syncretic society, music has been inseparable from the rudiments

of primitive dance. In ancient Egypt, music was used to treat insomnia, and shamanic music, according to sources, healed the wounds of wars after a battle. Since the 19th century, science has accumulated a lot of vital information about the effects of music on humans obtained as a result of experimental research.

In recent decades the influence of music has been studied especially intensively. Experiments are being conducted in several directions, such as:

1) the influence of certain musical instruments on living organisms;

2) the influence of the music of the great geniuses of mankind, the individual influence of individual works of composers;

3) the impact of folk and meditation music on the human body, emotional state etc.

In the modern world, the topic of the influence of music on the brain has become more popular than ever. The influence of music on learning and intelligence is being investigated by native and foreign scientists, philologists, neurolinguists, psychologists such as T. Chernigovskaya, V. Nikamin, G. Samsonova, D. Howard, J. Angus, F. Baker, Mitzi etc [4,6,7,9,10,12].

Several studies in recent years have linked music, memory, and emotion. To back this claim, Petr Janata, Sc. Christ has conducted studies to prove “music serves as a potent trigger for retrieving memories” [13, 14]. This evidence supports the theory that studying while listening to music is a very beneficial practice. The development of linguistic ability acts as an indifferent attitude to the speech behavior of people, as a special activity in the assimilation and usage of speech techniques to establish contacts with others. Music has been proven to play an important role in this respect. That is why some language courses are set to a musical pattern of ear-catching melodies.

Music is an extremely effective means of influencing human consciousness. It helps stimulate the development of intelligence and creative abilities of a person, as well as improve the properties of memory and language skills. A Stanford study found that “music moves our brain to pay attention”. Researchers utilized musical compositions from the 1800s in their study and found that “music engages the areas of the brain involved with paying attention, making predictions and updating the event in memory” [13]. The research also revealed that musical techniques used by composers 200 years ago help the brain organize incoming information. That is why, Mozart, Bach, Vivaldi and Beethoven can help students categorize information, which is an influential asset to studying.

The so-called "Mozart effect" and "Vivaldi effect" have long been known in science. Scientists set up their independent scientific experiments and learned a lot of facts about unique and special points in Mozart's music. As the scientists themselves noted, in a person listening to Mozart's music, literally the entire cerebral cortex begins to “glow” [4]. For instance, listening to the famous symphonic work by Antonio Vivaldi entitled "The Seasons" improves an individual’s memory properties.

During these experiments, the native and foreign researchers noticed several positive effects on a human’s body and brain as classical music activated both the left and right brain at the same time, and the activation of both hemispheres could maximize learning and improve memory [1, 3, 9, 11]. Besides, when training intuitive thinking, classical music expands the capabilities of the intellect in overcoming all kinds of stereotypes, activates the work of the subconscious and creative intuition, expands the possibilities of analyzing a large amount of material and predicting the possible results of such an analysis. Thus, the human intelligence is stimulated to creative self-realization and the formation of a unique personality. In short, one of the essential aspects of the positive impact of music on intelligence is the improvement of intuitive thinking [2, 3]. The measurement results are shown in tables 1–4.

Table 1

Stimulation of memory

	Music	Duration (min)
1	W.A. Mozart. "Turkish March"	2.02
2	P.I.Tchaikovsky. "Neapolitan song"	1.20
3	J.S.Bach. "6 little preludes"	12.40
4	F. Chopin. "Prelude No. 20"	2.20

Table 2

Save memory

	Music	Duration (min)
1	W. A. Mozart. "Sonata for Violin and Piano in E Minor"	12.03
2	F. P. Schubert. Evening serenade	4.49
3	PI Tchaikovsky - "Waltz of the Flowers" from the ballet "The Nut-cracker"	7.30
4	P. Duke. Scherzo "The Sorcerer's Apprentice" for symphony or-chestra	11.38

Table 3

Development of auditory memory

	Music	Duration (min)
1	Russian folk song "You are my field"	2.15
2	E. Grieg. Song "Spring" for piano	3.28
3	P. I. Tchaikovsky. Piece "March" from "The Four Seasons" for pi-ano	2.53
4	I. Bach. Fugue theme in C minor from volume 1 of the WTC ("The Well-Tempered Clavier")	3.30
5	L. V. Beethoven. Finale theme from symphony No. 9	1.47

Table 4

Development of logical memory

	Music	Duration (min)
1	D. D. Shostakovich. Song "Song of the Counter"	2.55
2	I. Dunaevsky. Song "Wide is my native land"	3.30
3	V.P.Soloviev-Gray. Song "Moscow Nights"	4.17
4	J. Lennon. "Yesterday"	2.30
5	J. Haydn. "First Movement of the Sonata in E Minor" for piano	6.29
6	W.A. Mozart. Final Symphony No. 40	4.34
7	L. V. Beethoven. 1st movement of Quartet No. 8	4.07
8	F. Chopin. "The first theme of the ballad No. 2" for piano	7.42

Memory is considered to be an integral part of intelligence and today musical memory has already been established to be a harmonious combination of several types of memory such as auditory, logical, emotional, motor and visual. An appeal to musical memory may be a trigger to all its types at once.

Therefore, the development of musical memory is extremely effective in developing all types of memory. The measurements on mental stimulation are shown in tables 5 and 6.

Table 5

Mental stimulation

	Music	Duration (min)
1	Russian folk song "Oh, you are my steppe, wide steppe"	4.13
2	S. Bach. Small Preludes and Fugues 1 and 3 for Harpsichord	3.10
3	L. V. Beethoven. The first movement of the string quartet no. 4	3.15
4	A. N. Scriabin. 2nd movement of symphony No. 1	7.52

Table 6

Extreme Mental Stimulation

	Music	Duration (min)
1	Bell sounds	–
2	A. N. Scriabin. Sonata No. 7 for piano	10.56
3	P. I. Tchaikovsky. Variations on the Rococo Theme for Cello and Orchestra	17.41
4	F. Chopin. Prelude No. 18 for piano	0.41
5	S. Bach. Prelude No. 1 from the 1st volume of the WTC	9.30

These musical works might have been recommended as exercises, taking into account the above advice and one's own preferences [4]. The tables show sections of stimulation and memory retention, as well as the development of logical and auditory memory and stimulation of intelligence. Whether or not music improves cognitive function depends on whether the music first improves a person's emotional state" [13]. If you want to improve brain performance while studying, evidence now shows that you must first improve your emotional state by listening to music. Music can influence our emotions, so singing and even just listening to songs can make it easier to deal with all the ailments that can interfere with mood disorders, depression, anxiety disorders and other mental problems. But loud listening, aggressive music and lack of variety in music can do the opposite effect [5].

The study of the connection between music and intelligence is a very challenging research area, with lots of unanswered questions that interests researchers. However, today it is necessary more than ever to make an attempt to prove it and reach a new level of development involving the students.

In this respect, an experimental study on 16 test-takers aged 22-37 was undertaken at the St. Petersburg television center not long ago. The purpose of the experiment was to check the benefits of music in increasing mental abilities of young people. Their task was to memorize the coherence of figures while listening to classical music pieces from tables 1- 6 mentioned above. The test-takers were asked to listen to the numbers from 1- 50 in random order and write them down for 5 days. Every day a new musical fragments was added (the first day no music at all). The analysis indicates a gradual increase in mental ability and as result 8 out of 16 test takers did not make any mistakes on the 5th day and achieved more academic and intelligent abilities.

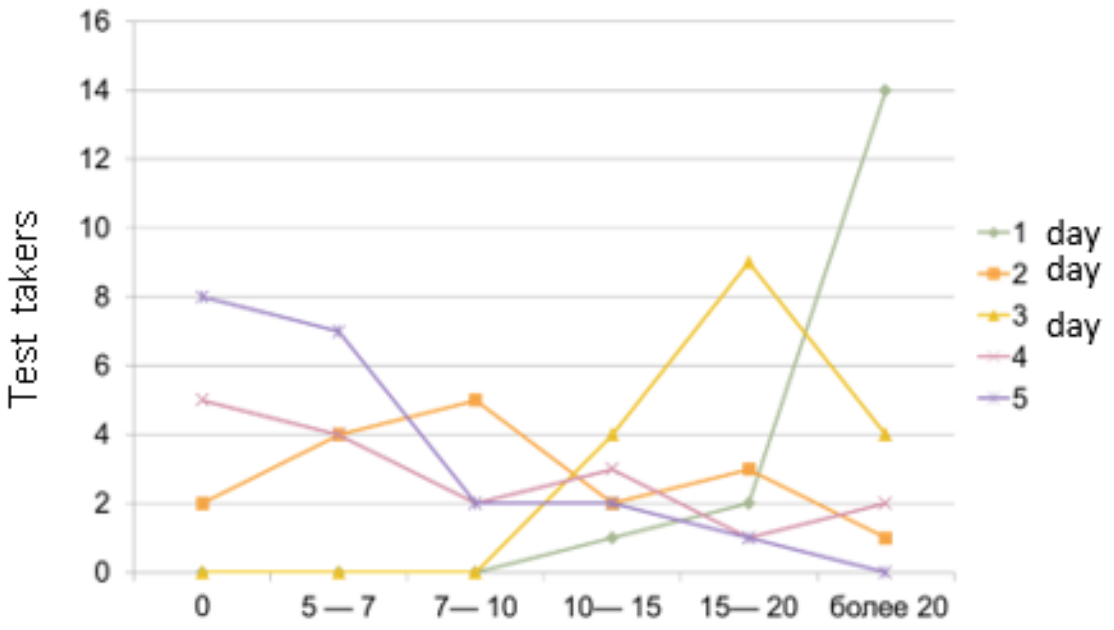


Figure 1. Study session with classical music

So, data obtained under room conditions proved the efficiency of study session with music, i.e. background music is proven to have enhanced performance on cognitive tasks. The study found that listening to music allowed the test takers to complete more questions in the time allotted and get more answers right. This evidence supports the theory that studying while listening to music is a very beneficial practice.

In addition, some test takers noticed the increase of their academic abilities confirming the benefits of studying with music as it helped them:

1) focus more;
2) reduce stress;
3) concentrate on tasks;
4) keep stress at bay and put in the learning mood;
5) reduce test anxiety;
6) improve my performance;
7) improve brain functions, etc.

Hence, music provides youngsters and students with knowledge and skills, which is necessary to achieve success. Students who listen to music more frequently enjoy multiple advantages. It improves the learning outcomes of the student. The students are assigned numerous assignments which becomes difficult for the students to manage. The continuous listening of music develops brain areas related to reasoning and language. The left side portion of the brain matures significantly with songs and music. Thus, musical activity serves as a cognitive exercise for the brain which trains it for more challenges in the future and should be integrated in educational process, for it can play a vital role in improving overall academic performance.

Список использованных источников

1. *Аксельрод Г.* Психотерапия. Эффект Вивальди. – URL: https://www.pora.ru/health/prophylaxis/psychotherapy/23083.html (дата обращения: 31.10.21)

2. *Асмус В. Ф.* Проблема интуиции в философии и математике (Очерк истории: XVII – начало XX в.). Москва : Мысль, 1965

3. *Бунге М.* Интуиция и наука. Москва : Прогресс, 1967. 187 с.

4. *Никамин В. А.* Музыка. Интеллект. Здоровье : монография. Санкт-Петербург : СПбГУТ, 2020. 164 с.

5. *Самсонова Г. О.* Биорезонансная коррекция функционального состояния организма // Вестник новых медицинских технологий. 2006. Т. XIII. № 1. С. 151–153.

6. *Черниговская Т. В.* Мозг и знаковые системы: чтение, музыка, математика. В книге: Восьмая международная конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. / отв. ред. А. К. Крылов, В. Д. Соловьев. 2018. С. 1255.

7. *Черниговская Т. В.* Как музыка делает людей умнее. – URL: https://www.sobaka.ru/city/science/81388 (дата обращения: 31.10.2021.)

8. *Шухманова Г.* Эффект Вивальди. – URL: https://www.colors.life/post/123812/ (дата обращения: 31.11.21).

9. *Baker F. A., Gleadhill L. M., Dingle G. A.* Music therapy and emotional exploration: Exposing substance abuse clients to the experiences of non-drug-induced emotions // The Arts in Psychoterapy. 2007. Vol. 34. Issue 4. p. 321–330.

10. *Baker F. A., Tamplin J., Kennelly J.* Music Therapy Methods in Neurorehabilitation: A Clinician's Manual. London: Jessica Kingsley Publishers, 2006. 256 p.

11. *Howard D., Angus, J.* Acoustics and Psychoacoustics. G-B. : Focal-Press, 2001

12. *Baker M.* "Music Moves Brain to Pay Attention." Stanford School of Medicine. Stanford School of Medicine, 01 Aug. 2007. Web. 03 Apr. 2014.

13. *Christ S.* "20 Surprising , Science-backed Health Benefits of Music." USA Today. Gannett, 17 Dec. 2013. Web. 03 Apr. 2014.

14. *Janata P.* Study Finds Brain Hub That Links Music, Memory and Emotion :: UC Davis News & Information." UC Davis News & Information. UC Davis, 23 Feb. 2009. Web. 03 Apr. 2014.

Сведения об авторах

Молчанов Александр Павлович – магистрант 1-го курса, редактор отдела аудиотехнологий научно-образовательного центра «Медиацентр», Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, cach22a@yandex.ru

Желтова Елена Петровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, elena_gzheltova@mail.ru

УДК 811.111'367

М. И. Парамонова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НОВОСТНЫХ ХЕДЛАЙНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЕБ-ВЕРСИЙ ГАЗЕТ)

M. Paramonova

SEMANTIC FEATURES OF ENGLISH-LANGUAGE NEWS HEADLINES (BY THE MATERIAL OF WEB VERSIONS OF NEWSPAPERS)

Статья посвящена особенностям семантики новостных хедлайнов в веб-версиях англоязычных газет. Выделены наиболее распространенные семантические типы англоязычных новостных хедлайнов, описана специфика реализации функции привлечения внимания к новостному материалу хедлайнами, имеющими разную смысловую соотнесенность с текстом.

Ключевые слова: веб-версия газеты, новостной текст, гипертекстовый переход, хедлайн, семантический тип хедлайна.

The article is devoted to the semantic peculiarities of news headlines in web versions of English-language newspapers. The most common semantic types of English-language news headlines are revealed, the specificity of their implementing the function of drawing reader's attention to the news article on the basis of headline and text semantic correlation is described.

Keywords: web version of a newspaper, news text, hypertext link, headline, semantic type of a headline.

Усиление роли СМИ в современном обществе, интенсивная информатизация различных сфер жизни, стремительное расширение информационно-коммуникационного пространства, что происходит в связи с активным взаимодействием средств массовой информации с интернет-средой, появление новых видов СМИ, новых жанров, новых типов текста обусловливают повышенный интерес лингвистов к изучению функционирования языка в медийном секторе сети Интернет. В настоящее время одним из ведущих объектов исследований в сфере медиалингвистики является сетевой новостной текст. Это объясняется, с одной стороны, тем, что новостные материалы занимают доминирующую позицию в контенте интернет-СМИ, отличаются доступностью, оперативностью, информационной плотностью, удобным дизайном, возможностью быстрой навигации. С другой стороны, изменения структурных, функциональных, языковых и речевых особенностей медийных текстов, обусловленные сменой традиционного печатного формата, наиболее четко прослеживаются в новостных текстах. В интернет-среде новостной текст приобретает свойства, характерные для интернет-дискурса в целом: гипертекстовость, мультимедийность, интерактивность, сближение с разговорным языком [1, 2], поликодовость, конвергентность, способность к свертке [3], новая коммуникационная модель [4].

На фоне развития электронной коммуникации существенным изменениям подверглись многие текстовые категории. Среди новых текстообразующих категорий сетевого текста, таких как гипертекстуальность, мультимедийность и интерактивность, наиболее важное значение имеет гипертекстуальность. Данная категория связанна с изменениями принципов текстовой композиции, а также организации поиска информации и заключается в нелинейном представлении информации в сети посредством нового типа текста – гипертекста, где связи осуществляются при помощи гиперссылочного аппарата [5]. Гипертекст имеет ризомную, открытую, подвижную структуру благодаря множеству каналов связи, плюрализму, децентрализации, антииерархичности [6]. Гиперссылка рассматривается как ключевая категория Интернета. Активация гиперссылки дает читателю возможность выбрать смысловую траекторию, смысловое направление текста, превращая ее в смысловой узел текста [7].

В рамках новостного гипертекста изменения претерпевает речевая структура новости: исчезает традиционная классическая композиция, структура новости характеризуется незавершающейся гиперструктурностью, поливекторностью, поэтапностью информирования, что ведет к вариативности логики осведомления [8]. Одной из существенных композиционных особенностей новостного текста в онлайн формате становится двойной заголовок. Так, помимо собственно заголовка, в соответствии с общепринятой композиционной структурой информационных изданий, новостной материал имеет также мультимедийный новостной блок, оформленный в виде гиперссылки, функционирующий в роли заголовка на первой странице издания и отсылающий к статье посредством активации гипертекстового перехода. Данный блок, как правило, состоит из трех элементов – короткого текстового сообщения, анонса (аналоги собственно заголовка и лида), а также изображения. Некоторые лингвисты рассматривают данные информационные блоки как отдельный компонент новостного материала – так называемый хедлайн, поскольку с точки зрения их функциональной нагрузки они не являются полным аналогом заголовков: хедлайн, обеспечивающий переход к новостному сообщению, должен привлечь внимание читателя, заставить его осуществить этот гипертекстовый переход [9]. Кроме того, хедлайн, являясь источником гипертекстового перехода, в отличие от заголовка статьи, не принадлежит формально-текстовому пространству текста перехода, часто имеет другое языковое оформление и иную смысловую соотнесенность с текстом статьи. В плане смысловой соотнесенности с текстом перехода выделяются так называемые эквивалентные (смысл текста адекватно отражен в хедлайне), партитивные (формулировка хедлайна отражает лишь один из аспектов новости, что делает семантические отношения между источником гипертекстового перехода и объектом перехода менее корректными) и контрадикторные хедлайны (семантическое несоответствие содержания хедлайна и текста статьи) [9]. При этом полагают, что именно контрадикторность хедлайна способствует большему количеству просмотров новостного материала, что объясняет большую распространенность именно данного семантического типа в интернет-СМИ.

Однако анализ материала показал, что в веб-версиях изданий, относящихся к так называемой качественной британской прессе, а также в ведущих газетных изданиях США контрадикторные хедлайны практически не встречаются. Наиболее распространены эквивалентные и в меньшей степени – партитивные хедлайны. С одной стороны, это объясняется устойчивой тенденцией к усилению заголовочного комплекса в сетевой версии, что выражается в повышении уровня его информативности с одновременным снижением экспрессивности, в связи с чем широко распространенные в англоязычных газетах информативно-троповые заголовки, обозначающие тему статьи через художественное именование проблемы, уступают место информативно-концептуальным заголовкам, среди которых

наиболее употребительны заголовки-хроники, демонстрирующие прямую связь между названием и текстом статьи [10, 11]. При этом в веб-версии газеты заголовки имеют развернутую структуру, часто превращаются в небольшой текст, что несвойственно печатному формату. С другой стороны, меньшая смысловая соотнесенность заголовка с текстом статьи, а часто и прямое искажение содержащихся в тексте фактов, внетекстуальность и сенсационность заголовка в целом более свойственна так называемой «желтой» прессе.

В результате анализа хедлайнов, имеющих эквивалентные семантические отношения с текстом, установлено, что хедлайны ведущих новостных материалов, как правило, имеют полную (трехкомпонентную) структуру, включающую изображение, аналоги заголовка и лида, языковое оформление которых идентично собственно заголовку и лиду статьи. В менее релевантных новостях текстовая часть хедлайна может содержать только аналог заголовка, при этом отсутствует жесткая соотнесенность его языкового оформления с собственно заголовком статьи. Это свидетельствует о том, что хедлайн не дублирует заголовок, а является относительно самостоятельным высказыванием, имеющим особую функциональную нагрузку. При этом заголовок статьи, как правило, более информативен, в сравнении с хедлайном, который отражает содержание статьи в целом, как в следующем примере: [хедлайн:] «Alarm at growing long Covid crisis revealed» / [заголовок:] «Revealed – Health secretary's private alarm at «huge» and growing problem of long Covid» (www.independent.co.uk). Часто эквивалентные хедлайны выполняют дополнительную функцию структурирования информации на сайте издания для оптимизации процесса поиска информации и содержат название тематической рубрики новостных материалов: [хедлайн:] «Climate Crisis / Halt destruction of nature or risk «dead planet», leading business warn» / [заголовок:] «Halt destruction of nature or risk «dead planet», leading business warn» (www.theguardian.com).

Несмотря на то, что функция привлечения внимания читателя к новостному материалу более свойственна контрадикторным хедлайнам, она может реализовываться и при использовании эквивалентных хедлайнов. Так, интрига создается, когда хедлайн содержит цитату из текста статьи, интерпретацию смысла которой возможно осуществить только при непосредственном обращении к источнику информации: [хедлайн:]»Today I'm very happy» / With queues at the pubs and beauty salons, Sydney reopens after more than 100 days in lockdown» / [заголовок:] «With queues at the pubs and beauty salons, Sydney reopens after more than 100 days in lockdown» (www.theguardian.com). Данная цитата принадлежит владельцу магазина, который испытывал большие трудности в связи с ограничительными мерами в период пандемии: «When I opened my eyes today, I was crying, I swear to God. I hadn't opened the shop in months. I've had to pay my bills and everything – it was tough. But today I'm very happy, the reopening is very good». Кроме того, интерес читателя к новостному материалу обеспечивается благодаря высокой степени эпистемической ответственности автора в большинстве эквивалентных хедлайнов, в отличие от соответствующих заголовков, где автор статьи часто демонстрирует уход от эпистемической ответственности, ссылаясь на источник информации: [хедлайн:] «Tories opposing action on climate crisis face backlash from own voters» / [заголовок:] «Tories opposing action on climate crisis face backlash from own voters, new research shows» (www.independent.co.uk). Вербализация эпистемической ответственности в хедлайне происходит в рамках так называемой стратегии «констатация факта» [12], которая выражается в виде категорического утверждения, позволяющего представить информацию как объективное знание, как факт, обладающий презумпцией достоверности, в то время как в заголовке журналист выступает скорее в роли ретранслятора информации, полученной из внешнего источника. Более выраженная степень категоричности эквивалентного хедлайна часто реализуется на

лексическом уровне: [хедлайн:] «Nobel prizes: Academy head rejects gender or ethnicity quotas» / [заголовок:] «Nobel Prize will have no quotas, Academy head says» (www.theguardian.com).

Партитивность новостного хедлайна наблюдается в случае его частичной смысловой соотнесенности с содержанием текста – как правило, партитивный хедлайн отсылает к наиболее релевантной части информации, представленной в статье. В следующем примере формулировка хедлайна отражает лишь один из аспектов содержания статьи (гуманитарная помощь Афганистану), в то время как вторая ключевая проблема новостного материала (отказ руководства США признавать легитимность новых руководителей страны) не представлена: «Afganistan / US to send humanitarian aid» (www.telegraph.co.uk). Партитивность может также проявляться, когда хедлайн не дает четкого представления о содержании текста. В данном случае смысл хедлайна раскрывается только при непосредственном обращении к статье. Так, хедлайн «UK lags as western Europe outperforms east» (www.theguardian.com) отсылает к статье, посвященной связи вакцинации с темпами улучшения ситуации, вызванной пандемией, в Великобритании, западноевропейских странах, а также странах Восточной Европы. Используя данный тип хедлайнов, автор стремится привлечь читателя к новостному материалу, заставляет его активировать гипертекстовый переход. С этой же целью может использоваться партитивный хедлайн, представленный в виде незаконченного высказывания: «Brian Goldner, who led transformation at Hasbro, dies at…» (www.usatoday.com).

Таким образом, особенности смысловых отношений между источником и объектом гипертекстового перехода (хедлайн / новостной текст) способствуют большему количеству просмотров новостной статьи. Выбор того или иного семантического типа новостного хедлайна определяется характером издания, степенью релевантности новостного материала, а также интенцией автора. В веб-версиях англоязычных газет, относящихся к качественной прессе, наиболее распространены эквивалентные и партитивные хедлайны. Данные семантические типы хедлайнов характеризуются специфическими особенностями реализации функции привлечения внимания читателя к новостному материалу.

Список использованных источников

1. *Калмыков А. А.* Интернет-журналистика в системе СМИ: становление, развитие, профессионализация: автореф. дисс. … док. фил. Наук. Москва, 2009. 29 с.

2. *Лукина М. М.* Интернет-СМИ: теория и практика / М. М. Лукина. Москва : Аспект Пресс, 2010. 348 с.

3. *Барабаш В. В., Рауф Х.* О влиянии интернета на лингво-дискурсивную парадигму современного медиатекста // Филологические науки. 2019. Специальный выпуск. С. 3–11.

4. *Шевелева И. А.* Лингвистический подход к исследованию интернет-журналистики // Вестник СамГУ. 2010. № 3(77). С. 140–146.

5. *Хартунг Ю.* Гипертекст как объект лингвистического анализа // Вестник МГУ. Филология. 2005. № 3. С. 61–77.

6. *Синельникова Л. Н.* Ризома и дискурс интермедиальности // Russian Journal of Linguistics. 2017. № 21(4). С. 805–821.

7. *Красноярова О. В.* Феномен гипертекста и гиперссылки // Вопросы теории и практики журналистики. 2012. № 1. С. 46–54.

8. *Дускаева Л. Р.* Речевая структура новостных текстов сетевых изданий // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 1 (25). С. 179–183.

9. *Утяшев А. Р.* Семантика гипертекстовых переходов в новостном интернет-дискурсе // Вестник МГУ. Филология. 2014. №3. С. 177–185.

10. *Воротникова Ю. С.* Реализация новостного дискурса в электронных англоязычных СМИ: автореф. дисс. … канд. фил. наук. Санкт-Петербург, 2005. 23 с.

11. *Шостак М. И.* Сочиняем заголовок // Журналист. 1998. № 3. С. 61–64.

12. *Чепурная А. И.* Стратегии вербализации эпистемической ответственности в массмедийном дискурсе информационного противоборства (на примере освещения украинского кризиса) // Научный диалог. 2019. № 10. С. 249–262.

Парамонова Марина Ильинична – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, paramonova_mi@mail.ru

УДК 811.111: 811.161.1

Ю. В. Руденко

ЭКФРАСИС КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ БЛОК ИНТЕРТЕКСТА В ТВОРЧЕСТВЕ А. БИТОВА И Д. ФАУЛЗА

Iu. Rudenko

EKPHRASIS AS A CONSTRUCTIVE BLOCK OF INTERTEXT IN THE WORKS BY A. BITOV AND J. FOWLES

Экфрасис как приём интертекста выступает одним из основных средств конструирования постмодернистского текста. Исследование показало, что экфрастический нарратив, присущий романам двух лингвокультур «Пушкинский дом» и «Волхв», позволяет выявить проблемы середины XX века через призму кинематографа. Кумуляция терминов, связанных с кино, в текстах романов приводит к метафоре жизнь как постановка, где герой выступает либо в роли актёра, либо зрителя: он теряет ощущение реальности, пассивно реагирует на происходящее, примеряет различные роли, обманывая тем самым не только других, но и самого себя. Экфрасис раскрывает общую тенденцию XX века максимально нагрузить текст культурными артефактами на базе которых высвечиваются проблемы современного человека.

Ключевые слова: экфрасис, интертекстуальность/интертекст, экфрастический нарратив, экфрастема, кинематограф.

Ekphrasis as an intertextual technique acts as one of the main means of constructing postmodernistic texts. The study showed that ekphrastic narrative inherent in the novels of the two linguocultures 'Pushkin's House' and 'The Magus' allows to reveal the problems of the mid-20th century through the prism of cinematography. The cumulation of terms related to cinema in the texts of the novels leads to the metaphor of life as performance, where the hero acts either as an actor or a spectator: he loses his sense of reality, reacts passively to what is happening, tries on various roles, thus deceiving not only others, but also himself. Ekphrasis reveals the general tendency of the twentieth century to load the text as much as possible with cultural artifacts on the basis of which the present-day problems are highlighted.

Keywords: ekphrasis, intertextuality/intertext, ekphrastic narrative, ekphrastem, cinematography.

Экфрасис является одним из приёмов интертекста, если текст воспринимать в его широком смысле, т. е. не как исключительно лингвистическое явление, «письменный документ» [1], а как семиотическую систему, «знаковый комплекс» [2]. В данной статье интертекстуальность рассматривается как понятие семиотическое, т. е. как связь между артефактами культуры в целом.

Необходимо отметить, что экфрасис изначально являлся фигурой риторической, использовался в дидактических и посвятительных целях [3] и имел широкое распространение в древнегреческой культуре. Экфрасис как речь описательная, в первую очередь, соотносится с дескрипцией произведений искусства, будь то фантастические (у Гомера описание щита Ахилла) или реальные культурные артефакты. В современной филологии экфрасис затрагивает более широкий круг аспектов, связанных с

синтезом искусств. Согласно одному из наиболее выдающихся современных исследователей данного феномена, экфрасис – это «всякое воспроизведение одного искусства средствами другого» [4]. Интертекстуальность как категория текста, выраженная итерацией языковых феноменов, включает в себя экфрасис как один из приёмов интертекста. Частое обращение к данному приёму просматривается на протяжении всей эволюции человеческого творчества, что говорит о «укоренённости» данного феномена в художественной традиции [4]. В литературе постмодернизма у авторов, признанных классиков данного течения, экфрасис занимает одну из самых видных позиций среди приемов интертекстуальности, ведь именно XX век назван «эпохой колоссального сжатия культуры» [5]. Семиотической системой чуждой предыдущим эпохам в исследуемый период является кинематограф, который воплощает себя в особой визуальной перспективе на действия в романах. Герои воспринимают себя со стороны, освещенными прожекторами, окруженными невидимыми зрителями. Они всё время на сцене или в кадре, им присуще интроспективное ощущение, что за ними подглядывают. Здесь исследователю предстоит перейти от концепции «мир – театр», порожденной шекспировский эпохой к концепции «стоп-снято», которая не менее ярко представлена в романном жанре XX века. Особенность именно постмодернистского подхода к данному феномену заключается в том, что авторы метатекстуально, т. е. в художественном тексте от лица нарратора анализируют новый взгляд на героя, используя при этом кинематограф для описания или разъяснения сложных моментов своего замысла. Экфрасис – один из наиболее полезных инструментов автора, позволяющих построить дополнительные леса имплицитных идей вокруг своего произведения; экфрастемы – это дополнительные строительные блоки интертекста. Примерами данного утверждения могут служить романы признанных писателей постмодернизма: «Пушкинский дом» А. Битова и «Волхв» Д. Фаулза. Эти произведения относятся к двум различным лингвокультурам, что может служить поводом заявить о повсеместности данного феномена.

«Пушкинский дом» – образцовый постмодернистский роман, построенный из интертекстем различного свойства. Экфрасис занимает не последнее место в его структуре, а кинематограф – дополнительная знаковая система, выполняющая в основном, описательную, характерообразующую и метатекстуальную функции. «И вот так, движениями, преподанными ему кинематографом, подкрался он к двери, как партизан, закладывающий мину под поезд…» – экфрастическое сравнение, усиленное прямым указанием на кино, придает ситуации иронический оттенок. Автор подшучивает над своим героем, сравнивает его панические попытки не быть замеченным милиционером после хулиганской выходки, с опасностью быть убитым во время войны. Таким образом усиливается парадоксальный страх героя перед властью, о котором автор много рассуждает в своём романе.

«Уф! – сказал он и вытер тыльной стороной руки лоб, как в кино. – Кажется пронесло» – данный пример, ещё одно сравнение, но на этот раз акцент переключается с образа страха на лживость героя, его притворство перед самим собой, манерность, которая возникает в результате просмотра фильмов и желания ассоциировать себя с вымышленными героями. Жизнь, согласно автору, потеряла свою естественность, приобрела свойства постоянного подражания – герои романа Битова всё время подражают и подстраиваются, и текст романа выстроен из подражательства классикам.

Кинематографическими эффектами автор пользуется и при описании городских гуляний, где кадр переходить с одного объекта на другой, высвечиваются разные предметы, прослеживаются различные ракурсы: «Освещено: купол Исаакия; Медный Всадник (подсветка снизу, обратные тени, громоздятся подковы и ноздри – ракурс Бенуа…); Адмиралтейская игла (чтобы была всегда «светла»…); желтая стена Адмиралтейства подсвечена желтым же, снизу (софит? рампа?); … Так учли мы стихию вечернего последемонстрационного гуляния и расставили ей, где ходить, что видеть:

пушечка стреляет, статистов полная сцена, – как не почувствовать себя солистом, не выйти на середину и запеть!» Сухость повествования, нехватка глаголов действия, повторения кинематографической лексики, автор как режиссер руководит расстановкой объектов и актеров – всё это создаёт иллюзию нереальности происходящего. Эффект высвечивание – частый экфрастический приём, объединяющий литературу и кинематограф. Писатель выделяет героев, в момент их внутреннего просветления или тогда, когда читателю нужно внимательнее взглянуть на них, проанализировать.

Подобный эффект высвечивания свойственен и повествовательной манере Д. Фаулза в романе «Волхв». Специальная терминология повторяется на протяжении всего текста, постоянно перемежаясь с театральной атрибутикой. Шекспировской традиции идут рука об руку с современными инновациями: arc lights, actors and actresses, projectors, stage, screen, script, film, spectator, curtains, frame, reel, lens, focus, shot, camera, close-up, silent film, cameraman, blank-film (дуговые лампы, актеры и актрисы, прожекторы, сцена/помост, экран, сценарий, съемка/снимать фильм, зритель, занавес, рама/кадр, кинолента, линза, фокус, кадр, камера, приближенная съемка, немое кино, опреатор, технический участок плёнки).

Рамочность описаний (подробнее в статье Е. В. Яценко [6]), постоянная игра света, высвечивающего фигуры на фоне мрака, создаёт иллюзию рампы. Весь роман построен на основе экфрастем, которые порождают атмосферу кино и театра: «He stood silhouetted in the soft light that flowed out of the room…» (Его силуэт вырисовывался в мягком свете, лившимся из комнаты) «I could just make out his face in the light from the doorway.» (Я мог различить только его лицо в свете дверного проема) «It was lit by one tall lamp with a dark shade; the light flowed downwards, concentrated on the white cloth, and was then reflected up, lighting our faces strangely, Caravaggio fashion, against the surrounding darkness» (Он был освещен одной высокой лампой с темным абажуром; свет струился вниз, концентрировался на белой ткани, а затем отражался вверх, странно освещая наши лица, в манере Караваджо, на фоне окружающей темноты). В последнем примере совмещены две семиотические системы: кинематограф и живопись. Последняя также является одним из главных источников экфрасиса.

Таким образом, автор высвечивает человека, как продукт собственных иллюзий, человека, который боится смотреть реальности в лицо. Он сбегает в мир книг, театра, кинематографа – в мир гипертекста, отсюда конструктивными блоками романа становятся ссылки на различные артефакты культуры: The only place I am happy is here where we're being taught, and I have to think of something else, or reading books, or in the cinema. Or in bed. I'm only happy when I forget I exist. When just my eyes or my ears or my skin exist (Единственное место, где я счастлива, – здесь, где нас учат, и я должна думать о чем-то другом, или читать книги, или в кино. Или в постели. Я счастлива только тогда, когда забываю о своем существовании. Когда существуют только мои глаза, мои уши или моя кожа). Данный фрагмент хорошо иллюстрирует состояние фрустрации, неспособность найти цель в жизни, потерю ориентиров. Отсылка на место, где человек получает знание – метонимический образ освоения культуры для дальнейшего его переложения лингвистическим знаком. Перечисление органов чувств – синтез по-разному воспринимаемых семиотических систем.

Если проследить за развитием сюжета романа, то можно отметить, что первая его часть подчеркнуто театральна (театральная постановка), в то время как вторая – кинематографична (показ фильма). Напряжение, созданное многократным повторением лексики, семантически подчёркивающую постановочность происходящего, весь кинематографический нарратив разряжается действительным просмотром фильма. А в последней главе, зрители и актёры исчезают вовсе. Отметим, что в «Пушкинском доме» подобный эффект достигается следующим образом: разбивается стекло – символический экран, стирающий грань между реальностью и вымыслом.

Битов и Фаулз прибегают к кинематографическому экфрасису, чтобы подчеркнуть тенденцию человека XX века убегать от реальности, прятаться за экран собственного вымысла, самообмана. Это явление проблематизируется авторами, а кино выступает в роли метафоры. Авторы эксплицируют её в текстах своих романов, чтобы показать необходимость избавления от этой иллюзии вечных постановок, зрителей и актёров. Человек перестал чувствовать реальность как таковую, не нагруженную спецэффектами. Если пользоваться терминологией психоанализа, это попытка убрать с пьедестала довлеющего Большого Другого, вернуться к истинному Я [7]. Человек погружается в нереальность кинематографии, привносит в свою жизнь дополнительную манерность, игру на публику. Даже в одиночестве он продолжает играть перед самим собой. Оба автора раскрывают подобную психологическую проблему современности посредством экфрасиса.

Список использованных источников

1. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. Москва : КомКнига, 2007. 144 с.

2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров ; Москва : Искусство, 1986. 445 с.

3. *Брагинская Н. В.* Экфрасис как тип текста: (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели: структура балканского текста. Москва : Наука, 1977. С. 259–283.

4. *Геллер Л.* Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: Труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. Москва : МИК, 2002. С. 5–22.

5. *Автухович Т.* «Никто не подыскал названия…»: Н. Пуссен, К. Лоррен, А. Ватто в поэзии Вячеслава Иванова и Георгия Иванова // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения : коллективная монография / Институт региональной культуры и литературоведческих исследований им. Францишка Карпиньского, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы ; под ред. Т. Е. Автухович. Седльце : ELPIL, 2018. 703с.

6. *Яценко Е. В.* «Любите живопись, поэты…». Экфрасис как художественно мировоззренческая модель // Вопросы философии. Москва : Изд-во «НАУКА». 2011. № 11. С. 47–57.

7. *Лакан Ж.* «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар, Книга II (1954–55). Москва : Изд-во «Гнозис». 2021. 528 с.

Руденко Юлия Валерьевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, ju.an@inbox.ru

УДК 372.881.111.1

Р. Р. Сейтумеров, Т. А. Фролова

К ВОПРОСУ О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

R. R. Seitumerov, T. A. Frolova

ON THE DURATION OF STUDYING A FOREIGN LANGUAGE IN A TECHNICAL UNIVERSITY

В статье рассматриваются вопросы продолжительности изучения иностранного языка в техническом вузе, значимость данной дисциплины для будущих специалистов в области информационных технологий. В статье приводятся рекомендации по обучению иностранным языкам Совета Европейского союза, данные опроса студентов Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-

Бруевича о продолжительности изучения иностранного языка в техническом вузе.
Ключевые слова: иностранный язык, продолжительность обучения, профессиональное образование, технический вуз, образовательные стандарты.

The article discusses the issues of the duration of studying a foreign language in a technical university, the importance of this discipline for future specialists in the field of information technology. The article provides recommendations for teaching foreign languages of the Council of the European Union, data from a survey of students of the Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications on the duration of studying a foreign language in a technical university. On the duration of studying a foreign language in a technical university
Keywords: foreign language, duration of studying, vocational education, technical university, educational standards.

В условиях стремительного изменения жизни общества и активного использования информационных технологий в его различных сферах большую актуальность приобретает концепция «Обучение на протяжении всей жизни» (Lifelong learning / LLL). Терминология европейской политики в области образования и обучения даёт ей следующее определение: «Обучение на протяжении всей жизни (Lifelong learning / LLL) – это вся учебная деятельность, осуществляемая на протяжении всей жизни, приводящая к улучшению знаний, навыков, компетенций и/или квалификаций по личным, социальным и/или профессиональным причинам» [1]. Обучение на протяжении всей жизни является руководящим принципом профессиональной подготовки специалиста. Ведущие мировые и российские компании ставят своей приоритетной задачей повышение квалификации сотрудников, развитие их профессиональных навыков и навыков эффективной деловой коммуникации. Совет Европейского союза в тексте документа «Рекомендации Совета по ключевым компетенциям для обучения на протяжении всей жизни», принятом 22 мая 2018 года, определяет восемь ключевых компетенций. Многоязычная компетенция располагается на втором месте в этом списке. Она определяет способность человека правильно и эффективно использовать различные языки для общения. Многоязычная компетенция включает в себя широкий спектр навыков: способность понимать, выражать и интерпретировать концепции, мысли, чувства, факты и мнения (как в устной, так и в письменной форме) в соответствующем диапазоне социальных и культурных контекстов в соответствии с желаниями или потребностями человека. Люди должны изучать языки формально и неформально на протяжении всей жизни [2].

Цель образования соотносится с формированием ключевых компетенций [3]. Концепция непрерывности и компетентностный подход находят свое отражение и в российской системе высшего образования. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО 3++) по различным направлениям подготовки бакалавриата устанавливают и характеризуют ряд компетенций. Для данной статьи представляют интерес категории универсальных компетенций «Коммуникация» УК-4 и «Самоорганизация и саморазвитие» УК-6. В качестве примера приведём их формулировки в тексте ФГОС ВО 3++ (уровень бакалавриат) по направлению подготовки 10.03.01 «Информационная безопасность»: УК-4 «Способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)» и УК-6 «Способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей

жизни» [4]. В пояснительной записке программы «Иностранный язык» для неязыковых вузов и факультетов говорится о том, что владение иностранным языком является неотъемлемой частью профессиональной подготовки всех специалистов в вузе, а также о том, что курс иностранного языка является многоуровневым и разрабатывается в контексте непрерывного образования [5].

Иностранный язык как средство межкультурного и профессионального общения является способом интеграции молодого специалиста в международную среду. Чтобы студент был готов пользоваться приобретенными умениями и навыками для решения практических задач своей деятельности, усвоение знаний должно иметь деятельностный характер, т. е. происходить в ходе активной коммуникативной, практической, творческой деятельности студента, во время которой развивается способность решать конкретные проблемы и самостоятельно пополнять знания информацией не только из профессиональной, но и смежных сфер деятельности. Сложно переоценить важность иностранного языка для всех специалистов в области информационных технологий. Владение иностранным языком открывает доступ к специализированной литературе, способствует скорейшему овладению профессиональной информацией, повышению профессиональной квалификации. Помимо этого, хорошее владение иностранным языком способствует получению возможности стажировок по специальным программам, участию в международных научных конференциях, повышению конкурентоспособности при трудоустройстве. Владение иностранным языком является обязательным требованием для всех специалистов в международных компаниях и для большинства специалистов в области информационных технологий в российских компаниях. В описаниях вакансий по поисковым запросам «фронт-энд разработчик» (front-end developer), «специалист по информационной безопасности» (information security analyst) , «аналитик данных» (data analyst) предъявляется требование к знанию иностранного языка (английского) на уровне B1 (Intermediate), B2 (Upper-Intermediate) и в некоторых случаях C1 (Advanced) по Общеевропейской шкале языковых компетенций. Ряд вакансий акцентирует требование владения письменным английским языком для чтения и понимания документации, инструкций и профессиональной литературы. Знания в сфере технического и делового английского становятся не преимуществом, а необходимостью.

На данный момент длительность обучения иностранному языку большинства направлений подготовки бакалавриата в государственном университете телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича составляет 1 год. В условиях ограниченного количества академических часов, выделенных на изучение иностранного языка, достижение такого уровня владения, который позволит не только поднять на более высокий уровень узкопрофессиональную деятельность, но и будет полезен для дальнейшего самообразования, является крайне затруднительным. Разный уровень языковой подготовки студентов и тот факт, что на начальных курсах обучения студенты только начинают знакомиться со своей будущей профессией, не способствует успешному овладению профессионально-ориентированным иностранным языком. На старших курсах большинство студентов практически перестают практиковаться в иностранном языке, утрачивая ранее сформированные навыки. Продолжая обучение в магистратуре и аспирантуре, студенты возобновляют изучение иностранного языка и сталкиваются с рядом проблем, таких как чтение специализированной литературы, написание аннотаций профессиональных статей. Целесообразным и значимым представляется увеличение сроков обучения иностранному языку в техническом вузе. Непрерывность и преемственность повышают возможности адаптации специалиста в быстро меняющемся мире.

С целью понимания точки зрения студентов на оптимальные сроки изучения иностранного языка в вузе был проведён опрос «Продолжительность изучения

иностранного языка в техническом вузе». В опросе приняли участие 111 студентов 1 и 2 курсов Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича направлений подготовки бакалавриата 09.03.04 «Программная инженерия. Разработка программного обеспечения инфокоммуникационных сетей и систем» 10.03.01 «Информационная безопасность. Безопасность компьютерных систем», 11.03.02 «Инфокоммуникационные технологии и системы связи», 11.03.01 «Радиотехника». На вопрос «Какой продолжительности курс иностранного языка в вузе Вам бы хотелось проходить?» 30,6 % опрошенных ответили, что 1 года достаточно; 34,2 % считают, что обучение должно проходить на протяжении 2 лет; 35,1 % считают важным обучение иностранному языку на протяжении всего периода обучения. Таким образом, 69,3 % поддерживают увеличение длительности обучения иностранному языку в вузе. В ответе на вопрос «Какой уровень языка, на Ваш взгляд, требуется для устройства на работу по специальности?» 10,9 % выбрали уровень A1 – A2; 39,1 % выбрали вариант B2 – C1; 50 % опрошенных высказалось в поддержку уровня B1. 31,5 % респондентов планируют сдавать международный экзамен по иностранному языку во время учёбы в университете или вскоре после завершения курса обучения. 54,1 % из этого числа таковым экзаменом назвали IELTS. Среди причин, по которым опрошенные не планирует сдавать международный экзамен, были названы такие, как отсутствие свободного времени для подготовки к экзамену, неуверенность в своем уровне владения языком, отсутствие необходимости в этом на данный момент времени и даже то, что над этим пока не задумывались. Несмотря на то, что опрос проводился среди студентов начальных курсов обучения в вузе, они показали хорошую осведомлённость о требованиях владения иностранным языком, которые предъявляются к специалистам в области информационных технологий. Таким образом, мы определили отношение студентов к продолжительности изучения иностранного языка в техническом вузе и пришли к выводу, что необходима возможность ее пересмотра в сторону увеличения. Безусловно, переход в сторону увеличения длительности обучения иностранному языку потребует внести изменения в содержание и организацию обучения. Однако, он сможет повысить компетентность и результативность специалистов.

Список использованных источников

1. Terminology of European Education and training policy. Second edition. A selection of 130 key terms. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2014. 338 p.

2. Official Journal of the European Union. Council Recommendation of 22 May 2018 on key competences for lifelong learning // An official website of the European Union. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018H0604(01)&from=EN (дата обращения: 27.10.2021).

3. *Зимняя И. А.* Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия. Москва : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 38 с.

4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 10.03.01 Информационная безопасность // http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/10. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/100301_B_3_19022021.pdf (дата обращения: 27.10.2021).

5. «Иностранный язык» для неязыковых вузов и факультетов. Примерная программа // http://fgosvo.ru/ppd/11/11. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/ppd/20110329000911.pdf (дата обращения: 27.10.2021).

Сейтумеров Роман Расимович – преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, romans829seyt@gmail.com

Сведения об авторах

Фролова Татьяна Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, tatyanafrolova-work@mail.ru

УДК 81.42

С. Г. Серебрякова

QR-КОД – БУДУЩЕЕ ЦИФРОВОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ?

S. Serebryakova

CAN QR-CODE BECOME THE FUTURE OF DIGITAL STORYTELLING?

В статье рассматривается понятие QR-кода, его виды и особенности. В работе показано, что присущие данному формату шифрования черты могут успешно использоваться в создании художественных произведений в цифровом формате. Благодаря тому, что читатель может выбирать ознакомление с фрагментами произведения, зашифрованными в QR-кодах, в любом порядке, становится возможным реализовать такое свойство повествования как нелинейность.

Ключевые слова: QR-код, шифрование, цифровое повествование, нелинейное повествование.

The paper describes different types of QR codes and looks at how their inherent features can be utilised to create digitally encoded works of art. QR codes naturally present the content as a series of fragments and this lends to the idea of interpreting the content in different ways depending on the order in which the codes are read.

Keywords: QR-code, encryption, digital storytelling, non-linear narration.

Популярность и распространённость куар-кода в разных сферах жизни не ставится под сомнение в наше время. Вероятно, найдётся очень мало людей, которые бы никогда не видели «квадрат из квадратов» или хотя бы не слышали о нём.

QR-code (куар-код / QR-код – Quick Response Code – код быстрого реагирования) разработал в 1994 году сотрудник японской компании Denso-Wave Масахиро Хара. Существовавший до этого изобретения штрих-код перестал отвечать запросам современности, поскольку не мог вмещать всю необходимую информацию и требовал значительного (в данном контексте) времени прочтения.

QR-код приобрёл большую популярность благодаря своим особенностям. В частности, одним из его достоинств является способность вмещать большое количество информации, сохраняя при этом маленький размер. Этот результат достигается благодаря кодированию информации по горизонтали и по вертикали. Также QR-код может отражать различные символы, включая цифры, буквы, символы двоичного кода и контрольные коды. Ещё один плюс QR-кода – возможность очень быстро прочитать его с любой стороны (например, повернув его на 90 или даже 180 градусов). Кроме того, QR-код имеет функцию исправления ошибок, что делает декодирование осуществимым, даже когда отдельные элементы кода загрязнены или испорчены (однако, конечно же, эта возможность зависит от степени повреждения).

Обладатель патентных прав на QR-код – компания Denso-Wave – выделяет 5 типов QR-кода: 1) Модель 1 / Модель 2 – в наши дни термин «QR-код» относится именно к этому типу, способному вмещать от 1167 до 7089 цифр. 2) Микро QR-код имеет меньшие, чем Модель 1 / Модель 2 размеры, содержит до 35 символов и может читаться только в одном направлении, иными словами, при повороте кода на 90 или 180 градусов декодирование не представляется возможным. 3) iQR-код имеет форму квадрата или прямоугольника, отражает до 40000 цифр; его можно распечатать в зеркальном или перевернутом варианте, или в виде точек. 4) SQRC (Single Quick Response Code) выглядит как обычный QR-

код, однако содержит два вида данных – общедоступные и конфиденциальные. Доступ к закрытой информации можно получить только с помощью специального программного обеспечения и шифр-ключа. 5) Frame QR (рамочный код) позволяет разместить в рамках кода изображение или текст. Форму и цвет рамки можно менять, что позволяет реализовать различные дизайнерские решения [1].

QR-код может работать со всеми типами данных, такими как числовые и буквенные символы, кандзи (китайские иероглифы), кана, хирагана (японская слоговая азбука), символы, двоичные и коды управления. В одном символе можно закодировать до 7 089 знаков [2].

В условиях пандемии популярность применения QR-кода в нашей стране не ставится под сомнение. Он в буквальном смысле стал нашим разрешением на выход «в мир». На момент написания данной работы попасть в музей, театр, на выставку, в торговый центр можно только предъявив «магический квадрат». Однако внедрение QR-кода в нашу жизнь началось гораздо раньше, чем может показаться на первый взгляд.

Так, чуть менее 10 лет назад первым «городом Википедии» стал Монмут в Южном Уэльсе. Пользователям Википедии предлагалось добавить на сайт статьи и фотографии о Монмуте, его достопримечательностях и интересных особенностях, а затем все желающие могли получить доступ к этой информации, просто отсканировав соответствующий QR-код с помощью смартфона [3]. Идея имела успех и получила дальнейшее распространение. Чуть позже вслед за «Монмутпедией» появилась «Гибралтарпедия» [4], спустя ещё несколько месяцев туристы в Рио Де Жанейро могли использовать выложенные в тротуарах QR-коды для получения информации о достопримечательностях бразильского города [5].

QR-коды находят своё применение в очень разных сферах современной жизни. Так, 2013 году компания Daimler начала наклеивать QR-коды с информацией о расположении подушек безопасности, аккумуляторе, топливных баках, электропроводке и т. п. в своих автомобилях Мерседес-Бенц. В компании считают, что быстрый доступ к этой информации может спасти жизни, потому что в случае аварии каждое действие и каждая секунда очень важны [6]. Американская компания Quiring Monuments «рада представить новаторский подход к увековечиванию памяти человека» и предлагает разместить QR-код с информацией об усопшем на надгробии [7].

Обладая многообразием вариантов и возможностей преставления информации, может ли QR-код получить широкое применение в цифровой литературе? Подчеркнём, что мы рассматриваем исключительно произведения, изначально созданные для прочтения и восприятия в QR-коде. К нашему удивлению, удалось найти всего несколько примеров. Один из них предлагает закодированную в QR-коде вымышленную историю. В открытом доступе приводится только один фрагмент, но, на наш взгляд, его вполне достаточно, чтобы проиллюстрировать ситуацию. Отсканировав QR-код, мы получили следующий текст:

1. You are on a hiking holiday. You have been walking through a forest near the mountains for a few days, camping in the open and enjoying the fresh air.

Tomorrow, you will reach the edge of the forest and your holiday will be over. Today is your last chance for adventure.

You hear a sound coming from the bushes. What do you do?

a) Ignore it – it might be something dangerous. GO TO 2.

b) Investigate – you haven't seen many animals up close and it could be interesting. GO TO 3 [8].

Приведённый фрагмент иллюстрирует стратегию бифуркации – раздвоение повествования, восходящее к некоторой точке бифуркации. Под точкой бифуркации понимается «определенный повторяющийся фрагмент повествования, служащий исходной точкой для последующего представления альтернативного развития сюжета» [9]. Иными словами, в тексте задается некая ситуация, и далее читателю предлагается выбрать

развитие событий из вариантов: Вы услышали в кустах какой-то звук. Что вы сделаете? а) Не обратите внимания – это может быть опасно. б) Пойдёте посмотреть, что там – вам нечасто доводилось видеть животных вблизи, и это может быть интересно.

Предполагается, что мы имеем дело с завершённым произведением, следовательно, ожидается либо логическая развязка, либо открытый финал. Предоставление читателю права выбора – какой смысловой отрывок читать дальше – позволяет ему открывать для себя информацию, которая на данном этапе видится ему как приоритетная. Ему страшно и поэтому он не пойдёт на шум? Или всё же желание узнать что-то об источнике звука окажется сильнее и вдохновит его на расследование?

Стратегия бифуркации открывает широкие возможности для создания, например, детективных историй, где читатель может сам решать, кого он подозревает, и проверять свои предположения, отслеживая, чем занимался выбранный им герой до, после и в момент совершения преступления. Помимо этого, с помощью QR-кодов можно предлагать читателю дополнительную информацию, таким образом сбивая его с толку или наоборот, подводя к ответу на вопрос.

Кроме того, QR-коды, образующие историю, можно располагать в произвольном порядке, что является ещё одним способом представить нелинейное повествование и увлечь читателя в игру с произведением. Термин «нелинейное повествование» рассматривает З. М. Тимофеева. Автор определяет данный тип повествования как представление альтернативного развития событий сюжета, которые являются реальными, но противоречивыми для изображаемого мира [9]. Реализация данной стратегии в произведениях, зашифрованных в QR-кодах, представляется намного более сильно приближенной к реальности по сравнению с художественным текстом. Так, читая традиционный текст на бумажном носителе, читатель всегда может вернуться к тому или иному фрагменту повествования; и сделать это достаточно легко, используя как зрительную (читатель помнит, что искомая информация была, например, где-то в начале страницы), так и сюжетную память (искомый отрывок в сюжете предшествовал какому-то другому событию, которое ищущий и будет использовать в качестве точки отсчёта для поиска). В истории, созданной из QR-кодов, вернуться к тому или иному фрагменту несколько сложнее, поскольку пользователь в определённом смысле находится между мирами – видимо, в дополненной реальности, ибо нельзя сказать, что он целиком погружён в виртуальную реальность, но в то же время он отчасти «уходит» в вымышленный мир. Представляется, что в процессе ознакомления с произведением пользователь обращается только к одному сканирующему устройству и вряд ли станет распечатывать все расшифрованные части повествования, ибо, на наш взгляд, эта попытка обратить цифровое повествование в традиционный текст на бумажном носителе противоречила бы оригинальной идее восприятия, присущей цифровой среде, да и вряд ли стала бы технически реализуемой, поскольку QR-код также может содержать ссылки на внешние источники и отправлять читателя к материалам Интернет. В связи с вышеизложенным попытка перевести цифровое повествование на бумажный носитель – не что иное как чтение (пусть даже самого лучшего, полного и точного) описания известного полотна в сравнении с его просмотром в художественной галерее.

Нелинейная ситуация – способ игры с реальностью; данная ментальная модель мира представляет собой «способ творческого преодоления хаоса», элементы которого намеренно вводятся «автором (субъектом литературной коммуникации) с целью вовлечения читателей в игру «в вымысел», не скованную жестким соответствием действительности». Ощущение игры можно обострить с помощью намеренного введения случайностного фактора, усиления элемента неопределённости, а также указания на равноценность выбора между последующими вариантами развития событий [9]. Несмотря на то, что представленная выше идея игры и случайности изначально относится к повествованию в его традиционном понимании, она представляется также применимой и к цифровому миру. В качестве примера можно привести рассмотренное нами ранее цифровое

повествование Энди Кэмпбелла “Trap”, где не используются QR-коды, но нелинейность реализуется с помощью цифровой среды [10].

Итак, представляется, что несмотря на то, что на момент создания данной работы удалось обнаружить всего несколько зашифрованных произведений, QR-код как средство представления содержательной части цифрового повествования может иметь большое будущее в данной области. Возможность заключать в QR-код разноплановую информацию – от текста, данных в виде цифр, изображений и до ссылок на сторонние источники и контрольных кодов – открывает огромный потенциал для его использования при создании произведений в цифровом формате.

Список использованных источников

1. What is a QR Code? // DENSO – URL: https://www.denso-wave.com/en/system/qr/fundamental/qrcode/qrc/index.html (дата обращения: 09.11.21)

2. What is a QR Code? // QRcode.com – URL: https://www.qrcode.com/en/about/ (дата обращения: 09.11.21)

3. Monmouth to become world's first "Wikipedia town" // Wales Online – URL: https://www.walesonline.co.uk/news/wales-news/monmouth-become-worlds-first-wikipedia-2050682 (дата обращения: 09.11.21)

4. Gibraltar targets tourists with Wikipedia QR codes // BBC – URL: https://www.bbc.com/news/technology-19544299 (дата обращения: 09.11.21)

5. Mosaic QR codes boost tourism in Rio de Janeiro // BBC – URL: https://www.bbc.com/news/technology-21274863 (дата обращения: 09.11.21)

6. Mercedes-Benz adds QR codes to save car crash victims // BBC – URL: https://www.bbc.com/news/technology-22682186 (дата обращения: 09.11.21)

7. Quiring Monuments. – URL: https://www.monuments.com/living-headstones (дата обращения: 09.11.21)

8. Reading QR Codes (IF We Can) // Modern English Teacher.– URL: https://www.modernenglishteacher.com/reading-qr-codes-if-we-can (дата обращения: 09.11.21)

9. *Тимофеева З. М.* Рефлексивная игра в современном художественном тексте. Санкт-Петербург , 2004

10. Организация разрозненных фрагментов в единое целое в нелинейном художественном повествовании Энди Кэмпбелла “Trap” // Вестник Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. №9/2017. Санкт-Петербург: СПбГУТ, 2017. С. 129–135.

Серебрякова Светлана Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, c_ssg@bk.ru

УДК 004.89

С. Р. Танашев, Н. В. Маршева

ПРИМЕНЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ M2M В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

S. Tanashev, N. Marsheva

APPLICATION OF MACHINE-TO-MACHINE CONCEPT IN EDUCATIONAL ENVIRONMENT

В данной статье рассматривается возможность применения концепции M2M в качестве инструмента повышения качества взаимодействия на уровне "студент – кафедра – вуз". Описаны возможные сценарии внедрения в университете.

Ключевые слова: M2M, распознавание лиц, система видеоанализа, видеонаблюдение, качество услуг, образовательная среда.

In this article the possibility of applying M2M concept as a tool for improving the quality of interaction at the "student – department - university" level is considered. Possible scenarios of implementation at the university are described.

Keywords: M2M, QoS, face recognition, video analytics, CCTV, educational environment.

Nowadays machine-to-machine (M2M) is an intrusive technology, and it is applied in such areas as home automation, security and safety systems, healthcare, positioning systems, smart home, smart energy and education as well. The use of M2M communications is appropriate for interaction with many remote devices such as cameras, remote sensors, laptops and may support a variety of new applications. In this article the possibility of applying machine-to-machine (M2M) concept as a tool for improving the quality of interaction at the "student – department - university" level is considered. The lack of sufficient M2M applications in education environment causes the need to study this issue and propose solutions. Thus, the relevance of the study is to develop possible scenarios of interaction at university. M2M technology is used at University for security reasons, whereas we try to suggest some solutions that may be useful for academic and administration staff.

Majority of university staff has little interest in the engineering of telecommunications networks; however, teachers and students expect easy, fast and reliable access to online resources, applications and Internet [1]. To perform their duties effectively academic staff and administration of the university expect to have immediate access to various communications technologies, such as wireless, mobile, fiber optics, Ethernet and others. Moreover, students need access to learning platforms and resources anytime and anywhere. The computing environment in the university network is becoming more and more complex with multiple heterogeneous hardware and software technologies. The university networks provide support for a variety of software applications and issues of high security of connection and fast system response should be monitored.

A M2M system is a large-scale network with heterogeneous applications and a large number of connected devices [2]. This technology is based on the principles of interaction of combined devices using wired and wireless communication networks. M2M is used for two-way or one-way data exchange, providing the ability to track elements combined into a system, such as monitoring systems (sensors) as well as various equipment parameters. It should be stressed that M2M collects and exchanges information and signals without human involvement; the process is automated. It is also worth noting that M2M technology belongs to the concept of the "Internet of Things" (IoT) [3]. Often these technologies are generalized, but IoT is a broader concept and includes information about elements connected. In turn, M2M is an integral part of the IoT and contains information about ways of connections and used tools. M2M system consists of peripheral sensor nodes (video, audio detectors, condition sensors, etc.); communication equipment (for digital signal transmission over the network); software (for analysis of data received from sensors, decision making, command transmission; video and audio analytics functions).

Fig.1 presents a general model of interaction between students and university staff within university IT-infrastructure.

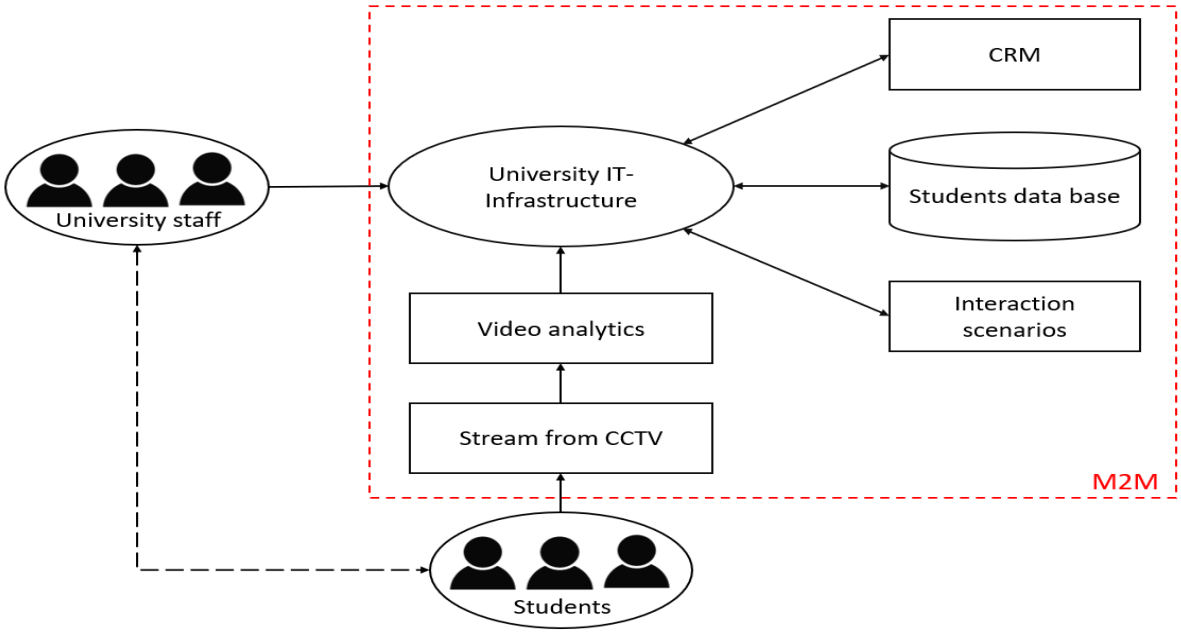


Figure 1. General model of interaction between students and university staff within university IT-infrastructure

Figure 1 depicts three main participants in the interaction: students, university staff, and university IT-Infrastructure. The University IT-Infrastructure acts as an integration bus and unites all information systems of the university. With its help, university staff can track students' activities, their progress, possible problems and academic underachievement in real time. The infrastructure is divided into the following logical blocks:

- CCTV Stream. CCTV is a system in which video signals are transmitted between devices connected to each other, such as CCTV cameras, monitors and video recorders. In our case, we use CCTV cameras which installed inside for security control.
- Video analytics. It is a technology that uses computer vision methods to automatically obtain various data based on the analysis of a sequence of images received from video cameras in real time or from archive records. Video analytics is software application for working with video content. The software is based on a set of machine vision algorithms that allow video monitoring and data analysis without direct human participation. In our case, we use face recognition algorithms that allow automatic localization of a human face in an image or video and, if necessary, identification of a person's identity based on available databases.
- Client Relationship Management (CRM). It is a system that helps to control all channels of communication with a client. It includes programs for collecting client data, monitoring, analytics and forecasting. In our case university staff use CRM as the main portal for interaction. In other words, through the CRM, employees interact with the infrastructure of the university, view statistics, draw up reports, interact with colleagues.
- Students database. It is a general database that accumulates all data about students, such as their school, area of study, academic performance, academic underachievement, etc. It acts as a kind of Data Lake, which, in turn, is processed by university staff through the CRM system.
- Interaction scenarios. It is the result of collecting statistics from all students. This statistic allows to create ready-made scenarios for solving emerging problems. This makes it possible to automate and speed up the interaction process, which, in turn, will increase efficiency and satisfaction.

Specific scenarios of applying M2M concept as a tool for improving the quality of interaction at the "student – department – university" level are developed.

➢ Scenario 1: Student-to-Department

The first scenario describes the student's interaction with the department staff. There may be a variety of reasons for a student to contact the department staff, however, we assume the main ones: organizational issues (schedule, information about professors' office hours, issues connected with learning process at the university); financial issues (payment for a dormitory, tuition fees payment, payment for additional classes and courses).

Fig. 2 shows the scenario when a student visits the department: a surveillance video camera with a face recognition function selects the area of the student's face, then determines his personality.

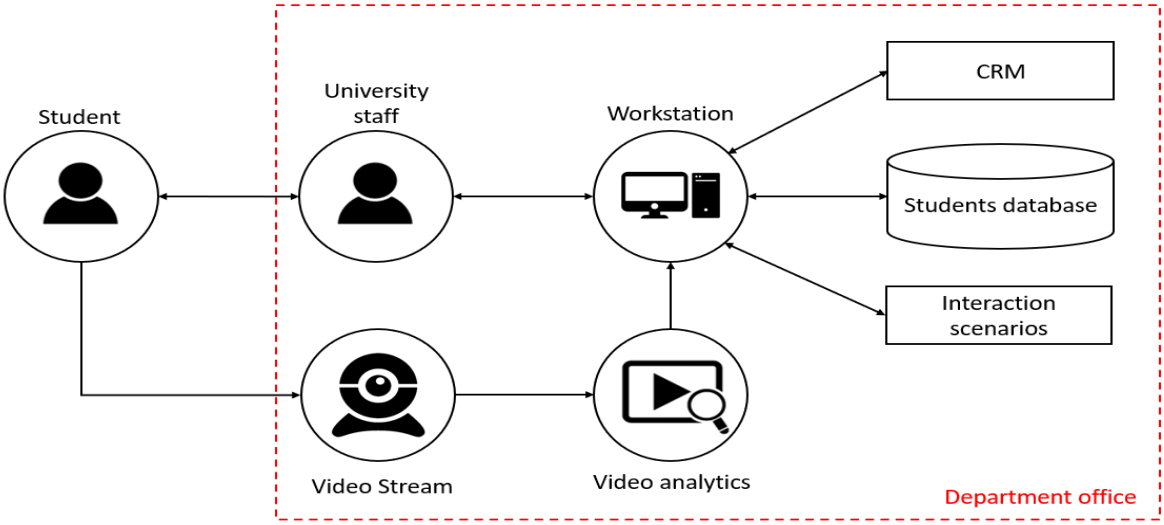


Figure 2. Scenario of interaction between students and university department

While the student enters the office and greets the department staff member, all the necessary information (table 1) is displayed on the employee's workstation.

Table 1

Example of a student profile stored in students' database.

Profile of student #354-2018	
Student	Petrov Ivan Sergeevich
Faculty	Infocommunication Networks and Systems
Department	Photonics and Communication
Year of education	2 of 4
Form of education	Full-time
Academic underachievement	(2): Physics (1 year, 1 semester), Optics (1 year, 2 semester)
Tuition fees	No fees found
Dormitory fees	Not listed in a dormitory
Student GPA	3.5

E-mail	petrovis@mail.ru
Phone number	+7(950) 036-23-45
Other information	Student is usually late with tuition fees

The data can be downloaded from the students' database and allows the department employee to get the basic understanding of the student profile. Further, the department staff member can start a dialogue with a student to address an issue of concern. Also, the employee can open protocols menu for further interaction. This list of protocols represents a kind of knowledge base, which is creates by the employees themselves, based on the previous requests from students. If the required communication protocol is not in the list, employee has the right to create a new one. In the interaction protocol, an employee can find the information presented in table 2.

Table 2

Example of communication protocol for exam retaking.

Protocol #25 Resit an exam	
Subject	Physics (1 year, 1 semester)
Professor	Sidorov Alexey Petrovich, Ph.D.
E-email	sapspbut@mail.ru
Phone number	+7(935) 032-78-56
Professor's schedule	Link
Retake application form	Link (.docx)
Student attempt to resit an exam	1

Interaction protocols allow to solve an arisen issue fast and more efficiently. The department staff member is able to provide a student the detailed information and explain the required steps to be taken. Consequently, it increases the general flow of students addressing the department, facilitates the work of staff, and forms a positive impression of the department and the university among students.

- Scenario 2: Student-to-Professor

Another possible scenario for using M2M is interaction between Professor and Students during a lesson in the classroom (fig.3). In this case, a video surveillance camera is installed in front of the students sitting in the classroom.

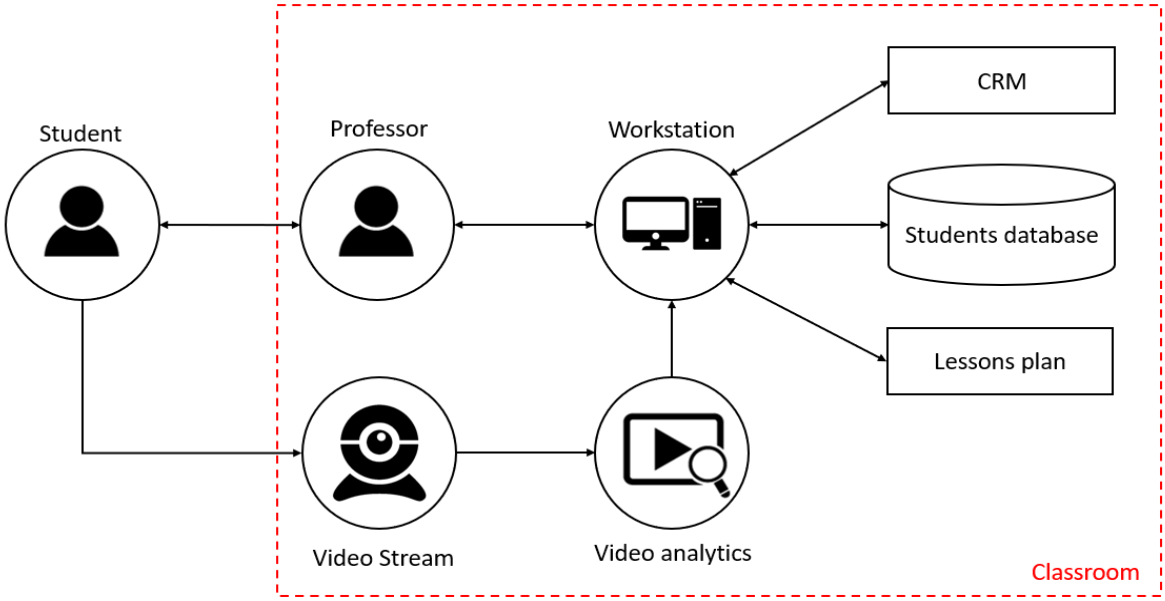


Figure 3. Scenario of interaction between students and Professor

Structurally, this scenario is similar with the previous one. But in this case, a video surveillance camera is installed in front of the students sitting in the classroom. The facial recognition system identifies each student and displays an interactive list of students on the professor's screen presented in fig.4.

Student 1
Student 2
Student 3
Student 4
Student 5
Student 6
Student 7
Student 8
Student 9
Student 10
Student 11
Student 12
Student 13
Student 14
Student 15

Student	Petrov Ivan Sergeevich
Faculty	Infocommunication Networks and Systems
Department	Photonics and Communication
Number of skipped lessions	0
Amount of lab works	2 out of 6
Percent of activity	75%

Figure 4. Interactive list of students

Professors get the opportunity to track in real time students' studying progress, moreover, to monitor the course flow and to manage courses and learners effectively. Each section contains all the necessary course materials for a course such as methodical instructions, laboratory reports, presentations, schemes and diagrams, etc.

To sum up, these presented scenarios are not the only examples of M2M technology application in the university environment. This technology has high potential and with the widespread of the Internet of Things new scenarios of interaction between the university and the student will appear. University infrastructure, with university networks as essential elements of it, is taken into consideration during admission process and students consider it to be pivotal for learning process and social interaction. Though the satisfaction of students with their studies at university considers to be a subjective and personal evaluation, when students feel supported by the university and have a stimulating learning environment, they are typically satisfied. We assume that implementation of M2M technology in educational environment may become one of the factors that increases students' satisfaction with their studies at university.

Список использованных источников

1. *Babulak, E., Carrasco, R. A.* The University Network Model for the Quality of Service Provision Analysis. The International Journal of Mathematics. 2002. Vol. 2. no.7. P. 651–661.

2. *Lo, A., Law, Y., Jacobsson, M.* A Cellular-Centric Service Architecture for Machine-to-Machine (M2M) Communications. Wireless Communications, IEEE. 2013. Vol. 20. P. 143–151. ETSI, Machine-to-Machine communications (M2M); Functional architecture. ETSI TS 102 690 V1.1.1 (2011–10); 2011.

3. Group, Publishing India. Cognitive M2M: An Emerging Technique towards Internet of Things.pdf. Journal of Network and Information Security, 2016. Vol. 4. no. 1. P. 45–50.

Танашев Султан Русланович – магистрант 1-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича; tanashev@inbox.ru

Маршева Наталия Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, nmarshevaspb@gmail.com

УДК 37.09

С. П. Тенеряднова

АКТИВИЗАЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА СТУДЕНТОВ К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ РЕЧИ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОГРАФИКИ

S. Teneryadnova

ACTIVATION OF STUDENTS' COGNITIVE INTEREST IN LEARNING THE RUSSIAN LANGUAGE AND SPEECH CULTUR THROUGH INFOGRAPHICS

В статье рассматриваются приемы использования инфографики. Автор предлагает систему дидактических заданий, направленных на развитие познавательных интересов студентов.

Ключевые слова: инфографика, технология, визуализация, коммуникация, активизация.

The article discusses the techniques of using infographics. The author offers a system of didactic tasks aimed at developing the cognitive interests of students.

Keywords: infographics, technology, visualization, communication, intensification.

Еще в XVII в. великий чешский педагог Я. А. Коменский одну из главных ролей в дидактике отвел наглядности, назвав ее золотым правилом успешного

обучения. В процессе всего времени средства наглядности помогали педагогам решать важные задачи, среди которых выступали следующие: мобилизация психической активности обучаемых, введение новизны в учебный процесс, повышение интереса к предмету, увеличение возможности непроизвольного запоминания материала, расширение объема усваиваемого материала, выделение главного в материале и его систематизация. Говоря о преподавании дисциплины «Русский язык и культура речи», хочется указать на избранную роль, миссию этого учебного предмета, обладающего «огромным потенциалом в развитии личности. И в данном случае следует обратить пристальное внимание на то, ЧТО и КАК предлагается сегодня обучающимся в качестве предмета познания, размышления, преобразовательной деятельности» [1, С. 226].

Необходимость использования дидактических средств визуализации учебного материала в вузовской среде сегодня как никогда оправдана. «Внесение коррективов в учебный процесс, связанных, прежде всего, с частичным переводом занятий в дистанционный формат, повлияло на пересмотр существующей системы преподнесения демонстрационного материала» [2, С. 418]. Инфографика как технология и инструмент позволяет решить ряд задач: поддержать познавательный интерес студентов; улучшить процесс понимания ими учебного текста; проявить себя в качестве успешного коммуникатора посредством яркого, креативного формата информации и т. д. Помимо этого, визуальное перекодирование учебного материала способствует развитию ассоциативного мышления, умению анализировать многочисленные данные, стимулирует творческо-исследовательскую активность обучающихся.

В современном образовании объем информативного материала быстро растет и приобретенные ранее знания требуют переформатирования, поскольку быстрее теряют значимость в новых условиях.

Инфографика, актуальный и влиятельный на сегодняшний день инструмент визуализации, занимается перекодированным знанием и даёт возможность наглядного оперирования с ним. Обратившись к этимологии слова, заметим, что инфографика (от лат. informatio – осведомление, разъяснение, изложение, греч. γραφικός – письменный, от γράφω – пишу) – это способ визуализации информации, который позволяет быстро и понятно представить данные читателю и использует с этой целью изображения, графики, диаграммы, блок-схемы, таблицы, карты, списки. В зарубежной литературе под инфографикой понимается не просто визуализация данных, а соединение графического дизайна, иллюстраций и текста с целью создания единого сюжета.

В. В. Лаптев считает, что инфографика представляет собой «область коммуникативного дизайна, в основе которой лежит графическое представление информации, связей, числовых данных и знаний» [3, С. 10]. В. Ю. Грушевская делает упор на структурной природе данных и утверждает, что инфографика – это «структурированная информация, представленная в графической форме, которая доступно и наглядно отражает смысл исходных данных» [4]. По мнению А. А. Лекомцева, «среднестатистический человек, а тем более учащийся не способен быстро запоминать большое количество текстовой информации, естественно, что больше половины информации не усваивается, и дело не в ученике, а в способе подачи самой информации. Следовательно, чтобы обучение было высокоэффективным, нужно применять инфографику с целью максимального повышения информативности и наглядности учебных материалов» [5, с. 62].

К слову, эта технология сегодня набирает все большую популярность у людей, владеющих определённой информацией и желающих сделать ее наиболее понятной для своей аудитории. Она обладает рядом функций, к которым можно отнести иллюстративную, когнитивную, коммуникативную. Исходя из данных функций, Е. Г. Трушко и Ю. Ф. Шпаковский выделяют следующие особенности инфографики:

наличие графических объектов, полезную и актуальную информацию, красочное представление, внятное и осмысленное освещение темы [6, с. 115]. Таким образом, функциональность инфографики представляет собой символический (графический) зашифрованный материал с максимальным повышением информативности и представленный в наглядной форме в учебных целях. Новичкам в инфографике Ермолаева Ж. Е. [7] предлагает освоить три шага. Во-первых, определить цели и задачи, которые необходимо достичь с помощью инфографики (в зависимости от предметной сферы). «Стоит принять во внимание, что в графике очень легко отображать существующее в реальности, значительно труднее перенести в визуальную плоскость отвлеченные понятия и почти невозможно – мнения и комментарии». Во-вторых, разбить информацию на разделы, части, пункты. Каждый раздел представить отдельным изображением или графиком. Подобрать нужные визуальные образы, которые знакомы и часто используются аудиторией. В-третьих, необходимо создать фокус, т. е. придумать историю, основную визуальную метафору, вокруг которой будет строиться инфографика. Она должна быть простой и всем известной.

Самостоятельно создать инфографику можно с помощью различных сервисов и инструментов виртуальной среды. На сайте [8] названы 22 лучших сервиса для создания инфографики онлайн в 2021 году, среди которых отметим первых три в общем списке:

1) Canva (https://canva.com) – это один из самых приятных в использовании конструкторов инфографики. Это касается не только удобного и интуитивно понятного интерфейса. На сайте Canva вы увидите поздравительные сообщения и обучающие всплывающие окна для каждого шага создания инфографики онлайн. Поэтому пользоваться сервисом может даже новичок. Сервис предлагает 53 бесплатных шаблона инфографики для разных отраслей: бизнес, образование, благотворительность. Также присутствует большое количество инструментов для представления хронологии и последовательности процессов;

2) Infogram (https://infogram.com) – большое количество бесплатных шаблонов инфографики. Бесплатный сервис для создания инфографики предлагает пользователям 25 иконок, 41 уникальную диаграмму и 7 базовых форм. Вкладка Graphics позволяет использовать изображения с ресурса Unsplash;

3) Piktochart (https://piktochart.com) – сервис для создания инфографики максимально понятный и требует от пользователя минимум действий. Piktochart предоставляет большое количество бесплатных инструментов, которые недоступны на других ресурсах. Вы можете изменить метрику любого объекта: карты, диаграммы, изображения.

Как форма визуальной коммуникации инфографика в учебном процессе представляет форму передачи информации с учетом целевых установок. Так, хронологическая инфографика в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи» может быть создана при изучении этапов в развитии русского языка, определенных языковых процессов (например, изменение числа падежей в русском языке, историческое изменение рода у слов, интересные факты о русском языке и т. п.). В рамках занятий можно обратиться к социальной инфографике (к примеру, статус русского языка в обществе).

Выполняя задания с помощью инфографики, студенты запоминают большой объем учебной текстовой информации посредством визуализации в символах, рисунках, графиках, развивая тем самым свою мыслительную активность. Часто этот процесс отражается в увлекательных находках студентов (в содержании, структуре, логических связях). Немаловажным является и тот факт, что при создании инфографики студентам необходимо придерживаться важных принципов, среди которых выступают своевременность, привлекательная, понятная тема, плавный, красивый, эффектный дизайн, удобство распространения, внутренняя целостность, выбор

масштаба, выбор интересных фактов, авторитетность и надежность источников. По поводу соблюдения последнего принципа подчеркнем, что в современном коммуникативном пространстве упрочил свои позиции процесс популяризации знаний. С одной стороны, обществу нередко предлагаются нестандартные научные взгляды, что, безусловно, несет положительную оценку. Но с другой стороны, нередко подобная популяризация науки содержит много субъективного, оценочного, эмоционального и создает атмосферу бездоказательного и поверхностно-дилетантского разговора. Таким образом, при работе с инфографикой также становится важным обращение к канонам научной этики.

Использование инфографики в процессе занятий позволяет демонстрировать неиссякаемые возможности информационно-образовательной среды, творческого потенциала обучающихся и способствует качественному росту новых образовательных результатов – как предметных, так и метапредметных.

Как правило, посредством инфографики студенты развивают навыки критического мышления: проявляют гибкость в представлении вариантов информации, настойчивость в преодолении ситуации затруднения, поскольку сложная ситуация предполагает не только решение дилеммы, но и важна для достижения успешности в обучении, готовность видеть и исправлять свои ошибки, выбирая другие стратегии. Развитие критического мышления посредством инфографики осуществимо в рамках рефлексивных заданий по дисциплине: «Мой речевой портрет», «Хочу вам посоветовать прочесть…», «А напоследок я скажу…» и т. д.

Таким образом, речевая и языковая подготовка будущих специалистов через инструмент инфографики представляет собой систему, суть которой заключается в том, что относительно самостоятельные компоненты инфографической компетентности рассматриваются не изолированно, а во взаимосвязи. При этом инфографика как современный инструмент вербально-визуальной коммуникации демонстрирует новые методические возможности для эффективного проведения занятий и создает предпосылки для активизации познавательного интереса студентов.

Список использованных источников

1. *Коробкова Т. В., Тенеряднова С. П.* От слова к тексту: социокультурный контент в преподавании русского языка // Вестник гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича. 2018. №10. С.226–231.

2. *Тенеряднова С. П.* Использование современных инструментов вербально-визуальной коммуникации на дисциплинах «Русский язык и культура речи» и «Основы деловых коммуникаций»// Вестник гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. 2020. № 12. С.418–423.

3. *Лаптев В. В.* Изобразительная статистика. Введение в инфографику. Санкт-Петербург : Эйдос, 2012. 180 с.

4. *Грушевская, В. Ю.* Методика обучения разработке инфографики в педагогическом вузе. – URL: http://journals.uspu.ru/ attachments/article/ 1265/4. (дата обращения: 10.11.21).

5. *Лекомцев А. А.* Использование инфографики в образовательном процессе // наука, образование, общество: тенденции и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции 28 ноября 2014г: в 5 ч. Часть III-М.: «АР-Консалт». 2014. С. 64–65.

6. *Трушко Е. Г., Шпаковский Ю. Ф.* Инфографика как современный способ представления информации // Труды БГТУ. 2017. Серия 4. № 1. С.111–117.

7. *Ермолаева Ж. Е.* Технология создания инфографики. – URL: https://www.eduneo.ru/texnologiya-sozdaniya-infografiki (дата обращения: 10.11.21).

Тенеряднова Светлана Павловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный

университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, steneryadnova@mail.ru

УДК 81'4

К. Д. Токарева, О. М. Федорова

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ АВТОРА МЕМУАРНЫХ ТЕКСТОВ

K. Tokareva, O. Fedorova

LANGUAGE AS A MEANS OF FORMING THE AUTHOR'S IDENTITY IN MEMOIR TEXTS

В статье рассматривается категория идентичности, раскрываемая в мемуарных текстах, и язык как способ ее формирования. Акцентируется значимость идентичности как категории, объективирующей Другого. Двойственность человеческого *Я* и необходимость присутствия Другого определяются важными факторами формирования самосознания индивида. Задачей является определение роли, которую язык играет в процессе установления идентичности личности.

Ключевые слова: Идентичность, диалог, Я-ДРУГОЙ, мемуарный текст.

The article examines the category of identity revealing in memoir texts and language as a way of its formation. The significance of identity as a category objectifying the Other is emphasized. The duality of the human SELF and the need for the presence of the Other are determined by crucial factors in the formation of the individual's self-consciousness. The task is to determine the role that language plays in the process of establishing a person's identity.

Keywords: Identity, dialogue, SELF-THE OTHER, memoir text.

Категория идентичности трактуется в науке по-разному. Французский историк Ж. Нуарьель выделяет два ее основных критерия: индивидуальность и подобие. Подобие учёный определяет как сходство двух или более людей, в сравнении с третьим (все американцы идентичны, сравнивая с французами). Во втором случае ученый определяет идентичность как признание себя личностью и отнесение к определенной группе: социальной, этнической или культурной [1].

Изучение основных философских воззрений на проблему идентичности помогает придти к выводу, что человек способен судить о себе только через призму Другого, поэтому для актуализации идентичности необходим непосредственный диалог с Другим [2].

Говоря о понятиях «идентичность» и «идентификация», М. Лаппо отмечает, что они часто используются как синонимы, но не считает это оправданным, поскольку идентификация (самоидентификация) представляет собой процесс, в то время как идентичность – результат этого процесса [3, с. 14].

Впервые в междисциплинарный научный обиход понятие идентичности ввел Э. Эриксон, который рассматривал ее с позиции психологии. Э. Эриксон, а за ним и многие другие (J. Assmann, J.C. Turner, W.B. Gudykunst, B.J. Hall), выделяют три уровня идентичности: индивидуальный, персональный и социальный. Идентичность на первом уровне - индивидуальном - определено как тождество «Я» самому себе и как результат осознания индивида собственной временной протяженности. На персональном уровне идентичность понимается учеными как ощущение у индивида уникальности своего жизненного опыта и собственной неповторимости. На социальном уровне обозначается как средство внутренней солидарности индивида с социальными и групповыми стандартами и идеалами [4].

Лингвистическое значение термин получил в работах Ж. Делеза («Различие и повторение»), Ж. Деррида («Письмо и различие») и П. Рикера («Время и нарратив»). Основы его определения заложены идеями современной герменевтики (Г.-Г. Гадамер, П. Рикер). П. Рикер отмечал, что лишь через символы и знаки индивид может получить осознанное понимание своего существования и себя самого. П. Рикер создает термин «повествовательная идентичность», основываясь на том факте, что знаки, моделируемые в письменном коде, провоцируют носителя языка к интерпретации. Данный термин описывает такую форму идентичности, которую человек может достичь в ходе своей повествовательной деятельности [5].

Заимствование литературной идеи понимается как цитация произведения или создателя текста в биографическом материале. Ученый С. А. Петрова считает, что автор произведения существует «в двух пространствах бытия: в пространстве жизни и в пространстве творчества, искусства», что создает своеобразие «интертекстуальных» связей, различного вида цитат, аллюзий, реминисценций в “биографическом дискурсе”» [6, с. 234].

Исследователь Э. Бенвенист предлагает рассматривать язык как способность реализации личного начала каждого индивида. «Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство быть» [2]. «Субъективность», описываемая в данном высказывании, является способностью говорящего увидеть в качестве «субъекта» - в противопоставлении «Другому» определить свое «Я».

Опираясь на важность идентичности при установлении и поддержании совокупных идентично трактуемых мнений, ценностей и установок в рамках одной группы (М. Бухольц и К. Холл), Дж. Эдвардс акцентирует внимание на том, что именно язык определяет групповую идентичность (в случае национальной идентичности считается главным средством) [7, с. 21]. По мнению ученого, «не все мы являемся билингвами и мультилингвами, однако многие из нас являются носителями двух и более диалектов, и все мы – носителями двух и более стилей» [7, с. 27]. Говоря другими словами, представитель той или иной групповой идентичности может примерять на себя разные «роли», смотря в какой коммуникативной ситуации он находится. Однако чувство обособленности, которое все же сохраняется у представителей одной группы, позволяет определить перцептивные границы. Благодаря установлению ассоциативных связей между языковыми и неязыковыми чертами одной и той же группы возникает «лингвистический портрет».

Зарубежного исследователи при изучении связи языка и идентичности сосредоточились на свойстве формулировать систему значений, заложенных в культуре. Речь рассматривают как универсальный маркер отнесённости к группе и средством ее выражения (Р. Липпи-Грин, Б. Нортон, Дж.П. Джи). Зарубежное антропологическое языкознание, в отличие от отечественного, определяет языковую идентичность как средство выражения принадлежности человека к обществу, а не к отдельной сущности. Также необходимо сделать акцент на том, что, анализируя взаимосвязь языка и идентичности, западные языковеды используют описательный подход, не привлекая дополнительные единицы изучения и построения моделей явлений лингвокультуры.

Концепция связи идентичности и языка перетекла в утилитарную область в работах по методике преподавания английского языка мигрантам, а также при усвоении второго языка, что в западной практической лингвистике является отдельной дисциплиной. В данных работах предпринимались первые попытки реконструировать языковую идентичность билингвов или мигрантов и под влиянием разных установок проанализировать функциональную реализацию языковой идентичности.

Б. Нортон – ученый из Канады - описывает идентичность как «то, как человек осознает свои отношения с миром, как эти отношения сформированы под влиянием времени и в пространстве и какие перспективы развития этих отношений он видит в

будущем» [8, P. 5]. В данном понятии идентичности совмещаются временные планы, как и в мемуарном тексте, поэтому на материале данного текста прослеживается становление идентичности его автора.

Тексты мемуары представляют собой особый вид письменной деятельности, в рамках которой автор способен проектировать свою идентичность: полагая, что пишет о прошлом, он пишет о настоящем с перспективой на будущее.

Исследователь Е. Ю. Рождественская говорит о т. н. двойной временной перспективе Рассказанного и Рассказывающего (термин М. Энгельгарта). Собственно события двойной перспективы позволяют обратиться к понятию самоидентификации говорящего в тексте-воспоминании о себе самом [6].

В мемуарах «Потерянная в переводе: жизнь на новом языке» Ева Хоффман рассказывает о своем процессе прохождения нового языкового и культурного опыта. Она пишет о своей языковой мобильности и возникающих впоследствии внутренних ощущениях. Хоффман описывает чувства боли и растерянности. Несмотря на это, в конце своего повествования она изображает то, что считает полным лингвистическим достижением и успехом в своем новом обществе и языке. Еве Хоффман было тринадцать лет, когда в 1949 году она эмигрировала со своей семьей из Польши в Канаду, а затем в британскую колонию. Она пыталась преуспеть в изучении новом языке и окружающей среды. «Потерянная в переводе: жизнь на новом языке» была опубликована в 1989 году и является ее первой книгой. На начальном этапе становления идентичности автор испытывает сложности с самоидентификацией: I don't see what I've seen, I don't comprehend what is in front of me. I'm not filled with language anymore, and I leave only a memory of fullness to anguish me with the knowledge that, in this dark and empty state, I don't really exist. (p. 98). Автор не может определить себя как языковую личности и констатирует этот факт: I'm not filled with language. Упоминание прошлого осуществляется с помощью лексики, входящей в лексико-семантическое поле «память»: *I leave only a memory.*

В результате культурной и социальной адаптации автор утверждает, что способен идентифицировать себя как новую языковую личность, т. е. способен пользоваться средствами неродного языка:

Once language starts speaking itself to me from my cells, I stop being so stuck on it. Words are no longer spiky bits of hard matter, which refer only to themselves. They become, more and more, a transparent medium in which I live and which lives in me a medium through which I can once again get to myself and to the world. (p. 218).

Все фазы процесса обучения, которые соответствуют фазам становления ЯЛ, показаны в повествовании. Если в начале данного процесса автор утверждает, что разница в значениях слов родного и иностранного языка составляет трудность: «But mostly, the problem is that the signifier has become severed from the signified. The words I learn now don't stand for things in the same unquestioned way they did in my native tongue». Отсутствие идентичности выражается в отсутствии у автора ассоциативных связей слов и коннотаций: «River in Polish was a vital sound, energized with the essence of riverhood, of my rivers, of my being immersed in rivers. "River" in English is cold- a word without an aura. It has no accumulated associations for me and it does not give off the radiating haze of connotation» (p. 96). Отсутствие связи с действительностью, что указывает на отсутствие идентичности, выражается в следующем высказывании: «It is the loss of a living connection» (p. 97).

Автор имеет в виду, что знак в его отношениях между означаемым и означающим настолько интенсивно усваивается, что не кажется произвольным, как описано Ф. де Соссюром.

Автор указывает на изменение в восприятии слов родного языка и иностранного: «The words float in an uncertain space. They come up from a part of my brain in which

labels may be manufactured but which has no connection to my instincts, quick reactions, knowledge». (p. 98).

Эта неуверенность заставляет ее задаться вопросом о ее личности: если человек не может выразить себя, как он может быть гражданином и действовать в своем обществе, если он не может сказать, что он думает.

My speech, I sense, sound monotonous, deliberate, heavy- an aura mask that doesn't become me or express me at all. This willed self-control is the opposite of real mastery, which comes of real mastery, which comes from a trust in your own verbal powers and allows for a free streaming of speech, for those bursts of spontaneity, the quickness of response that can rise into a pleasure overflow in humour». (p. 107).

Становление идентичности в языковом аспекте свидетельствует о становлении идентичности в культурном аспекте, окончании процесса включения в иную культурную среду: «Polish, in a short time has atrophied, shriveled from sheer uselessness. Its words don't apply to my new experiences: they are not coeval with any of the objects or faces, or the very air I breathe in the daytime». (p. 97).

Автор отмечает, что язык является ключевым фактором формирования его идентичности: «This language is beginning to invent another me» (p. 110).

Язык является одним из основных средств, с помощью которого человек может раскрыть свои мысли, свою личность, свои ценности, а значит свою идентичность. Мемуары Е. Хоффман дают возможность внимательно наблюдать за последствиями опосредованного языком самоанализа в процессе формирования индивидуальной идентичности.

Отбирая факты о прошлом, а именно: переезд в другую страну, необходимость изучать новый язык, т. е. входить в иную языковую и культурную среду, и, наконец, обретение идентичности новой ЯЛ в данных условиях – автор мемуарного текста строит и определяет свою идентичность «здесь и сейчас», решая различные индивидуальные проблемы. Этапы становления идентичности, каждый из которых соответствует этапу изучения языка автором мемуаров, выражаются в тексте с помощью различных языковых средств. Например, начало определенного этапа – с помощью слов из лексико-семантического поля «начало»: starts, beginning, отсутствие идентичности – с помощью слов, словосочетаний и выражений, имеющих в своей семантике компонент «отсутствие»: no connection**,** a word without an aura, I don't see, I don't comprehend, I don't really exist и др., слов и словосочетаний, имеющих в семантике компонент «неопределенность»: uncertain space, this dark and empty state и др. Идентификация автора происходят в условиях чужого общества, где автор противопоставляет себя этому обществу и всем, кто в него входит. В контексте оппозиции «Я – Другой» автор – это Я, а Другой – это носители иноязычного общества, с которыми приходится взаимодействовать автору. Другой здесь не определен четко и выражается с помощью слов, имеющих в своей семантике компоненты «противоположный», «иной»: in front of me, this language и др. Идентичности необходима постоянная проверка и принятие. Она связана с эмоциями и ценностями говорящего и ярко проявляется в мемуарных текстах, поскольку важная особенность данных текстов заключается в переосмыслении, рефлексии событий, оценке спустя время, когда конец истории уже известен, а язык служит важным составляющим определения своей идентичности.

Список использованных источников

1. *Noiriel G.* À quoi sert «l'identité nationale». Marseille: Agone,2007. 154 p

2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. Москва, Прогресс, 1974. 448 с.

3. *Лаппо М. А.* Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск, 2013. 180 с.

4. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. Москва : Флинта, 2006. 341 с.

5. *Сендерович С. Я.* Чехов – с глазу на глаз: История одной одержимости А. П. Чехова: Опыт феноменологии творчества. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1994

6.*Петрова С. А.* Авторская идентичность и понятие имиджа в литературе: теоретический аспект // Пушкинские чтения. 2014. №. XIX. С. 232–236.

7. *Edwards J.* Language and Identity: An introduction. Cambridge, 2009.

8. *Norton B.* Identity and Language Learning: Extending the Conversation. 2013.

Токарева Ксения Дмитриевна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, ksenia_tokareva88@mail.ru

Федорова Ольга Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, olgamikhailovnafedorova@mail.ru

УДК 8

В. Б. Шаронова, О. С. Яшина

ЧТО ТАКОЕ DIGITAL-ПОЭЗИЯ, И ГДЕ ОНА ОБИТАЕТ?

V. Sharonova, O. Yashina

WHAT IS DIGITAL POETRY AND WHERE DOES IT LIVE?

В статье рассматриваются способы взаимодействия между поэзией и цифровой средой в связи с особенностями цифровой текстуальности. Авторы изучают различные тактики освоения художественной действительности в рамках информационной среды.

Ключевые слова: цифровая литература, digital-поэзия, цифровое искусство электронная поэзия, медиапоэзия.

The article examines the ways of interaction between poetry and the digital environment in connection with the peculiarities of digital textuality. The authors study various tactics of mastering artistic reality within the framework of the information environment.

Keywords: digital literature, digital poetry, digital art, electronic poetry, media poetry.

В последние годы феномен цифровой литературы стал одной из самых сложных тем для исследования среди литературоведов, лингвистов и филологов. Существуют мнения, согласно которым в начале 21 века возросший интерес к цифровой литературе стал результатом интенсивного развития информационных технологий, главенствующее значение среди которых имели Интернет, и в частности, различные компьютерные социальные сети. Интернет и его платформы расширяют возможности для активного творческого самовыражения как среди профессионалов, так и среди любителей. В эпоху тотальной цифровизации, появились ресурсы, которые позволили заметно упростить процесс организации поэтических концертов. Но вместе с тем, под влиянием информационных технологий изменилась и сама поэзия, ее поэтика и социальный статус. Сейчас необходимо признать факт, что поэзия везде: на специализированных веб-сайтах, форумах, а также в социальных сетях, таких как Facebook, Instagram и Twitter. Но вместе с тем поэзия также проникла и в ранее неизведанные области, такие как программирование, кодирование и глубинное обучение (техника обучения нейросети).

XXI век – век трансмедиального искусства, когда «чистые» традиционные формы не вызывают интереса не только у потребителей, но и у творцов. Кажется, что Интернет позволяет значительно увеличить количество текстов, которые считаются стихами, и количество людей, которые считаются поэтами. Трансформация поэтического текста и новые способы его презентации обусловили появление новых форм поэзии.

До сих пор, несмотря на свою огромную социальную значимость, новые формы поэзии остаются недостаточно изученными, а иногда и неправильно понятыми.

В своей книге «Цифровое искусство» профессор Школы исследований медиа (США) Кристиал Пол отмечает: «Я провожу самоочевидное, но крайне важное разграничение между искусством, в котором цифровые технологии используются как инструмент для создания более или менее традиционных произведений – фотографий, гравюр, скульптур – и подлинно цифровым компьютерным искусством, которое создается, хранится и распространяется с помощью цифровых технологий и в качестве выразительных средств использует исключительно их. Именно последнее, как правило, и обозначают термином «медиаискусство» [1].

Последнее пятилетие в поэзии позволяет нам говорить о существовании традиционной поэзии, находящейся в цифровом пространстве, и подлинной digital-поэзии, подвидами которой, можно назвать поэзию электронную и медиапоэзию. Они включают в себя большую группу жанров и направлений, дать названия которым означает попытаться присвоить имя постоянно изменяющимся процессам, начавшимся еще в конце 20 века. Электронная поэзия – это поэзия, где искусственный интеллект компьютера, гугл-системы и т. д. участвует в создании текста как самостоятельная творящая единица, и вместе с тем выступает промежуточным элементом, придающим тексту бесконечно новые смыслы [1].

Современный период электронной поэзии следует отсчитывать с того момента, когда широкое развитие получили протокол передачи данных HTTP, язык гипертекстовой разметки HTML, программы для создания флэш-анимации, а также браузеры, поддерживающие отображение визуальных объектов и проигрывание звука. В связи с многообразием программного инструментария получили известность следующие направления в электронной поэзии, обозначившие коренной перелом в способах освоения художественной действительности:

1) гипертекстовая поэзия (hypertext poetry) – текст, составленный из фрагментов-ссылок (в том числе на графические, звуковые объекты и даже на географические карты с координатными привязками), между которыми читатель может перемещаться в произвольном или определённым автором порядке;

2) интерактивная поэзия (interactive poetry) – это синтез собственно поэзии и компьютерной игры, при этом читатель имеет возможность выбирать дальнейшее развитие вербального изложения;

3) «программно-литературные коды» (codework) – поэтические тексты, пригодные и для чтения человеком, и для исполнения компьютером в качестве программ, написанных на языках программирования высокого уровня (Pascal, C++, Java и другие);

4) фларф-поэзия (flarfy poetry) – это поэзия поисковых запросов (found poetry): в качестве сюжетных линий таких стихов выступают результаты запросов в поисковых Интернет-системах;

5) спам-поэзия (spoetry) схожа с фларф-поэзией, но вместо результатов поисковых запросов стихи представляют собой выдержки из заголовков спама, который приходит на электронную почту;

6) nomadic poetry – это «кочующая» между электронными устройствами (мобильными телефонами, рекламными панелями, планшетными компьютерами и т. д., имеющими выход в Интернет) поэзия: по мнению авторов, работающих в этом направлении, поэтический текст является носителем разных смыслов, сменяющих друг друга в зависимости от конкретного электронного устройства и местоположения читателя, что влечёт за собой многовариантное прочтение.

На самом деле это далеко не полный перечень направлений в электронной поэзии [1]. Как техника и информационные технологии не стоят на месте, так и электронная поэзия быстро прирастает новыми направлениями.

Медиапоэзия представляет собой взаимодействие непосредственно поэтического текста с любым медиа-пространством: визуальным, аудиальным, тактильным и т. д. в том, что цельным произведением стихотворение становится только при условии реализации этого взаимодействия. В отличие от электронной, в медиапоэзии достигается единство поэтического текста (в общем случае неважно, каким образом он был сгенерирован) с самыми разнообразными медиапространствами: визуальными, текстовыми, звуковыми, виртуальными, многомерными, интерактивными и т. д. И потому средства авторской выразительности медиапоэтического произведения способны воздействовать практически на все чувственные аспекты читателя/слушателя/зрителя.

Так, например, в последнее время стали говорить о поэзии, которую можно потрогать, попробовать на вкус или обонять. Среди всех причин возникновения медиапоэзии главной является поиск авторами новых средств выразительности, причём в процессе исследования границ формотворчества и сооружения сложных многоуровневых конструктов они ограничены лишь возможностями используемых технических средств. Так в рамках медиапоэзии появились такие направления как видеопоэзия, саунд-поэзия (sound-poetry), 3D- и 4D-поэзия, биопоэзия (biopoetry) и т. д. Интересные кейсы цифровизации текста можно встретить на Интеренет-платформах повсеместно, но среди наиболее популярных и успешных digital-поэтов можно назвать Илью Мазо, Йорга Пирингера и Яна Богоста.

Несомненно, одна из основных задач поэзии – развивать язык и обеспечивать общение автора посредством него с читателем. Несмотря на то, что digital-поэзия в нашей стране остаётся плохо исследованной, сегодня она представляет собой сложившуюся эстетическую систему, которая способна и успешно решает объемные и сложные идейно-художественные задачи.

Список использованных источников

1. *Пол К.* Цифровое искусство. Москва : Ад Маргинем, 2020. 272 с.

Шаронова Виктория Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Челябинский филиал), vsharon@list.ru

Яшина Ольга Сергеевна – старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Челябинский филиал), yashiolg@yandex.ru

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ИННОВАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ: ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ГРАЖДАНСКУЮ АКТИВНОСТЬ»

ROUND TABLE "POLITICAL GOVERNANCE INNOVATIONS: EFFECTS OF DIGITAL TRANSFORMATION ON CIVIC ENGAGEMENT"

УДК 004.633.2

Т. Р. Галиева, В. Д. Михайлов

КОММУНИКАЦИОННЫЙ СЕРВИС УПРАВЛЕНИЯ КОНТЕНТОМ НА БАЗЕ ТЕХНОЛОГИИ ASP.NET CORE WEB API

T. Galieva, V. Mikhailov

THE COMMUNICATION SERVICE OF CONTENT MANAGEMENT BASED ON ASP.NET CORE WEB API

В статье рассматривается архитектура веб-сервиса управления мультимедийным контентом на базе технологии ASP.NET Core Web API. Представлено описание работы нескольких микросервисов, реализующих управление файловым хранилищем, текстовыми и гипертекстовыми документами, в составе единой киберсреды. Показаны результаты проектирования и разработки прототипа управления контентом для хранения, управления правами доступа и ведения статистики в модуле управления занятий электронной системы обучения.

Ключевые слова: управление контентом, киберсреда, микросервис, архитектура веб-сервиса, API, ASP.NET Core Web API.

The article deals with the web service architecture for multimedia content management based on ASP.NET Core Web API. The work description of the several microservices that implement the management of file storage, text and hypertext documents as a part of cyber environment is given. The results of the design and development of the prototype of content management for storage, access rights management and statistics in the class management module of the e-learning system are shown.

Keywords: content management, cyber environment, microservice, web-service architecture, API, ASP.NET Core Web API.

The formation of the unified cyber environment of post-industrial society is one of the most important tasks. The cyber environment is a set of virtual analogues of the real object or computer models that duplicate real objects based on their key characteristics [5]. The cyber environment let solve a number of problems, including the minimizing routine labor, the information and communication support for virtual organizations and enterprises, including the formation and work of temporary labor staff. One of the problems of forming the unified cyber

environment of post-industrial society is the lack of general-purpose basic modules from which this environment is formed.

The paper represents the results of the design and development of a context management prototype, which is a solution with the microservice architecture and implemented as an application based on technology ASP.NET Core Web API, which allows deep integration into various services of single cyber environment for post-industrial society.

To begin with, it is worth considering what API is. API (Application Programming Interface) is a set of ready-made classes, functions, procedures, structures and constants. The information is provided by the application itself (or the operating system). The user does not need to understand that this API technology provides module interaction. The purpose of the information provided is to use this data when interacting with external programs. The API is used to combine the work of various applications into a single system.

The elements of the API mechanism organize a multi-level hierarchy in the process. At the same time, subordinate components also receive a similar structure. There are at least 7 internal layers within the standard OSI network model. They are classified from the physical layer of bit translation to applications such as HTTP and IMAP protocols. So the top-level API uses the lower-level functionality.

Class libraries are an important component of the information's organization in the API description. These include descriptions of signatures and semantics. In this case, the APIs are part of the interface mechanism. The signature acts as part of the general function declaration and is used to identify the element. It is presented in different programming languages in different ways.

As for the microservice architecture, it represents an approach of development based on the application is created using several independent components. That means if one component fails, the others continue to work [3].

The application is implemented in the form of several microservices:

– "Book"

This microservice is used to combine several files of the same or different formats into one directory, with the ability to edit, delete, add components, and also a certain circle of users can be assigned to browse the directory, who can view and edit it.

– "Text / hypertext document"

This microservice provides the text and hypertext editing, as well as the adding file binding management to the document, including image and video files.

– "Storage"

This microservice implements the ability to save files of different formats. Depending on the integration environment of the project, the number of databases can be changed. As an example, one can give the data storage of three formats: video recordings, images and text documents. For each of these formats, its own storage is created, which in turn is the separate microservice. One can assign a specific list of file formats to each repository, that determines in which specific repository the file is uploaded and whether the file format is acceptable for downloading.

Modern CMS (Content Management System) are widely used in various fields: their absence causes interference and, accordingly, losses for any company, specializing and aiming for the Internet segment, needs its own website [1]. Unlike specialized IT companies with professional staff, most non-core organizations cannot provide with the creation of personal CMS themselves and therefore they use common content management systems to develop any typical website. This approach is widely used among companies that seek for the system with a standard set of functions such as content management, general functions, publications, content creation, additional functions, user management, creation of environment.

The web-based of content management service ASP.NET Core Web API can be used in other web services entirely, in the form of a book containing a file of other documents, as well as in the form of separate microservices – "Text / hypertext document" and "Storage", which

can be called microsystems of content management. Such solution can prevent the duplication of functionality, which is the most important requirement for creating modules from which the cyber environment must be integrated.

The proposed web service can be used in two ways, in the form of:

– a separate component or components, in the case of context management microsystems, a graphical user interface implemented with help of Blazor technology [4];

– a web service connected via Web API (the configuration of the service as a whole or individual microservices can also be performed via Web API).

At the same time, the component or the entire application can be integrated into any cyber environment in which data storage is required.

The application of the proposed web service can be differently. According to Figure 1, a web-based content management service ASP.NET Core Web API can be used in the class management module of the electronic learning system in any educational institutions. This example demonstrates a clear distinction between the business logic of managing a training task implemented in the corresponding microservice, that in turn is part of the e-learning system, and the business logic of managing the content of the task implemented in the content management web service.

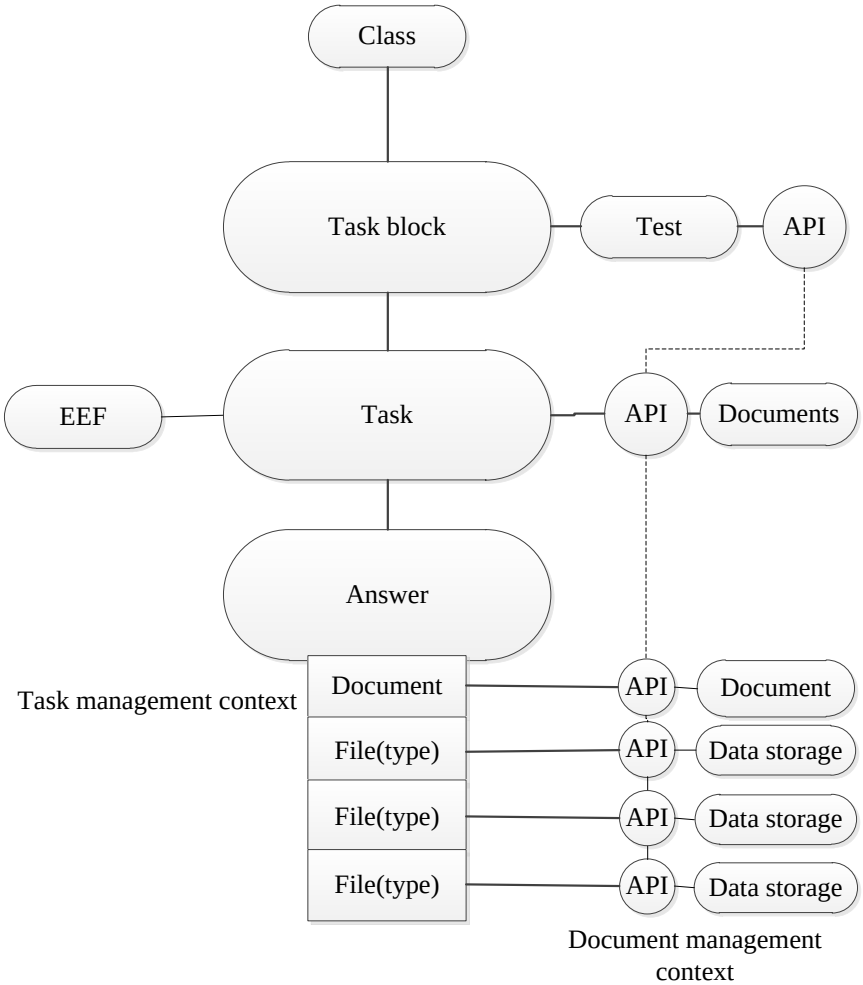


Figure 1. The example of content management microservice integration

The usual seminar for students is considered, and documents containing the assignments for students are output from the repository which students have been accessed. It can also connect the web service to the regulatory documents of the education organization, that

in turn allows students to issue assignments from the evaluation knowledge fund attached to the working programs of disciplines. After that, the student performs the assigned task and uploads files with answers in the necessary formats to the appropriate repositories, in which the tutor can find and check them.

The proposed web service considering in government structures, it can be integrated into any department that requires work within the internal network. When using a service deployed on a server in the internal network of a division, it is possible to ensure security, since databases only perform queries within the internal network, as well as regulate it for specific needs. For example, confidential documents (documents and resolutions, concerning the organizational support and regulating the specifics of civil service; regulatory legal acts, regulating the relevant sphere of activity, within the limits of official duties and powers; documents on the regulations of the internal organization of the state body; records managements) are usually contained in the departments working with them. Using the internal network and a proper level of security, the possibility of information leakage is excluded.

Thus, the presented content management service allows to organize the storage of various types of information, access rights management, and statistics in a convenient form. The web-based content management service enables to achieve deep integration into the cyber environment of virtual enterprises and the e-learning system. The proposed system permits to generate dynamic mailing lists with support for creating, reading, upgrading and deleting operations [2].

Список использованных источников

1. *Barker D.* Web Content Management // O'Reilly Media Inc. 2016. P. 378.
2. *Griffiths I.* Programming C# 5.0 // O'Reilly Media Inc. 2012. P. 886.
3. *Liberty J., Hurwitz D.* Programming ASP.NET // O'Reilly Media Inc. 2002. P. 960.
4. *Roth D., Fritz J., Southwick T., Addie S., Smith S.* Blazor for ASP.NET Web Forms Developers // Microsoft Developer Division. 2021. P. 95.
5. *Shostack, A.* Threat Modeling: Designing for Security // John Wiley & Sons, Inc. 2014. P. 624.

Галиева Татьяна Ринатовна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, gtanyar@mail.ru

Михайлов Василий Дмитриевич – студент 1-го курса магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича; kubeukeko@gmail.com

УДК 32.019.51

А. А. Косоруков, В. С. Осипов

МЕХАНИЗМЫ ЦИФРОВОЙ МОБИЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКИХ, БЕЛОРУССКИХ И ГОНКОНГСКИХ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛОВ

A. Kosorukov, V. Ossipov

DIGITAL MOBILIZATION MECHANISMS OF YOUTH ON RUSSIAN, BELARUSIAN AND HONG KONG TELEGRAM CHANNELS

Статья посвящена изучению онлайн- и офлайн-механизмов социально-политической мобилизации молодежи через призму теорий цифрового группизма и цифровых сообществ. Новизна исследования заключается в применении модели информирования Е. В. Бродовской и А. Ю. Домбровской к массиву данных, полученных автором из баз статистики "Telegram

Analytics" и "Google Trends" применительно к протестным событиям в Москве, Минске и Гонконге, в анализе понедельной активности протестных Телеграм-каналов и построении на их основе гистограм с визуализацией их пиковой упоминаемости в других Телеграм-каналах в протестные периоды.

Ключевые слова: гражданский активизм, модель информирования Бродовской-Домбровской, Телеграм-канал, цифровой группизм, протестное поведение, молодежь, социально-политическая мобилизация, протесты в Москве, протесты в Минске, протесты в Гонконге.

The article is devoted to the study of online and offline mechanisms of socio-political mobilization of youth through the prism of theories of digital groupism and digital communities. The novelty of the research lies in the application of the model of informing E.V. Brodovskaya and A.Yu. Dombrovskaya refers to the array of data obtained by the author from the Telegram Analytics and Google Trends statistical databases in relation to protest events in Moscow, Minsk and Hong Kong, in analyzing the daily activity of protest Telegram channels and building histograms based on them with visualization of their peak mentions in other Telegram channels during protest periods.

Keywords: civic activism, Brodovskaya-Dombrovskaya information model, Telegram channel, digital groupism, protest behavior, youth, socio-political mobilization, protests in Moscow, protests in Minsk, protests in Hong.

Рассмотрим три кейса протестной социально-политической мобилизации молодежи на стыке теории цифрового группизма и формирования цифровых сообществ А. В.Михалева, а также оппозиционно-мобилизационной модели информирования Е. В. Бродовской и А. Ю. Домбровской [1, с. 18], согласно которой между количеством информационного материала или количеством сообщений в социальных сетях/мессенджерах и волнами протеста существует прямая связь: протесты в Москве 14 июля – 29 сентября 2019 года, протесты в Минске 9 августа – 19 ноября 2020 года, протесты в Гонконге 12 июня 2019 года – 1 июль 2020 года. Кейсы выбраны с учетом того, что мессенджер Телеграм в ходе вышеприведенных кейсов играл одну из ключевых ролей, создавая для читателей телеграм-каналов эффект массовости, обеспечивая «умным толпам» протеста коммуникацию и координацию в процессе уличной активности. Источником информации выступают открытая база статистики «Telegram Analytics» [2], сервис «Google Trends» [3] и открытые Интернет-источники, использование которых позволяет на длительном временном отрезке сопоставлять количество публикаций протестного телеграм-канала с количеством его упоминаний в других телеграм-каналах и чатах, поисковых запросах Google, сопоставлять волны и пики публикаций в телеграм-канале с событиями уличного протеста.

Цель исследования состоит в том, чтобы протестировать модель информирования Бродовской и Е. В., Домбровской А. Ю., доказав, что в рамках каждого из трех кейсов протестной социально-политической мобилизации молодежи пиковые значения публикаций телеграм-каналов или их упоминаемости в других телеграм-каналах и чатах в значительной степени совпадали со значимыми офлайн-событиями данного протеста, дать авторскую интерпретацию прямой или обратной зависимости.

1. Протесты в Москве (14 июля – 29 сентября 2019 года).

Протестные акции в Москве, активная фаза которых продолжалась с 14 июля 2019 года по 29 сентября 2019 года на фоне выборов в Мосгордуму, характеризовались активным использованием телеграм-каналов, позволяющих мобилизовывать «умные толпы» цифровых граждан и призывать их к участию в массовых митингах. С помощью данных «Telegram Analytics» была проанализирована активность телеграм-каналов «Навальный» и «Навальный Live», активно задействованных в процессе организации протестных акций в Москве, при этом было выявлено, что несмотря на их активность и призывы участвовать в массовых митингах, в 2 из 3 случаев максимальный охват аудитории телеграм-каналов «Навальный» и «Навальный Live» достигался не в результате публикации большего количества постов и сообщений, а в результате упоминаний данных каналов в контексте той или иной активности государства в

отношении протеста. Так, 29 июля пик упоминаний каналов «Навальный» и «Навальный Live» в других телеграм-каналах и чатах России пришелся на вынесение судебных решений в отношении арестованных двумя днями ранее протестующих, 6-8 сентября пик упоминаний был связан с недопуском кандидатов от внесистемной оппозиции на выборы в Мосгордуму, 12 сентября пик упоминаний оказался связанным с обысками в штабах ФБК по всей России.

Нижеприведенные гистограммы, построенные на основе данных об упоминании телеграм-каналов «Навальный/Навальный Live» в других телеграм-каналах и чатах, а также на основе данных об их собственных публикациях в течение 12 недель протестных событий, позволяют наглядно продемонстрировать, что два наиболее массовых офлайн-события кейса «Протесты в Москве», которые пришлись на 29 июля и 6-12 сентября, нашли свое отражение в пиковом количестве упоминаний данных телеграм-каналов в других телеграм-каналах и чатах. С одной стороны, это противоречит ранее выбранной модели информирования Бродовской Е. В., Домбровской А. Ю, с другой стороны, вне двух наиболее массовых офлайн-событий, вызванных действиями государственных институтов и вызвавших радикальный всплеск упоминания телеграм-каналов «Навальный/Навальный Live», прямая зависимость сохраняется: чем большее количество публикаций и упоминаний телеграм-каналов происходит онлайн, тем более массовые события происходят офлайн. Более того, данные Google Trends подтверждают, что два наиболее массовых офлайн-события 29 июля и 6–12 сентября были отмечены всплесками популярности таких поисковых запросов как «Навальный».

Рисунок 1. Недельные пики упоминаний телеграм-каналов «Навальный/Навальный Live» в других каналах и чатах России

Рисунок 2. Понедельная динамика публикаций телеграм-каналов «Навальный» и «Навальный Live»

2. Протесты в Минске (9 августа – 19 ноября 2020 года).

Протестные события в Беларуси 9 августа – 19 ноября 2020 года, во многом инициированные телеграм-каналами «NEXTA/NEXTA Live», стали возможны благодаря формированию в стране широкой социальной прослойки цифровых граждан, для которых телеграм-каналы стали одним из альтернативных и доверительных источников

информации о политических событиях в стране. Анализ активности наиболее популярных в Беларуси протестных телеграм-каналов «NEXTA» и «NEXTA Live» показывает, что несмотря на их высокую активность и мобилизационный потенциал, призывы участвовать в массовых митингах, в обоих случаях максимальный охват аудитории телеграм-каналов «NEXTA/NEXTA Live» был достигнут не в результате наращивания большего количества постов и сообщений, а в результате упоминаний данных каналов в контексте той или иной активности белорусского государства. Так, 10–12 августа пик упоминаний телеграм-каналов «NEXTA/NEXTA Live» в других телеграм-каналах и чатах Беларуси был достигнут как результат резонанса от массовых задержаний участников протеста, а 19–20 октября – как результат тиражирования сообщений о признании Судом Центрального района Минска телеграм-каналов «NEXTA Live» и логотипа «NEXTA» экстремистскими материалами. Следует отметить, что 10–12 августа суммарное количество публикаций телеграм-каналов "NEXTA" и "NEXTA Live" достигло отметки в 1480 сообщений, но их содержание было посвящено в основном информации о задержаниях и задержанных.

Построенные на основе открытых данных «Telegram Analytics» гистограммы наглядно подтверждают, что оба пика упоминаний телеграм-каналов «NEXTA/NEXTA Live» в других телеграм-каналах и чатах Беларуси пришлись на 10-12 августа и 19–20 октября 2020 года, совпадая с двумя наиболее масштабными офлайн-действиями государства в отношении протестных событий и их участников: в первом случае, массовые задержания сотрудниками силовых органов участников протеста, во втором случае, признание телеграм-канала «NEXTA Live» и логотипа «NEXTA» экстремистскими материалами, затруднившее в дальнейшем их легальную работу. В данном случае, также заметно противоречие полученных данных ранее обозначенной модели информирования Бродовской и Е.В., Домбровской А.Ю., когда вне двух наиболее массовых офлайн-событий, вызванных действиями силовых и судебных органов Беларуси и вызвавших радикальный всплеск упоминания телеграм-каналов «NEXTA/NEXTA Live», прямая зависимость между количеством сообщений телеграм-каналов «NEXTA/NEXTA Live» и количеством вышедших на улицу людей не фиксируется: увеличение количества публикаций и упоминаний телеграм-каналов онлайн не всегда влияло на массовость событий офлайн. Так, данные Google Trends подтверждают, что первое из двух наиболее массовых офлайн-событий (10–12 августа) было отмечено всплеском популярности поисковых запросов «NEXTA/NEXTA Live», а второе событие (19–20 октября) не вызвало никакого всплеска популярности поисковых запросов «NEXTA/NEXTA Live», отражая усталость и падение интереса интернет-аудитории Беларуси к обозначенным телеграм-каналам после двух месяцев протестных акций.

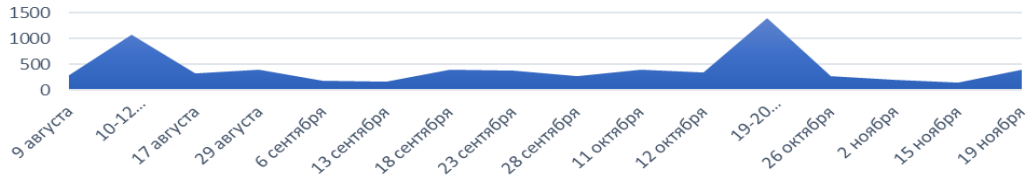


Рисунок 3. Недельные пики упоминаний телеграм-каналов «NEXTA/NEXTA Live» в других каналах и чатах Беларуси

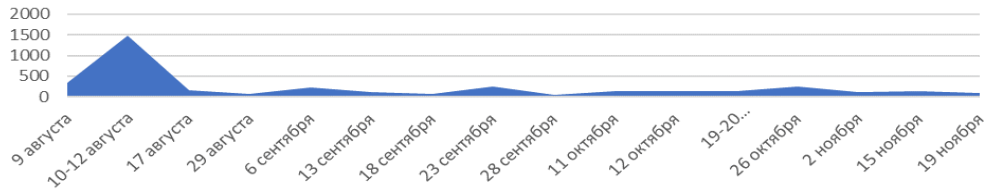


Рисунок 4. Понедельная динамика публикаций телеграм-каналов «NEXTA» и «NEXTA Live»

3. Протесты в Гонконге (12 июня 2019 года – 1 июлю 2020 года).

Третий кейс, посвященный протестным событиям в Гонконге 12 июня 2019 года – 1 июлю 2020 года, демонстрирует мобилизационные возможности протестных телеграм-каналов в условиях развитой сети гражданских активистов, способных активно действовать без какого-либо централизованного руководства в условиях государственных Интернет-ограничений. С помощью данных «Telegram Analytics» была проанализирована активность телеграм-каналов «Civil Human Rights Front» и «Demosisto», которые непосредственно были задействованы в процессе организации протестных акций в Гонконге, при этом удалось установить, что несмотря на их активность и призывы участвовать в массовых митингах, лишь в 1 из 3 случаев им удалось масштабные протестные акции в офлайн (3 и 31 августа 2019 года – не удалось в связи с активным противодействием правоохранительных органов, а 1 января 2020 года – удалось, так как их собственные публикации были растиражированы в других телеграм-каналах и чатах Гонконга), при этом в данном кейсе, в отличие от кейсов по Москве и Минску, не была выявлена зависимость между какими-либо действиями китайского государства по реагированию на протест (аресты, судебные решения, недопуск к выборам) и резким всплеском протестной активности в телеграм-каналах (властям КНР удалось избежать эскалации конфликта благодаря приостановке Законопроекта об экстрадиции и отзыва в Пекин непопулярного главы Гонконга Кэрри Лэма).

Благодаря открытым данным «Telegram Analytics» были построены гистограммы, которые наглядно подтверждают, что пик упоминаний телеграм-каналов «Civil Human Rights Front» и «Demosisto» в других телеграм-каналах и чатах Гонконга пришелся на 1 января 2020 года, когда состоялся марш «Стоять спиной к спине» численностью до 1,5 млн участников. В данном кейсе, также заметно противоречие полученных данных модели информирования Бродовской и Е.В., Домбровской А.Ю., когда два наиболее массовых офлайн-события (18 августа 2019 года и 1 января 2020 года) не были напрямую связаны с какими-либо значимыми всплесками количества публикаций или упоминаний телеграм-каналов «Civil Human Rights Front» и «Demosisto», а стали выражением офлайн-организационного потенциала протестных групп и применения технологий прямой передачи сообщений между мобильными телефонами по типу AirDrop. К сожалению, подтвердить пик упоминаний телеграм-каналов с помощью данных поисковых запросов Google Trends невозможно в связи с блокировкой поисковика Google в Китае.

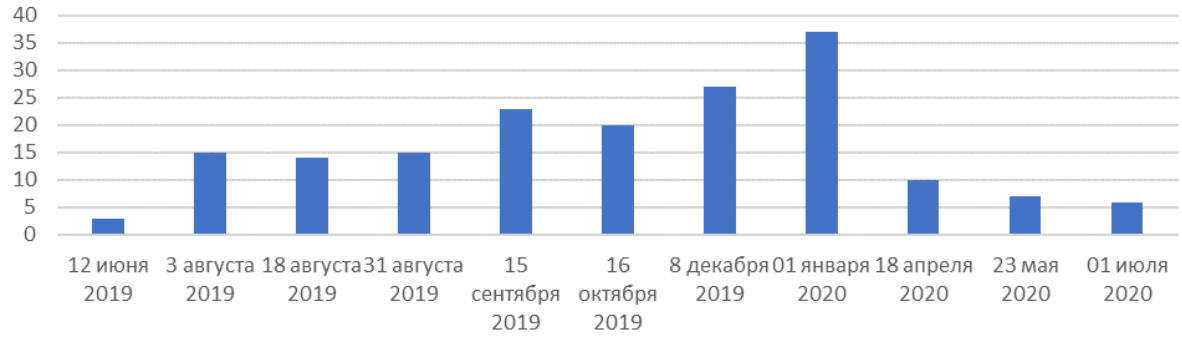


Рисунок 5. Недельные пики упоминаний телеграм-каналов «Civil Human Rights Front» и «Demosisto» в других телеграм-каналах и чатах Китая

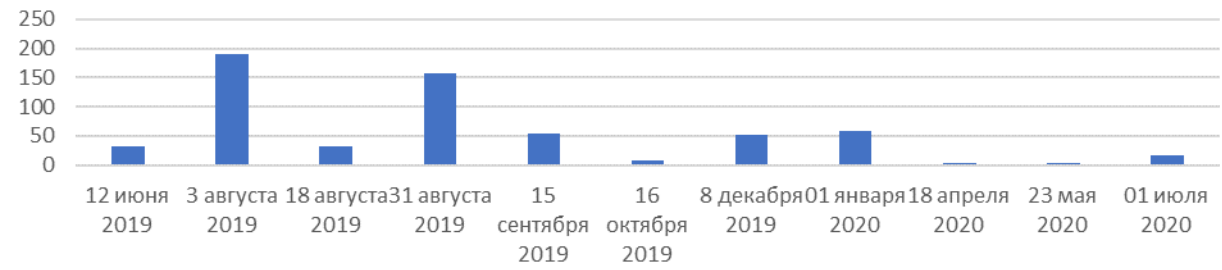


Рисунок 6. Понедельная динамика публикаций телеграм-каналов «Civil Human Rights Front» и «Demosisto»

В процессе исследования удалось достичь поставленную цель – протестировать и подтвердить достоверность модели информирования Бродовской Е. В., Домбровской А. Ю. Было выявлено, что несмотря на высокую активность и мобилизационный потенциал протестных телеграм-каналов, в 2/3 случаев максимальный охват аудитории данных каналов был достигнут не в результате наращивания количества постов и сообщений, а в результате упоминания данных каналов в контексте той или иной активности государства, умения так освещать деятельность государства по противодействию протестным акциям, чтобы донести свою позицию до более широкой аудитории телеграм-каналов и чатов. При этом во всех трех кейсах не было выявлено прямой или обратной связи между количеством сообщений протестных телеграм-каналов и количеством людей, принимавших участие в уличных протестах, единственное исключение – кейс протестов в Москве, где вне двух наиболее массовых офлайн-событий, вызванных действиями государства и вызвавших всплеск упоминания телеграм-каналов «Навальный/Навальный Live», зафиксирована прямая зависимость между количеством публикаций и упоминаний телеграм-каналов онлайн и количеством участников уличных протестов. Кейс по протестам в Гонконге также показал, что государство способно избежать эскалации конфликта как результата резкого увеличения количества протестных сообщений в телеграм-каналах и чатах, снимая или откладывая принятие решения по тому или иному законопроекту или назначению должностного лица.

Список использованных источников

1. *Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю.* Большие данные в исследовании политических процессов: учебное пособие. Москва : МПГУ, 2018. с. 18.

2. Открытая база статистики Телеграм-каналов «Telegram Analytics». – URL: https://tgstat.ru/ (дата обращения: 31.10.2021).

3. Открытая база статистики интернет-запросов «Google Trends» . – URL: https://trends.google.ru/trends/?geo=RU (дата обращения: 31.10.2021).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31277

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-31277

Косоруков Артем Андреевич – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политического анализа факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, kosorukov@spa.msu.ru

Осипов Владимир Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, vs.ossipov@gmail.com

УДК 327.7

А. В. Кульназарова

ПРОБЛЕМА ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

A. Kulnazarova

THE PROBLEM OF E-VOTING IN THE EUROPEAN UNION

Статья освещает позицию Европейского союза по вопросу электронного голосования. Проводится анализ рекомендаций Совета Европы в области правовых, оперативных и технических стандартах электронного голосования и подсчета голосов. Документы ЕС акцентируют внимание на необходимости гарантии конституционных прав граждан в цифровой среде, а также обеспечении безопасности и прозрачности процедур голосования.

Ключевые слова: электронное голосование, цифровое голосование, цифровая трансформация, Европейский союз, Совет Европы.

The article highlights the position of the European Union on the issue of electronic voting. The publication analyzes the recommendations of the Council of Europe in the field of legal, operational and technical standards for electronic voting and vote counting. The EU documents focus on guaranteeing the constitutional rights of citizens in the digital environment, as well as ensuring the security and transparency of voting procedures. The article was published with the financial support of the grant Jean Monnet Module "Digital transformation of European governance, policy and public communications" (project no. 620089-EPP-1-2020-1-RU-EPPJMO-module, 2020-2023).

Keywords: e-voting, digital transformation, European Union, Council of Europe.

Электронные технологии в избирательном процессе в мировой практике стали применяться еще в 70-х гг.: первыми из них стали устройства, сканирующие бюллетени. В Европе подобные устройства избирательные комиссии начали использовать с середины 90-х гг. Вместе с эволюцией технологий, в процесс организации голосования и подсчета голосов внедряются автоматизированные программные решения, участки оснащаются видеокамерами, компьютерами и сенсорами. С расширением возможностей точной идентификации пользователя появляются перспективы дистанционного онлайн-голосования.

Ситуация с электронным голосованием различается в разных странах Евросоюза. Во многих государствах элементы электронного голосования развиваются с конца девяностых годов, когда на выборах стали применяться специальные устройства для голосования (машины для обработки бюллетеней, сенсорные устройства). Главным образом, это сложности с обеспечением прозрачности процедуры. Противники электронного голосования в середине двухтысячных указывали на недостаточную защищенность электронных систем, и в целом наблюдался невысокий уровень доверия к такому формату голосования.

Совет Европы на сегодняшний день является единственной организацией, которая установила межправительственные стандарты в области электронного голосования. Впервые они были опубликованы в Рекомендации 2004 г. о правовых, оперативных и технических стандартах электронного голосования. В 2014 г. возникла необходимость в обновлении Rec (2004), и был создан Специальный комитет экспертов по правовым, оперативным и техническим стандартам электронного голосования (CAHVE), состоящий из назначенных правительством представителей государств-членов и организаций, обладающих непосредственным опытом или

специальными знаниями в области электронного голосования. Новая рекомендация CM/Rec (2017) касается использования электронных средств для голосования и подсчета голосов. Эта категория включает такие системы, как электронные машины для голосования с прямой записью (DRE), сканеры бюллетеней, цифровые ручки и системы интернет-голосования. Документ базируется, в числе прочего, на Рекомендации CM/Rec (2009)1 об электронной демократии [4] и направлен на гармонизацию реализации принципов демократических выборов и референдумов при использовании электронного голосования, тем самым укрепляя доверие и уверенность избирателей в их соответствующем процессе голосования и схемах электронного голосования [2].

В преамбуле документа перечислены цели использования электронного голосования, среди них:

– предоставление избирателям возможности отдать свои голоса за пределами избирательного участка, в том числе проживающих или пребывающих за рубежом;

– расширение доступа к процессу голосования для избирателей с ограниченными возможностями или лиц, испытывающих другие трудности в физическом присутствии на избирательном участке и использовании имеющихся там устройств;

– повышение явки избирателей за счет предоставления дополнительных каналов голосования;

– приведение голосования в соответствие с новыми событиями в обществе и более широкое использование новых технологий в качестве средства коммуникации и гражданского участия;

– сокращение с течением времени общих затрат на проведение выборов или референдума [5].

В документе перечислено сорок девять стандартов электронного голосования, которые сгруппированы в восемь категорий:

1) всеобщее избирательное право;
2) равное избирательное право;
3) свободное избирательное право;
4) тайное избирательное право;
5) нормативные и организационные требования;
6) прозрачность и наблюдение;
7) подотчетность;
8) надежность и безопасность системы.

В перечне рекомендаций явно отражаются принципы, закрепленные во всех демократических конституциях: всеобщность, равенство, прозрачность и подконтрольность обществу, а также безопасность и конфиденциальность. В Рекомендациях установлены требования к функционалу систем электронного голосования, соответствующему перечисленным принципам. Эти системы должны быть достаточно простыми, чтобы каждый избиратель, независимо от уровня образования и цифровой грамотности, мог понять, как работать с ней. Кроме того, должна обеспечиваться одновременно конфиденциальность и прозрачность всей процедуры, от подачи голоса до подсчета и объявления результатов. То есть, система электронного голосования должна соответствовать требованиям высокого уровня защиты информации и в то же время быть прозрачной и проверяемой для того, чтобы общество могло контролировать достоверность результатов. Помимо технических аспектов, одной из важнейших проблем является доверие избирателей к таким системам, а это – вопрос готовности общества принять новые технологии в столь значимых процессах, как выборы и референдумы. Содействие транспарентной практике в государствах-членах является ключевым элементом укрепления общественного доверия и уверенности. Прозрачность системы электронного голосования,

детали различных избирательных процедур и причины введения электронного голосования будут способствовать знанию и пониманию избирателей, тем самым создавая доверие и уверенность среди широкой общественности [1].

Одной из актуальных проблем для Евросоюза в целом является снижение явки избирателей на участки для голосования в Европарламент. Например, в 2014 году в Словакии явка составила всего 13,1 %. Представляется, что альтернативные способы голосования могут увеличить участие за счет простоты процедуры. В июле 2018 года Совет Европы принял решение о внесении поправок в Закон 1976 года, касающийся выборов членов Европейского Парламента на основе прямого всеобщего избирательного права. В решении указывается, что «государства-члены могут предусмотреть возможности предварительного голосования, голосования по почте, а также электронного и интернет-голосования на выборах в Европейский парламент, при этом они должны принять меры, достаточные для обеспечения достоверности результата, тайны голосования и защиты персональных данных». Дистанционное голосование может также способствовать участию избирателей, проживающих за рубежом. В Евросоюзе 3,4 % населения в возрасте 15 лет и старше являются мобильными гражданами – это граждане страны ЕС, проживающие в другом государстве-члене. Более того, около 35,5 миллиона европейцев эмигрировали в другую страну (либо в пределах ЕС, либо за его пределами). Однако, по результатам исследования К. Фаули и др., влияние интернет-голосования на явку неоднозначно: в некоторых регионах наблюдалось увеличение явки, в то время как в других не обнаружился такой эффект. Наличие интернет-голосования иногда положительно влияло на вероятность проголосовать, но не во всех ситуациях. Граждане в целом считают интернет-голосование удобным, но у них также есть некоторые опасения, связанные с ним (например, в отношении мошенничества, конфиденциальности и других вопросов безопасности) [3]. В целом, решения для дистанционного голосования могут помочь гражданам реализовать свои права голоса. Однако проблемы, связанные с соблюдением конституционных прав избирателей, затормозили широкое использование электронного голосования

Список использованных источников

1. E-voting handbook – Key steps in the implementation of e-enabled elections (2010). – URL: https://www.coe.int/t/dgap/goodgovernance/Activities/E-voting/E-voting %202010/Biennial_Nov_meeting/ID10322 %20GBR %206948 %20Evoting %20handbook %20A5 %20HD.pdf (дата обращения: 15.10.2021).

2. E-voting. – URL: https://www.coe.int/en/web/electoral-assistance/e-voting (дата обращения: 11.10.2021).

3. *Faulí C., Stewart K., Porcu F., Taylor J., Theben A., Baruch B., Folkvord F., Nederveen F., Devaux A., Lupiáñez-Villanueva F.* Study on the Benefits and Drawbacks of Remote Voting, 2018. – URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/remote_voting_exec_summary_en.pdf (дата обращения: 11.10.2021).

4. Recommendation CM/Rec(2009)1 of the Committee of Ministers to member states on electronic democracy (e-democracy) (dopted by the Committee of Ministers on 18 February 2009 at the 1049th meeting of the Ministers' Deputies). – URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805d1b01 (дата обращения: 11.10.2021)

5. Рекомендация CM/Rec(2017)5 Комитета министров государствам – членам о стандартах электронного голосования (Принято Комитетом Министров 14 июня 2017 года на 1289-м заседании заместителей министров). – URL:https://rm.coe.int/0900001680726f6f (дата обращения: 11.10.2021).

Кульназарова Анастасия Витальевна – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, av-spn@ya.ru

УДК 327.7

А. В. Кульназарова, М. В. Нестерова, Д. В. Шутман

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

A. Kulnazarova, M. Nesterova, D. Shutman.

E-VOTING IN EU COUNTRIES

В статье рассматриваются примеры использования систем электронного голосования в некоторых странах Европейского Союза. Обозначены основные преимущества, риски и векторы развития онлайн голосования. Кризис, связанный с COVID-19, стимулирует цифровизацию основного демократического института: выборов и референдумов. Однако полный переход к электронному голосованию тормозится различными правовыми, технологическими и социокультурными барьерами. В качестве примеров рассматриваются кейсы Эстонии, Финляндии, Норвегии, Германии и др.

Ключевые слова: цифровое правительство, электронное голосование, цифровое голосование, цифровая трансформация Европейский союз, Еврокомиссия.

The article discusses examples of the use of electronic voting systems in some countries of the European Union. The main advantages, risks and vectors of online voting development are outlined. The COVID-19 crisis is driving the digitalization of the main democratic institution: elections and referendums. However, electronic voting faces various legal, technological and socio-cultural barriers. The cases of Estonia, Finland, Norway, Germany, etc. are considered as examples. The article was published with the financial support of the grant Jean Monnet Module "Digital transformation of European governance, policy and public communications" (project no. 620089-EPP-1-2020-1-RU-EPPJMO-module, 2020-2023).

Keywords: e-voting, digital voting, digital transformation, European Union, European Commission.

В европейских странах в начале 2000-х и 2010-х годов было проведено множество ранних испытаний или пилотных проектов с интернет-голосованием. Например, во Франции оно использовалось для зарубежных избирателей на парламентских выборах 2012 года, но не использовалось в 2017 году. В 2018 году о планах пробного интернет-голосования было объявлено в Болгарии, Швеции (на местном и региональном уровнях) и в Уэльсе (Великобритания), и правительство Шотландии проводит консультации по избирательной реформе, в том числе по вопросам интернет-голосования.

Помимо использования для голосования, цифровые инструменты могут также использоваться в других частях процесса голосования для повышения доступности и охвата. Например, несколько стран разрешают избирателям подавать онлайн-заявки на использование определенного варианта голосования и внедрили IT-системы для регистрации избирателей, подсчета голосов и передачи результатов. Более того, некоторые страны (например, Литва и Румыния) используют IT-систему для проверки в день выборов, зарегистрировано ли лицо, желающее отдать свой голос, в списке избирателей и проголосовало ли это лицо уже на другом избирательном участке в другом месте страны. Нидерланды доставляют пропуска избирателей по электронной почте тем, кто живет за границей, в то время как Великобритания использует сканирующие машины для проверки подписей при голосовании по почте. В Хорватии избиратели могут использовать онлайн-анкету для изменения своего избирательного участка (с возможностью выбора любого места в стране или за рубежом) за несколько дней до выборов [2].

В Германии в 2009 году Федеральный конституционный суд признал правовые нормы об использовании электронных машин для голосования несовместимыми с Основным законом, поскольку не соответствует принципу публичности выборов и тайны голосования, однако их использование допустимо при строгом соблюдении ряда условий: во-первых, результаты электронного голосования должны быть проверены, во-вторых, избиратель, не владеющий специальными техническими знаниями, должен иметь возможность понять, что его голос учтен. Вместе с тем, поскольку электронные технологии могут использоваться при голосовании лиц с ограниченными возможностями, или проживающих вне территории страны, это означает, что они способствуют реализации принципа всеобщности избирательного права, поэтому не могут быть запрещены в электоральном процессе [4]. Пандемия и карантинные меры стимулировали пересмотр взглядов в более позитивную сторону, стали звучать заявления о перспективах разработки платформ цифрового голосования. Тем не менее, выборы в Бундестаг в 2021 г. прошли без использования цифровых технологий, на участках отсутствует даже видеонаблюдение (в целях защиты личной информации) [5].

В Швейцарии система ДЭГ разрабатывается более 10 лет, однако полноценного применения она не нашла. С 7 января 2003 года граждане отдельных муниципалитетов могут голосовать через интернет из дома. Для того чтобы предоставить населению всю необходимую информацию, был разработан специальный вебсайт, на котором избиратели могут найти информацию об электронном голосовании, а также опробовать его. Однако проведенные тестирования показали наличия слабых мест в безопасности системы. В 2019 году поднимался вопрос даже о запрете электронного голосования, однако пандемия COVID-19 заставила пересмотреть взгляды Швейцарии на ДЭГ, после того, как в мае 2020 года правительству пришлось перенести запланированные референдумы. В настоящее руководство страны приступило к совершенствованию системы электронного голосования, которая бы могла обеспечить конфиденциальность волеизъявления, открытость и прозрачность деятельности избирательных органов, защиту от несанкционированного вмешательства.

Нидерланды провели два эксперимента по электронному голосованию для избирателей, проживающих и (или) работающих за границей в день выборов, чтобы облегчить им голосование. Первый эксперимент был проведен во время выборов в Европейский парламент в июне 2004 года, и избиратели имели возможность проголосовать по телефону или интернету (а также с использованием обычного метода голосования по почте). 7 195 из 15 832 зарегистрированных избирателей воспользовались интернетом и телефоном, чтобы проголосовать. В ноябре 2006 г. был проведен второй эксперимент. Избиратели, проживающие и работающие за рубежом в день выборов, могли проголосовать на выборах в национальный парламент через интернет (а также с использованием обычного метода голосования по почте). На этот раз 19 815 из 34 305 зарегистрированных избирателей проголосовали с помощью электронных средств. В результате разногласий по поводу использования электронных машин для голосования на избирательных участках никаких дальнейших действий предпринято не было [1].

В Норвегии онлайн-голосование впервые использовалось на парламентских выборах 2011 г. Чтобы проголосовать, каждый избиратель должен войти в систему и авторизоваться с помощью персонального электронного устройства. На нем же делается выбор, а затем зашифрованный бюллетень отправляется в службу дешифрования. Пилотные использования ДЭГ в Норвегии проводились неоднократно, однако в полном масштабе система пока не используется на выборах, так как остались нерешенными до конца вопросы, связанные с обеспечением тайны голосования, а также с защитой от внешних и внутренних угроз.

Министерство юстиции Финляндии провело эксперимент с электронным голосованием в трех муниципалитетах во время местных выборов 26 октября 2008 г. Из-за проблемы с удобством использования голосование было преждевременно прервано для 232 избирателей. Система требовала, чтобы избиратели вставляли смарт-карту для идентификации себя, вводили номер выбранного кандидата, затем нажимали «ОК», проверяли данные кандидата на экране и снова нажимали «ОК». Некоторые избиратели не нажали «ОК» во второй раз, а вместо этого по неизвестным причинам преждевременно удалили свою смарт-карту из терминала для голосования, в результате чего их голоса не были записаны. 9 апреля 2009 года Высший административный суд постановил провести новые выборы в трех пилотных муниципалитетах. В 2016 году правительство Финляндии объявило, что изучит вопрос о введении национального онлайн-голосования. В 2017 году стартовала рабочая группа по изучению интернет-голосования для Финляндии, однако по результатам экспертизы была выдвинута рекомендация воздержаться от интернет-голосования, так как риски перевешивают выгоды. Рабочая группа подчеркивает, что наибольший риск связан с потерей доверия общественности. Распространения ложной информации и слухов может быть достаточно, чтобы поколебать доверие граждан. Когда голоса поданы на бумаге, они могут быть конкретно подсчитаны и пересчитаны, когда, по крайней мере, любое подозрение в том, что результаты выборов были подтасованы, может быть легко устранено. При онлайн-голосовании отдельный пересчет голосов, который позволил бы выявить и исправить любые ошибки, допущенные при подсчете голосов, невозможен. Когда используется система онлайн-голосования, информации, предоставляемой системой, необходимо доверять [3].

Эстония является единственным государством-членом, которое полностью внедрило интернет-голосование. Эстония внедрила первую в ЕС общенациональную систему интернет-голосования (i-voting) в 2005 году. Два года спустя кибератака с отказом в обслуживании была направлена как на сайты частного, так и государственного секторов. Эстонцы не могли пользоваться банкоматами или онлайн-банкингом, СМИ не смогли связаться со своей аудиторией. Паника могла бы побудить Эстонию отказаться от своих электронных инноваций, но вместо этого правительство лишь усилило внимание к средствам кибербезопасности и защите информации. Эстония также продемонстрировала лидерство, став сопредседателем группы, подготовившей Сборник по кибербезопасности избирательных технологий, который заложил основу для пакета Европейской комиссии по обеспечению свободных и справедливых европейских выборов. Эстонская модель онлайн-голосования стала мировым образцом для других правительств.

Электронное голосование базируется на системе идентификации пользователя. Сама процедура голосования максимально простая: избиратель переходит на сайт www.valimised.ee и загружает приложение, чтобы отдать свой голос. Интерфейс сайта довольно простой, на главной странице размещен крупный визуальный элемент, указывающий пользователю, как скачать приложение. Сайт имеет англо- и русскоязычную версии, содержит полную информацию о кандидатах, о предстоящих и прошедших выборах, руководства пользования приложением, анимационные видеоролики, в доступной форме объясняющие принципы работы системы электронного голосования и другое.

В приложении для голосования избиратель идентифицирует себя с помощью своей идентификационной карты или своего мобильного телефона. Как только избиратель аутентифицируется с помощью PIN-кода, приложение загружает список кандидатов, и избиратель может отдать свой голос за своего предпочтительного кандидата. Интерфейс приложения выполнен только на эстонском языке, но его простота интуитивно-понятна.

Если избиратель проголосовал и электронно, и при помощи бумажного бюллетеня, засчитывается только выбор, сделанный в участке. С 2021 г. избиратель может и в день голосования, в воскресенье, изменить свой выбор, сделанный электронно, проголосовав на избирательном участке посредством бумажного бюллетеня [6]. Эстония обеспечивает электронное голосование на выборах всех уровней: местных, президентских, парламентских, а также на выборах в Европарламент.

В целом, среди стран-членов ЕС отношение к электронному голосованию неоднозначно, и на данный момент оно не нашло широкого распространения. Проблема заключается не в отсутствии технологий, а в низком уровне доверия к киберголосованию. В этом вопросе многие государства остаются консервативными, хотя введение локдаунов и переход на удалённый режим работы стимулирует пересмотр отношения к онлайн-голосованию.

Список использованных источников

1. E-voting handbook – Key steps in the implementation of e-enabled elections (2010). – URL: https://www.coe.int/t/dgap/goodgovernance/Activities/E-voting/E-voting %202010/Biennial_Nov_meeting/ID10322 %20GBR %206948 %20Evoting %20handbook %20A5 %20HD.pdf (дата обращения: 15.10.2021).

2. *Faulí C., Stewart K., Porcu F., Taylor J., Theben A., Baruch B., Folkvord F., Nederveen F., Devaux A., Lupiáñez-Villanueva F.* Study on the Benefits and Drawbacks of Remote Voting, 2018. – URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/remote_voting_exec_summary_en.pdf (дата обращения: 11.10.2021).

3. Working group: Risks of online voting outweigh its benefits. – URL: https://oikeusministerio.fi/en/-/tyoryhma-nettiaanestyksen-riskit-suuremmat-kuin-hyodyt (дата обращения: 09.10.2021)

4. *Борисов, И. Б., Головин, А. Г., Игнатов, А. В.* Выборы в мире: электронное голосование. – URL: http://www.roiip.ru/images/data/gallery/8_9342_Elektronnoe_golosovanie__blok_viv.pdf. (дата обращения: 04.10.2021).

5. Как в Германии защищают выборы от фальсификаций. – URL: https://www.dw.com/ru/riski-falsifikacij-neveliki-kak-vybory-ustroeny-v-frg/a-59297882 (дата обращения: 12.10.2021).

6. Электронное голосование. Выборы в Эстонии. – URL: https://www.valimised.ee/ru/elektronnoe-golosovanie (дата обращения: 12.10.2021)

Статья опубликована при финансовой поддержке гранта Jean Monnet Module «Цифровая трансформация европейского управления, политики и общественных коммуникаций» (проект №620089-EPP-1-2020-1-RU-EPPJMO-MODULE, 2020-2023). Данная публикация отражает только точку зрения автора; Европейская Комиссия и Агентство не несут ответственности за любые варианты использования содержащейся в ней информации.

Кульназарова Анастасия Витальевна – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, av-spn@ya.ru

Нестерова Марина Валерьевна – ассистент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, spn.gf-spbgut@mail.ru

Шутман Денис Валерьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, denis_sh2@mail.ru

УДК 004.89

Д. Д. Парфенов, В. А. Иванова

ТЕХНОЛОГИИ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ И ОБРАБОТКА ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ

D. Parfenov, V. Ivanova

MACHINE LEARNING TECHNOLOGIES AND NATURAL LANGUAGE PROCESSING IN INFORMATION SECURITY

В статье рассматривается актуальность коммуникаций посредством интернет сервисов и растущие требования к защите информации в новых условиях. Особое внимание уделяется технологиям машинного обучения для распознавания и классификации угроз в системах защиты информации. Рассматриваются различные подходы к обеспечению безопасности информации, а также ограничения систем на основе машинного обучения.

Ключевые слова: коммуникации, машинное обучение, обработка естественного языка, глубокое обучение, кибербезопасность, защита информации.

The article deals with relevance of internet-based communications services and raising requirements for cyber security in the new circumstances. The attention is drawn to machine learning technologies, used for detection and classification of threats in cyber security systems. Different approaches to providing data security are inspected and restrictions of such systems are considered.

Keywords: communications, machine learning, natural language processing, deep learning, cyber security, information security.

Introduction

Computer based information exchange systems have become extremely effective in modern communications. Such systems are based on: communication between enterprises (B2B), electronic document management systems, and even communication between people is increasingly taking place via the Internet. Growing importance of such communications increases the requirements for the integrity and reliability of information transmitted this way.

A set of requirements, technologies and methods for preserving the integrity and confidentiality of information are considered by the discipline "information security" or "cybersecurity". Information security is a very rapidly changing field.

Government sector

Government cybersecurity deals with the huge volume of threats on a daily basis. Document flow, which contains a lot of people's personal and confidential data is a desired target for cyberattacks. Threats are increasing in volume, intensity, and sophistication. The scale of the potential consequences under conditions of terrorism and world instability is enormous.

Government agencies should reduce the gap between security investment and effectiveness. Traditionally they try to detect threats, respond to incidents and recover from them. However, the current hacking landscape calls for a more dynamic approach.

Machine learning in cybersecurity

Information technologies are developing faster and faster. New products tend to bring more comfort into our lives, but also give a lot of room for various attackers who are trying to make profit out of vulnerabilities of these systems. Most of the services currently use "cloud" architectures to provide their services, which creates potential loopholes for intrusion between network nodes.

Information security specialists are not standing still and are also developing new algorithms and technologies to prevent intrusions and detect potential threats. In recent years, there have been major changes in the approaches on recognition of such threats. The field of machine learning is sufficiently young that it is still rapidly expanding [1]. Methods using machine learning algorithms to ensure information security are gaining popularity. The main areas in which this approach is applied are: intrusion detection, malware recognition and classification, as well as spam identification.

The researches in using machine learning technologies in threat recognition tasks have shown high efficiency, thereby such technologies have become widely used in various types of systems.

Despite the fact that machine learning-based systems are not able to fully automate the entire range of cybersecurity tasks, they are significantly superior to threat recognition systems built on algorithmic principles, and therefore reduce the workload on system experts and security analysts.

Threats in the information environment are developing rapidly, which makes the task of protecting information being solved by specialists in this field continuous.

New threats and methods of attacks appear with new systems and technologies. Machine learning algorithms change a lot during their evolution process. A new approach in the organization of the system may lead to different classification results.

Machine learning algorithms classification

Machine learning algorithms for the task of ensuring information security can be divided into two groups: the more traditional Shallow learning models and the models based on deep learning that have been gaining popularity recently.

Shallow learning models require a specialist or expert who will determine a set of relevant characteristics of training data for effective training of the model. Deep learning is based on multi-layered systems of nonlinear filters that allow them to extract features from the input data automatically.

Application of various types of machine learning algorithms in the field of information security

Intrusion Detection Systems are aimed at detecting unauthorized access to a computer or network. Network IDS are widespread in modern corporate networks. These systems were previously built on the basis of known attacks, but modern implementations include methods for detecting anomalies, detecting threats, and classifying them using machine learning. In this article, we will consider two tasks from this category: recognition of "botnets" and domain generation algorithms. A "botnet" is a network of infected computers that are controlled by hackers and used to carry out mass attacks. Botnet recognition is aimed at recognizing communications between infected computers inside the network and external servers used to transmit commands. Despite numerous studies and the existence of a large number of developments in this area, several botnets still exist. Domain Generation Algorithms (DGA) automatically generate domain names, which are later often used by infected computers from botnets for communication with management servers. They pose a serious threat to organizations, because with the help of these algorithms, which are based on natural language processing techniques, botnets can bypass defense mechanisms based on static blacklists of domain names. Natural language processing (NLP) fills the gap between human communication and computer understanding. It is defined as a branch of artificial intelligence that helps computers understand, interpret and manipulate human language. Due to the problems of formalizing the natural language there is no satisfactory solution to some practical problems of text data processing. Natural language is an ultra-complex system consisting of a great number of subsystems, each of which is finite, and therefore formalized, while the language itself is an open system that cannot be formalized to the end. NLP includes various stages: morphemic, morphological, syntactic, semantic analysis. Semantic analysis is the most time-

consuming. At the stage of semantic processing of the text, the meaning of the sentence or its separate parts is revealed. Then some common basis is needed to identify semantic relationships between words. That basis can be the thesaurus of the language. Thesaurus provides a set of normalized vocabulary consisting of key concepts with many given semantic relations between them (for example, homonymy, synonymy, anthonymy, etc.). Creating a thesaurus of the Russian language is a challenge the scientists face now.

Malware detection is a task, the solution of which has become much more complicated recently. Modern malware can be automatically modified, preserving the malicious action, but at the same time look like a completely different executable file. These polymorphic and metamorphic features make it possible to bypass traditional algorithmic approaches on detecting such software. Machine learning tools can be used to analyze variations of such software and classify them into families.

Spam and phishing detection include a large set of technologies aimed at reducing time losses and potential threats that carry unwanted messages. Now spam, specifically phishing, is the first way that attacker try to get into the corporate network. Phishing emails include malware or links to fake websites. Phishing detection is also constantly becoming more complicated, as hackers use more and more effective strategies to bypass traditional filters. Machine learning approaches can improve the effectiveness of detecting such emails.

Evaluation

Classification efficiency in neural networks is often measured using precision and recall parameters. Precision is a measure which shows how many "truly positive" results there is among all the results. Recall is a measure which shows how many results are found among all the input events given. As the general parameter we are going to consider F1-score often used in researches. It is defined as harmonic mean of precision and recall of a model.

The results of the study of various approaches effectiveness in machine learning systems suggest that deep learning will not give the best result for all tasks. In the table the results of comparing two intrusion detectors: based on shallow (SL) and deep (DL) learning are presented.

Table 1

Comparison of SL and DL approaches [2]

Detector	Fl-score	Precision	Recall
Random Forest (SL)	0.7985	0.8727	0.736
Fully-connected Feedforward Deep Neural Network (DL)	0.6085	0.7708	0.5027

General detectors in comparison with specialized ones

Machine learning-based software products are often promoted by vendors as complex systems capable of covering a large set of attacks. However, researches show that machine learning algorithms can show much better results when they are aimed at detecting specific types of attacks. The table shows the results of evaluating the effectiveness of detectors specialized for specific types of attacks, and at the end the result of the general approach (baseline) is given.

Table 2

General detectors in comparison with specialized ones [2]

Attack Name	Fl-score	Precision	Recall
DOS attempt	0.9953	0.9938	0.9969
Overflow attempt	0.9939	0.9933	0.9946
SSH Brute Force login	0.9916	0.9941	0.9892

Table 2

Attack Name	Fl-score	Precision	Recall
Suspicious DNS query	0.9753	0.9953	0.9586
Cache Poisoning attempt	0.9676	0.9872	0.9506
Possible Malware infection	0.9587	0.9939	0.9337
General approach (baseline)	0.7985	0.8727	0.7360

Advanced hackers use new strategies to bypass detectors built on the basis of machine learning. Integrity violation bypasses the recognition algorithm by creating attacks that are classified as legitimate actions. A violation of accessibility produces a lot of ordinary events that are classified as an attack and thus creates a lot of false alarms. Privacy violations allow attackers to collect information about the target protecting network by getting the reactions of its protection algorithm on attacker's actions. Moreover, the recent results of the machine learning development have led to the emergence of generative-adversarial networks (GANS), which are able to automatically produce attack algorithms that will not be recognized by the target defense system.

Choosing an algorithm to protect the network

The task of comparing two machine learning algorithms is not trivial, because for comparison, it is necessary that the models are trained and tested on the same data sets. Many algorithms have been tested on a small amount of data or the data is already outdated, which makes the results of measuring their effectiveness unsuitable for comparison with other systems. In addition, even within the same data set, different algorithms can use different data features within this set. Thus, the best result of one algorithm on a certain data set does not guarantee that the result will remain the same on another set, which should be taken into account when choosing a system suitable for a specific task.

As a part of the protecting information task, false positives have a very big impact on the system as a whole. False warnings about malware negatively affect operators' vigilance and increase the chance for them to miss a real threat. In the phishing detection task, false positives can cause an important email to be filtered out during the recognition process. Conversely, the insufficiently accurate operation of the protection system can endanger an entire company. Despite the fact that machine learning-based systems have high response accuracy, even a 1–2 % error can lead to hundreds of false alarms in a large company. Therefore, such a system cannot be fully automatic and it requires human supervision.

Datasets quickly become obsolete, so it is necessary to retrain the model regularly on current data. But collecting up-to-date data is a very expensive and difficult task. In addition, many organizations do not want to provide data about their internal networks. Looking into people's data is also difficult due to privacy concerns [1].

Conclusion

Machine learning and deep learning approaches are increasingly used in various types of tasks. They have also found application in the field of information security, considering that the algorithm is correctly selected and configured for a specific task. We have considered the main types of attacks that are protected by using such algorithms. Besides, the types of systems that can be used in these areas are presented. We also looked at the problems associated with the use of machine learning in order to protect information. All possible approaches quickly become vulnerable to prepared violators, so such systems need constant updating. Deep learning has recently gained wide popularity and now it is impossible to say with certainty what place these algorithms will occupy in the field of information security. It can be assumed that with the development of an adversarial approach in building networks, the effectiveness of such solutions will significantly increase. Thus, we can conclude that machine learning technologies can reinforce the work of employees in the field of information security, and reduce their workload by automating some

tasks, but the pros and cons of such networks should be taken into account. The autonomous capabilities of such systems should not be overestimated, since the lack of human supervision can lead to successful attacks by prepared violators. Such attacks result in data loss or leakage, or the entire enterprise system failure.

Список использованных источников

1. *Jordan, M. I., Mitchell, T. M.* Machine learning: Trends, perspectives, and prospects / M. I. Jordan, T. M. Mitchell // Science. – 2015. – URL: https://www.cs.cmu.edu/~tom/pubs/Science-ML-2015.pdf (accessed: 05.10.2021)

2. *Apruzzese, G., Colajanni, M., Ferretti, L.,* et al. On the Effectiveness of Machine and Deep Learning for Cyber Security // 10th International Conference on Cyber Conflict. – 2018. – URL: https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/Art-19-On-the-Effectiveness-of-Machine-and-Deep-Learning-for-Cyber-Security.pdf (accessed: 05.10.2021)

3. *Torres, P., Catania, C., Garcia, S.,* et al. An analysis of Recurrent Neural Networks for Botnet detection behavior // IEEE Biennial Congress of Argentina (ARGENCON). – 2016. – URL: https://www.semanticscholar.org/paper/An-analysis-of-Recurrent-Neural-Networks-for-Botnet-Torres-Catania/58721c0fb97c6fd3120f412905bb733852f5688e (accessed: 05.11.2021)

4. *Buczak, A., Guven, E.* A survey of data mining and machine learning methods for cyber security intrusion detection // IEEE Communications Surveys & Tutorials. – 2015. – URL: https://ieeexplore.ieee.org/document/7307098 (accessed: 01.11.2021)

5. *Blanzieri, E., Bryl, A.* A survey of learning-based techniques of email spam filtering // Artificial Intelligence Review. – 2008. – URL: http://www.jsju.org/index.php/journal/article/view/284 (accessed: 20.10.2021)

Статья представлена научным руководителем, старшим преподавателем кафедры иностранных и русского языка СПбГУТ В. А. Ивановой.

Парфенов Дмитрий Дмитриевич –магистрант 1-го курса, инженер НПП «АО Иста-Системс», Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, dm1parf@gmail.com

Иванова Виктория Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, victoriia-888@yandex.ru

УДК 304

Е. В. Румянцева

РЕАЛИЗАЦИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В ОТРАСЛЯХ ЭКОНОМИКИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

E. Rumyantseva

IMPLEMENTATION OF DIGITAL TRANSFORMATION IN ECONOMIC SECTORS: SOCIOCULTURAL ASPECT

Стремительное технологическое развитие затрагивает все сферы труда и занятости, досуга и отдыха. Интерес к этой теме подогревает запрос на ускоренное внедрение цифровых технологий во все отрасли экономики, заложенной подпрограммы государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. Быстрая смена технологий вынуждает постоянно адаптироваться к возникающим инновациям. Восприятие нововведений вместе с другими индивидуальными особенностями и групповыми социально-экономическими характеристиками можно рассматривать в качестве начала открытости к технологическим инновациям.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая экономика; цифровая трансформация; инновации; восприятие инноваций.

The article deals rapid technological development affects all spheres of work and employment, leisure and recreation. Interest in this topic is fueled by the request for accelerated introduction of digital technologies in all sectors of the economy, laid down by the subprogram of the state program "Digital Development of Belarus" for 2021–2025. The rapid change of technologies forces us to constantly adapt to emerging innovations. The perception of innovations together with other individual characteristics and group socio-economic characteristics can be considered as the beginning of openness to technological innovations.

Keywords: digitalization; digital economy; digital transformation; innovation; perception of in novation.

На современном этапе в Республике Беларусь одним из важнейших направлений развития отрасли экономики является ее глобальная цифровизация. С целью создания цифровой экономики в рамках подпрограммы государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. предусматривается цифровая трансформация управленческих процессов на производстве, а также создание единых цифровых решений для совершенствования экспорта страны [1].

Цифровая трансформация экономики неизбежно приводит:

– к повышению производительности труда;

– увеличению покупательской способности населения;

– росту внутриотраслевой конкуренции;

– повышению конкурентоспособности отраслей экономики государства на мировых рынках;

– принятию решений на основе достоверных сведений;

– обеспечение информационной безопасности;

– более глубокому вовлечению потребителей;

– укреплению партнерских отношений;

– развитию услуг по требованию;

– возникновению новых профессий.

Ориентиром для государственных предприятий и организаций в процессе цифровых преобразований должны стать положения, изложенные в государственной программе. Несмотря на актуальность и необходимость реализации цифровой трансформации в экономической среде, многие предприятия и организации не спешат к переходу в цифровое пространство. Причинами такой ситуации могут являться:

– отсутствие у руководящих органов четкого видения перехода к цифровым изменениям;

– сформированный у руководителей консерватизм и их сопротивление предстоящим изменениям;

– проблемы, связанные с обеспечением безопасности информации, цифровых продуктов и услуг;

– отсутствие четкого сформированного плана и наличия дорожной карты цифровой трансформации;

– отсутствие успешного опыта реализации проектов в данном направлении, а также необходимых знаний у специалистови их профессиональная неготовность к цифровой трансформации;

– устаревшие инфраструктура, процессы и шаблоны работы;

– недостаток ресурсов и масштабные первоначальные затраты на цифровое развитие.

Вышеперечисленные причины, а также отсутствие пошаговой методики цифровой трансформации влияют на принятие решения руководителями осуществлять цифровую трансформацию. Благодаря уверенности и решимости руководства в выборе стратегии цифровых преобразований на производстве и наличию конкретного плана действий, сотрудники предприятия смогут изучить новые

способы работы, внедрить их в сферу своей деятельности и тем самым изменят собственное мышление.

С целью преодаления негативного отношения к цифровой трансформации необходимо продемонстрировать ее значимость на всех уровнях.Необходимо учесть, что для предприятия процесс цифровизации станет своего рода перезагрузкой или даже кризисом. У сотрудников, которые сомневаются в собственных силах, может появиться боязнь сложности поставленных задач. Они отвергают перемены из-за страха перед необходимостью обучения новому, личного неприятия каких-либо реформаций в компании, нежелания менять устоявшиеся правила.

Не стоит исключать и возможность возникновения непонимания необходимости нововведений среди членов коллектива. Как правило, такая ситуация может возникнуть при отсутствии достаточной информированности членов команды об особенностях цифровых преобразований. Чтобы работник мог принять введенные перемены, ему необходимо разъяснить, каковы планы руководителя предприятия и что получат от инноваций рядовые сотрудники и вся организация. Сопротивление изменениям в организации – обычное дело, в том случае, когда ее руководитель настроен только на получение прибыли, а интересы подчиненных его при этом мало интересуют.

Некоторыми сотрудниками могут управлять в процессе активной цифровизации предприятия эгоистические мотивы. Работники опасаются личных потерь (увольнение, приход в организацию новых перспективных сотрудников, снижение уровня зарплаты и др.). Такие причины, как правило, не способны заставить полноценно противостоять инновациям, но успешно собирают группы недовольных сотрудников. Впоследствии внесенные руководством корректировки работы и новшества могут оказаться не слишком эффективными. Когда сотрудники не видят пользы от предыдущих новшеств, но четко понимают убытки от задуманного руководителем, возникает причина для отказа от следования новым требованиям.

В тех организациях, где с сотрудниками не ведется открытого диалога, возможен конформизм. Отказ от принятия реформ в сфере цифровой трансформации в таком случае грозит увольнением, лишением премии, созданием тяжелой психологической атмосферы. Естественно, приказ от вышестоящего руководства выполняется, но недовольство в коллективе при этом нарастает.

Наличие в коллективе реформаторов и противников цифровизации производственных процессов может повлечь за собой отсутствие сплоченности, что не позволит предприятию двигаться вперед, а силы работников будут направлены на дрязги и выяснения отношений. Подобное сопротивление может перерасти в открытые межличностные конфликты в коллективе, поэтому важно проводить корпоративные собрания с целью решения непонимания.

Безусловно необходимость внедрения цифровизации продиктована реальной жизнью, но, тем не менее, на предприятии не будет стоящего результата без поддержки идей руководства со стороны большинства. Даже выполнив приказ о цифровой трансформации производственных процессов, коллектив в скором времени вернется к старому, привычному плану действий. Только открытое и честное общение между руководством и подчиненными, объяснение целей нововведений позволят коллективу проникнуться идеей улучшения организации. Поэтому руководителю, столкнувшемуся с сопротивлением сотрудников по поводу цифровой трансформации предприятия, необходимо выяснить причины такого отношения к данному процессу и, ликвидируя их, наладить производственные процессы внутри организации.

Многие люди боятся, что в изменившихся реалиях они могут остаться без рабочих мест. Для внедрения изменений чаще всего нужны новые компетенции. В связи с этим у руководства есть два пути – брать специалистов, которые уже обладают необходимыми навыками для осуществления цифровой трансформации предприятия, или обучать и развивать существующий персонал. Стоит признать, что первый вариант руководители

выбирают не так уж и редко. Начать работать по-новому со старыми сотрудниками не всегда просто.

В связи с вышеизложенным, руководителю предприятия, на котором предполагаются процессы цифровизации, в новых условиях нужно стараться сохранить то, что уже хорошо работает. Одним из распространенных искушений для реформатора является желание рушить все до основания, чтобы построить «новый мир». Но есть риск уничтожить то, что приносит успех, а стремление подогнать всех под один уровень демотивирует сотрудников, которые трудятся эффективно.

Чтобы создать условия для успешного прохождения цифровой трансформации на предприятии, нужно своевременно донести ее ценность до сотрудников. Это обеспечит доверие к предстоящему процессу и его внутреннюю поддержку. К цифровой трансформации персонал должен быть готов заранее и получить ясную структурную схему и план перехода.

Любому руководителю важно демонстрировать уважение к предыдущим заслугам, опыту и квалификации сотрудников, а также бережно относиться к выстроенным человеческим взаимосвязям. Стоит отметить, что люди на местах знают много подводных камней и могут предложить хорошие идеи. А все внедренные изменения необходимо закреплять на уровне корпоративной культуры.

Актуальность цифровой трансформации, как на уровне отдельного предприятия, так и на уровне целых отраслей экономики формирует нарастающий интерес к проблемам и возможностям, рискам и выгодам, которые становятся возможными в рамках цифровой экономики.

Для способствования более активному переходу предприятия к цифровой трансформации необходимо наличие четко выстроенной стратегии и дорожной карты, в которой будут учитываться абсолютно все проблемы и ограничения. В связи с этим актуальной задачей в настоящее время является необходимость создания единого научно-методического обеспечения реализации цифровой трансформации предприятия. Только наличие универсального подхода к сущности, специфике и потенциалу цифровизации производственных процессов будет содействовать успешному развитию цифровой сферы.

Список использованных источников

1. Об утверждении Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы»: постановление Сов. Мин. Респ. Беларусь 2 февр. 2021 г. № 66. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 05.02.2021, 5/48755. 61 с.

Румянцева Елена Владимировна – преподаватель отдела воспитательной работы с молодежью, Белорусская государственная академия связи, ovrm.bgas@mail.ru

УДК 32:004.738.5

А. А. Савельева, А. А. Швидкий

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК СОЗДАНИЯ И МЕТОДОВ РЕАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА В РОССИИ И ЕС

A. Savelieva, A. Shvidkiy

STUDY OF THE PREREQUISITES FOR THE CREATION AND METHODS OF DIGITAL SOVEREIGNTY IMPLEMENTATION IN RUSSIA AND THE EU

В настоящей статье предпринята попытка формулирования определения понятия «информационно-технологический суверенитет» и составления контрольного списка

проверки полноты такого суверенитета. Сформированы перспективные направления и меры его укрепления в РФ. Помимо этого, выполнено сравнение мотивации или предпосылок создании цифрового суверенитета в РФ и в ЕС, а также проанализированы методы его реализации.

Ключевые слова: информационная безопасность, цифровой суверенитет, управление интернетом, информационно-коммуникационные технологии.

This article attempts to formulate a definition of "information technology sovereignty" and to compile a checklist for verifying the completeness of such sovereignty. Promising directions and measures to strengthen it in the Russian Federation have been formed. In addition, a comparison was made of the motivation or prerequisites for the creation of digital sovereignty in the Russian Federation and in the EU. The methods of its implementation were analyzed.

Keywords: information security, digital sovereignty, Internet governance, information and communication technologies.

Основными задачами настоящей статьи является изучение особенностей применения понятия «суверенитет» в цифровой сфере, а также исследование предпосылок создания и методов его реализации. Отправной точкой исследования является рассмотрение (в рамках отдельной работы) существующих подходов и моделей управления Интернетом, поскольку при реализации таких моделей так или иначе возникает вопрос осуществления принципов цифрового суверенитета. В заре развития Интернета было распространено мнение, что глобальная сеть преодолевает государственные границы и разрушает данный принцип. Однако современные реалии ставят под вопрос данное утверждение [1].

В первую очередь, необходимо сфокусироваться и дать одно из возможных определений цифрового суверенитета как информационно-технологического суверенитета. Так видится целесообразным предложить следующее определение такому понятию (расширив и уточнив одно из существующих): информационно-технологический суверенитет – способность государства самостоятельно определять информационную и технологическую политику, независимо и эффективно управлять информационными потоками на своей территории, администрировать и оберегать персональные данные и иную чувствительную информацию, основанная на использовании национальных программных продуктов, технологиях национальной разработки, а также локализованных технических средств передачи данных и обеспечениях их информационной безопасности. При этом безопасной степенью локализации следует считать локализацию в размере не менее 85 %.

Стоит также отметить, что выделяют такие понятия как цифровой суверенитет, технический суверенитет, суверенитет данных, информационный суверенитет, коммуникационный суверенитет, а также компьютерный суверенитет. Концепция суверенитета как такового была рассмотрена профессором Константином Арсеньевичем Панцеревым на одной из открытых лекций в рамках Летней школы по управлению Интернетом, в которой использовались понятия цифрового и информационного суверенитетов. В целом, анализируя материалы источников [2–4] видится целесообразным в дальнейшем остановиться на понятии цифрового суверенитета, как наиболее широкого. В сформулированном выше понятии именно информационно-технологического суверенитета была предпринята попытка отразить именно две составляющие – информационную и технологическую соответственно.

Следующим этапом исследования определено формирование «чек-листа», по которому возможно определились, насколько полным является информационно-технологический суверенитет. В настоящей работе было принято решение дополнить практически существующий, косвенно разработанный Игорем Станиславовичем Ашмановым – положения, которые были упомянуты в одном из его докладов, и которые возможно взять за отправную точку в вопросе формирования такого листа, дополнив некоторыми принципами, заложенными в Стратегии Национальной Кибербезопасности

США (2018). Пример данного документа выбран неслучайно, поскольку США обладают практически полным цифровым суверенитетом, при этом не прибегают к концепции Китая.

Таким образом, возможно выделить следующие составляющие «идеального» информационно-технологического суверенитета, по которые могут быть основой контрольного списка:

1) собственные аппаратные платформы и оборудование, в том числе и сетевое;

2) собственные или контролируемые программные платформы и ПО, в том числе и мобильные;

3) собственные технические средства обеспечения информационной безопасности, борьбы с киберпреступностью, строгая отчетность об инцидентах;

4) собственные локализированные производства (обеспечения замкнутого цикла обеспечения производства платформ, оборудования и ПО);

5) собственные медийные структуры СМИ, ТВ и Интернета (соц.сети, видеохостинги, платформы блогов и т. д.);

6) собственная Интернет-инфраструктура;

7) собственная динамичная и устойчивая цифровая экономика;

8) атрибуция и сдерживание неприемлемого поведения в информационном пространстве.

Оценивая полноту информационно-технологического суверенитета у России, стоит отметить, что в последние годы было направлено множество усилий по его формированию, особенно в вопросах импортозамещения оборудования и программных средств (серверы Эльбрус, сетевое оборудование Элтекс, IP-шифраторы Заслон-С и другое отечественное оборудование защиты информации, ГЛОНАСС, системы 1С и т. д.), а также медийных структур (Rutube, сервис КиноПоиск, Яндекс.Дзен и т. д.). Более того в 2019 году вступил в силу Федеральный закон, предусматривающий создание национальной системы маршрутизации интернет-трафика, инструментов централизованного управления и других, который является серьезной предпосылкой для создания собственной независимой Интернет-инфраструктуры.

Однако уровень производства процессоров и микросхем, а также сетевого оборудования сегодня в России еще не может ответить всем потребностям и вызовам информационно-технологического суверенитета государства. Российская цифровая инфраструктура характеризуется также относительно небольшим количеством существующих медийных структур, если оценивать в совокупности – пока на достаточно низком уровне находится их развитие и вовлеченность пользователей. Программа «Цифровая экономика РФ» начала формироваться с 2017 года, на данный момент существует национальный проект на период с 2019 по 2024 годы – так возможно заключить, что Россия – страна с молодой цифровой экономикой, которая находится на этапе развития и становления. Таким образом, основной отличительной особенностью российской технической базы по обеспечению информационно-технологического суверенитета является неравномерность и фрагментарность развития её компонентов.

Безусловно такой суверенитет России не является нулевым, но и полным его назвать затруднительно, очевидно он нуждается в укреплении. В качестве мер укрепления информационно-технологического суверенитета России возможно предложить следующие:

1) содействие развитию научно-технологического потенциала, в том числе в вопросах грантового стимулирования научной деятельности (со строгой отчетностью), защиты изобретательской деятельности (упрощенный процесс патентования), иные формы мотивирования;

2) содействие локализации производств (субсидирование модернизации производств, предоставление налоговых льгот производителям и т. д.);

3) расширение федеральных сетей и укрепление безопасности критически важной инфраструктуры;

4) содействие формированию цифровой экономики, безусловная реализация планов национального проекта;

5) развитие исключительных человеческих ресурсов, подготовка высококвалифицированных кадров с цифровыми компетенциями;

6) повышение киберстабильности через нормы ответственного поведения государства, обеспечение правового фундамента развития информационной сферы, обеспечивающим организационные, законодательные и экономические условия и гарантии безопасного эволюционного процесса;

7) сокращение цифрового неравенства на территории РФ, вместе с тем – продвижение открытого, интероперабельного, надежного и безопасного Интернета, развитие контента на русском языке, национализированных доменных имен и т. д.

Так или иначе, вопрос создания цифрового суверенитета связан с мотивами укрепления позиций на международной арене, обеспечения информационной безопасности и экономической стабильности. При этом возможно разделить предпосылки для фокуса на создании цифрового суверенитета в России и в ЕС, а также методы его реализации.

Относительно ЕС возможно отметить обеспокоенность доминированием влияния США в вопросах управления Интернетом, снижающимся влиянием европейского бизнеса в сфере ИКТ, а также острую необходимость обеспечения информационной безопасности, особенно в вопросах конфиденциальности информации при формировании виртуальной Сети Шенген, а также в целом контроле «данных» в пределах государства. Среди методов реализации в основном правовые – формирование в 2020 Европейской цифровой стратегии, направленной на укрепление «цифровых границ» ЕА, введение законов и серии директив о защите персональных данных, одна из которых обязует компании интернет-индустрии хранить персональные данные пользователей из стран ЕС на территории стран-участниц, введение цифрового налога для ИТ-гигантов и другие.

В целом Европа характеризуется тенденцией к максимальному нормативно-правовому регулированию информационных отраслей, что было очевидно при рассмотрении вопросов управления Интернетом. Методы направлены на усиление политического и экономического потенциала Союза, тогда как в научно-технологическом плане наблюдается отставание от США и глобальных программ по сокращению разрыва ЕС пока не запланировано. Возможно привести следующее объяснение – последнее время рынок ИТ в Европе укрепил свои позиции, также стабильны исследования и разработки научных организаций (стоит привести в пример деятельность Европейского исследовательского совета – ERC/ERA). По оценкам европейской венчурной компании Atomico, хотя Европа по-прежнему отстает от США по вложениям в ИТ-сферу в 5 раз, объем институциональных денег, поступающих в венчурный капитал, за последние 5 лет вырос в 3 раза. В результате 24 крупнейшие технологические фирмы Европы создали сеть из более чем 3000 учредителей новых компаний.

Россию и ЕС объединяют обеспокоенность зависимостью от доминирующих ведущих игроков сферы ИКТ, однако отсутствие подлинной поддержки в вопросах сотрудничества и разработки единых стандартов, усугубляемое условиями санкционной политики, является для РФ дополнительной мотивацией в формировании цифрового суверенитета. Аспект укрепления национальной безопасности РФ обусловлен необходимостью нивелирования не только внешнего, но и внутреннего воздействия.

Методы реализации цифрового суверенитета у России в целом аналогичные ЕС, но поскольку наблюдается определенное экономическое отставание, работа по формированию такого суверенитета ведется сразу во многих направлениях. Отсутствие узкого фокуса является отдельным сдерживающим фактором в данном вопросе.

Одновременно реализуется метод нормативно-правового регулирования, поддержки научно-технологического развития (целевыми программами, гос.закупками, фондами грантов и т. д.), а также комплексом мероприятий Национальной программы Цифровая экономика РФ по различным направлениям (кадры для цифровой экономики, цифровое государственное управление, искусственный интеллект и т. д.).

Резюмируя, возможно отметить – цифровой суверенитет является мировой тенденцией. По совокупности рассмотренного в настоящей статье цифровой суверенитет является многогранной теоретической и практической проблемой, успешное разрешение которой возможно только путем комплексного решения многоотраслевых задач, в том числе прямо не относящихся к ИТ и коммуникационной индустриям.

Список использованных источников

1. *Курбалийя, Й.* Управление Интернетом. 2016. 197 С.

2. *Фальцман, В. К.* Технологические суверенитеты России. Статистические измерения / В. К. Фальцман // Современная Европа. 2018. №3. С. 83–91.

3. *Котюр, С., Тоупин С.* Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций. 2020. Т.15. № 4. С. 48–69.

4. *Панарин, И. Н.* Коммуникационный суверенитет России / И. Н. Панарин // Обзор. НЦПТИ. 2013. №2. С. 8–12.

Статья представлена научным руководителем, кандидатом технических наук., доцентом, заведующим кафедрой инфокоммуникационных систем СПбГУТ А. А. Зарубиным

Савельева Анастасия Андреевна – аспирант, ассистент кафедры инфокоммуникационных систем, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, saa@spbgut.ru

Швидкий Артем Александрович – начальник научно-образовательного центра «Программно-определяемые системы», ведущий инженер группы передачи данных и вычислительных ресурсов СПбГУТ, shvidkiy@sut.ru

УДК 32:004.738.5

А. А. Савельева, А. А. Швидкий

КРАТКИЙ ОБЗОР ПОДХОДОВ И МОДЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТОМ

A. Savelieva, A. Shvidkiy

A BRIEF OVERVIEW OF APPROACHES AND MODELS OF INTERNET GOVERNANCE

В статье рассматривается актуальная тематика управления Интернетом, обладающая многообразием подходов к управлению и моделями реализации. В данной работе предпринята попытка обобщения существующих мнений и выводов, кратко изложены наиболее часто рассматриваемые аспектов, отражаемые при анализе данной тематики, которые должны быть неотъемлемой частью «идеальной» модели Интернета. Сопутствующей целью настоящей статьи является стремление в популяризации столь важной тематики.

Ключевые слова: управление интернетом, регулирование интернета, цифровой суверенитет.

The article discusses the current topic of Internet governance, which has a variety of approaches to management and implementation models. This paper attempts to generalize existing opinions and conclusions, summarizes the most frequently considered aspects, reflected in

the analysis of this topic, which should be an integral part of the "ideal" model of the Internet. A related goal of this article is to strive to popularize such an important topic.

Keywords: internet governance, internet regulation, digital sovereignty.

Управление Интернетом – тема, стоящая на повестке дня в международных отношениях, новая область мировой политики, актуальность разрешения вопросов которой является бесспорной в контексте современных реалий. Аналитический инструментарий управления Интернетом, являясь по своей сути глобальным набором реализуемых функций, тем не менее, в любом случае, фундаментально базируется на применяемых в нем подходах и моделях управления, которые и формируют определенный политический курс.

В данной работе предпринята попытка обобщения существующих мнений и выводов в целях изложения наиболее часто рассматриваемых аспектов, отражаемых при анализе данной тематики, которые должны быть неотъемлемой частью «идеальной» модели Интернета. Сопутствующей целью настоящей статьи является стремление в популяризации столь важной тематики.

В первую очередь, для достижения поставленной цели необходимо определить подходы (или принципы) и модели управления Интернетом, затем разделить теоретические модели и практически существующие, сделать предположение о том, какими характеристиками должна обладать «идеальная» модель управления Интернетом.

В качестве подходов к организации процесса управления Интерном чаще всего определяются мультистейкхолдерный и/или многосторонний принципы. Стейкхолдеры управления Интернетом включают национальные правительства, международные организации, техническое и научное сообщество, представителей бизнеса и общественности. Деятельность стейкхолдеров безусловно связана с преследованием собственных интересов, которые к примеру бизнес организации могут отстаивать для достижения выгоды конкретных компаний, однако наличие представителей со стороны разработчиков и пользователей обеспечивает наибольшую эффективность такой деятельности и сдерживает процесс лоббирования.

Как альтернатива такого подхода часто обсуждается передача вопросов управления Интернетом только государственным организациям, но в данном случае такая условная монополия управления может быть губительной для развития Интернета, поскольку не будет учтены разносторонние мнения заинтересованных участников обсуждений. В противовес этому мнению многие приводят утверждение, что монополия обладает возможностями для ускорения научно-технического прогресса, повсеместного контроля и управления, а также для обеспечения максимальной согласованности действий.

Необходимость сохранения и расширения института стейкхолдеров обусловлена положительным влиянием на систему Интернета в целом, поскольку такие организации регулируют и упорядочивают различные аспекты развития и использования Интернета, к примеру, инфокоммуникационных технологий Интернета, информационной безопасности, открытости Интернета и т. д. Обособленно техническое сообщество достаточно велико, в основном сфокусировано на вопросах стандартизации и сертификации, в связи с чем иногда встречаются проблемы несогласованности действий. Таким образом, целью процессов с участием широкого круга различных стейкхолдеров является содействие организации, согласованности действий по принятию более эффективных решений за счет непрерывного диалога и достижения консенсуса между участниками.

В настоящий момент чаще всего выделяют пять типов общих или теоретических моделей управления Интернетом [1, 2]. Первая модель основана на взгляде на Интернет как на самоуправляемую область личной свободы, неподконтрольную правительству. Вторая модель берет за отправную точку изначально трансграничный характер Интернета и рассматривает транснациональные, частные консорциумы или международные организации, основанные на договорных соглашениях, как наиболее

важные институты для управления Интернетом (к данному типу чаще всего применимы мультистейкхолдерный и многосторонний походы). Третья модель основана на представлении о том, что многие регулирующие решения принимаются кодом и архитектурой Интернета (в процессе реализации идеи данной модели также возможны мультистейкхолдерный и многосторонний подходы, однако сфера деятельности заинтересованных участников, скорее всего, является исключительно технической или возможно участие представителей научного сообщества). Четвертая модель основана на идее о том, что по мере роста значения Интернета фундаментальные регулирующие решения будут приниматься национальными правительствами посредством правового регулирования. Наконец, существует модель рыночного регулирования и экономики, которая предполагает, что рыночные силы определяют фундаментальные решения о природе Интернета (аналогично комментарию выше – вероятнее всего может предполагаться участие множества представителей соответствующего сообщества).

Как указано в начале, данные модели являются теоретическими, объединяющими набор идей и принципов. Фактически существующие модели являются гибридными и относительно упрощенными. Так по другой типологизации выделяют три актуальные модели [3]:

– американская модель: отдает приоритет свободному рынку через свои крупные технологические транснациональные корпорации (Facebook, Google, Microsoft и др.), концентрируя данные, которые становятся кибернетическими ресурсами власти;

– европейская модель: создание строгих экстерриториальных правил (под контролем Европейского союза), затрагивающих американские компании;

– китайская модель: авторитарный интервенционизм допускает ограничение на вход иностранных компаний, в то время как крупные транснациональные корпорации на технологическом рынке созданы за пределами социально-экономического слоя.

Выделяют также четвертую актуальную модель – индийскую, отличающуюся строгими регуляторами и акцентом на Jio (телекоммуникационная компания-монополист). Компания обладает достаточным влиянием, чтобы воздействовать на правительство, контролировать Интернет и зарабатывать на продаже услуг, данных и технологий.

Основываясь на актуальных материалах [4], сегодня наиболее полно отражают текущую ситуацию мультистейкхолдерный и многосторонний походы (оба, поскольку они перекликаются между собой, а в ряде источников являются синонимичными). В идеале наличие множества сторон и заинтересованных участников должно придать обсуждаемым вопросам всю полноту мнений, учитывая которые можно добиться консенсуса. Видится возможным объединить данными подходами как американскую (в которой уже упомянуты крупные технологические компании), так и европейскую модели (не исключающую наличие различных объединений, участвующих организацией). Однако на сегодняшний день все усилия и диалоги направлены на максимизацию выгод и минимизацию ущерба для общества, что является не совсем верным направлением. В вопросах управления Интернетом речь не должна идти только о выгоде в коммерческом понимании, а о всеобщем благе, которое само собой является труднодостижимым, но при этом приоритетным. Возрастающее влияние государственных политик на стороны и участников приводит к тому, что спрос на международное сотрудничество растет, в связи с предпринимаемыми попы татками поддержки собственных предложений компаний, а значит и предложений конкретного государства (в особенности это заметно на примере американской модели). Одновременно, согласно одному из заявлений И. О. Щёголева [5]: «Доминирование транснациональных интернет-компаний ведёт к монополизации рынков, государственные границы которых не определены». Данное утверждение кажется правдоподобным и означает, что увеличение количества таких заинтересованных участников только усугубит ситуацию.

Европейская модель самая неопределённая по мнению аналитика Бена Томпсона [6], в интервью он использует слово «зарегулированная», что достаточно четко определяет данную модель – постоянные запреты без каких-то инициатив по развитию своего рынка приводят к статусу, где деньги важнее инноваций. Пример европейской модели является показательным. Напротив, полностью автономная китайская модель управления Интернетом также находит много критики, однако существует мнение, что без радикальных мер в отношении Интернета у данного государства не наблюдался бы такой технологический прогресс. Такой эффект (в случае его реально существования) достижим только при определенном подходе, вероятно – радикальном, иначе неизбежны последствия европейской модели.

Кажется очевидным, что ни одна из существующих моделей не охватывает все аспекты управления Интернетом и не предлагает решения всех проблем, возникающих в результате управления Интернетом. Однако согласно данным международной организации the Internet Society (ISOC) [7] многосторонний подход является наиболее правдоподобным и действенным по ряду причин, одна из которых – такой подход отлично сочетается с существующими структурами повышения качества результата и имеет перспективы усовершенствования. В материале также предложены механизмы совершенствования процесса принятия решений в рамках данного подхода: должны быть четко определены цели и произведен контроль их соблюдения, должны строго соблюдаться атрибуты многостороннего управления, один из которых – конечность и реальная применимости результатов договоренностей.

Обращаясь к вопросу формирования «идеальной» модели, наиболее перспективным кажется сочетание нескольких идей с сохранением усовершенствованного многостороннего подхода. Так необходимо принимать во внимание и идеи третьей модели (основанной на коде и архитектуре Интернета), четвертой (правовое регулирование должно исходить на основе государственных решений) и пятой (заключающей необходимость рыночного регулирования). Будущая модель должна быть гибридной и многонаправленной, в первую очередь направленной на гуманитарное развитие человечества, особое внимание стоит уделять социальным сетям как источнику многих споров и проблем, а её правовое регулирование должно быть ориентировано на достижение и соблюдение баланса интересов всех участников отношений (в том числе и пользователей). Такой принцип может быть реализован опосредованным правовым регулированием Интернета – через усовершенствование действующих отраслевых законодательств в сфере каждого из его участников.

Таким образом, должен получиться симбиоз всех существующих моделей, в том числе и китайской. Данная модель может быть использована исключительно в качестве резервного варианта, подключаемого в случае чрезвычайного внешнего воздействия на уровне государства. Отдельно стоит подчеркнуть, что такой вариант должен рассматриваться как государственная коммуникационная сеть, обеспечивающая, в том числе, реализацию государственных решений и услуг в чрезвычайных ситуациях.

Список использованных источников

1. *Bygrave L. A., Bing J.* Internet Governance: Infrastructure and Institutions // Published to Oxford Scholarship Online. 2009.

2. *Solum L. B.* Models of Internet governance // Illinois Public Law Research Paper. 2008. № 07–25.

3. *Pigatto J. T.* The Internet Governance Paradox // Sao Paulo State University (UNESP), Brazil. 2020.

4. The multi-stakeholder participation in WSIS and its written and unwritten rules. – URL: https://www.itu.int/net/wsis/basic/multistakeholder.html

5. Статья по итогам открытия Первого российско-китайского форума по вопросам развития и безопасности ИКТ, 2016. – URL: http://d-russia.ru/igor-shhyogolev-mnogostoronnya-model-

upravleniya-internetom-imeet-pravo-na-sushhestvovanie-no-gosudarstva-ne-dolzhny-ostavatsya-minoritarnymi-akcionerami.html (дата обращения: 20.10.2021).

6. Четыре сети со своими правилами ведения бизнеса. 2020. – URL: https://vc.ru/story/144304-chetyre-seti-so-svoimi-pravilami-vedeniya-biznesa-chem-otlichaetsya-razvitie-interneta-v-indii-ssha-kitae-i-evrope (дата обращения: 20.10.2021).

7. Управление Интернетом. Почему принцип многостороннего управления работает. – URL: https://www.internetsociety.org/wp-content/uploads/2016/04/IG-MultiStakeholderApproach-RU.pdf (дата обращения: 20.10.2021).

Статья представлена научным руководителем, кандидатом технических наук, доцентом, заведующим кафедрой инфокоммуникационных систем СПбГУТ А. А. Зарубиным

САВЕЛЬЕВА Анастасия Андреевна – аспирант, ассистент кафедры инфокоммуникационных систем, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, saa@spbgut.ru

ШВИДКИЙ Артем Александрович – начальник научно-образовательного центра «Программно-определяемые системы», ведущий инженер группы передачи данных и вычислительных ресурсов СПбГУТ, shvidkiy@sut.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБЫЯКАЯ Олеся Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, olesya_vik@mail.ru

АЛЁШИН Алексей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, alexis001@mail.ru

АЛИЛОВА Джульетта Гаджиевна – доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка в сфере востоковедения и африканистики, Санкт-Петербургский государственный университет, alilovaj2003@yahoo.com

АСТАФЬЕВА-Румянцева Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, rina.astafjewa@yandex.ru

БЕКШАЕВА Наталия Эдуардовна – специалист по учебно-методической работе, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, istgf@mail.ru

БЕЛОВА Елизавета Васильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, limax3@yandex.ru

БИКТИМИРОВА Регина Ришатовна – магистрант, «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», reginabik98@gmail.com

БУЛАТОВА Анастасия Борисовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Санкт–Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, bulatova25a@gmail.com

БУСОВ Сергей Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, swbusoff@mail.ru

ВЕЛЬМЯКИНА Светлана Сергеевна – ассистент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, s.velmiakina@mail.ru

ВЯЗЬМИН Алексей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, isvaradesa@yandex.ru

ГАЛИЕВА Татьяна Ринатовна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, gtanyar@mail.ru

Сведения об авторах

ГЕХТ Антон Борисович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, a.geht@yandex.ru

ГОРШКОВА Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций имени проф. М. А. Бонч-Бруевича, gorshkova.e@gmail.com

ЕНИКЕЕВА Екатерина Михайловна – магистрант 2-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, kat98@bk.ru

ЖАДАН Роман Алексеевич – студент 4-го курса факультета социальных цифровых технологий, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, zhadan_2000@bk.ru

ЖЕЛТОВА Елена Петровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, elena_gzheltova@mail.ru

ЗЕМЛЯКОВА Ксения Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, ksu-zemlyakova@mail.ru

ИВАНОВА Анна Михайловна – магистрант 1-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет, anyuta9911@gmail.com

ИВАНОВА Виктория Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, victoriia-888@yandex.ru

ИЗМОЗИК Владлен Семенович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, izmozik@mail.ru

КИРЬЯНОВА Наталия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Связи с общественностью», Санкт-Петербургский Государственный электротехнический университет (ЛЭТИ), 10marta@inbox.ru

КИСЕЛЕВА Людмила Сергеевна – доктор социологических наук, доцент кафедры полиграфического оборудования и управления, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, kiseleva-l@mail.ru

КОСОРУКОВ Артем Андреевич – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политического анализа факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, kosorukov@spa.msu.ru

КОТЛЯРОВА Анна Андреевна – старший преподаватель кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, cotlyarova.ania@yandex.ru

КУЗИНА Оксана Евгеньевна – преподаватель, Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал, okkuzina93@rambler.ru

Сведения об авторах

КУЗНЕЦОВА Екатерина Игоревна – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, kuznetsova13@ya.ru

КУЗНЕЦОВА Людмила Павловна – учитель истории и обществознания высшей категории в Государственном бюджетном общеобразовательном учреждении школа №500 Пушкинского района Санкт-Петербурга, kuznetsovaludmila05@gmail.com

КУЗЬМИН Алексей Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении, Санкт-Петербургский государственный университет, a.e.kuzmin@spbu.ru

КУЗЬМИНА Анна Владиславовна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Санкт- Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, kuzminaaina201@yandex.ru

КУЛИК Диана Анатольевна – педагог-психолог, Екатеринбургская школа-интернат № 11, kulik_dianochka@bk.ru

КУЛИКОВА Марина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в сфере филологии и искусств, Санкт-Петербургский государственный университет, m.kulikova@spbu.ru

КУЛЬНАЗАРОВА Анастасия Витальевна – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, av-spn@ya.ru

КУРГАНОВА Екатерина Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна, Воронежский государственный университет, победитель Стипендиальной программы Благотворительного фонда В. Потанина 2018/2019, kurganova1979@mail.ru

КУТУЗОВА Злата Дмитриевна – магистр, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, belovedanubis@yandex.ru

ЛЕВИНА Олеся Михайловна – старший преподаватель кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Московский городской педагогический университет, olesya.levina@gmail.com

ЛЕВЧУК Светлана Юрьевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, slevchook@mail.ru

ЛЕЙБЕНСОН Юлия Тарасовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; доцент кафедры истории и международных отношений, филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в Севастополе, beylegamarnik@yandex.ru

ЛЬВОВА Ольга Леонидовна – магистрант 2-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, olyalions@gmail.com

Сведения об авторах

МАЛЬЦЕВА Ольга Львовна – кандидат военных наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, malcevakvn@mail.ru

МАЛЬЧЕНКОВА Анна Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, palzu73@gmail.com

МАРИНСКАЯ Александра Павловна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, a.marinskaya@mail.ru

МАРШЕВА Наталия Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, nmarshevaspb@gmail.com

МАРШЕВА Наталия Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, nmarshevaspb@gmail.com

МИРЗОЯН Ирина Эдуардовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, irinamirz@mail.ru

МИХАЙЛОВ Василий Дмитриевич – студент 1-го курса магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича; kubeukeko@gmail.com

МОЛЧАНОВ Александр Павлович – магистрант 1-го курса, редактор отдела аудиотехнологий научно-образовательного центра «Медиацентр», Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, cach22a@yandex.ru

МОЛЧАНОВА Татьяна Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, molchanova_tania@mail.ru

НАУМОВ Дмитрий Иванович – кандидат социологических наук, доцент, ученый секретарь, Белорусская государственная академия связи, cedrus2014@mail.ru

НЕРОВНЫЙ Артём Викторович – старший преподаватель кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, art830@yandex.ru

НЕСТЕРОВА Марина Валерьевна – ассистент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, spn.gf-spbgut@mail.ru

ОВЧИННИКОВ Николай Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Отечественной истории, политологии и социологии, государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова», nnovch@mail.ru

ОВЧИННИКОВА Елена Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, egovc@mail.ru

Сведения об авторах

ОСИПОВ Владимир Сергеевич – доктор экономических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, vs.ossipov@gmail.com

ОСТРОВЕРХИЙ Сергей Михайлович – старший научный сотрудник, Научно-исследовательская лаборатория Военной академии связи им. Маршала Советского Союза С. М. Буденного, ostrov61@yandex.ru

ПАРАМОНОВА Марина Ильинична – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, paramonova_mi@mail.ru

ПАРФЕНОВ Дмитрий Дмитриевич –магистрант 1-го курса, инженер НПП «АО Иста-Системс», Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, dm1parf@gmail.com

ПЕРЕВОЗЧИКОВА Варвара Алексеевна – преподаватель кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, greenapple2509@mail.ru

ПОТАПЕНКО Тимофей Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, potapenkoteo@mail.ru

РУДЕНКО Юлия Валерьевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, ju.an@inbox.ru

РУМЯНЦЕВА Елена Владимировна – преподаватель отдела воспитательной работы с молодежью, Белорусская государственная академия связи, ovrm.bgas@mail.ru

РЯЗАНЦЕВА Елена Андреевна – кандидат исторических наук, доцент, главный специалист отдела научно-образовательной работы Комитета Санкт-Петербурга по делам Арктики, ryazantceva@arkt.gov.spb.ru

СЕЙТУМЕРОВ Роман Расимович – преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, romans829seyt@gmail.com

СЕЛИВЁРСТОВ Виктор Леонидович – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, svict1@yandex.ru

СЕРЕБРЯКОВА Светлана Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, c_ssg@bk.ru

СИАППОНИ Ян Мишельевич – магистрант 2-го курса, кафедра истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, yannson1997@bk.ru

СКАЛАЦКИЙ Владислав Юрьевич – магистрант 2-го курса, кафедра истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, mr.skalatskiy@yandex.ru

Сведения об авторах

СОБОЛЬ Лада Константиновна – студентка образовательной программы «Школа бизнеса», Санкт-Петербургский государственный университет, lada-sobol@yandex.ru

СОЛОВЬЁВ Кирилл Анатольевич – старший преподаватель, кафедра социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, SCA1@yandex.ru

СОЛЯНКО Любовь Андреевна – магистрант 2-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, mila35m33@mail.ru

САВЕЛЬЕВА Анастасия Андреевна – аспирант, ассистент кафедры инфокоммуникационных систем, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, saa@spbgut.ru

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич – магистрант 1-го курса, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, ispbandrei@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Татьяна Валерьевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, tetiana-stv@mail.ru

ТАНАШЕВ Султан Русланович – магистрант 1-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича; tanashev@inbox.ru

ТАТАРНИКОВА Ирина Михайловна – аспирант кафедры безопасности информационных систем, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича

ТЕНЕРЯДНОВА Светлана Павловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, steneryadnova@mail.ru

ТЕРЕНТЬЕВ Вячеслав Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории, политологии и социологии, государственный университет морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова, terehv@mail.ruc

ТЕРЕНТЬЕВА Екатерина Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, e.a.terenteva@bk.ru

ТИХОНОВА Ирина Алексеевна – магистрант 2-го курса, факультет коммуникаций, медиа и дизайна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», iatikhonova@edu.hse.ru

ТОКАРЕВА Ксения Дмитриевна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, ksenia_tokareva88@mail.ru

ТУМАКОВ Денис Васильевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России, denistumakov@yandex.ru

Сведения об авторах

ФАТЕМЭ Хедари Монфаред– магистр, направление «Туристический менеджмент», iranebas-tan00@gmail.com

ФАТЬКИНА Елизавета Игоревна – магистр, независимый исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича

ФЕДОРЕНКО Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедры регионоведения факультета иностранных языков и международной коммуникации ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», fedorencoelena@yandex.ru

ФЁДОРОВ Артём Владимирович – магистрант 1-го курса, Институт медиатехнологий Высшей школы печати и медиатехнологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, frostedgun@gmail.com

ФЕДОРОВА Ольга Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, olgamikhailovnafedorova@mail.ru

ФОМИНА Галина Андреевна – магистрант 1-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, gbdrgf@gmail.com

ФРОЛОВА Татьяна Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, tatyanafrolova-work@mail.ru

ХАБЛАК Ирина Александровна – магистрант 2-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, ira6032@yandex.ru

ХОМИЧ Нина Кондратьевна – магистр психологических наук, аспирант, Белорусский государственный университет культуры и искусств, khomich.nina.science@gmail.com

ЦВЕРИАНАШВИЛИ Иван Алексеевич – старший преподаватель кафедры истории и регионоведения, заместитель декана факультета социальных цифровых технологий по практической подготовке, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, ivan.tsver@gmail.com

ЦЕРКОВНИКОВА Наталья Геннадьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры ППиП, Российский государственный профессионально-педагогический университет (РГППУ), nataliya.cerkovnikova@rsvpu.ru

ЦЫГОНЯЕВА Александра Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, tau-85@mail.ru

ЧЕРКАСОВ Дмитрий Геннадьевич – магистрант 1-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, mitya-cher2801@yandex.ru

Сведения об авторах

ЧИЖИК Полина Андреевна – магистрант 1-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, p.chizhik@spbu.ru

ШАБАЛКИН Илья Романович – магистр в области европейских исследований, Варшавский университет.

ШАРОНОВА Виктория Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Челябинский филиал), vsharon@list.ru

ШЕРНЕ Александра Сергеевна – студент 3 курса направления «Управления персоналом», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, sherne2001@mail.ru

ШВИДКИЙ Артем Александрович – начальник научно-образовательного центра «Программно-определяемые системы», ведущий инженер группы передачи данных и вычислительных ресурсов СПбГУТ, shvidkiy@sut.ru

ШУТМАН Денис Валерьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, denis_sh2@mail.ru

ЩЕТИНИНА Дарья Александровна – магистрант 2-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, darya.shchetinina@inbox.ru

ФЕДОРЕНКО Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедры регионоведения факультета иностранных языков и международной коммуникации, Тверской государственный университет, fedorencoelena@yandex.ru

ЭЙДЕМИЛЛЕР Константин Юрьевич – кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры международных гуманитарных связей, Санкт-Петербургский государственный университет, keidemiller@gmail.com

ЮМАШЕВА Ирина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, irma8715@yandex.ru

ЯКОВЛЕВ Александр Алексеевич – магистрант 1-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, push-1602@yandex.ru

ЯНИШЕВСКАЯ Ирина Валентиновна – старший преподаватель кафедры социально-политических наук Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, yanishevskayaiv@yandex.ru

ЯШИНА Ольга Сергеевна – старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Челябинский филиал), yashiolg@yandex.ru

Сборник научно-теоретических статей

ВЕСТНИК
ФАКУЛЬТЕТА СОЦИАЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Санкт-Петербургского государственного
университета телекоммуникаций
им. проф. М. А. Бонч-Бруевича

Материалы конференции преподавателей
на
XXIII Международном Балтийском
коммуникационном форуме

3–4 декабря 2021 г.

Отпечатано с готового авторского оригинал-макета

План издания научной литературы 2021 г., п. 9

Подписано к печати 20.12.2021
Объем 21,5 печ. л. Тираж 80 экз. Заказ 1298
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.

Факультет Социальных цифровых технологий СПбГУТ
https://www.sut.ru/education/fakulteti-i-instituti/gf
www.gf-sut.ru
193232 СПб, пр. Большевиков, д. 22